

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

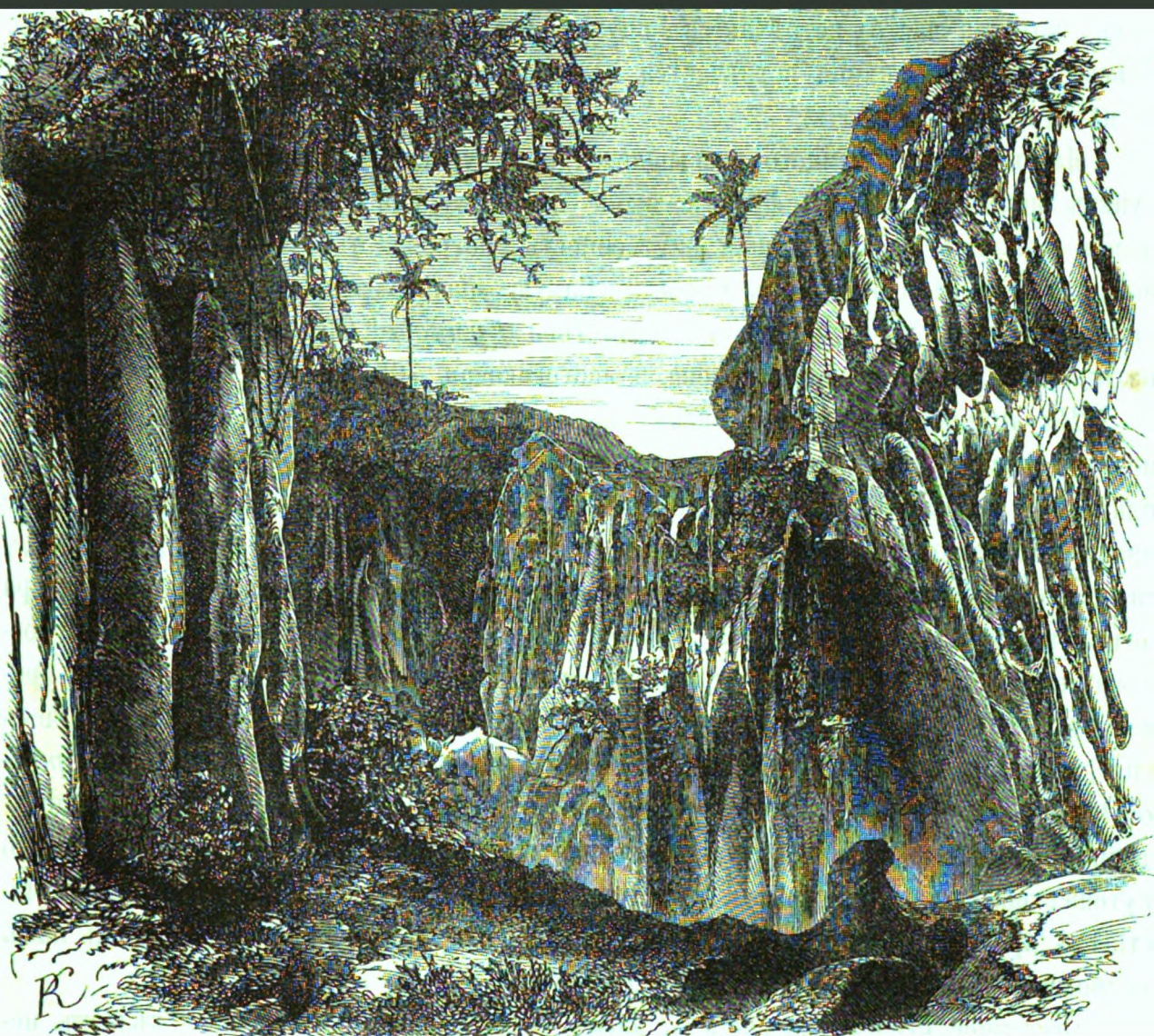
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Путешествіе по Восточной
Африкѣ в 1859-1861 г. ...

Carl Claus von der Decken, Otto Kersten

KG 12749

104-125

Андрей В. Иванов

Дмитрий С. Иванов

Дмитрий

В. Д. Иванов

ЗАНЗИ

Описание

Составил М. В. Иванов

Городъ Свѣтлоградъ. Англійско-Кавказскій каналъ.

Видъ на городъ Свѣтлоградъ.

АРЪ

В. М. Р. Н.

В. М. Р. Н. (С. 100)

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
ВОСТОЧНОЙ АФРИКѢ

ВЪ 1859—1861. ГОДАХЪ,

БАРОНА КАРЛА КЛАУСА ФОНЪ ДЕКЕНЪ.

СОСТАВЛЕНО

Отто Керстеномъ,

БЫВШИИ ЧЛЕНОМЪ ДЕКЕНОВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

**ОСТРОВЪ ЗАНЗИБАРЪ, ПОВЪДКИ КЪ ОЗЕРУ ВИАСА И КЪ СНѢЖНОЙ
ГОРѢ КИЛИМАНДЖАРО.**

СЪ ТАБЛИЦАМИ И РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ПЕРЕВЕДЪ СЪ НѢМЦКАГО А. ОМИРНОВЪ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ, НА КУЗНЕЦКОМЪ МОСТУ, Д. ТОРГЕЦКАГО.

1870.

К 912749

Полиглажи и Литографированные картины одобрены Цензурою 24 Декабря 1869 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второй половинѣ сентября 1860 года, слѣдовательно девять лѣтъ тому назадъ, одинъ нѣмецкій путешественникъ ступилъ на восточно-африканскій берегъ Занзибара, дабы оттуда предпринять географическія изслѣдованія въ обширной неизслѣдованной внутренности африканскаго материка.

Уже нѣсколько столѣтій старались изслѣдовать большой, лежащей столь близко къ Европѣ и однако же столь мало извѣстный, африканскій материкъ съ сѣвера, юга и запада, между тѣмъ какъ на восточный берегъ обращали мало вниманія. Нѣмецкіе миссіонеры, — Крапфъ, Ребманъ и Эргардъ, посѣщавшіе этотъ берегъ, рассказывали о снѣжныхъ горахъ и о громадномъ внутреннемъ морѣ.

О морѣ во внутренней Африкѣ слыхали еще раньше, но что оно такъ громадно, какъ рассказывали миссіонеры, и что неподалеку отъ экватора есть исполинскія снѣжныя горы, — это было уже что-то новое, и непременно должно было надѣлать шума въ географическомъ мірѣ. Цѣлый рядъ ученыхъ путешественниковъ вскорѣ отправился въ эту многообъщающую для изслѣдованія область: во первыхъ англичане Бэртонъ и Спикъ въ 1857 и 1858 гг., потомъ Спикъ съ Грантомъ, и наконецъ Альбрехтъ Рошеръ изъ Гамбурга въ 1859 году.

Въ сентябрѣ 1860 года на эту африканскую территорію вступилъ нѣмецкій путешественникъ, баронъ *Карлъ Клаусъ фонъ-деръ-Декенъ*, человекъ въ лучшей порѣ жизни, съ богатыми частными средствами, какія рѣдко были подъ руками у какого либо нѣмецкаго путешественника, и воодушевленный пылкимъ энтузіазмомъ, стремившимся быть полезнымъ географической наукѣ, пожертвовавшій своимъ общественнымъ положеніемъ, семейнымъ счастіемъ, европейскимъ комфортомъ, богатствомъ, однимъ словомъ всѣмъ, чтобы, такъ сказать, вырвать у чернаго материка часть его тайнъ.

Сколь ни трудно и опасно бываетъ обыкновенно рѣшеніе такихъ задачъ, но все же такой рядъ неудачъ и препятствій, какой выпалъ на долю барону фонъ деръ Декену, былъ удѣломъ только весьма не многихъ путешественниковъ. Но эти неудачи не могли лишить бодрости духа человека столь терпѣливаго и настойчиваго, а только еще болѣе укрѣпляли его предположенія. Четыре раза онъ принимался, съ двумя превосходными парходами, построенными въ Европѣ на его собственный счетъ, найти вѣрный и скорый доступъ къ неизслѣдованной обла-

сти восточной Африки. Но и тутъ вѣрное несчастіе преслѣдовало его, и въ сентябрѣ 1865 года, этотъ готовый на жертвы человекъ, послѣ пяти лѣтъ долгихъ и громадныхъ жертвъ, заплатилъ своею жизнью на поприщѣ германскаго стремленія къ изслѣдованіямъ.

Однако баронъ фонъ деръ Декенъ не былъ призванъ разсѣчь большой гордіевъ узелъ географическихъ проблемъ, совершить великое, составляющее эпоху, путешествіе, сдѣлать блестящія открытія, какъ это удалось на томъ же поприщѣ Бартону и Спикю. Результаты его усилій можно скорѣе считать разработкою географіи, но они тѣмъ не менѣе столько же заслуживаютъ уваженія, какъ и блестящія открытія его сотоварищей на томъ же поприщѣ.

Въ большей части подобныхъ случаевъ со смертію лица дѣйствующаго прекращается и преслѣдованіе цѣли, которой оно посвятило свою жизнь. Въ настоящемъ случаѣ, за умершимъ вскорѣ послѣдовали въ могилу братъ и мать, именно тѣ личности, которыя съ наибольшимъ сочувствіемъ относились къ труженику и къ предмету его стремленій. Но фонъ деръ Декенъ окружилъ себя, въ своихъ путешествіяхъ, единомысленными съ нимъ людьми, при посредствѣ которыхъ его дѣло продолжилось и послѣ его смерти.

Такимъ-то образомъ появилось на свѣтъ и это прекрасное произведеніе. Конечно, это случай рѣдкій, и надо съ благодарностью признать, что отъ Декеновыхъ путешествій, не смотря на то, что они съ начала и до конца были неудачны и несчастливы, осталось для свѣта сочиненіе, во всѣхъ отношеніяхъ столь же тщательно и прекрасно составленное, какъ еслибы самъ путешественникъ былъ еще въ живыхъ.

Истинно хорошее сочиненіе по части путешествій—рѣдкость, трудная, не часто разрѣшаемая задача. Если такое сочиненіе привлекательно, легко читается и занимательно, то оно обыкновенно не имѣетъ большаго значенія въ географическомъ отношеніи; если же оно, напротивъ, богато содержаніемъ, то по изложенію бываетъ сухо и скучно. Предлагаемое нынѣ сочиненіе удачно соединяетъ въ себѣ оба эти хорошія качества. Оно, прежде всего, изображаетъ намъ геройскую борьбу, которую пять лѣтъ велъ съ неблагоприятными условіями этотъ нѣмецкій путешественникъ; оно описываетъ намъ различныя его путешествія по матеріку и островамъ, по долинамъ и вблизи вѣчныхъ снѣговъ.

Затѣмъ оно переноситъ насъ во всю жизнь и движеніе восточной Африки, и притомъ какъ туземцевъ, такъ и поселившихся тамъ европейцевъ. Тутъ мы имѣемъ между прочимъ настоящій романъ, разыгрывающійся между европейцами и султанскою фамиліею. Потомъ

островъ Занзибаръ, метрополія Восточной Африки, даетъ сюжетъ для подробнаго описанія чудной природы тропической Африки, ея физической географіи, ея растительности, ея разнообразной животной жизни. То, что во многихъ другихъ сочиненіяхъ составляетъ сухія приложенія съ длинными перечнями и латинскими названіями, здѣсь удачно внесено въ самый разсказъ и такимъ образомъ служитъ предметомъ занимательнаго чтенія. И такимъ образомъ намъ рисуется не только богатая жизнь на землѣ и въ землѣ, но и въ глубинѣ моря, и сколь разнообразна эта жизнь, видно изъ того, что напр. около Занзибара водится не менѣе 428 различныхъ видовъ рыбъ. Въ другихъ отдѣлахъ излагается интересная исторія Восточной Африки, восходящая до временъ Тира и Соломона и описаніе торговли Занзибара, сумма которой простирается въ настоящее время до десяти милліоновъ талеровъ; кромѣ того, тутъ же мы встрѣчаемъ изящное описаніе низшаго животнаго міра и т. п.

Однимъ словомъ, въ этой книгѣ мы имѣемъ въ высшей степени разнообразную картину питилѣтныхъ путешествій Декена, восточно-африканскаго материка и группъ острововъ, начиная отъ снѣжной горы Килиманджаро и до Мадагаскара, картину на столько же привлекательную и занимательную, на сколько назидательную и богатую содержаніемъ.

Одинъ изъ оставшихся въ живыхъ спутниковъ несчастнаго путешественника, д-ръ *Отто Керстенз*, при содѣйствіи извѣстныхъ специалистовъ по естественнымъ наукамъ, воздвигнулъ, изданіемъ этой книги, лучшій памятникъ барону фонъ Декенъ и его дѣлу изслѣдованія и обогатилъ географическую литературу прекраснымъ сочиненіемъ. Какъ текстъ, такъ и рисунки составлены прекрасно и по истинѣ художественно, и употреблены всѣ старанія, чтобы сдѣлать изданіе вполне совершеннымъ.

Такимъ образомъ дѣло Декена продолжаетъ жить: во первыхъ въ этомъ прекрасномъ изданіи д-ра Керстена, а во вторыхъ — въ совершенныхъ его спутниками, послѣ его смерти, новыхъ путешествіяхъ, увѣнчавшихся значительнымъ успѣхомъ (*). Пожелаемъ, чтобы еще болѣе важные результаты были послѣдствіемъ великаго предпріятія нѣмецкаго путешественника.

Гота, 17-го октября 1868 г.

Д-ръ А. Петерманъ.

(*) Таковы, напр. интересныя и замѣчательныя путешествія *Ричарда Бреннера* въ 1866 и 1867 гг.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Эта книга должна быть не описаніемъ путешествія въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а живописнымъ изображеніемъ чудной области, которую баронъ фонъ Декенъ и его спутники проходили въ своихъ неоднолѣтнихъ странствованіяхъ; она предназначена не для однихъ специалистовъ, но для назиданія и поученія cadaго, сочувствующаго благороднымъ стремленіямъ энергическихъ людей къ изслѣдованію нашего земнаго шара.

Дабы имѣть возможность отвѣтить на всѣ вопросы, которые обыкновенно предлагаютъ путешественнику касательно характера страны и ея жителей, я долженъ былъ помѣстить здѣсь много такого, что для иныхъ покажется пожалуй лишнимъ. Я хотѣлъ принести пользу всѣмъ вообще, а не извѣстнымъ только кружкамъ, и за упреки однихъ меня вознаграждаетъ одобреніе другихъ.

При составленіи книги, я пользовался дневникомъ барона и его спутниковъ и своими собственными замѣтками и наблюденіями. Само собою разумѣется, что я не могъ почерпнуть изъ этихъ источниковъ весь матеріалъ, а долженъ былъ искать его и въ другихъ мѣстахъ. Заимствуя въ свою книгу то, что соответствовало плану цѣлаго, я всегда указывалъ источники, изъ коихъ бралъ, гдѣ только это не вредило слишкомъ общей связи разсказа.

Съ большою благодарностью долженъ я упомянуть о многихъ друзьяхъ, коихъ я называю въ своемъ мѣстѣ, содѣйствовавшихъ мнѣ своими замѣчаніями и другими свѣденіями. Особенно надо замѣтить, что описаніе первой поѣздки въ Джаггу было бы очень неполно, еслибы г. *Джорджъ Торнтонъ* (черезъ посредство г. *Г. У. Бэтса*, секретаря лондонскаго географическаго общества) не передалъ мнѣ въ полное распоряженіе всѣхъ дневниковъ и замѣтокъ покойнаго брата своего *Ричарда*.

Относительно плана и составленія книги я многимъ обязанъ многоуважаемому моему другу *А. Э. Брэму*, талантливому описателю жизни животныхъ. Хотя заваленный своими собственными работами, онъ цѣлые мѣсяцы помогалъ мнѣ совѣтами и самымъ дѣломъ, увлекаясь горячимъ сочувствіемъ къ дѣлу и цѣли путешественника, которому онъ былъ другомъ. Недостатки, которые могутъ быть замѣчены людьми свѣдущими, я прошу снисходительно извинить. Я добросовѣстно старался и не щадилъ трудовъ, чтобы книга была какъ можно лучше, и если то, чего я достигъ, далеко не равняется тому, чего я надѣялся достигъ, то по крайней мѣрѣ меня нельзя упрекнуть въ недостаткѣ внимательности и старанія.

Только тотъ, кто знаетъ, какъ прискорбно бываетъ, когда недостатокъ средствъ мѣшаетъ выполненію плана, можетъ понять, какъ велика должна быть моя благодарность семейству *фонъ-деръ Декенъ* за

его громадное содѣйствіе, которое одно только и дало мнѣ возможность въ извѣстной степени выполнить мою задачу. Они не щадили ничего, чтобы только сдѣлать изданіе какъ можно лучшимъ, справедливо полагая, что эти путешествія, стоившія жизни столькимъ дорогимъ людямъ, могутъ принести настоящую пользу только посредствомъ подробнаго ихъ описанія и по возможности обширнаго ознакомленія съ ихъ результатами.

Описаніе путешествій *Декена* первоначально предназначалось быть памятникомъ *Карлу Клаусу*, принесшему свою жизнь и большую часть своего состоянія въ жертву наукѣ и отечеству. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ еще и воспоминаніемъ о прекрасномъ братѣ путешественника, *баронѣ Юліѣ фонѣ Декенѣ*, который 16-го іюня 1867 года скончался въ Виши въ южной Франціи, составивъ планъ для изданія этой книги; оно служитъ также воспоминаніемъ и о матери этихъ двухъ братьевъ, *княгинѣ Аделаидѣ фонѣ Плессѣ*, принявшей на себя дѣло своихъ сыновей и продолжавшей его съ величайшею энергіею. И ей также не суждено было видѣть появленіе книги въ свѣтъ, но за то эта женщина, перенесшая тяжкія испытанія, имѣла передъ своею кончиною удовольствіе узнать, что *Ея Королевское Высочество, наслѣдная принцесса Викторія Прусская* соизволила принять посвященіе этой книги. Это служитъ новымъ доказательствомъ благосклонности, съ которою эта высокая особа содѣйствовала предпріятію путешественника и потомъ приняла участіе въ его плачевной судьбѣ и въ горести его родныхъ.

Начатое Декеномъ еще не доведено до конца; то, что достигнуто доселѣ, можно считать только началомъ къ открытію страны, которая, не смотря на свои богатые сокровища, столь долго оставалась почти неизвѣстною. Путешествія Декена поведутъ за собою другія путешествія; предприимчивые торговцы и поселенцы обратятся на далекій востокъ и въ непродолжительномъ времени тѣ области достигнутъ значительной степени процвѣтанія. Можетъ быть и описаніе путешествій Декена будетъ содѣйствовать ускоренію этого развитія, такъ какъ, по распоряженію княгини Аделаиды фонѣ Плессѣ, выручка отъ этого изданія назначена на основаніе *учрежденія для развитія землевѣденія*.

Да найдетъ же эта книга, хотя бы даже по одной только этой причинѣ, себѣ мѣсто въ домахъ и семействахъ; да вызоветъ она подражаніе примѣру Декена, да обратитъ она вниманіе отдѣльныхъ лицъ и общества на тотъ благословенный край земли, и да воспользуются они тѣмъ, что пріобрѣтено столькими жертвами.

Альтенбургъ октябрь. 1868 г.

Отто Керстенз.

ЗАМѢЧАНІЕ КАСАТЕЛЬНО ПРАВИЛЬНАГО ПРОИЗНОШЕНІЯ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ ЭТОЙ КНИГѢ.

Всѣ многосложныя слова *суахельскія* имѣютъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ (какъ наприм. Кизимкази, Шангани, Назимойя). Ихъ легко можно узнать потому, что они оканчиваются гласною буквою. Арабскія имена, которыя большею частію оканчиваются согласною буквою, почти всѣ имѣютъ удареніе на последнемъ слогѣ (какъ напр. Имамъ, Оманъ, Султанъ, Маскатъ). Притомъ слоги эти должны произноситься протяжно, какъ немецкіе слоги съ придыхательнымъ *h*. Если арабскія слова обращаются въ суахельскія черезъ прибавленіе гласной буквы, то они, какъ и настоящія суахельскія слова, имѣютъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ, какъ напр. Арабъ, на суахельскомъ языкѣ М'арабу, Султанъ—Султани. Слова Килоа и Занзибаръ имѣютъ удареніе на третьемъ отъ конца слогѣ.

ЗАНЗИБАРЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Первый день въ Занзибарѣ.

Прибытіе. — Положеніе города. — Известкообжигальныя печи на площади — Брѣпость и таможенный домъ. — Рынокъ. — Невольники въ цѣпяхъ. — Конюшни султана. — Улица Индусовъ и школа. — Арабское кладбище. — Жилища негровъ. — Назимойя. — Танцы и игра оружіемъ. — Невольничій рынокъ. — Вечеромъ на крышѣ.

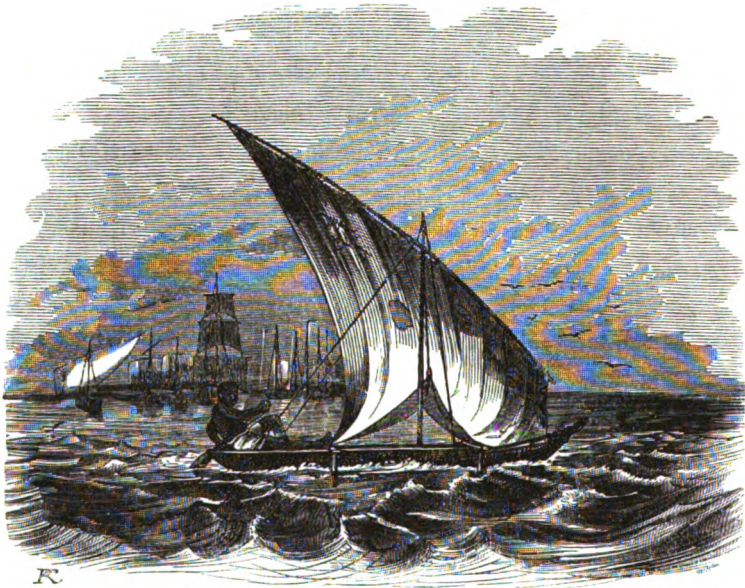
Трехмѣсячное плаванье въ морѣ приближается къ концу. Равнодушные доселѣ моряки дѣлаются живѣе и начинаютъ разсказывать о Занзибарѣ и его жителяхъ, объ удобствахъ европейскихъ домашнихъ хозяйствъ, о прекрасномъ растительномъ мірѣ, о красивыхъ померанцахъ и еще о многомъ другомъ. *Расъ Пуна*, послѣдняя береговая возвышенность, показывается вдали; за нимъ появляется песчаный островокъ *Латамъ*, который можно распознать только по носящимся надъ нимъ стаямъ птицъ; вскорѣ за тѣмъ показывается и *Расъ Кизимкази*, южная оконечность Занзибара. Здѣсь уже начинаютъ править кораблемъ не по одному только компасу, какъ на открытомъ морѣ, а наглазно и соображаясь съ лотомъ. Въ короткіе промежутки времени раздаются приказанія капитана касательно измѣненія курса. На своей специальной картѣ, вынесенной еще вчера на палубу, онъ находитъ названія и положеніе всѣхъ, даже самыхъ мелкихъ, острововъ, скалъ и мелей; буссолю онъ измѣряетъ углы по выдающимся частямъ суши, заноситъ на карту соответствующія линіи и такимъ образомъ во всякое время опредѣляетъ положеніе корабля съ изумительною для новичковъ точностью.

Съ жадностью погружается путешественникъ въ созерцаніе обѣтованной страны, которую уже давно рисовало ему его воображеніе и которая теперь почти осязаемо лежитъ передъ нимъ съ своими возвышенностями и зелеными пальмовыми лѣсами. Пестрый островной міръ представляетъ плывущему мимо него чудное зрѣлище, и ничто не можетъ сравниться красотой и прелестью съ роскошною, полною жизни движущеюся картиною. Вдали на горизонтѣ поднимается узкая, сѣроватосиняя полоса, которая, по мѣрѣ приближенія къ ней, мало по малу принимаетъ лазурный цвѣтъ и наконецъ обрисовывается изъ нея сочная зелень деревьевъ: это одинъ изъ

безчисленныхъ маленькихъ острововъ, поочередно появляющихся и снова исчезающихъ изъ вида. Корабль приближается къ одному изъ нихъ, входитъ въ каналъ между нѣсколькими островками; по обѣ стороны виднѣются еще другіе островки, болѣе или менѣе закрывающіе собою другъ друга: одинъ изъ нихъ лежитъ весьма близко, другой—весьма далеко, и съ каждою минутою передъ зрителемъ раскрывается новая картина.

Благопріятный вѣтеръ порождаетъ надежду еще сегодня попасть въ главный городъ восточнаго берега; но вѣтеръ по близости къ сушѣ обманчивъ и переменчивъ: солнце опускается за африканскій материкъ, а до цѣли еще семь морскихъ миль, и капитанъ принужденъ бросить якорь около близлежащаго острова *Шумби*, ибо мракъ скоро охватываетъ землю и море, и было бы слишкомъ рискованно продолжать въ ночное время путешествіе по опаснымъ проходамъ.

Долго еще рассказываетъ по палубѣ путешественникъ, съ благодарностью размышляя о счастливо совершенномъ плаваніи, и смотря на ярко пылающій огонь въ известковыхъ печахъ на Шумби, на свѣтящіяся волны и на усѣянное звѣздами тропическое небо; потому что, не желая испортить своего торжественнаго настроенія, онъ молча рассказываетъ мимо своихъ спутниковъ и наконецъ въ послѣдній разъ отправляется въ свою узкую каюту.

Лодка подъ парусомъ. Съ картины Э. Тренна.

Бряцанье якорной цѣпи, которую съ пѣнемъ развертываютъ матросы, снова вызываетъ его раннимъ утромъ на палубу. Послѣ короткаго переѣзда при свѣжемъ вѣтеркѣ море оживаетъ. Мимо корабля проскальзываетъ множество лодокъ, или плывущихъ по вѣтру съ помощью карманныхъ платковъ и фартуковъ, натянутыхъ между двумя палками, или управляемыхъ здоровыми, сильно гребущими неграми съ лопаткообразными веслами. На одно изъ маленькихъ суденышекъ, богато нагруженное ананасами и померанцами, бросаютъ канатъ; темнокоричневый торговецъ

плодами вскарабкивается на бортъ; моряки ласково встрѣчаютъ его, какъ стараго знакомаго, а онъ рассказываетъ имъ «habari ja Ungudja», т. е. занзибарскія новости, и раздастъ покупателямъ драгоценный грузъ своей лодки.

Утренній воздухъ еще не совсѣмъ прояснился. Его влажность производитъ миражъ. Отдаленные кустарники, тихо колеблясь, поднимаются вверхъ и кажутся чрезвычайно длинными; еще болѣе отдаленные предметы кажутся разорванными по срединѣ, и верхняя ихъ часть представляется какъ бы плавающею надъ нижнею; но чѣмъ ближе подходишь, тѣмъ тверже и яснѣе становятся формы, и тѣмъ естественнѣе размѣры. Блѣдный миражъ продолжается недолго; близкая дѣйствительность вскорѣ снова охватываетъ путешественника. Длинный, низкій, окрашенный бѣлою краскою домъ направо на песчаномъ берегу, такъ называемый *храмъ Индусовъ*, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе; затѣмъ слѣдуютъ большой угловой домъ европейской части города, къ которому направляетъ свой корабль нашъ капитанъ, и тянущійся между обоими этими каменными зданіями, населенный неграми кварталъ Шангани, состоящій изъ хижинъ. Теперь можно уже видѣть и корабли въ гавани, болѣе отдаленные дома и весело развѣвающіеся флаги султана и консульствъ. Наконецъ корабль огibaетъ послѣдній песчаный мысъ, *Расъ Шангани*, и какъ бы по мановенію волшебнаго жезла развертывается передъ глазами городъ во всей его полнотѣ и величіи: длинный рядъ похожихъ на дворцы ослѣпительно бѣлыхъ каменныхъ домовъ, какихъ путешественникъ конечно не ожидалъ найти въ главномъ городѣ султана восточной африки.

Караулившіе нашъ приходъ европейцы уже давно замѣтили приближающійся корабль и узнали его. Здѣшніе представители рейда подняли, въ знакъ привѣтствія, флаги на своихъ домахъ, снарядили шлюпку и плывутъ на встрѣчу. Ихъ красивая, недавно выкрашенная лодка, быстро приближающаяся при равномерныхъ взмахахъ весель черныхъ, чисто одѣтыхъ, гребцовъ, хорошо извѣстна капитану; кабельтовъ держится на готовѣ, и черезъ нѣсколько минутъ люди изъ шлюпки всходятъ по дрожащему подъ ихъ ногами трапу, чтобы привѣтствовать прибывшихъ и взять ихъ съ собою на берегъ. Якорь падаетъ, и корабль становится около самаго зданія биржи. Нѣсколько взмаховъ весель достаточно, чтобы доставить къ берегу легкую шлюпку. Общество, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, входитъ въ красивый, изнутри и извнѣ оштукатуренный бѣлый каменный домъ, гдѣ его уже ожидаетъ хорошій завтракъ. Чужеземцы и мѣстные жители скоро знакомятся ближе, и послѣдніе предлагаютъ весьма обязательно свои услуги для того, чтобы сегодня же, какъ скоро наступитъ вечерняя прохлада, ввести новоприбывшихъ въ городъ.

Городъ Занзибаръ, лежащій на островѣ того же имени подъ 6° 9' 36'' южной широты и 39° 14' 33'' восточной долготы отъ Гринвича, занимаетъ поверхность въ 280 почти прусскихъ моргеновъ и лежитъ на мысу, окруженномъ моремъ и лагуною, глубоко врѣзывающеюся съ сѣвера въ сушу. Этотъ небольшой полуостровъ имѣетъ почти форму треугольника. Восточную его оконечность состав-

ляеть *Расъ Шанани*; отсюда берегъ тянется къ сѣверу и юго-востоку, образуя тамъ утолщеніе, а на югѣ представляя какъ бы тонкую шейку, служащую сообщеніемъ съ главною массою острова. Сѣверозападная часть города самая красивая; она состоитъ изъ большихъ каменныхъ домовъ, въ формѣ полумѣсяца группирующихся около дворцовъ султана и около форта. Между фортами и большимъ угловымъ домомъ въ Шангани поселились европейцы; большая часть другихъ домовъ населена арабами и индѣйцами. Къ массивно построенному городу примыкають три квартала хижинъ, которыя можно назвать предмѣстьями: съ сѣверо-востока *Малинди*, съ юга *Шанани*, а съ востока, по ту сторону лагуны, соединенная съ полуостровомъ весьма грубымъ мостомъ, болѣе похожая на деревню часть города, которая до сихъ поръ не получила никакого особеннаго названія, но иностранцами называется *Мадаискарскимъ городомъ*.

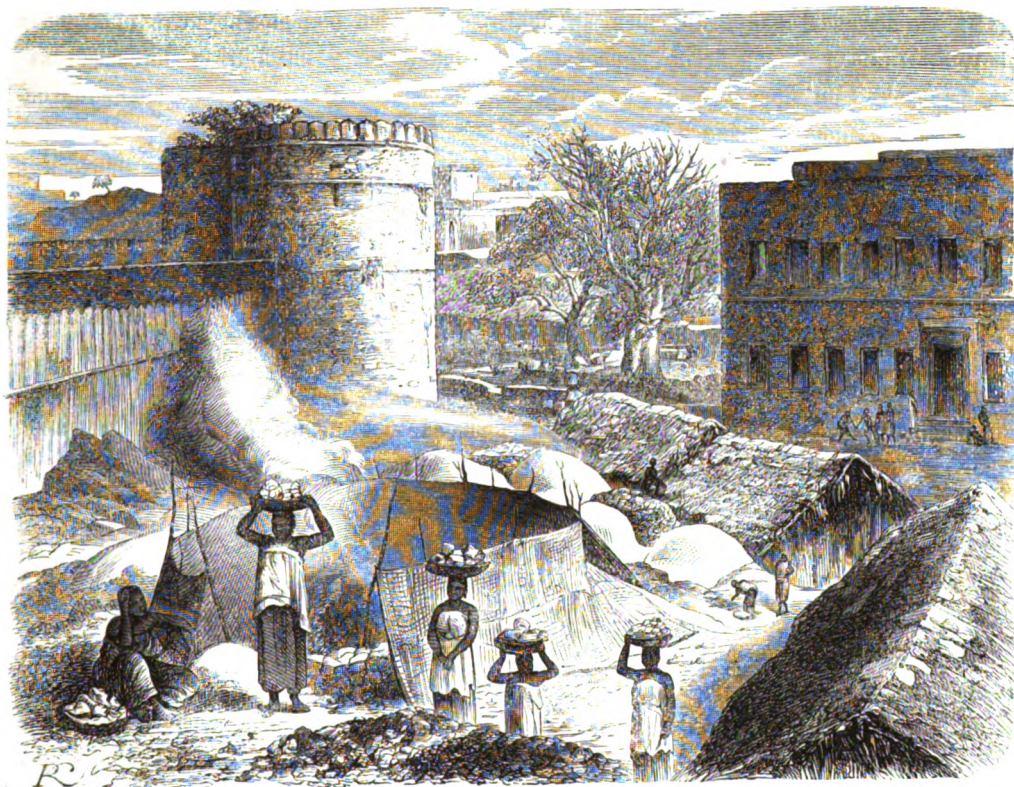
Улицы европейскаго квартала покрыты, вмѣсто мостовой, крупнымъ щебнемъ изъ извести и песку и во всякое время года чисты. Это нововведеніе коснулось и переулковъ, находящихся около дворцовъ султана; но въ прочихъ частяхъ города ходять по немошнымъ, узкимъ, грязнымъ дорогамъ, въ которыхъ выдающіяся стропила крышъ грозять опасностью неосторожному путнику, и гдѣ при продолжительной дождливой погодѣ образуется глубокая грязь.

Рядъ острововъ и песчаныхъ отмелей окружаетъ широкимъ полукругомъ застроенную полосу земли и отдѣляетъ собою, напротивъ величественнаго ряда каменныхъ домовъ, защищенное отъ вѣтра и волнъ якорное мѣсто, занимающее около четверти квадратной мили. Эта гавань посѣщается европейскими кораблями и множествомъ каботажныхъ судовъ всякаго рода; но въ первые мѣсяцы года, когда сильные сѣверные вѣтры производять въ сѣверной гавани большое волненіе воды и затрудняютъ тѣмъ установку корабля, многіе корабли и суда становятся на якорь и передъ Шангани, на южной сторонѣ города.

Кто испыталъ на себѣ, что значитъ послѣ трехмѣсячнаго морскаго путешествія высадиться на землю, и при томъ на землю новую, незнакомую, тотъ можетъ понять неописанное удовольствіе путешественника, который въ первый разъ пріѣзжаетъ въ городъ Занзибаръ.

Солнце бросаетъ свои лучи уже косвенно, наступаетъ вечерняя прохлада, и движеніе людей на улицахъ становится живѣе, разнообразнѣе. Мы выходимъ изъ дома, который давалъ намъ дотолѣ весьма пріятный и прохладный пріютъ, и отправляемся, въ сопровожденіи нашихъ туземныхъ друзей, въ путешествіе для поверхностнаго ознакомленія съ городомъ и его жизнью. Прежде всего мы отправляемся, пройдя узкую улицу, къ таможенному дому, занзибарской биржѣ, центру всѣхъ торговыхъ сношеній, собирающихъ сюда народы сѣвера и юга. Выйдя изъ чистенькаго европейскаго квартала, мы выходимъ на открытую площадь, вполне соответствующую, по своей нечистотѣ и господствующему здѣсь безпорядку, нашимъ представленіямъ о восточныхъ городахъ. Передъ нами находится большое

каменное строение, фортъ; на право видно нѣсколько маленькихъ хижинъ, построенныхъ изъ жердей и глины и покрытыхъ пальмовыми листьями; они составляютъ контрастъ съ красивыми домами, которые мы оставили позади себя; за ними возвышается начатое уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но оставшееся неоконченнымъ зданіе; посреди этихъ разнообразныхъ построекъ маленькой замкнутой площади пылаютъ многочисленные огни *известко-обжигальни*. Здѣсь, какъ и на востокѣ, всѣ ремесла производятся на открытомъ мѣстѣ, и въ томъ, что публичныя площади служатъ частнымъ цѣлямъ, не находятъ ничего предосудительнаго. На жерди (палки) изъ манглеваго дерева, сложенные въ формѣ костровъ, кладутъ собираемые на скалистомъ берегу куски коралловой известки, окружаютъ обжигальную печь стѣною изъ жердей и грубыхъ рогожъ и начинаютъ дѣло, не заботясь о томъ, что дымъ и жаръ беспокоятъ прохожихъ. Тутъ уже погашенная известка лежитъ въ полукруглыхъ, красиво выровненныхъ, кучахъ, готовая для продажи; тамъ видны только бѣлыя мѣста, на которыхъ стояли эти кучи; тутъ

Обжиганіе известки въ Занзибарѣ.

негры занимаются устройствомъ костровъ и переноскою кусковъ известки; тамъ стройныя молодыя дѣвушки, красиво неся на головѣ круглыя деревянныя чашки, доставляютъ обожженную известку къ мѣсту ея назначенія, или же носятъ воду въ большихъ, круглыхъ, красныхъ глиняныхъ сосудахъ, называемыхъ *мтунги*, и выливаютъ ее на теплые еще камни.

Новичка сильно занимаетъ такая странная дѣятельность и онъ охотно обратилъ бы на нее все свое вниманіе, если бы провожатые его не увели его съ собою, чтобы показать ему еще гораздо болѣе новаго. Но отъ грязныхъ негритянокъ, которыя сидятъ влѣво отъ дороги и продаютъ какіе-то странные плоды и круглые пирожки, имъ не скоро удастся оттащить его; онъ долженъ поговорить съ черными красавицами или скорѣе уродами, не смотря на недовольство его провожатыхъ, которымъ давно опротивѣли не только пирожки, но и негритянки.

Направо, въ началѣ дороги, идущей вдоль форта, находятся большія кучи красноватой каменной соли, которую арабы добываютъ съ сѣвера во время благоприятнаго муссона и выставяемой во многихъ мѣстахъ для продажи; налѣво въ томъ же направленіи идетъ стѣна, въ которой сдѣлано множество отверстій въ формѣ сжатыхъ остроконечныхъ дугъ, черезъ которыя открывается видъ на оживленный берегъ и на водную поверхность, покрытую судами разнаго рода. Первоначально стѣна эта предназначалась, въ качествѣ *батареи*, для защиты гавани, но не была какъ слѣдуетъ вооружена для этой цѣли. Правда, передъ стѣнами лежащей напротивъ нея крѣпости лежатъ въ большомъ числѣ бронзовыя орудія, старыя европейскія корабельныя пушки, но у нихъ нѣтъ ни лафетовъ, ни зарядовъ, ни прислуги, и они служатъ удобными мѣстами для сидѣнья торговкамъ и праздношатающимся людямъ.

Провожатые позволяютъ только мимоходомъ взглянуть на это и проходить мимо ко входу въ крѣпость. Передъ высокими со сводомъ воротами лежатъ нѣсколько вооруженныхъ *Арабовъ* и *Суахели*, весьма живописно, т. е. во всевозможныхъ позахъ растянувшись на землѣ и на каменныхъ скамьяхъ, стараясь облегчить свою тяжелую службу, состоящую въ 24-хъ часовомъ ничего недѣланья, игрою въ карты и не весьма изящною бесѣдою. Суахели и арабы сходны между собою по цвѣту кожи, который у различныхъ племенъ представляетъ всѣ оттѣнки, начиная отъ кофейно-желтаго и до темнокоричневаго; но первые отличаются мягкими, округлыми чертами лица и по большей части рѣдкою, короткою бородою, тогда какъ характеристическія черты арабовъ составляютъ: смѣло очерченный носъ, изящно округленный лобъ и богатая черная борода. И все таки же этихъ арабовъ нельзя сравнить съ благородными сынами пустыни; они скорѣе принадлежатъ къ искаженной смѣшанной расѣ. Только изрѣдка можно встрѣтить между ними чистокровнаго араба, и почти такъ же рѣдко замѣчаются у нихъ тѣ добродѣтели, которыя такъ уважаются чистокровнымъ арабскимъ племенемъ. Своею лѣнностью и своимъ способомъ администраціи они задерживаютъ развитіе страны; ихъ присутствіе даже ведетъ за собою упадокъ. Фортъ, главный опорный пунктъ ихъ могущества, представляетъ ясное доказательство этого. Правда, большая четырехугольная каменная масса съ пятью круглыми башнями представляетъ издали величавый видъ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи она оказывается похожею больше на развалину, чѣмъ на укрѣпленіе, годное для защиты. Стѣны, сложенныя изъ мелкихъ камней и щебня, размываются дождемъ и скоро обваливаются; въ образовавшихся такимъ образомъ отверстіяхъ и на зубцахъ стѣнъ выростають, ускоряя ихъ разрушеніе, трава и кустарники; а внутри, гдѣ солдаты изъ Белуджи-

стана устроили для себя и своихъ семействъ убогія хижинки, укрѣпленіе имѣть еще болѣе мрачный видъ. Но подобныя мысли не приходятъ въ голову новичку. Его вниманіе приковываютъ невиданныя, странныя фигуры, ихъ живописные костюмы и вооруженіе; онъ забываетъ объ ихъ грязи и лохмотьяхъ и судить какъ живописецъ, а не какъ критикъ.

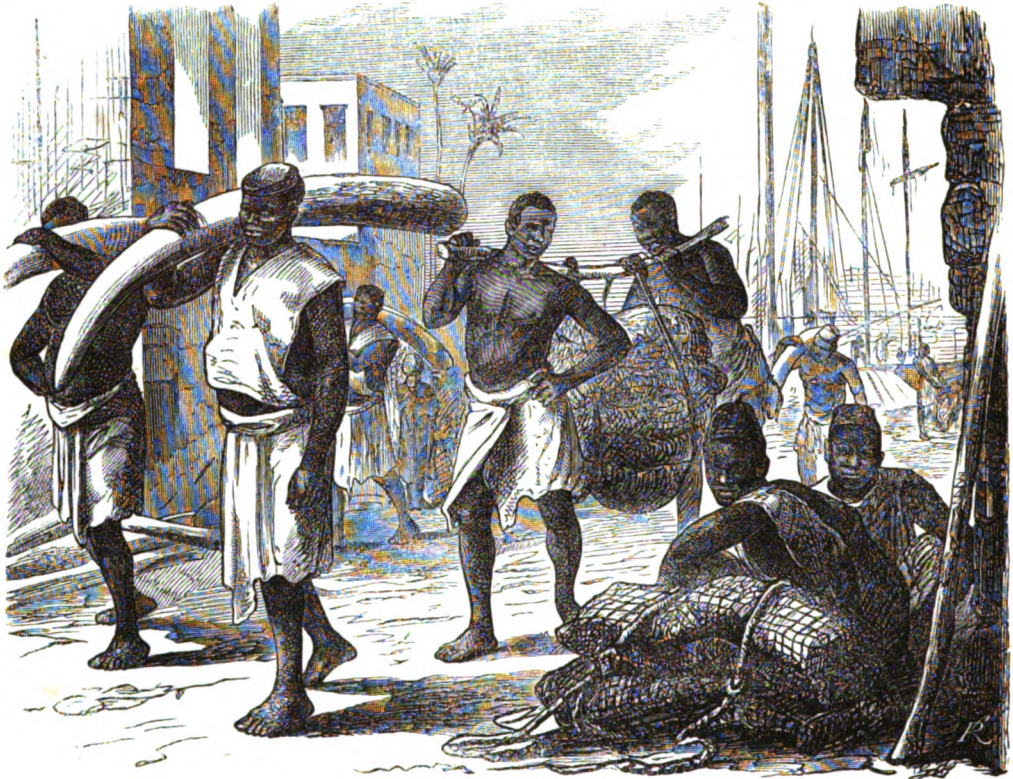
Здѣсь праздность и упадокъ, тамъ дѣятельность и успѣшное развитіе, т. е. *таможенный домъ*, представляющей живую картину, отличную отъ всего, видѣннаго доселѣ. Индійцы въ длинныхъ бѣлосиѣжныхъ рубашкахъ, арабы, негры, персіяне и европейцы ведутъ дѣятельную торговлю между собою. Передъ огромными вѣсами сидитъ баніанъ *Лудда*, представитель индійскаго таможеннаго арендатора, и его помощники вѣшаютъ товары, съ которыхъ онъ беретъ таможенную пошлину. Толпы работниковъ подвозятъ и увозятъ товары. Слоновые клыки отъ двухъ до восьми футовъ длины, красный перецъ, гвоздика и кунжутное сѣмя въ остроконечныхъ рогожныхъ мѣшкахъ, исполинскіе глиняные горшки, наполненные растопленнымъ коровиимъ масломъ, копаль въ мѣшкахъ и ящикахъ, бумажныя матеріи въ тюкахъ, кожи и невольники: вотъ главные предметы торговли, которыми заваленъ широкій дворъ и которые непрерывно подвозятся сюда съ берега отъ новоприбывшихъ кораблей.

По наружности своей таможенный домъ вовсе не соотвѣтствуетъ количеству сокровищъ, проходящихъ здѣсь черезъ руки баніана, и потомъ нагружаемыхъ для дальнѣйшей отправки или же продаваемыхъ здѣсь на мѣстѣ. Хотя въ послѣднее время въ немъ сдѣлали нѣкоторыя постройки и поправки, но нѣкоторыя его части и теперь ничто иное какъ жалкія лачужки. Но въ нихъ дѣятельно кипитъ жизнь съ утра до вечера, движутся почти безъ перерыва, какъ волны, приходящія и уходящія толпы людей, и Европа, Азія и Америка мѣняются своими сокровищами съ Африкою. Эти лачужки составляютъ истинный центръ города и острова.

Раздаются громкіе крики: сумилла, сумилла (дайте дорогу)! Носильщики грузовъ хотятъ проложить себѣ путь черезъ тѣсную толпу. Эти такъ называемые *кули*, большею частію родомъ изъ Гадрамаута въ южной Аравіи, сильные, хорошо сложенные люди. Обливаясь потомъ, но постоянно распѣвая, они идутъ ровнымъ шагомъ, по двое или по четверо, неся на плечахъ длинный шестъ, по срединѣ котораго прикрѣплены кокосывыми веревками тюки товаровъ. Передній изъ нихъ поетъ въ тактъ шаговъ первую половину коротенькаго стиха и останавливается на половинѣ слова, которое за тѣмъ продолжаетъ слѣдующій за нимъ носильщикъ. Съ перваго раза такое пѣніе представляется страннымъ и смѣшнымъ; но вскорѣ дѣлается яснымъ, что безъ пѣнія, съ тактомъ котораго соразмѣряютъ свои шаги носильщики, колебанія груза были бы неправильны и препятствовали бы быстрому ихъ ходу.

Мы счастливо, безъ толчковъ и ушибовъ, продрались черезъ толпу и достигли небольшой площади позади форта. И здѣсь также господствуетъ живая дѣятельность и движеніе; но пребываніе здѣсь не такъ опасно, какъ на узкой улицѣ,

потому что толпа состоитъ только изъ торговцевъ. Тутъ продаютъ вонючую сушеную акулу, громадный плодъ яка и приготовляемыя на мѣстѣ вареныя кушанья, издающія также невыносимый для насъ запахъ, такъ что мы, волей неволей, принуждены какъ можно скорѣе удалиться, въ угоду нашему носу, отъ приковывающаго наши взоры пестраго движенія.

Арабскіе работники (кудім).

Черезъ нѣсколько шаговъ мы приходимъ на обращенную къ морю площадь, посреди которой возвышается странная мачта, украшенная яркимъ краснымъ флагомъ султана. По правую сторону находится новый дворецъ султана, а передъ нами старый, построенный еще *Сеидъ-Саидомъ*, отцомъ *Сеидъ-Маджиды*. Оба они могутъ служить образцами арабской архитектуры. Они производятъ впечатлѣніе главнымъ образомъ своею массивностью и ослѣпительною бѣлизною штукатурки, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оскорбляютъ эстетическое чувство своими косыми и кривыми линиями и неравномѣрностью аркъ и не представляютъ для взора никакой точки опоры, помимо вѣнчающихъ кровлю зубцовъ и многочисленныхъ четверугольныхъ оконъ. Только большая открытая лѣстница одного дома и красивая рѣзная работа на двери другаго дома заслуживаютъ вниманія. По обѣ стороны величественныхъ входовъ находятся длинныя скамейки, на которыхъ въ удобныхъ позахъ бесѣдуютъ свита и прислуга, точно такъ же, какъ во многихъ

нашихъ городахъ жители домовъ садятся вечеромъ около дверей поболтать между собою объ обыденныхъ предметахъ и послѣднихъ новостяхъ. На этихъ каменныхъ скамьяхъ, называемыхъ *бараса*, богатые арабы часто принимаютъ визиты своихъ знакомыхъ, и тогда эти сидѣнья, устланныя цыновками и коврами и усаженные пестро одѣтыми мужчинами, представляютъ поразительную картину.

Въ одномъ углу площади, передъ небольшою домашнею мечетью султана, мы замѣтили нѣсколько невольниковъ, которые, будучи скованы по шеѣ и ногамъ и привязаны къ тяжелымъ стволамъ эбеноваго дерева, беззащитно подвержены: дѣйствию палящихъ солнечныхъ лучей; нѣкоторые изъ нихъ даже изуродованы у одного не достаетъ кисти на рукѣ. Но, не смотря на свое ужасное положеніе, всѣ эти черные люди далеко не печальны. Кажется, что тупость ума помогаетъ имъ переносить ихъ бѣдственную судьбу; ибо было бы слишкомъ смѣло предполагать въ нихъ особенно счастливыя умственные способности, въ силу которыхъ они могли бы становиться выше такихъ неудобствъ, которая другимъ кажутся невыносимыми. Намъ сказали, что эти несчастные—*убьѣжавшіе невольники*, которые были пойманы и выставлены здѣсь въ самой людной части города на показъ, чтобы отыскался ихъ хозяинъ и взялъ ихъ снова къ себѣ. Тѣ, у которыхъ отсѣчена кисть руки, были неисправимые воры, на коихъ арабское правосудіе выказало всю свою строгость. Весьма успокоительно подѣйствовало на насъ также замѣчаніе нашихъ знакомыхъ съ дѣломъ друзей, что большею частью эти люди убѣгаютъ не столько отъ дурнаго обращенія съ ними, сколько изъ каприза, и что они, успокоивши свой капризъ, бывають даже рады снова возвратиться къ своимъ господамъ, зная, что ихъ ожидаетъ весьма незначительное наказаніе, и что ихъ опять снабдятъ пищею и одеждою.

Улица служивается. Одну сторону ея образуетъ пристройка стараго дворца, въ которой находится *гаремъ*. Это большое, однообразное каменное зданіе съ маленькими рѣшетчатыми окнами, изъ которыхъ кое-гдѣ выглядываютъ блестящіе глазки; правую сторону улицы занимають *конюшни*. Мы входимъ въ нихъ; служащіе принимаютъ насъ весьма ласково и съ готовностью показываютъ намъ все, что мы изъявляемъ желаніе видѣть. Къ немалому нашему удивленію здѣсь прежде всего бросается намъ въ глаза жирная свинья, окруженная множествомъ поросятъ. Къ чему бы здѣсь было это нечистое и презираемое животное между чистыми и уважаемыми конями? Къ чему здѣсь существо, котораго имя Арабъ произноситъ даже съ отвращеніемъ, среди его любимыхъ животныхъ? Разрѣшеніе этой загадки очень просто и поучительно: надѣются, что свиньи удовлетворяютъ дурному вкусу злыхъ духовъ, которые безъ этого, можетъ быть, вселились бы въ лошадей, и такимъ образомъ лошади будутъ сохранены. Для этого-то именно и служатъ хрюкающія животныя, а вовсе не для ѣды, какъ можно было бы подумать съ перваго раза. Впрочемъ здѣсь вообще смотрять на религіозныя вещи гораздо равнодушнѣе, чѣмъ въ Аравіи. Такъ напр. никому не кажется страннымъ, когда *мзуну*, какъ называютъ здѣсь европейцевъ и американцевъ, захочетъ поѣсть жареной свинины, и слово «на водку» дѣйствуетъ такъ сильно, что строго религіозный служитель конюшни готовъ содѣйствовать удовлетворенію этой непростительной прихоти.

Кому захочется покушать поросенка, тотъ покупаетъ его на султанской конюшнѣ.

Лошади, коихъ тамъ находится большой выборъ, всё безъ исключенія арабской породы, и число ихъ ежегодно пополняется приводежомъ изъ Аравіи, такъ какъ онѣ не могутъ долго жить въ сыромъ климатѣ острова. Въ числѣ ихъ есть весьма красивыя животныя, и онѣ тѣмъ болѣе служатъ предметомъ нашего живѣйшаго участія, что Сеидъ-Маджидъ охотно предоставляетъ ихъ въ пользованіе бѣлымъ чужеземцамъ. Кому понадобится лошадь для прогулки верхомъ, тому стоитъ только обратиться къ одному изъ султанскихъ конюховъ и за небольшую плату онъ получитъ отъ него потребную для него лошадь.

Возвращаясь опять назадъ, мы приходимъ въ *улицу Индусовъ*, на такъ называемый *базаръ*, который тянется въ направленіи отъ юга къ сѣверу почти черезъ весь городъ и пускаетъ отъ себя вѣтвь въ кварталъ Малинди. Здѣсь одна лавка

Индійская молочная лавка.

примыкаетъ къ другой, или одно жилище къ другому, такъ какъ лавка и жилище здѣсь почти одно и то же. Все лежитъ открыто передъ любопытными взорами посѣтителя. На переднемъ планѣ сидитъ на гладкомъ полу маленькая, желтоватая индіанка, въ одеждахъ изъ шелковыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ, обезображенная неопрятностью и спертымъ воздухомъ, и ожидаетъ покупателей; остальное пространство занято разными товарами: рисомъ, бобами, лимонами, листьями бетеля,

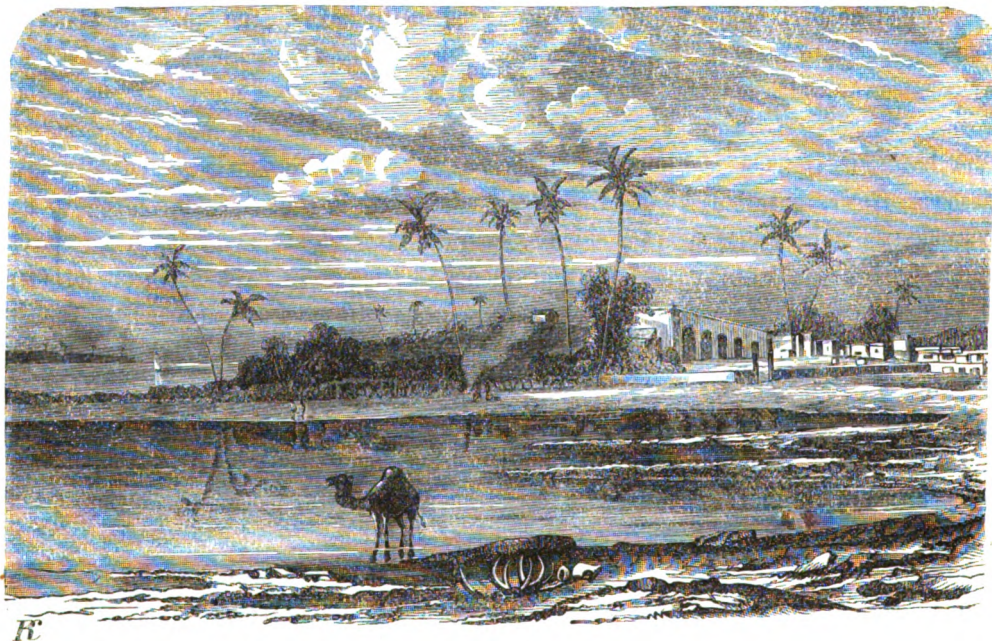
плодами арековой пальмы, бумажными матеріями, горшками, тарелками и другими предметами, потребными для населенія Занзибара. Лавки всё похожи одна на другую. Это набитое товарами пространство безъ передней стѣны, и поднятое надъ землею почти на два фута. Свѣшивающіяся кровли изъ пальмовой соломы производятъ здѣсь постоянный полумракъ; всюду господствуетъ неописанная грязь; а быки, овцы и козы, равноправные сожителю улицы, вовсе не способствуютъ увеличенію удобствъ пребыванія въ ней, особенно когда они, глупо заглядывая въ лавки съ овощами, загораживаютъ дорогу проходящимъ.

Индійскій базаръ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ еврейскіе кварталы нашихъ городовъ, особенно по плотности и исключительности населенія. Здѣсь, не говоря уже о покупателяхъ, во всякое время дня кишатъ индійцы различнаго возраста, преимущественно же дѣти, которые безъ всякаго присмотра таскаются гдѣ попало. Появленіе мзунгу составляетъ для ихъ рѣзваго общества важное событіе. Его въ одну минуту окружаютъ и еще издали встрѣчаютъ крикомъ: «jambo, jambo, pere pesa» (добрый день, какъ твое здоровье, дай мнѣ копѣечку). Одинъ изъ болѣе смѣлыхъ требуетъ даже двѣ пезы, и притомъ съ такою милою беззаастѣнчивостью, что нельзя не исполнить его просьбы. Дѣти, такъ же какъ и женщины индусовъ, одѣты въ цвѣтныя шелковыя платья и носятъ украшения въ видѣ толстыхъ серебряныхъ обручей на рукахъ и ногахъ, широкихъ серебряныхъ или золотыхъ колецъ на шеѣ и т. п., но, не смотря на то, просятъ подачки для своего удовольствія, или чтобы добыть нѣсколько копѣекъ на лакомство, въ которомъ отказываютъ имъ родители. Но въ это время на улицѣ бѣгаютъ только младшіе подростки; старшіе братья посвящаютъ себя болѣе серьезному занятію. Еще издали слышимъ мы неясное бурчанье нѣсколькихъ голосовъ; а подойдя ближе, видимъ, что одна изъ лавокъ наполнена мальчиками, которые, не обращая на другихъ никакого вниманія, вслухъ читаютъ свои уроки. Нѣкоторые, должно быть наиболѣе успѣшные, чертятъ на большихъ доскахъ буквы и цифры, и такимъ образомъ усваиваютъ основныя начала письма и счисленія. Старый серьезный учитель сидитъ посреди ихъ, прислушивается, какъ будто бы у него сто ушей, къ каждому фальшивому тону и какъ бы разомъ слѣдитъ за всѣми досками. Одинъ изъ нашихъ провожатыхъ однимъ движеніемъ руки разрушилъ дисциплину и порядокъ, съ трудомъ водворенные почтеннымъ учителемъ и произвелъ страшную суматоху между его воспитанниками: онъ бросилъ полную горсть пезъ (мелкихъ монетъ) въ классную комнату. Безконечный крикъ восторга былъ отвѣтомъ на эту выходку; забыты всякое повиновеніе, всякій страхъ длиннаго прута, которымъ ученый такъ ловко наказываетъ ихъ, и волненіе утихаетъ не прежде, какъ поднята была послѣдняя изъ брошенныхъ монетъ. Надо надѣяться, что учитель будетъ на столько уменъ, что свалить всю вину на надоедливаго мзунгу, и не станетъ мстить своимъ ученикамъ; по крайней мѣрѣ, въ пользу этого предположенія говоритъ сердитый взглядъ, брошенный имъ на уходящихъ.

Среди живыхъ покоятся умершіе. По близости улицы Индусовъ находится небольшая площадь, покрытая могилами и окруженная похожими на развалины домами; она уже большею частію успѣла вновь порости кустарникомъ. Такихъ

кладбищъ въ городѣ есть еще нѣсколько, такъ какъ каждый имѣетъ здѣсь право погребать тѣла своихъ родныхъ на своей собственной землѣ, и магометанскій обычай чтить память умершихъ гораздо строже, чѣмъ мы. У насъ возрастаніе городовъ не щадитъ мѣстъ покоя умершихъ, а у мусульманъ сочли бы великимъ преступленіемъ обращать кладбища въ новыя части города. Даже полуразвалившіеся дома кругомъ кладбища останутся, по магометанскому обычаю, нетронутыми еще много лѣтъ, ибо ни одинъ арабъ не станетъ достраивать домъ, владѣлецъ котораго умеръ во время его стройки. Покрытые живою зеленью дряхлые могильные камни представляются среди этихъ развалинъ краснорѣчивыми символами тлѣнности. Въ ночное время такое мѣсто какъ нельзя болѣе способно внушить ужасъ человѣку трусливому, особенно если при таинственномъ свѣтѣ полной луны вдругъ выйдетъ изъ тѣни одна изъ столь частыхъ здѣсь бѣлыхъ фигуръ, вооруженная пиккою.

Отсюда мы входимъ въ населенный неграми *кварталъ хижинъ*. За каждымъ жильемъ находится дворъ; высокая стѣна, состоящая изъ жердей и прикрѣпленныхъ къ нимъ грубо сплетенныхъ цыновокъ, отдѣляетъ его и скрываетъ отъ нескромныхъ взоровъ жизнь и дѣятельность женской части населенія. Мужчины, если они не заняты въ городѣ или на плантаціи, сидятъ подъ выдающимся навѣ-

Индійскій храмъ въ Надвиовѣ.

сомъ въ передней части дома; одни изъ нихъ занимаются шитьемъ и другими работами, а другіе только болтаютъ. Мы готовы были подумать, что сюда перенесена какая нибудь деревня внутренней Африки. Къ нечистотѣ и грязи, которая мы замѣчали вездѣ, здѣсь присоединяется отвратительный запахъ: сушеная акула, плодъ яка и потѣющіе негры вомяютъ, такъ сказать, на перебой. Поэтому послѣ-

шимъ на вольный воздухъ, къ морю, съ котораго вѣтъ намъ въ лицо свѣжій вѣтерокъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, мы оставляемъ за собою послѣдніе дома города, и передъ нами разстилается песчаная равнина; мѣстами покрытая свѣжею зеленью и окаймляемая вдали великолѣпнымъ лѣсомъ кокосовыхъ пальмъ. Она оканчивается уже упомянутымъ выше мысомъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ котораго нашимъ взорамъ представляется окруженный деревьями *храмъ Индусовъ*. По правую сторону шумитъ море, пока закрываемое еще отъ нашихъ взоровъ густо поросшимъ кладбищемъ, а по лѣвую растилается лагуна. Хорошо утоптанная тропинка, по которой мы идемъ, ведетъ во внутренность острова, мимо храма Индусовъ, и по ту сторону храма дѣлится на нѣсколько вѣтвей, по которымъ всегда бываетъ много движенія.

Это мѣсто носитъ звучное и знаменательное названіе *Назимойя: пальма*. Къ нему каждодневно отправляются европейцы, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться, при сіяніи заходящаго солнца, прекраснымъ ландшафтомъ и живымъ движеніемъ туземцевъ. Здѣсь во всякое время есть что посмотреть. Для естествоиспытателя представляютъ довольно интереса лагуна, кустарники и пальмовый лѣсъ: въ лагунѣ кишатъ пестрые краббы, въ кустахъ скользятъ блестящія ящерицы, въ лѣсу находятся нѣкоторые представители высшихъ породъ животныхъ. Но даже самый ревностный изслѣдователь начинаетъ обращать вниманіе на жизнь животныхъ не сразу, такъ какъ на первое время въ его глазахъ заслуживаетъ болѣе вниманія людская дѣятельность. На маленькомъ ослѣ ѣдетъ мимо арабъ къ своей шамбѣ или плантаціи, волоча ноги почти по землѣ, такъ что можно подумать, будто осленокъ едва тащитъ его на себѣ; сильнымъ взмахомъ поднимаетъ онъ пятки къ верху и ударяетъ по бедрамъ ретиваго осла, и скоро исчезаетъ изъ вида. На встрѣчу ему идутъ, по направленію отъ плантацій, арабскія женщины, возвращающіяся въ городъ; онѣ, такъ же какъ и мужчины, ѣздятъ верхомъ на ослахъ и притомъ почти точно такимъ же образомъ, съ тою только разницею, что они поднимаютъ ноги почти до сѣдла, и ѣздятъ не на *сл-рыжъ* маленькихъ ослахъ, а на красивыхъ, большихъ, *блмыжъ*, приводимыхъ сюда изъ Маската. Всѣ онѣ носятъ на лицѣ богато вышитую маску и покрывало на головѣ, и держатся такъ неподвижно, что представляются скорѣе пестрыми связками платя, прикрѣпленными на спинѣ животнаго, чѣмъ живыми существами; но ихъ черные глаза, сверкающіе между маскою и покрываломъ, безпрестанно зорко оглядываютъ происходящее вокругъ нихъ. Всензмѣняющее время и здѣсь подорвало строгій арабскій обычай: многія закрытыя покрываломъ красавицы даже очень ласково принимаютъ произносимыя имъ при встрѣчѣ привѣтствія, и можно почти навѣрное сказать, что тѣ изъ нихъ, которыя ничѣмъ не отвѣчаютъ на привѣтствіе, очень нехороши собою.

Еще гораздо привлекательнѣе этихъ блѣдножелтыхъ женщинъ молодя, стройныя негритянскія дѣвушки, почти безпрестанно проходящія мимо съ своими наполненными водою глиняными сосудами. Ихъ стройная талія не закутана грудюю тканей; все ихъ одѣяніе состоитъ изъ длиннаго куска синей бумажной матеріи,

плотно прилегающаго къ тѣлу и обрисовывающаго его прелестныя формы; они носятъ съ собою, кромѣ мтунги, половину кокосоваго орѣха съ длинною рукояткою: это ихъ ковшъ, которымъ они черпаютъ воду. Съ гордою осанкою, свободно неся на головѣ тяжелый сосудъ или поддерживая его безукоризненно красивыми руками, онѣ смѣло проходятъ мимо насъ и перебрасываютъ, какъ бы играючи, свѣшивающіеся концы своего головнаго платка то на правое, то на лѣвое плечо. Стройная поступь, простой и вмѣстѣ съ тѣмъ столь удобный костюмъ, безпритязательныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свободныя, выказывающія нѣкоторое самосознаніе, манеры этихъ *носильщицъ воды*, все это способно обратить на нихъ вниманіе даже европейца и породить мысль, которую новичокъ еще такъ недавно пожалуй счелъ бы невозможною.

Въ это всѣдневное движеніе вмѣшиваются и знатные жители страны, проѣзжая мимо на великолѣпныхъ коняхъ; нѣкоторые изъ мзунгу (европейцевъ) также пытаются показать свое искусство въ верховой ѣздѣ на спинѣ своихъ собственныхъ, или взятыхъ изъ конюшенъ Сеидъ-Маджида, коней, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить себѣ движеніе, положительно необходимое въ этомъ климатѣ. Однимъ словомъ, Назимойа—это для Занзибара Корсо, Аламеда, Бульваръ, Пратеръ въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова.

Возвращаясь домой, мы услышали странную музыку. Глухіе звуки барабана сопровождаютъ свистящее пѣнье: это празднуется *Нюма*, празднество, получившее свое имя отъ большаго барабана (нгома). Пробравшись сквозь тѣсную толпу, мы увидали группу танцующихъ мужчинъ и женщинъ, изъ коихъ послѣднія разодѣты и раскрашены какъ нельзя лучше. Всѣ они обливались потомъ вслѣдствіе сильныхъ движеній тѣла. До крайней степени возбужденные крикомъ и пѣньемъ, они, кажется, совсѣмъ недоступны для усталости; женщины непрерывно заводятъ новые танцы то между собою, то вмѣстѣ съ мужчинами, и зрители высказываютъ имъ тѣмъ болѣе одобренія, чѣмъ неестественнѣе и непристойнѣе онѣ пляшутъ и чѣмъ сильнѣе дерутъ уши ихъ крики.

Въ другомъ, столь же плотно, кругу зрителей пестро одѣтые *арабы-сури* забавляются танцами и игрою оружіемъ. Среди площадки, образуемой кружкомъ зрителей, они страннымъ образомъ прыгаютъ кругомъ и потрясаютъ въ воздухѣ тонкими клинками своихъ мечей, выбираютъ себѣ противника и вдругъ ударяютъ острымъ концемъ меча по его ногамъ, но тотъ во-время подпрыгиваетъ вверхъ и опасный клинокъ вонзается въ землю. Тотчасъ же послѣ этого оборонявшійся дѣлается нападающимъ, и эта старая игра повторяется въ томъ же духѣ нѣсколько разъ безъ всякой перемѣны. Подобныя зрѣлища здѣсь бываютъ почти ежедневно, особенно во время сѣверовосточнаго муссона, приносящаго сюда съ собою арабскихъ моряковъ съ сѣвера. Сначала эти танцы и игры оружіемъ сильно интересуютъ европейцевъ; но, такъ какъ они повторяются всегда однообразно, то вскорѣ къ нимъ привыкаютъ и не обращаютъ на нихъ вниманія. Эти игры притомъ же считаются только плебейскимъ удовольствіемъ: знатный Арабъ считаетъ униженіемъ своего достоинства даже смотрѣть на нихъ.

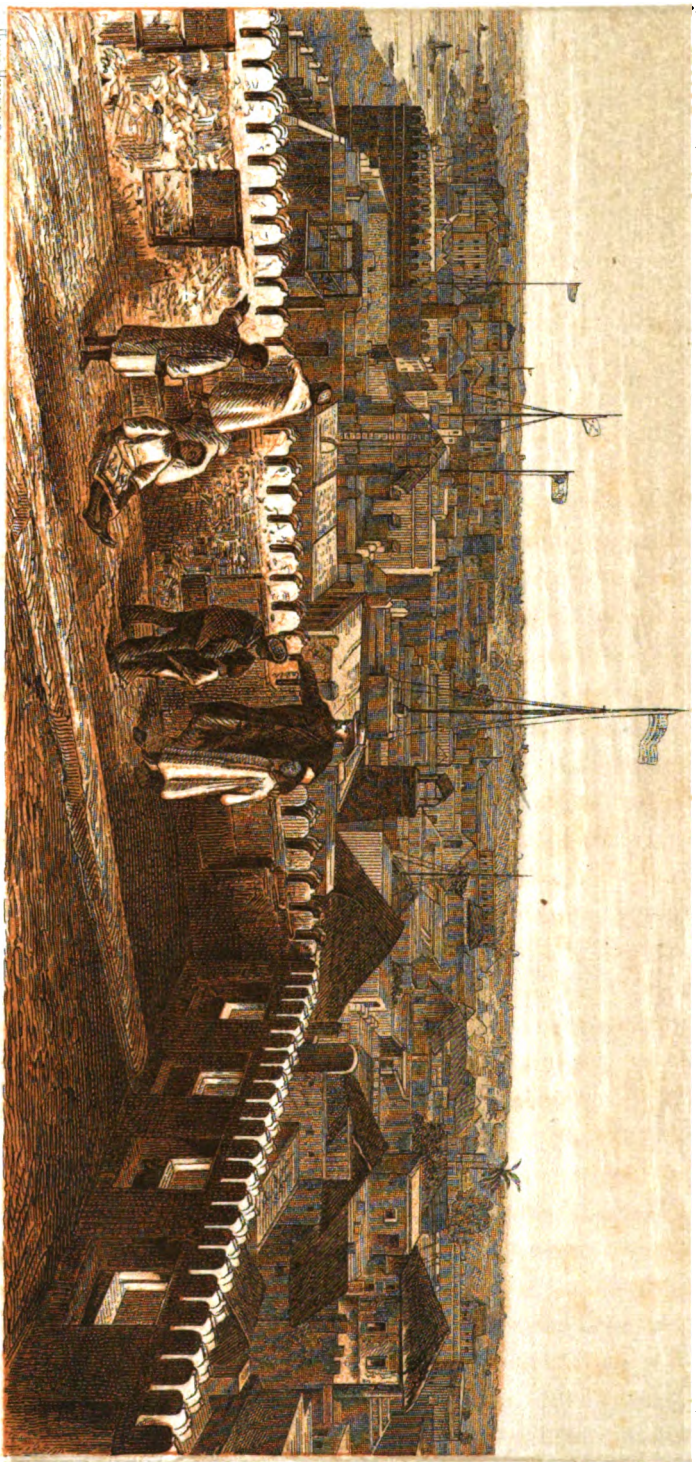
Передъ возвращеніемъ домой наши вожатые направились еще къ маленькой

площади, окруженной низкими каменными домами и хижинами из глины; на этой площади кажется всё негритянскія племена имѣютъ своихъ представителей. Мы видимъ широкоголовыхъ Вамаку и Вагаю (последнихъ можно отличить по подпленнымъ и заостреннымъ рѣзцамъ), Ваниасса, отличающихся рябымъ лицомъ, и еще другія племена. Это чистая галерея народовъ восточной Африки: мы находимся на Занзибарскомъ *рынкѣ невольниковъ*, въ центрѣ здѣшней торговли людьми. Здѣсь сѣверный Арабъ, возвращаясь домой, запасается нужнымъ для него числомъ невольниковъ; здѣсь крупный землевладѣлецъ покупаетъ рабочія силы для своихъ шамба; здѣсь небольшой капиталистъ мѣняетъ свои доллары на живой товаръ; здѣсь можно видѣть невольниковъ обоого пола, всякаго возраста и тѣлосложенія: нервныхъ и слабосильныхъ субъектовъ, красивыхъ дѣвушекъ и отвратительно-безобразныхъ женщинъ; но нигдѣ не увидишь тутъ потрясающихъ душу сценъ, какія ожидалъ бы встрѣтить. Черныхъ хорошо кормятъ и одѣваютъ и на ихъ круглыхъ лоснящихся лицахъ не увидишь ни слѣдовъ вынесенныхъ сграданій, ни выраженія печали.

Негритянкамъ невѣстамъ отведенъ особый уголь рынка. Тамъ онѣ выставлены на показъ въ праздничномъ нарядѣ: волоса у нихъ чудно заплетены и около лба подкрашены куркумою, рѣсницы и брови выкрашены сажею и сурьюю. Продавецъ громко выхваляетъ этотъ нѣжный товаръ, высчитывая покупателю всё его качества, а дѣвушки беззаботно слушаютъ его, зная, что ихъ будущая участь будетъ ни въ какомъ случаѣ не хуже, а еще лучше прежней.

Солнце садится за дома и мы направляемся домой. У различныхъ *колодцевъ* появляются группы, болтовнею собравшихся за водою красавицъ напоминающія намъ наше отечество, не смотря на громадную разницу между тѣмъ, что мы видѣли теперь, и тѣмъ, къ чему привыкли дома. Какъ разъ вмѣстѣ съ заходомъ солнца мы пришли къ дому нашихъ хозяевъ, и въ ту же минуту раздались изъ дворца султана ружейные выстрѣлы и рѣзкій шумъ: это лейбъ гвардія Сеидь-Маджида даетъ серенаду съ барабанами и трубами, вѣроятно для того, чтобы возвѣститъ правовѣрнымъ, что наступило время вечерней молитвы. Наши же хозяева въ это время принялись повѣрять свои часы; ибо въ Занзибарѣ солнце ~~заходитъ~~ въ шесть часовъ вечера, и время захождения солнечнаго въ теченіи всего года переходитъ не болѣе какъ на пятнадцать минутъ. Короткія сумерки даютъ еще намъ возможность посмотрѣть нѣсколько минутъ на городъ съ высоты птичьяго полета (*à vol d'oiseau*). Онъ далеко разстилается между оживленнымъ моремъ и между высотами внутренней части острова, покрытыми пальмовыми и гвоздичными плантациями, представляя чудную массу зубчатыхъ стѣнъ, плоскихъ кровель и покрытыхъ пальмовою соломкою фронтоновъ, надъ которыми развѣваются шести со спущенными флагами. Теперь и около домовъ является болѣе жизни; арабскія женщины, которыя, по обычаю страны, днемъ сидятъ внутри домовъ, выходятъ наружу погулять на холодкѣ, и, пользуясь темнотою, позволяютъ себѣ большую свободу движеній. Здѣсь, какъ и на Востокѣ, онѣ могутъ выходить изъ дома не иначе, какъ съ многочисленною свитою служителей и служительницъ; здѣсь такъ же, какъ на Востокѣ, ихъ ревниво стерегутъ и запираютъ, чтобы быть безопаснымъ

на счетъ ихъ вѣрности. Но здѣсь, какъ и тамъ, онѣ умѣютъ оправдывать старую сказку изъ «тысячи и одной ночи»: женская хитрость возстаеъ противъ ревности, а любовь къ сплетнямъ противъ строгости. Здѣсь, на плоскихъ кровляхъ, въ ночной темнотѣ разыгрывается много такихъ исторій, о которыхъ и не грезится честному арабу. Привѣтствія, посылаемыя гордымъ мзунгу (европейцемъ) полуоткрывшимъ свои вуали красавицамъ, принимаются весьма любезно и получаютъ ласковый отвѣтъ, сначала можетъ быть только для того, чтобы внести нѣкоторое разнообразіе въ пустое однообразіе ежедневной домашней жизни, а потомъ и вслѣдствіе того, что и здѣсь любовь ищетъ себѣ дорогу и находитъ ее.

Лит. Чупанова.

ЗАНЗИБАРЪ

съ Кръсти заданя Англичск. Миссици

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Островъ.

Пассаты и муссоны.—Ихъ значеніе для Занзибара.—Время дождей.—Климатъ.—Положеніе.—Морскія теченія.—Приливы и отливы.—Свойство почвы.—Воды.

Во время того достопамятнаго путешествія, которое привело къ открытію Америки, и безъ того уже недовольные спутники Колумба замѣтили, что никогда не измѣняющійся сѣверо-восточный вѣтеръ съ каждымъ днемъ удалялъ ихъ отъ родины,—и это обстоятельство устало ихъ; ибо возвращеніе, при такомъ упорномъ противномъ вѣтрѣ, казалось имъ невозможнымъ. Но опасеніе ихъ было неосновательно: на обратномъ пути, достигши сѣверныхъ широтъ, они нашли опять прежніяющійся вѣтеръ, съ помощію котораго они, послѣ долгаго плаванія, достигли наконецъ своего отечества.

Позже мореплаватели наблюдали и по ту сторону экватора, послѣ борьбы съ продолжительнымъ затишьемъ, такое же правильное воздушное теченіе, которое дуло здѣсь однако съ юго-востока. Скоро узнали, какъ много способствуютъ подобныя правильныя вѣтры облегченію плаванія; поэтому ихъ и назвали *пассатами* (вѣтрами путешествій), а англичане измѣнили это названіе на «вѣтры торговли» (trade-winds).

Долго размышляли ученые о причинахъ этого правильнаго воздушнаго теченія, пока не убѣдились, что они производятся соединеннымъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей и вращенія земли. Въ настоящее время явленіе это объясняютъ такъ: у экватора, гдѣ жаръ господствуетъ въ сильнѣйшей степени и гдѣ воздухъ слѣдовательно самый легкій, поднимается постоянно широкая струя влажнаго, теплаго воздуха, и, достигши извѣстной высоты, идетъ надъ болѣе холоднымъ слоемъ воздуха къ обѣимъ полюсамъ, постепенно понижаясь, пока уже въ нашихъ широтахъ не достигнетъ поверхности земли. Въ замѣнъ этого къ жаркому поясу стремятся съ обѣихъ сторонъ болѣе холодныя массы воздуха. Проходя чрезъ тѣ страны, гдѣ вращеніе совершается медленнѣе и достигая такихъ, которыя стремятся быстрѣе по направленію къ востоку, они, чѣмъ далѣе протекаютъ впередъ, тѣмъ болѣе остаются за земною поверхностью: поэтому они принимаютъ потомъ все болѣе и болѣе западное направленіе, такъ что на сѣверѣ отъ экватора кажется, что они дуютъ по направленію съ сѣверо-востока, а на югѣ—съ юго-востока.

Пассаты, такъ какъ они стремятся изъ болѣе холодныхъ странъ въ болѣе теплыя, въ сущности вѣтры сухіе, и могутъ принимать въ себя еще большія массы влажнаго воздуха. Въ той области, въ которой они дуютъ, небо имѣетъ постоянно голубой цвѣтъ, и только легкія, перистыя облака, подобно длиннымъ воздушнымъ деревьямъ, тянутся туда по неизмѣнно-правильному направленію. Только въ извѣстныя времена года (разъ или два въ годъ), во время такъ называемаго періода дождей, падаетъ здѣсь большое количество водяныхъ осадковъ. Въ области поднимающагося воздушнаго тока напротивъ, во время самаго сильнаго дневнаго жара, образуются на высотѣ массивныя, бѣлыя облака, которыя почти ежедневно поражаются сильнымъ ливнемъ. Еслибы земля была равномерно покрыта водою, то и пассаты, съ своими обратными токами, господствовали бы вездѣ съ величайшею правильностію; но такъ какъ суша распределена неравномѣрно относительно океана и согрѣвается по инымъ закономъ, нежели вода, то описанныя нами явленія претерпѣваютъ различныя измѣненія.

Вопервыхъ, поясъ затишья и дождей, который можно также назвать и метеорологическимъ экваторомъ, не совпадаетъ во всѣ времена года съ величайшею круговою линіею, одинаково удаленною отъ обоихъ полюсовъ, т. е. съ математическимъ экваторомъ, но проходитъ, не смотря на то, что положеніе его соответственно со временемъ года отклоняется на нѣсколько градусовъ широты, среднимъ числомъ около 5° къ сѣверу отъ него. Это раздѣленіе земли на двѣ неравныя метеорологическія половины вполнѣ соответствуетъ неравному раздѣленію суши и воды на обѣихъ сторонахъ этой линіи: сѣверное полушаріе, вслѣдствіе преобладающей массы суши, теплѣе, и поэтому линія наибольшей теплоты, отъ которой поднимается восходящій токъ воздуха, лежитъ ближе къ сѣверному полюсу. Широта пояса затишья, по этимъ же причинамъ, не вездѣ и не во всѣ времена года одинакова, т. е. она то содержитъ больше градусовъ, то становится до того малою, что мореплаватель совершенно незамѣтно переходитъ изъ одного пассата въ другой. Мореходство извлекло величайшую пользу изъ знанія этихъ законовъ: мореплаватели знаютъ теперь очень хорошо, что въ извѣстныя времена года бываетъ выгодно пересѣчь экваторъ ближе къ берегу Америки, а въ другія, ближе къ берегу Африки; они почти навѣрное знаютъ, когда и гдѣ они встрѣтятъ попутный пассатъ, и бывають въ состояніи, съ помощію этихъ знаній, совершать свои далекія путешествія въ половину того времени, которое прежде было потребно для его совершенія.

Другое уклоненіе отъ приведенныхъ нами законовъ большихъ воздушныхъ теченій имѣетъ болѣе мѣстный характеръ и объясняется тѣмъ, что лѣтомъ, когда суша сильно нагрѣвается, отъ нея поднимаются теплыя воздушныя токи, и на нихъ дуютъ съ моря охлаждающіе температуру вѣтры,—процессъ, который происходитъ зимою наоборотъ, ибо море тогда теплѣе суши. Это уклоненіе будетъ мало замѣтно тамъ, гдѣ материкъ, какъ напр. Америка, тянется съ сѣвера на югъ черезъ всѣ широты; поэтому и въ атлантическомъ и тихомъ океанахъ, которые окружаютъ эту часть свѣта, пассаты господствуютъ съ неизмѣнною правильностію; но очень значительно должно быть вліяніе этого уклоненія при той массѣ

суши стараго свѣта, которая, находясь по большей части на сѣверѣ отъ этой линіи, тянется въ западно-восточномъ направленіи чрезъ 210 градусовъ долготы и столь значительно нарушаетъ равномерности распредѣленія суши и воды. Вплоть до полярныхъ широтъ, которыя постоянно окованы снѣгомъ и льдомъ, простираетъ Азія свой мало развитый сѣверный берегъ; неизмѣримыя плоскія возвышенности тянутся въ теплому поясу отъ Китая до Малой Азіи и отъ Аравіи до Сенегамбін; большой, континентальный островъ съ безлѣсными плоскими возвышенностями лежитъ въ самыхъ крайнихъ долготахъ Азіи и въ южно-африканскихъ широтахъ; и между этими, то знойными, то холодными областями тянется обширное море, которое, будучи окружено съ трехъ сторонъ сушею, составляетъ какъ бы континентальное море или громадный заливъ. Само собой панятно, что здѣсь не могутъ дуть такіе же вѣтры, какъ на открытомъ океанѣ, который проходитъ черезъ всѣ широты: Индѣйскій океанъ такъ же, какъ и западная часть тихаго океана, лежащая между Явой, задней Индіей и Австраліей, имѣетъ свою собственную систему вѣтровъ; пассаты измѣняютъ здѣсь свое направленіе смотря по положенію солнца, и дуютъ лѣтомъ и зимою въ различныхъ противоположныхъ направленіяхъ. *Эти отклоненные пассаты мы называемъ муссонами.*

Между тѣмъ какъ пассаты, только спустя нѣсколько столѣтій, приобрѣли значеніе въ жизни и сношеніяхъ народовъ, муссоны имѣли неизмѣримое вліяніе на людей, живущихъ въ ихъ области, уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ. Безъ нихъ Китайцы, Индѣйцы и Аравитяне едва ли выработали бы себѣ уже въ глубокой древности образованность и цивилизацію; безъ нихъ мореплаваніе и торговля никогда не развились бы здѣсь въ такой степени и такъ рано. Они дали возможность этимъ народамъ, безъ особеннаго знакомства съ водами и мореплаваніемъ, предпринимать далекія поѣздки на просто устроенныхъ судахъ, въ одну половину года отправляя корабли въ отдаленныя области, въ другую возвращая ихъ съ такою же увѣренностію назадъ.

Какъ было за тысячу лѣтъ, такъ бываетъ и теперь: съ измѣненіемъ муссоновъ прибываютъ и исчезаютъ тысячи судовъ въ гаваняхъ этихъ береговъ. Отъ нихъ зависитъ состояніе погоды: они несутъ далеко во внутрь страны насыщенные водою облака и доставляютъ жаждущей землѣ живительный дождь, который одинъ только дѣлаетъ возможнымъ прозябаніе растений и воздѣлываніе земли, и питаетъ многочисленныя рѣки и озера.

Въ западномъ углу этой области муссоновъ лежитъ такъ-называемый берегъ *Занзибаръ* или *Суахели* (1), поприще путешествій фонъ-деръ-Декена. Здѣсь, какъ и въ странахъ, находящихся въ связи съ нимъ, именно въ передней Индіи, Аравіи и Мадагаскарѣ, дуетъ отъ ноября до марта такъ-называемый сѣверо-восточной муссонъ, а отъ апрѣля до октября — юго-западный (2). Его наступленіе происходитъ обыкновенно съ большою правильностію, однако въ различныхъ географическихъ широтахъ въ разныя времена, потому что вѣтеръ, происходящій отъ переменнаго жара и холода въ плоскихъ возвышенностяхъ центральной Азіи, не можетъ начаться въ одно и то же время какъ въ Мадагаскарѣ, такъ и на арабскомъ берегу. Небольшія уклоненія относительно направленія и времени замѣчаются по

близости суши, гдѣ наступаетъ ежедневно легкій переменный сухопутный и морской вѣтерокъ; большія уклоненія замѣчаются въ неправильные промежутки времени и никогда не обходятся безъ пагубныхъ послѣдствій для обитателей береговъ, гдѣ эти уклоненія случаются. Если, напр. противоположный вѣтеръ начнется слишкомъ рано, то многія суда, которыя хотѣли воспользоваться имъ, не успѣваютъ окончить своего плаванія: одни погибаютъ на открытомъ морѣ во время бурь при измѣненіи муссоновъ, другія, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ долгаго путешествія, принуждены бывають воротиться въ гавань, изъ которой предприняли плаваніе, не достигши цѣли; однимъ словомъ тысячи торговцевъ погибаютъ или терпятъ по крайней мѣрѣ большой ущербъ.

Какъ у насъ, когда поворачиваетъ вѣтеръ, господствуетъ нѣкоторое время затишье и дурная погода, такъ случается это и тамъ, только въ большихъ размѣрахъ при двойной смѣнѣ муссоновъ. Тутъ можно различать два періода дождей: такъ-называемый *большой*, въ мартѣ и апрѣлѣ, и *малый*, около октября. Подъ періодомъ дождей ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ понимать такую часть года, въ продолженіи которой цѣлый день или по крайней мѣрѣ каждый день долженъ идти дождь; напротивъ, въ одинъ день по нѣскольکو часовъ идетъ сильный дождь, въ другой день падаетъ только нѣскольکو небольшихъ дождей, а въ третій не выпадаетъ ни одной капли; но въ продолженіи большой части дня небо бываетъ прекраснаго голубаго цвѣта, синева котораго еще болѣе усиливается разрозненными облаками, ослѣпительно бѣлаго цвѣта. Періодомъ дождей слѣдовательно называютъ эти переходные моменты потому, что въ продолженіи этого періода сумма дней, въ которые выпадаютъ осадки, и масса этихъ осадковъ бываетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ прочія времена года.

Каждый наблюдательный европеецъ, прибывшій въ первый разъ въ Занзибаръ, долженъ замѣтить, что періоды дождей имѣютъ здѣсь не столь рѣзкій характеръ, какъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ между тропиками. Объясненіе этого явленія чрезвычайно просто: часть территоріи Занзибара лежитъ въ поясѣ дождей во всѣ времена года; она составляетъ пограничную область между двумя могучими государствами, которая попадаетъ подъ владычество то того, то другаго изъ нихъ. Собственно сухаго времени года нельзя различить на островѣ Занзибарѣ; самый сухой мѣсяцъ года впрочемъ есть ноябрь: въ 1859 году въ этомъ мѣсяцѣ выпало дожда только на одинъ дюймъ. Годичную массу дождей можно принять въ четверо больше, чѣмъ у насъ, именно почти въ 120 англійскихъ дюймовъ, изъ коихъ три четверти выпадаетъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, отъ февраля до мая. Эти данныя впрочемъ относятся только къ одному Занзибару, метеорологическія условія котораго стали намъ извѣстны, благодаря наблюденіямъ англійскаго доктора *Фроста*, между тѣмъ какъ въ Килоа, Момбасѣ, Ламу и др. до сихъ поръ не предпринимали никакихъ измѣреній.

Климатъ Занзибара причисляютъ къ влажнымъ, потому что воздухъ его всегда болѣе или менѣе насыщенъ водою. Какъ на всѣхъ тропическихъ островахъ и въ открытомъ морѣ, термометръ, шарикъ котораго обвернуть въ кусокъ сырой кисеи и подвергнуть такимъ образомъ охлаждающему вліянію испаренія, показы-

васть только двумя или четырьмя градусами меньше другаго, не обернутого, или, что то же самое, масса водяныхъ паровъ въ воздухъ равняется всегда слишкомъ двумъ третямъ того количества, которое вообще можно предполагать въ немъ при данной температурѣ. Далѣе, характерическую сторону климата Занзибара составляетъ почти совершенно равномерная температура. Вообще, она колеблется между 21° и 24° Р., днемъ и ночью, и во все мѣсяцы года она не выходитъ изъ этихъ тѣсныхъ границъ; очень рѣдко достигаетъ она до 26° , и столь же рѣдко, почти только послѣ грозъ, и то на короткое время, ниспадаетъ до 19° .

Такъ какъ Занзибаръ лежитъ только на шесть градусовъ къ югу отъ экватора, то здѣсь нельзя различать настоящихъ временъ года. Самое жаркое время года бываетъ передъ большимъ періодомъ дождей, съ декабря до февраля. Съ 21 или 22 июня, когда солнце достигаетъ своей крайней полдневной высоты (въ 60°), температура возвышается правильно. 9 октября солнце стоитъ въ зенитѣ, 22 декабря спускается потомъ къ сѣверу на 73° и опять поднимается къ зениту, пересѣкая его 5-го марта во второй разъ. Въ это время жаръ становится удушливый; европеецъ чувствуетъ себя неловко и бываетъ нерасположенъ работать. Въ февралѣ начинаются грозы и сильные ливни, являются также бури, очищая и освѣжая атмосферу. Отъ июня, по прошествіи большаго періода дождей, до сентября погода становится пріятно прохладною, даже часто холодною, ибо охлажденіе до 20 — 21° Р. становится уже довольно ощутительнымъ для привыкшихъ къ 24 — 25° .

Должно показаться страннымъ, что здѣсь, около экватора, температура не поднимается выше, тогда какъ стояніе термометра на 26° и даже болѣе не представляетъ ничего необыкновеннаго даже въ нашихъ широтахъ. Эта видимая неравномерность объясняется тѣмъ, что солнце въ Занзибарѣ свѣтитъ только 12 часовъ, у насъ же отъ 16 до 17, слѣдовательно оно вознаграждаетъ у насъ продолжительностію то, чего недостаетъ ему относительно силы. Впрочемъ, полдневная высота, до которой достигаетъ у насъ солнце въ іюль, во время сильнѣйшаго жара, отнюдь не меньше самой низкой полдневной высоты солнца въ Занзибарѣ. Различіе обоихъ климатовъ заключается въ томъ, что у насъ самый сильный жаръ продолжается лишь короткое время,—пока солнце свѣтитъ ярко,—и бываетъ не достаточно продолжителенъ для того, чтобы нагрѣть землю гораздо выше средней температуры отъ 7 до 8° Р., тогда какъ на Занзибарѣ господствуетъ во весь годъ почти одинаковая температура. Даже въ самые жаркіе дни погреба наши остаются прохладными и колодезная вода освѣжающею; въ часы полудня мы находимъ защиту въ домахъ, и, коль скоро наступитъ пасмурный день, жаръ спадаетъ. Въ Занзибарѣ, напротивъ, нѣтъ такого ночнаго или годичнаго охлажденія: море, земля, дома, вода,—все имѣетъ температуру отъ 22 до 23° и даже болѣе; потому что температура эта есть средняя годичная. Отсутствие измѣненій температуры, а вовсе не сила жара, дѣлаетъ непріятнымъ пребываніе на тропическихъ островахъ и имѣетъ расслабляющее вліяніе на европейца. Впрочемъ къ этому привыкаютъ очень скоро, находятъ постоянную температуру въ 23° Р. сносною и бывають очень недовольны, когда термометръ опускается до 20° . Прежде думали,

что климатъ Занзибара очень нездоровъ, и считали крайне опаснымъ провести хотя одну ночь въ глубинѣ острова; теперь дознано, что островъ этотъ одна изъ самыхъ здоровыхъ тропическихъ странъ, и что всякій, живущій здѣсь умѣренно и наблюдающій нормальность въ движеніяхъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ можетъ пользоваться постояннымъ здоровьемъ. Но этимъ все-таки не опровергается разслабляющее дѣйствіе равномерной температуры; мы не хотимъ также утверждать, что въ этой теплой странѣ чувствуешь себя также хорошо, какъ и въ умѣренномъ поясѣ: напротивъ, мы убѣдились изъ собственнаго опыта, что нельзя безнаказанно подвергаться долгое время этому физическому и нравственному напряженію.

Островъ Занзибаръ лежитъ между 5° 43' и 6° 28' южной широты и между 39° 13' и 39° 37' восточной долготы отъ Гринича, въ длинной, узкой выемкѣ, которая образуетъ материкъ начиная отъ Расъ Пуны до восточнаго мыса, и отдѣляется отъ этаго материка каналомъ, шириною только отъ 20 до 25 морскихъ миль (3). Восточный берегъ этого острова и лежащаго къ сѣверу отъ него острова Пембы составляетъ нѣкоторымъ образомъ продолженіе береговой линіи, прерванной бухтою, которая тянется изогнутою внутрь дугой отъ мыса Дельгадо до земли Сомали; поэтому кажется, что оба эти острова первоначально составляли съ материкомъ какъ бы одно цѣлое, и проливъ, отдѣляющій ихъ отъ него, образовался только вслѣдствіе теченій и другихъ обстоятельствъ.

На восточной сторонѣ острова глубина моря быстро возрастаетъ; напротивъ того, каналъ, въ особенности въ его болѣе узкой южной части, мелокъ и покрытъ многочисленными рифами и песчаными мелями: измѣренія глубины отъ мыса *Мая*, по направленію къ матеріку, показали глубину не болѣе 20 сажень. Далѣе, на сѣверъ, каналъ дѣлается глубже и между Пембою и берегомъ, въ недалекомъ растояніи отъ земли, не находятъ уже дна на 100 сажняхъ.

Несмотря на многочисленныя мели, рифы и маленькіе острова, наполняющіе Занзибарскій каналъ, плаваніе по немъ не очень опасно и не затруднительно; ибо, кромѣ сильныхъ *теченій*, господствующихъ какъ внутри, такъ и внѣ канала, а иногда, преимущественно на югѣ и на восточной сторонѣ острова, достигающихъ въ продолженіе часа быстроты отъ трехъ и болѣе морскихъ миль, морякамъ нечего бояться. Если корабль охватывается такимъ теченіемъ, то, при затишьѣ, наступающемъ часто около берега, онъ легко можетъ уклониться отъ цѣли; и на самомъ дѣлѣ случалось, что корабли въ этомъ случаѣ не могли войти въ каналъ, но неудержимо были гонимы къ сѣверу по восточной сторонѣ острова и, даже за Пембу, и только по ту сторону этого острова, гдѣ теченіе слабѣе, снова попадали во внутренній фарватеръ, и такимъ образомъ, только черезъ нѣсколько недѣль достигали Занзибара. По этому, приближаясь къ острову съ юга, должно держаться отъ мыса Пуна не вдалекѣ отъ берега материка, чтобы не замедлить прибытіемъ въ Занзибаръ.

Какъ извѣстно, большія морскія теченія производятся собственно вращеніемъ земли: вода остается за поверхностью земли, отражается отъ восточныхъ береговъ континентовъ, и, смотря по ихъ формѣ, принимаетъ различныя направленія. У восточнаго берега Африки главный потокъ, такъ-называемое Мозамбикское теченіе, поворачиваетъ между Мадагаскаромъ и материкомъ и идетъ по направленію къ югу, а меньшій потокъ отъ мыса Дельгадо идетъ на сѣверъ. На направленіе теченій по поверхности моря имѣютъ существенное вліяніе муссоны: сѣверо-восточный муссонъ задерживаетъ большой сѣверный потокъ, а юго-западный ускоряетъ его. Въ Занзибарскомъ каналѣ, преимущественно по близости отъ суши, замѣчаются еще другія теченія, происходящія отъ смѣненія приливовъ и отливовъ. Слѣдовательно морякъ долженъ точно знать наступленіе прилива и отлива, чтобы воспользоваться обстоятельствами, вызванными ими.

Время высшаго уровня воды въ день полнолунія, продолжается для всего берега Суахели отъ 4 часовъ до 4 часовъ 45 минутъ. Съ каждымъ слѣдующимъ днемъ этотъ уровень начинается 50¹/₄ минутами позднѣе, такъ что по прошествіи мѣсяца онъ совпадаетъ опять съ тѣмъ же часомъ. Разница въ уровнѣ воды при приливѣ и отливѣ, въ различныхъ мѣстахъ берега, составляетъ 12—16 футовъ. Высокіе приливы начинаются три дня спустя послѣ полнолунія и новолунія; при этомъ замѣтили, что утренніе приливы бываютъ всегда выше вечернихъ. При появленіи первой четверти луны разница въ уровнѣ воды бываетъ въ половину меньше.

Приливы и отливы имѣютъ для жителей острова и берега большую важность; они значительно вліяютъ на торговлю, и благодаря имъ, мѣстности эти пользуются сравнительно здоровымъ климатомъ. Берегъ Занзибара, внутри линіи приливовъ, покрытъ пометами людей и животныхъ, и, еслибы его не затопляла вода, то воздухъ заразился бы миазмами; но вотъ дважды въ день является приливъ и уноситъ все, что оскорбляетъ наши чувства.

Видъ страны бываетъ различенъ, смотря по состоянію приливовъ и отливовъ. Если вода понижается, то тамъ, гдѣ приливъ еще такъ недавно кипѣлъ у крутыхъ известковыхъ скалъ, является длинный, ослѣпительно бѣлый берегъ; многочисленныя мели и рифы появляются изъ безцвѣтныхъ отмелей, и толпа трудолюбивыхъ рыбаковъ ловитъ различныхъ съѣдаемыхъ животныхъ. Когда потомъ съ наступленіемъ прилива поднимется до сихъ поръ дремавшій вѣтеръ, рыбаки, нагруженные добычею, возвращаются въ свои хижины; рифы, окруженные пѣною, исчезаютъ, и вскорѣ прежде оживленный берегъ опять покрывается вздымающимися волнами.

Занзибаръ есть *коралловый островъ*. Главная его масса образовалась изъ твердыхъ каменныхъ породъ, которыя состоятъ преимущественно изъ отжившихъ построекъ *мадрепоръ*. Онъ принадлежитъ къ длинному ряду коралловыхъ формацій, которыя окружаютъ, съ очень незначительными перерывами, Африку у ея

восточнаго берега, начиная отъ Краснаго моря до Наталя, и являются частью въ видѣ известковыхъ скалъ, которые еще далеко тянутся подъ водою опасными рифами,—частью же маленькими удлинненными островками, идущими въ незначительномъ разстояніи и въ одинаковомъ направленіи съ нею. Прежде чѣмъ значительно поднялся восточный берегъ Африки, мадрепоровая скала теперь уже вывѣтривающаяся, покоилась на днѣ морскомъ, образуя, какъ можно предполагать, рыхлую массу, произшедшую изъ известковаго ила и коралловыхъ обломковъ, которые осаждались между постройками еще живыхъ животныхъ и умертвили ихъ. Масса эта окружила собою и другихъ животныхъ, множество раковинъ, морскихъ ежей и звѣздъ, имѣвшихъ свои жилища частію на коралловыхъ вѣтвяхъ, частію въ скважинахъ между ними. Первоначально бывшее рыхлымъ, это отложеніе впоследствии было сплочено выдѣленіемъ растворившейся въ морѣ извести; когда оно выступило надъ поверхностью воды, дождь, содержащій углекислоту, имѣлъ на нее подобное же вліяніе, растворяя известъ на верху и снова отлагая ее внизу въ формѣ кристалловъ.

Такимъ образомъ сформировалась мало по малу твердая каменная масса, которая при переломѣ не обнаруживаетъ болѣе своего смѣшаннаго состава изъ построекъ животныхъ, а скорѣе заставляетъ предполагать, судя по листообразнымъ кристаллическимъ формаціямъ, которыя она столь часто принимала въ себя, положительно неорганическое происхожденіе. Часто отдѣльныя составныя части массы обнаруживаются только при значительномъ вывѣтриваніи: тогда лучше другихъ сохранившіяся морскія животныя, морскіе ежи и морскія звѣзды, лежація въ своей скорлупѣ, легко выдѣляются изъ окружающаго ихъ рыхлаго камня. Всѣ собираемыя такимъ образомъ окаменѣлости принадлежать существующимъ и теперь породамъ.

На берегу, гдѣ волны производятъ свое разбивающее и растворяющее дѣйствіе, вывѣтриваніе совершается скоро; мягкія животныя или песокъ, забившіеся промежду болѣе твердыхъ частей, вымываются изъ нихъ водою; образуется множество дыръ и скважинъ, такъ что скала становится похожею на окаменѣлую губку. Вода вымываетъ также большіе гроты и пещеры, въ которыя, во время приливовъ, проникаютъ волны, болѣе и болѣе расширяя ихъ, пока наконецъ онѣ не обвалятся. Такія *пещеры*, образовавшіяся вслѣдствіе особеннаго возрастанія коралловыхъ формацій и имѣющія обыкновенно сверху довольно широкій входъ, встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ и во внутренности острова. Объ этихъ пещерахъ и объ ихъ извилистыхъ ходахъ разсказывали чудесныя вещи, и мы поэтому посѣтили нѣкоторыя изъ наиболѣе извѣстныхъ, неподалеку отъ *Думи*, почти въ серединѣ острова, но не нашли ничего необыкновеннаго. Отверстія, выстланныя мѣстами небольшими сталактитами, частію поросли деревьями и кустами и служатъ мѣстопребываніемъ для большихъ улитокъ съ створчатыми раковинами; окаменѣлостей же мы не нашли никакихъ.

Поверхность коралловой извести неглянцовата, шероховата и усажена множествомъ твердыхъ, острыхъ зубцовъ и похожа по виду на зубчатую внутрен-

ность многих кварцовых друзъ. На берегу и во внутренности страны часто встрѣчаются большія коралловыя поляны такого характера; онѣ причиняютъ большія затрудненія путешественнику: самая лучшая обувь рвется, а лошади и ослы могутъ двигаться только съ большою опасностью для своихъ копытъ.

И въ этой, болѣе твердой, каменной формации находится множество скважинъ и разсѣлинъ, черезъ которыя всюду, гдѣ нѣтъ глинистаго покрова, скоро просачивается дождевая вода. На Занзибарѣ это замѣчается главнымъ образомъ на восточномъ берегу и въ южной части острова; тамъ же, гдѣ этого не бываетъ, формация эта покрыта слоемъ плодородной земли. Эта послѣдняя бываетъ здѣсь двоякаго рода: *красный глиноземъ*, на которомъ роскошно растутъ произведенія тропическаго моря,—и *сырая, также содержащая глину, но болѣе*

Песчаниковыя формации около Занзибара.

рыхлая и песчаная земля, которая не годна для воздѣлыванія гвоздикъ и питательныхъ растений, но за то весьма пригодна для кокосовыхъ пальмъ и другихъ полезныхъ растений,

Половина или двѣ трети изъ 29 географическихъ квадратныхъ миль поверхности острова способны къ воздѣлыванію, а остальная часть представляетъ сухое, пустынное каменистое поле съ весьма скудною растительностью,

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ острова встрѣчаются значительныя отложенія сѣрбурого, довольно рыхлаго *песчаника*. Гдѣ онъ защищенъ растительнымъ покровомъ, тамъ сильные ливни скоро растворяютъ слабо связанную массу и отдѣляютъ отъ нея отдѣльные кусочки, послѣ чего остаются только болѣе плотныя части слоевъ въ формѣ особеннаго характера столбовъ. Нашъ рисунокъ, снятый съ фотографіи, представляетъ такую формацію, находящуюся на восточномъ берегу острова, на растояніи двухъ или трехъ миль отъ города.

Неподалеку отъ моря, тамъ, гдѣ берегъ начинаетъ покрываться зеленью и кустарниками, появляются мѣстами тонкіе слои черного *железняка*, отложившіеся подъ поверхностью толщиною въ руку, Это, кажется, та же самая желѣзная руда, которая часто встрѣчается внутри восточной Африки и на Мадагаскарѣ. Здѣсь на Занзибарѣ она встрѣчается въ весьма небольшомъ количествѣ и потому ее не стоитъ и добывать.

Нашъ островъ немного возвышается надъ уровнемъ моря; самые высокіе его пункты не болѣе на 100 футовъ выше этого уровня; только одна небольшая *рядъ холмовъ*, пересекающая внутренность острова отъ сѣвера къ югу, возвышается на нѣсколько сотъ футовъ, Самую значительную возвышенность представляетъ отдѣльно стоящая коническая гора *Кумкене* (на картахъ *Кумбини*), находящаяся на югозападѣ острова и достигающая 400 футовъ высоты.

Внутренность острова, какъ она ни мала, доселѣ была мало извѣстна: правда, живущіе тамъ европейцы часто посѣщали находящіяся тамъ шамбы или плантаціи, но ихъ опыты не принесли пользы земледѣлію. Только въ послѣднее время дѣлопроизводитель французскаго консульства *Яблонскій*, живущій уже десять лѣтъ въ Занзибарѣ, обнаружилъ нѣкоторыя свѣденія касательно характера почвы во внутренности острова. По его словамъ, островъ возвышается съ востока и запада и въ срединѣ снова понижается и представляетъ каменистую продолжную долину, по обѣ стороны которой тянутся вышеупомянутыя холмы. Очень опредѣленно и подробно высказывается также французскій путешественникъ *Грандидье*, объѣхавшій внутренность острова къ сѣверу и югу отъ города и посѣтившій восточный берегъ двумя различными путями. Очеркъ результатовъ этого путешествія (въ которомъ мы, къ сожалѣнію, не могли по болѣзни принять участія) и прекрасныя свѣденія, любезно сообщенныя намъ *Яблонскимъ*, дали намъ возможность пополнить нашу карту Занзибара.

Особенное строеніе каменныхъ массъ, составляющихъ островъ, дѣлаетъ невозможнымъ существованіе длинныхъ рѣчныхъ ложъ. Отъ падающихъ въ большомъ количествѣ дождей остаются только небольшія рѣчки, самая значительная изъ нихъ есть *Муэра*, содержащая въ себѣ въ сырое время года на столько воды, чтобы приводить въ движеніе мельницу. Но и эти рѣчки, покидая глинистую почву, теряются въ расщелинахъ коралловой извести и потомъ снова появляются на берегу въ видѣ небольшихъ источниковъ. Одна изъ этихъ рѣчекъ,—именно *Бубубу*,

лежащая за пять морскихъ миль къ сѣверу отъ города, проводится посредствомъ канала къ морскому берегу. Здѣсь корабли европейцевъ наполняютъ, когда шлюпки во время прилива могутъ войти туда, свои бочки водою. Ближе лежащая къ гавани рѣчка *Мтони* даетъ менѣе хорошую воду.

Въ другихъ частяхъ острова, гдѣ почва покрыта непроницаемымъ слоемъ, встрѣчаются небольшіе *пруды* и *болота*. Они поросли тростникомъ и блѣдно-голубыми водяными лиліями и служатъ удобнымъ мѣстопробываніемъ для водяныхъ птицъ и лягушекъ, даютъ туземцамъ воду для мытья и питья, но, такъ какъ они иногда совсѣмъ высыхаютъ, не мало способствуютъ распространенію слуховъ о нездоровомъ климатѣ острова. Изъ такихъ лежащихъ по близости лужъ снабжаютъ водою городъ многочисленныя толпы негритянскихъ дѣвушекъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Питательныя и хозяйственныя растенія.

Введеніе.—Растительность въ различныхъ частяхъ острова.—Рисъ, маисъ, бобы, горохъ, много, бататъ, ямъ.—Овощи, кокосовая пальма, финиковая и саговая пальмы, бананъ, манго, хлѣбплодь, папайя, дыня, ананасъ, померанецъ, гранатовое яблоко, личи, ямроза, гуява, анона или сулейникъ, гвоздика, мускатный орѣхъ, коричное дерево, красный перецъ, сезамъ, сахарный тростникъ, индиго, хлопчатникъ, кофе.

Растительность на Зинзибарѣ весьма роскошна. Кто ознакомляется съ этимъ прекраснымъ островомъ, того восхищаютъ полнота и богатство жизни, раскрываемой предъ его взорами природою. Здѣсь соединяются всѣ условія для роскошнаго развитія растеній: почва превосходна, воздухъ тепелъ и влаженъ какъ въ теплицѣ,—и потому не удивительно, что плодородіе здѣсь необыкновенное.

Растительность острова походитъ на растительность близлежащаго материка, но менѣе ея первобытна, такъ какъ въ ней принимаетъ участіе и Остъ-Индія, и самыя важныя изъ воздѣлываемыхъ здѣсь растеній происходятъ оттуда. Богатый, сто и тысяче-кратный доходъ вознаграждалъ и вознаграждаетъ не большой трудъ воздѣлыванія. Весь островъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, совершенно неплодородныхъ, областей, представляетъ какъ бы одинъ цвѣтущій и благоуханный садъ. Вездѣ замѣчается избытокъ и благосостояніе: при богатствѣ произведеній Занзибара и при незначительныхъ потребностяхъ его жителей на счастливомъ островѣ нѣтъ бѣдности.

Чувствуешь неописанное удовольствіе, проходя по безконечнымъ плантаціямъ и ознакомляясь ближе съ прекрасными растеніями и плодами, о которыхъ такъ много слышалъ и читалъ уже на родинѣ. Полнота впечатлѣній дѣйствуетъ почти подавляющимъ образомъ, и потому то не такъ скоро удастся ознакомиться даже только съ важнѣйшими изъ безчисленныхъ произведеній растительнаго царства. Это становится тѣмъ затруднительнѣе для чужестранцевъ и неспеціалистовъ, что и до сихъ поръ не существуетъ еще хорошей популярной книги, которая бы съ достаточною подробностью описывала растенія жаркаго пояса. Мы сами, подобно большинству живущихъ на Занзибарѣ европейцевъ, не свѣдуши въ ботаникѣ, и только по возвращеніи въ отечество, собирая различныя описанія, разбросанныя въ книгахъ и журналахъ, получили возможность дать нашимъ наблюденіямъ необходимую научную основу. Потому мы сочли себя въ правѣ изложить здѣсь то,

чему научились здѣсь и что узнали тамъ. Наше изложеніе не имѣетъ притязанія ни на полноту, ни на научность, а просто имѣетъ цѣлью дать общую картину, конечно излишнюю для специалиста, но можетъ быть не совсѣмъ безъ интересную для несвѣдущаго и избавить его отъ неблагогодарнаго труда собственнаго изысканія.

Каждый клочекъ удобной для воздѣлыванія земли употребляется на Занзибарѣ для потребностей многочисленнаго населенія, но здѣсь странѣ придаютъ извѣстный типъ не злаки, и травы, какъ у насъ, а главнымъ образомъ деревья. И Суахелійцамъ семейство злаковъ также даетъ насущный хлѣбъ; но ихъ почва производитъ кое-что болѣе драгоцѣнное, чѣмъ обыкновенныя питательныя растенія, и потому они разводятъ на ней преимущественно торговыя растенія, приносящія больше барыша, чѣмъ рисъ, просо и т. п. зерновыя плоды, которые здѣсь легко получаютъ съ материка и изъ Индіи. *Кокосовая пальма* и *воздичное дерево* — вотъ главныя растенія плодородной сѣверозападной половины острова: послѣднее всего лучше произрастаетъ по близости красной цѣпи холмовъ, которые тянутся нѣсколькими вѣтвями съ сѣвера до середины острова, а первое на сѣрой, болѣе песчаной глинистой почвѣ по близости моря.

Одинокое стоящая кокосовая пальма плѣняетъ новичка, а кокосовый лѣсъ не можетъ доставить особеннаго удовольствія. Въ немъ одно дерево похоже на другое; почва между ними едва питаетъ какую нибудь травку; оживляющей тѣни нѣтъ; путешественникъ, тщетно ищущій пріюта, находитъ даже несноснымъ нѣжный шелестъ жесткихъ, блестящихъ листьевъ. Подобные лѣса гораздо однообразнѣе нашихъ хвойныхъ: они беззвучны и лишены всякаго одѣянія. Но и кокосовая пальма можетъ быть украшеніемъ мѣстности, тамъ, гдѣ она одинокое поднимается изъ листвы плодовыхъ деревъ и оживляетъ однообразную растительность. Только здѣсь можно оцѣнить это благородное дерево; только здѣсь понимаешь его красоту.

Таковы-то кокосовые лѣса Занзибара. Кругомъ виднѣются въ нихъ безчисленныя хижины негровъ и красивыя дачи богатыхъ землевладѣльцевъ. Различныя виды овощей и фруктовыхъ деревъ окружаютъ жилища людей, и исполинскія манговыя деревья, которыя по красотѣ своего листованнаго вѣнца не уступаютъ въ достоинствѣ пальмѣ, но далеко превосходятъ ее своею величавостью и продолжительностію листованнаго украшенія, и даютъ кромѣ того драгоцѣнную тѣнь.

Противоположность съ могучей, темнозеленой листвою мангового дерева составляютъ темно-зеленоватыя *воздичныя деревья* съ своимъ усѣченнымъ коническимъ вѣнцомъ, сравнительно малаго роста. Подобно кокосовой пальмѣ, они до того истощаютъ плодородную почву, что въ тѣни ихъ не прозябаетъ ни одного растенія; но на большихъ пространствахъ, покрытыхъ прямыми, скрещивающимися аллеями этихъ деревъ, только изрѣдка замѣчаешь хижины и плантаціи негровъ, разнообразящія однообразный колоритъ. Въ то время какъ кокосовую пальму можно назвать деревомъ бѣдныхъ, такъ какъ она удовлетворяетъ всѣ потребности ихъ въ продолженіе короткаго срока, не требуя издержекъ, не приносящихъ процентовъ, гвоздичное дерево, доставляющее только односторонній доходъ, а не пищу, принадлежитъ богатымъ землевладѣльцамъ, которыхъ одиночныя и замкнутыя ка-

менные дома, лежащіе въ срединѣ между рабочими жилищами, оно окружаетъ въ соединеніи съ апельсинными и другими плодовыми деревьями, доставляя имъ въ тоже время неописанно-пріятное благоуханіе, которое, имѣя на иностранца почти одуряющее дѣйствіе, наполняетъ каждую комнату. Гвоздичныя и апельсиныя деревья образуютъ разнообразныя парки, которые, если и не могутъ сравниться съ нашими по красотѣ ландшафтовъ, но всё таки необыкновенно привлекательны.

Печальную противоположность этому составляютъ *каменистыя равнины* въ срединѣ острова, коралловыя поля, окруженныя только съ сѣвера и запада плодородной каймой, на востокъ же и югъ переходящія въ еще болѣе пустынные и дикія цѣпи холмовъ. Какъ ни кажется однако бесплодною эта почва, но подъ этимъ счастливымъ небомъ, вездѣ гдѣ только есть хотя малѣйшіе слѣды подпочвы, прозябаютъ въ большомъ разнообразіи полезныя, хотя и невзрачныя, растенія. Негры сажаютъ здѣсь свое кафрское просо и другія питательныя растенія на маленькихъ поляхъ, окруженныхъ каменными массами. Среди этого мѣста, показавшагося намъ пустынею послѣ того, что мы видѣли до сихъ поръ, разбросаны маленькіе, милые видныя оазисы,—мѣста на которыхъ жидкій слой глины покрываетъ на большомъ протяженіи извѣстковую скалу и дѣлаетъ возможнымъ прозябаніе болѣе высокыхъ растеній. На этихъ мѣстахъ негры преимущественно строятъ свои хижины, и разсаживаютъ вокругъ ихъ любящія каменную почву папаи или дынные деревья; на этихъ мѣстахъ возвышаются, вмѣсто вершинъ кокосовыхъ пальмъ, еще болѣе стройныя и многочисленныя вершины гордыхъ арекъ и высокія вершины дулебовой пальмы съ утолщеннымъ по срединѣ стволомъ.

Чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться къ восточному берегу, тѣмъ пустыннѣе будетъ становиться страна. Острые зубцы коралловой извести, не покрытые никакою растительностію, неподвижно лежатъ передъ глазами путешественниковъ; они служатъ притомъ и значительною помѣхою для путешественника какъ пѣшкомъ такъ и на лошади. Дорожки вскорѣ прекращаются; верховыя и вьючныя животныя должны быть отпущены, и съ трудомъ отыскиваютъ себѣ путешественникъ переходъ черезъ это окаменѣвшее море, изъ котораго, подобно островамъ, поднимаются цѣпи холмовъ; они хотя и покрыты зеленью, но зелень эта состоитъ изъ низкорослаго, дикаго, почти непроходимаго кустарника, изъ котораго только изрѣдка поднимается тамариндъ или копаль. Если вдали замѣтишь нѣсколько пальмовыхъ вершинъ, то изъ этого съ вѣроятностію можно заключить, что находишься опять не вдалекѣ отъ человѣческихъ жилищъ. Кокосовая пальма растеть здѣсь только въ очень близкомъ разстояніи отъ берега, и она одна дѣлаетъ восточный берегъ острова нѣсколько похожимъ на западный; ибо во всемъ прочемъ растительность обоихъ береговъ очень существенно отличается другъ отъ друга. Берегъ зеленѣетъ въ роскошной листвѣ деревьевъ издалева напоминающей намъ наши хвойныя лѣса: здѣсь видны *казуарины*, которыя растутъ на всемъ восточно-африканскомъ берегу и на маленькихъ, окружающихъ его, островкахъ, равно какъ и на восточной сторонѣ острова. Къ нимъ присоединяются еще *панданы*,—кусты стройной формы съ зубчатыми щитовидными листьями, расположенные спирально вокругъ ствола. Въ мѣстахъ, гдѣ скудный ручеекъ прѣсной воды вливается въ

море, растетъ темнолиственное *манлевое дерево*: странное растеніе, стоящее во время приливовъ среди соленыхъ воднъ, а во время отлива поддерживающееся только тонкими, распростертыми въ разныя стороны кореньями и какъ бы парящее въ воздухѣ. Въ этой части острова и на цѣпи холмовъ, которые прорѣзываютъ его съ сѣвера на югъ, растительность, уже въ недалекомъ разстояніи отъ многочисленныхъ деревень, лежащихъ непосредственно около моря, еще совсѣмъ первобытна; и, если на сѣверо-западной сторонѣ острова, покрытой аллювіемъ, только изрѣдка встрѣчается невоздѣланное растеніе, то здѣсь на оборотъ не замѣтишь и слѣда человѣческой дѣятельности. Человѣкъ, свѣдущій въ растеніяхъ, встрѣтилъ бы здѣсь для себя богатую жатву, между тѣмъ, какъ прочія части острова сулятъ новое только для неспеціалистовъ. Дѣлая изслѣдованіе надъ растительностію, можно бы было доискаться, составлялъ ли прежде Занзибаръ одно цѣлое съ материкомъ и другими маленькими, лежащими между ними, островами, какъ заставляють предполагать это столь многочисленные признаки.

Значительная часть жителей Занзибара питается *рисомъ*. Воздѣлываніе этого зерноваго растенія было прежде столь значительно, что при населеніи, конечно меньшемъ теперешняго, его могли вывозить; теперь оно до того упало, что изъ 70,000 гектолитровъ, потребляемыхъ здѣсь ежегодно, островъ производитъ самъ едва тридцатую часть этого числа, а недостатокъ пополняется привозомъ изъ Мадагаскара и Индіи.

Рисъ произрастаетъ преимущественно на низменныхъ и влажныхъ долинахъ на сѣверо-западѣ острова, превращающихся во время дождей въ болота и пруды, которые, по мѣрѣ ихъ высыханія, обрабатываютъ.

Болѣе бѣдные люди питаются *мтамою* или *кафрскимъ просомъ*, значительно распространеннымъ растеніемъ, которое называется въ Индіи *іовари*, въ Египтѣ и Нубіи *дурхою*, а въ Вестъ-Индіи *Guineakorn* (гвинейскимъ зерномъ). Растеніе мтама значительно выше проса, воздѣлываемаго у насъ. Въ Суданѣ оно достигаетъ отъ пяти до шести, а въ Занзибарѣ до восемнадцати футовъ высоты. Листья у большихъ растеній имѣють до двухъ съ половиною футовъ въ длину, два дюйма въ ширину. Цвѣты, выходя изъ оконечности стебля большими вѣнчиками или колосьями, похожи на мужскіе цвѣтки маиса, но, когда образуется плодъ, склоняются внизъ подъ тяжестью зеренъ, которая скучены на немъ въ такомъ значительномъ количествѣ, что посѣянное зерно положительно даетъ сто зеренъ. Зерна круглыя и заострены въ томъ мѣстѣ, гдѣ они прикрѣпляются къ стеблю, и похожи на маисовыя, которыя только немного выпуклѣе вверху и заостреннѣе внизу и не такъ сплющены; соломенная, плотно сидящая оболочка окружаетъ каждое зерно. Очищенное зерно размельчается колотушкою въ деревянной ступкѣ и сортируется на красную и бѣлую мтаму. Болѣе мелкій видъ этого плода называется *малева*.

Мтама частью варится, частью печется маленькими плоскими бурами хлѣбами, въ грубо размельченномъ видѣ.

Различные виды бобовъ (*кунде*), и маленькій, сѣровато-зеленый видъ *гороха* (*джироко*) точно также воздѣлываются здѣсь и употребляются въ значительномъ количествѣ болѣе бѣдными людьми. Гораздо въ меньшемъ употребленіи здѣсь *маисъ* (*магинди*, т. е. индѣйское зерно), столь необходимый въ другихъ странахъ; онъ преимущественно употребляется въ видѣ приправы или ради хорошаго вкуса поджаренныхъ его головокъ. То же самое можно сказать и о маслянистыхъ *земляныхъ орѣхахъ* (*etrachis hypogea L.*) и о *фисташковыхъ орѣхахъ* (*Pistazia vera L.*), хотя они, въ особенности же первые, могли бы приобрести и здѣсь не меньшее значеніе, чѣмъ на западномъ африканскомъ берегу.

Не менѣе риса и кафрскаго проса важны здѣшніе представители нашего картофеля. Между ними первое мѣсто занимаетъ *мюю*, называемое въ своемъ мнимо́мъ отечествѣ, южной Америкѣ, *маньокомъ* или *кассавою*; это растеніе какъ бы нарочно созданное для лѣнливыхъ негровъ: его зеленый стебель, будучи просто посаженъ въ землю, уже послѣ трехъ мѣсяцевъ, даетъ для употребленія въ пищу твердые, мучнистые корни.

Много, напротивъ, приобрѣло права гражданства почти во всѣхъ теплыхъ странахъ; оно принадлежитъ къ семейству молочайныхъ, которыя содержатъ во всѣхъ своихъ частяхъ, въ листьяхъ, стеблѣ и корняхъ, молочный, часто ядовитый, сокъ. Семейство это чрезвычайно разнообразно формами. Уже намъ извѣстны многіе, съ виду очень сочные, виды этого семейства; еще значительнѣе это разнообразіе въ древесныхъ и кустарниковыхъ видахъ, часто чрезвычайно похожихъ по своимъ формамъ на кактусы и молочай, которые растутъ въ жаркихъ странахъ и имѣютъ здѣсь своихъ разнообразнѣйшихъ представителей. Они доставляютъ медицинъ ароматную каскариловую кору и ѣдкое, сильно слабящее кротоновое масло (*Croton Eluteria Sw.* и *Croton tiglium L.*), а промышленности—теперь почти необходимый каучукъ или резину (*Siphonia* или *jatropha elastica Pers.*), не говоря уже о другихъ продуктахъ. Значительнѣе всѣхъ прочихъ видовъ *jatropha manihot L.*, нашъ много, коего корень употребляются въ пищу.

Многовое поле напоминаетъ расадникъ. Тонкіе, узловатые стебли поднимаются до высоты человѣческаго роста и простираются, преимущественно отъ вершины, во всѣ стороны свои длинные листья, формою похожіе на руку. Средняя лопасть листа имѣетъ около шести дюймовъ въ длину, каждая изъ двухъ близлежащихъ слишкомъ на дюймъ меньше и наконецъ каждая изъ двухъ крайнихъ тремя дюймами короче. Начиная отъ основанія лопасти увеличиваются въ ширину до трехъ четвертей ихъ длины, расширяясь постепенно приблизительно на два дюйма и потомъ суживаются къ вершинѣ. Веретенообразные, узловатые корни бывають часто болѣе одного фута длиною и толщиною отъ четырехъ до пяти дюймовъ. Полной зрѣлости своей они достигаютъ въ девять или двѣнадцать мѣсяцевъ, не смотря на то, что они даютъ урожай уже по прошествіи четверти года.

Американскій корень кассавы содержитъ въ себѣ острый ядъ; но онъ имѣетъ однако свойство скоро улетучиваться и разлагается уже при сушеніи клубней, кипяченіи ихъ въ водѣ и поджариваніи въ золѣ. Родственные ему виды, воздѣл-

ваемые на Занзибарѣ, не столь ядовиты; поэтому тамъ и нѣтъ нужды въ копотливомъ приготовленіи ихъ, а бываетъ достаточно поджарить корни, или, очистивши ихъ, просушить на солнцѣ. При этомъ начинается повидимому броженіе, по крайней мѣрѣ сушеные корни распространяютъ сильный запахъ, который напоминаетъ испаренія солода въ нашихъ пивоварняхъ. Когда вы ночуете въ хижинѣ негра, можетъ быть даже съ чувствомъ жажды послѣ долгой дневной ходьбы и когда васъ охватываютъ такіа пріяныя испаренія, то вы съ трудомъ засыпаете отъ тоски по родинѣ и отъ желанія выпить кружку крѣпкаго пива и часто ощущаете по истинѣ Танталовы мученія, потому что воображеніе все болѣе и болѣе представляетъ вамъ, что пивоварня не далѣе, какъ за сто шаговъ отъ васъ, и вдругъ, пробудившись отъ грёзъ, вы узнаете, что эти испаренія происходятъ отъ сушащагося мхого.

По формѣ и цвѣту мхого, въ томъ видѣ, въ какомъ оно привозится на рынокъ, похоже на грязные куски жженой или отбѣленной кости; негры потребляютъ это сухое кушанье безъ всякихъ дальнѣйшихъ приготовленій. На столы европейцевъ оно почти никогда ни попадаетъ, потому что они считаютъ корни, приготовленные какъ картофель, слишкомъ грубыми, а испеченные изъ него пироги слишкомъ жесткими, между тѣмъ какъ Бреолы, какъ извѣстно, ѣдятъ съ несравненнымъ удовольствіемъ свой маньокъ, и, если живутъ долгое время въ Европѣ, то стараются и здѣсь, съ большимъ трудомъ и издержками, изготовить свое любимое бразильское національное блюдо.

Мхого не очень питателенъ, потому что, кромѣ волоконъ, онъ содержитъ только крахмалъ. Прежде предполагали снабжать европейскія арміи очень дешевою мукою изъ корней маньока, но вскорѣ нашли, что употребленіе въ пищу легкаго крахмала прилично жителямъ тропическихъ странъ, но онъ не можетъ насытить жителей сѣверныхъ странъ съ болѣе развитыми потребностями.

Второй видъ картофеля, воздѣлываемый на Занзибарѣ,—это такъ называемый *сладкій картофель* или *бататъ*, принадлежащій къ другому семейству, именно къ вьющимся растеніямъ, и слѣдуетъ поэтому по ботанической классификаціи, за нашимъ европейскимъ картофелемъ, принадлежащимъ къ семейству пасленовыхъ. Поле, засѣянное этимъ картофелемъ, кажется также довольно страннымъ: видишь цвѣтушія грядки ползучихъ колокольчиковъ, и думаешь, что сѣмена ихъ вѣроятно могли бы быть употреблены съ пользою, при чемъ и въ голову не приходитъ, что тутъ растутъ толстые клубни, служащіе пріятною пищею.

Бататы, *Coccolobus Batates L.*, растутъ какъ злаки. Ихъ многочисленныя, ползучіе, блѣдно-желтыя, круглыя стебли достигаютъ отъ шести до восьми футовъ длины и пускаютъ отъ каждаго колѣнца или сгиба узловатыя корни. Угловатыя листья сидятъ на длинныхъ стебляхъ. Цвѣты, имѣющіе форму, похожую на наши колокольчики, окрашены въ красно-пурпуровый цвѣтъ.

Бататъ также созданъ повидимому для лѣнливыхъ людей. Каждая вѣтка, посаженная въ землю, разстилается по ней и образуетъ часто отъ сорока до пятидесяти клубней, которые, спустя восемь или десять мѣсяцевъ, можно собирать; даже каждый оставшійся въ землѣ корешокъ продолжаетъ плодиться, если выпадаетъ

дождь, хотя одинъ только разъ, но въ изобиліи. Сладковатые, молочные корни достаточно питательны и, предварительно испеченные, могутъ вполне замѣнить нашъ картофель, этотъ почти необходимый для привыкшихъ къ нему европейцевъ плодъ.

Бататы растутъ во всѣхъ теплыхъ странахъ безъ всякаго особеннаго ухода и приносятъ богатый доходъ. Въ Бразиліи ихъ почему то подаютъ только какъ лакомство за столомъ у богатыхъ плантаторовъ, а работникамъ подается почти исключительно посредственная кассава. Бататъ попалъ въ Европу раньше нашего акклиматизированнаго, обыкновеннаго картофеля: уже въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія его ввезли въ Англію *Фрэнсисъ Дрэкъ* и сэръ *Джонъ Гаукинсъ* и общезвѣстный нашъ картофель (англ. potato) получилъ отъ него свое названіе.

Наконецъ упомянемъ о клубняхъ *ямса*, вьющагося растенія, подходящаго къ касатикамъ, — *Dioscorea sativa* L., и о другихъ похожихъ видахъ. Ихъ часто разводятъ около кокосовыхъ пальмъ, гдѣ стебли ихъ находятъ себѣ естественную опору. Растеніе ямсъ происходитъ съ востока и оттуда было разведено въ Остъ Индіи и Южной Америкѣ, нѣкоторымъ образомъ въ обмѣнъ на кассавы и бататы. Оно достигаетъ двадцати футовъ высоты. Его гладкіе, заостренные листья сидятъ на длинныхъ стебляхъ, изъ основанія которыхъ выходятъ маленькіе цвѣтки. Большой корень, нерѣдко отъ двадцати до тридцати футовъ вѣсомъ, бываетъ толщиною съ футъ и снаружи имѣетъ темно-коричневый, почти черный, а внутри бѣлый цвѣтъ.

Разведеніе ямса также очень просто. Бываетъ достаточно положить въ землю часть корня съ клубнемъ, какъ это дѣлаютъ съ нашимъ картофелемъ. Уже по прошествіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, клубни становятся годными для употребленія въ пищу. Выкопавъ изъ земли, ихъ сушатъ на солнцѣ и потомъ, будучи защищены отъ сырости, они могутъ быть сохраняемы долгое время. Ямсъ замѣняетъ на европейскихъ корабляхъ нашъ картофель; его ѣдятъ вареный вмѣстѣ съ хлѣба, поджариваютъ и готовятъ разными другими способами; его цѣнятъ за то, что онъ значительно превосходитъ прочностью нашъ картофель. Вкусъ его не слишкомъ пѣженъ, но все-таки пріятенъ.

Изъ такъ-называемыхъ *зеленыхъ овощей* на Занзибарѣ извѣстны очень многіе. Самые любимые суть *амбревады*, стручки кустарника, похожаго на нашъ ракичникъ, которые ѣдятъ какъ зеленые бобы, и плоды извѣстнаго *яцеобразнаго яблока* (aubergine), которые ѣдятъ вареными или жареными. Сюда причисляется также *арбузъ*, потому что его употребляютъ для приправы въ супъ. Нашъ *лукъ* родится здѣсь хорошо, но *редиска* и *редька* хуже; онѣ скоро вырождаются, какъ и большая часть другихъ овощей, сѣмена которыхъ вывезены изъ Европы.

Гораздо болѣе обширную пользу, чѣмъ эти питательныя растенія, приносятъ *кокосовая пальма*. Ее существованіе тѣсно связано тамъ съ существованіемъ людей. Гдѣ замѣтишь ихъ перистыя вершины, тамъ можно съ увѣренностію заключить о близости жилыхъ хижинъ. Она доставляетъ тропическому жителю матеріалъ, нужный для постройки домовъ, снабжаетъ его пищею, виномъ и масломъ: безъ нея онъ не сдумалъ бы прожить. Еще прежде чѣмъ вступишь на островъ,

видишь ихъ стройныя верхушки, рѣзко выдающіяся на горизонтѣ; даже въ самомъ городѣ замѣчаешь кое-гдѣ одиноко стоящую пальму; если же выйти за городъ и пойти по направленію къ Назимоѣ, или къ какому-нибудь другому мѣсту, то вскорѣ очутишься среди лѣса такихъ гордыхъ пальмъ.

Изъ всѣхъ видовъ кокосовыхъ пальмъ къ намъ исключительно попадаетъ та, которая даетъ орѣхи (*Cocos nucifera* L.). Родина ея есть, какъ надо полагать, юго-восточная Азія; тамъ она встрѣчается въ дикомъ состояніи на маленькихъ островкахъ. Теперь она акклиматизирована во всѣхъ тропическихъ странахъ. Одно обстоятельство способствуетъ ея распространенію и акклиматизации: она любитъ близость моря, потому что нуждается для своего питанія въ соли. Зрѣлые плоды ея падаютъ на песчаный берегъ, если ихъ не срываетъ человѣкъ; приливъ смываетъ ихъ, морское теченіе уноситъ на отдаленные берега, на необитаемые, можетъ быть еще не совсѣмъ образовавшіеся, острова, гдѣ они пускаютъ ростки, вырастаютъ и вскорѣ распространяются дальше. Въ глубинѣ страны, гдѣ корни ихъ не питаются водою, содержащею соль, и куда морскіе вѣтры не заносятъ уже такого количества соли, какъ у прибоя волнъ, кокосовая пальма растетъ плохо и плоды ея созрѣваютъ медленнѣе: тамъ она не въ своей сферѣ. Туземцы, сажающіе это полезное, даже необходимое дерево, знаютъ его потребности и не лишаютъ его необходимыхъ для его питанія условий. Устраивая плантаціи, они выкапываютъ въ рыхломъ береговомъ пескѣ ямы въ футъ глубиною и такой же ширины и на серединѣ ихъ дна, выкопаннаго еще глубже, кладутъ зрѣлый орѣхъ на слой золы и соли росткомъ вверхъ. Отъ давленія разбухающаго зерна скорлупа трескается, и, уже черезъ четыре мѣсяца, на поверхности земли показываются молодые побѣги. Еще въ продолженіи многихъ лѣтъ они требуютъ большаго ухода: сперва ихъ поливаютъ три раза въ день, а, когда они подрастутъ,—по два; земля около нихъ ежемѣсячно посыпается золою съ солью и разъ въ годъ ее удобряютъ поглубже, раскапывая землю и высыпая около каждаго ствола корзину съ золою. Когда побѣги достигнутъ двухъ или трехлѣтняго возраста, то ихъ пересаживаютъ въ другую почву, удобренную точно также и защищенную отъ дождя валами. На хорошей почвѣ, уже четыре года спустя послѣ посѣва, собираютъ плоды, а на сухой, удаленной отъ моря, первые плоды созрѣваютъ только черезъ десять или двѣнадцать лѣтъ. Семьдесятъ лѣтъ спустя послѣ посѣва, плодородіе начинаетъ уменьшаться, а около сотыхъ годовъ возраста пальма уже не даетъ плодовъ.

Сравнительно тонкій и стройный стволъ кокосовой пальмы поднимается до значительной высоты, отъ восьмидесяти до ста футовъ и по большей части прямъ; но нѣкоторые стволы бываютъ удивительно изогнуты и искривлены. Древесина его состоитъ изъ твердыхъ, крѣпкихъ, сѣтчатобразно пересѣкающихся волоконъ, и имѣетъ рыхлую, клѣтчатую сердцевину. Внѣшнія же его части очень тверды; кора голая, покрыта постоянными бугорками, слѣдами отпавшихъ листьевъ. Верхушка образуется изъ листьевъ длиною отъ двѣнадцати до четырнадцати футовъ, крѣпкія ребра которыхъ погружены у ствола въ рыхлую ткань, узкіе, блестящіе ихъ лепестки темно-зеленаго цвѣта, жестки и имѣютъ въ длину отъ одного до полутора футовъ, такъ что ширина всего перистаго листа равняется слишкомъ

двумъ футамъ. Уже въ молодыхъ и низкихъ деревьяхъ замѣчается почти полное развитіе верхушки и толщины ствола, поэтому съ перваго взгляда они кажутся похожими на взрослые пальмы.

Въ концѣ ствола распускаются цвѣты въ формѣ грозда и каждый изъ нихъ лежитъ въ длинномъ влагалищѣ, открывающемся во время зрѣлости. Кокосовая пальма цвѣтетъ въ продолженіе всего года и приноситъ во всякое время года плоды во всѣхъ фазахъ зрѣлости. Изъ одной цвѣточной кисти образуется ихъ около двадцати, но развитыя даютъ только семи или десяти изъ нихъ, чтобы доставить всѣмъ необходимую пищу. Если орѣхи еще не поспѣли, то они имѣютъ зеленый цвѣтъ, но мало по малу переходятъ въ блестящій красно-бурый цвѣтъ. Въ зрѣломъ состояніи они бывають величиною съ человѣческую голову и имѣютъ трехгранную, яйцевидную форму, — расширяются около стебля и оканчиваются внизу тупымъ мысомъ. Наружный покровъ, толщиною около дюйма, состоитъ изъ твердыхъ волоконъ, которыя употребляются для выдѣлки превосходныхъ веревочныхъ издѣлій. По удаленіи волокнистаго покрова, зрѣлый орѣхъ, называемый у Суахелійцевъ *нази*, бываетъ только вдвое больше кулака, имѣетъ менѣе продолговатую форму и въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прикрѣплялся къ стеблю, находятся три рубца или углубленія, которыя даютъ ему видъ обезьяньей морды (4), если смотрѣть на него сверху. Роговая оболочка его жестка, но нѣсколько хрупка, такъ что ее легко расколоть камнемъ или ножомъ.

Незрѣлые орѣхи, *матафу*, скорлупа которыхъ мягка, содержитъ свѣтлую жидкость съ освѣжающимъ, похожимъ на молоко, вкусомъ; это любимый напитокъ туземцевъ и иностранцевъ, извѣстный намъ подъ именемъ *кокосовою молока*. Названіе это зависитъ отъ вкуса жидкости, содержащейся въ плодѣ, а не отъ того, что она имѣетъ мутный молочный видъ, какъ думаютъ многіе. Въ Европѣ можно получить только плохой сокъ незрѣлыхъ кокосовыхъ орѣховъ, привозимыхъ въ большомъ количествѣ моряками, которые употребляютъ ихъ вмѣсто баласта и для наполненія трюма.

При дальнѣйшемъ ростѣ орѣха, на внутренней его стѣнкѣ отлагается прозрачная, синеватая слизь, которая постепенно утолщаясь и дѣлаясь плотнѣе, принимаетъ свойство орѣховаго ядра, и, при полной зрѣлости, бываетъ толщиною въ поддюйма. Тогда можно съ осторожностью разломить внѣшнюю скорлупу такъ, чтобы не повредить ядра, которое отложилось тамъ подобно винному камню въ старой бочкѣ. Жидкость во внутренности орѣха тогда водяниста и кисловата и не употребляется ни однимъ тропическимъ жителемъ.

Не говоря уже о стволѣ, дающемъ превосходный строевой лѣсъ, и о листьяхъ, которые также употребляются при постройкахъ, почти каждую отдѣльную часть кокосоваго дерева, — отъ корня до верхушки, — можно употреблять съ пользою; даже молодые листья употребляются въ пищу. Но эти листья, называемые *пальмовою капустою*, составляютъ очень дорогое блюдо, потому что, если вырѣзать сердцевину пальмовой верхушки, которая вѣситъ отъ двадцати до тридцати фунтовъ, то дерево во всякомъ случаѣ погибаетъ. Поэтому для употребленія въ пищу рубятъ всегда только старые стволы, приносящіе мало плодовъ; капуста

эта не дорога и въ большомъ количествѣ появляется на рынкѣ только тогда, когда буря повалить большое количество пальмовыхъ деревьевъ.

Негры съ особеннымъ искусствомъ дѣлаютъ изъ вполне развившихся листьевъ корзины и мѣшки для собиранія плодовъ, но главнымъ образомъ они употребляются для постройки домовъ троякимъ образомъ. Ихъ разрѣзаютъ пополамъ въ серединѣ главнаго нерва, плетутъ потомъ, разрѣзавши стебель на тоненькія пластинки, каждую половину листа, дѣлая изъ этого *махури*, легкую, но плотную ткань, замѣняющую перегородки или стѣны въ домахъ болѣе бѣдныхъ людей. Далѣе, неразрѣзанные листья употребляютъ для покрывки кровель, приготовивши изъ нихъ предварительно такъ называемое *макути*, которое дѣлается изъ этихъ листьевъ, сплетенныхъ между собою по обѣимъ сторонамъ. Это макути, разрѣзанное какъ нужно, прикрѣпляютъ къ стропиламъ кровли, начиная отъ верхушки,—оборотной стороной къ верху,—плотно прикладываютъ одинъ кусокъ къ другому, пока концы листьевъ не будутъ свѣшиваться надъ стѣною дома. Средствомъ макути защищаютъ также легкія, цыновочныя стѣны домовъ отъ вѣтра и дождя; для этой цѣли стѣны выстилаютъ имъ точно также, какъ при крытіи кровель кладутъ черепицы или дрань. Третье примѣненіе этихъ листьевъ не имѣетъ ничего общаго ни съ однимъ изъ вышесказанныхъ способовъ обдѣлыванія. Обѣ стороны листа прикладываются просто одна на другую и образовавшуюся такимъ образомъ *ханза* употребляютъ точно также, какъ и макути. Такая крыша похожа на наши соломенные и вполне защищаетъ отъ дождя, но не можетъ сопротивляться сильному вѣтру, который срываетъ ее со стропиль. Вообще всю пальмовую солому, потребную для крытія кровель, называютъ *макути*, между тѣмъ какъ во многихъ мѣстностяхъ не полагаютъ разницы между *ханзой* и *макути*. Наконецъ, сушеные листья употребляютъ еще для освѣщенія, они служатъ именно ярко-горящими факелами, которые готовятъ очень скоро.

Изъ сока кокосовой пальмы добывается знаменитое *пальмовое вино*, называемое здѣсь *тембо*, а въ Индіи *тодди*. Его получаютъ, надсверливши стволъ, но чаще отрѣзавши цвѣточную кисть мѣсячнаго возраста и прикрѣпивши къ концу фляжку изъ тыквы для принятія сока. Это дѣлается съ вечера и сокъ течетъ въ продолженіе ночи. Рано утромъ наполненныя фляжки снимаются, а пораженные мѣста плотно закрѣпляются травой и корою, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему истеченію сока. Сладкая жидкость подвергается броженію такъ скоро, что тембо, снятый уже на утро съ дерева, представляетъ игристую влагу, похожую на шампанское, которая предпочитается многими европейцами настоящему вину, а для негровъ служитъ драгоцѣннѣйшимъ изъ напитковъ. Винное броженіе продолжается въ темнотѣ и получается крѣпкая, спиртуозная жидкость, изъ которой во многихъ мѣстностяхъ посредствомъ перегонки готовится хорошій *аракъ*; при солнечномъ свѣтѣ, напротивъ, начинается вскорѣ укусное броженіе и получается острая, кислая жидкость, которой частички плавающихъ дрожжей придаютъ мутный, бѣловатый видъ. Отъ одного и того же дерева сцѣживаютъ сокъ не болѣе какъ въ теченіи четырнадцати дней, ибо въ противномъ случаѣ оно вянетъ и не приноситъ болѣе плодовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напротивъ, предназна-

чають извѣстныя деревья исключительно для добыванія пальмоваго вина, хотя по большей части только очень высокіе, старыя стволы, приносящіе мало плодовъ.

Если мы хотимъ ближе ознакомиться съ здѣшною кокосовою пальмою, то должны отправиться на плантаціи. Завернемъ въ любую изъ нихъ и скажемъ первому попавшемуся невольнику «tete matafu»,—«принеси намъ кокосовыхъ орѣховъ, напиться!» Онъ послушается вашего приказанія, потому что увѣренъ, что получитъ на водку, и что хозяинъ не запретитъ ему такую вольность, а напротивъ сочтетъ за честь безвозмездно угостить *вазуну* произведеніями своей плантаціи. Смотри на высокіе стволы, удивляешься, что кто-нибудь за нѣсколько мѣдныхъ монетъ лѣзетъ на нихъ для нашего удовольствія; но негръ находитъ подобную работу легкою. Онъ ставитъ носки на стебельки отпавшихъ листьевъ, оставшіеся на стволѣ, обхватываетъ его руками и такимъ образомъ очень удобно поднимается выше. Въ другихъ мѣстностяхъ негръ облегчаетъ свое взлѣзанье съ помощію кольца изъ кокосовыхъ веревокъ, охватывающаго его голыя ноги; прикрѣпившись рукою и грудью къ рубчатому стволу, и, поднимая ноги съ веревкою кверху, упирается теперь въ дерево пятками, подвигая грудь и руки дальше. Этимъ или другимъ способомъ онъ скоро достигаетъ до способной вызвать головокруженіе высоты стройной вершины, срываетъ нѣсколько орѣховъ и скидываетъ ихъ на землю. Гибкая, волокнистая оболочка, толщиною въ дюймъ, уменьшаетъ силу тяжелаго паденія, отчего орѣхи остаются неповрежденными. Затѣмъ, другой негръ ударяетъ каждый орѣхъ нѣсколько разъ объ двухъ или трехъ-фунтовую острую сваю, вбитую въ землю и отрѣзаетъ отставшую волокнистую оболочку до тоненькаго столбика, который онъ оставляетъ около стебля, и потомъ передаетъ чисто ошелушенный орѣхъ третьему негру, который долженъ его открыть. Нѣсколькими мѣткими ударами неуловимъ ножомъ, который негръ всегда носить съ собою, онъ разламываетъ скорлупу въ нижнемъ ея концѣ, и, расширивши немного образовавшееся такимъ образомъ отверстіе, подаетъ чужестранцу не безъ нѣкотораго достоинства освѣжающій напитокъ въ его натуральномъ сосудѣ.

Во время рамадана, въ продолженіе котораго арабы ничего не ѣдятъ цѣлый день, замѣчаешь вечеромъ большія массы разломленной скорлупы матафу, потому что оно составляетъ первое подкрѣпленіе, которое принимаетъ истомленный мусульманинъ по окончаніи праздника.

Въ хорошихъ орѣхахъ скорлупа должна быть тонка и мягка и гнуться отъ легкаго давленія пальцемъ. Одинъ орѣхъ матафу стоитъ $\frac{1}{2}$ пезу, около третьей части гроша на наши деньги; двухъ орѣховъ, содержащихъ жидкости приблизительно столько же, сколько вмѣщаетъ въ себя пинта пива, бываетъ достаточно для утоленія жажды: слѣдовательно этотъ живительный напитокъ очень дешевъ.

Осадившаяся въ зрѣлыхъ орѣхахъ масса, называемая въ Индіи также какъ и на Занзибарѣ *копроу*, составляетъ значительную отрасль промышленности. Именно французы вывозятъ цѣлые корабельные грузы въ Марсель и приготавливаютъ сладкое, но скоро портящееся масло. Въ настоящее время оно употребляется при изготовленіи мыла, такъ какъ оно настолько же пригодно здѣсь, на сколько и го-

раздо болѣе дорогое оливковое масло, Зрѣлые кокосовые орѣхи скупаются въ большомъ количествѣ частью въ городѣ, частью около плантацій среднею цѣною по двѣ пезы. Ихъ обработка для добыванія копры имѣетъ свой особенный характеръ и можетъ дать понятіе о способахъ его приготовления въ европейскихъ торговыхъ домахъ. Вокругъ громадной кучи ошелушенныхъ орѣховъ стоитъ толпа полунагихъ, одѣтыхъ только въ передники, прикрывающіе бедра, сильныхъ негровъ, рабочее орудіе которыхъ составляетъ тяжелый, серпообразный ножъ. Съ пѣніемъ начинаютъ и кончаютъ они свою работу. Они всѣ въ одинъ тактъ схватываютъ лѣвою рукою нази и потомъ, подбросивши ихъ, наносятъ имъ сильный ударъ ножемъ, который разламываетъ орѣхъ на двѣ половины. При этомъ они выказываютъ такое проворство, что почти каждую секунду разбиваютъ по орѣху. Вскорѣ съ блестящихъ черныхъ ихъ тѣлъ струится потъ. Но они продолжаютъ сильно работать, весело распѣвая. Жидкость, содержащаяся въ нази, безъ всякой пользы течетъ по песку и, нѣсколько времени спустя, распространяется непріятный, гнилой запахъ.

Теперь, раздѣленные на половинки орѣхи раскладываются для сушки внутреннею стороною вверхъ. Бѣлое какъ молоко, непрозрачное мясо постоянно свертывается, кажется желтоватымъ, прозрачнымъ какъ рогъ, наконецъ совершенно освобождается отъ скорлупы, потомъ вынимается и раскладывается на плоской крышѣ для окончательной просушки; приготовленная такимъ образомъ копра накладывается въ мѣшки и отправляется въ Европу для приготовления изъ нея масла. Понятно, что не выгодно пересылать всю массу орѣха, изъ которой въ дѣло идетъ только масло, поэтому снова пробовали добывать масло на мѣстѣ при помощи гидравлическаго прессы, какъ это уже давно дѣлали въ Индіи.

Копра до того жирна, что отъ давленія пальцемъ выступаетъ уже масло, Негры готовятъ себѣ масло для освѣщенія, вываривая размятую копру въ водѣ; но для добыванія съѣдомаго масла они извлекаютъ изъ нази бѣлую массу зубчатою желѣзною пластинкою, имѣющею въ поперечномъ разрѣзѣ форму груши, смачиваютъ оскребки небольшимъ количествомъ воды, выжимаютъ руками молочную жидкость и грѣютъ ее на огнѣ, пока сладкое масло не отдѣлится въ видѣ свѣтлыхъ капель и не образуетъ слоя.

Рисовыя кушанья, приготовляемыя съ этимъ масломъ или съ маслянистымъ молокомъ, имѣютъ прекрасный вкусъ; каждое зернышко, хотя оно вполне сварено и мягко, сохраняетъ свою форму, тогда какъ рисъ, какъ его обыкновенно варятъ у насъ, или остается жесткимъ, или же разбухаетъ на концахъ подобно цвѣтной капустѣ.

Польза кокосоваго орѣха все-таки еще не исчерпана. Изъ его щелухи также готовятъ разливальныя ложки, кубки и другія рѣзныя вещицы или употребляютъ волокнистую оболочку для чистки половъ и для выдѣлки прекрасныхъ *веревкозъ*, извѣстныхъ въ Индіи подъ именемъ *коирзъ*. Для этой цѣли вымачиваютъ плотную массу подобно нашему льну; ее кладутъ съ небольшимъ грузомъ въ морскую воду, потомъ очищаютъ, колотя по ней палками или камнями, скребутъ и вымываютъ ее еще разъ въ водѣ и наконецъ сушатъ. Такъ добываемая пакля,

которой получается отъ сорока кокосовыхъ орѣховъ только шесть фунтовъ, носить названіе *макумби* и находить самое разнообразное примѣненіе. Ее употребляютъ вмѣсто лошадиныхъ волосъ для набиванья матрасовъ, дивановъ и сѣделъ; ее съ пользою употребляютъ, такъ какъ она никогда не гниетъ, для законопачиванія кораблей, готовятъ изъ нея вѣнчики и кисти для крашенія домовъ и плетутъ всѣхъ видовъ веревки: снасти всѣхъ индѣйскихъ, арабскихъ и суахельскихъ судовъ состоятъ изъ кокосовыхъ веревокъ; европейцы также употребляютъ ихъ для легкихъ снастей по причинѣ ихъ незначительной тяжести. Величайшую пользу приносятъ *якорные канаты* изъ этого вещества, такъ какъ они отлично держатся въ водѣ, очень эластичны и не уступаютъ въ крѣпости лучшему канату изъ пеньки. Корабли, выходящіе изъ индѣйскихъ гаваней во время бурь, всегда запасаются новыми канатами для якорей изъ коиръ. Въ новѣйшее время кокосовыя веревки получили въ Европѣ различныя примѣненія; всякій знаетъ прекрасныя половики изъ коиръ, которые прежде привозились изъ Америки въ Англію. Ихъ готовятъ, сплетая тонкія кокосовыя веревки такимъ образомъ, что верхняя часть половика или ковра состоитъ изъ скрученныхъ петель, длиною отъ одного до двухъ дюймовъ, которыя разрѣзываютъ и расчесываютъ потомъ, пока отставшія волокна не будутъ стоять, какъ щетина у щетки.

На восточномъ берегу Африки, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, туземные канаты служатъ преимущественно для приготовления скамеекъ для отдыха—*китанда*—и для такъ называемыхъ шитыхъ кораблей. Китанда—это четырехугольная рама изъ прочнаго дерева, которая лежитъ на четырехъ грубо обтесанныхъ или обточенныхъ ножкахъ. Отъ каждой стороны этой рамы, въ которой пробуровано множество отверстій, къ противоположной протянуты кокосовыя веревки, такъ что образуется правильная сѣть, на которую кладутъ матрасъ и подушки. Китанда служитъ софою, кроватью и стуломъ, у бѣдныхъ безъ всякаго прикрытія, а у богатыхъ она покрывается травяною циновкою, болѣе или менѣе тонко сплетеною.

При постройкѣ шитыхъ судовъ или *мтепъ*, эластическая кокосовая веревка замѣняетъ желѣзные гвозди и болты, скрѣпляющіе наши корабли. Каждая сторона доски, со множествомъ пробурованныхъ въ ней отверстій, прочно соединяется съ другими крѣпкою веревкою; слѣдовательно выраженіе «шитый» очень пригодно для этого рода карабельныхъ построекъ. Нынѣшнія мтепы имѣютъ точно такой же видъ, какъ и за тысячу лѣтъ, когда они были описаны въ Периплѣ Эритрейскаго моря. Они преимущественно пригодны при плаваніи по небезопасному фарватеру, потому что они ничуть не повреждаются, если корабль наткнется на подводный камень или песчаную мель: слѣдующій приливъ возвращаетъ ему свободу, между тѣмъ какъ европейское, защищенное желѣзомъ судно въ этомъ случаѣ непременно разбилось бы въ дребезги.

Кто знакомъ съ разнообразными, полезными примѣненіями кокосовой пальмы и частей ея, тотъ знаетъ, что она составляетъ благословеніе для всѣхъ тропическихъ жителей и даже совершенно необходима имъ. Негръ, мало заботящійся о своей будущности, заботится о кокосовой пальмѣ, дѣлающей жизнь его столь

легкою, удобною и приятною. Если онъ бываетъ принужденъ срубить одну изъ этихъ пальмъ, или если вѣтеръ сломить нѣкоторыя изъ нихъ, онъ навѣрное посадить взамѣнъ каждой погибшей пальмы пару новыхъ орѣховъ; каждый землевладелецъ имѣетъ нѣсколько грядокъ, на которыя онъ ежегодно сажаетъ самыя сильныя деревца, чтобы вознаградить убытокъ въ кокосовомъ лѣсу.

Финиковая пальма, *Phoenix dactylifera* L., также растетъ на Занзибарѣ. Завоеватели острова внесли ее изъ южной Аравіи въ воспоминаніе о далекой родинѣ, которая всегда производитъ ихъ великое множество. Это гордое и красивое дерево, плоды котораго въ сѣверной Африкѣ служатъ пищею людямъ и животнымъ, не привилось здѣсь; ему не достаетъ сухости пустыни съ ея постояннымъ измѣненіемъ теплоты, съ палящимъ жаромъ дня и ночьюю прохладою. Правда, эта благородная пальма растетъ на островѣ повидимому очень хорошо и имѣетъ прелестный вѣтеръ на верхушкѣ своего стройнаго ствола; но плоды ея скудны, съ крайне посредственнымъ вкусомъ. Поэтому она служитъ,—какъ и *саговая пальма*, *Cycas circinalis* L., воздѣлываемая такъ часто въ Индіи ради добыванія саго, — только украшеніемъ садовъ богатыхъ людей.

Большое значеніе для Занзибара имѣетъ *пизангъ* или *банангъ*, *Musa paradisiaca* L., кустарникъ, вышиною отъ десяти до двѣнадцати футовъ, растущій около сельскихъ жилищъ и даже среди города. У насъ онъ разводится только ради его прекраснаго роста и нѣжныхъ свѣтлозеленыхъ листьевъ, подобныхъ бархату, а въ теплыхъ странахъ вездѣ высоко цѣнится за свои питательные и вкусные плоды. Но мы откладываемъ подробное описаніе этого крайне важнаго культурнаго растенія до изложенія путешествія въ *Джана*, въ страну Килиманджаро, гдѣ деревья эти растутъ очень роскошно.

Нашъ островъ приноситъ прекрасные плоды въ большомъ количествѣ. Самымъ лучшимъ изъ нихъ мы считаемъ *манго*, дерево котораго, по своей прекрасной, темнозеленой верхушкѣ, напоминаетъ намъ лѣсныя деревья нашей родины. Оно происходитъ изъ Индіи, но на почвѣ Занзибара достигаетъ еще большаго развитія, нежели въ своемъ отечествѣ. Его вездѣ сажаютъ около жилищъ, частью для тѣни, частью изъ-за его освѣжающихъ плодовъ, имѣющихъ пріятный вкусъ.

Манговое дерево принадлежитъ къ классу терпентиновыхъ растеній, произрастающихъ въ тропическихъ странахъ и представляющихъ большое количество растеній, отличающихся своими прекрасными свойствами. Сюда надо отнести напр., терпентинную фисташку, изъ которой добывается такъ называемый кипрскій терпентинъ, *Pistacia vera* L., дающую сладкіе богатые масломъ фисташковые орѣхи, и *Anacardium occidentale* L., дающую вкусные яблоки акашуа и бобы, извѣстные подъ именемъ слоновыхъ вшей. На нашемъ сѣверѣ представителями этого семейства является желтое кожевенное дерево или сумахъ, покрытое красно-пурпуровыми, продолговатыми, коническими плодами.

Стволъ манговаго дерева имѣетъ въ окружности до десяти футовъ, и простираетъ свои гладкокожіе, зеленые сучья и вѣтви на большое пространство. Листья имѣютъ ланцетовидную форму и похожи на листья грецкаго орѣха; цвѣты маленькіе и бѣловатые, сгученные въ формѣ пирамиды. Плодъ величиною отъ

яблока и до объема дѣтской головки, овальный, почковидный и немного сплюснутый, по крѣпости похожій на грушу, въ незрѣломъ видѣ зеленъ, но послѣ окрашивается весь или по частямъ въ желто-оранжевый цвѣтъ. Тонкая, блестящая кожица покрываетъ красножелтое мясо, столь нѣжное, что оно таетъ на языкѣ. Лежащее въ немъ зерно довольно велико и похоже на персиковое, но крѣпко срослось съ мясомъ посредствомъ множества мягкихъ волоконъ и содержитъ въ мягкой скорлупѣ бѣлый, невкусный орѣхъ, по формѣ похожій на миндаль. Много спорили о вкусѣ манго. Одни, преимущественно тѣ, которые ѣли его въ Америкѣ, сравниваютъ его по вкусу съ смѣсью изъ пакли и терпентина; другіе, напротивъ, не нахвалятся этимъ плодомъ. Какъ тѣ, такъ и другіе правы; первые говорятъ о полудикомъ манго, которое дѣйствительно все наполнено волокнами и по вкусу и запаху похоже на терпентинъ; послѣдніе пробовали индѣйское манго, воздѣлываемое въ теченіе столѣтій и содержащее, между твердыми зёрнами и оболочкою, прекрасное, сочное мясо, совершенно потерявшее смолистый запахъ. Разница между этими двумя плодами также велика, какъ между лѣснымъ яблокомъ и лучшими ранетами. Къ сожалѣнію, манговое дерево плодится плохо; зерно, если оно не вынуто изъ плода свѣжимъ и посажено, вскорѣ теряетъ свою способность произрастанія; молодое растеніе растетъ очень медленно, и плоды, которые оно приноситъ наконецъ, много времени спустя, по вкусу и величинѣ похожи на дикіе. Хотя эти деревца можно получать отъ черенковъ, но и они приносятъ хорошіе плоды только послѣ прививки. На Занзибарѣ дерево это плодится дважды въ годъ и всего больше во время нашей весны. Плоды тогда превосходны и довольно дешевы: на грошъ ихъ можно купить двадцать и больше штукъ. Употребленіе ихъ очень полезно для здоровья. Ихъ нельзя привезти въ Европу, не заключивши ихъ въ воскъ, чтобы не могъ проникать воздухъ. Напротивъ нѣжное желѣ и разныя варенья, приготовляемыя изъ неспѣлыхъ плодовъ, можно получать во всѣхъ большихъ городахъ.

Не слѣдуетъ смѣшивать манго съ *маностаномъ*, индѣйскимъ плодомъ, имѣющимъ еще лучшій вкусъ. Въ ботаникѣ дерево это называется *Garcinia mangostana* L; оно принадлежитъ совершенно къ другому семейству, чѣмъ упомянутое терпентиновое растеніе *Mangifera indica* L, и, на сколько намъ извѣстно, не встрѣчается на Занзибарѣ. Но путешественникъ имѣетъ нерѣдко случай отвѣдать этого прекраснаго плода на индѣйскихъ почтовыхъ пароходахъ или на островахъ Бурбонѣ и св. Маврикія.

На рынкахъ и улицахъ города часто видишь около прекрасныхъ манго желтые, обсаженные зубцами, съ отвратительнымъ запахомъ плоды, величиною съ тыяву: это *плоды хлѣбнаго дерева*, *Artocarpus integrifolia* L, любимое кушанье туземцевъ. Странное дерево, дающее ихъ, величиною превосходитъ наши дубы. Оно причисляется къ семейству хлѣбоплодныхъ и тутовыхъ растеній, которыя, точно также, какъ и стоящее близко къ нимъ семейство молочайныхъ, отличается удивительными свойствами. Сюда относятся питательныя смоквы и имѣющій столь дурную извѣстность *Antiaris toxicaria* Leschen—ядовитое дерево острова Явы, дающее упасовый ядъ; одно изъ относящихся сюда растеній, именно млечное дерево,

Galactodendron Humb., доставляетъ южно-американцамъ вкусное молоко, похожее на молоко животныхъ, и хлѣбное дерево, *Artocarpus incisa L.*, дающее островитянамъ великаго океана плоды, по формѣ и вкусу похожіе на хлѣбъ. Исполнитъ этого семейства есть священная ость-индская смоковница, *figus religiosa L.*, которая, своими безчисленными, стволородными, воздушными корнями, часто тянется на большомъ пространствѣ и даетъ въ своемъ смолистомъ сокѣ, который истекаетъ отъ укола червеца, сырое вещество общезвѣстнаго шеллака.

Всѣ части хлѣбнаго дерева содержатъ клейкій, нѣсколько молочный сокъ, очень неприятно склеивающій пальцы, если сломить сучекъ или вѣтку, или марающій платье, если неосторожно прислониться къ стволу. Дерево это растетъ прямо и верхушка его такъ густа, что не пропускаетъ ни одного солнечнаго луча. Листья, которые должны бы были быть нераздѣльными, судя по названію *integifolia*, имѣютъ различную форму; въ молодости они имѣютъ трехъ или пятилопастную форму, похожую на цвѣты лиліи, только въ большемъ размѣрѣ; въ состояніи развитія они, напротивъ, дѣлаются меньше и имѣютъ длину отъ четырехъ до шести дюймовъ; тогда они имѣютъ продолговато-круглую, немного заостренную форму и окрашены вверху въ темно-зеленый, а внизу въ желтый цвѣтъ. Желто-зеленыя, тупыя и толстыя мужскія сережки, длиною слишкомъ въ шесть дюймовъ, сидятъ на концахъ маленькихъ стебельковъ, женскія же у молодыхъ деревьевъ на вѣткахъ, въ среднемъ возрастѣ на стволѣ, въ старости около корней. Изъ нихъ образуется продолговато-круглый, бугорчатый съ налетомъ плодъ, достигающій иногда громаднаго вѣса отъ восьмидесяти до ста фунтовъ. Его довольно плотное мясо питательно и имѣетъ пріятный сахаристый вкусъ, но съ дурнымъ запахомъ, который усиливается, если плодъ не совсѣмъ свѣжъ. Не смотря на то негры и арабы, даже самъ Занзибарскій султанъ, цѣнятъ ихъ очень высоко. Утверждаютъ, что со временемъ можно привыкнуть къ этому запаху; но мы никогда не могли даже попробовать его, съ тѣхъ поръ, какъ намъ однажды пришлось испытать отвратительный запахъ испортившагося груза плодовъ хлѣбнаго дерева, вывинутаго около нашего дома въ Момбасѣ на берегъ.

Нѣсколько сотъ сѣмянъ, величиною, цвѣтомъ и крѣпостью похожихъ на каштанъ, помѣщаются въ мясѣ хлѣбнаго плода. Они также употребляются въ пищу и по вкусу похожи на каштаны, только немного грубѣе.

Плодъ хлѣбнаго дерева созрѣваетъ въ Индіи въ декабрѣ; на Занзибарѣ мы видѣли на рынкѣ зрѣлые плоды во всякое время года. Они, какъ и всѣ прочія тамошнія растенія, цвѣтутъ и созрѣваютъ во всякое время года, но въ извѣстное время приносятъ больше плодовъ.

Съ хлѣбноплодомъ очень сходно *вонючее дерево*, какъ по внѣшнему виду, такъ и по своимъ свойствамъ. Вонючее дерево, *Durio zibethinus*, имѣетъ форму и величину грушеваго дерева; листья его похожи на листья вишни, но они не ребристые, а цѣльнокрайніе; цвѣты большіе, желтовато-бѣлые. Плодъ, величиною съ голову, снаружи похожъ на плодъ хлѣбнаго дерева, но въ зрѣломъ состояніи принимаетъ буро-желтый цвѣтъ и у верхушки раскрывается; внутри его находится пять большихъ продолговатыхъ ячеекъ, наполненныхъ молочнобѣлымъ нѣжнымъ

мясомъ и заключающихъ въ себѣ по четыре сѣмени величиною съ голубиное яйцо. Мясо имѣетъ пряный вкусъ и питательно, какъ животная пища, но вмѣстѣ съ тѣмъ кислотою какъ плодъ, и похоже на испанскій напитокъ mango blanco, состоящій изъ куриного мяса, пережженного съ уксусомъ. Оно очень питательно, и, будучи даже употреблено въ большомъ количествѣ, не вредно для желудка, но возбуждаетъ половыя желанія. Оно распространяетъ невыносимый запахъ сѣрнистаго водорода и другихъ подобныхъ газовъ, но это нисколько не пугаетъ его почитателей—туземцевъ.

Подобно манговому дереву и хлѣбному, и *papaia* или *дынное дерево*, *sagis rарауа L.*, богато густымъ смолистымъ сокомъ; всѣ части растенія, даже оболочка плода, содержатъ молочноѣдкую жидкость, производящую воспаленіе на кожѣ. Корни пахнутъ неприятно, какъ протухлая рѣдька. Это дерево принадлежитъ къ семейству тыквенноплодныхъ растений (*peropiferae*). Его стройный стволъ возвышается, на подобіе пальмы, до 20—30 футовъ и потомъ образуетъ вѣнецъ изъ длинностебельныхъ листьевъ, между которыми, какъ у пальмы, сидятъ плоды и цвѣты. Мужскіе и женскіе цвѣтки растутъ на разныхъ деревьяхъ, и у тѣхъ и другихъ чрезвычайно маленькая чашечка о пяти лепесткахъ лежитъ свободно. Плодъ, величиною и формою похожій на пятигранную дыню, имѣетъ довольно плотное мясо, въ которомъ лежитъ много сѣмечекъ; онъ имѣетъ сладкій и освѣжающій вкусъ и пользуется большимъ расположеніемъ у туземцевъ. Когда онъ незрѣлъ, его ѣдятъ вареный, а зрѣлый ѣдятъ безъ всякихъ приготовленій, или же съ сахаромъ и перцемъ, точно такъ же, какъ ѣдятъ иногда дыни. Обсахаренные плоды *papaia* немного уступаютъ во вкусѣ плодамъ манго.

Дынное дерево происходитъ вѣроятно изъ Америки, но оно встрѣчается и въ Индіи на необработанныхъ мѣстахъ, такъ что надо полагать, что оно водится и тамъ. Теперь оно встрѣчается во всѣхъ теплыхъ странахъ. Въ Индіи оно растетъ на необыкновенныхъ мѣстахъ, надъ стѣнами садовъ, водопроводами и куполами мечетей, и, разросшись тамъ, давленіемъ своихъ корней разрушаетъ все зданіе. Никто не осмѣливается срубить опасное дерево, такъ какъ оно считается священнымъ, мѣстопребываніемъ боговъ. На Занзибарѣ оно всюду встрѣчается около хижины негровъ, особенно же на каменистой почвѣ внутри острова. Къ этому же семейству относятся и необходимое тыквенное *дерево*, о которомъ мы подробнѣе поговоримъ ниже, рассказывая о нашемъ путешествіи по матеріку, гдѣ его важное значеніе всего болѣе очевидно, и освѣжающія *сахарныя дыни* и *арбузы*. Последніе, *Cucumis citrullus Seg.*, встрѣчаются почти во всѣхъ садикахъ, окружающихъ хижины. Ихъ употребляютъ какъ освѣжающій напитокъ, а также ѣдятъ вареные; всѣ корабли, выходя въ море, запасаются ими въ большомъ количествѣ. Всего болѣе ихъ цѣнятъ въ сухихъ береговыхъ странахъ на материкѣ, гдѣ воды часто бываетъ мало и она имѣетъ при томъ же дурной вкусъ.

Хотя всѣ вышеупомянутые плоды драгоцѣнны для человѣка, поселившася на Занзибарѣ, но новичекъ не сразу привыкаетъ къ нимъ. За исключеніемъ манго, онъ сначала не обращаетъ вниманія на всѣ неизвѣстные еще ему плоды и обращается къ болѣе извѣстнымъ, особенно къ ананасу. Его безвредность и деше-

визна даютъ каждому возможность до сыта наѣдаться имъ: мы сами часто пользовались прѣчнымъ сокомъ двухъ или трехъ штукъ этого плода, не чувствуя отъ этого никакихъ непрѣтныхъ послѣдствій и не входили въ большія издержки, такъ какъ на нашъ грошъ мы покупали отъ 3 до 6 штукъ самыхъ лучшихъ.

Ананасъ, Bromelia ananas L., встрѣчается на Занзибарѣ какъ въ дикомъ такъ и въ воздѣланномъ состояніи. Дикіе ананасы, большею частію служащіе опушкою въ садахъ, имѣютъ водянистый, не такъ ароматный сокъ; облагороженные же долгимъ воздѣлываніемъ нисколько не уступаютъ нашимъ тепличнымъ. Разногласныя мнѣнія ученыхъ на счетъ того, принадлежатъ ли ананасы первоначально южной Америкѣ или же западной Африкѣ, до насъ не касаются, такъ какъ для насъ все равно, изъ какой бы части свѣта они ни происходили.

Здѣшніе померанцы по справедливости цѣнятся высоко. Они, въ самомъ дѣлѣ, превосходятъ всякое ожиданіе; ибо хотя мы и видѣли у себя сотни померанцовыхъ деревьевъ, украшающихъ великолѣпные дворцы и палаты и наполняющихъ сады благоуханіемъ своихъ цвѣтовъ, но все таки не имѣемъ вѣрнаго понятія о великолѣпнн тропическаго померанцоваго лѣса, о вкусѣ занзибарскихъ померанцевъ.

Померанцы (Citrus aurantium L.) на Занзибарѣ представляютъ большое разнообразіе породъ. Самый частый сортъ есть *сладкій померанецъ*, нашъ обыкновенный апельсинъ. Его деревья стоятъ на плантаціяхъ или одиночно или роскошными группами и цѣлый годъ даютъ цвѣты и незрѣлые зеленые и зрѣлые красновато-желтые плоды. Они, смотря по времени года, стоятъ грошъ за 20 или 30 штукъ и потому служатъ для туземцевъ пріятною и освѣжающею пищею.

Такъ какъ въ Занзибарѣ каждый день ѣдятъ апельсины, часто даже по утру передъ завтракомъ по полудюжинѣ «для пищеваренія», то и умѣютъ дѣлать это самымъ удобнымъ и пріятнымъ образомъ. Между тѣмъ какъ у насъ тщательно снимаютъ верхнюю оболочку, отдѣляютъ отъ нея мясо, покрытое сухою оболочкою, разминаютъ его и ѣдятъ посыпавъ сахаромъ, искусный занзибарскій потребитель апельсиновъ втыкаетъ въ плодъ вилку, облупливаетъ его ножомъ такъ, какъ лупятъ обыкновенно яблоко, осторожно отдѣляетъ мясо отъ кожистаго ядра, чтобы не повредить горькихъ сѣмянъ и ѣсть чистый, со всѣхъ сторонъ сочный, кружочекъ, не вводя въ ротъ лишняго баласта. Кто знаетъ этотъ, хотя и немного неэкономный, способъ употребленія апельсиновъ, тотъ едва ли станетъ ѣсть ихъ иначе.

Кромѣ настоящихъ померанцевъ съ темножелтою и гладкою кожею, есть еще другія породы, похожія на райское яблоко (*Pompelmuse, Citrus decumana*) съ толстою неровною кожею, легко отдѣляющеюся. Кожистая оболочка граней плода также толще и суше, и сока не такъ много, но за то онъ слаще.

Представителями нашихъ *лимоновъ* въ Занзибарѣ и вообще во всей Индіи являются кислые, гладкокожіе, свѣтложелтые плоды величиною съ небольшое яблоко, которые гораздо сочнѣе и пріятнѣе нашихъ большихъ овальныхъ толстокожихъ лимоновъ съ коническою шишечкою по обѣимъ концамъ. Употребленіе ихъ тамъ также болѣе разумно. Между тѣмъ какъ у насъ лимонъ разрѣзываютъ по срединѣ и съ нѣкоторымъ напряженіемъ выжимаютъ вмѣстѣ съ сокомъ и

горькія зерна, тамъ, не касаясь зеренъ, отрѣзываютъ отъ плода маленькіе плоскіе кружки и легко выжимаютъ изъ нихъ прозрачный, острый и пріятный сокъ.

Сродныя съ нашими яблоками *гранаты*, *Punica Granatum*, такъ любимыя въ южной Европѣ, Персіи и др. мѣстахъ за ихъ пріятный, кислотоватый и прохладяющій сокъ, встрѣчаются въ Занзибарѣ только растущими по одиночкѣ. Дерево это сажаютъ болѣе для украшенія, чѣмъ изъ выгодъ.

За столомъ у европейцевъ часто подается *Личи*, нѣжный и странный плодъ. Хотя количество мяса въ немъ между ядромъ и кожей очень незначительно, но его охотно ѣдятъ изъ за его пріятнаго вкуса. Отъ двадцати до тридцати ярко-красныхъ, покрытыхъ колючками, ягодъ величиною съ сливу соединены въ одну кисть; ихъ иглистая, похожая на кожу, оболочка заключаетъ въ себѣ блѣдное прозрачное мясо, нѣсколько плотное и вкусомъ похожее на мускатный виноградъ, въ которомъ лежитъ гладкое, свѣтлоричное, блестящее зерно формою и величиною похожее на маслину. Когда широкая верхушка дерева бываетъ покрыта кистями красныхъ плодовъ длиною отъ шести до двѣнадцати дюймовъ, то оно представляетъ прекрасный видъ, такъ какъ кисти эти весьма красиво отдѣляются отъ большихъ, блестяще-зеленыхъ листьевъ, похожихъ на лавровые.

Дерево *личи*, *Nephelium Litchi L.*, принадлежитъ къ классу кленовыхъ растений и занимаетъ въ ботаникѣ мѣсто подлѣ гесперидъ или померанцевыхъ растений; оно происходитъ изъ Китая и высоко цѣнится тамъ. Другая разновидность того же рода, *лонганъ*, имѣющій ягоды величиною только съ простой орѣхъ, отличается отъ личи только тѣмъ, что имѣетъ цвѣты съ восемью лепестками, а личи совсѣмъ безъ лепестковъ.

Сюда относятся еще нѣкоторые превосходные плоды, изъ коихъ два, *ямроза* и *гуява*, относятся къ миртовымъ растениямъ, а третій — *анопа* — къ мускатнымъ.

Гуява теперь распространена въ теплыхъ странахъ всѣхъ частей свѣта, но неизвѣстно навѣрное, востоку или западу обязана она своимъ происхожденіемъ. Въ дикомъ состояніи похожая на кустарникъ, она, при уходѣ со стороны человека, вырастаетъ до величины дерева, именно до величины нашихъ яблонь. Древесина ея жестка. Листья имѣютъ въ длину отъ двухъ до трехъ дюймовъ, и попарно расположены другъ противъ друга. Цвѣты бѣлы и ароматны; плодъ величиною съ гусиное яйцо, сѣрно-желтаго цвѣта, очень гладкій, нѣсколько толстокожій. Гуявы имѣютъ особенный пріятный запахъ и нѣжно-розоваго цвѣта сладкое и пріаное мясо. Прекрасный ихъ вкусъ только тогда вполне развивается, когда они будутъ насыщены сахаромъ. Образовавшееся такимъ образомъ красное желе считается весьма превосходнымъ лакомствомъ.

Гуявъ различаютъ собственно два вида, — красную, *Psidium pomiferum L.*, и бѣлую, *Psidium pyriferum L.*

Ямроза, *Eugenia jambosa L.*, съ большими, бѣлыми, гроздообразными цвѣтами, есть также плодъ, похожій на яблоко, имѣющій прекрасный запахъ розы, но не такъ вкусный какъ гуява.

Оба эти вида плодовъ воздѣлываются въ небольшомъ количествѣ, но еще въ

меньшемъ воздѣлывается *анона*, которая въ особенности заслуживала бы этого, такъ какъ вкусъ ея плода, имѣющаго запахъ розы, весьма пріятенъ, особенно если къ нему прибавить сливокъ съ сахаромъ съ и соками самыхъ нѣжныхъ плодовъ. *Анона*, *Anona squamosa* D. C., распространена по всѣмъ тропическимъ странамъ въ количествѣ десяти или двѣнадцати видовъ; лучшія изъ нихъ находятся въ Америкѣ; но и тѣ виды, которые встрѣчаются на Занзибарѣ и Бурбонѣ, такъ превосходны, что едва ли остается желать чего либо лучшаго. Неглянцовитый, изъ желта-зеленый плодъ, имѣющій форму молодой сосновой шишки, величиною съ большое яблоко, окруженъ довольно толстою оболочкою и содержитъ въ себѣ ослѣпительно бѣлое, мягкое какъ коровье масло, мясо съ такимъ же количествомъ блестящихъ черныхъ сѣмянъ, сколько возвышеній на корѣ плода.

Изъ растений, находящихся въ обращеніи въ торговлѣ, первое мѣсто принадлежитъ *гвоздичному дереву*. Гвоздичныя плантаціи покрываютъ большую часть годной къ воздѣлыванію земли и ежегодно даютъ болѣе полмилліона фунтовъ лучшей гвоздики; ея запахъ слышится за нѣсколько миль, и по нему мореплаватель узнаетъ островъ еще прежде, чѣмъ онъ откроется его взорамъ.

Гвоздика, какъ пряность, извѣстна уже двѣ тысячи лѣтъ, но ея отечество и происхожденіе стали извѣстны только съ начала пятнадцатаго вѣка. Ее покупали у египтянъ и арабовъ, которые, въ свою очередь, познакомились съ нею черезъ китайцевъ, которые въ глубокой древности открыли гвоздичное и мускатное дерево. Въ 1411 году португальцы узнали Молуккскіе острова, какъ отечество обоихъ деревьевъ и потому дали этимъ островамъ названіе пряныхъ острововъ. Два столѣтія спустя (въ 1622 г.) они должны были уступить эти острова голландцамъ, которые, вѣрно понимая ихъ важность, но будучи руководимы корыстолюбіемъ и эгоизмомъ, уничтожили гвоздику повсюду, исключая здороваго острова Амбонны. Въ теченіи полутора столѣтій они имѣли въ своихъ рукахъ монополію торговли этою драгоценною пряностью, но наконецъ французу *Пуассрѣ* удалось увезти съ Молуккскихъ острововъ нѣсколько гвоздичныхъ растений. Онъ отвезъ свой грузъ частію на Маскаренскіе и Сейшельскіе острова, частію въ Кайенну. На первой изъ этихъ островныхъ группъ они растутъ прекрасно, хотя и не такъ доброкачественны, какъ въ ихъ отечествѣ; для острова Бурбона это дерево сдѣлалось даже источникомъ благосостоянія.

Когда гвоздику стали воздѣлывать и въ другихъ мѣстахъ, цѣна ея стала болѣе и болѣе понижаться, такъ что наконецъ низшіе сорта на Бурбонѣ вознаграждаютъ трудъ собиранія только въ особенно хорошіе года, въ особенности послѣ того, какъ значительное потребленіе этой пряности въ красивномъ производствѣ прекратилось, вслѣдствіе того, что химики нашли болѣе дешевыя средства, ее замѣняющія.

На Занзибарѣ и на островъ Пембу первыя гвоздичныя деревья ввезены въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія арабами. Они растутъ превосходно и скоро вытѣснили большую часть прежнихъ воздѣлываемыхъ растений, потому что даютъ больше дохода. Вслѣдствіе этого цѣна гвоздики падала все ниже и ниже,—и это обстоятельство положило предѣлъ ея дальнѣйшему распространенію.

Гвоздичное дерево, точно такъ же какъ гуява и ямроза, принадлежитъ къ семейству миртовыхъ растений, занимающихъ почти середину между терпентинными и мѣстными яблокоплодными растениями. Дерево это до нѣкоторой степени похоже на лавровое; его вершина представляетъ красивый продолговатый конусъ и изъ желта зеленые листья, въ началѣ періода дождей появляющіеся пучками на самомъ концѣ вѣтвей, плотные и глянцевитые какъ лавровые листья. Почки, въ высушенномъ состояніи называемые гвоздиками, имѣютъ на деревѣ зеленый цвѣтъ и только когда завянутъ, дѣлаются сначала желтоватокрасными и наконецъ коричневыми, при чемъ прекрасный персиковый ихъ запахъ дѣлается еще болѣе острымъ и прянымъ. Если имъ дать развернуться, то образуется черная ягода величиною съ мускатный орѣхъ, въ которой содержится продолговатое темнаго цвѣта ядро значительной величины, которое также высушивается и употребляется для приправы, но имѣетъ гораздо менѣе пряный вкусъ, чѣмъ гвоздики. Тяжелое, летучее масло, обуславливающее собою этотъ вкусъ и запахъ, содержится впрочемъ во всѣхъ частяхъ растенія, а всего болѣе въ цвѣтовыхъ почкахъ. Его добываютъ изъ свѣжихъ гвоздикъ посредствомъ выжиманія, а еще лучше изъ высушенной—посредствомъ перегонки.

Воспроизведеніе дерева совершается легко. Уже опадающія зрѣлыя ягоды развиваются и пускаютъ ростокъ, такъ что въ молодыхъ подросткахъ для замѣщенія старыхъ деревъ никогда не бываетъ недостатка. Это обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что деревья имѣютъ довольно хрупкую древесину и при сильныхъ буряхъ легко ломаются. Молодыя плантаціи разъ или два въ годъ выпадываютъ, а впоследствии это становится ненужнымъ: старыя деревья извлекаютъ изъ земли столько питательнаго вещества, что между ними не можетъ уже ничего болѣе расти. Плодородная земля, влажный воздухъ и защита отъ сильнаго вѣтра составляютъ необходимыя условія при разведеніи плантаціи этихъ деревъ. Всего лучше они произрастаютъ на не далекомъ разстояніи отъ моря и на небольшой высотѣ надъ его поверхностью; въ мѣстностяхъ, лежащихъ на высотѣ пятисотъ слишкомъ футовъ, оно хотя и растетъ, но не даетъ уже цвѣтовъ. Ростъ дерева обыкновенно ограничиваютъ для того, чтобы удобнѣе было собирать цвѣты и даютъ ему выростать не болѣе какъ до 20 футовъ вышины. Такой кустъ даетъ среднимъ числомъ отъ двухъ до четырехъ фунтовъ гвоздикъ (на Занзибарѣ больше?), а дерево — до пятнадцати фунтовъ, не считая нѣсколькихъ тысячъ оставшихся ягодъ. При безпрепятственномъ развитіи оно достигаетъ значительной вышины и плодородности: такъ напр., по словамъ *Бори де С. Венсана*, «*giroffier Poivre*» на островѣ Reunion, вѣроятно тотъ самый, который посадилъ тамъ Пуавръ, представляетъ величественное дерево и въ хорошіе годы даетъ до 120 фунтовъ гвоздикъ.

Урожай гвоздикъ не всегда одинаковъ, но подвержень, какъ и урожай нашихъ плодовыхъ деревъ, значительнымъ измѣненіямъ, особенно богатая жатва, втрое больше обыкновенной, бываетъ только черезъ каждые три-четыре года. Такъ какъ крупныя землевладѣльцы — арабы на Занзибарѣ главный свой доходъ получаютъ съ гвоздичныхъ плантацій, то при каждомъ неурожаѣ приходятъ въ за-

трудненіе, а при нѣсколькихъ неурожаяхъ къ ряду часто запутываются въ долгахъ. Собираніемъ гвоздикъ занимается весьма много народа; можно разсчитать, что каждый стволъ даетъ на цѣлый мѣсяцъ работу одному человѣку. По словамъ *Guillain*, въ сухіе годы начинаютъ рвать почки въ половинѣ октября, прекращаютъ въ ноябрѣ и декабрѣ, а въ генварѣ начинаютъ снова, такъ что какъ

Собираніе гвоздики.

будто бы бываетъ двѣ жатвы въ году, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Въ сырые года гораздо раньше наступаетъ обильный урожай и работа продолжается непрерывно восемь мѣсяцевъ къ ряду. Собираніемъ гвоздикъ съ одного дерева занимаются разомъ по нѣскольку негровъ. Они взлѣзаютъ по первобытной лѣстницѣ, т. е. по двадцатифутовой вышины подставкѣ, состоящей изъ трехъ

жердей и снабженной поперечными перекладинами, на деревья, рвутъ достаточно созрѣвшія цвѣтотвы почки и потомъ кладутъ ихъ для сушки на солнцѣ на разостланныя рогожи. До отправки къ морю гвоздики должны быть еще разъ высушены на плоскихъ кровляхъ, при чемъ онѣ распространяютъ почти одуряющій запахъ.

Въ садахъ богатыхъ арабовъ часто встрѣчаются два другія чужеземныя пряныя растенія,—*корицное дерево, Laurus Cinnamomum L.*,—растеніе изъ породы лавровыхъ, и *мускатное дерево, Myristica moschata Thunb.*, близко подходящее къ хлѣбноплоднымъ и молочайнымъ растеніямъ. Последнее въ особенности произрастаетъ прекрасно и ему можетъ быть предназначено играть нѣкогда такую же роль, какую играетъ теперь гвоздичное дерево. Исторія обоихъ этихъ деревьевъ одинакова, только Голландцамъ не удалось ограничить мускатное дерево одною Амбонною, и оно распространилось на другіе близкіе и далекіе острова, занесенное, какъ думаютъ, дикими голубями.

Мускатное дерево бываетъ еще выше гвоздичнаго; его вѣтви выходятъ отъ основанія ствола и нѣсколько чаще, чѣмъ у гвоздичнаго дерева, а листья, зеленые сверху и сѣрые снизу, шире и красивѣе. Бѣлые, колокольчикообразныя цвѣты безъ чашечки почти незамѣтно сидятъ по два и по три на тонкомъ стеблѣ; мужскіе и женскіе цвѣтки сидятъ на разныхъ деревьяхъ, и притомъ приносящіе плодъ женскіе цвѣтки кажется рѣже мужскихъ въ пропорціи 1 : 6. Плодъ, представляющій сначала маленькую красноватую завязь, мало по малу развивается до величины небольшого персика, но нѣсколько продолговатѣе его и ярче цвѣтомъ. Когда онъ приближается къ зрѣлости, то его мясистая оболочка, толщиною въ поддѣйма, растрескивается вокругъ въ направленіи поперечной бороздки, которая была замѣтна еще прежде, и оттуда появляется красивый, темнокоричневый, глянцеитый орѣхъ, окруженный красивою карминнаго цвѣта сѣткою, такъ называемымъ *мацисъ* (неосновательно называемымъ мускатнымъ цвѣтомъ). Онъ представляетъ прямую массу, которая, будучи высушена, принимаетъ болѣе желтоватый цвѣтъ и употребляется у насъ въ аптекахъ и на кухнѣ. Собственно мускатный орѣхъ, зерно обнаженнаго глянцеито-коричневаго орѣха, такъ плотно окруженъ жесткою скорлупою, что въ свѣжемъ состояніи его нельзя добыть, не повредивъ его, и только высушивъ на солнцѣ и на огнѣ, отъ чего онъ такъ суживается, что перекатывается въ скорлупѣ,—его можно вынуть изъ нея. Вынутыя ядра троекратно размягчаются въ морской водѣ и извести и кладутся кучами, при чемъ сильно нагрѣваются и теряютъ способность къ произрастанію; въ такомъ видѣ они лучше сохраняютъ свой пряный вкусъ и пересылаются уложенные въ сухую извѣсть.

Мускатные орѣхи раздѣляются на королевскіе и зеленые. Первые, болѣе значительные по величинѣ, имѣютъ мацисъ, выдающійся за оконечность орѣха, тогда какъ у послѣднихъ онъ доходитъ только до половины орѣха. Хорошіе мускатные орѣхи должны быть большіе, круглые, тяжелые, яркосѣраго цвѣта съ нѣжными жилками въ разрѣзѣ. Они содержатъ въ себѣ $\frac{1}{32}$ по вѣсу часть *летучаго масла*, которое придаетъ имъ ихъ прямыя свойства, и $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{3}$ часть *жѣтлаго, жирнаго*, но также благоитнаго, *масла*.

Сначала воздѣлываніе мускатнаго орѣха внѣ Молуккскихъ острововъ представляло большія затрудненія, потому что не знали, что мужскіе и женскіе цвѣтки сидятъ на разныхъ деревьяхъ. Когда же наконецъ это сдѣлалось извѣстно,—начали сажать для оплодотворенія по нѣсколько мужскихъ деревъ между женскими, что, разумѣется, отнимало много мѣста. Наконецъ *Губертъ*, англійскій плантаторъ на островѣ Бурбонѣ, открылъ, что на мужскія растенія можно прививать женскіе вѣтви и наоборотъ. Съ тѣхъ поръ ко всѣмъ женскимъ деревьямъ стали прививать мужской черенокъ, а у мужскихъ деревъ срѣзывать всѣ вѣтви кромѣ одной, которая должна была служить для оплодотворенія, и замѣнять ихъ женскими.

Изъ вышеупомянутыхъ растеній только два,—кокосовая пальма и гвоздичное дерево,—служатъ значительными предметами торговли; но намъ остается еще упомянуть о двухъ, хотя менѣ красивыхъ, но не менѣ важныхъ, растеніяхъ, о *сезамѣ* или *кунжутѣ* и о *красномъ* или *индийскомъ перцѣ*, котораго большія плантаціи находятся въ глубинѣ острова. Растущій здѣсь на маленькихъ уродливыхъ кустикахъ перецъ кажется гораздо лучше того, который растетъ на большихъ роскошныхъ кустахъ, встрѣчающихся часто около берега и около домовъ. *Перечное растеніе*, *Capsicum annuum L.*, принадлежащее къ числу пасленовыхъ (*Solaneae*), происходитъ изъ жаркихъ странъ, но уже три столѣтія введено у насъ, такъ что теперь лѣтомъ растетъ на вольномъ воздухѣ. Листья его длинны, узки, темнозеленаго цвѣта, цвѣтки маленькіе бѣлые. Красные и желтые стручки имѣютъ разную форму, одни длиннѣе, другіе короче, круглые или сердцевидные, они употребляются вообще для приправы къ кушаньямъ и вывозятся въ большомъ количествѣ въ Европу.

Такъ какъ красный перецъ очень остръ, то опасно находиться тамъ, гдѣ его сушатъ до нагрузки на корабли, потому что маленькая его пылинка можетъ попасть въ глаза и причинить сильнѣйшую боль. Даже сквозъ одежду проникаетъ мелкая ѣдкая пыль и производитъ на чувствительныхъ мѣстахъ тѣла невыносимый зудъ. Даже толстокожіе негры, занимающіеся сушкою и нагрузкою перца, должны, по окончаніи работы, выкупаться хорошенько въ морѣ, а иначе всю ночь не найдутъ себѣ покоя,

Сезамъ или *кунжутъ*, который суахелійцы называютъ *мафута*, т. е. жиръ или масло, въ весьма значительномъ количествѣ вывозится изъ Занзибара, и воздѣлывается или въ влажныхъ долинахъ и равнинахъ самаго острова, или привозится съ берега. Это важное масляное растеніе, по словамъ Геродота употреблявшееся еще въ древнѣйшія времена, первоначально принадлежало Цейлону и Малабарскому берегу, а въ настоящее время распространено по всему жаркому поясу, растетъ въ далекой Японіи, въ верхнемъ Египтѣ, въ Сенаарѣ, Абиссиніи, Донголтѣ, и завезено даже въ Америку неграми, страстно любящими его сѣмена.

Кунжутъ, *Sesamum indicum* или *orientale L.*, принадлежитъ къ семейству трубкоцвѣтныхъ (*Bignoniaceae*), близко подходящему къ губоцвѣтнымъ растеніямъ и желѣзнякамъ (*Verbenae*). Его четырехгранный злаковидный стебель имѣетъ въ вышину около двухъ футовъ и пускаетъ нѣсколько боковыхъ вѣтвей, на кото-

рых распускается нѣсколько буроватобѣлыхъ цвѣтовъ, составляющихъ неплотную кисть. Сѣмена, величиною съ горчичное сѣмя, хорошо высушенныя и упакованныя въ остроконечные рогожныя мѣшки, нагружаются на сухія мѣста корабля, такъ какъ отъ сырости они портятся. Выжимаемое изъ нихъ масло бываетъ непріятно, но впоследствии получаетъ прекрасный, сладкій вкусъ; оно идетъ для такого же употребленія, какъ и лучшее прованское масло, и еще имѣетъ передъ нимъ то преимущество, что оно не дѣлается прогорклымъ. Сѣмена часто употребляются въ пищу вмѣсто пудинга, поджаренныя и смѣшанныя съ водою; вкусъ ихъ нѣсколько жгучій, какъ вкусъ слабой горчицы.

На Занзибарѣ встрѣчается еще нѣсколько растений, которыя въ другихъ мѣстахъ играютъ важную роль, и которыя здѣсь давали бы также большія выгоды, еслибы арабы были не такъ лѣнны и несвѣдуши, и еслибы европейцы имѣли такую же охоту къ ремесламъ, какую имѣютъ они здѣсь къ торговлѣ. Къ числу этихъ растений будущаго принадлежитъ *сахарный тростникъ*, *Saccharum officinale* L. Онъ воздѣлывается здѣсь почти только для лакомства: негры чрезвычайно любятъ сладкій сокъ, который они высасываютъ, раскусивъ оболочку тростника. Въ глубинѣ острова, на земляхъ богатыхъ владѣльцевъ, есть правда нѣсколько довольно большихъ плантацій сахарнаго тростника, изъ котораго выжимаютъ сокъ посредствомъ простой машины, но его обрабатываютъ только для собственнаго употребленія и притомъ выдѣлываютъ изъ него жидкій сиропъ, а не плотный сахаръ. Недавно сдѣланная однимъ французомъ съ острова Réunion попытка добывать твердый сахаръ съ плантацій султана была неудачна. Султанъ далъ сахарный тростникъ и необходимыя рабочія силы; французъ долженъ былъ заняться обработкою, но у него были плохія машины и мало капитала, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ предприятие должно было лопнуть. Не смотря на то, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что опытный человекъ съ достаточнымъ капиталомъ извлекъ бы большія выгоды изъ добыванія сахара, потому что здѣшній сахарный тростникъ весьма хорошъ, достигаетъ значительной вышины, весьма соченъ и созрѣваетъ въ теченіи только девяти мѣсяцевъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ для этого нужно пятнадцать мѣсяцевъ и даже болѣе; наконецъ почва здѣсь еще не истощена, какъ въ другихъ странахъ;—однимъ словомъ, здѣсь есть всѣ условія для процвѣтанія этой отрасли промышленности. Въ послѣднее время одинъ англичанинъ повторилъ прежнюю попытку и имѣлъ на столько успѣха, что могъ уже вывести на рынокъ нѣкоторое количество сахару,

На островѣ часто встрѣчается также *индиго*, *Indigofera tinctoria* и *Anil* L., и притомъ въ дикомъ состояніи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ султанъ Сеидъ-Саидъ захотѣлъ, при содѣйствіи одного француза, добывать индиговую краску; плантація удалась, урожай былъ хорошъ, но не далъ ни одного лота драгоценнаго вещества, потому что чужеземный шарлатанъ такъ мало смыслилъ въ приготовленіи индиго, какъ и самъ султанъ. Съ тѣхъ поръ уже ни разу не пробовали заниматься добываніемъ дорогой краски, хотя употребленный на это трудъ безъ сомнѣнія богатъ бы вознагражденъ.

Тоже самое было и съ *кофе*. Одинъ англійскій домъ выписалъ кофейныя сѣмяна съ острова Бурбона и изъ Мекки и развелъ большія плантаціи, но принужденъ былъ покончить дѣла на Занзибарѣ прежде, чѣмъ обнаружилась какіе либо положительныя результаты. Поэтому еще долгое время пожалуй не повторится подобная попытка, тѣмъ болѣе, что кофе, какъ кажется, лучше растетъ на сухихъ холмахъ материка, чѣмъ на влажномъ и низменномъ островѣ.

Хлопчатникъ также растетъ на островѣ, особенно на высокихъ и сухихъ мѣстахъ его, но его шерсть коротка и не достаточно тонка, и частый неправильно падающій дождь вредитъ доброкачественности продукта и дѣлаетъ его урожаи невѣрнымъ и не обеспеченнымъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Взглядъ на животную жизнь острова.

Коралловые полипы.—Животная жизнь на коралловомъ островѣ.—Ракъ *Palinurus* и ракъ отшельникъ.—Заслуги «смѣшныхъ» краббовъ. Бѣдность міра насѣкомыхъ.—Исполинская тысяченожка.—Опасныя стеножки.—Морскія и прѣсноводныя животныя.—Амфибіи.—Варалъ.—Наши свѣденія о мірѣ птицъ.—Хищныя, воробьиныя, пѣвчія и лазящія птицы.—Дикіе голуби и куры.—Болотныя и плавающія птицы.—Обезьяны. Комба. Рукокрылыя.—Хищныя животныя. Грызуны: хомякъ. Жвачныя животныя: малорослыя антилопы.—Дикая свинья.—Гость съ материка.—Домашнія животныя.

Только тогда, когда благополучно возвратившись домой путешественникъ приступитъ къ обработкѣ своихъ наблюдений и воспоминаній, онъ начинаетъ сознавать, что недостаточно воспользовался случаемъ для наблюденія и собиранія матеріаловъ. Многочисленные пробѣлы въ его познаніяхъ, образовавшіеся вслѣдствіе небрежности или недостатка опытности, вызываютъ чувство раскаянія, и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе еще разъ посѣтить страну, въ которой онъ производилъ наблюденія и собиралъ матеріалы, чтобы загладить прежнюю свою небрежность и избѣгнуть прежнихъ промаховъ. Счастливъ тотъ, кому судьба дастъ возможность исполнить это!

Намъ также приходится сѣтовать на важныя съ нашей стороны упущенія; ибо мы должны сознаться, что собранные нами матеріалы недостаточны и наши наблюденія неудовлетворительны. И только та мысль, что мы прежде не обладали еще тѣмъ опытомъ, который пріобрѣли при обработкѣ готоваго матеріала, что мы не знали, что именно нужно при наблюденіи и собираніи матеріаловъ, позволяетъ намъ надѣяться на снисхожденіе и найти въ этомъ нѣкоторое успокоеніе.

Особенно мало обратили мы вниманія на изученіе животнаго міра; чистосердечно сознаемся, что мы лишь въ весьма малой мѣрѣ разработали находившіяся предъ нами богатства. Теперь мы сознаемъ это сильнѣе, чѣмъ когда либо прежде; ибо безъ снисходительности опытныхъ друзей намъ было бы совершенно невозможно представить даже самую поверхностную картину занзибарскаго животнаго міра, а такая картина положительно необходима при описаніи острова, который своимъ происхожденіемъ обязанъ животнымъ, и потому мы рѣшились попытаться сопоставить узнанное нами тамъ и здѣсь.

Животная жизнь прячется, такъ сказать, отъ взоровъ неспеціалиста; онъ замѣчаетъ весьма немного изъ той богатой животной жизни, которую можно ожидать найти въ тропической странѣ; островъ представляется ему пустыннымъ и мертвымъ. Однако же на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ; ибо хотя высшій животный міръ здѣсь стоитъ гораздо ниже, чѣмъ на сосѣднемъ материкѣ, но все-таки же онъ приобрѣлъ себѣ право гражданства на островѣ, и даже нѣкоторыя животныя исключительно свойственны этому острову, такъ какъ они до сихъ поръ встрѣчались только еще на сосѣднихъ островкахъ, принадлежащихъ, такъ сказать, главному острову.

Гораздо значительнѣе здѣсь число представителей низшаго животнаго міра. Правда, неспеціалистъ видитъ здѣсь только самую незначительную часть беспозвоночныхъ животныхъ, но слѣды ихъ присутствія всюду бросаются ему въ глаза: Занзибаръ *островъ каралловый*, отнятый у моря строящими рифы полипами; и, хотя тѣ изъ нихъ, которые заложили фундаментъ зданія, уже давно погибли и уничтожились, но трудолюбивая армія и доселѣ неутомимо работаетъ въ морѣ, какъ бы желая мало по малу образовать изъ цѣлой группы островковъ одинъ островъ.

Наши кроаллы вовсе не тѣ, о которыхъ неоднократно упоминаютъ древнія сказанія, о которыхъ повѣствуетъ въ своихъ метаморфозахъ Овидій, говоря, что Персей обратилъ ихъ, прежде бывшихъ морскими растеніями, къ камню посредствомъ головы убитой имъ Горгоны, и что ихъ потомки также должны были обращаться въ камень по мѣрѣ своего соприкосновенія съ воздухомъ *); они не суть также *благородные кораллы*, добываемые со дна морскаго съ трудомъ и съ опасностью жизни, а *мадрепоры*, *тетеропоры* и *миллепоры*, *астреи* и *меандрины* или *зубчатые*, *точкообразные*, *звѣздчатые* и *лабиринтообразные кораллы* и многіе другіе виды, которые мы можемъ обозначить однимъ словомъ «*мадрепоры*» или назвать вообще *каменными кораллами*. Ихъ массивныя каменные постройки поднимаются въ разныхъ мѣстахъ изъ глубины моря, окаймляютъ берега въ видѣ покрытыхъ пѣною рифовъ, являютъ даже внутри страны въ видѣ обширныхъ полей и дѣлаютъ эту мѣстность недоступною для пѣшехода по причинѣ безчисленныхъ острыхъ зубцовъ точно такъ же, какъ тѣ, которыя находятся еще подъ водою, грозятъ опасностью мореплавателю. Они и теперь еще болѣе всѣхъ другихъ животныхъ оказываютъ вліяніе на извѣстныя мѣста моря, въ особенности въ Тихомъ океанѣ, гдѣ они, на нашихъ глазахъ, застраиваютъ Торресовъ проливъ и соединяютъ такимъ образомъ два громадныя острова, Австралію и Новую Гвинею.

Коралловыя животныя или полипы живутъ только въ совершенно прозрачной водѣ; гдѣ же въ море вливаются мутныя рѣки и гдѣ волны смываютъ съ берега илъ и песокъ, они задыхаются подъ осаждающеюся внизъ грязью, изъ ко-

* Ovid. Met. IV. 749. «Sic et curialium, quo primum contigit auras Tempore durescit: mollis fuit herba sub undis». (Такъ и кораллъ, какъ скоро соприкасается съ воздухомъ, окаменѣваетъ; подъ волною же онъ былъ мягкой травой).

торой не могут выбраться, будучи лишены возможности свободно двигаться. Они, смотря по свойству ихъ организма и образу жизни, поселяются въ различныхъ мѣстахъ: полипы, строящіе рифы, селятся въ открытомъ морѣ, гдѣ кипящія волны доставляютъ имъ обильную пищу, а большіе, не имѣющіе острова, полипы селятся главнымъ образомъ въ тихой водѣ замкнутыхъ бухтъ, въ каналахъ и въ отверстіяхъ и пещерахъ рифовъ. Всѣ полипы, будучи даже на короткое время вынуты изъ воды, умираютъ и потому встрѣчаются въ живомъ состояніи только за линією самыхъ низкихъ приливовъ. Это относится главнымъ образомъ къ полипамъ—строителямъ рифовъ, такъ что всѣ ихъ формации, встрѣчаемыя иногда внѣ воды, принадлежатъ отжившимъ поколениямъ. Точно такъ же не могутъ эти животныя жить на слишкомъ большой глубинѣ: положительно доказано, что они не живутъ на 120 футахъ глубины, вѣроятно потому, что на такой глубинѣ значительно уменьшается количество содержащагося въ водѣ воздуха, и это уменьшеніе вредно дѣйствуетъ на нихъ. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что рифы, находящіеся на большой глубинѣ, были сдвинуты съ своего прежняго мѣста пониженіемъ морскаго дна.

Полипы встрѣчаются во всѣхъ моряхъ до самаго полюса, но строители рифовъ живутъ массами только въ тропическихъ моряхъ, температура которыхъ никогда не бываетъ ниже 16° Р.; главнымъ же образомъ живутъ они въ жаркихъ странахъ, гдѣ температура воды всегда держится между 22° и 24°. А такъ какъ теперешнія коралловыя формации большею частію сходны съ строителями самыхъ даже древнихъ формаций, встрѣчаемыхъ даже около полюсовъ, то это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что когда-то и тѣ моря имѣли гораздо болѣе высокую температуру.

Коралловыя постройки дѣлятся, какъ извѣстно, на три разряда: *окраинные* или *береговые рифы*, непосредственно примыкающіе къ берегу материка или острова, и прибавляющіе къ нему болѣе или менѣе широкую закраину, иногда тянущуюся въ море на разстояніе нѣсколькихъ часовъ пути; *плотинные* или *каналъные рифы*, отдѣляемые отъ суши проливомъ и идущіе или въ одномъ направленіи съ нимъ, или же кольцеобразно окружающіе ее въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи (какъ это бываетъ около небольшихъ острововъ); *лагуны, рифы* или *атолы*, не состоящіе въ связи ни съ какою частью суши, но въ простой, круглой или овальной формѣ окружающіе извѣстную часть моря, соответствующую неглубокому мѣсту морскаго дна.

На восточномъ берегу Африки, гдѣ, судя по каралловымъ скаламъ вышиною отъ десяти до двадцати футовъ, должно было произойти когда-то значительное поднятіе суши, встрѣчаются только два первые вида рифовъ. При береговыхъ плаваніяхъ здѣсь часто представляется случай видѣть подводныя каралловыя мели, которыя, не смотря на то, что онѣ лежатъ на 60, 80 и 100 футовъ подъ водою, можно различать до того ясно, что кажется, какъ будто ихъ можно достать рукою. Тамъ внизу разстилается волшебный садъ съ прекраснѣйшими кустами, деревьями и цвѣтами невыразимой красоты и изящности: и всѣ эти цвѣты живутъ и какъ бы дышатъ и движутся, а между ними ныряютъ маленькія рыбки, бли-

стающія прекраснѣйшими цвѣтами радуги, какъ будто бы играя, но на самомъ дѣлѣ только отгрызая своими острыми роговыми челюстями мясистыя головки нѣжныхъ полиповыхъ построекъ. Если, для разсмотрѣнія вблизи этого рѣдкаго, прекраснаго зрѣлища, опустить внизъ искуснаго въ нырянѣ рыбака, или вытащить желѣзнымъ крючкомъ одинъ изъ красивѣйшихъ цвѣтковъ, то изумленнымъ взорамъ представится только сѣрый камень, покрытый слизью: животныя, приведшія васъ въ такое восхищеніе, втянули въ себя свои красивыя щупальца и свернулись на враждебномъ для нихъ воздухѣ въ тонкую слизистую оболочку, и такимъ-то образомъ прекрасныя цвѣта, обязанные своимъ происхожденіемъ преломленію свѣта подъ водою и жизненной дѣятельности полиповъ, обратились въ гадкое, грязное сѣробурое вещество. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такою красотою, которая исчезаетъ при нѣжнѣйшемъ прикосновеніи, при малѣйшемъ измѣненіи жизненныхъ условій, и даже въ нѣсколько менѣе соленой водѣ животное въ скоромъ времени умираетъ.

Возвышающіяся надъ морскою поверхностью отжившія коралловыя формациі также заслуживаютъ вниманія, потому что онѣ вовсе не такъ пустынно, какъ можно заключить по ихъ наружному виду. Мы нѣсколько разъ имѣли удовольствіе посѣщать во время отлива одинъ изъ маленькихъ, окаймленныхъ плоскими рифами, островковъ, окружающихъ Занзибарскую гавань. Самый маленькій изъ нихъ, *Кибандио*, который европейцы называютъ «цвѣтчною корзиною», уже съ суши представляетъ странный, впрочемъ не рѣдкій здѣсь, видъ: почти совершенно круглая скала поднимается изъ моря въ формѣ гриба; снизу она тонка, а къ верху постепенно расширяется, загибаясь во внутрь; поверхность ея густо поросла свѣшивающимися съ нея кустами, такъ что каждому придетъ въ голову сравненіе ея съ цвѣтчною корзиною. Воздухъ тихъ, море спокойно; черныя гребцы скоро доставляютъ васъ къ цѣли. Уже давно, еще прежде, чѣмъ вы достигнете берега, глубокая синева моря окрашивается въ темнозеленый цвѣтъ, который постепенно становится все ярче; еще въ довольно далекомъ разстояніи отъ острова шляпка обо что-то ударяется: она достигла окраины рифа, покрытаго весьма неглубокою водою. Здѣсь надо вытти и поручить себя неграмъ, которые, безопасно поставивъ судно на якорь, переносятъ васъ на сухое мѣсто, и, не смотря на тяжелую ношу, такъ спокойно и безопасно переходятъ голыми ногами черезъ опасныя зубцы камней, какъ будто бы лишены были всякой способности ощущенія.

Полусухая каменистая поляна представляетъ уже много привлекательности. Въ многочисленныхъ стоячихъ лагунахъ морской воды кишатъ самыя странныя животныя, пестрыя *морскія розы*, безобразныя *юлотурии* или *морскія кубышки*, *морскія звѣзды* съ длинными щупальцами, изъ коихъ нѣкоторыя при прикосновеніи къ нимъ причиняютъ жгучую боль, *морскіе ежи*, *морскія усеницы* и другія тропическія морскія животныя, которыхъ перечисленіе для насъ неудобно по недостатку мѣста. Кто видалъ когда-либо одинъ изъ новѣйшихъ большихъ морскихъ аквариумовъ, тотъ пойметъ, что можно посвящать наблюденію жизни и дѣятельности такихъ существъ цѣлыя часы. Собираніе ихъ однако же не очень легко, потому что всѣ они сидятъ въ узкихъ разсѣлинахъ и въ глубокихъ норахъ, вы-

ставляя изъ нихъ только свои органы ощущенія; но при малѣйшей опасности они вбираютъ эти органы въ себя и прицѣпляются тамъ такъ крѣпко, что ихъ легко можно разорвать прежде, чѣмъ оторвать отъ камня. Точно также часто попадающія здѣсь рыбы—*попуаи*, названные такъ по формѣ ихъ головы, а можетъ быть и по яркости цвѣтовъ, ускользаютъ отъ всякаго преслѣдованія; какъ скоро къ нимъ подкрадешься рукою или сѣтью, онѣ тотъ часъ же исчезаютъ между зубчатыми вѣтвями коралловъ. Впрочемъ собирателю и нѣтъ нужды самому заниматься ловлею, такъ какъ въ городѣ у одного молодого индѣйца онъ найдетъ готовымъ все, чего желаетъ, или можетъ въ скорое время получить отъ него это по заказу.

Гораздо легче самому сдѣлать богатую коллекцію *мякотъмызъ* (моллюсковъ) всѣхъ видовъ, потому что пресловутое богатство индѣйскаго океана этими животными проявляется и здѣсь по близости острова. Здѣсь изслѣдователь можетъ наблюдать далеко еще не вполне изслѣдованную жизнь этихъ животныхъ; въ матеріалѣ у него никогда не будетъ недостатка. Даже внутренность камней, если ихъ разломить или поднять, представляется оживленною; почти въ каждомъ обломкѣ неспециалистъ найдетъ неизвѣстныя ему новыя существа. Маленькіе особаго рода *краббы*, съ твердымъ блестящимъ панцыремъ, *трапеци* и *порцеллаиды*, различныя *спиральныя раковины*, и между прочимъ такъ называемые по своей формѣ *морскіе финики*, въ большомъ количествѣ сидятъ въ просверленныхъ ими самими или же въ найденныхъ уже готовыми дырахъ и пещерахъ, на половину, а иногда и совсѣмъ, замкнутыя въ нихъ, такъ что трудно понять, какимъ образомъ эти животныя добываютъ себѣ пищу.

На коралловыхъ островахъ и около нихъ кишатъ различныя *ракообразныя животныя*, одни въ вольной водѣ, другія въ раковинахъ моллюсковъ, одни между камнями, другія въ самыхъ камняхъ, т. е. въ клѣточкахъ и норахъ ихъ. Значительное число ихъ принадлежитъ къ безклевшевымъ, такъ называемымъ *лангустамъ*, часто весьма походящимъ на различныхъ прямокрылыхъ насекомыхъ, къ числу которыхъ относятся богомоль, ракъ-кузнечикъ и лангустъ (*Scyllagus*) и настоящіе лангусты (*Palinurus*) бросаются въ глаза своею формою и величиною: первые своею шириною и уродливостью, а послѣдніе прелестнымъ цвѣтомъ и круглыми щупалами, часто бывающими длиннѣе ихъ тѣла, длина котораго бываетъ около фута. Рыбаки весьма часто приносятъ ихъ для продажи, такъ какъ иностранцы и туземцы очень охотно употребляютъ ихъ въ пищу.

Болѣе всѣхъ другихъ раковъ обращаютъ на себя вниманіе неспециалистовъ *раки—отшельники*. Эти раки, какъ извѣстно, стараются защититъ отъ поврежденій не покрытую панцыремъ и потому мягкую и чувствительную заднюю часть тѣла тѣмъ, что прячутъ ее въ жилище моллюска, которое и таскаютъ всюду съ собою и только отъ времени до времени мѣняютъ его на другое, чувствуя, что прежнее для нихъ тѣсно. Если схватить такую раковину, въ которой сидитъ этотъ чужой гость, то покрытыя щитами ноги весьма быстро спрячутся въ нее и наружи остается только большая клешня и небольшая часть головы. Изъ большихъ породъ мягкохвостыхъ самый извѣстный обыкновенный сумчатый ракъ, *Birgus latro*

Г., который вскрывает валяющиеся на берегу кокосовые орехи и съедает содержащееся в них мясо. Правда, этот факт часто оспаривали, но его действительность не подлежит никакому сомнению. Впрочем мы должны заметить, что мы до сих пор не встречали этой породы раковъ въ самомъ Занзибарѣ, а видѣли ихъ только на Коморскихъ островахъ.

Изъ *краббовъ*, этихъ черепокожныхъ животныхъ съ уродливымъ брюхомъ, приплюснутымъ къ нижней части груди и лежащимъ тамъ въ углубленіи, особенно замѣчательны на нашемъ островѣ *грансиды* величиною съ руку. Легко и проворно, какъ пауки, всползаютъ они бокомъ на вертикальныя скалы, производя странный трескъ, и только съ большимъ трудомъ удается поймать проворное животное. Форма ихъ довольно плоская и ширина почти равна длинѣ; по обѣ стороны спиннаго щитка у нихъ находятся длинныя, похожіе на шипы, отростки, а ноги у нихъ загнуты внутрь и съ конца заострены и какъ нельзя лучше приспособлены къ ползанью по скаламъ.

Кто въ первый разъ видитъ *сухонутныхъ краббовъ*, на того производитъ смѣшное впечатлѣніе та особенность большей части ихъ, что они ходятъ бокомъ, отчего происходитъ и ихъ названіе *Gelasimus „смѣшные краббы“*. Сюда принадлежатъ тѣ породы, которыя живутъ въ Назимойской лагунѣ и тамъ непреодолимо привлекаютъ новичковъ какъ своими движеніями, такъ и своимъ прекраснымъ цвѣтомъ. Одна изъ ихъ клешней несоразмѣрно велика, а другая чрезвычайно мала; тѣло ихъ не такъ длинно, какъ широко. Поэтому они и бѣгаютъ бокомъ, и притомъ съ изумительною скоростью, но только до тѣхъ поръ, пока имъ не грозитъ опасность; въ послѣднемъ же случаѣ они съ быстротою молніи ускользаютъ въ свои влажныя норы, производя клешнями и челюстями особаго рода шумъ, похожій на шлепанье дождевыхъ пузырей по водѣ.

Всѣ краббы, въ особенности же любящіе иль и песокъ «смѣшные» краббы, сильно истребляютъ падаля и превосходно помогаютъ полици. Они обглаживаютъ лежащее поверхъ земли или зарытое въ песокъ животное гораздо скорѣе, чѣмъ наши трудолюбивые муравьи. Въ Назимойѣ часто представляются случаи наблюдать это. Суахелійцы лѣнливы и равнодушны, какъ и всѣ арабы: павшій верблюдъ или лошадь вывозятся изъ города ни какъ не далѣе, какъ на берегъ и тамъ предаются гниѣнію. Заразительный запахъ, издаваемый падаляю, грозитъ опасностью прогуливающимся европейцамъ; гниющее тѣло внушаетъ отвращеніе; но едва пройдетъ нѣсколько дней, какъ дорога снова очищается, и только гладко обглоданныя кости лежатъ еще на болотистой почвѣ, благодаря прилѣжной работѣ краббовъ, на долю которыхъ все-таки пришлась самая большая часть дѣла, хотя не мало помогли имъ въ этомъ полудикія собаки.

Кто, посѣщая коралловый островъ, не желаетъ посвятить свое время научному изслѣдованію, тотъ можетъ собрать себѣ запасъ для кухни, т. е. набрать хотя маленькихъ, но чрезвычайно вкусныхъ, устрицъ такое количество, какое ему заблагоразсудится; а кто пожелаетъ заняться еще лучшею охотою, тотъ найдетъ прекрасную дичь, *малорослыхъ антилопъ*. Но охотникъ поступитъ весьма благоразумно, если послушается предостереженій свѣдущихъ людей. Многимъ уже при-

ходилось съ большимъ трудомъ, съ испаранною кожею и безъ сапогъ и одежды выбираться изъ чаши, въ которую они попадали благодаря антилопамъ; потому что какъ почва, такъ и растенія, ею произращаемыя, весьма суровы; острые шипы раздражаютъ самое крѣпкое парусинное платье. Тогда оставшійся безъ платья несчастный охотникъ принужденъ выжидать наступленія сумерокъ, чтобы не совѣстно было показаться въ городѣ.

Токой видъ и характеръ имѣютъ всѣ вообще коралловые острова восточной Африки; ббльшіе изъ нихъ, которые можно издали узнать по высокимъ кокосовымъ пальмамъ, служатъ часто мѣстопребываніемъ для обжигателей известки и рыбаковъ, и на нихъ встрѣчаются, кромѣ нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, нерѣдко большія животныя материка.

Море около Занзибара богато, бесконечно богато животными, а суша, напротивъ, весьма бѣдна ими. Эта истина прежде всего обнаруживается для того, кто занимается собираніемъ жуковъ и бабочекъ: изъ удивительныхъ животныхъ формъ, которыя производятъ тропическія страны Америки и Азіи, на Занзибарѣ встрѣчается очень мало или даже совсѣмъ почти не встрѣчается. Конечно, при продолжительномъ, внимательномъ наблюденіи міра насѣкомыхъ, и здѣсь можно найти не мало прекраснаго и новаго; но вообще шансовъ на обильный сборъ не много. Островъ слишкомъ малъ и представляетъ въ своемъ растительномъ покровѣ слишкомъ мало разнообразія, и потому здѣсь нельзя ожидать обилія насѣкомыхъ, питающихся главнымъ образомъ растеніями. Мы говоримъ впрочемъ только о *блѣдности породъ*, а не объ *недостаткѣ насѣкомыхъ*; ибо нѣкоторые виды, особенно прямокрылыхъ и перепончатокрылыхъ, встрѣчаются въ громадномъ количествѣ.

Какъ объ особенно важныхъ насѣкомыхъ, мы должны упомянуть здѣсь о *пчелахъ*, которыя нѣсколько помельше европейскихъ и даютъ медъ зеленоватаго цвѣта и весьма прянаго вкуса. Подробности объ нихъ мы сообщимъ ниже, такъ какъ пчеловодство, или по крайней мѣрѣ добываніе меда производится главнымъ образомъ на материкѣ. Точно также о *наукахъ*, которые сходны съ живущими на берегу, мы сообщимъ ниже.

Довольно полную коллекцію насѣкомыхъ, встрѣчающихся на Занзибарѣ, составилъ *Кукъ*, молодой американецъ, посланный туда на нѣсколько лѣтъ Бостонскимъ музеемъ для ихъ собиранія. Такъ какъ *Кукъ* столь подробно занимался фауною Занзибара, то мы къ сожалѣнію и не стали дѣлать себѣ коллекціи, ошибочно полагая, что главная цѣль нашего собиранія должна состоять въ томъ, чтобы отыскивать новые виды, а это казалось намъ невозможнымъ въ виду столь долго дѣйствовавшаго на этомъ поприщѣ ревностнаго собирателя. Послѣ же того мы напрасно пытались достать отъ *Кука* или отъ Бостонскаго музея по крайней мѣрѣ хотя перечень ихъ, но насъ не удостоили даже отвѣтомъ. Такимъ образомъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ ничего сообщить объ этомъ. Надѣемся, что усердіе позднѣйшаго изслѣдователя и собирателя скоро сдѣластъ излишнею ту любезность, въ которой намъ тутъ было отказано.

Классъ *тысяченокъ* представляетъ на Занзибарѣ нѣкоторыя весьма замѣчательныя формы. Одинъ *Spirostreptus*, довольно на похожій нашу обыкновенную

многоножку или *тысяченожку*, достигает исполинской величины; онъ бываетъ слишкомъ семи дюймовъ въ длину и въ палецъ слишкомъ толщины. Общій цвѣтъ тѣла этого животнаго блестящій темнокоричневый; только при изгибаніи и поворотахъ тѣла показывается болѣе красноватожелтый слой колець. Число колець на тѣлѣ простирается до шестидесяти, а число паръ ногъ до ста пятнадцати. Когда этотъ «червь» медленно ползетъ по травѣ или по кустамъ, то можно подумать, что видишь дѣйствительно тысячи перепутавшихся ногъ. *Исполинская тысяченожка* впрочемъ животное самое безвредное, и вѣроятно питается только растеніями и гниющими ихъ остатками и никогда даже не пытается причинить какое-либо зло человѣку. Но, не смотря на это, при нашемъ врожденномъ или привитомъ воспитаніемъ отвращеніи ко всему ползающему и многононому, бываетъ какъ-то неприятно, когда это мирное животное бѣгаетъ по кожѣ своими безчисленными тонкими ногами. Если до него дотронуться, то оно свертывается и держится въ этомъ положеніи съ такою силою, что его можно растянуть только при значительномъ усилии. Его тѣло покрыто жесткою и плотною оболочкою, которую можно раздавить только сильно нажавъ на нее пальцемъ. Положенное въ винный спиртъ, оно дѣлается хрупкимъ; содержимое брюшной полости растворяется и принимаетъ ярко-красный цвѣтъ, а оставшаяся почти пустою оболочка ломается, если ее нѣсколько погнуть. Лучшее средство приготовить многоножку (*pilus*) въ ея естественномъ видѣ для коллекціи состоитъ въ томъ, чтобы пустить ее въ кусочекъ тростника или бамбука и тамъ умертвить ее дѣвствомъ жара. Если же ее уморить въ длинномъ и широкомъ сосудѣ, то она свернется въ улиткообразный кружокъ, который нельзя развернуть, не сломавъ многоножку.

Единственныя опасныя многоножки суть *сколопендры* или *стоножки*, у коихъ на каждомъ кольцѣ тѣла находится только по одной парѣ ногъ. Находящіяся на Занзибарѣ виды этихъ животныхъ похожи на наши, но гораздо больше. Негры не безъ основанія опасаются ихъ больше, чѣмъ маленькихъ туземныхъ скорпионовъ. Мы сами видѣли послѣдствіе ихъ укушенія: одинъ французъ былъ укушенъ въ щеку ночью и притомъ находясь на борту военного корабля, и, осматривъ свою постель, нашелъ на ней стоножку. Лицо вскорѣ до того напухло, что глаза едва были замѣтны, а когда опухоль спала, волоса на бородѣ около укушеннаго мѣста совершенно вылѣзли.

Интересныя для науки свѣдѣнія касательно *рыбъ* Занзибара мы можемъ теперь сообщить благодаря изслѣдованіямъ полковника *Плэйфэйра*, бывшаго англійскаго консула и политическаго агента при дворѣ Сеидъ-Маджида. Плэйфэйръ собралъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ 500 различныхъ видовъ рыбъ, изъ этого числа около $\frac{6}{7}$ (428 видовъ) въ самомъ Занзибарѣ, а прочіе на *Сешельскихъ* и *Коморскихъ островахъ*, на *островахъ Чаго*, въ *Мозамбикъ* и *Аденъ*. Подъ Занзибаромъ этотъ изслѣдователь разумѣетъ конечно всѣ владѣнія Занзибарскаго султана, слѣдовательно ту часть берега, которая лежитъ между *Мукдишею* (5) подъ 2° сѣв. широты и мысомъ *Дельмадо* подъ 10° 40' южной широты; но было бы

очень смѣло полагать, что всѣ встрѣчающіяся на этомъ пространствѣ породы живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ острова Занзибара, такъ какъ изъ этихъ 428 видовъ 300 встрѣчаются и въ другихъ частяхъ индѣйскаго океана. Отдѣливши всѣ виды, собранные только около берега, получимъ 395 видовъ для однихъ гаваней или для области занзибарскаго рыболовства. Кромѣ того, изъ этого числа 192 вида были находимы также въ красномъ морѣ, 108 видовъ по близости различныхъ острововъ вдоль восточнаго берега Африки, семь въ капскихъ водахъ, 25 въ атлантическомъ океанѣ, и три въ Средиземномъ морѣ.

Подробное перечисленіе рыбъ Занзибара при настоящемъ положеніи нашихъ знаний было бы лишь повтореніемъ научныхъ названій; поэтому намъ достаточно будетъ упомянуть только о двухъ важнѣйшихъ семействахъ. Богатое семейство *окуней* (Percidae) представляется 47 видами, а семейство *губановъ* (Labridae), къ которому принадлежатъ уже извѣстныя намъ *рыбы-понуаи* (Scarus), 75 видами, большая часть конхъ имѣеть вкусное мясо. Большое количество губановъ и встрѣчающіеся здѣсь въ количествѣ 29 видовъ твердочешуйныя (Plectognathi) особенно бросаются въ глаза, такъ какъ изъ прочихъ 52 семействъ еще только два содержатъ въ себѣ до 24 видовъ, семь отъ десяти до двадцати видовъ, а прочія всѣ менѣе десяти. Это обстоятельство объясняется свойствомъ морскаго дна и береговъ, и составляетъ слѣдствіе преобладанія коралловыхъ формаций, въ связи съ которыми главнымъ образомъ стоятъ эти два семейства.

Изъ вышесказаннаго понятно, что прѣсныя воды не представляютъ естественнаго испытателю почти никакой добычи, и потому онъ долженъ почти исключительно посвятить свою дѣятельность морю. Въ самомъ дѣлѣ, въ прѣсныхъ водахъ доселѣ найдено только три породы рыбъ: *Clarias gariepinus* или *mosambicus* Ptrs. изъ семейства *сомовъ*, къ которому относятся главнымъ образомъ тропическія рыбы, — живущій въ прѣсныхъ водахъ до капской земли; *Gobius giuris*, *морской нескарь*, водящійся до самой Индіи въ прѣсной водѣ, и *fundulus orthonotus* (Surpinodon orthonotum Ptrs.), живущій въ источникахъ Занзибарскихъ и попадавшійся около береговъ до Килимана и на Сешельскихъ островахъ. Эта послѣдняя рыба имѣеть въ длину только отъ двухъ до четырехъ дюймовъ и замѣчательна въ особенности тѣмъ, что *Плэнфэйргъ* въ числѣ нѣсколькихъ сотъ разсмотрѣнныхъ имъ экземпляровъ на Занзибарѣ не нашелъ ни одной самки, а на Сешельскихъ островахъ ни одного самца.

Классъ *амфибій* имѣеть на нашемъ островѣ чрезвычайно малое число представителей. При этомъ должно замѣтить, что на этихъ животныхъ доселѣ не обращали должнаго вниманія. Мы имѣемъ только двѣ породы лягушекъ, найденныя нами на Занзибарѣ. Обѣ онѣ живутъ въ небольшихъ прудахъ и болотахъ, иногда въ большомъ числѣ, но не такъ бросаются въ глаза, какъ ихъ нѣмецкіе собратья; по крайней мѣрѣ мы не помнимъ такихъ концертовъ, какіе даютъ наши обыкновенныя лягушки.

Гораздо чаще встрѣчаются на Занзибарѣ *пресмыкающіяся*. Здѣсь много рассказываютъ о змѣяхъ и ходятъ страшные анекдоты о ядовитыхъ видахъ этого семейства. Но еще сомнительно, дѣйствительно ли находили на самомъ островѣ ядо-

витыхъ змѣй: ибо то пресмыкающееся, которое считается особенно опаснымъ, именно *Кіумабуци*, вовсе даже и не змѣя, а ящерица. Туземцы различаютъ *большую змю, зеленую змю* и *бѣлую змю* съ красною спиною, но боятся только вышеупомянутой, совершенно безвредной, *Кіумабуци*. Ящерицы здѣсь многочисленны и ихъ можно найти вездѣ, такъ какъ нѣкоторыя породы ихъ живутъ даже внутри города, а часто и въ самыхъ домахъ. Именно, здѣсь, какъ во дворцѣ султана, такъ и въ хижинѣ негра, встрѣчается внушающая всѣмъ невѣждамъ отвращеніе *Гекко*. Но объ этой столь некрасивой и вмѣстѣ съ тѣмъ столь привлекательной ящерицѣ мы поговоримъ ниже.

Чужестранецъ прежде всего знакомится съ большимъ вараномъ, который всюду встрѣчается на островѣ и вдоль всего берега и обыкновенно считается сходнымъ съ нильскимъ вараномъ но на самомъ дѣлѣ отличается отъ него своимъ образомъ жизни. По изслѣдованіямъ *Петерса*, онъ отличается отъ нильскаго варана не только болѣе яркимъ цвѣтомъ, но и тѣмъ еще, что у него чешуя на затылкѣ нѣсколько крупнѣе, чѣмъ на спинѣ, тогда какъ у нильскаго—на оборотъ. Слѣдовательно старикъ *Шнарманнз*, ознакомившій ученый міръ съ этимъ животнымъ подъ особымъ именемъ капскаго варана (*varanus capensis*), былъ совершенно правъ.

Жизнь этихъ чешуйчатыхъ ящерицъ на волѣ мало извѣстна, потому что онѣ, вслѣдствіе частыхъ преслѣдованій со стороны туземцевъ, при приближеніи чело-вѣка быстро убѣгаютъ и скрываются въ свое убѣжище, въ какую нибудь нору подъ корнемъ стараго дерева или въ почти недоступную чашу. Высоко поднявъ голову и быстро передвигая ноги, онѣ такъ быстро бѣгутъ, извиваясь всѣмъ тѣломъ, что ихъ едва можно догнать. Единственная польза, приносимая этою ящерицею, состоитъ въ томъ, что ее продаютъ за нѣсколько мелкихъ монетъ морякамъ или живущимъ въ Занзибарѣ европейцамъ.

Ливингстонз рассказываетъ о большихъ легуанахъ, мясо которыхъ высоко цѣнится туземцами южной Африки, а *Швейнфуртз* узналъ, что жители Галабата усердно преслѣдуютъ этихъ животныхъ, и, поймавъ ихъ, убиваютъ, снимаютъ съ нихъ кожу, жарятъ мясо на угляхъ и ѣдятъ какъ лакомое блюдо. Въ Занзибарѣ, напротивъ, магометане считаютъ ихъ болѣе или менѣе нечистыми животными и никогда не стараются ловить ихъ для употребленія на кухнѣ. Даже необращенные негры высказываютъ большое отвращеніе, когда имъ смѣются, что они ѣли чешуйчатыхъ ящерицъ. Мы сами видѣли примѣръ этого. Во время втораго путешествія въ *Джаму*, въ Арумѣ, первомъ селеніи въ странѣ *Вамазаи, Коралли*, слуга Декена, убилъ дробью самку такого. Животное было беременно и у него въ брюхѣ было около двадцати бѣлыхъ яичекъ величиною съ куриное, продолговатыхъ, съ мягкою скорлупою, которыя мы выпустили и сварили съ солью и масломъ. Какъ во всѣхъ вообще яичахъ пресмыкающихся, и въ этихъ яичахъ бѣлокъ не свернулся при вареніи, но вкусъ нашей яичницы нисколько не пострадалъ отъ этого. Остатки я предложилъ носильщикамъ, желая приправить этимъ ихъ простое кушанье изъ бобовъ, но ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ съѣсть хотя одинъ кусокъ. Даже вовсе не разборчивые *Ваника*, употребляющіе въ пищу вонючее мясо хищныхъ птицъ, не пренебрегающіе зловоннымъ мясомъ коршуна, полусгнившими

пищевыми остатками изъ бычачьихъ кишокъ и свернувшюся кровью, даже эти *Ваника*, которыхъ магометане—Суахелійцы называютъ *свиньями*, съ отвращеніемъ отнеслись къ этому чистому кушанью. Такъ велика и здѣсь сила предрассудка, что преодолеваетъ даже голодъ и алчность.

Пойманныхъ ящерицъ привозятъ въ городъ особеннымъ образомъ связанными: ихъ плотно привязываютъ во весь ихъ ростъ къ палкѣ, такъ что свободными остается только хвостъ и голова. Такая предусмотрительность здѣсь весьма основательна, потому что варанъ не только шипитъ какъ змѣя, когда къ нему подходятъ, но и сильно кусается. Впрочемъ непрерывное высовываніе и обратное втягиванье длиннаго раздвоеннаго языка, напоминающее манеру змѣй, не пугаетъ туземцевъ, которые очень хорошо знаютъ, что не острые кончики языка, а усаженные зубами челюсти и снабженные большими когтями пальцы составляютъ оружіе животнаго. Но, хотя туземецъ достаточно знаетъ варана, однако никогда не входитъ съ нимъ въ дружелюбныя отношенія, и ни одинъ изъ нихъ не займется его прирученіемъ, какъ дѣлаютъ это египетскіе заклинатели змѣй,—чтобы употреблять ихъ для разныхъ фокусовъ. или, по крайней мѣрѣ, показывать ихъ охочей до зрѣлищъ толпѣ.

Черепакъ здѣсь кажется совсѣмъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ о слоновой черепахѣ, встрѣчающейся на другихъ островахъ восточной Африки, нельзя здѣсь сказать ничего.

Болѣе всякаго другаго класса животныхъ замѣтны здѣсь *птицы*. Правда, количество видовъ, живущихъ на самомъ островѣ, кажется не особенно велико; но нѣкоторыя породы птицъ постоянно залѣтаютъ сюда съ сосѣдняго материка, и многія изъ нихъ поселяются тутъ на долгое время. Въ особенности берега всегда значительно оживлены, и нѣкоторыя мѣста ихъ иногда кишатъ болотными птицами, возбуждающими охотничьи стремленія европейцевъ. Внутри острова также нѣтъ недостатка въ дичи; но ни одинъ изъ туземцевъ не занимается охотою, и только кое когда тотъ или другой изъ европейцевъ рѣшится съ охотничьимъ ружьемъ на плечѣ обойти часть острова. Всего чаще впрочемъ охотятся на морскомъ берегу на зуйковъ, песочниковъ и турухтановъ, которыхъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, кидаютъ въ горшокъ. При такой небрежности туземцевъ понятно, что мы не имѣемъ точныхъ свѣденій и о птицахъ острова. Правда, *Кукъ* усердно занимался и собираніемъ птицъ, но онѣ были также отсланы въ Бостонскій музей и такимъ образомъ положительно отняты у науки, такъ какъ мы, какъ уже выше замѣчено, едва ли можемъ надѣяться въ непродолжительномъ времени что-либо узнать о собранныхъ тамъ сокровищахъ. Къ счастью, *Кукъ* нашелъ ревностнаго преемника въ *Киркѣ*, который нѣсколько лѣтъ былъ спутникомъ *Ливингстона*, а теперь состоитъ врачомъ при британскомъ консульствѣ въ Занзибарѣ. Онъ былъ на столько благоразуменъ, что всѣхъ убитыхъ птицъ послалъ въ Бременскій музей, начальникъ котораго, г. *Партлаубъ*, считается отличнымъ знатокомъ африканскихъ птицъ и приобрѣлъ себѣ прекраснаго сотрудника въ лицѣ *Финша*; этимъ господамъ мы обязаны систематическимъ обзоромъ всѣхъ птицъ, встрѣченныхъ и убитыхъ до сего времени на Занзибарѣ и вообще въ восточной Африкѣ; этотъ обзоръ будетъ по-

и́щенъ въ научной части нашей книги, а здѣсь мы удовольствуемся краткими очерками занзибарскихъ птицъ.

Порядокъ *хищныхъ птицъ*, какъ и слѣдуетъ ожидать, имѣетъ здѣсь небольшое число представителей. На островѣ чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить одного изъ большихъ коршуновъ, такъ какъ на воздѣланномъ, густо населенномъ, островѣ мало мѣста для свота, а потому и мало добычи для коршуновъ. Даже столь частый во всей Африкѣ *Neophron percipiter* L. питающійся на сѣверѣ Африки главнымъ образомъ человѣческими испражнениями и положительно осаждающій, такъ сказать, обитателей Чартума, даже и тотъ рѣдко встрѣчается на островѣ. Бакова причина отсутствія этого коршуна на островѣ, опредѣлить трудно, такъ какъ было бы слишкомъ смѣло утверждать, что занзибарскіе негры опрятнѣе другихъ африканцевъ, а потому нельзя и сказать, что человѣкъ здѣсь представляетъ мало работы этой истребляющей нечистоты птицѣ. Впрочемъ очень можетъ быть, что обыкновеніе негровъ удовлетворяютъ своимъ естественнымъ потребностямъ на берегу, регулярно омываемомъ приливомъ, много способствуетъ уменьшенію добычи этого коршуна.

Чаще, хотя и не въ большомъ количествѣ, встрѣчается здѣсь распространенный въ большей части Африки и южной Азіи *Milvus parasiticus* (коршунъ паразитъ), птица, которую всѣ африканцы называютъ безсовѣстнымъ попрошайкой. Но объ немъ мы поговоримъ послѣ, такъ какъ онъ въ другихъ мѣстахъ области нашихъ путешествій встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ на Занзибарѣ.

Посѣщая плантаціи, лежащія внутри острова, замѣчаешь въ высшей степени прекраснаго члена этого семейства, именно стервятника, какъ назвалъ его *Бремъ* (*Elanus melanopterus* Daud.), эту хищную птицу, распространенную по всей Африкѣ и большей части Азіи, которая селится всего охотнѣе въ садахъ или похожихъ на сады плантаціяхъ плодовыхъ деревьевъ и обращаетъ на себя вниманіе даже неспециалиста тѣмъ, что отличается какъ своею безвредною вкрадчивостью, такъ и своимъ страннымъ полетомъ. Когда онъ сидитъ на деревѣ, то позволяетъ наблюдателю подойти къ нему на нѣсколько шаговъ, и, пользуясь всеобщимъ покровительствомъ, не улетаетъ и въ этомъ случаѣ, а съ довѣрчивымъ любопытствомъ устремляетъ свои красные глаза на стоящаго внизу человѣка, какъ будто бы видя въ немъ лучшаго своего друга. Наконецъ поднявшись съ мѣста, онъ улетаетъ, странно паря и скользя и высоко поднявъ къ верху оконечности своихъ крыльевъ. Каждое изъ его движеній, каждый взмахъ крыла милъ и нѣженъ, какъ и его цвѣта, въ которыхъ преобладаютъ ослѣпительно бѣлый и нѣжный пепельно-сѣрый цвѣтъ. Онъ оказываетъ большія услуги усерднымъ истребленіемъ мышей и другихъ млекопитающихъ, и хотя суахелійцы не особенно цѣнятъ эту его дѣятельность, но все же его берегутъ и позволяютъ ему вить свое гнѣздо на вершинахъ *воздичныхъ* и *померанцевыхъ* *деревъ*. Другихъ породъ соколовъ здѣсь мало; но кто умѣетъ искать, тотъ непрѣжно найдетъ и здѣсь самаго красиваго изъ всѣхъ *краснаго сокола* (*Falco rufigollis* Sws.). Это по истинѣ прекрасная птица кажется встрѣчается въ Африкѣ вездѣ, гдѣ растетъ дубовая пальма. На широкихъ вѣрообразныхъ листьяхъ этого величественнаго дерева расположено его гнѣздо,

нерѣдко около самаго гнѣзда голубя, съ которымъ этомъ хищный сосѣдь живетъ весьма дружно; онъ постоянно возвращается къ вершинѣ пальмы, какъ будто бы юность, прожитая имъ на высотѣ этого гордаго дерева оставила въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Путешественникъ, хорошо ознакомившійся съ этою птицею, наконецъ не можетъ представить ее себѣ безъ этой пальмы.

За исключеніемъ небольшого, всюду встрѣчающагося *Athene sp.*?, который селится въ вертикальныхъ стѣнахъ скаль или въ дуплахъ деревъ, но еще до захожденія солнца попадаетъ внѣ этого своего убѣжища,—птицы изъ породы совъ здѣсь рѣдки, хотя можно предполагать, что семейство ночныхъ хищниковъ имѣетъ здѣсь многочисленныхъ представителей.

Воробьиныя встрѣчаются и на Занзибарѣ. Въ домахъ водятся своего рода *ласточки*; къ какому виду этого семейства онѣ принадлежатъ, мы, къ сожалѣнію, не можемъ сказать,—а около одиноко стоящихъ пальмъ вьются стаи маленькихъ стрижей (*Cypselus pagvus* Licht.), которые, по наблюденіямъ *Брема*, прикрѣпляютъ слюною свое гнѣздо, составленное изъ волоконъ хлопчатника, къ выемкамъ листьевъ. Вѣроятно на островѣ встрѣчается какая либо порода южноафриканскихъ *козодоевъ* (*Carpimulgus*), но мы, на сколько помнится, ни разу не видали ихъ.

Порядокъ *пѣвчихъ птицъ* здѣсь довольно многочисленъ. На поляхъ мтамы часто представляется прекрасное зрѣлище. Въ то время, когда толстые стебли этого злака стоятъ еще въ полномъ соку и только еще покрылись кистями цвѣтовъ, на нихъ вдругъ появляется маленькая, красивая птичка, ярко-краснаго и чернаго цвѣта, оглашающая воздухъ, съ своего высокаго сѣдалища, хотя весьма простымъ, но необыкновенно веселымъ чирганьемъ, и потомъ исчезающая внизу въ чащѣ зелени. Обративъ вниманіе на такое поле, замѣтишь, что почти каждую минуту тамъ появляются и исчезаютъ въ разныхъ мѣстахъ подобныя птички, а иногда даже большая часть поля украшается ими. Эти птички (*Euplectes flavipes* Sws.) принадлежатъ къ числу *ябликовъ* въ обширномъ смыслѣ, и къ числу *ткачей* въ тѣсномъ смыслѣ, и съ родни живущимъ въ средней Африкѣ *огненными яблিকাма*, которыхъ можно покупать живыми у каждаго порядочнаго торговца животными въ Европѣ. Родственные имъ настоящіе *ткачи*, въ особенности одинъ видъ ихъ (*Pyphatognis augeoflavus* Sm.), избѣгаютъ поля и селятся въ лѣсу,—всего чаще на отдѣльно стоящихъ деревьяхъ на его опушкѣ, уже издали обнаруживая свое присутствіе похожими на бутылку гнѣздами, которыя онѣ дюжинами прикрѣпляютъ къ одному и тому же дереву. Кромѣ того, всюду встрѣчаются маленькіе яблики, принадлежащіе къ семейству *Amadinae*, въ особенности *Amadina fasciata* Gml., маленькая *сорока* (*Spermestes cucullata* Sws.) и *Spermestes fringilloides* Lafresn.. Есть также и *воробей* (*Passer diffusus* Sm.). Нѣкоторые изъ этихъ ябликовъ поютъ очень дурно; гораздо лучше ихъ поютъ: маленькій дроздъ (*Ixos nigricans* Vieill.), напоминающій нашихъ дроздовъ, и *медососка* (*Nectarinia gutturalis* L.), которой пѣніе такъ же прекрасно, какъ и ея роскошныя перья, блистающія самыми яркими металлическими красками, изящество ея движеній и ея невинный образъ жизни. Многія породы *Gryoscopus affinis* Gray,

orientalis Gray, *sublacteus* Cass. оглашаютъ, кромѣ того, лѣса своимъ пѣніемъ, и нѣкоторые изъ нихъ издаютъ весьма странныя звуки.

Изъ порядка *лазящихъ птицъ* мы должны упомянуть прежде всего о *попугалъ* (*Phaeocephalus fuscicapillus* Verr.), который встрѣчается на островѣ, но котораго намъ ни разу не удалось видѣть; кромѣ того, мы должны упомянуть о *золотистой кукуицкѣ* (*Chrysococcyx superus* Bodd.), встрѣчающейся въ различныхъ плантаціяхъ, и о странной *шпористой кукуицкѣ* (*Centropus senegalensis* L.), которая водится главнымъ образомъ въ низкихъ кустарникахъ, не обращая вниманія на то, окружены ли эти кустарники жилищами человѣка, или же находятся вдали отъ нихъ, потому именно, что она нисколько не боится туземцевъ, а напротивъ смѣло навязывается къ нимъ въ сосѣдство. На островѣ есть также и *дятлы*, такъ какъ здѣсь есть деревья, составляющія ихъ любимое убѣжище. До сихъ поръ, правда, на Занзибарѣ нашли только одинъ видъ дятла (*Dendrobates Hartlaubi* Malh.); но по всей вѣроятности тутъ есть и другіе маленькіе южно-африканскіе дятлы.

Очень часто встрѣчаются здѣсь разныя породы *дикихъ голубей*. Изъ нихъ *Trogon Delalandei* Br. живетъ стадами на густыхъ вершинахъ деревьевъ; два разные вида *гоблицъ* (*Turtur semitorquatus* Kurr. и *T. alviventris* Gray) водятся во всѣхъ лѣсныхъ поросляхъ и кустарникахъ, а красивые, отличающіеся своимъ быстрымъ красивымъ полетомъ и часто приручаемые *голуби-попугалы* (*Oena capensis*) водятся въ лѣсахъ, садахъ и кустахъ, а иногда и среди города.

Курами островъ бѣденъ, но и онѣ все таки встрѣчаются здѣсь. Самое видное мѣсто между ними принадлежитъ по справедливости хохлатой *цесаркѣ*, (*Numida Pucherani*), которая по *Гартлаубу*, составляетъ особую породу, Очень можетъ быть, что она была занесена сюда съ сосѣдняго материка и одичала здѣсь, и можетъ быть такъ же, что она принадлежитъ къ числу исконныхъ птицъ острова; во всякомъ случаѣ она теперь нерѣдко встрѣчается въ извѣстныхъ мѣстахъ острова и особенно оживляетъ своимъ присутствіемъ низкіе кустарники. Великолѣпная цесарка, (*Acryllium vulturinum* Gray), самый видный членъ семейства куриныхъ и одна изъ красивѣйшихъ куръ вообще, совсѣмъ не встрѣчается на островѣ, такъ какъ она, какъ извѣстно, водится только на весьма незначительной полосѣ восточнаго берега между 2 и 4° южной широты, но иногда попадаетъ и на Занзибаръ съ кораблями, плывущими отъ Ламу. На этомъ пути *Декезъ* приобрѣлъ второй изъ привозившихся когда либо въ Европу экземпляръ этой птицы и счастливо доставилъ ее живьемъ въ Германію. *Франколиновая курица*, названная *Гартлаубомъ*, въ честь ревностнаго Бирка, — *francolinus Kirki* Hartl., хотя и не исключительно свойственна острову, но главнымъ образомъ водится на немъ и составляетъ любимую дичъ тѣхъ европейцевъ, которые простираютъ свои охотничьи походы до глубины острова.

Въ порядкѣ *болотныхъ* или *юленастыхъ птицъ* мы встрѣчаемъ не мало хорошихъ знакомыхъ. Что всюду водящаяся *каменшарка* (*Streptilas interpres* L.) попадаетъ и здѣсь, это нисколько не удивляетъ того, кто знаетъ, что онъ живетъ буквально во всѣхъ частяхъ земли и что онъ, какъ прекрасно выразился

Гартлаубъ, знаетъ всё пять частей свѣта, полярные круги и экваторъ и можетъ быть вполне названъ «космополитомъ»; но удивительно, что здѣсь на берегу попадаютъ также тулець (*Squatarola helvetica* L.) и маленькій зуекъ (*Charadrius hiaticula* Bchst.). Точно тоже можно сказать и о галстушникѣ. *Actitis hipoleucus* L. заявляетъ и здѣсь, какъ можно было ожидать, свой космополитизмъ; кромѣ него встрѣчаются и многіе другіе однородные виды, какъ напр. лозникъ *Totanus glottis* L.), красный лозникъ (*Limosa rufa* Bchst.), среди куликовъ *Numenius phaeopus* L. и другія. Изъ большихъ голенастыхъ птицъ особенно замѣчательны нѣкоторыя *цапли*, преимущественно *Ardea gularis* Bosk., sive *schistacea* Ehrbg., птица, принадлежащая главнымъ образомъ морю и весьма значительными стадами занимающаяся ловлею рыбы на мелкихъ мѣстахъ часто около самаго города. Рѣже попадаетъ красивая *Ardeola bubulcus* Sav., вѣроятно потому, что островъ слишкомъ бѣденъ ея любимѣйшими сотоварищами—большими млекопитающими животными; еще рѣже встрѣчается живущая въ укрытыхъ мѣстахъ *Ardeola somata* Pall. и *малорослая цапля* (*Ardeola pusilla* Viell.), хотя объ эти цапли вѣроятно живутъ въ значительномъ количествѣ въ густомъ кустарникѣ по морскому берегу.

Плавающихъ птицъ здѣсь замѣчается мало, за исключеніемъ *морскихъ ласточекъ* и часто встрѣчающейся на всемъ Великомъ океанѣ *чайки* (*Larus romae* Bruch?). Какъ на странное явленіе, мы должны указать на то, что *фламино*, по единогласному увѣренію всѣхъ европейцевъ, составляютъ рѣдкость около Занзибара, хотя кругомъ острова въ морѣ есть много мелкихъ мѣстъ, которыя любятъ эти странно сформированные голенастые лебеди.

Собственно морскихъ птицъ, которыя въ Великомъ океанѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ,—здѣсь можно встрѣтить только во время продолжительнаго морскаго плаванія или, по меньшей мѣрѣ, при большихъ поѣздкахъ на лодкѣ, такъ какъ эти беспокойныя птицы при своихъ безпрестанныхъ перелетахъ весьма рѣдко залетаютъ къ самому острову.

О *млекопитающихъ животныхъ* можно узнать гораздо болѣе черезъ туземцевъ, чѣмъ собственнымъ опытомъ; но свѣденія, сообщаемыя Суахелійцами, такъ недостаточны и сбивчивы, что и относительно этихъ животныхъ многое остается еще неизвѣстнымъ. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ попадаютъ на глаза почти каждому европейцу, потому что ихъ часто ловятъ и привозятъ въ городъ для продажи. Это можно въ особенности сказать объ обезьянѣ и полуобезьянѣ Занзибара, исключительно ему свойственномъ и заслуживающемъ подробнаго описанія животномъ. *Яблонскій* утверждаетъ, что на островѣ живутъ двѣ различныя *морскія кошки*, но мы получили вѣрныя свѣденія только объ одной изъ нихъ (*Scoripithacus griseoviridis?*). Мѣстопробываніемъ этой обезьяны, которую Суахелійцы называютъ *кима*,—служатъ негодные къ воздѣлыванію частые кустарники внутри острова, изъ которыхъ она совершаетъ правильные хищническіе набѣги на сосѣднія плантаціи, въ особенности на тѣ, гдѣ воздѣлываются любимые ею манго, бананы и гуявы. При роскошной растительности и богатствѣ плодовъ, которыми такъ отличается Занзибаръ, причиняемый обезьянами вредъ, не принимается осо-

бенно во вниманіе и потому онѣ пользуются со стороны Суахелійцевъ такую терпимостью, какой въ другихъ странахъ имѣ не встрѣтять. На Занзибарѣ не услышишь тѣхъ проклятій обезьянамъ, которыя на каждомъ шагу слышатся въ другихъ мѣстахъ; когда Суахеліецъ говоритъ объ обезьянѣ, то онѣ выставляетъ на видѣ только смѣшную ея сторону, не упоминая объ ея продерзости. Пойманныя въ юномъ возрастѣ морскія кошки часто содержатся туземцами въ неволѣ, но скоро надоѣдаютъ имъ и попадаютъ отъ нихъ морякамъ, которые отвозятъ ихъ въ Европу.

Полуобезьяна Занзибара, — *Галаю*, составляетъ, по *Кокерелю*, особый видъ, *Otolemur agisumbanus*, и даже является, по его мнѣнію, представительницею особаго рода; но она такъ мало отличается отъ своихъ родичей, что ее можно, не погрѣшая противъ научности, отнести къ одной съ ними группѣ. Ея отличительные признаки гораздо яснѣе можно видѣть на нашей превосходной картинѣ, снятой съ живаго животнаго *Циммерманомъ*, чѣмъ изъ словеснаго описанія, и потому мы не будемъ здѣсь болѣе говорить объ ней. Намъ думается, что гораздо важнѣе представить здѣсь *описаніе образа жизни* этого животнаго, какъ ни мало знаемъ мы въ настоящее время объ его жизни на волѣ.

Многіе естествоиспытатели относятъ полуобезьянъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *галаю*, къ одному порядку съ обезьянами; но точныя наблюденія надъ этими животными и надъ ихъ образомъ жизни положительнѣйшимъ образомъ опровергаютъ это мнѣніе. Полуобезьяны, строго говоря, имѣютъ только весьма поверхностное сходство съ обезьянами. Всѣ члены этой группы, которую мы совершенно въ правѣ назвать порядкомъ, суть животныя ночныя, хотя нѣкоторыя изъ нихъ рѣзвятся и при солнечномъ свѣтѣ. Къ галаго это не относится: они суть животныя ночныя въ собственномъ смыслѣ слова; для нихъ солнцемъ служитъ луна, и одна половина дня исчезаетъ для нихъ безслѣдно; въ эту половину дня они спятъ, крѣпче чѣмъ сони, свернувшись въ какомъ нибудь уголкѣ, а если имъ не позволяютъ спрятаться въ такой темный уголокъ, то стараются по крайней мѣрѣ защитить свою голову отъ ненавистнаго имъ солнечнаго свѣта, а уши — отъ всякаго доносящагося до нихъ шума. Если какой нибудь непріятель насильно пробудитъ ихъ отъ глубокаго сна, то они сначала сидятъ неподвижно, какъ оцѣпенѣлыя, а потомъ мало по малу приходятъ въ себя и начинаютъ обороняться. Совершенно иначе ведутъ себя эти животныя послѣ солнечнаго захода. Какъ скоро наступятъ сумерки, галаго пробуждается, вѣроятно почувствовавъ вечернюю прохладу, откидываетъ назадъ свой хвостъ, который доселѣ былъ у него свернутъ на головѣ, открываетъ глаза и распускаетъ уши, бывшія свернутыми въ слуховомъ каналѣ, чистится и облизывается, выходитъ изъ своего убѣжища и начинаетъ свою, въ полномъ смыслѣ слова, хищническую дѣятельность, въ которой ненасытная кровожадность соединяется съ необыкновенною у столь высоко стоящихъ животныхъ страстью къ убійству. Горе теперь дремлющей птичкѣ, горе дѣтенышамъ въ гнѣздѣ, хотя бы ихъ и защищала вѣрная мать; горе слабому млекопитающему, если на него упадетъ свергающій въ темнотѣ взоръ галаго! Одинъ скачокъ, — и жертва, схваченная ловкою рукою съ длинными пальцами, умираетъ съ прокушеннымъ че-

репомъ. Дальновзоркій какъ рысь, одаренный тонкимъ слухомъ какъ летучая мышь и тонкимъ чутьемъ какъ лисица, хотя не особенно смысленный, но хитрый, соединяющій въ себѣ ловкость обезьяны съ проворствомъ сони, — галаго представляется по истинѣ ужаснымъ врагомъ для маленькихъ животныхъ, и этимъ, въ особенности же своею столь сильною страстью къ хищничеству, существенно отличается отъ прочихъ животныхъ, принадлежащихъ къ одному съ ними порядку.

Мы изложили здѣсь почти все, что доселѣ извѣстно о свободной жизни галаго; болѣе подробныя свѣденія сообщить не легко, такъ какъ наблюдать за дѣятельностью и жизнью этихъ животныхъ въ ночное время весьма трудно и даже почти невозможно. Такъ напр. мы не имѣемъ точныхъ свѣденій о времени и способѣ воспроизведенія, и можемъ сказать на этотъ счетъ только одно, что галаго, какъ и почти всѣ прочія четверерукія животныя, производятъ на свѣтъ только одного дѣтеныша. На Занзибарѣ нерѣдко пойманная самка галаго съ этимъ однимъ дѣтенышемъ выставляется на продажу. Дѣтенышъ, какъ и у всѣхъ обезьянъ, полуобезьянъ и летучихъ мышей, виситъ у груди и у брюха матери, крѣпко вцѣпившись четырьмя своими руками въ курчавую ея шерсть, — такъ крѣпко, что его можно какъ угодно тормошить и поворачивать, и онъ не отвалится отъ матери.

Не смотря на свою жадность до теплой крови высшихъ позвоночныхъ животныхъ, *галаго* или *комба* (какъ называютъ его суахелійцы) не прочь и отъ болѣе сладкихъ вещей, и умѣетъ добывать себѣ лакомства такъ ловко, какъ дѣлаютъ это только обезьяны и нѣкоторые грызуны. Живущіе во внутренней Африкѣ виды этого семейства, по рассказамъ *Брема*, съ большимъ трудомъ ловятся жителями Судана такимъ образомъ: эти проворные люди влѣзаютъ на деревья, на которыхъ замѣтили одно изъ спящихъ животныхъ, и трясутъ сучья, на которыхъ убѣгаютъ галаго, такъ сильно, что испуганное животное крѣпко уцѣпится за сучокъ и дастъ себя схватить. На Занзибарѣ комбу ловятъ болѣе простымъ способомъ, даже не давая себѣ труда охотиться за нею: ея страсть къ лакомству губитъ ее. Когда вышеописаннымъ образомъ добывается пальмовое вино, галаго нерѣдко является, какъ непрощенный гость, на привлекательную для него пирушку, локаетъ сладкій напитокъ и опьянѣваетъ. Ибо чудная жидкость, вытекающая изъ пальмы, не только сладка, но и хмѣльна, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе она была въ соприкосновеніи съ воздухомъ; жадное животное теряетъ сознание, сваливается съ дерева на землю и лежитъ тутъ, одуренное спиртуознымъ напиткомъ. Здѣсь утромъ находятъ его негръ, посланный за тѣмъ, чтобы принести натекшее пальмовое вино, поднимаетъ неподвижное животное съ земли, сажаетъ его въ простую клѣтку или связываетъ его веревкою, приносить въ городъ и предлагаетъ охочему до такихъ животныхъ Вазунгу (европейцу) купить его.

Дитя лѣсовъ приходитъ въ немалое удивленіе, когда, проснувшись, увидитъ себя въ клѣткѣ, или связаннымъ и заключеннымъ въ тѣсное пространство. Оно не выказываетъ ни малѣйшей признательности за ласковый уходъ за нимъ, а напротивъ выказываетъ сильное недовольство и злость; его слабый мозгъ не можетъ скоро привыкнуть къ перемѣнѣ обстоятельствъ. За любовь оно платитъ ненавистью, поступаетъ, какъ будто бы дѣйствуя сознательно, — какъ разъ противо-

положно тому, что имѣлъ въ виду его хозяинъ, отвращается отъ пищи и питья и поворачивается только для того, чтобы со злостью оскалить свои зубы.

Съ неудовольствіемъ рѣшается тогда европеецъ, незнакомый съ нравами и привычками комбы, предоставить непокорное животное самому себѣ, устроивши ему напередъ въ клѣткѣ удобную постель и надѣясь можетъ быть, что сонъ и спокойствіе нѣсколько укротитъ плѣнника и заставятъ его забыть свою злобу. Вставъ утромъ, онъ съ немалымъ удивленіемъ видитъ, что дверь удобно устроенной клѣтки отворена, постель пуста, а бѣглець лежитъ свернувшись въ домикѣ, устроенномъ прежде для находившихся тутъ двухъ птичекъ. Онъ сразу не можетъ догадаться, что побудило комбу убѣжать изъ своего просторнаго и удобнаго жилища, съ трудомъ пробраться по гладкой стѣнѣ, влѣзть въ узкую, неудобную клѣтку, освободивъ прежнихъ ея обитателей. Но, осмотрѣвъ всѣ углы комнаты и не найдя ни одной красивой птички, онъ начинаетъ смутно предугадывать истину. Поспѣшно снимаетъ онъ со стѣны клѣтку съ комбою и видитъ, что на полу ея лежатъ нѣкоторые остатки прекрасныхъ пѣвчихъ птичекъ. Разозлившись, онъ схватываетъ хищника, чтобы наказать его; но комба, не имѣя никакого сознанія своей вины, сильно кусаетъ его руку и этимъ обнаруживаетъ своему хозяину новую еще для него сторону своего характера.

Но галаго—животное весьма привлекательное, и потому гнѣвъ любителя животныхъ не можетъ быть продолжителенъ. Пѣвчія птицы погибли, но за то добыта комба, которая мало по малу дружится съ своимъ благодѣтелемъ. Какъ любительница одуряющихъ напитковъ, она избѣгаетъ воды, даже въ томъ случаѣ, когда ей долгое время не даютъ ничего пить, желая преодолѣть ея упрямство. Поданная ей наконецъ чашка шербета слишкомъ привлекательна для нея и она до капли вылизываетъ ее, обнаруживая свое удовольствіе звуками, напоминающими мурлыканье кошки, и, какъ бы въ благодарность, облизываетъ намоченный сладкою жидкостью палець хозяина. Разъ преодолѣвъ ея строптивость, ее уже не трудно совершенно приручить. Вскорѣ она начинаетъ ѣсть бѣлый хлѣбъ, размоченный въ молокѣ, потомъ начинаетъ находить вкусъ въ чаѣ и кофе съ сахаромъ, и наконецъ до того привыкаетъ къ этимъ напиткамъ, что каждый разъ съ нетерпѣніемъ ждетъ времени, когда будутъ пить чай. Относительно твердой пищи она остается болѣе вѣрною своимъ старымъ привычкамъ. Мясо во всякомъ случаѣ составляетъ ея любимую пищу, хотя при этомъ она ѣстъ и плодъ манго, и бананы и другіе плоды. Но это дѣлаетъ она можетъ быть потому, что сладкій плодъ скорѣе представляется ей сгустившимся напиткомъ, чѣмъ пищею. Главную ея пищу составляетъ мясо различныхъ позвоночныхъ животныхъ, а въ особенности насѣкомыхъ, и только послѣ долгаго пребыванія въ неволѣ она рѣшается ѣсть и вареное мясо.

Съ теченіемъ времени она вознаграждаетъ за посвященныя ей заботы значительными услугами. Гдѣ живетъ комба, тамъ бываетъ совсѣмъ не видно мышей; если ее держать въ комнатѣ или на комнатѣ, то она также весьма усердно преслѣдуетъ надоедливыхъ большихъ таракановъ. Намъ эти насѣкомыя кажутся отвратительными, а для комбы служатъ превосходнымъ лакомствомъ. Завидя тара-

вана, она неслышными шагами приближается къ нему, широко растопыривъ свои пальцы, вдругъ схватываетъ его, мгновенно раздавливаетъ свою добычу и сейчасъ же съ наслаждениемъ причмокая, кладетъ ее въ ротъ. Съ удовольствіемъ вспоминаемъ мы о наблюденіяхъ, дѣланныхъ нами во время скучнаго морскаго путешествія. Множество таракановъ, которые развелись на нашемъ кораблѣ, заставляло насъ по временамъ осматривать наши чемоданы съ платьемъ. Вонь, издаваемая этими паразитами во время открыванія чемодановъ, привлекала нашего ручнаго галаго. Не смотря на неудобную для него дневную пору, онъ съ величайшею внимательностью осматривалъ содержимое чемодана и вскорѣ доказалъ намъ, что понимаетъ, въ чемъ дѣло, усердно принявшись истреблять безчисленныхъ таракановъ. Съ изумительною ловкостью бросался онъ то туда, то сюда, схватывая то большаго таракана, то его личинку, и въ то время, какъ онъ одною рукою клалъ въ ротъ пойманное насекомое, — другою рукою уже ловилъ новую дичь. Такимъ образомъ онъ искалъ и ловилъ до тѣхъ поръ, пока мы окончили свою работу.

Какъ слѣдуетъ прирученный галаго гораздо милѣе и занимательнѣе обезьяны. Нарушеніе дневнаго его сна, разумѣется, весьма неприятно дѣйствуетъ даже на самаго смирнаго; но вечеромъ, когда онъ сдѣлается совершенно бодрымъ, онъ обнаруживаетъ сильную привязанность къ своему господину, хотя и уступаетъ еще въ этомъ отношеніи сродной съ нимъ маки. Но онъ охотно позволяетъ брать и ласкать его и вовсе уже не помышляетъ о томъ, чтобы употребить тутъ въ дѣло свои острые зубы. Съ подобными себѣ онъ обходится съ самаго начала прекрасно, и привыкаетъ даже къ другимъ домашнимъ животнымъ. Когда онъ приучится ѣсть различную пищу, его не трудно перевезти въ Европу. Въ послѣднее время это удавалось нѣсколько разъ и эти полуобезьяны оставались живы, при тщательномъ уходѣ, по нѣсколькимъ лѣтъ, но, на сколько намъ извѣстно, не производили уже дѣтей.

Летучія мыши, особенно *подковоносы*, нерѣдки на Занзибарѣ; но какъ велико число встрѣчающихся тамъ видовъ, это до сихъ поръ не рѣшено. Намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что виды, встрѣчающіеся на материкѣ, водятся и на островѣ, такъ какъ доказано, что они совершаютъ гораздо большіе перелеты; но основательность этого предположенія пока не доказана еще научными наблюденіями. Мы сознаемся, что не можемъ перечислить всѣхъ видовъ, постоянно живущихъ на Занзибарѣ,

Несмотря на незначительную величину острова, здѣсь живутъ многія хищныя животныя; нѣкоторыя изъ нихъ причиняютъ столько же вреда, какъ наша рысь и другія однородныя съ нею животныя, и потому туземцы чрезмѣрно боятся ихъ. Живущіе на Занзибарѣ французы называютъ *пантерю*, нѣмцы — *тигромъ-кошкою*, а суахилійцы — *чуюю* длинноногую *пеструю дикую кошку* (*felis serval* Schreb.) величиною съ рысь, весьма сильную, встрѣчающуюся, какъ извѣстно, во всей Африкѣ. Это хищное животное живетъ главнымъ образомъ въ частыхъ кустарникахъ внутри острова и въ восточной его части, но не рѣдко совершаетъ оттуда набѣги на воздѣланныя и гуще населенныя мѣстности, осторожно избѣгая человѣка и нападая на стада небольшихъ животныхъ, въ особенности на козъ.

Онѣ также иногда попадаютъ въ капканы, устройства коихъ мы не знаемъ, и ихъ привозятъ въ городъ въ надеждѣ получить нѣсколько денегъ за безопаснаго теперь хищника. Даже султанъ покупаетъ иногда себѣ *чюю* и кормитъ ее, такъ какъ у знатныхъ людей въ Занзибарѣ есть обычай выставлять на показъ большихъ кошекъ, какъ эмблему могущества и господства. Не смотря на это, не трудно выпросить у султана въ подарокъ такое животное, такъ какъ по арабскому обычаю почти невозможно отказать въ просьбѣ, которая можетъ быть исполнена. Вскормленные дѣтеныши сервала бываютъ, какъ и всѣ дикія кошки, весьма ручны, разумѣется если только съ ними какъ слѣдуетъ обходятся; пойманные же взрослыми они остаются совершенно неукротимыми, бѣшено скачутъ въ клѣткѣ, фыркаютъ и шипятъ, завидя человѣка и во всякое время готовы, какъ только представится случай, хорошенько хватить его.

Мы слышали, что въ Занзибарѣ водятся и *дикія собаки*, но полагаемъ, что подъ этимъ именемъ тамъ разумѣютъ не шакаловъ восточной Африки, а просто одичавшихъ домашнихъ собакъ, о которыхъ мы кое-что сообщимъ ниже. Правда, гамбургскіе корабли привозили въ Европу живыми изъ Занзибара нѣкоторыя породы шакаловъ и между прочими весьма рѣдкую еще во всѣхъ коллекціяхъ породу *Canis adustus Sundev.*; но еще вопросъ, — не были ли онѣ можетъ быть пойманы на близъ лежащемъ материкѣ. *Гиенъ* на островѣ вовсе нѣтъ.

Болѣе точныя свѣденія имѣемъ мы о *кошкахъ, овладѣвающихъ добычею посредствомъ хитрости*. На Занзибарѣ водятся нѣсколько породъ ихъ: цибеты, виверры и мангусты. Къ числу первыхъ относится прежде всего *пахучая виверра* (*Viverra civetta* Buff.), называемая у суахелійцевъ *Няуа*; о значеніи этого животнаго у насъ едва ли имѣютъ вѣрное понятіе, такъ какъ взрослые экземпляры его имѣются только въ немногихъ коллекціяхъ. Онѣ, не смотря на свою приземистость, значительно больше нашей лисицы и едва ли уступаютъ ей въ хищности и кровожадности. Вообще это ловкое и проворное животное питается амфибіями, птицами и лѣсными млекопитающими; но нерѣдко дѣлаетъ, подобно куницѣ, набѣги на птичники и производитъ ужасныя опустошенія между курами. Какъ и всѣ другія однородныя съ нею животныя, она употребляетъ, помимо животной, и растительную пищу, въ особенности разнаго рода плоды; но суахелійцы почти не обращаютъ вниманія на вредъ, который она причиняетъ имъ этимъ. Иногда цибета попадаетъ въ разставленный для нея или для сервала капканъ, и тогда ее, связавши, приносятъ въ городъ и тамъ продаютъ. Животныя, пойманныя взрослыми, сначала мечутся какъ бѣшенныя, при приближеніи незнакомаго имъ существа приходятъ въ самую неистовую ярость, выражая этимъ можетъ быть ужасъ, въ который ихъ привело новое для нихъ положеніе, — и при этомъ выказываютъ такую силу, проворство и живость, которыя приводятъ въ изумленіе еще болѣе, чѣмъ ихъ неукротимая дикость. Каждый мускулъ ихъ тѣла, кажется, напряженъ, каждый членъ приведенъ въ движеніе — съ цѣлью освободиться изъ заточенія. Животное дѣлаетъ такіе прыжки, которыхъ едва ли можно было бы ожидать даже отъ столь ловкаго существа; оно обѣгаетъ буквально всѣ части клѣтки, такъ какъ оно взползаетъ и на ея стѣнки и даже на крышку, дѣ-

лая оттуда новые скачки. При томъ глаза ея сверкають, уши движутся взадъ и впередъ, носъ часто вертится, обнюхивая во всѣ стороны, зубы щелкають, шерсть ошетиливается, такъ что животное походитъ на метлу; при этомъ оно попеременно ворчитъ и рычитъ и издаетъ запахъ цибета, такъ что вблизи его едва можно стоять, и весь домъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, наполняется и заражается этимъ запахомъ. Ибо какъ ни пріятенъ запахъ цибета, но его можно выносить только въ самыхъ небольшихъ количествахъ, а черезъ мѣру распространенный, онъ, какъ и всякій другой запахъ, дѣлается невыносимымъ. Этотъ цибетъ именно принадлежитъ къ такой породѣ, которую держатъ въ клѣткахъ для добыванія цибетоваго мускуса; впрочемъ въ Занзибарѣ этому очень драгоценному веществу кажется не придають никакой цѣны, или же не знаютъ простаго способа ухода за животнымъ и способа добыванія этого выдѣленія его заднепроходныхъ желѣзъ.

Маленькій и красивый родичъ цибета, циветта (*Viverra genetta* L.), которую суахелійцы называютъ *фуно*, также живетъ на островѣ, но ведетъ свою жизнь такъ скрытно, что почти не замѣчаешь ея присутствія. Ея дѣятельность начинается только съ наступленіемъ ночи и направляется преимущественно на маленькихъ позвоночныхъ животныхъ, и потому она скорѣе полезна, чѣмъ вредна для человѣка. Если она попадаетъ въ капканъ, то подвергается одинаковой участи со всѣми попадающими въ руки суахелійцевъ животными.

Еще чаще цибета и виверры бывають случаи купить *зебрамануста* (*Herpestes fasciatus* Desm.). Это животное, называемое *гучиро* по издаваемымъ имъ особеннымъ звукамъ, ведетъ совершенно такой же образъ жизни, какъ и его родичъ, египетскій ихневмонъ, т. е. крадетъ яйца куръ и грабитъ гнѣзда домашнихъ птицъ. Въ неволѣ гучиро скоро дѣлается ручнымъ, безъ всякаго стѣсненія ѣстъ предложенныя ему яйца, хватая ихъ передними ногами, разбивая потомъ объ какое нибудь твердое тѣло и съ наслажденіемъ выпивая ихъ содержимое. За его смѣшную подвижность его часто держатъ въ неволѣ, но только на открытомъ воздухѣ на огороженныхъ дворахъ, такъ какъ въ комнатѣ его держать нельзя по причинѣ издаваемого имъ запаха мускуса.

Близко къ нему подходитъ *Чече*, вѣроятно также изъ породы мангустовъ, но отличающийся ровнымъ бурнымъ цвѣтомъ и гораздо меньшею величиною. До сихъ поръ еще не удавалось привезти его живымъ въ Европу, и, къ сожалѣнію, не было также составлено на мѣстѣ подробнаго его описанія, а потому опредѣлить характеръ этого животнаго невозможно. Мы замѣтимъ еще, что названіе чече встрѣчается и на эіопскомъ языкѣ, и именно въ Габешѣ этимъ именемъ называютъ похожее на куницу животное, полосатаго хорька (*Khabdogale mustelina* Wagp.); но къ нему вовсе не подходитъ описаніе чече, живущаго на Занзибарѣ.

Изъ порядка грызуновъ мы знаемъ только немного видовъ, которые встрѣчаются на нашемъ островѣ. Всѣхъ болѣе бросается въ глаза (*Cricetomys Gambianus* Wath.), грызунъ, занимающій средину между хомякомъ и крысою, и, кажется, распространенный по всей средней Африкѣ, такъ какъ онъ встрѣчается одинаково какъ въ Сенегамбіи такъ и въ Мозамбикѣ. Животное это принадлежитъ къ семейству мышей, но достигаетъ громадной сравнительно съ мы-

шесть величины; длина его тѣла равняется 12—16 дюймамъ, и такова же почти длина его хвоста. Подобно другимъ мышамъ, онъ живетъ какъ въ домахъ, такъ и на открытомъ воздухѣ,—здѣсь въ глубокихъ, имъ самимъ выкопанныхъ норахъ, тамъ въ разныхъ углахъ, какъ крыса, и, какъ всѣ другія мыши, внушаетъ чрезвычайное отвращеніе человѣку, въ жилище которыхъ онъ проникъ. Европейскіе купцы на Занзибарѣ считаютъ это животное, которое суахелійцы называютъ *буну*, однимъ изъ вреднѣйшихъ животныхъ острова, и съ своей точки зрѣнія они правы, потому что никакое другое живущее на волѣ животное не причиняетъ имъ столько хлопотъ, какъ этотъ грызунъ. Его любимое мѣстопребываніе составляютъ большіе амбары, которые, какъ извѣстно, даютъ убѣжище всѣмъ домашнимъ мышамъ. Здѣсь онъ селится въ какойнибудь норѣ, часто расширяетъ ее и отсюда дѣлаетъ вылазки на тюки съ товарами. Никакая покрывка не устоитъ противъ ихъ крѣпкихъ зубовъ: они прогрызаютъ доски ящиковъ такъ же легко, какъ рогожи и мѣшки. Но они не довольствуются нападеніемъ на съѣдобные предметы, а направляютъ свою воровскую дѣятельность и на самые товары, которые для нихъ совсѣмъ не пригодны: такъ напр. они часто уносятъ въ свои норы по нѣсколькимъ фунтовъ копала, который конечно они не ѣдятъ. Но всего хуже то, что съ этимъ большимъ и способнымъ къ оборонѣ животнымъ никакъ нельзя справиться. Кошки, умѣющія держать въ страхѣ другихъ мышей, оказываются негодными по отношенію къ нему, такъ какъ въ случаѣ борьбы съ нимъ она во всякомъ случаѣ остается побѣжденною; капканы и отравы помогаютъ, какъ и всегда, только сначала и то очень немного, и потому остается только одно средство — законопатить ходы битымъ стекломъ и тѣмъ хотя на короткое время загородить дорогу назойливому существу. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить ничего определеннаго объ образѣ жизни этого животного, но онъ, какъ кажется, въ сущности сходенъ съ образомъ жизни нашей домашней крысы.

На Занзибарѣ живетъ не одинъ только этотъ видъ; еще прежде его здѣсь водилась *кровельная крыса* (*Mus alexandrinus* Geoffr.), а кораблями завезена въ послѣднее время *переселяющаяся крыса* (*Mus decumanus* Pall.). Та и другая грабятъ и уничтожаютъ всевозможные припасы, прогрызаютъ ящики и кораба. На Занзибарѣ же еще одно обстоятельство дѣлаетъ крысъ иногда чистою язвою, и не только вредными, но даже опасными животными. Онѣ, мучимыя голодомъ, перебѣгаютъ по карнизамъ отъ одного строенія къ другому, и, пользуясь каждымъ отверстіемъ, проникаютъ во внутрь жилищъ, производятъ здѣсь ночью невыносимый шумъ, прогрызаютъ своими острыми зубами шкафы изъ самага крѣпкаго дерева, пожираютъ все съѣдобное, что только имъ попадается, находятъ доступъ и въ тщательно затворенныя спальни, и, если спящій пробудится отъ производимаго ими шума и зажжетъ свѣчу, то онѣ опрокидываютъ лампы и другую посуду, и нападаютъ даже на спящаго человѣка, т. е. начинаютъ грызть ему пальцы. Этотъ фактъ положительно вѣренъ, потому что мы сами не разъ удостовѣрились утромъ по боли въ пальцахъ, что онѣ грызли насъ. Съ этими крысами человѣкъ также никакъ не можетъ справиться.

Въ частыхъ кустарникахъ острова встрѣчаются, хотя и не часто, *зайцы*,—

какой породы,—не знаемъ навѣрное. Впрочемъ этихъ животныхъ рѣдко удается видѣть, такъ какъ за ними нигдѣ не охотятся.

Здѣсь встрѣчаются также и дикобразы, такъ какъ сѣверная оконечность острова носитъ названіе *Rass Нунви* или мысь дикобразовъ, но объ ихъ существованіи ничего не извѣстно. Что эти животныя нерѣдки на противоположащемъ материкѣ, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ Занзибарскіе европейцы неоднократно отправляли въ Европу живыхъ дикобразовъ (*Histrix cristata* L.).

Маленькія антилопы, о которыхъ мы уже упоминали, живутъ во всѣхъ большихъ сплошныхъ кустарникахъ острова, но еще чаще на сосѣднихъ маленькихъ густо поросшихъ коралловыхъ островкахъ, которыя служатъ мѣстопробываніемъ этихъ малорослыхъ жвачныхъ животныхъ. На сколько доселѣ извѣстно, на нашей группѣ острововъ живутъ три различные вида этихъ привлекательныхъ существъ, *мускусовый козликъ* (*Nesotragus moschatus* Düb.), распространенный въ восточной Африкѣ малорослый *Nanotragus pigmaeus* Pall., и еще одинъ родственныи имъ видъ, доселѣ съ точностью еще неопредѣленный.

Относительно образа жизни всѣ виды этихъ малорослыхъ антилопъ кажется очень сходны между собою. Онѣ, въ противоположность большимъ членамъ своего семейства, образующимъ правильныя стада, живутъ по парно, и только во время течки случается, что двѣ или нѣсколько паръ соединяются на короткое время, чтобы дать самцамъ случай подрасться, что они весьма любятъ. Каждая пара живетъ въ области, занимающей незначительное пространство, и съ замѣчательнымъ упорствомъ держится въ этой области, т. е. не переходитъ по доброй волѣ черезъ ея границы, и не позволяетъ проникать въ нее другому семейству. Густолиственный кустарникъ среди этой области оно избираетъ себѣ собственно жилищемъ, откуда предпринимаетъ свои набѣги. Такой кустарникъ долженъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворять потребностямъ животнаго, такъ какъ здѣсь всегда можно встрѣтить пару животныхъ, которую, если она будетъ убита, замѣщаетъ другая пара. Неподалеку отъ этого кустарника видны, какъ говоритъ на основаніи своихъ наблюденій *Бремъ*, плоскія котловины, предназначенныя для помета; сами же животныя лежатъ всегда въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ кустарника, можетъ быть потому, что запахъ, исходящій отъ ихъ помета, неприятенъ для этихъ животныхъ, обладающихъ тонкимъ обоняніемъ.

Днемъ пара лежитъ, если ее не трогаютъ, съ комфортомъ пережевывая, на непокрытомъ травомъ мѣстѣ въ такомъ кустарникѣ; около же захода солнечнаго она становится дѣятельнѣе, и, убѣдившись глазами и ушами въ своей безопасности, выступаетъ, подъ предводительствомъ самца, чтобы покормиться, тщательно выбирая себѣ самыя нѣжныя и вкусныя листья, и обгладывая даже молодые побѣги кустовъ. Тонколистные мимозы онѣ предпочитаютъ всякому другому корму, а злаками почти совсѣмъ пренебрегаютъ: попавшія въ неволю животныя, которымъ даютъ въ пищу только траву, уже черезъ нѣсколько дней погибаютъ.

Времени течки малорослыхъ антилопъ на Занзибарѣ мы не знаемъ; намъ рассказываютъ только, что иногда два самца этихъ красивыхъ животныхъ долго и яростно дерутся между собою. Дѣтенышей самки мечутъ въ февралѣ, слѣдова-

тельно незадолго до начала періода дождей, и, что замѣчательно, храбро защищаются, въ сопровожденіи своихъ родителей, противъ слабѣйшихъ враговъ. Г. Рюэте, усердно занимавшійся на Занзибарѣ зоологіею, удержалъ въ неволѣ нѣсколько малорослыхъ антилопъ и получалъ не разъ дѣтенышей отъ пойманныхъ беременных самокъ; онъ замѣтилъ, что дѣтенышекъ почти два мѣсяца сосеть грудь, но уже гораздо раньше начинаетъ ѣсть нѣжныя листья. Длина маленькаго животнаго равняется при его рожденіи только 6 — 7 дюймамъ, а высота не съ большимъ четырьмя дюймамъ; ноги у нихъ толщиною съ карандашъ. Но этотъ карликъ съ перваго дня своей жизни выгладитъ рѣзвымъ и смышленнымъ, умѣетъ прекрасно дѣйствовать своими нѣжными членами и восхищаетъ всѣхъ своими красивыми глазами. При тщательномъ уходѣ за матерью не трудно выростить маленькую антилопу, но, если дѣтеныша отнять рано отъ груди, то выкормить его невозможно. Эти животныя, съ ранняго возраста привыкши къ обществу человѣка, вскорѣ чрезвычайно привязываются къ тому, кто ходитъ за ними, слѣдуютъ за нимъ, какъ хорошо выдресированныя собаки по дому, сопровождаютъ его въ прогулкахъ внѣ дома, съ удовольствіемъ принимаютъ ласки своего господина и тѣмъ заслуживаютъ любовь со стороны человѣка, хотя бы онъ даже былъ вообще весьма равнодушенъ къ животнымъ.

Къ сожалѣнію переправка этихъ нѣжныхъ животныхъ представляетъ почти непреодолимыя трудности; изъ десяти животныхъ, посаженныхъ на корабль въ Занзибарѣ, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ въ Европу попадаютъ только три, такъ какъ во время путешествія имъ не могутъ давать той пищи, которая для нихъ потребна. Если же они благополучно перенесутъ морское путешествіе, то въ неволѣ живутъ сравнительно легко, такъ какъ на сушѣ для нихъ можно находить пищу. Нѣкоторые живутъ въ европейскихъ звѣринцахъ даже по нѣскольку лѣтъ.

Суахелійцы очень мало обращаютъ вниманія на этихъ малорослыхъ антилопъ. Ихъ не трудно ловить въ искусно разставленные большія сѣти; но туземцы рѣдко занимаются этимъ, можетъ быть потому, что султанъ любитъ этихъ красивыхъ животныхъ и ограждаетъ ихъ отъ преслѣдованія. Этому не противорѣчить то, что онъ не запрещаетъ европейцамъ, если хотятъ поймать себѣ нѣсколько штукъ, особенно если дѣло идетъ о томъ, чтобы переслать ихъ въ Европу. Офицеры стоящихъ здѣсь иногда на якорѣ военныхъ кораблей иногда затѣваютъ охоту за ними, болѣе для того, чтобы испытать свою охотничью ловкость, чѣмъ для того, чтобы достать себѣ дичь, которая вовсе не похожа на нашихъ антилопъ, по имѣетъ очень жесткое мясо и отвратительный для насъ запахъ мускуса, не пропадающій даже при жареньѣ.

Гораздо многочисленнѣе на островѣ *множкопытныя*,—именно *дикія свиньи*, водящіяся также въ частыхъ кустарникахъ и пустынныхъ мѣстностяхъ внутри острова и отсюда производящія набѣги на поля. Причиняемый ими вредъ заставляетъ забывать о религіозныхъ предписаніяхъ и побуждаетъ даже равнодушныхъ суахелійцевъ усердно преслѣдовать ихъ. Что свиньи суть по закону пророка животныя нечистыя,—это имъ еще можетъ быть простили; но имъ не могутъ про-

стить значительнаго вреда, наносимаго ими имуществу правовѣрныхъ. Охота за ними производится почти исключительно въ свѣтлыя лунныя ночи, но на старинный манеръ. Многіе суахелійцы, вооруженные рогатинами, отправляются на мѣсто охоты, съ помощью собакъ отыскиваютъ свиней, натравливаютъ на нихъ собакъ и потомъ подбѣгаютъ и схватываютъ ихъ. Такая охота требуетъ храбрости и ловкости, хотя эти свиньи и уступаютъ нашимъ въ величинѣ и силѣ, потому что щенистое животное, разъярившись, умѣетъ обороняться и ловко употребляетъ въ дѣло свои порядочные клыки; многія собаки дѣлаются его жертвою и многихъ суахелійцевъ ставило оно въ опасное положеніе. До мяса убитыхъ животныхъ правовѣрные разумѣется не дотрогиваются, а бросаютъ его собакамъ. Передъ прибытіемъ *Декена* европейцы мало принимали участія въ этой интересной охотѣ; но нѣкоторые члены послѣдней экспедиціи усердно занялись ею, къ удовольствію плантаторовъ, и имъ мы обязаны тѣмъ, что *Петерсъ* могъ опредѣлить породу этихъ свиней, *Cheropotamus africanus Schreb.*

Здѣсь мы должны еще упомянуть объ одномъ животномъ, относящемся къ этому же порядку, именно о *бегемотъ*. Хотя бѣдный водою островъ Занзибаръ, какъ мы уже сказали, отстоитъ отъ материка на пять нѣмецкихъ миль, но иногда случается, что оттуда переплываютъ сюда бегемоты. Живущихъ на Занзибарѣ европейцевъ неоднократно увѣряли, что въ морѣ видѣли плавающихъ бегемотовъ, и это подтверждали даже образованные моряки; но это увѣреніе подтвердилось еще фактомъ, исключаяющимъ всякую возможность сомнѣнія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ случилось, что одинъ бегемотъ запутался въ рыбацкихъ сѣтяхъ, закинутыхъ неподалеку отъ города, и, къ ужасу рыбаковъ, своими усиліями разорвалъ ее въ клочки. Такой же случай произошелъ позднѣе во второй разъ. Мы не знаемъ, нашло ли животное, счастливо избѣжавшее опасности, снова дорогу на островъ, привлекаемое воспоминаніемъ о красивыхъ его полянахъ, или же то былъ другой бегемотъ, рѣшившійся на такую же экскурсію: но несомнѣнно то, что около 1867 года одно изъ этихъ прозорливыхъ неуклюжихъ животныхъ высадилось, къ великому ужасу суахелійцевъ, въ бухтѣ около сѣверной оконечности острова и забралось въ плантацію одного англійскаго дома. Къ сожалѣнію, владѣтелямъ этой плантаціи не удалось отмстить чудовищу, которое уже успѣло удалиться, когда были окончены приготовленія къ охотѣ за нимъ.

Въ дополненіе къ этому замѣчательному посѣщенію острова, столь далеко лежащаго отъ берега, можно упомянуть о томъ фактѣ, что бегемоты недавно поселились на лежащемъ на 2° южнѣе, въ такомъ же разстояніи отъ берега, островѣ Мафіа, развелись и значительно расплодился тамъ.

Особенныя естественныя условія острова дѣлаютъ понятнымъ то обстоятельство, что здѣсь держатъ сравнительно мало *домашнихъ животныхъ*. Занзибаръ — не страна пастбищъ, а цвѣтущій садъ, и потому тамъ собственно не занимаются скотоводствомъ, а потребность въ домашнихъ животныхъ покрывается ввозомъ съ

материка Африки, а также изъ Индіи и Гадремаута; притомъ же не въ привычкѣ населенія пользоваться животными, какъ помощниками человѣка; здѣсь считаютъ болѣе выгоднымъ заставлять работать невольниковъ. Поэтому понятно, что количество живущихъ на Занзибарѣ домашнихъ животныхъ чрезвычайно мало въ сравненіи съ величиною острова.

Начиная съ настоящихъ друзей дома и домашнихъ работниковъ человѣка, упомянемъ прежде всего о *кошкахъ и собакахъ*, хотя объ тѣхъ и о другихъ можемъ сказать немного. Первыхъ держатъ далеко не въ такомъ количествѣ, какъ можно бы было ожидать судя по множеству назойливыхъ крысъ, потому ли, что суахелійцы, какъ настоящіе мусульмане, не пытаются бороться противъ неизбѣжности, или же потому, что эти грызуны развелись еще очень недавно и противъ нихъ не успѣли еще принять серьезныхъ мѣръ. Но за то здѣсь часты *собаки*, маленькія бурожелтыя дворняшки, похожія больше на одичавшихъ домашнихъ животныхъ или на полуручныхъ шакаловъ, чѣмъ на нашихъ вѣрныхъ и смысленныхъ домашнихъ друзей. Уже по ихъ беззвучному лаю можно заключить, что имѣешь дѣло съ животнымъ, которое нельзя сравнивать съ развитою европейскою собакою. Но въ ней все-таки есть два главныхъ качества домашней собаки: чуткость и храбрость. Къ сожалѣнію, вѣрныхъ охранителей плантацій плохо содержатъ, т. е. болѣе чѣмъ скудно кормятъ, и потому они ночью регулярно собираются на извѣстныя мѣста, на которыхъ чуютъ падалъ и объѣдки и насыщаются этими отвратительными веществами. Онѣ заходятъ даже въ городъ и производятъ тамъ, поспоривъ за удачно найденную кость, весьма неприятный шумъ. Горе имъ, если ихъ завидитъ мзунгу (европеецъ): онъ не посовѣстится купить себѣ спокойствіе цѣною выстрѣла дробью.

До сихъ поръ европейцы, а особенно путешественники, не дѣлали еще попытки брать къ себѣ въ службу туземныхъ собакъ. А между тѣмъ такая попытка принесла бы имъ большую пользу. Европейскія собаки, привозимыя съ большимъ трудомъ и издержками, вырождаются въ непривычномъ для нихъ климатѣ, теряютъ свою смысленность, дѣлаются лѣнивыми и негодными и причиняютъ своему хозяину только хлопоты и неприятности. Мы уже видѣли, что даже живущія на плантаціяхъ собаки чистыхъ породъ годны для употребленія при большихъ охотахъ, а животныя, происходящія отъ помѣси съ европейскими собаками, отличаются не только храбростью, но и красотою, величиною и силою.

Лошади и ослы, употребительныя здѣсь верховыя животныя, ввезены сюда: лошади и весьма большіе красивые бѣлые *маскатскіе ослы* изъ Омана въ южной Аравіи, а маленькіе *сырые ослы* изъ лежащей внутри Африки страны Луны (Уніамези), откуда произошло и ихъ общеупотребительное названіе—*ослы Уніамези*. Эти проворныя и сильныя, не смотря на свой небольшой ростъ,—животныя весьма рѣдко употребляются для ношенія тяжестей, — для таковой цѣли находятъ болѣе удобнымъ употреблять человѣка, котораго цѣна немного выше цѣны осла.

Если однокопытныхъ животныхъ не часто употребляютъ для ношенія вьюковъ, то для возки экипажей и тяжестей домашнихъ животныхъ не употребляютъ

вовсе. На островѣ нѣтъ экипажей ни для воловъ, ни для лошадей; дурное состояніе дорогъ въ странѣ и ихъ ускорость въ городѣ дѣлаютъ невозможнымъ употребленіе такихъ экипажей, и отъ магометанъ нельзя требовать того, чтобы они, для сбереженія человѣческаго труда, устроили дороги и возили по нимъ большіе грузы. Но и въ Занзибарѣ нѣкоторое время существовалъ одинъ экипажъ. Арендаторъ

Арабская мельница для добыванія масла изъ кокосовыхъ орѣховъ.

таможеннаго дома выписалъ его изъ Индіи или изъ Европы и ѣздилъ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ, по самымъ широкимъ улицамъ,—болѣе для возбужденія всеобщаго удивленія, нежели для того, чтобы пользоваться удобствомъ такого способа передвиженія; у него даже не было и лошадей, и онъ запрягалъ просто нѣсколькихъ изъ своихъ невольниковъ.

Единственное животное, силы котораго употребляются здѣсь въ дѣло,—есть *верблюдъ*, также чужеземецъ на Занзибарѣ, куда его привозятъ изъ странъ, ле-

жащихъ по ту сторону экватора. Какъ у насъ запрягаютъ въ ворота старыхъ слѣпыхъ лошадей, такъ тамъ запрягаютъ дромадера и заставляютъ его по цѣлымъ часамъ двигаться въ узкомъ кругу, не обращая вниманія на строеніе и свойства животнаго, которое годно для сѣдла, а не для ярма, и не принимая во вниманіе природныхъ капризовъ этого «корабля пустыни». И въ самомъ дѣлѣ слышишь стукъ мельницы, а муки не видишь: съ трескомъ вертится машина, въ которую насыпанъ кунжутъ или копра для добыванія масла; но результаты работы очень плохи, хотя ею занимаются нѣсколько человѣкъ и одно сильное животное. При дурномъ обращеніи и плохомъ кормѣ, въ непривычномъ климатѣ и при непривычной работѣ, верблюды скоро погибаютъ. Многіе изъ нихъ, покрытые ранами и шишками, еле волочатъ ноги и затѣмъ скоро околѣваютъ, составляя своими трупами заразу для прохожихъ, добычу для голодныхъ собакъ съ плантацій, для прожорливыхъ краббовъ и другихъ животныхъ.

Болѣе важную роль играютъ рогатыя жвачныя животныя, необходимыя и для суахелійцевъ потому, что даютъ имъ молоко и мясо: это *козы, овцы и рогатый скотъ*. Избранный нами здѣсь порядокъ сопоставленія не только соотвѣтствуетъ наукѣ, но и представляетъ вполне постепенность вкуса гастрономовъ арабовъ. Самымъ лучшимъ и здоровымъ мясомъ они считаютъ *козье* и именно мясо красивыхъ взрослыхъ козловъ. Какъ высоко они цѣнятъ мясо козъ, всего лучше видно изъ того, что за хорошаго большаго козла они платятъ почти такую же цѣну, какъ и за средней величины быка. Если жители Занзибара въ этомъ отношеніи заходятъ черезъ чуръ далеко, то и мы, европейцы, презирающіе мясо козъ, такъ же далеко отступаемъ отъ золотой середины: кто живаль «въ кустахъ», тотъ знаетъ, что молодыя козы и козлы даютъ вкусное жаркое и очень хорошій супъ, хотя и нельзя отрицать, что нѣкоторыя части ихъ тѣла издаютъ пріятный для нашего носа запахъ. Но кто же заставляетъ путешествующаго мзунгу ѣсть худшее? Развѣ онъ не воленъ выбрать себѣ языкъ, мозгъ, сердце, печень, переднія и заднія ноги и еще что получше, предоставивъ остальное сопровождающимъ его неграмъ? Не смотря на это, новичокъ всегда предпочитаетъ мясо жирной *овцы*. Оно въ самомъ дѣлѣ превосходно, и кто имѣетъ передъ собою сочное, ароматное «mutton steak», тотъ конечно не послушается нелѣпаго предостереженія туземцевъ, что такое мясо вредно для здоровья. Наружный видъ этихъ жирныхъ овецъ очень страненъ, не говоря уже о безобразно толстыхъ ихъ хвостахъ, съ которыхъ почти капаетъ жиръ, — такъ какъ у нихъ нѣтъ шерсти, а только короткая гладкая шкура, какъ у козъ.

Особенный характеръ представляетъ для насъ и здѣшній рогатый скотъ, главнымъ образомъ по такому же обилію жира, который сосредоточенъ здѣсь на спинѣ и въ шеѣ. Здѣсь видишь только зебу, уже давно ввезенныхъ сюда изъ Индіи. Островъ Занзибаръ производитъ далеко не такое количество рогатаго скота, какое для него потребно; дурной уходъ за нимъ и недолговременное его существованіе на островѣ заставляютъ даже предполагать, что здѣсь вообще очень рѣдко рождаются и выкармливаются телята. Хотя нѣкоторые владѣльцы пускаютъ свой скотъ пастись на плантаціи или же покупаютъ ему траву для корма, но во-

и Готтентотовъ на юго-западѣ, и Сомалиевъ, Галласовъ, Массан и Вакуафи на сѣверовостокѣ. Не смотря на распространеніе этого семейства по громадной области въ 30 градусовъ широты и столько же долготы, языки племенъ этого семейства такъ сходны, что названія мѣстностей внутри южной Африки и по берегу можно считать принадлежащими какъ кафрскому такъ и бенгуальскому языкамъ, и что мозамбикскіе негры могутъ понимать негровъ изъ Конго, а черезъ нѣсколько дней и бѣгло разговаривать съ ними. Тотъ фактъ, что языкъ необразованныхъ дѣтей природы пользуется большею распространенностью, чѣмъ большая часть европейскихъ языковъ,—въ сильнѣйшей степени обратилъ на себя вниманіе ученыхъ, тѣмъ болѣе, что доселѣ думали, что смѣшеніе языковъ нигдѣ такъ не велико, какъ въ Африкѣ. Дѣло дошло до невѣрія и изумленія, когда ревностные изслѣдователи заявили, что этотъ языкъ превосходитъ даже наши языки изяществомъ и богатствомъ формъ и близко подходитъ къ пресловутому греческому языку.

Самый развитой изъ южноафриканскихъ языковъ, или, если хотите, нарѣчій, есть языкъ *суахел ѵцевъ*, жителей восточно-африканскаго берега и острововъ, лежащихъ отъ экватора до десятаго градуса южной широты. Онъ обязанъ своими преимуществами пробудившемуся духу народа и главнымъ образомъ дѣятельнымъ сношеніямъ, въ которыхъ онъ издавна состоялъ съ другими культурными народами, особенно же съ арабами и персами.

Хотя арабы уже съ древнѣйшихъ временъ знали восточный берегъ Африки, но собственно переселенія ихъ сюда начались только въ 10-мъ вѣкѣ по Р. Х. Изгнанные раздорами, происшедшими въ Меккѣ, они потянулись тогда толпами къ югу и основали города, *Мукдиша*, *Брава*, *Малинди*, *Момбасъ* и *Килоа*, достигшіе вскорѣ значительнаго процвѣтанія и тѣмъ привлекшіе новыхъ поселенцевъ изъ Аравіи и даже изъ Шираза.

Около 1500 г. и португальцы при своихъ путешествіяхъ въ Индію посѣтили эти города, сначала состояли съ ними въ мирныхъ сношеніяхъ, но вскорѣ утвердились въ нихъ, и наконецъ овладѣли всѣмъ берегомъ и принадлежащими къ нему островами. Подъ ихъ ненавистнымъ владычествомъ страна, какъ и всѣ ихъ колоніи, быстрыми шагами пошла къ своему паденію; они высосали ее, ничего для нея не сдѣлавъ; они не могли даже дать ей защиты, потому что метрополія была слишкомъ мала, чтобы снабжать людьми столь обширныя владѣнія. Испорченные богатствами, собранными безъ труда, португальскіе купцы, чиновники и солдаты, сознавая свое превосходство, стали совершать безчисленныя несправедливости и жестокости и въ короткое время сдѣлали себя ненавистными и презираемыми. Но ихъ часъ и здѣсь пробилъ: притѣсненные народы собрались съ духомъ, и, при помощи арабовъ, выгнали изъ Омана навсегда ненавистныхъ чужеземцевъ (въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го вѣка). Слѣды ихъ присутствія замѣчаются въ языкѣ и въ многочисленныхъ остаткахъ построекъ.

Послѣ этого восточный берегъ снова вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ Аравією, получая изъ этой, не такъ счастливо одаренной, страны въ обмѣнъ на невольниковъ и богатая произведенія растительнаго міра, гражданъ, стоящихъ выше въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ. Правда, онъ потерялъ нако-

нецъ при этомъ свою независимость, попалъ въ началѣ текущаго столѣтія подъ владычество Омана; но это не принесло ему особеннаго несчастья, такъ какъ чужеземное владычество, какъ ни мало содѣйствовало оно развитію богатой страны, положило однако конецъ непрерывнымъ междоусобнымъ войнамъ, истощавшимъ ея силы.

Вслѣдствіе тысячелѣтняго почти смѣшенія арабовъ съ негрскими племенами, а также вслѣдствіе продолжавшагося нѣсколько столѣтій ввоза невольниковъ изъ всѣхъ почти племенъ восточной Африки, образовалось мало по малу столь *пестрое смѣшанное населеніе*, что строгое различеніе разныхъ составныхъ частей его почти невозможно, особенно потому, что завезенные издалека негры скоро приняли языкъ и нравы туземцевъ, забыли свое происхожденіе и родину и назвались также суахелійцами, какъ будто бы ихъ предки давно уже жили въ этой странѣ. Поэтому между суахелійцами встрѣчаются всѣ оттѣнки цвѣта кожи и всѣ степени физическихъ свойствъ, отъ первоначальныхъ жителей до переселившихся арабовъ; и, какъ между арабами рѣдко встрѣтишь чистокровную фамилію, такъ и между искони живущими здѣсь неграми очень мало фамилій безъ примѣси чужой крови. Слѣды этой примѣси ясно замѣтны не только въ физическихъ свойствахъ, но и въ языкѣ и во всемъ быту какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего народа. Но вліяніе высшихъ расъ на низшія не во всѣхъ отношеніяхъ было благотворно: суахелійскій народъ еще не достаточно однороденъ, чтобы могъ обнаружить добрыя качества чисто-смѣшаннаго народа, воплиѣ сливавшагося послѣ нѣсколькихъ вѣковъ существованія безъ дальнѣйшаго притока чужеземной крови.

Вообще суахелійцы сильно и красиво сложены, болѣе дородны, чѣмъ худощавы, съ высокою грудью и пріятными, часто даже красивыми чертами лица. Самыми чистыми изъ нихъ, какъ первоначальныхъ жителей, можно считать тѣхъ, которые живутъ внутри острова,—именно *мукадимовъ*, т. е. людей работы; въ пользу этого говорить и то обстоятельство, что они замѣтно состоятъ въ отношеніи зависимости къ своимъ арабскимъ завоевателямъ и господамъ.

Число жителей острова Занзибара опредѣляютъ весьма различно, но большая часть новыхъ свѣденій опредѣляютъ его въ 200—250,000. На этомъ основаніи приходится по 6880—8600 душъ на нѣмецкую квадратную милю, коихъ въ островѣ 29, но количество это будетъ еще значительнѣе, если принять въ расчетъ необитаемые, неспособныя къ воздѣлыванію мѣстности острова,—въ каковомъ случаѣ изъ общаго счета всей поверхности придется исключить почти $\frac{1}{3}$. Столь большая плотность населенія не будетъ казаться удивительною, если обратить вниманіе на то, что островъ воздѣланъ почти какъ садъ, съ плодами, которые, какъ мы видѣли, даютъ гораздо болѣе плодовъ, чѣмъ наши лучшія питательныя растенія, и притомъ два или три раза въ годъ. Къ этому присоединяется еще другое, не менѣе важное, обстоятельство: тогда какъ европейскій земледѣлецъ вполне занятъ обработкою своего поля и своимъ хозяйствомъ, здѣшній находитъ еще достаточно времени для выгоднаго побочнаго занятія. Свои небольшія дневныя потребности онъ можетъ удовлетворять копѣекъ на пять (считая на наши деньги),

тогда какъ жизненныя потребности европейскіхъ земледѣльцевъ такъ велики, что они зарабатываютъ только немного болѣе того, сколько имъ необходимо. Поэтому Занзибарскій негръ можетъ, при небольшой побочной работѣ, кормиться очень маленькимъ полемъ, и на квадратной милѣ земли здѣсь можетъ жить гораздо большее число людей, чѣмъ въ нашемъ умѣренномъ климатѣ, на нашей мало дающей почвѣ.

Суахелійцы живутъ или въ отдѣльныхъ хижинахъ среди своихъ собственныхъ плантацій, или какъ невольники большихъ землевладѣльцевъ вблизи ихъ сельскихъ жилищъ, или же въ деревняхъ. По драгоценнымъ свѣденіямъ, коими мы обязаны *Яблонскому* и *Грандидье*, такихъ селеній считается около 35; но это число конечно не вполне точно, такъ какъ многія части острова не были еще посѣщены ни однимъ европейцемъ. Единственный городъ,—городъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, есть Занзибаръ, который туземцы называютъ «*мдши*» или «*городъ*» точно такъ же, какъ древній Римъ назывался «*urbs*». Это значительнѣйшій центръ населенія восточной Африки, такъ какъ въ немъ считается до 40,000 жителей, а во время сѣверо-восточнаго муссона, когда сюда приходятъ сотни судовъ съ сѣвера, — еще 10,000 болѣе. Точное опредѣленіе числа населенія невозможно, и даже перепись въ высшей степени невѣрна, такъ какъ нѣтъ никакой точки опоры; арабскій вельможа даже не знаетъ, сколько людей живетъ въ его собственномъ домѣ: его невольники прибываютъ и убываютъ, находятся то въ городѣ, то за городомъ, смотря по тому, какъ требуютъ ихъ занятія. Настоящей переписи, еслибы ее вздумали произвести, воспротивилось бы народное чувство, такъ какъ народъ видитъ въ этомъ измѣническое любопытство. Какъ счастливый игрокъ остерегается считать выигранныя деньги, такъ и арабъ неохотно объявляетъ число невольниковъ и женъ.

Господствующую часть населенія составляютъ *арабы*, дѣятельнѣйшую и богатѣйшую—переселившіеся *индійцы*, а самую многочисленную—*негры*.

Двѣ трети или три четверти всего населенія составляютъ *невольники*, и притомъ, подобно нашимъ крестьянамъ и среднему классу, самую полезную и важную его часть. Они положительно необходимы для Занзибара: они обрабатываютъ поля, рвутъ гвоздику, служатъ богатымъ арабамъ и свободнымъ суахелійцамъ, такъ какъ они, хотя бы обладали очень небольшою собственностью, ни въ какомъ случаѣ не работаютъ сами. Но невольничество введено тамъ только, гдѣ страна находится подъ владычествомъ арабовъ и подъ вліяніемъ ислама; язычникамъ Ванга около Момбаса и племенамъ, живущимъ внутри материка, оно большею частью еще чуждо: они сами или ихъ жены исполняютъ всѣ необходимыя полевыя и домашнія работы.

Уже съ древнѣйшихъ временъ Аравія ежегодно получала изъ восточной Африки по нѣскольку тысячъ невольниковъ. И теперь еще этотъ вывозъ производится въ очень большихъ размѣрахъ, хотя торговля невольниками *вне территоріи Занзибара* запрещена; но за то тѣмъ большее значеніе имѣетъ торговля эта *внутри его территоріи*. Главнымъ мѣстомъ вывоза чернаго товара можно

считать *Килоа*: изъ 19,000 невольниковъ, привезенныхъ въ 1859 году въ Занзибаръ для оплаты пошлиною, 15,000 происходили оттуда.

Эта позорная торговля людьми и сопряженная съ нею войны и хищническіе набѣги не только чрезвычайно быстро уменьшаютъ населеніе въ несчастныхъ внутреннихъ странахъ, но и порождаютъ тамъ самое печальное положеніе дѣлъ. Неограниченный негрятинскій владѣтельный князь, имѣя нужду въ деньгахъ уводитъ своихъ подданныхъ безъ разбора отъ домашняго ихъ крова, а если пожелаетъ найти какой либо предлогъ, начинаетъ отыскивать преступленія на невинныхъ, чтобы наказать ихъ продажей, объявляетъ войну мирному сосѣду, чтобы забрать его подданныхъ для продажи: безопасность жизни и собственности тамъ неизвѣстны. Если припомнить, какое опустѣніе и порча нравовъ наступали прежде въ *христіанской Европѣ* послѣ каждой, хотя бы и кратковременной, войны, то можно себѣ представить, какъ пагубно должно дѣйствовать продолжающееся нѣсколько десятилѣтій и столѣтій хищничество на *необразованныя и языческія негрскія племена Африки*, и тогда не покажется удивительнымъ, что столь тяжко испытываемые народы съ каждымъ годомъ скорѣе тупѣютъ, чѣмъ цивилизуются.

Не меньшее зло, чѣмъ добываніе невольниковъ, составляетъ ихъ доставка подъ конвоемъ. Торговецъ, закупившій «чорное дерево», знаетъ во время пути только одну заботу: доставить какъ можно скорѣе и какъ можно болѣе товара къ берегу. Безъ милосердія покидаетъ онъ несчастныхъ, которые не въ состояніи идти далѣе,—въ сожженной солнцемъ пустынѣ, чтобы не задержать остальныхъ, и только тогда, когда увѣрится въ скоромъ и благополучномъ прибытіи, позволяетъ, какъ бы почувствовавъ гуманное стремленіе, чтобы сильнѣйшіе невольники несли нѣкоторыхъ изъ самыхъ слабыхъ.

Видъ такого *каравана невольниковъ* въ высшей степени возмущаетъ нравственнаго и чувствительнаго человѣка. Подобно ходячимъ скелетамъ идутъ несчастные, дѣти, мужчины и женщины, часто безъ самаго необходимаго прикрытія наготы. Выраженіе грязныхъ лицъ съ глубоко впалыми глазами, выдающимся скулами и отпечаткомъ голода и несчастія по истинѣ ужасно. Блѣдносѣрая кожа покрывается многочисленными складками кости, стягиваемыя еще сухожиліями; колѣна и локти представляются самыми толстыми частями рукъ и ногъ; пустое брюхо отдѣлено впадиною отъ вдвое толстаго груднаго ящика. Видишь мужчинъ, у которыхъ бедра такъ тонки, какъ руки ребенка; женщинъ, у которыхъ изсохшія груди уродливо висятъ, какъ пустые карманы, надъ выдающимися ребрами; мы видѣли беременныхъ женщинъ, которыхъ, полумертвыхъ отъ изнуренія, горизонтально несли на головѣ двое мужчинъ, и которыя были до того тощи, что по острымъ угламъ и возвышеніямъ маленькихъ членовъ ясно можно было видѣть очертанія младенца, еще живущаго въ ихъ утробѣ.

Когда несчастные наконецъ приходятъ въ гавань, то ихъ сотнями упаковываютъ на тѣсныя суда и отправляютъ на главный рынокъ, — пожалуй на Занзибаръ. Счастье имъ, если благопріятные вѣтры ускорятъ переѣздъ; горе, если онъ необыкновенно замедлится! Бѣдствіе достигаетъ тогда крайняго предѣла. Не одни только голодъ и жажда, и не крайняя неопрятность мучать ихъ, но ужасная не-

извѣстность относительно предстоящей судьбы. Самые бѣдные полагаютъ, — можетъ быть обманутые ужасными шутками бывшихъ своихъ земляковъ, — что ихъ въ Занзибарѣ убьютъ, а нѣкоторые изъ наиболѣе сильныхъ пытаются избѣжать ужасной судьбы, бросившись въ воду, — но тщетно, ихъ снова ловятъ на лодкахъ. Но, скажемъ къ чести коричневаго торговца невольниками, — ихъ не наказываютъ ни однимъ ударомъ за попытку убѣжать. Мы сами съ изумленіемъ видѣли это, стоя на якорѣ ночью между двумя такими суднами около Зиндскихъ острововъ. Судя потому, что мы знали о бѣлыхъ, — мы ожидали хлопанья плети и стоновъ несчастныхъ, — но этого ничего не случилось; тамъ были довольны, что снова приобрѣли цѣнные предметы и не мстили имъ за это.

На Занзибарѣ невольниковъ прежде всего отводятъ въ *таможенный домъ*, такъ какъ съ каждаго здѣсь должна быть заплачена пошлина (два талера). Эта пошлина также подаетъ поводъ къ новымъ мерзостямъ: тѣхъ, которые такъ слабы, что черезъ нѣсколько дней должны умереть, иногда, для сбереженія издержекъ, безъ дальнихъ околичностей бросаютъ за бортъ.

Черный товаръ.

Но и ихъ бѣдствія имѣютъ конецъ. Полуголодныхъ отводятъ въ домъ оптоваго торговца и тамъ откармливаютъ, чтобы они лучше выглядѣли, когда выставятъ ихъ на продажу. Удивительно, какъ скоро эти исхудавшія существа при

обильной пищѣ и полномъ спокойствіи поправляются; уже черезъ нѣсколько недѣль они дѣлаются толстыми и откормленными и начинаютъ снова беззаботно шутить и смѣяться! Они чувствуютъ, какъ выздоравливающіе послѣ тяжелой болѣзни, только удовольствіе и какъ будто бы теряютъ всякое воспоминаніе о прежнихъ страданіяхъ.

И на *рынкѣ* съ невольниками обходятся по-человѣчески; здѣсь не увидишь никакихъ возмутительныхъ сценъ, какихъ можно бы было ожидать. Правда, покупатель различнымъ образомъ пробуетъ ихъ, чтобы убѣдиться въ силѣ и ловкости товара,—но пробуетъ снисходительно. Правда, онъ изслѣдуетъ красиво наряженную дѣвушку, которую хочетъ взять себѣ въ суріи (побочныя жены) и разсматриваетъ всѣ ея физическія качества, но внутри дома и не оскорбляя пристойности.

Въ большей части случаевъ продавецъ невольниковъ есть иное лицо, а не тотъ, кто привезъ ихъ изъ внутреннихъ частей Африки: это собственно только маклеръ, который, кромѣ издержекъ на кормъ, получаетъ за свои труды часть продажной суммы, около $2\frac{1}{4}$ процентовъ. Красивыхъ дѣвушекъ онъ уже на другое утро водить по городу въ ихъ лучшемъ нарядѣ; чтобы обратить на нихъ вниманіе покупателей и какъ можно скорѣе продать.

Цѣны на невольниковъ подвержены значительнымъ колебаніямъ. Дѣтей можно покупать за 5—10 талеровъ, взрослыхъ юношей и мужчинъ за 10—40; женщины, какъ предметъ любви, не имѣютъ определенной таксы: знатокъ платитъ за дѣвушку,—которая по нашему едва ли 30 талеровъ,—отъ 90 до 100 талеровъ; а за болѣе изящныя товары, за дѣвушекъ изъ племени *абишійевъ* и *галласовъ*,—которыхъ впрочемъ на вывозятъ на публичный рынокъ,—платятъ часто даже по нѣсколькимъ сотъ талеровъ.

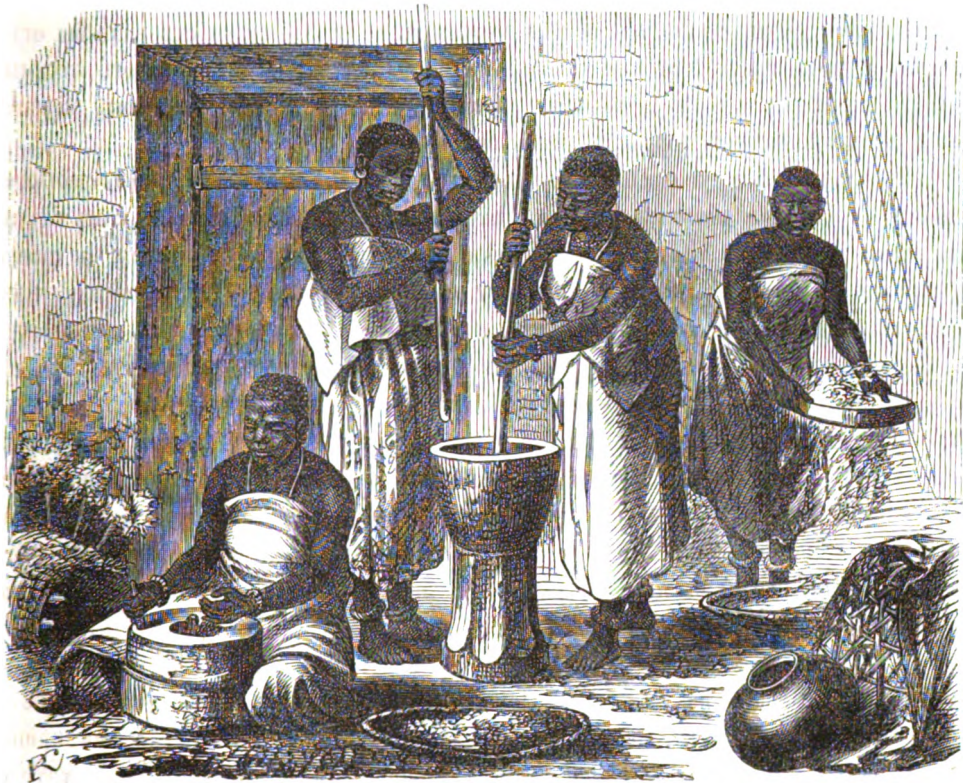
Господа обращаются съ невольниками очень хорошо. Тотъ постыдный фактъ, что такъ называемый цивилизованный человѣкъ и христіанинъ бываетъ гораздо болѣе жестокимъ господиномъ, чѣмъ мусульманинъ, порицаемый за недостатокъ образованія,—оправдывается и здѣсь. Бѣлый рабовладѣлецъ въ Америкѣ не страшится насильственно разрывать нѣжнѣйшія семейныя узы, если это приноситъ ему выгоду; онъ жесточайшимъ образомъ наказываетъ своихъ подданныхъ за малѣйшій проступокъ, и даже экономическіе расчеты не мѣшаютъ ему искалѣчивать человѣка, за котораго заплачено имъ 800—1000 долларовъ, или даже убивать его, если къ этому побуждаетъ его жажда мести. Даже потомокъ негра бываетъ тамъ презрѣннымъ парією; даже въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи, когда въ немъ уже нѣтъ почти ни одной капли черной крови, его не считаютъ равноправнымъ; имъ пренебрегаютъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы онъ бѣлизною кожи, красотою лица и тѣлосложеніемъ и умственными способностями превосходилъ желтоблѣднаго лѣниваго креола. И не только частныя лица притѣсняють его, но и самый законъ, потому что кроткій господинъ не смѣетъ даровать свободу любимому невольнику. Это бываетъ и теперь; несмотря на славную войну, негръ въ Соединенныхъ Штатахъ все еще играетъ жалкую роль,—даже въ тѣхъ Штатахъ, гдѣ шла борьба за его освобожденіе.

Совершенно иное дѣло въ *восточной Африкѣ*. Мусульманину, — арабу или суахелійцу, — религія и выгоды запрещаютъ чрезмѣрно неволить раба или дурно обходиться съ нимъ: здѣсь даже часто случается, что невольникъ, состоящій въ услуженіи у европейца, убѣгаетъ отъ него вслѣдствіе полученныхъ побоевъ и возвращается къ своему господину, который не бранитъ и не бьетъ его и не обходится съ нимъ презрительно. Невольники занимаютъ здѣсь лучшее общественное положеніе по той уже причинѣ, что они не много уступаютъ своимъ господамъ въ образованіи; ихъ считаютъ въ нѣкоторой степени членами семейства. Имъ никогда не отказываютъ въ позволеніи жениться, такъ какъ для владѣльца выгодно, чтобы число его невольниковъ увеличивалось. Дѣти, происшедшіе отъ такихъ браковъ, хорошо содержатся; ихъ посылаютъ даже въ школу, если въ нихъ обнаруживаются способности; но самая лучшая участь предстоитъ наиболѣе красивымъ дѣвушкамъ; онѣ впослѣдствіи дѣлаются супругами и повелительницами бывшихъ своихъ господъ. Точно также невольнику до извѣстной степени предоставляется свободный выборъ рода занятій и не препятствуютъ наиболѣе талантливымъ усовершенствоваться: здѣсь не знаютъ племенной и сословной гордости въ такой степени, какъ у насъ, а напротивъ радуются, когда способный человѣкъ приноситъ болѣе дохода, чѣмъ обыкновенный работникъ. Въ такомъ случаѣ невольникъ зарабатываетъ и накопляетъ себѣ иногда столько, чтобы купить себѣ небольшое имѣніе и даже самому имѣть невольниковъ; нѣкоторые даже достигаютъ высокаго положенія въ государствѣ. Наконецъ, достиженіе полной свободы здѣсь не рѣдкость: многіе набожные мусульмане отпускаютъ на волю по нѣскольку своихъ невольниковъ, чтобы по возможности обезпечить себѣ участіе въ блаженствахъ рая, и *вольнотпущенные* тотчасъ же вступаютъ въ классъ *свободныхъ*, и на нихъ, или по крайней мѣрѣ на ихъ потомкахъ не остается никакого позорнаго клейма.

Итакъ, чего же не достаетъ восточно-африканскому невольнику для его счастья? Онъ освободился отъ тираніи своего султана или старшины своего племени и сдѣлался свободнымъ, — свободнѣе многихъ, которые называются только свободными; изъ своей жалкой деревушки онъ попалъ въ тотъ городъ, который представляется ему совмѣщеніемъ всѣхъ совершенствъ; онъ узналъ удовольствія, о которыхъ прежде не зналъ ничего, получилъ возможность видѣть свѣтъ и расширить свой кругозоръ, сдѣлался кромѣ того магометаниномъ, что чрезвычайно щекочетъ его самолюбіе, потому что быть мусульманиномъ или арабомъ вскорѣ сдѣлалось цѣлью высочайшаго его честолюбія! Судя по всему, такая перемѣна для него весьма выгодна. И въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ похищенныхъ и проданныхъ не стремится опять на родину; приходя сюда въ ранней юности, они скоро теряютъ послѣднія воспоминанія о родныхъ и родинѣ.

На основаніи того, что она приводитъ коснѣющія внутри Африки въ тупомъ невѣжествѣ племена въ соприкосновеніе съ берегомъ и даетъ имъ возможность прогресса, здѣшнюю хорговлю невольниками можно было бы *допустить*; но кто осмѣлится *извинять* эту пользу предшествующія ей бѣдствія? Если такихъ, можетъ быть только кажущихся, результатовъ нельзя достигнуть, болѣе достойнымъ человѣчества, способомъ, то имѣетъ ли кто нибудь право насильственно

ставить людей въ другое, хотя бы и въ болѣе счастливое, положеніе? Для мыслящихъ и чувствующихъ людей не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *торговлю невольниками ни въ какомъ случаѣ нельзя одобрить*. Ее не защищаютъ даже и здѣшніе магометане, считая ее безчестнымъ промысломъ.

Невольницы за домашними работами.

Англія нѣсколько лѣтъ тому назадъ сильно старалась по возможности ограничить торговлю невольниками посредствомъ договоровъ съ султаномъ и посредствомъ охраненія береговъ; но совершенно истребить ее не удастся, потому что сотни занимающихся ею судовъ всегда будутъ ускользать отъ гонящихся за ними крейсеровъ. При болѣе строгомъ надзорѣ издержки возрастуть до безконечности, а торговля людьми въ крайнемъ случаѣ только ограничится развѣ берегомъ. Зло должно уничтожить въ корнѣ, и тогда оно исчезнетъ само собою: *надо создать во внутренней Африкѣ другое положеніе дѣлъ!* Если люди тамъ сами будутъ имѣть нужду въ рабочихъ, то они, какъ узналъ *Декензъ* при своемъ путешествіи въ Ніассу, не продадутъ невольниковъ ни за какія деньги. Другое, можетъ быть не такъ трудное, но за то и не столь радикальное, средство для достиженія той же цѣли состоитъ *въ уменьшеніи потребности въ невольникахъ*. Если принять въ расчетъ, какая излишняя трата труда происходитъ отъ

того, что каждое хозяйство само мелеть и шелушить необходимые для его пищи рисъ и мтаму (эта работа, начиная отъ Аравіи и до Мадагаскара, занимаетъ бѣдно около милліона людей), то ясно будетъ, что посредствомъ введенія зерновыхъ машинъ въ этотъ отношеніи можно достигнуть весьма благоприятныхъ результатовъ. При цѣлесообразныхъ торговыхъ сношеніяхъ (рисъ въ Мадагаскарѣ вчетверо дешевле, чѣмъ на Занзибарѣ) ошелушенное зерно могло бы продаваться такъ же дешево, какъ продаютъ теперь арабы неочищенное, и это способствовало бы ограниченію и подавленію торговли невольниками болѣе, чѣмъ столь дорого стоющей надзоръ военныхъ кораблей, которые своимъ преувеличеннымъ усердіемъ нерѣдко болѣе вредятъ честной торговлѣ, чѣмъ запрещенной.

Невольники или употребляются на работы *своими собственными господами* или же *отдаются внаймы другимъ* для различныхъ работъ. Въ первомъ случаѣ они, какъ *домашніе невольники*, получаютъ пищу, жилище и одежду, а иногда и карманныя деньги, а какъ *невольники на плантаціяхъ*—пищу, одежду и два свободныхъ дня въ недѣлю,—вторникъ и пятницу, въ теченіи коихъ они могутъ заработать себѣ все нужное работою или продажей товаровъ на рынкѣ.

Въ лицѣ *наемныхъ невольниковъ*, которые иногда принадлежатъ мелкимъ капиталистамъ и отпускаются ими какъ бы на оброкъ, почти прекращается различіе между *свободными* и *рабами*, такъ какъ и бѣдные свободные люди должны искать себѣ работу такимъ же путемъ, если не имѣютъ небольшого участка земли, который бы кормилъ ихъ. Поэтому мы впослѣдствіи будемъ разсматривать оба эти класса вмѣстѣ, какъ *бѣдныхъ* и *рабочихъ* людей, — въ противоположность *зажиточнымъ* и *бездѣльнымъ*.

Нѣкоторые изъ наемныхъ работниковъ опредѣляются за 3—5 талеровъ ежемѣсячнаго жалованья на службу въ дома европейцевъ; другіе работаютъ, за 12—16 пезъ поденной платы, на торговыхъ и военныхъ корабляхъ, гдѣ они принимаютъ на себя, во время стоянки ихъ въ гавани, самую трудную часть матросскихъ обязанностей; но большая часть ихъ находятъ себѣ занятіе при постройкѣ домовъ и у европейскихъ купцовъ. Здѣсь каждый изъ нихъ, какъ молодой челоувѣкъ, такъ и дѣвушка, какъ взрослый, такъ и малолѣтній, восемь пезъ поденной платы,—на наши деньги около 12 копѣекъ. Изъ этихъ денегъ пять пезъ невольники должны отдать своему господину, а остальнаго имъ достаточно для удовлетворенія ихъ потребностей. *Надсмотрщикамъ* и *фундіямъ*, т. е. мастерамъ, платятъ разумѣется лучше, даже втрое и вчетверо больше.

Гдѣ есть какая нибудь работа, туда съ шести часовъ утра являются толпы желающихъ работать, большею частію молодыхъ людей, изъ которыхъ надсмотрщики выбираютъ себѣ нужное число и впускаютъ ихъ по одиночкѣ. Каждому изъ нихъ дается работа,—сушеніе перца и гвоздики, щипанье и просѣванье лакмусоваго лишая (*orseille*), чистка и сортировка копала, ношеніе извести, камней и воды и т. п. работы, столь простыя, что и неумѣлый можетъ исполнять ихъ.

Одна изъ такихъ работъ, своею характеричностью и живою картиною, представляющеюся при этомъ, всего болѣе обращающая на себя наше вниманіе, есть *уколачиванье плоскихъ крышъ*. Когда на Занзибарѣ выстроить домъ до надле-

жащей высоты, то фунда приказывает класть рядомъ плотно толстыя бревна изъ краснаго манглеваго дерева поперекъ черезъ поля пространства комнатъ; на нихъ настилаютъ крупныя камни, какъ подстилку для *кокто* (мелкіе камни величиною съ орѣхъ), и все это покрываютъ известковымъ растворомъ, содержащимъ въ себѣ песокъ; наконецъ накладываютъ еще слой чистой извести, смѣшанной только съ небольшимъ количествомъ песка, чтобы придать крышѣ болѣе красивый видъ. Затѣмъ работа каменщиковъ оканчивается и начинается работа неумѣлыхъ юношей и дѣвушекъ. Держа въ рукахъ шести, величиною въ ростъ человѣка и снабженные плоскимъ набалдашникомъ величиною съ кулакъ, они весело уколачиваютъ ими сырую известъ, постоянно распѣвая и расхаживая взадъ и впередъ, пока она сдѣлается твердою и сухою. До самага лица долетаютъ брызги бѣлой грязи, вверху образуя только отдѣльныя пятна, а внизу совершенно закрывая собою темную кожу: все это представляетъ забавное зрѣлище, которое, въ соединеніи съ жестами нѣкоторыхъ шутниковъ, въ состояніи развеселить самага меланхолическаго человѣка. Впрочемъ эга работа гораздо непріятнѣе и труднѣе, чѣмъ кажется, такъ какъ сырая ѣдка я известъ съ теченіемъ времени разѣдаетъ подошвы ногъ и пальцы и причиняетъ жгучую боль. При сильномъ зноѣ и сравнительно сухомъ воздухѣ уколачиванье продолжается обыкновенно три дня,—и столько же времени продолжается пѣніе веселой компаніи.

Главнымъ занятіемъ *суахелійцевъ* должно считать *земледѣліе*. Если принять во вниманіе простоту орудій и исполняемой ими работы, то его можно почесть весьма значительнымъ; но его важность будетъ очевидна, если принять въ расчетъ, что суахелійцы весьма замѣчательно воздѣлали почти всю способную къ обработкѣ поверхность острова. Правда, нельзя отрицать и того, что при большей рациональности и усердіи можно бы было достигнуть, при столь благоприятныхъ естественныхъ условіяхъ, еще большаго развитія земледѣлія и гораздо значительнѣйшаго разнообразія продуктовъ.

Весьма незначительно здѣсь, напротивъ, *скотоводство*, и весь почти потребляемый въ странѣ скотъ приводится извнѣ.

Болѣе важное значеніе имѣетъ *рыболовство*, которое такъ соотвѣтствуетъ склонности мореходцевъ суахелійцевъ. Рыболовствомъ въ большихъ размѣрахъ занимаются мужчины на непокрытыхъ во время отлива водою коралловыхъ рифахъ; въ меньшихъ же размѣрахъ ловлею рыбы занимаются женщины у берега, 4—6 рыбацекъ соединяются въ одну компанію; однѣ изъ нихъ держатъ полотняныя покрывала, другія ходятъ по водѣ загоняютъ въ нихъ рыбу, образуя постепенно собою все болѣе тѣсный кружокъ. Добычу выкладываютъ въ корзину, и, когда наловятъ достаточное количество, продаютъ въ городѣ. Такимъ способомъ въ нѣсколько часовъ легко можно наловить 20—30 фунтовъ рыбокъ длиною въ дюймъ.

Изъ ремеслъ стоитъ упомянуть только о *ткацкомъ промыслѣ*. Имъ занимаются или на открытомъ воздухѣ или подъ навѣсомъ дома. Здѣсь работники сидятъ на землѣ передъ ниткою, натянутою между двумя палками и весело ткетъ при помощи челночка. Здѣсь вырабатываются только грубыя матеріи, но и онѣ

съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе вытѣсняются привозимыми изъ Европы и Америки бумажными тканями.

Всѣ туземные *ремесленники* работаютъ весьма грубыми орудіями, но не безъ искусства и замѣчательной терпѣливости; впрочемъ у нихъ нѣтъ кажется чувства симметричности и правильности. Напротивъ женщины выказываютъ много вкуса и умѣнья, особенно *въ плетеніи рокожъ и соломённыхъ шляпъ*; это столь же любимое и распространенна по всей Африкѣ занятіе, какъ у насъ шитье и вязанье, и по изяществу работы и удачному сочетанію красокъ заслуживающее особеннаго вниманія. Эта отрасль промышленности безъ всякаго сомнѣнія легко могла бы получить большее развитіе, если бы привести изъ Европы хорошіе образцы и такимъ образомъ поставить его на настоящую дорогу, и тогда она могла бы получить важное значеніе и много способствовать развитію здѣсь свободнаго труда.

Рабочіе люди живутъ, по нашимъ понятіямъ, бѣдно, но судя по ихъ потребностямъ прекрасно. Обыденною пищею служитъ имъ вареный *рисъ*, а болѣе бѣднымъ *мтама* и *мгого*, а приправою *пана* или сушеная акула, рѣдко мясо, и, кромѣ того, различные плоды. Способъ приготовления нищи и ея употребленія сходенъ у нихъ съ арабами; они, такъ же какъ и арабы, строго соблюдаютъ магометанскіе законы о пищѣ. Перебродившіе напитки, какъ напр. *тембо* пальмовое вино и *помбе* пиво изъ сорго—они пьютъ охотно, но не такъ неумѣренно, какъ нѣкоторые изъ языческихъ племенъ побережья.

Костюмъ ихъ въ высшей степени простъ. Обвитый вокругъ бедръ фартукъ изъ бѣлой бумажной матеріи, называемый *шука*, достаточенъ для дѣтей и мужчинъ, а взрослые дѣвушки и женщины завертываются въ кусокъ ткани, вдвое болѣе длинный и идущій отъ груди до лодыжекъ. Въ праздничные дни, всѣ одѣваются какъ зажиточные люди или какъ домашніе невольники богатыхъ людей: мужчины надѣваютъ тогда длинную, ослѣпительной бѣлизны рубашку и пеструю куртку безъ рукавовъ, покрываютъ голову вышитою бѣлою фуражкой изъ бумажной матеріи или же турецкимъ фесомъ и носятъ сандаліи и тросточку, или же саблю и копье; женщины же, когда хотятъ нарядиться, кладутъ черезъ плечо другой, одноцвѣтный, съ бахрамою, бумажный платокъ, а третій, темносиній, два конца котораго свѣшваются до земли, надѣваютъ на голову, на суставы ногъ и руки надѣваютъ металлическія кольца, а на шею вѣшаютъ нитки жемчуга, въ носу и ухахъ носятъ разныя украшенія, вплетаютъ въ волосы пахучіе цвѣты жасминовъ или бусы, и, подобно богатымъ аравитянкамъ, румянятся; употребляемая у нихъ прическа волосъ немного уступаетъ въ разнообразіи и причудливости куафюрамъ нашимъ дамъ. Всего чаще волосы соединяются на передней части головы въ два высокіе рога, или же дѣлятся на восемь и болѣе рядовъ, которые, между узкими рядами пучковъ волосъ, идутъ отъ лба и ушей къ затылку. Уходъ за волосами требуетъ весьма много времени; даже распускать безчисленные пучочки несовѣтъ легко, и мученица, отдавшися въ руки расчесывающей ее подруги, проливаетъ не мало слезъ, и потому прическу большею частію по цѣлымъ недѣлямъ

оставляют нетронутою. Волосъ въ другихъ мѣстахъ тѣла по магометанскому обычаю имѣть не позволяется.

Занзибарскіе негры беззаботны и веселы, непостоянны и добродушны какъ дѣти. Они болтливы, любятъ музыку и танцы и проводятъ въ нихъ при лунномъ свѣтѣ цѣлыя ночи. Въ нихъ соединяются странныя противоположности: будучи

Негритянка съ ребенкомъ.

въ высшей степени лакомы и прожорливы, они въ случаѣ нужды долгое время выносятъ большія лишения; лѣнивые отъ природы, они часто принимаются за непривычныя работы, когда ихъ понуждаетъ къ этому необходимость, особенно если имъ подадутъ въ этомъ отношеніи хорошій примѣръ; склонные къ шумнымъ ссорамъ и брани, они вообще миролюбивы и не прибѣгаютъ къ насиліямъ; и, хотя они при случаѣ не прочь похвастаться храбростью и стараются выказывать ее воинственными жестами, но большею частію оказываются трусами и убѣгаютъ отъ опасности. За хорошее обращеніе съ ними они бываютъ признательны, и благодарны за оказанныя имъ благодѣянія, но при жестокомъ и гордомъ обращеніи съ ними бываютъ мстительны и коварны. О правдивости большая часть изъ нихъ не имѣютъ вѣрнаго понятія, и, если кто объ чемъ либо ихъ спрашиваетъ, отвѣчаютъ ему то, что, по ихъ мнѣнію, для него пріятно слышать, или же что принесетъ выгоду имъ самимъ. Въ важныхъ вещахъ по большей части честные, они

часто совершаютъ мелкія воровства, хотя конечно и не чаще, чѣмъ люди изъ нашихъ нижнихъ классовъ.

Въ *обращеніи* между собою негры наблюдаютъ нѣкоторую формальность и достоинство, которымъ научились отъ арабовъ; даже самые бѣдные люди, самые низшіе невольники обращаются другъ съ другомъ какъ знатные господа.

Нравственность ихъ стоитъ на низкомъ уровнѣ; въ этомъ отношеніи на нихъ неблагоприятно вліяютъ магометанское многоженство и легкая возможность развода. Многіе слишкомъ строго судятъ о нѣсколько вольномъ обращеніи обоихъ половъ въ жаркихъ странахъ, но они конечно стали бы разсуждать иначе, если бы хотѣли посмотрѣть на дѣло какъ слѣдуетъ. Какъ рѣдкій примѣръ справедливости въ сужденіяхъ, мы приведемъ изреченіе одной образованной англичанки, лэди *Дорффъ Гордонъ*, которая послѣ своего пребыванія въ Капской колоніи писала: «негритянки должны считатьъ бѣлыхъ на столько выше ихъ стоящими существами, чтобы считатьъ себѣ за честь состоять съ ними въ интимныхъ сношеніяхъ или даже имѣть отъ нихъ ребенка». Хотя въ Занзибарѣ послѣдняго не бываетъ, (что объясняется вѣроятно физическими причинами), но все же обращеніе между черными и бѣлыми и между черными и черными много вольнѣе, чѣмъ слѣдовало бы быть. Но для извиненія этаго надо принять въ разчетъ, что негритянки, безъ семейства и безъ народа, совершенно предоставлены самимъ себѣ, и что для нихъ не считается позорнымъ даже родить дѣтей внѣ брака. И какова же была бы, при такихъ же условіяхъ, нравственность европейнокъ?

Какъ у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ, такъ и здѣсь *дѣти* уже въ самомъ раннемъ возрастѣ бываютъ предоставлены самимъ себѣ и вслѣдствіе того рано созрѣваютъ и дѣлаются самостоятельными, что рѣдко встрѣчается въ Европѣ. Такъ напр. въ Момбасѣ маленькіе мальчики и дѣвочки одни безъ всякаго присмотра купаются въ морѣ, безстрашно пригаютъ съ кораловыхъ скалъ въ шумящія волны, весело плещутся въ нихъ и наконецъ снова вскарабкиваются на сушу, чтобы потомъ снова начать свою игру. Точно такъ же эти дѣти выказываютъ достойную уваженія твердость въ обращеніи со взрослыми: рѣдко удается напугать ихъ и отнять у нихъ ввѣренную имъ вещь. Но особенно замѣчательна та ловкость и самостоятельность, съ которою зарабатываютъ себѣ хлѣбъ едва пятилѣтніе мальчики; далеко выставивъ впередъ свое брюхо съ пупкомъ величиною въ кулакъ, загнувъ назадъ плечи и неся на курчавой головѣ тяжелую корзину съ камнями, они ходятъ бодро и скоро и притомъ имѣютъ такой смысленный видъ, какой въ пору бы и взрослому. Но далѣе этой рано достигнутой степени зрѣлости негры и въ позднѣйшемъ возрастѣ идутъ очень рѣдко; во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ проглядываетъ что-то дѣтское, даже когда они приближаются уже къ старости. Это замѣтно бываетъ даже по лицу, такъ какъ очень рѣдко видимъ сильныя мужественныя черты лица, и потому-то 20—30 лѣтнихъ парней справедливо называютъ «юношами».

Къ туземному негритянскому населенію примыкаетъ разительное число временно пребывающихъ или осѣдлыхъ *мадагаскарцевъ* и *коморіанцевъ*; посредствомъ частыхъ сношеній съ своею метрополіею они сохраняютъ себѣ отъ слиянія

съ большою массою туземныхъ жителей. *Коморіанцевъ*, происходящихъ съ острова *Амазія* или *Большаго Комора*, считается около 4000. Они управляются своимъ старѣйшиною, имѣютъ собственную юрисдикцію и живутъ большею частію въ особенномъ кварталѣ города. Они отличаются отъ суахелійцевъ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и языкомъ, и европейцы охотно берутъ ихъ къ себѣ въ услуженіе за ихъ честность и вѣрность.

Арабъ, Персъ и Коморіанецъ.

Живущіе не трудами рукъ своихъ зажиточные *суахелійцы*, къ которымъ принадлежатъ даже тѣ, которые не имѣютъ ничего, кромѣ 4—5 невольниковъ, могутъ быть поставлены наряду съ *арабами*, такъ какъ они по наружному виду, одеждѣ и образу жизни немногимъ отъ нихъ отличаются. Нашъ рисунокъ, снятый съ фотографій, налагаетъ на насъ обязанность подробнѣе описать костюмъ и наружность этихъ людей, особенно тѣ ихъ черты, которыя особенно важны для этнографа и которыя уже обозначены *Кваасомъ* въ его «*Zeitschrift für allgemeine Erdkunde*». Здѣсь достаточно замѣтить, что *костюмъ занзибарскихъ арабовъ* и *суахелійцевъ* вообще сходенъ съ обыкновеннымъ восточнымъ костюмомъ: пестрый тюрбанъ, бѣлая рубашка, доходящая до лодыжекъ, и обвернутая повыше бедръ шалью, подъ нею обыкновенный негритянскій передникъ *шукка*, а по свержъ

ея короткая суконная куртка, у болѣе же знатныхъ длинный суконный сюртукъ или широкій кафтанъ и пара толстыхъ кожаныхъ сандалій, подбитыхъ деревянными гвоздями. Сюда же относится еще служащее украшеніемъ необходимое вооруженіе: кривой кинжалъ за поясомъ и прямая или кривая сабля въ рукѣ, отличающаяся не столько доброкачественностью клинка, сколько драгоценнымъ украшеніемъ ноженъ и эфеса.

Женщины носятъ, также какъ и мужчины, длинную, но пеструю, рубашку изъ шелка, рѣдко изъ бумажной матеріи, и узкія, доходящія до лодыжекъ панталончики изъ той же матеріи. Голову и верхнюю часть тѣла онѣ закрываютъ, выходя со двора, въ большой темноцвѣтный платокъ и закрываютъ лицо до рта вышитую золотомъ и похожую на налчникъ шлема маскою, не вполне закрывая его однакоже отъ взоровъ любопытныхъ. Какъ у мужчинъ оружіе, такъ у нихъ необходимы золотыя и серебряныя бездѣлушки: богатые украшаютъ себя серьгами, шейными цѣпочками, кольцами на рукахъ и ногахъ, часто очень цѣнными, а болѣе бѣдныя стараются взять по крайней мѣрѣ количествомъ такихъ украшеній, хотя и не столь цѣнныхъ, именно изъ смѣси серебра съ оловомъ. Высокопоставленнымъ дамамъ, какъ напр. принцессамъ султанскаго дома, неприлично показываться безъ множества шейныхъ цѣпочекъ, серегъ и т. под.; серьги, по своей величинѣ и плотности металла, часто имѣютъ по футу вѣса и нерѣдко до крови оттягиваютъ мочки ушей. Бѣдныя знатныя особы не хотятъ однакоже ни на одинъ часъ снимать это тяжелое украшеніе и утоляютъ свою боль только тѣмъ, что днемъ, какъ только это бываетъ возможно, прикладываютъ руки къ головѣ и поддерживаютъ ими большую часть золотаго своего груза, а ночью кладутъ голову между двумя подушками, чтобы не повредить еще новыхъ, нетронутыхъ мѣсть.

Аравитянки и суахелійскія женщины чрезвычайно любятъ сильно пахучія вещества, и потому окуриваютъ и умащаютъ одежду, волосы и кожу и даже разбавляютъ воду для умыванья благоуханіями. Зажиточныя употребляютъ главнымъ образомъ драгоценное розовое и сандалное масло, оде-колонъ, а бѣдныя менѣе дорогіе и иногда даже дурно пахнущіе составы. Онѣ употребляютъ также крашеніе ногтей *хенною* и подчеркиванье бровей и рѣсницъ, чѣмъ значительно усиливается блескъ глазъ. Прическа знатныхъ дамъ закрывается отъ взоровъ покрываломъ и головнымъ уборомъ, но извѣстно, что нѣкоторыя женщины на голо брѣютъ голову подобно мужчинамъ. Волосы на другихъ мѣстахъ тѣла онѣ тщательно удаляютъ или ножемъ или ѣдкими средствами и тѣмъ содѣйствуютъ опрятности, болѣе чѣмъ гдѣ либо необходимой въ жаркихъ странахъ.

Жилища бываютъ весьма различны, какъ относительно способа постройки, такъ и относительно внутренняго расположенія ихъ. Есть люди, которые на улицѣ тщеславятся своимъ тюрбаномъ, одеждою и красивымъ оружіемъ, а въ своей хижинѣ безъ оконъ имѣютъ только необходимѣйшую утварь, скамейку, нѣсколько цыновокъ, кухонные сосуды и сосуды для воды; мы знаемъ даже намѣстниковъ султана, конечно не на самомъ островѣ, у которыхъ есть только одинъ домъ, построенный изъ глины. Богатые землевладѣльцы перемѣняютъ свое мѣстопробываніи смотря по времени года: въ началѣ жаркаго времени, около начала ноября,

когда поспѣваютъ гвоздики, они отправляются съ женами, дѣтьми и невольниками въ прохладныя шамба и оттуда только по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ являются въ городъ, чтобы заняться самыми необходимыми дѣлами; при приближеніи же періода дождей, въ мартѣ и апрѣлѣ, они снова возвращаются со всею свитою въ городскіе свои дома, дающіе имъ болѣе защиты противъ вѣтра и дождя, чѣмъ легкія загородныя жилища, и тутъ стараются вознаградить себя общественными сношеніями за продолжительную скуку загороднаго житья.

Образцомъ красиво и удобно устроеннаго арабскаго жилища можетъ считаться находящійся въ *Думль*, почти въ срединѣ острова, загородный домъ *шерифа* (7)

Шерифъ Мунемку и его сынъ.

Мунемку, *мукадимскаго султана* († 25 іюня 1865 г.). Каждый мзуунгу, жившій въ Занзибарѣ или посѣщавшій его до 1865 года, знаетъ достопочтеннаго и ласковаго «Обладателя величія» (*Мунемку*) и оцѣнилъ его достойный образъ дѣйствій и его любезное гостепрѣимство. Украшеніе его дома свидѣтельствуетъ объ уваженіи и признательности къ нему всѣхъ его посѣтителей: онъ отпускалъ

ихъ съ богатыми дарами, а они, въ благодарность ему, привозили ему разные подарки изъ своего отечества, главнымъ образомъ прекрасное оружіе и цѣнную утварь. Дунга цвѣтетъ какъ оазисъ въ каменистой пустынѣ во внутренности острова. Въ лѣсу гвоздичныхъ кустовъ, окруженный засѣянными полями и хижинами и садами невольниковъ, расположенъ домъ Мунемку, двухъ этажное каменное зданіе, которое по внѣшнему блеску хотя нельзя сравнивать съ городскими дворцами, но которое тѣмъ не менѣе стоитъ посмотрѣть за его привлекательность.

Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды верхомъ по скверной кочковатой дорогѣ, подѣзжаешь къ широкому, обнесенному высокою стѣною, двору знатнѣйшаго вассала Седь-Маджида. Богато одѣтые служители послѣдно выходятъ на встрѣчу, чтобы взять у посѣтителей ихъ ословъ и лошадей и ввести ихъ во дворъ. Толпы невольниковъ шамбы толпятся тутъ, занимаясь сушеніемъ зеленой гвоздики, приносимой въ плетеныхъ корзинкахъ и разсыпаемой на цыновкахъ: подумаешь, что взошелъ на дворъ дѣловаго купца. Но съ правой стороны на заднемъ планѣ замѣчаемъ и красивый садъ съ чужестранными цвѣтами и кустарниками, внушающій ту мысль, что владѣлецъ не только умѣетъ пріобрѣтать денги, но и умѣетъ пріятно наслаждаться жизнью. *Мунемку* съ своимъ сыномъ выходитъ на встрѣчу гостямъ до дверей дома, вводитъ ихъ, послѣ краткаго но ласковаго привѣтствія, въ предназначенныя для ихъ принятія верхнія *парадные комнаты* и здѣсь, какъ деликатный хозяинъ, оставляетъ ихъ однихъ, не желая своимъ присутствіемъ или разговоромъ мѣшать имъ предаться желанному отдыху. Здѣсь все отлично приспособлено къ потребностямъ усталыхъ путниковъ. Вдоль оконъ большой залы, занимающей весь передній фасадъ дома, лежатъ длиннымъ рядомъ мягкіе шелковые ковры шириною въ 6—8 футовъ; красивыя цилиндрическія подушки служатъ мягкою подстилкою для верхней части тѣла съ комфортомъ растянувагося чело-вѣка. Кто лежалъ на такомъ *диванѣ*, тотъ согласится, что онъ много удобнѣе нашихъ стульевъ и дивановъ; только тѣ, кому трудно нагибаться и подниматься, предпочтутъ можетъ быть европейскую утварь. Но и для такихъ гостей стоятъ по правую сторону двѣ роскошныя постели съ балдахинами.

Между тѣмъ явился возбуждающій силы *Кахауа* (кофе) и всѣ съ наслаженіемъ пьютъ его. Только теперь находишь досугъ осмотрѣть дальнѣйшее устройство. Большія окна съ хорошими стеклами освѣщаютъ комнату; каждый простѣнокъ между ними почти закрытъ французскимъ зеркаломъ съ широкою рамою. Стѣны увѣшаны украшенными золотомъ саблями и ружьями какъ новѣйшей, такъ и старинной формы. По лѣвую сторону стоятъ столы съ дорогимъ европейскимъ фарфоромъ. Въ нижнемъ этажѣ живетъ самъ Мунемку въ почти голыхъ комнатахъ. Только нѣсколько персидскихъ ковровъ и красивыхъ цыновокъ украшаютъ стѣны, полъ и каменные сидѣнья; стульевъ и другой домашней утвари нѣтъ: арабъ не нуждается въ томъ, безъ чего мы не можемъ обойтись.

О *длительности* и ежедневныхъ занятіяхъ арабовъ и зажиточныхъ суахелійцевъ мы можемъ сказать очень немногое, такъ какъ всѣ они, за немногими исключеніями, лѣнтяи и тунейцы. Ихъ время проходитъ въ ѣдѣ, куреньѣ, молитвѣ, визитахъ и болтовнѣ, и только весьма немногіе изъ нихъ имѣютъ свои

спеціальныя занятія, какъ купцы или чиновники. Женщинамъ скорѣе можно приписать нѣкоторую степень дѣятельности, такъ какъ онѣ отъ скуки занимаются шитьемъ и плетеньемъ и отчасти приготовленіемъ кушанья, особенно любимыхъ печеній.

Образъ жизни, по крайней мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ, одинаковъ какъ у знатныхъ такъ и у небогатыхъ. Арабы и негры употребляютъ для ѣды только пальцы; употребленіе ножей, вилокъ и ложекъ имъ неизвѣстно. Этотъ обычай понять легко, такъ какъ всѣ кушанья подаются на столъ въ такомъ видѣ, что ихъ можно безъ труда ѣсть пальцами. Рись, главная пища, варится и образуетъ рыхлую массу, *вали*, изъ которой легко можно дѣлать кругловатые кусочки; мясо еще до варенія разрѣзывается на небольшіе куски; жидкая же пища, какъ напр. наши супы, подается очень рѣдко и тогда ее пьютъ изъ плоскихъ раковинъ. Какъ ни неаппетитнымъ сначала представляется намъ этотъ способъ ѣды, но онъ вовсе не таковъ на самомъ дѣлѣ, потому что каждый ѣстъ съ своей тарелки и передъ—и послѣ обѣда моетъ себѣ руки. Надо сознаться, что арабы въ ловкости употребленія своихъ пальцевъ немного уступаютъ европейцамъ, дѣйствующимъ ножами и вилками, хотя и не достигаютъ искусства Китайцевъ и Японцевъ, которые ѣдятъ палочками.

Помазанный копроу или кокосовымъ масломъ и политый мяснымъ бульономъ рисъ (8) имѣетъ прекрасный вкусъ. Мы часто ѣли у нашихъ арабскихъ хозяевъ это *wali* на *tchusi* и можемъ увѣрить, что съ удовольствіемъ стали бы каждый день ѣсть его и въ Европѣ.

Большія угощенія у Арабовъ бывають только по случаю важныхъ торжествъ; но и въ обыкновенное время случается, что въ честь напр. чужестранца готовятъ кушанья съ особенною тщательностью и въ большемъ выборѣ и прибавляютъ къ нимъ еще множество странной формы печеній, чрезвычайно жирныхъ. Европейцу гостепрѣимство оказывается весьма охотно. Ему стараются по возможности угодить и принимаютъ во вниманіе его привычки, т. е. подаютъ на столъ вино, чай и кофе, и часто накрываютъ ему столъ въ особенной комнатѣ, вѣроятно для того, чтобы не вызвать въ немъ отвращеніе къ ѣдѣ посредствомъ пальцевъ.

Питьемъ за столомъ служить вода, а у болѣе богатыхъ людей и во время праздниковъ *шербетъ*, т. е. разжиженный сладкій сокъ плодовъ. Послѣ обѣда и въ другія времена днѣ пьютъ изъ маленькихъ чашекъ крѣпкій кофе. Въ послѣднее время начали находить вкусъ и въ чаѣ.

Наркотическія наслажденія, какъ напр. куреніе, нюханье и жеванье табаку, хотя и приняты на Занзибарѣ, но тамъ считаютъ неприличнымъ и недостойнымъ знатнаго человѣка предаваться одной изъ этихъ привычекъ. Султанъ, какъ намъ извѣстно, воздерживается отъ этаго. Наиболѣе употребительнымъ считается во всѣхъ сословіяхъ, даже у женщинъ, *жеванье бетеля*, столь любимаго арабами, персами, индійцами и неграми. Способствуя отдѣленію слюны, онъ имѣетъ освежающее дѣйствіе и поддерживаетъ правильность пищеваренія; утверждаютъ также, что онъ предохраняетъ отъ диссентеріи и ревматизма; наконецъ съ *тамбу* (какъ называютъ суахелійцы приготовленный для жеванія комокъ) во рту легко можно

переносить голодь и жажду: во время рамадана, когда магометанинъ цѣлый день до солнечнаго захода не принимаетъ ни пищи, ни питья, это острое средство во всякомъ случаѣ почти необходимо для того, чтобы сдѣлать сколько нибудь сноснымъ религиозное самоистязаніе постомъ. Жеваніе тамбу имѣетъ передъ другими подобными привычками, какъ напр. куреньемъ и нюханьемъ, то преимущество, что оно не оскорбляетъ чувства другихъ, а вредитъ только самому жующему, окрашивая въ красный цвѣтъ слюну, губы и зубы и разрушительно дѣйствуя на послѣдніе. Кромѣ того, оно дешевле всѣхъ другихъ удовольствій, потому что на пфеннигъ (меньше копѣйки) можно пользоваться этою травою въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Какъ нашимъ курильщикамъ необходимъ портъ-сигаръ, такъ жующимъ бетель необходима *кипаду* или *кедьялуба*, продолговатая металлическая коробка, въ которой онъ хранитъ принадлежности для жеванія. Въ ней лежитъ нѣсколько *тамбу* — листьевъ кустарника бетеля, *Piper Betle d.*, потомъ *попо*, орѣхъ *азовой пальмы* величиною съ голубиное яйцо, *жженая известь* и *табакъ*; три послѣднія составныя части при жеваніи заворачиваются въ небольшомъ количествѣ въ половину листа тамбу. Когда суахеліецъ беретъ въ руки эту коробочку, то предлагаетъ окружающимъ его попользоваться ея содержимымъ, подобно тому какъ образованный европеецъ поступаетъ съ своею табакеркою. Тамбу, предлагаемое женщинами, служитъ еще въ большей степени знакомъ вѣжливости и считается символическимъ объясненіемъ въ любви.

Въ искусствѣ *куренія* и страсти къ нему суахеліицы и арабы занзибарскіе не могутъ сравниться съ турками и кровными арабами. Ихъ трубки весьма плохи въ сравненіи съ тѣми, которыя у тѣхъ народовъ встрѣчаются даже между людьми бѣдными. По неискусному способу ихъ куренія также можно узнать, что оно не составляетъ для нихъ истинной потребности, а скорѣе введено сюда изъ Арабіи или перенято у негровъ. Въ присутствіи лицъ высшаго сословія или султана и принцевъ его дома курить ни въ какомъ случаѣ не позволено.

Еще менѣе распространено здѣсь *нюханье папики табако*, и оно совершается грубымъ способомъ, перенятымъ у негровъ внутренней Африки. Изъ коробочки или стклянки съ узкою шейкой вытрясаютъ небольшое количество мелко истолченнаго табаку на тыльную сторону руки и сильно втягиваютъ эту пыль въ носъ. Вскорѣ послѣ этаго бѣдняжки начинаютъ чихать, а это есть непростибельный недостатокъ въ глазахъ европейскаго искуснаго нюхальщика.

Большая часть дня проводится во взаимныхъ *посѣщеніяхъ*. Посѣтитель входитъ, если у дверей не сидитъ ни одинъ невольникъ и поэтому некому бываетъ сообщать объ его приходѣ, съ восклицаніемъ «*hodi! hodi!*» которое должно предохранять женщинъ отъ того, чтобы ихъ не застали въ расплехъ, привѣтствуетъ своего друга словомъ «*jambo*», на что тотъ отвѣчаетъ «*jambo sana*» (положеніе мое хорошо), или же произноситъ чисто арабское привѣтствіе «*salam aleikum*» (миръ съ вами), на что ему отвѣчаютъ «*aleikum essalam*» хотя входящій проситъ хозяина дома сѣсть, говоря ему «*stegahe*», но тотъ идетъ къ нему на встрѣчу, пожимаетъ ему руку и еще нѣкоторое время стоитъ около него, пока наконецъ оба они сядутъ. Разговоръ, который и арабы часто ведутъ на суахелій-

скомъ языкѣ, состоитъ въ обмѣнѣ формулъ вѣжливости и новостей и ведется съ большою формальностью, съ извѣстнымъ, свойственнымъ арабамъ, достоинствомъ; но мы знали образованныхъ и высоко стоящихъ людей, которые вели въ обществѣ разговоръ съ почти европейскою непринужденностью и болтали и шутили обо всемъ весьма свободно и ловко. При прощаніи говорится «*kuaheri, kuaheri sana*» или «*kuaheri ku anapa*» (прощай, до свиданія). Такovy привѣтствія между равными; невольники же и низшіе говорятъ господамъ своимъ или болѣе знатымъ людямъ, смѣсто «*jambo*» слово «*шикаму*», сокращенное изъ *naschika tgu* или *mgono*, т. е. беру ногу или руку, подобно южнонѣмецкому «цѣлую вашу руку» (*ich küsse die Hand*).

Для посѣщеній выбирается преимущественно прохладное время дня отъ 4 до 6 часовъ пополудни, и вечеръ послѣ послѣдней молитвы въ мечети; но когда гнететь скука или требуютъ дѣла, посѣщенія совершаются и въ другіе часы дня; считается даже вѣжливымъ сдѣлать визитъ при палящихъ лучахъ солнца, по крайней мѣрѣ должностные визиты всегда дѣлаются въ полдень. Такъ на *открытую аудіенцію* или *бараза* являются ежедневно знатнѣйшіе жители города отъ 10 до 12 часовъ дня въ домѣ султана (какъ турецкое слово *диванъ*, такъ и слово *бараза* означаетъ въ первоначальномъ смыслѣ сѣдалище, а въ переносномъ смыслѣ приемную комнату и торжественные визиты вообще).

Въ этихъ важныхъ процессіяхъ арабскихъ вельможъ (какъ римскихъ патрицевъ при ихъ общественныхъ выходахъ сопровождали кліенты) сопровождаютъ ихъ *мфуази* или свита, по величинѣ которой можно судить о рангѣ и богатствѣ сопровождаемаго. Она состоитъ большею частію изъ людей, состоящихъ въ какой либо зависимости, т. е. или получившихъ какое либо благодѣяніе, или же такихъ, чьихъ предки или они сами принадлежали къ числу вольноотпущенныхъ невольниковъ. Осанистыми шагами идетъ эта процессія по улицамъ: впереди господинъ съ нѣсколькими друзьями или другими знатыми людьми, а позади толпа зависимыхъ людей, съ соблюденіемъ ранга, замыкающаяся полуодѣтыми темноцвѣтными вольноотпущенными.

Не такова свита, которую имѣютъ около себя *женщины* при своихъ *вечернихъ выходахъ*. Многія изъ нихъ соединяются съ подругами и служительницами и составляютъ болѣе или менѣе длинную молчаливую процессію, впереди и позади которой идутъ съ факелами служители, наблюдая за тѣмъ, чтобы онѣ не заводили сношеній съ чужими мужчинами. Но и здѣсь, такъ же какъ въ Назимоѣ и на кровляхъ, можно, вопреки строгимъ обычаямъ востока, сказать привѣтствіе «*ямбо биби*», т. е. добрый день, госпожа. Если привѣтствуемая еще молода, то она плотнѣе закутается въ свою шаль, нагнется къ своимъ подругамъ и начнетъ тихонько хихикать; если же она стара, то она раскроетъ на минуту свое покрывало и простоудушно проговоритъ: «*тими тсе*» (я стара).

Между тѣмъ какъ знатныя дамы не пользуются тою свободою, какую имѣютъ негрятянки, *мужчины* не стѣсняются никакими границами и не хотятъ ставить ихъ сами себѣ. Уже въ томъ возрастѣ, въ которомъ наши мальчики едва покидаютъ школу, полузрелый суахеліецъ начинаетъ свои любовныя похождения, или

покупаетъ невольницу для своего исключительнаго пользованія; черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онъ уже достаточно насладился удовольствіями, онъ женится на только что вышедшей изъ дѣтства дѣвушкѣ. Но этотъ бракъ вовсе не препятствуетъ ему владѣть всѣмъ тѣмъ, что ему нравится: ни законъ, ни обычай не воспрепятствуютъ ему имѣть столько *сурій*, сколько позволяютъ ему средства, или же прибавить къ *одной* законной супругѣ еще трехъ другихъ. Последнимъ позволеніемъ пользуются впрочемъ немногіе (потому что и здѣсь финансы ограничиваютъ многоженство), и только султанъ имѣеть *гаремъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова: содержаніе гарема, конюшень и солдатъ и здѣсь, какъ въ Турціи и другихъ мѣстахъ, служитъ знакомъ властительскаго достоинства. Неосновательно было бы думать, что гаремъ всегда содержитъ дозволенное закономъ число *законныхъ супруговъ*: напротивъ, насколько намъ извѣстно, гаремъ теперешняго султана исключительно наполненъ суріями изъ Абиссиніи, Грузіи и другихъ мѣстъ, и даже самъ султанъ и всѣ другіе принцы его дома рождены отъ такого полубрака.

Само собою понятно, что невозможно составить себѣ точное понятіе объ устройствѣ настоящаго гарема, но о характерѣ его постройки мы можемъ кое что рассказать.

За нѣсколько морскихъ миль къ сѣверу отъ города, на самомъ изгибѣ берега, находится бѣлый домъ, называемый *Бетъ-эль Расъ, уловой домъ или мысъ*. Онъ построенъ старымъ *Сеидъ-Саидомъ*, для того, чтобы служить ему, послѣ безпокойной и многотрудной жизни, мѣстомъ отдыха и быть его загороднымъ домомъ и гаремомъ. Приближаясь къ нему отъ берега, видишь только высокія окружающія его стѣны, и только нѣсколько подалеже съ моря можно видѣть величественное зданіе. Его окружаетъ обширный дворъ; съ одной стороны широкая открытая каменная лѣстница съ красивымъ порталомъ ведетъ въ обитаемыя комнаты. Домъ дѣлится на два флигеля длиннымъ внутреннимъ дворомъ. Этотъ дворъ, лежащій на одной высотѣ съ наружнымъ и окруженный высокою галлереею, похожъ на арену, гдѣ происходятъ бои животныхъ; но маленькія двери внизу ведутъ не въ клѣтки львовъ и пантеръ, а въ амбары, жилища невольниковъ, кладовыя и стойла. Изъ широкаго открытаго хода, отдѣленнаго рядомъ арабскихъ колоннъ и остроконечныхъ арокъ видно, какъ въ тюрьмѣ для одиночнаго заключенія, множество крѣпкихъ дверей, построенныхъ или Сеидъ-Саидомъ или же теперешнимъ султаномъ; на нихъ обозначены по порядку нумера. Вѣроятно же всего это сдѣлано старымъ султаномъ, который, вслѣдствіе ослабѣвшей отъ жизненныхъ тревоженій памяти, не могъ, при значительномъ числѣ своихъ женъ или скорѣе сурій, запомнить имена ихъ. Входимъ въ комнаты: ни одинъ евнухъ не загроживаетъ намъ дорогу, но за то мы не можемъ найти и ни одной изъ прекрасныхъ женщинъ. Кельи не слишкомъ тѣсны и не мрачны, но все таки производятъ грустное впечатлѣніе. Смотри сквозъ узкія окна, не видишь ничего живаго: съ одной стороны шумятъ синія волны, съ другой колеблются вершины близъ стоящихъ гвоздичныхъ деревьевъ и кокосовыхъ пальмъ, а видъ на берегъ закрываетъ высокая стѣна. Здѣсь-то должны быть заключены бѣдныя женщины: *изъ единственное развлеченіе* составляетъ шитье и плетенье, ссоры и разговоры, внушаемые раз-

горяченнымъ воображеніемъ; *ихъ единственная обязанность* угождать желаніемъ своего повелителя; *единственное разнообразіе для нихъ* составляетъ вечерняя прогулка по обнесенной высокою стѣною кровлѣ, а въ дурную погоду по галлереѣ съ колонами. Уже всѣ красавицы были собраны, какъ вдругъ Сеидъ-Саидъ умеръ, и его всеобъемлющая любовь не успѣла водвориться въ этомъ новѣйшемъ ея храмѣ. Теперь въ обширномъ гаремѣ живетъ чужестранецъ, на кровлѣ вянетъ копра, собственность невѣрнаго купца, а на дворѣ раздаются веселыя пѣсни работающихъ негровъ! Какая христіанская супруга не увидитъ въ этомъ дѣйствіе мстящаго и правосуднаго провидѣнія? И однакоже она будетъ не права: аравитянка счастливо и довольно живетъ въ гаремѣ; возросши здѣсь, она не знаетъ свободы и не завидуетъ въ этомъ европейскимъ своимъ сестрамъ.

Поэтому *семейная жизнь* въ нашемъ смыслѣ слова немислима въ высшихъ сословіяхъ, по крайней мѣрѣ что касается до супружескихъ отношеній *мужа и жены*. Отношенія ихъ основаны на недовѣрїи; женщины, какъ подавленные и безправныя, соединяются между собою противъ строгихъ мужей, а мужчины, которымъ законы позволяютъ все, ведутъ публичную жизнь. Но между бѣдными людьми встрѣчаются иногда образцовыя супружества.

Дѣти и родители почти всегда стоятъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ другъ къ другу; дѣти оказываютъ родителямъ любовь и почтеніе, и даже въ позднѣйшіе годы сохраняютъ большую къ нимъ привязанность, особенно къ матери. Это проявляется между прочимъ въ томъ, что восклицаніе *мама, мама* употребляется весьма часто, какъ при радости, такъ при испугѣ, и взрослый человѣкъ для подтвержденія своихъ словъ употребляетъ имя своей матери точно также, какъ мы говоримъ «ей Богу» или какъ арабы клянутся «своею бородою».

Въ *обычаяхъ относительно заключенія брака* жители Занзибара не слишкомъ много отличаются отъ магометанъ другихъ странъ; здѣсь можно найти даже отголосокъ христіанскихъ обычаевъ. По *Гиллану*, это важное событіе совершается такъ: браку всегда предшествуетъ обрученіе; оно часто совершается уже въ самой ранней юности родителями мальчика и дѣвочки, но въ большей части случаевъ молодой человѣкъ самъ ищетъ согласія на бракъ. Онъ проситъ его у отца дѣвушки, а если его уже нѣтъ въ живыхъ, или если нѣтъ другихъ родныхъ, у высшихъ властей города. Если онъ получаетъ утвердительный отвѣтъ, то у будущаго тестя происходитъ торжество обрученія.

Если дѣвушка уже и до этого была скрыта отъ взоровъ мужчинъ, то теперь женихъ еще менѣе можетъ ее видѣть: онъ можетъ посѣщать ее, но не имѣетъ къ ней доступа, и, если при этомъ не присутствуетъ никто изъ ея родныхъ, долженъ ждать даже въ преддверїи и оттуда извѣстить невѣсту о своемъ присутствїи. Послѣ этого онъ получаетъ отъ нея, какъ единственное вознагражденіе, кусокъ тамбу. Обрученные могутъ разойтись, но обыкновенно ищутъ подходящаго предлога, чтобы приличнѣе освободиться отъ даннаго обѣщанія.

Бракъ заключается въ положенное время. Самыми удобными днями считаютъ *джуму* или пятницу (магометанское воскресенье), и особенно первую пятницу послѣ рамадана и день странствованія въ Мекку. Дѣвушекъ обыкновенно отдаютъ

замужъ на 13 или 14 году, вскорѣ по наступленіи зрѣлости; но ничто не мѣшаетъ сдѣлать это ранѣе и женить даже дѣтей. Невольницы вступаютъ въ бракъ только тогда, когда вполне разовьются для этого; и мужъ вступаетъ въ фактическое обладаніе такою супругою не прежде, какъ когда природа представитъ доказательство дѣйствительной зрѣлости дѣвушки.

Приданое у магометанъ, какъ извѣстно, даетъ *женехъ*, и притомъ не невѣстѣ, а ея отцу, что бываетъ похоже на куплю; кромѣ того онъ долженъ нести еще половину *издержекъ по свадьбѣ*, куда относятся подарки для новобрачной и расходъ на пиршества. Если женихъ бѣденъ и не можетъ сразу заплатить потребной суммы, то свадьба откладывается. Когда наконецъ всѣ препятствія будутъ устранены, то въ назначенный день мужчины родственники жениха собираются въ домъ невѣсты, гдѣ совершается благосочетаніе, если только оно, въ видѣ исключенія, не совершается въ мечети, потому что и въ Занзибарѣ, какъ и въ просвѣщенныхъ европейскихъ государствахъ, этотъ актъ есть чисто гражданскій и потому совершается не духовнымъ лицомъ, а *кади* или судьей. Онъ спрашиваетъ молодаго человѣка объ его намѣреніи, увѣщаетъ его хорошенько обходиться съ женою, и (тутъ онъ преступаетъ права, которыя даетъ ему коранъ) быть ему вѣрною. За тѣмъ онъ спрашиваетъ отца или дѣда невѣсты, согласенъ ли онъ на бракъ, или же, если у нея нѣтъ родныхъ, обращается къ ней самой. Наконецъ онъ удостоверяется отъ присутствующихъ женщинъ (такъ какъ невѣста и здѣсь остается съ закрытымъ лицомъ) въ личности невѣсты, спрашиваетъ ее (это уже лишнее, такъ какъ родные могутъ выдать ее противъ ея воли) довольна ли она выборомъ жениха, и заключаетъ бракъ.

За тѣмъ молодаго супруга вводятъ въ темную комнату, гдѣ находится среди другихъ женщинъ новобрачная, все еще закутанная въ покрывало. Подведенный къ ней ея подругами, онъ кладетъ свою правую руку на голову возлюбленной и произноситъ молитвы и воззванія къ аллаху, дабы освятить союзъ и призвать на него благословіе. Этимъ онъ пока и довольствуется, такъ какъ новобрачной предстоятъ визиты, да и онъ самъ долженъ посвятить день своимъ гостямъ. Въ слѣдующихъ за тѣмъ празднествахъ, которыя, смотря по богатству и щедрости отца невѣсты, продолжаются нѣсколько дней и состоятъ въ угощеніи, танцахъ и религіозныхъ пѣніяхъ, оба пока принимаютъ участіе порознь. При этомъ не забываютъ и бѣдныхъ, и получаемая ими сумма бываетъ большею частію значительнѣе той, которая тратится на гостей во все время праздниковъ, хотя каждый приходящій имѣетъ право принимать въ нихъ участіе какъ гость.

Наконецъ, когда свадьба для гостей окончится, долго ждавшему жениху позволяется отпраздновать свою свадьбу и вступить въ свои новыя права. Никто болѣе не мѣшаетъ ему; даже отецъ удаляется изъ дома и возвращается только черезъ семь дней, а въ это время молодой супругъ долженъ угощать своихъ родныхъ и друзей на свой счетъ. Если новобрачная окажется дѣвственницею, то счастливый супругъ даритъ ей утренній подарокъ, *джезита*, присутствующимъ женщинамъ свадебный платокъ, за что онѣ величаютъ новобрачнаго. Такимъ же подаркомъ награждаетъ по возвращеніи и отецъ свою добродѣтельную дочь и

вмѣстѣ дастъ ей для жительства собственную хижину. Вообще онъ содержитъ ее на свой счетъ до рожденія ея перваго ребенка.

Неудивительно, что женщины тамъ, гдѣ отъ нихъ не требуется согласія на бракъ, гдѣ онѣ какъ бы приобретаются покупкою, не занимаютъ такого положенія, какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ онѣ кромѣ своей личности приносятъ въ брачное общеніе еще свои домашнія добродѣтели и свое имущество и тѣмъ дѣлаются равноправными подругами мужчинъ. Онѣ считаются тамъ собственностью, отъ которой легко можно снова избавиться; вышею ихъ добродѣтелью считается не нравственность и вѣрность, такъ какъ при замкнутости и надзорѣ, такъ сильно вызывающихъ духъ противорѣчія, объ нихъ не можетъ быть и рѣчи, а *плодородіе*. Такъ какъ этому придается столь важное значеніе, то арабъ даритъ свободу своей невольницѣ, возведенной въ сурія, если она одаритъ его потомствомъ: прекрасный и благородный обычай, такъ какъ отецъ не можетъ и не долженъ видѣть невольницу въ матери своего ребенка.

Вообще браки въ Занзибарѣ мало плодородны, и потому многочисленныя семейства составляютъ исключеніе. Близнецы встрѣчаются рѣдко и припимаются, если не съ особенною радостью, то по крайней мѣрѣ такъ же, какъ и другія дѣти.

Послѣ третьяго мѣсяца беременности женщины не выходятъ болѣе изъ дома и оттого-то происходитъ то странное для чужеземцевъ явленіе, что никогда не увидишь женщины въ беременномъ состояніи. Для вспомошествованія при родахъ призываютъ старыхъ женщинъ, которыя однако же оказываются бесполезными, но все таки получаютъ за это до 1½ талеровъ денегъ и одежду матери. Въ то время какъ мать съ минуты на минуту ждетъ разрѣшенія отъ бремени, супругъ стоитъ у дверей и ждетъ, пока его извѣстятъ о случившемся; онъ не столько желаетъ узнать, все ли благополучно кончилось, сколько то, не родился ли у него мальчикъ.

Вскорѣ послѣ рожденія младенца его обмываютъ прѣсною водою, отрѣзываютъ ему пуповину тонкимъ ножомъ и перевязываютъ остатокъ ея ниткою. Послѣ того ребенку кладутъ въ ротъ немного коровьяго молока, смѣшаннаго съ *маньяно* (вещество, похожее на шафранъ) и прикладываютъ его къ груди матери. Только въ рѣдкихъ случаяхъ поручаютъ ребенка кормилицѣ, или кормятъ его коровьимъ молокомъ съ сахаромъ. Черезъ годъ его начинаютъ отъучать отъ груди пищею изъ варенаго риса, молока и сахара, а на третьемъ году ему даютъ безъ разбора обыкновенную пищу взрослыхъ.

Вскорѣ послѣ рожденія отецъ даетъ ребенку *имя*. Но съ этимъ не сопряжено никакого особеннаго торжества; дни рожденія также не празднуются, и вообще родители какъ будто бы не замѣтили хорошенько ни возраста своего дитяти, ни дня его рожденія. Имя это есть только *дптское имя*, служитъ только до обрѣзанія ребенка или до объявленія дѣвушки способною къ замужеству, — тогда дается имя уже на всю жизнь. Образование этого имени у всѣхъ мусульманъ одинаково: они соединяютъ имя дитяти, состоящаго всегда изъ *одного* слова съ именемъ отца посредствомъ вставляемаго между этими именами слова *бенъ* (сынъ)

или *бенга*, *бенге* (дочь), а если нужно, то прибавляется еще имя дѣда и т. д. до самаго родоначальника, такъ что иногда образуется длинное-предлинное имя.

Мальчики остаются до седьмага года въ гаремѣ, подѣ покровительствомъ женщинъ, которыя обращаются съ ними по видимому съ большою любовью и нѣжностью. Ихъ наряжаютъ всевозможнымъ манеромъ, такъ что нельзя не замѣтить желанія матери понравиться черезъ своихъ дѣтей. Особенно любятъ онѣ расписывать дѣтямъ глаза, лобъ и щеки чернымъ притираньемъ изъ сажи и масла, и это притиранье, будучи употреблено въ излишнемъ количествѣ, ужасно уродуетъ ихъ. Можетъ быть эти полосы и линіи имѣютъ другую, тайную цѣль—предохранить любимцевъ отъ дурнаго глаза.

Важнѣйшимъ и торжественнѣйшимъ днемъ въ жизни молодаго мусульманина должно считать *обрѣзаніе*. Что касается до его значенія, то его всего лучше можно сравнить съ конфирмаціею молодыхъ христіанъ; посредствомъ его мальчикъ вступаетъ въ число «взрослыхъ», получаетъ имя на всю жизнь. Даже бѣдные чтутъ этотъ день празднествомъ, продолжающимся нѣсколько дней, при чемъ на ряду съ пиршествами и раздачею пищи играютъ большую роль молитвы. Въ 1863 или 1864 году мы имѣли случай наблюдать торжества при обрѣзаніи двухъ младшихъ братьевъ султана. Это было въ Наполеоновъ день. Мы отправились поздно ночью съ банкета французскаго консула домой и проходили по площади мимо дома султана. При блѣдномъ свѣтѣ большаго количества фонарей стояли здѣсь длинными рядами на колѣнахъ бородатыя и небородатыя фигуры и бормотали, на манеръ пѣнія, предписанныя молитвы, то поднимаясь, то склоняясь къ землѣ, скрещая руки на груди или распростирая ихъ. Такъ какъ мы были подѣ влияніемъ винныхъ паровъ, то это странное зрѣлище произвело на насъ сначала смѣшное впечатлѣніе, но потомъ чрезвычайная серьезность вѣрующихъ, находившихся въ созерцательномъ настроеніи, не замедлила произвести свое дѣйствіе: мы должны были сознаться, что такая ночная общая молитва представляетъ нѣчто возвышенное, почти таинственное.

Послѣ обрѣзанія семилѣтнихъ мальчиковъ посылаютъ въ школу, чтобы научиться немного читать, писать и считать. Достигши 13 или 14 лѣтъ, они начинаютъ жизнь, посвященную удовольствіямъ.

Дѣвушекъ у суахелійцевъ не обрѣзываютъ. И позднѣйшее ихъ воспитаніе совершается инымъ образомъ. Когда, по достиженіи 12 или 13 лѣтняго возраста, обнаружится наступленіе зрѣлости, ихъ обмываетъ старая женщина, надѣваетъ на нихъ красивыя платья и украшенія и въ этомъ нарядѣ водятъ ихъ по городу для принятія поздравленій и небольшихъ подарковъ отъ знакомыхъ. Зтѣмъ начинается настоящее обученіе. Старая опытная женщина беретъ къ себѣ дѣвушекъ за вознагражденіе въ 10 талеровъ и обучаетъ ихъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова *всему*, что нужно знать и понимать хорошей хозяйкѣ и женѣ (9). Сюда относятся главнымъ образомъ приготовленіе кушанья и *растираніе членовъ тѣла*, которое особенно любятъ мужчины для утоленія ревматизма или оцѣпененія членовъ. Въ продолженіи 40 дней этого обученія, оканчивающагося опять празднествомъ, ученица вовсе не должна говорить и отвѣчать на какія бы то ни

было рѣчи; ей позволяется отвѣчать только въ одномъ случаѣ, когда спрашивающій, зная обычаи, даетъ впередъ нѣсколько пезъ. По словамъ нашего опытнаго учителя *Гамади бенъ-Османа*, это обученіе *бываетъ только у суахелійцевъ*, но не у арабовъ и индусовъ, коморіанцевъ и другихъ магометанъ.

Замѣчательны также обычаи, соблюдаемые при смерти и погребеніи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминающіе наши обычаи. Когда кто нибудь умретъ, то родные посылаютъ посольство къ друзьямъ и ближнимъ, которые приходятъ въ домъ, чтобы выразить свое сожалѣніе. Въ ихъ присутствіи (если они явятся своевременно) трупъ обмывается: каждый изъ нихъ льетъ на него немного воды, чтобы этимъ воздать честь умершему и выполнить религіозную обязанность. Если покойница женщина, то супругъ не долженъ касаться ея тѣла, — это было бы оскверненіемъ, — а долженъ ограничиться тѣмъ, чтобы полить на тѣло ея немного воды. Еще прежде чѣмъ умирающій испуститъ послѣдній вздохъ — уже заботятся объ его очищеніи: ему вливаютъ въ ротъ ложку меду, дабы облегчить выдѣленія изъ внутренностей. Послѣ обмыванія тѣло завертываютъ въ бѣлый, болѣе или менѣе дорогой, саванъ (смотря по состоянію и сану умершаго), предварительно освященный въ мечети. Затѣмъ трупъ до погребенія ставятъ въ особую комнату. Иногда въ саванъ кладутъ благовонныя вещества, но настоящее бальзамированіе не употребляется. Точно также гробъ, по крайней мѣрѣ для мужчинъ, не употребляется.

Въ назначенный часъ являются ближайшіе родственники, чтобы проводить умершаго къ мѣсту послѣдняго его покоя. На своихъ рукахъ несутъ они его сначала въ мечеть, гдѣ произносятъ обычныя молитвы и пьютъ кофе, приносимый туда семействомъ покойнаго. Затѣмъ процессія, въ которой женщины и невольницы не принимаютъ участія, молча направляется къ кладбищу и кладетъ тѣло въ могилу — головою къ востоку и лицомъ къ Меккѣ. Въ это время имамъ мечети или ученѣйшій мужъ собранія еще разъ произноситъ молитву. По засыпаніи землею смертной оболочки покойнаго, муэддинъ произноситъ магометанское исповѣданіе вѣры, обращается громкимъ голосомъ къ отлетѣвшей душѣ и предлагаетъ ей, какъ бы представляя здѣсь собою высшаго судью, тѣ вопросы, на которыя она должна будетъ дать отвѣтъ на небесахъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ погребенія совершается новое празднество, — у арабовъ *хамиль*, а у суахелійцевъ — *мбуэ*: на могилу насыпаютъ, при произнесеніи молитвъ, значительное количество мелкихъ камней, предварительно освященныхъ и облитыхъ благовоннымъ составомъ въ видѣ тѣста. Предполагается, что камешки представляютъ собою четки; по крайней мѣрѣ въ прежнія времена, какъ рассказываютъ, клали на могилу четки умершаго, чтобы предохранить ее отъ оскверненія.

Выше уже было мимоходомъ замѣчено, что многіе знатные жители хоронятъ своихъ покойниковъ на своихъ собственныхъ кладбищахъ. Надгробные памятники большею частію весьма просты; роскошь здѣсь была бы несогласна съ характеромъ араба.

Послѣ всего сказаннаго объ образѣ жизни и воспитаніи не удивительно, что жители Занзибара не отличаются высокою *образованностью*; скорѣе можетъ показаться страннымъ, что всѣ они умѣютъ хорошо считать, и что сравнительно многіе изъ нихъ умѣютъ читать печатное и писанное и даже сами могутъ написать простое письмо; на это необходимо для торговыхъ дѣлъ, которыми суахелійцы только и занимаются съ охотою и усердіемъ. Для письма употребляется часто суахелійскій языкъ и арабскій шрифтъ, хотя онъ и неудобенъ для изображенія языка, столь богатаго гласными буквами. Здѣсь нерѣдко встрѣчается знаніе нѣсколькихъ языковъ, къ изученію которыхъ арабы и ихъ соплеменники чрезвычайно способны. Нѣкоторыхъ людей, особенно изъ числа шерифовъ, можно по истинѣ назвать весьма умными; они обладаютъ остроуміемъ и юморомъ и умѣютъ вести занимательный разговоръ. Сановитые люди вообще охотно слушаютъ рассказы о Европѣ и о тамошнихъ порядкахъ, въ особенности же о новыхъ изобрѣтеніяхъ и машинахъ, и разсуждаютъ даже о религіи съ большимъ безпристрастіемъ и отсутствіемъ предрассудковъ.

Гораздо болѣе печальную картину представляетъ здѣсь *кравственность* въ обширномъ значеніи этого слова. Тщетно будешь искать извѣстныхъ добродѣтелей у людей, страшщихся всякаго личнаго труда и усилія и живущихъ работою другихъ. Непонятное для европейца равнодушіе и апатичность, лѣность, задерживающая всякій прогрессъ, и недостатокъ опрятности—здѣсь всеобщі; ложь и обманъ, неразборчивость въ выборѣ средствъ, могущихъ доставить выгоды, обнаруживаются почти въ каждомъ дѣлѣ.

Но, какъ ни мало заслуживаютъ похвалъ суахелійцы и испорченные Занзибарскіе арабы за свои добродѣтели, однако одна изъ нихъ,—именно *гостеприимство*, заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія, хотя нельзя отрицать и того, что и здѣсь бываютъ исключенія, и что нѣкоторые, подавая съ любезною улыбкою дары гостю, сами помышляютъ только о выгодномъ вознагражденіи. Между истыми магометанами стараго закона, обширнѣйшимъ образомъ выполняющими эту благородную добродѣтель своихъ предковъ, надо прежде всего упомянуть о *Мунемку*. Посѣщавшіе его европейцы, и тѣ, которые были ему совершенно неизвѣстны, бывали принимаемы у него гостеприимнѣйшимъ и деликатнѣйшимъ образомъ и отпускаемы съ подарками, состоящими изъ козъ, куръ и т. под. И не только самъ онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ: одно его слово побуждало и всѣхъ его подданныхъ къ такой же щедрости. Такъ въ 1863 году французскій путешественникъ *Грандидье*, путешествуя по внутренности острова съ рекомендательными письмами Мунемку, не только безвозвратно получалъ припасы для себя и своихъ людей отъ старшинъ селеній, но и кромѣ того получалъ такіе обильные подарки, что привелъ съ собою стадо козъ и куръ и множество мѣшковъ риса и штамы, какъ ни старалась его многочисленная свита истреблять эти запасы.

Вслѣдствіе частыхъ и близкихъ сношеній съ язычниками и другими невѣрными, здѣшніе магометане далеко не ярые религіозные фанатики, хотя строго соблюдаютъ за выполненіемъ внѣшнихъ предписаній пророка. Молитвы свои совершаютъ они съ величайшею регулярностью и никогда не нарушаютъ правилъ от-

носителю пищи; даже самый послѣдній невольникъ откажется ѣсть говядину отъ животнаго не убитаго какъ слѣдуетъ, т. е. не вполнѣ истекшаго кровью по отрѣзаніи горла. Не такъ точно соблюдаются предписанія на счетъ спиртныхъ напитковъ; они охотно пьютъ все, что имѣетъ хорошей и крѣпкой вкусъ, особенно вечеромъ, въ уединеніи тихой комнатки, и легко успокоиваютъ свою совѣсть, называя этотъ запрещенный плодъ *дауа* или лѣкарствомъ,

Религозныя празднества Занзибарскихъ мусульманъ не отличаются существенно отъ праздниковъ прочихъ мусульманъ. Важнѣйшее изъ нихъ, *аидз эль-Кебиръ* или большой праздникъ, — у турокъ большой байрамъ, совершается въ воспоминаніе о жертвѣ Авраама и вмѣстѣ съ тѣмъ о геджирѣ или бѣгствѣ Магомета, — отъ 10-го до 12-го дня мѣсяца *Дульдеша*, который въ 1862 году совпалъ съ нашимъ июнемъ; слѣдовательно, этотъ праздникъ почти совпадаетъ съ концемъ магометанскаго года.

Другой главный праздникъ примыкаетъ къ *Рамадану* (въ 1862 году начавшемуся 2-го марта), мѣсяцу воздержанія, начало и конецъ котораго сопровождаются болѣе или менѣе шумными празднествами. Одинъ или два дня спустя послѣ новолунія, предшествующаго празднеству, вѣрные въ большомъ числѣ стоятъ на берегу и на другихъ открытыхъ мѣстахъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за появленіемъ перваго легкаго мерцанія бѣлой серповидной полоски, еще вовсе незамѣтной для глазъ европейца, — т. е. новой луны. Лишь только они замѣтятъ ее, какъ тотчасъ же раздаются безчисленные ружейные выстрѣлы; всѣ флаги въ городѣ и гавани поднимаются; съ султанскаго флота и съ военныхъ англійскихъ и французскихъ кораблей раздаются салюты изъ 21 пушечнаго выстрѣла. Въ послѣдній вечеръ времени лишеній истощенные мусульмане почти еще съ бѣльшимъ вниманіемъ смотрятъ на небо, дабы замѣтить блѣдное сіяніе, которое должно освободить ихъ отъ испытанія, и опять начинается радость и торжество, фейерверки, пушечные и ружейные выстрѣлы. Празднованіе этого *аидз эль-серира* или малаго праздника, называемаго также *аидз-эль-фержеръ* или праздникомъ завтрака, такъ какъ онъ полагаетъ конецъ посту (у турокъ — *малый байрамъ*), совершается главнымъ образомъ молитвами и продолжается только одинъ день, хотя пирушки у нѣкоторыхъ идутъ еще долгое время.

Кромѣ того, *суахелійцы* (только одни они) празднуютъ еще *новый годъ* персидскаго времясчисленія, — *Нерусси* (называемый также *siku ja tuaka* — день года), который, по *Бэртону*, между 1829 и 1879 годами приходится на 28 или 29 августа.

Дѣленіе времени у суахелійцевъ также нѣсколько различно отъ обыкновеннаго магометанскаго. Земледѣльцы и моряки, для которыхъ важно точное опредѣленіе временъ года, не употребляютъ для этого *лунныхъ мѣсяцевъ* (такъ какъ они даютъ годъ только въ 354 дня и потому черезъ нѣкоторое время производятъ величайшую путаницу), а считаютъ отдѣльно дни до 365, начиная отъ *Нерусси*, когда около краснаго моря солнце стоитъ въ зенитѣ. Такимъ образомъ они считаютъ *малое время дождей* или *фули* — отъ 20-го до 50-го дня, и *большое время дождей* или *масика* — отъ 200-го до 240-го дня послѣ Нерусси.

Изъ арабскихъ названій мѣсяцевъ здѣсь заимствованы только *Реджабу*, *Шабани* и *Рамадани*. Прочіе мѣсяцы называютъ *Фуиуа* и считаютъ ихъ отъ *Фуиуа мози* — перваго, до *Фуиуа кенда*, — девятаго; это счисленіе напоминаетъ латинскія septem-ber, octo-ber и т. д. Соответствующій арабскому *Шевалю*, *Фуиуа мози* начался въ 1862 году 1-го апрѣля; какъ и всѣ другія счисленія, основанныя на лунномъ годѣ, это счисленіе каждый годъ отстаетъ отъ нашего на 11 почти дней.

Годъ называется по тому дню недѣли, въ который онъ начался, какъ напр. *годъ понедѣльника*, *годъ вторника* и т. д.; это названіе, принимая годъ въ 365 дней, должно быть въ каждый слѣдующій годъ заимствуемо отъ слѣдующаго дня недѣли.

Первый день недѣли есть *пятница*, *джума* или депъ, т. е. великій день. Отсюда начинается счетъ дней, но не на манеръ арабовъ, ведущихъ счетъ по іудейски: суббота называется не *седьмымъ* днемъ, а первымъ — *Джума мози*, воскресенье—вторымъ днемъ — *Джума я пили* и т. д. до пятаго дня; относительно четверга или шестаго дня принято арабское наименованіе: его называютъ *альмамизи*, т. е. еще «пятый» день.

Двѣнадцать *часовъ дня* считаются не отъ полудня, но отъ заходженія до восходженія солнца и потомъ опять до заходженія. Но для обозначенія *временъ дня* употребляются большею частію искаженныя названія арабскихъ часовъ молитвы: *альфаири* — время солнечнаго восхода; *азуири* — полдень; *алазири* — послѣ полудня или время около $\frac{1}{2}$ четвертаго; *макариби*—время солнечнаго захода и *эша*—полчаса спустя послѣ него. Кромѣ того, употребляются еще выраженія: *они*—вечеромъ или около вечера, и *азубуи* — утромъ. Если хотятъ обозначить весьма ранній часъ утра, то произносятъ это послѣднее слово съ особеннымъ выразительнымъ удареніемъ.

Отъ осѣдлыхъ арабовъ должно отличать только временно пребывающихъ *Сури* и *Гаммали*. Первые ежегодно прибываютъ сюда въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, при наступленіи сѣверовосточнаго муссона, съ береговъ Омана и проводятъ время до начала югозападнаго муссона частію на Занзибарѣ, частію въ береговыхъ плаваніяхъ между Занзибаромъ и Мадагаскаромъ, уже бѣглый взглядъ на этихъ неукротимыхъ сыновъ сѣвера показываетъ ихъ характеръ: непріятный, проницательный взглядъ, дико вьющаяся вокругъ головы черныя кудри, гордая, почти безстыдная, осанка и при этомъ неопрятная одежда, состоящая, кромѣ необходимаго вооруженія—сабли, копья и щита, изъ набедренника, грязножелтой рубашки и тюрбана,—все это мало способно внушить къ нимъ довѣріе. И въ самомъ дѣлѣ, это беспокойные, охочіе до ссоръ, лѣнныя воришки, безпрестанно внушающіе опасеніе и беспокойство мирнымъ людямъ; когда они находятся въ городѣ, то постоянно слышишь о поджогахъ, пораненіяхъ и убійствахъ, и только послѣ ихъ отъѣзда снова водворяется безопасность и порядокъ.

Иную противоположность представляют *Гаммали* или *Кули*, т. е. носильщики тяжестей изъ *Гадремаута* или *Шегера* въ южной Аравіи, — народъ отличающийся неутомимостью въ работѣ и потому необходимый. Только при ихъ посредствѣ товары переправляются съ кораблей въ магазины купцовъ и обратно; потому ихъ всюду видишь около берега, въ дѣловой мѣстности города, работающихъ съ ранняго утра и до вечера. Хотя и утверждаютъ (справедливо ли или нѣтъ, мы не беремся рѣшить), что они относительно работы стоятъ много ниже европейскихъ рабочихъ, но несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что куліи прилежнѣе, сильнѣе и надежнѣе негровъ. Впрочемъ и заработки ихъ порядочны, такъ какъ они получаютъ въ день отъ 16 до 20 пезъ. Во время сѣверовосточнаго муссона они бывають всего нужнѣе, а во время югозападнаго и въ періодъ дождей могутъ нѣсколько отдохнуть. Но и тогда ихъ дѣятельность не прекращается, они занимаются въ это время выдѣлкою изъ *маипатта* — лентообразныхъ полосъ, привозимыхъ съ берега, — рогожъ и мѣшковъ, въ весьма значительномъ количествѣ потребляемыхъ купцами. Работающіе здѣсь куліи, около 200—300 человекъ, дѣлятся на нѣсколько отрядовъ подъ руководствомъ старшинъ или подрядчиковъ, которымъ платятся деньги и черезъ которыхъ подражаются рабочіе.

Если мы упомянемъ еще о *белуджахъ*, *туркахъ*, *албанцахъ* и *персіанцахъ*, то наше перечисленіе всѣхъ чужеземцевъ, сродныхъ арабамъ, будетъ закончено. *Персіане*, служащіе канонерами и фейерверкерами въ свитѣ султана, особенно бросаются въ глаза своею одеждою; они носятъ короткую коричневую рубашку, стягиваемую поясомъ, широкіе панталоны, индійскіе загнутые башмаки и высокую шапку изъ бараньей шкуры съ косою верхушкою.

Многочисленнѣе ихъ здѣсь *белуджи*, *регулярные солдаты* султана. Со времени услугъ, оказанныхъ ими въ началѣ текущаго столѣтія отцу *Сеидъ Миджиды* въ его войнахъ съ Аравіею, они постоянно находятъ себѣ здѣсь хорошій пріемъ. Число ихъ доходитъ до 1400 человекъ, и они составляютъ гарнизоны въ крѣпостяхъ: Занзибарѣ, Момбасѣ и др. Живя большею частію въ бракѣ, они селятся съ женою и дѣтьми внутри этихъ укрѣпленій, но не могутъ вполнѣ укорениться здѣсь и всѣ стремятся назадъ въ свое прекрасное отечество, въ глубинѣ сердца презирая здѣшнюю страну и народъ. Они, подобно Сури, люди спокойные и ненадежные, хорошіе стрѣлки, но никакъ не храбрые солдаты; но они довольно годны для того, чтобы поддерживать значеніе распоряженій Сеидъ-Маджида на набережьи. Они одѣваются почти какъ имъ угодно, и вооружены длинными арабскими или персидскими фитильными ружьями, кинжалами, саблями и большими красиво отшлифованными щитами изъ прозрачной бегемотовой кожи. Жалованье ихъ, по различнымъ источникамъ, простирается отъ 2 до 5 талеровъ въ мѣсяцъ, а жалованье *джеммедаровъ* или *капитановъ* — столькимъ талерамъ, сколько каждый изъ нихъ имѣетъ людей подъ начальствомъ. Но ни одинъ Белуджъ не довольствуется этимъ. Всѣ они ужаснѣйшимъ образомъ попрошайничаютъ, а иногда, при случаѣ, дѣйствуютъ и насильственнымъ образомъ.

Чѣмъ въ Европѣ служатъ евреи, на востокѣ—греки, въ восточной части индѣйскаго океана и въ Калифорніи—китайцы, тѣмъ на восточномъ берегу Африки служатъ *индіанцы*: это неутомимо-дѣятельные, не упускающіе даже малѣйшей выгоды барышники, хитрые и ловкіе дѣловые люди, притягивающіе къ себѣ бережливостью и отсутствіемъ потребностей находящіяся въ обращеніи деньги и удерживающіе ихъ у себя, какъ губка удерживаетъ въ себѣ воду. Черезъ ихъ руки идетъ вся торговля. Они скупаютъ грузы кораблей, чтобы сбывать ихъ далѣе, не только туземному населенію, но и самимъ европейцамъ, такъ такъ, вслѣдствіе соглашенія, ни одинъ изъ послѣднихъ не продаетъ ввезенныхъ товаровъ, непосредственно другимъ, хотя бы это былъ не болѣе, какъ ящикъ свѣчей.

На Занзибарской территоріи живетъ отъ 5 до 6 тысячъ индійскихъ подданныхъ Англіи, и число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Они происходятъ главнымъ образомъ изъ *Кача* при устьѣ Инда и съ *Малабарскаго берега*. Одни изъ нихъ, *мусульмане*, привозятъ съ собою женъ и часто дѣлаются тутъ осѣдлыми; другіе *буддисты*, накопивъ достаточную сумму, возвращаются на родину и тамъ проживаютъ ее въ нѣдрахъ семейства.

Первые, называемые въ Занзибарѣ *Индусами* (Hindi), какъ по внѣшности, такъ и по образу жизни въ нѣкоторой степени сходны съ арабами. Они также представляютъ различные оттѣнки цвѣта кожи, отъ желтоватаго до коричневаго, такъ же носятъ, кромѣ неизбѣжнаго передника, длинную, широкую рубашку; но они носятъ еще вокругъ живота широкую бѣлую шаль, другую такого же цвѣта шаль на плечахъ, а на головѣ свѣтлаго цвѣта (большею частію бѣлый съ красными полосами) тюрбанъ или толстую цилиндрическую персидскую шапку. Оружія они, какъ мирные купцы, не носятъ, а изъ украшеній носятъ только серьги, да развѣ еще шейную цѣпочку. За то ихъ маленькія блѣднлицыя жены носятъ украшенія, носятъ пестрыя, большею частію красныя, шелковыя одежды и увѣшиваютъ себѣ, еще богаче, чѣмъ аравитянки, шею, нозь, уши, руки и ноги металлическими цѣпочками, кольцами, пряжками и шпильками, но никогда не закрываютъ себѣ лица. За исключеніемъ большихъ праздниковъ, ихъ почти никогда не видно на улицѣ; онѣ всегда сидятъ только у порога своихъ узкихъ лавокъ. Въ праздники же и мужчины отправляются въ большомъ числѣ въ *свой храмъ въ Назимую*. Что они тамъ дѣлаютъ, мы не знаемъ; извѣстно только то, что ихъ религіозные обычаи нѣсколько несходны съ арабскими. Такъ напр. при свадьбахъ и другихъ торжественныхъ случаяхъ они устраиваютъ публичныя процессіи съ пѣньемъ и барабаннымъ боемъ, причемъ мальчики танцуютъ и производятъ игры оружіемъ.

Совершенно непохожи на индусовъ немагометанскіе индійцы, принадлежащіе къ сектѣ *баттіасовъ*, но здѣсь всегда называемые въ насмѣшку *баніанами*, т. е. торгашами. Въ Занзибарскомъ государствѣ они занимаютъ важнѣйшія мѣста, такъ какъ они суть султанскіе собиратели таможенныхъ пошлинъ. Ихъ глава, — *Лудда Дома*, считается, по финансовымъ средствамъ, которыми онъ располагаетъ, самую вліятельною послѣ султана личностью. Всѣ баніаны въ таможенныхъ домахъ Занзибара и побережья состоятъ на службѣ у него, а не у султана. Про-

чіе баніаны займаюцца глaвнымъ образомъ оптовою торговою, но иногда зарабатываютъ деньги ремеслами: золотыхъ дѣлъ мастеровъ, часовщиковъ, цирюльниковъ и т. п.

Баніаны имѣютъ красивое и крѣпкое тѣлосложеніе и пріятныя, выразительныя черты лица, въ которыхъ отражается добродушіе, свойственное всѣмъ народамъ, питающимся растительною пищею; даже ихъ суровые усы не могутъ измѣнить этого впечатлѣнія. Странный контрастъ съ ихъ стройностію составляютъ серпообразно искривленныя ихъ ноги; это происходитъ можетъ быть оттого, что матери носятъ маленькихъ дѣтей на спинѣ, гдѣ они должны уцѣпляться за мать руками и ногами. Эта кривизна бросается въ глаза особенно тогда, когда раннимъ утромъ молодые и старые отправляются на берегъ для совершенія омовеній и для религіозныхъ и другихъ дѣлъ, потому что въ это время они носятъ, кромѣ маленькой красной трубообразной шапочки, едва прикрывающей ихъ роскошныя черныя волосы, только бѣлый платокъ, обвитый около бедра и одного плеча.

Возвратившись отсюда домой, они снимаютъ съ себя и шапочки, такъ что волосы ихъ красивыми прядями ниспадаютъ до пояса, рѣзко отдѣляясь на блестящей желтоватой кожѣ. И однако же этотъ густой пучокъ составляютъ волосы только одной половины головы, такъ какъ волосы на передней части головы, отъ лба и до темени, гладко сбиваются, сообразно предписаніямъ закона. Въ такомъ домашнемъ костюмѣ сидятъ баніанъ утромъ въ своей лавочкѣ, чистятъ себя зубы своею простою зубною щеткою, кусочкомъ корня, распадающимся при употребленіи, приводятъ въ порядокъ свои книги или раздѣляется съ рѣдкими покупателями. Совершенно иначе выглядитъ онъ, когда надѣнетъ свое праздничное платье: бѣлоснѣжную, ниспадающую до ладыжекъ, но узкую рубашку изъ тончайшей полотняной или бумажной матеріи, съ рукавами, которые сначала бываютъ вдвое или втрое длиннѣе рукъ, но при употребленіи засучиваются на столько, что доходятъ только до сустава кисти и образуютъ безчисленныя мелкія складки и вышениа. Потомъ волосы завиваются въ одинъ узелъ и совершенно прикрываются пожею на тюрбанъ шапкою, свитою изъ 20—30 аршинъ пестрой матеріи, протканной золотомъ. У разныхъ кастъ этотъ головной уборъ бываетъ разной матеріи. Такъ какъ этотъ уборъ устроить трудно, то его разъ или два въ мѣсяць отдають поправлять особеннымъ свивателямъ тюрбановъ. На ноги также надѣвають башмаки съ толстыми подошвами, сшитые изъ мягкой красной кожи съ узенькими ремнями и впереди образующіе мысъ поднятый кверху на цѣлый дюймъ. При посѣщеніяхъ эти башмаки, по обычаю всѣхъ восточныхъ народовъ, снимаются и оставляются у дверей комнаты. Вообще баніаны избѣгаютъ всякихъ украшеній; только дѣти и молодые люди носятъ на шеѣ золотыя широкія кольца.

Мирные индійцы, не стѣняясь государственными предписаніями и религіознымъ фанатизмомъ нѣкоторыхъ людей, выполняютъ свою богатую запрещеніями, религію, но часто приходятъ въ большое затрудненіе вслѣдствіе своей неосторожности или вслѣдствіе злонамѣренныхъ шутокъ постороннихъ людей, такъ какъ они должны подвергаться полному омовенію каждый разъ, какъ къ нимъ прикоснется что либо нечистое. Въмѣсто своихъ женъ, которыхъ они оставляютъ на ро-

динѣ, они пользуются туземными дѣвушками, не считая однакоже незаконными прижитыхъ съ ними дѣтей; напротивъ, они какъ нельзя лучше обходятся съ ними и даже даютъ имъ приличное воспитаніе.

Разставаясь съ своими женами, они никогда не расстаются съ своими любимыми, священными коровами. Онѣ должны жить подъ одною съ ними кровлею и пользуются истинно нѣжнымъ съ ихъ стороны уходомъ. Ни одинъ баніанъ, даже самый скупой, ни за какія деньги не продастъ свою корову, если знаетъ, что ее ожидаетъ дурная участь.

Всѣмъ буддистамъ, какъ извѣстно, строжайше воспрещается посредственно или непосредственно уничтожать что либо живое. Это опасеніе убійства доходитъ у нихъ до того, что они не убиваютъ даже надоедливыхъ паразитовъ — насѣкомыхъ, но осторожно выносятъ ихъ на улицу: опасныхъ животныхъ они также не убиваютъ, но умѣютъ дѣлать ихъ безвредными другимъ какимъ либо способомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ таможенномъ домѣ показалась большая змѣя, сильно пугавшая посѣтителей. Религиозные люди ни сами не убивали ее, и не позволяли другимъ, но заклали камнями ея убѣжище. Такимъ образомъ предметъ ихъ страха былъ устраненъ, и они не потревожили свою совѣсть.

Само собою понятно, что баніаны питаются исключительно растительною пищею. Подобно англичанамъ они живутъ вездѣ, куда ни приходятъ, совершенно такъ же, какъ въ своемъ отечествѣ, и приносятъ съ собою на чужбину все, что имъ нужно. Такъ какъ они никогда не ѣдятъ на тарелкахъ, а на листьяхъ (величиною съ ладонь) *священной индійской смоковницы*, такъ называемаго *дерева баніановъ*, то они должны были пересадить и его въ свое мѣстопробываніе, дабы имѣть возможность срывать для каждаго кушанья новый листъ. Они готовятъ себѣ пищу особеннымъ образомъ и никогда не ѣдятъ ее въ присутствіи чужеземцевъ; даже при вареніи ея не долженъ присутствовать ни одинъ невѣрный. Вслѣдствіе этого они во время морскихъ путешествій часто приходятъ въ затрудненіе, потому что они должны, если не весь экипажъ корабля состоятъ изъ ихъ единовѣрцевъ, или поститься или же высаживаться на сушу въ уединенныхъ мѣстахъ. Въ одномъ изъ такихъ случаевъ высадившагося бѣдняжку забыли взять на корабль и онъ умеръ съ голода на пустынной песчанной мели. Въ воспоминаніе этого печальнаго случая моряки и теперь еще называютъ это мѣсто *fungu ja Vaniani*: баніанова мели. Воду и молоко, — свое исключительное питье, они пьютъ каждый изъ своего особеннаго мѣднаго кубка, который тщательно охраняютъ отъ оскверненія.

Мертвыхъ сожигаютъ на открытомъ воздухѣ, на берегу къ югу отъ города, неподалеку отъ плантаціи (шамбы) французской миссіи, и пепель бросаютъ въ море.

Не смотря на свое богатство, этотъ классъ индійцевъ не занимаетъ особенно важнаго положенія, вѣроятно потому, что на нихъ злобятся за наживаемые ими барыши; часто невѣжи даже насмѣхаются надъ ними за ихъ хитрость и странные обычаи. Живутъ они обыкновенно просто, заботясь о томъ, чтобы какъ можно скорѣе нажить денегъ, необходимыхъ имъ для болѣе пріятной жизни на родинѣ.

Но въ торжественныхъ случаяхъ, особенно въ величайшій свой праздникъ—новый годъ, они позволяютъ себѣ необычную расточительность, моютъ домъ сверху до низу и бѣлятъ его, украшаютъ лавки и находяшіяся подлѣ нихъ комнаты и блестящимъ образомъ освѣщаютъ все нѣсколькими большими мѣдными подсвѣчниками, изъ коихъ въ каждомъ помѣщается 20 — 30 огней. На улицѣ же крикъ и восторгъ волнующейся толпы смѣшивается съ трескомъ и шипѣніемъ швермеровъ и ружейныхъ выстрѣловъ. Всѣхъ щедрѣе показываетъ себя таможенный арендаторъ *Лудда*. Онъ даетъ вечеромъ большой праздникъ съ музыкою и танцами и приглашаетъ своихъ дѣловыхъ друзей и нѣсколькихъ вазунгу. Такое неслыханное мотовство есть однакожъ только кажущееся и его экстраординарные расходы приносятъ ему даже барышъ. Именно, передъ началомъ праздника являются имѣющіе дѣловыя сношенія съ Луддою баніаны и предлагаютъ ему денежный подарокъ, чтобы выразить этимъ свою благодарность ему за то, что въ истекшемъ торговомъ году онъ держалъ для нихъ постоянно открытый текущій счетъ, и побудить его къ тому, чтобы онъ такъ же поступалъ и на слѣдующій годъ. Они входятъ молча и съ улыбкою кладутъ свой подарокъ,—который у богатыхъ доходитъ до 30 талеровъ,—въ предназначенный для этого ящикъ; молча и съ торжественною миною принимаетъ подарокъ *Лудда*, сидя съ своими сыновьями на персидскомъ коврѣ, записываетъ сумму эту въ книгу и тѣмъ открываетъ новый текущій счетъ. Хотя посѣтителі садятся только на одну минуту, «чтобы не унести съ собою спокойствія», и потомъ тотчасъ же удаляются, но комната въ теченіи нѣсколькихъ часовъ не бываетъ пуста: слѣдовательно сумма должна собраться значительная, и расходы на праздникъ, какъ бы они велики не были, покрываются уже заранѣе. Для насъ этого было бы достаточно, но для баніана—нѣтъ: онъ устроиваетъ такъ, что дневной доходъ непрерывно течетъ въ его кассу и заставляетъ своихъ гостей платить даже за самое зрѣлище. Даже и вазунгу не освобождаютъ отъ налога; ловкія танцовщицы съ улыбкою взимаютъ его. А если кто, не зная обычая, не запасся деньгами, то щедрый хозяинъ съ готовностью ссужаетъ ему до завтра нѣсколько долларовъ.

Мы не разъ присутствовали при такомъ *начѣ* или *танцѣ баядерокъ*, но все-таки считаемъ за лучшее передать здѣсь сущность живаго и вѣрнаго описанія, сдѣланнаго *Кваасомъ*:

«По окончаніи вышеупомянутаго выгоднаго для него акта, *Лудда* ввелъ насъ въ большую залу, освѣщенную большими подсвѣчниками объ нѣсколькихъ огняхъ. Пестрыя соломенные циновки покрывали стѣны и полъ; справа стоятъ стулья для европейцевъ, слѣва—лежатъ персидскіе ковры для другихъ посѣтителей. Мало по малу комната наполняется: мѣрнымъ шагомъ входятъ баніаны, индусы и суахелійцы, протягиваютъ руку хозяину и садятся, поджавъ ноги, на указанное мѣсто.»

«Въ одномъ углу сидятъ на корточкахъ два музыканта и двѣ танцовщицы, изъ коихъ одна, старая и безобразная, служитъ какъ бы тѣнью для полнолуной красавицы своей молодой подруги. Передъ глазами общества мѣняются онѣ свои вседневныя одежды на праздничныя; настраиваютъ инструменты, и начинается та-

нецъ. Въ тактъ однообразной музыки, сопровождаемой звяканьемъ серебряныхъ цѣпей, нѣсколько разъ обвернутыхъ около ногъ выше щиколки, — идетъ танецъ то медленнѣе, то быстрѣе. При этомъ танцорки страннымъ напѣвомъ поютъ пѣсни, въ которыхъ, соотвѣтственно значенію танца, говорится вѣроятно о любовныхъ приключеніяхъ, часто обращаются при этомъ къ тому или другому изъ зрителей и поютъ имъ, ласково улыбаясь, нѣсколько стиховъ или же дѣлаютъ пантомимы, представляя напр. поднимающагося и снова опускающагося дракона, и сопровождаютъ свои выразительные жесты красными поворотами и изгибами тѣла и изящными движеніями рукъ. Большая красная шаль изъ тяжелой шелковой матеріи съ протканною золотомъ каймою играетъ при этомъ главную роль, и много способствуетъ усиленію вниманія и участія зрителей; она постоянно движется, то ложась красивыми складками на плеча, то окутывая, какъ покрывало, всю фигуру танцовщицы.»

Танецъ бадерокъ.

«Точно также интересны и оба музыканта. Одинъ, громаднаго роста, музыкаю и жестами руководитъ по видимому всѣми, иногда подтягиваетъ пѣнію дѣвушекъ, шагъ за шагомъ ходитъ за молодою танцовщицею взадъ и впередъ, какъ будто бы прицѣпленный къ подолу ея платья и съ серьезною миною бренчитъ на своей странной формы лютнѣ. Другой играетъ на двухъ маленькихъ барабанахъ, прирѣпленныхъ у его брюха длиннымъ бѣлымъ платкомъ, обыкновенно ударяя по нимъ суставами своихъ желтыхъ пальцевъ, а въ сильныхъ мѣстахъ кулакомъ,

и смѣшно ворочая при этомъ глазами. Онъ избралъ себѣ руководящею звѣздою темноцвѣтную танцорку и слѣдуетъ постоянно за нею, а не за своимъ товарищемъ. Но все держится въ границахъ приличія: не видно ничего такого, чтобы соотвѣтствовало нашему понятію о танцѣ баядерокъ. Такимъ образомъ долго идетъ танецъ съ небольшими перерывами. Зала все болѣе и болѣе наполняется: арабы, индусы и баніаны пестро перемѣшаны между собою, а у дверей толпятся негры, потому что теперь входъ не запрещенъ никому. Пространство для дѣйствующихъ лицъ дѣлается все тѣснѣе, и, не смотря на открытыя окна, жаръ дѣлается невыносимымъ, и мы напрасно стараемся прогнать его маленькими вѣерами, еще съ самаго начала предоставленными въ наше распоряженіе. Поэтому мы скоро уходимъ, предоставляя другимъ всю ночь смотрѣть на это зрѣлище.»

Такия общества танцоровъ приходятъ сюда изъ Бомбая, останавливаются на нѣсколько мѣсяцевъ на Занзибарѣ, а въ прочія времена года посѣщаютъ большіе города побережья. Черезъ нѣсколько лѣтъ они возвращаются съ порядочными деньгами на родину, хотя имъ и не вездѣ такъ щедро платятъ, какъ на большомъ праздникѣ у богатѣйшаго изъ баніановъ, передъ которымъ каждый изъ приглашенныхъ хочетъ выказать свою щедрость.

Незначительную долю населенія составляютъ *вазунгу* (множественное число отъ *мзуугу*) (10), чужеземцы европейскаго происхожденія. Сюда причисляемъ мы только рожденныхъ въ Европѣ и Америкѣ бѣлыхъ, а не *португальцевъ* изъ Гоа, маленькихъ, темноцвѣтныхъ, черноволосыхъ креоловъ, которые не пользуются особеннымъ уваженіемъ ни у туземцевъ, ни у своихъ соплеменниковъ. Они служатъ новымъ доказательствомъ стараго мнѣнія, что въ жаркихъ странахъ не образованные, бѣдные европейцы, не поддерживающіе дѣятельныхъ сношеній съ своею отчизною, уже черезъ нѣсколько поколѣній спускаются съ той высокой ступени, на которой стояли прежде. Ни по внѣшности, ни по умственнымъ способностямъ они не стоятъ много выше индійцевъ, своихъ новыхъ земляковъ, и несвѣдущій человѣкъ едва ли приметъ многихъ изъ нихъ за потомковъ европейцевъ. Болѣе зажиточные изъ нихъ продаютъ въ маленькихъ лавочкахъ спиртные напитки, европейскія лакомства и мелочные товары; другіе служатъ поварами и лакеями у *вазунгу*; третьи занимаются портняжнымъ мастерствомъ. Но ни одинъ изъ нихъ не остается на чужбинѣ, какъ скоро заработаетъ столько денегъ, чтобы могъ жить ими у себя дома, въ португальской Индіи.

Первые изъ всѣхъ *вазунгу* стали твердою ногою на Занзибарѣ американцы, выговоривъ себѣ благоприятныя условія по договору съ *Сеидъ-Саудомъ* въ 1835 году; за ними послѣдовали англичане, гамбурцы и французы. Сначала поселились здѣсь только торговые дома, и съ ними вмѣстѣ нѣсколько бочаровъ, корабельныхъ плотниковъ и другіе необходимые для купца ремесленники; впоследствии были учреждены консульства, и наконецъ явились миссіи. Въ настоящее время число осѣдлыхъ здѣсь *вазунгу* простирается до 50. Они составляютъ весьма колеблю-

щееся населеніе, такъ какъ большая часть ихъ пробываютъ здѣсь только нѣсколько лѣтъ и потомъ навсегда покидаютъ эту страну и ихъ замѣняютъ другіе. Но, хотя личности мѣняются, интересы, ими представленныя, остаются одни и тѣже, и такимъ образомъ является возможность сдѣлать общій обзоръ распредѣленія нашихъ земляковъ по ихъ призванію и происхожденію.

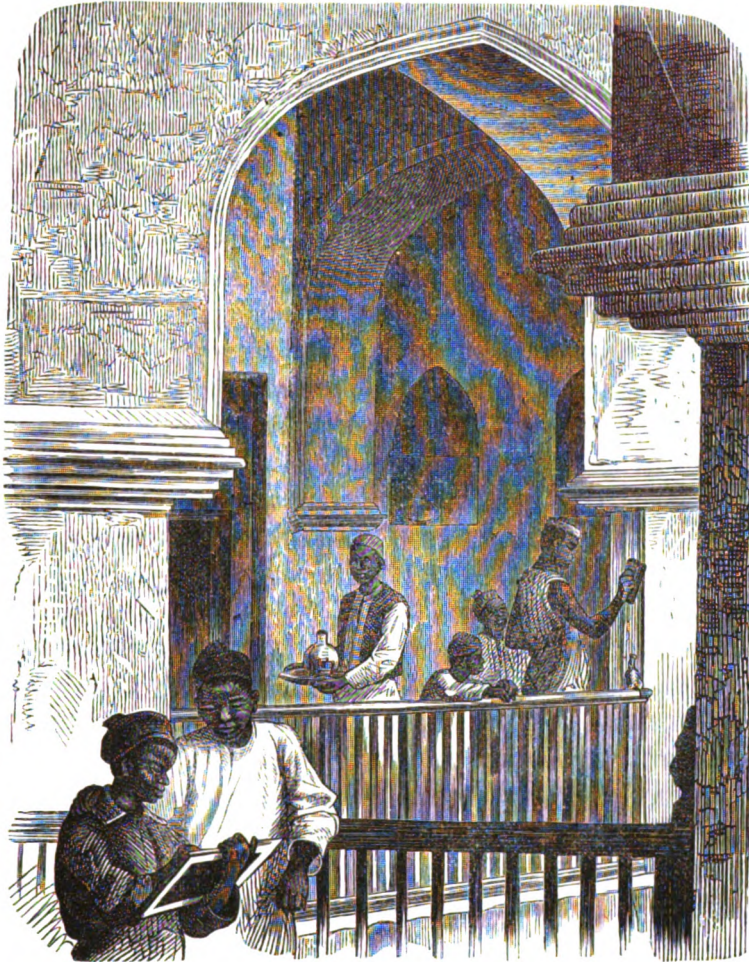
Англія и Франція имѣютъ на Занзибарѣ *консульства* съ состоящими на жалованьи чиновниками, къ которымъ присоединенъ врачъ; Гамбургъ и Америка имѣютъ своими представителями купцовъ. Какъ и во всѣхъ подобныхъ государствахъ, консулы здѣсь имѣютъ значительное вліяніе. Разумѣется, торговые консулы, которые должны прежде всего блюсти интересы своихъ домовъ, не могутъ дѣйствовать такъ рѣшительно, какъ независимые правительственные чиновники, которые, кромѣ того, имѣютъ сильную опору въ военныхъ корабляхъ своихъ націй, которые часто приходятъ сюда; но за то торговые консулы лучше знаютъ положеніе дѣлъ, и успѣваютъ многого достигать, искусно пользуясь этимъ знаніемъ.

Старѣйшая изъ *миссій* есть *французская*; она основана въ 1860 или 1861 году католическимъ обществомъ о. Бурбона *черезъ аббата Фава* и въ 1863 году передана другому лицу. Два священника, два монаха и мать съ шестью *filles de Marie* въ качествѣ сидѣлокъ, отправляютъ обширныя дѣла миссіи, учатъ 20—30 человекъ дѣтей, купленныхъ на рынкѣ невольниковъ (11) или взятыхъ сиротами, религіи, чтенію, письму, арифметикѣ и упражняютъ ихъ въ садоводствѣ и ручныхъ работахъ. При миссіи учреждены также *больница* и механическая *мастерская*, имѣющія весьма важное для нея значеніе, потому что онѣ значительно содѣйствуютъ содержанію миссіи, которая содержится главнымъ образомъ на добровольныя приношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма полезны и для города и стоящихъ въ гавани кораблей, такъ какъ онѣ доставляютъ больнымъ возможность пользоваться прекраснымъ уходомъ, и, съ другой стороны, принимаютъ на себя починку машинъ и выдѣлку разныхъ вещей изъ металла. Уже давно миссіа собирается утвердиться около *Баомойо*, напротивъ Занзибара, и такимъ образомъ быть полезною для побережья посредствомъ своей дѣятельности, но до сихъ поръ, кажется, еще не исполнила этого, вѣроятно потому, что этого не позволяютъ ей ея незначительныя средства.

Англійская миссіа открыта въ 1864 году епископомъ *Тоцеромъ* и капелланомъ *Стуре* съ шестью хорошенькими мальчиками неграми, предоставленными, по ея просьбѣ, султаномъ въ ея распоряженіе. Впослѣдствіи, когда епископъ пригласилъ сюда свою сестру, онъ началъ принимать въ миссію и дѣвочекъ. Эта миссіа, занятая теперь преодоленіемъ разныхъ затрудненій, представляемыхъ языкомъ и другими обстоятельствами, также имѣетъ намѣреніе утвердиться на побережьѣ.

На Занзибарѣ дѣятельность посланниковъ вѣры находятъ для себя весьма благоприятную почву, если она считаетъ своею главною задачею практическую сторону своего призванія, т. е. борьбу противъ невѣжества и уменьшенія бѣдствій человечества, а не оставляетъ эту сторону безъ вниманія, отдаваясь менѣе важному дѣлу внѣшняго обращенія. Зажиточные и образованные арабы и индійцы

охотно пользуются представляющимся имъ случаемъ давать своимъ дѣтямъ въ школахъ миссій образование гораздо лучшее того, какое даютъ имъ старыя невѣжественныя улемы,

Внутренность дома английской миссiи. (Угловой домъ въ Шангаи.)

Гораздо непостояннѣе числа миссiй и консульствъ число *торговыхъ домовъ*. Пять лѣтъ тому назадъ здѣсь существовали два нѣмецкихъ, два французскихъ, одинъ англійскiй и два америганскихъ дома; теперь одинъ нѣмецкiй, одинъ французскiй и англійскiй прекратили свои дѣйствiя. Это не значитъ впрочемъ, что торговля уменьшилась, а означаетъ только то, что распределенiе товаровъ по различнымъ нацiямъ измѣнилось и что одинъ изъ нихъ стали получать болѣе барышей, хотя только на короткое время, потому что уже въ то время, какъ мы пишемъ это, пошли въ ходъ опять новыя предпрiятiя. Одинъ изъ старѣйшихъ здѣшнихъ домовъ есть домъ *О'Свальда* въ Гамбургѣ, преемникъ другаго дома, вниманiе котораго было обращено на восточную Африку замѣчаниями *Карла Риттера*

на важное торговое значеніе встрѣчающейся и въ Занзибарѣ раковины каури. Этотъ домъ, въ которомъ *Декез* съ своими спутниками нѣсколько лѣтъ находилъ гостепріимство, сѣумѣлъ счастливо преодолѣть всѣ перемѣны судьбы, подорвавшія другихъ или заставившія ихъ обратить свою дѣятельность въ другое мѣсто.

Почти ни одинъ изъ *вазуму* не строятъ себѣ собственнаго дома; но они умѣютъ обращать въ удобныя мѣстопребыванія большія каменные зданія, нанимаемыя у арабовъ. Такой домъ заключаетъ въ себѣ большею частію два этажа, не считая плоской кровли, на которой стоитъ шесть съ флагомъ и небольшая хижина изъ досокъ, служащая для наблюденій. Въ нижнемъ этажѣ находится канцелярія, амбары и жилища для служителей; въ верхнемъ—столовая, жилыя комнаты, спальныя и игральныя комнаты, чуланы и т. п. Посредствомъ часто повторяемаго штукатуренья изнутри и извнѣ и посредствомъ ежегодной перемѣны разстилаемыхъ на полу циновокъ комнаты поддерживаются въ опрятномъ видѣ и провѣтриваются посредствомъ отверстій въ кровлѣ; многочисленныя окна со стеклами или ставнями распространяютъ повсюду обильный свѣтъ, уменьшаемый, по желанію, посредствомъ жалюзи или сторъ изъ тростника. Внутренность богато снабжена скамейками (китанда), качками и креслами, но все остальное довольно просто, потому что домашнюю утварь приходится съ большими издержками выписывать изъ Европы или Индіи.

Но за то столъ здѣсь хорошъ. Правда, городъ даетъ для него только мясо и дичь, рисъ, молоко и плоды; но недостающее въ большомъ выборѣ присылается изъ отечества. Въ здѣшнемъ хозяйствѣ найдешь все, что у насъ можно потребовать въ хорошей гостинницѣ: въ кладовыхъ стоятъ баттарей бутылокъ съ различными напитками, начиная отъ имбирнаго сока и имбирнаго уксуса и до крѣпкаго портера и эля, отъ можжевельники и до игристаго вина; зашитыя въ парусину колбасы и окорока стоятъ рядомъ съ непроницаемыми для воздуха жестяными и стеклянными коробками съ нѣжными овощами и лакомствами, съ спаржею, молодымъ горошкомъ, сморчками, трюфелями, паштетами изъ гусиной печени, сушеными и обсахаренными плодами и желѣ; а для поправленія испорченнаго желудка нѣтъ недостатка въ необходимѣйшихъ лѣкарствахъ, каковы напр. англійская соль, касторовое масло и хининъ.

Если Занзибаръ въ этомъ отношеніи не уступаетъ роскошной Индіи, то относительно роскоши *въ прислугу* онъ не можетъ сравниться съ нею. Между тѣмъ какъ тамъ каждая должность требуетъ особеннаго человѣка, здѣсь обходятся сравнительно малымъ числомъ людей. Въ числу необходимыхъ людей принадлежитъ прежде всего смуглый португальскій *поваръ*, умѣющій приготовить изысканные обѣды. Помощниками ему служатъ нѣсколько черныхъ. Прислугою въ домѣ бывають также португальцы, но еще чаще красивые, нарядно одѣтые коморіанцы; только у англичанъ, прибывшихъ изъ Индіи (у консула и врача), прислуживають индійцы. Кромѣ того, есть еще толпа второстепенныхъ рабочихъ, не имѣющая опредѣленнаго занятія: *доби* или индійскій обмыватель, который колотитъ порученное ему бѣлье между двумя камнями до тѣхъ поръ, пока оно сдѣлается совершенно чисто,

водоноска, которая носить воду (12), необходимую для приготовления кушаний и для питья, португальскій *домашній портной* и т. д.

Составъ *дьяловыхъ людей* также не очень значителенъ. *Баюмкуба* или большой господинъ, первый въ домѣ, обыкновенно имѣетъ при себѣ помощника, *Бана мдою* или маленькаго господина. *Переводчикомъ, посредникомъ и главнымъ надсмотрщикомъ* (headman) служитъ испытанный арабъ или коморіанецъ, котораго его положеніе заставляетъ дѣлать часто значительныя «экономіи». При немъ состоятъ нѣсколько *низиныхъ надсмотрщиковъ*, изъ коихъ самыя ловкіе иногда бываютъ отправляемы какъ агенты или закупщики на Мадагаскаръ или на сѣверъ. Важнѣйшія дѣла въ домѣ, при которыхъ требуется въ большой степени искусство и честность, поручаются европейскимъ киперамъ.

День жзуну проходитъ, съ небольшими уклоненіями, слѣдующимъ образомъ: Встаетъ онъ рано утромъ, чтобы до наступленія жара покончить все дѣла на открытомъ воздухѣ; въ 8 или 9 часовъ завтракъ; затѣмъ работы въ конторѣ и сдѣлки съ индійцами и арабами. Въ полдень собираются въ столовой и гостинной къ такъ называемому *лончу* (lunch у англичанъ назыв. второй завтракъ) состоящему изъ небольшой закуски, стакана европейскаго пива, нѣсколькихъ плодовъ и т. под.; за тѣмъ до обѣда разгоры и чтеніе, такъ какъ для серьезной работы теперь слишкомъ жарко; въ четыре часа *обѣдъ* на англійскій манеръ, очень сытный и обильный, потомъ прогулка по окрестностямъ, такъ какъ около этого времени воздухъ бываетъ самый прохладный и движеніе на улицахъ наиболѣе оживлено.

Кофе снова собираетъ общество на крышѣ, какъ на самомъ удобномъ мѣстѣ: продувающій здѣсь вѣтерокъ, прекрасный, разнообразный видъ на окруженную островками гавань и оживленный берегъ, гдѣ оканчиваются еще послѣднія дѣла этого дня, все это способствуетъ хорошему настроенію духа. Играютъ въ шахматы, говорятъ о прибывшихъ и ожидаемыхъ корабляхъ, смотрятъ на далекій горизонтъ въ зрительную трубу и держатъ пари на счетъ ихъ національности, пока наступившія сумерки не заставятъ подумать о вечернихъ дѣлахъ, т. е. покричать ближайшимъ сосѣдямъ, гдѣ свидѣться вечеромъ, если это не назначено еще заранѣе.

Въ прекрасные лунные вечера на крышѣ пьютъ и чай, но обыкновенно считаютъ за лучшее поскорѣе возвратиться въ комнаты, чтобы не простудиться на свѣжемъ вечернемъ воздухѣ; потому что теперь наступаетъ прохлада, которая хотя и не замѣтна на термометрѣ, но все таки бываетъ чувствительна для кожи, и падаетъ сильная, все проникающая, роса. Вскорѣ послѣ того зажигаютъ лампы и комната наполняется гостями. Каждый старается расположиться какъ можно удобнѣе. Разваливаются на диванахъ или стульяхъ—качкахъ, курятъ, читаютъ и болтаютъ, глотая освѣжающіе напитки, слушаютъ звуки большой табакерки съ музыкою, играютъ въ вистъ или отправляются въ билліардную, чтобы передъ сномъ доставить себѣ нѣкоторый моціонъ. Послѣ 9 часовъ общество расходится. Слуги съ фонарями уведаютъ своихъ господъ. «Воу» (мальчикъ) отводитъ усталыхъ въ спальню, выгоняетъ комаровъ, забившихся подъ балдахинъ постели, завѣшенной газомъ, и желаетъ покойной ночи. Въ легкихъ панталонахъ, чтобы избѣжать про-

студы, ложатся раздѣтыми на постель и только сбоку кладутъ шерстяное одѣяло, чтобы накрыться имъ утромъ, когда становится очень прохладно.

Одно изъ пріятнѣйшихъ развлеченій составляютъ такъ называемые *объѣзды шамбъ*, прогулки на лодкѣ или на лошадахъ и ослахъ по собственнымъ шамбамъ, или по шамбамъ знакомаго мзунгу или араба. Всего веселѣе бываетъ, когда собравшееся общество само заботится о своемъ угощеніи. Располагаются на открытомъ воздухѣ, и въ это время одни изъ служителей готовятъ для обѣда взятыя съ собою припасы, другіе достаютъ изъ первыхъ рукъ произведенія шамбъ и моря (маленькихъ превосходныхъ устрицъ и проч.). Въ играхъ и шуткахъ, отдыхъ и бѣганье быстро проходитъ посвященный веселью день, пока наконецъ косвенно падающіе лучи солнца не напомнятъ о необходимости возвращенія домой.

Экскурсіи на материкъ, большею частію съ цѣлью видѣть бегемотовъ и поохотиться за ними, составляютъ также любимое удовольствіе, но предпринимаются рѣдко, потому что большая часть вазунгу могутъ отлучаться изъ города только на короткое время, и что многіе изъ нихъ боятся періодической, хотя и легкой, лихорадки.

Концертовъ, театровъ и другихъ удовольствій, представляемыхъ публичными мѣстами въ Европѣ, на Занзибарѣ вовсе нѣтъ; но за то здѣсь общество тѣсно сливается между собою и оказываетъ чужестранцамъ прекрасное гостепріимство. Почти постоянно за завтракомъ, обѣдомъ и вечернимъ столомъ бываетъ нѣсколько гостей, всего чаще офицеровъ военныхъ кораблей или капитановъ купеческихъ судовъ, а иногда и заѣхавшій на короткое время путешественникъ. Присутствіе нѣсколькихъ дамъ, женъ англійскаго консула, врача и другихъ, вноситъ жизнь и пріятность въ здѣшніе кружки. Но самая блестящая сторона Занзибарской жизни выказывается при торжественныхъ обѣдахъ. Каждый домъ, за исключеніемъ американцевъ, которые рѣдко принимаютъ участіе въ «Dinnerparties», собираетъ у себя нѣсколько разъ въ году большое общество. Приглашенные одѣваются тогда съ особенною изысканностью и являются въ прекрасномъ расположеніи духа, такъ что разговоръ, начавшійся за хорошимъ обѣдомъ и превосходными винами, пріятнѣйшимъ образомъ продолжается до поздняго вечера. Заключеніе вечера составляетъ обыкновенно общая игра въ 21 (Einundzwanzigspiel), въ которой могутъ принимать участіе дамы и люди, несвѣдущіе въ игрѣ.

Самый большой торжественный обѣдъ, соединяющій всѣхъ членовъ изысканнаго общества, даетъ ежегодно французскій консулъ въ Наполеоновъ день. Для этого въ распоряженіе хозяина предоставляются повара и прислуга изъ всѣхъ европейскихъ домовъ, равно какъ и посуда и т. под., дабы при большомъ числѣ гостей онъ не пришелъ въ затрудненіе. Столъ, уставленный рѣдкими плодами и цвѣтами, окруженный рядомъ людей, собравшихся издавѣка, которыхъ обмахиваютъ вѣерами африканскіе, индійскіе и португальскіе служители, представляетъ живую, пеструю картину. Точно такъ же пестръ и оживленъ разговоръ, такъ какъ, кромѣ нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языковъ, слышится всюду еще суахелійскій языкъ, служащій посредникомъ не только между господами и слугами, но и

между англичанами и французами, къ разговору которыхъ присоединяется потомъ на томъ же языкѣ и нѣмецъ.

Вазунгу пользуются *почетнымъ положеніемъ*. Хотя у индійцевъ и арабовъ существуетъ еще много предубѣжденій противъ бѣлыхъ чужестранцевъ, предубѣжденій, вызванныхъ завистью къ ихъ торговлѣ и усиливающимся ихъ вліяніемъ, или же опасеніемъ, что они мало по малу заберутъ въ свои руки и столь выгодную посредническую торговлю, но они все таки помнятъ, что ихъ существованіе и доходы зависятъ главнымъ образомъ отъ этихъ чужестранцевъ. Только вслѣдствіе дѣятельности вазунгу торговля Занзибара достигла теперешней степени процвѣтанія, и этой торговлѣ султанъ обязанъ большею частію своихъ доходовъ; понятно, что вазунгу пользуются за это любовью и уваженіемъ, по крайней мѣрѣ наружно угождаютъ имъ, гдѣ только возможно.

Каждый образованный европеецъ здѣсь считается знатною особою: поэтому приличіе требуетъ, чтобы новоприбывшій въ сопровожденіи своего консула представился султану. Для такого *визита* вынимаются фракъ или мундиръ, высокая шляпа и перчатки, которымъ потомъ снова долгое время приходится лежать въ сундукѣ, такъ какъ здѣшнее общество не желаетъ налагать на себя европейскую принужденность, когда находится въ кругу своихъ. Сопровождаемые туземными служителями, несущими сабли (*fascēs ante consulem*) и очищающими дорогу, господа торжественною процессіею идутъ по узкимъ улицамъ къ дворцу султана. Здѣсь ихъ уже давно замѣтили, такъ какъ объ ихъ прибытіи было сообщено еще за день; съ рѣдкою вѣжливостью султанъ встрѣчаетъ ихъ внизу открытой лѣстницы, подаетъ каждому изъ нихъ руку и впускаетъ ихъ передъ собою въ свой домъ. Въ простой приѣмной комнатѣ, въ которой однообразіе голыхъ оштукатуренныхъ стѣнъ прерывается только нѣсколькими маленькими нишами, увѣнчанными арабскими остроконечными арками, всѣ садятся на длинный рядъ рѣзныхъ стульевъ, вверху *Сеидъ-Маджидъ*, потомъ посѣтители, затѣмъ принцы дома и первые служители государства. Чужеземца представляютъ султану и онъ, послѣ нѣсколькихъ вѣжливыхъ вопросовъ на счетъ его отечества и цѣлей его мѣстопребыванія здѣсь, получаетъ милостивыя увѣренія въ томъ, что султанъ будетъ по мѣрѣ возможности содѣйствовать ему. Толмачъ поддерживаетъ разговоръ, который ведется на арабскомъ языкѣ, такъ какъ при дворѣ хотя и понимаютъ суахелійскій языкъ, но никогда не говорятъ на немъ. Между тѣмъ служители подаютъ розовый шербетъ въ стаканахъ и крѣпкій кофе въ весьма маленькихъ чашечкахъ, стоящихъ на красивыхъ серебряныхъ блюдечкахъ. Угощаютъ только однихъ посѣтителей, и дѣлаютъ еще ту уступку ихъ обычаямъ, что къ кофе подаютъ имъ нѣсколько кусочковъ сахару и ложечки для его размѣшиванія, въ чемъ арабъ, какъ извѣстно, не имѣетъ нужды. Черезъ 20—30 минутъ, когда господа уходятъ, султанъ съ тѣми же знаками вѣжливости снова провожаетъ ихъ до улицы, разумѣется, не менѣе вазунгу радуясь счастливому окончанію формальностей, а послѣдніе скорыми шагами отправляются домой, чтобы поскорѣе снять съ себя надобѣвшее имъ визитное платье. Черезъ нѣсколько дней Сеидъ-Маджидъ отдастъ консулу визитъ.

Дружественныя эти отношенія и изъявленія милости, кажуціяся невозможными въ другихъ магометанскихъ государствахъ, объясняются уважаемымъ положеніемъ европейцевъ. Не только султаны и сановники государства состоятъ въ сношеніяхъ съ вазунгу, но и придворныя дамы, въ особенности двѣ сестры султана, принцессы *Голли* и *Салима*. Въ прежнія времена чужеземцамъ особенно благопріятствовала *Бибиголли*, старшая изъ двухъ сводныхъ сестеръ, и обращалась съ ними безъ малѣйшей принужденности. Видная изъ себя невольница, по имени *Симакази*, была посредницею во всѣхъ посольствахъ принцессы, переносила вазунгу ея подарки. Не проходило почти ни одного дня безъ того, чтобы эта довѣренная

Симакази, невольница сестры султана.

особа не получила какого либо особаго приказанія. Она относила изъ гарема въ тотъ или другой домъ какую нибудь мелочь, какое нибудь печенье, отборные фрукты и т. п., и, само собою разумѣется, приносила что нибудь въ замѣнъ этого назадъ. Принцесса, съ своей стороны, очень охотно принимала цѣнные знаки почтенія отъ того или другаго мзунгу и не стѣсняясь давала богатымъ купцамъ порученія доставлять ей различнѣйшія произведенія Европы. Вазунгу вѣрно исполняли эти порученія, хотя каждый изъ нихъ зналъ, что высокая дама имѣетъ обыкновеніе забывать платить за заказанныя и полученные ею вещи. Было бы невѣжливо и неблагоразумно напоминать ей, которая каждый день какъ бы сидѣла

на сторожѣ, чтобы принимать почтительныя привѣтствія проходящихъ и такъ ласково отвѣчала на эти привѣтствія, о платѣ за исполненіе ея порученій: высокая дама тогда сильно бы прогнѣвалась, а мзунгу навлекъ бы на себя упрекъ въ неблагородномъ скряжничаньѣ.

Биби-Голли достигла такихъ лѣтъ, о которыхъ и она могла сказать: они не нравятся мнѣ. Не выискалось ни одного равнаго ей по происхожденію принца, который бы сдѣлалъ ее повелительницею своего гарема, и чувства дружбы, питаемая къ ней нѣкоторыми вазунгу, превращались постепенно въ чувства почтенія. Однимъ словомъ *Биби-Голли* перестала быть львицею и вышла изъ моды тѣмъ скорѣе, что на небѣ Занзибара возшла новая звѣзда. Младшая ея сводная сестра, *Биби-Салима*, въ это время разцвѣла во всей своей красотѣ и затмила свою соперницу. На ея сторону стали главнымъ образомъ новоприбывшіе европейцы, и она охотно принимала ихъ изъявленія почтенія. Въ свѣтлыя лунныя ночи сестра султана сидѣла за желѣзною рѣшеткою своего окна и съ участіемъ слушала рассказы вазунгу на сосѣдней крышѣ, которые говорили ей объ *Улейи*, далекой Европѣ, о тамошнихъ нравахъ и обычаяхъ, о положеніи женщинъ, которыя тамъ не на словахъ только, а и на самомъ дѣлѣ бываютъ повелительницами своихъ мужей, о величинѣ и красотѣ городовъ, о прелестяхъ страны, о тысячѣ мелочей, которыя ей должны были казаться сказками; она съ нескрываемымъ удовольствіемъ слушала чужеземныя пѣсни, распѣваемые въ нѣсколько голосовъ. Ея ясный умъ далъ ей возможность скоро понять прекрасныя и благія стороны европейскихъ обычаевъ, и это сознаніе пробудило въ ней стремленіе къ далекому краю: нуженъ былъ такъ сказать только толчокъ, чтобы вызвать очень непріятное происшествіе. Мзунгу, жившій въ сосѣднемъ домѣ, человѣкъ, отличавшійся твердостью и энергіею характера, снискалъ не только дружбу, но и полную любовь принцессы, и между ними возникла связь, достойная арабской сказки, романъ, въ которомъ дѣйствительность стала выше вымысла: *Биби Салима* отдала чужестранцу свое сердце, и нѣмецкій купецъ восторжествовалъ надъ арабскою принцессою. И, какъ повѣствуетъ намъ сказка, такъ точно произошло здѣсь на самомъ дѣлѣ. Тихая молва дѣлалась все громче и внятнѣе, и наконецъ дошла до ушей султана. Ему показалось невѣроятнымъ такое преступное посягательство на честь его дома, показалась непонятною дерзость европейца, и еще болѣе непонятнымъ снисхожденіе высокой дамы. И однакоже *Сеидъ-Маджидъ* должно быть твердо убѣдился въ виновности своей сестры, потому что принцесса вдругъ была арестована въ своемъ домѣ и заключена въ тюрьму. Здѣсь бѣдняжка сидѣла одинокою и повинutoю, ожидая приговора своего брата, руководимаго неизмѣннымъ обычаемъ, не помышляя о возможности помощи и не надѣясь на спасеніе и соединеніе съ своимъ возлюбленнымъ. И однакоже ей суждено было достигнуть черезъ него исполненія всѣхъ своихъ завѣтныхъ желаній.

Въ Занзибарской гавани стоялъ англійскій военный корабль. Капитанъ его былъ должно быть великодушиѣ своихъ земляковъ въ Индіи и на родинѣ, которые впослѣдствіи съ такимъ пренебреженіемъ отнеслись къ принцессѣ и нѣмецкому купцу: онъ, сговорясь съ купцомъ, рѣшился помочь ему. Въ поздній часъ вечера

съ этого военнаго корабля спущена была хорошо вооруженная шлюпка, которая тихо подплыла къ берегу; вооруженные матросы и солдаты высадились изъ нея, направились прямо къ тюрьмѣ принцессы, разогнали часовыхъ, сломали дверь и увели стосковавшуюся женщину. На другое утро корабль покинулъ Занзибарскія воды. Кто осмѣлился бы оспаривать у него его добычу?

Вопль негодованія раздался въ городѣ Занзибарѣ. Арабы начали думать о мщеніи, и всѣ иностранные торговые дома увидали себя поколебанными въ своихъ основаніяхъ. И что могло бы случиться, если бы гнѣвъ султана поразилъ не одного только виновнаго, но всѣхъ вообще вазунгу? Куда дѣвалась бы тогда выгодная мѣна слоновой кости, гвоздики и бычачьихъ кожъ? Потери тогда едва ли можно бы было исчислить тысячами и сотнями тысячъ! Нѣкоторые видѣли въ любви своего сотоварища достойное смерти преступленіе, и, болѣе, чѣмъ онъ самъ, боялись гнѣвнаго правосудія. Но хуже всего поступила индійская, а потомъ и англійская печать. Многіе изъ тамошнихъ «честныхъ людей» еще съ бѣльшимъ удовольствіемъ, чѣмъ самъ султанъ, повѣсили бы или посадили на колъ этого нѣмецкаго «лавочника» (shop keeper), какъ они съ презрѣніемъ его называли. Но нѣмецкій купецъ вооружился и тутъ тѣмъ же непоколебимымъ спокойствіемъ, которое выказалъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Онъ ликвидировалъ свои дѣла и уѣхалъ въ Аденъ, гдѣ сошелся съ принцессою, уже принявшею въ то время христіанство, женился на ней и вмѣстѣ съ нею воротился на родину. Здѣсь, въ торговомъ германскомъ городѣ, живетъ теперь счастливая чета. Принцесса скоро свыклась съ новымъ своимъ положеніемъ, и любовь, которую оказываютъ ей всѣ ея окружающіе, заставляетъ ее съ снисходительною улыбкою относиться къ нѣкоторымъ женамъ купцовъ, которыя не могутъ забыть ей того, что она *все таки принцесса*.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Политическое положеніе дѣль.

Оманскіе имамы и восточный берегъ Африки. — Яребиты. — Изгнаніе португальцевъ. — Династія Абу-Саидовъ. — Борьба Момбаса за независимость при фамиліи Мзара. — Сеидъ-Саидъ. — Момбасъ подъ покровительствомъ Англій. — Конецъ владычества Мзаровъ. — Переселеніе Сеидъ-Саида на Занзибаръ. — Раздѣленіе государства. — Сеидъ-Маджидъ. — Предѣлы его господства. — Характеръ управленія. — Доходы и расходы. — Арабское чиновничество. — Могущество на сушѣ и на морѣ. — Юридическое положеніе дѣль. — Религія и просвѣщеніе. — Торговля, продуктъ послѣднихъ десятилѣтій. — Монеты, мѣры и вѣсы. — Распредѣленіе ввоза и вывоза. — Военные корабли въ гавани. — Почтовое сообщеніе. — Важность Занзибара для путешественниковъ открывателей.

Древнѣйшая исторія восточной Африки покрыта баснословнымъ мракомъ, изъ котораго просвѣчиваютъ только блестящія имена *Тиры* и *Соломона*. Въ позднѣйшія столѣтія она становится въ извѣстныя отношенія къ всемірнымъ государствамъ Греціи и Риму; потомъ она представляетъ намъ завоевывающихъ міръ учениковъ Магомета, показываетъ намъ величіе и упадокъ проникавшихъ въ другомъ направленіи португальцевъ, и, наконецъ, не остается закрытою ни для одного изъ большихъ народовъ новаго времени.

Новѣйшая исторія этого побережья тѣсно связана съ исторіею *Омана*, южнаго отрога Аравіи, обращеннаго къ сѣверовостоку, и связана не только мирными отношеніями между жителями обѣихъ странъ, но и дѣятельнымъ вмѣшательствомъ оманскихъ имамовъ въ исторію восточной Африки и общимъ происхожденіемъ обоехъ царствующихъ домовъ. Какъ ни печальна эта исторія въ ея подробностяхъ, но, взятая въ цѣломъ, она весьма занимательна и поучительна. Она представляетъ намъ храбрый народъ, который упорно и геройски боролся нѣсколько столѣтій съ преобладающею силою своихъ притѣснителей португальцевъ, и нѣсколько десятковъ лѣтъ защищалъ добытую свободу отъ грозныхъ властителей Маската, но наконецъ погибъ вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и недостатка единодушія.

Вскорѣ по обращеніи своемъ въ Исламъ, жители Омана пошли въ религиозныхъ дѣлахъ своимъ собственнымъ путемъ и образовали секту *хуариджъ* (отклонившихся отъ праваго пути). Ихъ властители были въ тоже время и религиозными главами государства, точно также, какъ были ими Багдадскіе калифы.

Этотъ верховный религіозный сановникъ назывался *Имамомъ* (собственно пред-стоятель въ молитвахъ); имя это извѣстно намъ главнымъ образомъ въ лицѣ *Имама маскатскаго* (по теперешнему главному городу оманской территоріи).

Величайшимъ изъ оманскихъ имамовъ считается *Нассэръ бенъ-Мурджидъ* изъ фамиліи *яребитовъ*, отрасли большаго рода *Генауи*. Онъ, въ началѣ 17-го вѣка, положилъ конецъ безпрестаннымъ волненіямъ и смутамъ, отъ которыхъ страна страдала нѣсколько десятковъ и сотенъ лѣтъ, прекратилъ грабежи, насилия, невѣріе и притѣсненія, или, какъ говорятъ арабы «повелѣлъ доброе и запретилъ злое», и привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ жителей своею энергіею и ласковостью. Соединивъ подъ своимъ скипетромъ до 1624 года весь Оманъ, онъ серьезно задался мыслью изгнать изъ своего сосѣдства и *португальцевъ*, владычество которыхъ уже начало клониться къ упадку. Въ 1633 году онъ открылъ, изъ своего главнаго города *Назуа*, войну съ ненавистными чужестранцами. Онъ выгналъ ихъ изъ всѣхъ приморскихъ городовъ побережья и только *Соара* и *Маската* онъ не могъ отнять у нихъ до самой своей смерти въ 1649 году.

Ему наследовалъ его двоюродный братъ *Султанъ бенъ-Сефъ*, не менѣе его храбрый и искусный правитель, продолжавшій дѣйствовать въ духѣ Нассэра, и не только выгнавшій въ 1658 году португальцевъ изъ Маската, но и нападавшій на нихъ, при помощи своего большаго флота, даже въ Индіи и Африкѣ. Но и трудъ *Султана* также не былъ еще завершеніемъ всего дѣла. Правда, онъ завоевалъ нѣсколько пунктовъ побережья, но въ другихъ мѣстахъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе, и только послѣ пятилѣтнихъ усилій ему удалось завладѣть важною крѣпостью *Момбасъ*, которая однако вскорѣ опять перешла въ руки португальцевъ.

Только *Сефу*, сыну и второму преемнику *Султана*, было суждено разбить на голову невѣрныхъ; поводъ къ этому подали ему просьбы жителей Момбаса. Въ 1698 году онъ послалъ флотъ въ восточную Африку, покорилъ *Момбасъ*, приобрѣлъ *Занзибаръ* и *Килое*, и проникъ вѣроятно до *Мозамбика*. Все съ торжествомъ встрѣчало побѣдителя; наскучивъ продолжительнымъ угнетеніемъ, туземцы возстали и побѣди и разогнали своихъ бѣдлыхъ мучителей, такъ что вскорѣ отъ *мыса Гардафуи* и до *мыса Дельгадо* нельзя было встрѣтить ни одного изъ этихъ пришельцевъ.

Само собою понятно, что послѣ этого побережье стало подъ защиту правителей Омана, но эта зависимость не была тягостна, потому что арабскому властителю было довольно дѣла дома и потому онъ не могъ заниматься дѣлами отдаленнѣйшихъ своихъ владѣній. Благодарность и собственная выгода должны были побудить освобожденные города тѣсно примкнуть къ своимъ спасителямъ; но они, вмѣсто того, старались болѣе и болѣе ослабить связь съ ними, и наконецъ стали совершенно независимыми, за исключеніемъ Момбаса, гдѣ утвердился арабскій наместникъ. Ихъ возрастающая слабость, еще болѣе усиливаемая внутренними раздорами, скоро опять взманила португальцевъ: они въ 1728 году овладѣли всѣмъ побережьемъ отъ *Килоа* до *Патты*, и прежде всего городомъ и крѣ-

постью Момбасомъ (въ послѣдній разъ) и стали по прежнему не стѣсняясь владычествовать тутъ.

Теперь угнетенные жители снова обратились въ Маскатъ, дабы найти тамъ помощь противъ своихъ враговъ, но на этотъ разъ неудачно, потому что тогдашній имамъ или не хотѣлъ, или не могъ помочь имъ. Такимъ образомъ они были предоставлены своимъ слабымъ силамъ; но они не потеряли бодрости, а мужественно принялись за свое дѣло. И въ самомъ дѣлѣ имъ удалось хитростью отдѣлаться отъ чужеземцевъ; но они не чувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы всегда держать ихъ въ отдаленіи отъ себя, и потому передали верховную власть имаму Маскатскому. Ихъ просьба была исполнена; явились три корабля съ солдатами, заняли Момбасъ, и, около 1740 года, снова заняли прочіе города побережья.

Такимъ образомъ Яребиты болѣе столѣтія правили со славою и распространили границы государства на востокъ и югъ, но потомъ ихъ звѣзда начала меркнуть. Послѣдніе изъ нихъ оказались правителями слабыми и неспособными защищать страну противъ ея враговъ. Тогда явилась новая династія правителей изъ фамиліи *Абу-Сауди*, и взяла въ свои руки верховную власть; послѣднему изъ Яребитовъ, *Султану бенъ Мурджиду* наследовалъ въ 1744 году, послѣ многократныхъ волненій, *Ахмедъ бенъ Саидъ бенъ Ахметъ бенъ Абдалла бенъ Маюметъ бенъ Мбарекъ эль Абу Сауди*, бывшій намѣстникъ *Сохара*. Съ нимъ начинается новый періодъ въ исторіи восточной Африки; Момбасцы, которыхъ, по ихъ выдающимся добрымъ качествамъ, можно считать представителями народовъ того побережья, начали съ этого времени бороться уже не съ португальцами, а съ своими Маскатскими освободителями.

Съ 1739 года намѣстникомъ Момбаса былъ *Маюметъ бенъ Османъ* изъ столь могущественной впослѣдствіи фамиліи *Мсаровъ* (единств. число *Мсуруи*). Услыхавъ о возвышеніи своего прежняго сотоварища, онъ объявилъ себя независимымъ, съ цѣлью, подобно тому, основать свое собственное владычество. *Ахмедъ бенъ Саидъ* разгнѣвался на это и послалъ въ Момбасъ убійцъ съ приказаніемъ погубить возставшаго и всю его фамилію. *Маюметъ* палъ подъ ихъ кнѣжалами; но братъ его *Али бенъ Османъ* спасся и разрушилъ планъ Имама; онъ овладѣлъ крѣпостью, схватилъ убійцъ и объявилъ себя, въ 1745 году, *Султаномъ Мамбаса*.

Точно также и прочіе береговые города, за исключеніемъ *Мерки*, *Занзибара* и *Килоа*, отказались признать новую династію властителей, и безъ труда достигли своей свободы, только безконечныя междоусобныя войны истощили ихъ лучшія силы. Всего болѣе отъ такихъ распръ пострадалъ Момбасъ. Здѣсь уже въ 1753 году *Али бенъ Османъ* былъ убитъ по наущенію двоюроднаго его брата *Массаутъ бенъ Нассэра*. Когда же преемникъ этого послѣдняго, *Абдалла бенъ Маюметъ*, умеръ въ 1782 году, то между Мсарамъ вторично возникъ споръ о томъ, которой изъ трехъ главныхъ отраслей фамиліи должно принадлежать господство. Наконецъ былъ избранъ *Ахмедъ бенъ Маюметъ*, племянникъ *Али бенъ Османа*. Прочіе два сонскателя, награжденные другимъ способомъ, не удовле-

творились этимъ и пытались низвергнуть своего счастливаго соперника, но при предпринятомъ ими штурмѣ крѣпости были отражены, а впоследствии убиты со-сѣднимъ племенемъ Ванна, къ которому они убѣжали.

Ахмедъ бенъ Саидъ Оманскій по необходимости долженъ былъ спокойно смотрѣть на все это. Только старшій его сынъ *Саидъ бенъ Ахмедъ*, наследовавшій ему въ 1787 году, получилъ возможность снова заняться Африкою. Онъ послалъ своего храбраго и ловкаго сына, тоже *Ахмеда*, съ флотомъ для покоренія отпавшихъ береговыхъ пунктовъ. Ахмедъ обратился прежде всего къ Занзибару, гдѣ высадился съ враждебнымъ войскомъ дядя его *Сефъ*, прогналъ его и возстановилъ тамъ порядокъ. Потомъ онъ отправился съ однимъ кораблемъ въ Момбасъ, смѣло требуя подчиненія острова и города: озадаченные его появленіемъ жители приняли его, особенно потому, что его требованія были не велики. Послѣ того, имаму подчинился и островъ *Патта*, такъ что у него въ 1785 году не было болѣе, къ сѣверу отъ мыса Дельгадо, ни одного опаснаго врага, и его дѣла, по крайней мѣрѣ извнѣ, были гораздо счастливѣе, чѣмъ дѣла его предшественниковъ. За то у него явился противникъ въ его собственной семьѣ: его буйный братъ *Султанъ бенъ Ахмедъ* въ 1796 году отнялъ у него власть надъ большею частію государства.

Султанъ недолго пользовался властью; черезъ два года спустя послѣ смерти его брата, въ 1804 году, онъ былъ убитъ около Бассиду въ сраженіи съ пиратами. Ему наследовалъ, вмѣсто его сыновей *Салема* и *Саида*, *Бедеръ бенъ Сефъ эль Имамъ Ахмедъ*, его племянникъ и дядя Саида по матери; другіе соискатели были удовлетворены званіемъ намѣстниковъ.

Молодому *Саиду*, унаследовавшему предприимчивый характеръ своего отца, было недостаточно такаго участія въ господствѣ; онъ чувствовалъ въ себѣ силу одинъ править государствомъ. Онъ безпрестанно питалъ въ себѣ честолюбивые замыслы. Рано развившаяся въ немъ хитрость и необыкновенное умѣнье принаров-ляться къ обстоятельствамъ помогли ему достигнуть цѣли скорѣе, чѣмъ это казлось возможнымъ. *Бедеръ бенъ Сефъ*, которымъ народъ давно уже былъ недово-ленъ за то, что онъ допустилъ страну подпасть подъ постыдную зависимость отъ Вахабитовъ, былъ убитъ 31-го іюля 1806 года (виновенъ ли былъ въ этомъ его племянникъ или нѣтъ, мы не знаемъ), а Саидъ 14-го сентября того же года былъ избранъ султаномъ, съ согласія старшаго его брата *Салема*.

Этому 16-ти лѣтнему юношѣ пришлось трудно. Страна была въ разоренномъ состояніи, а передъ стѣнами города стояли грозные Вахабиты подъ начальствомъ привыкшихъ къ побѣдамъ вождей. Но юноша сумѣлъ преодолѣть всѣ трудности, побѣдилъ не только Вахабитовъ, но и становившихся съ каждымъ годомъ все болѣе грозными пиратовъ Краснаго моря, правда не одинъ, а съ помощью англичанъ, которыхъ онъ искусно привлекъ на свою сторону, и достигъ такаго почетнаго положенія, что слабые боялись его, а сильные искали его дружбы.

Сеидъ-Саидъ былъ весьма замѣчательный человѣкъ; но его величіе состояло не сколько въ успѣхахъ, достигнутыхъ побѣдоносными его битвами, сколько въ его твердости при несчастіяхъ, въ постоянномъ преслѣдованіи поставленной имъ

себѣ цѣли и въ искусствѣ, съ которыми онъ обращалъ въ свою пользу всѣ обстоятельства. Хотя современники и потомки часто порицали и презирали его и обвиняли его въ предательствѣ и коварствѣ, но средства, которыя онъ употреблялъ для расширенія и упроченія своего владычества, по понятіямъ Востока вовсе не считаются низкими и непозволительными. Многіе приписываютъ ему титулъ Имама: но ни онъ, ни его отецъ, не носили этого титула, потому что онъ не выполнялъ ни одного изъ трехъ необходимыхъ для этого условій, именно: обладанія извѣстными религіозными познаніями, стремленія всю жизнь воевать противъ невѣрныхъ, и воздержанія отъ ѣзды по морю.

Смуты въ Маскатѣ имѣли на африканскія вассальныя его государства, *Момбасъ* и *Патту*, только то одно вліяніе, что эти государства пользовались тѣмъ большею независимостью, чѣмъ болѣе было у ихъ сюзереновъ работы въ Аравіи: они выполняли свои незначительныя обязанности, признавали новоизбранныхъ властителей, а во всемъ остальномъ распорядились своими внутренними дѣлами сами. Саидъ не выказывалъ никакого желанія вмѣшиваться въ столь дальнія дѣла до тѣхъ поръ, пока его не вынудили къ этому неоднократныя злоупотребленія Момбасскаго намѣстника. Въ первый разъ его призвалъ на помощь въ 1811 году *Ламу* противъ *Ахмедъ бенъ Маомеда* Момбасскаго, который нѣсколько разъ къ ряду нападалъ на Патту, достигъ тамъ верховнаго владычества и прогналъ въ Ламу соперниковъ своего протеже *Буизира*. Саидъ отправилъ въ Ламу намѣстника, велѣлъ выстроить тамъ укрѣпленіе и такимъ образомъ воспрепятствовалъ возобновленію нападеній Ахмеда. Этимъ онъ пока и удовольствовался.

Второй поводъ къ вмѣшательству представился въ 1814 году. *Ахмедъ бенъ Маометъ* умеръ, и его пожилой, но еще энергическій, сынъ *Абдалла* сдѣлался намѣстникомъ. По тамошнему обычаю, онъ, вступая въ должность, долженъ бы былъ послать подарокъ въ Маскатъ; вмѣсто этого онъ послалъ, когда его стали угрожать, только немного пороха и свинца, небольшую мѣрку хлѣба и панцирную рубашку, найденную имъ въ числѣ оставшихся послѣ отца вещей. Это было яснымъ знакомъ того, что онъ, даже подъ опасеніемъ войны, думаетъ сдѣлаться независимымъ отъ Маската.

Саидъ еще ничего не отвѣчалъ; онъ выжидалъ, по своей привычкѣ, болѣе благоприятнаго случая. Но Абдалла хорошо зналъ, въ чемъ онъ провинился передъ могущественнымъ султаномъ и въ тихомолку приготавливался къ предстоящимъ событіямъ. Его старанія вступить въ дружескія отношенія съ англо-индійскимъ правительствомъ въ Бомбѣѣ, кажется, не увѣнчались успѣхомъ, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой онъ этого желалъ; но за то онъ приобрѣлъ болѣе вліяніе на побережьѣ, распространилъ свое владычество на города *Мерку* и *Браву* и снова приобрѣлъ отпавшую *Патту*; послѣднее послужило впрочемъ къ его пагубѣ, потому что соперникъ покровительствуемаго имъ султана *Банакombo* призвалъ властителя Маскатскаго.

Саидъ, уже давно съ возрастающимъ негодованіемъ смотрѣвшій на увеличеніе силы *Абдаллы*, приказалъ ему вывести изъ *Патты* своихъ солдатъ, а тамошнему султану отречься, и, такъ какъ ни тотъ, ни другой не повиновались ему,

послалъ въ 1822 году флотъ подъ начальствомъ эмира *Гаммедъ бенъ Алмедъ эль Абу Саиди*. Онъ подчинилъ сначала *Браву*, потомъ выгналъ изъ *Патты Мбарука*, брата *Абдаллы* и посадилъ тамъ, отъ имени *Сеидъ Сауда*, намѣстника.

Все грознѣе собиралась туча надъ Момбасомъ. Ободренный извѣстіемъ о побѣдахъ эмира, съ юга явился Занзибарскій намѣстникъ *Сеидъ Маюметъ бенъ Нассэръ* и покорилъ для своего Оманскаго владыки островъ *Пембу*, важнѣйшее владѣніе Момбаса. Два раза поспѣшалъ сюда *Мбарукъ*, чтобы снова занять благословенный островокъ, но оба раза безуспѣшно, не смотря на всю свою храбрость.

Абдалла въ слѣдующемъ году съ горя умеръ. Тогда между мсарами снова начались несчастныя распри за господство, какъ разъ въ то время какъ флотъ Саида приготовился напасть на Момбасъ: Мбарукъ возсталъ противъ ближайшаго преемника, *Салема*, другаго брата Абдаллы. Дабы предотвратить междоусобную войну, выбрали наконецъ временно султаномъ третьяго, *Солимана бенъ Али*, человека стараго и слабого, который былъ прежде намѣстникомъ Пембы.

Чувствуя невозможность одному устоять противъ грозной силы Саида, Солиманъ обратился къ защитѣ англичанъ, небольшая эскадра которыхъ, подъ начальствомъ капитана *Оуэна*, занималась въ то время измѣрѣніемъ восточнаго берега Африки. *Видалъ*, капитанъ брига *Баракотто*, явившагося въ гавани въ концѣ 1823 года, не счелъ себя въ правѣ что либо предпринять безъ согласія своего начальника, хотя и обѣщалъ сообщить объ этомъ своему высшему начальству. Когда самъ *Оуэнъ* въ февралѣ 1824 года прибылъ съ своимъ фрегатомъ *Левенъ*, онъ нашолъ Момбасъ блокируемымъ флотомъ Сеидъ-Саида, и, къ немалому своему удивленію, увидалъ, что на крѣпости развѣвается англійскій флагъ. Солиманъ поднялъ его съ тою цѣлью, чтобы устрашить этимъ нападающихъ.

Оуэнъ во время своихъ плаваній понялъ важное значеніе восточнаго берега Африки и Момбасской гавани, какъ одной изъ лучшихъ въ свѣтѣ; поэтому предложеніе Момбасцевъ отдаться подъ покровительство Англии показалось ему въ высшей степени заслуживающимъ вниманія. Не смотря на блокаду враговъ, онъ вступилъ въ союзъ съ старѣйшинами города и заключилъ съ ними договоръ :

«что Момбасъ и его территорія, именно Пемба и весь берегъ между Малинди и рѣкою Пангани, остаются въ рукахъ Мсаръ, но будутъ состоять впредь подъ покровительствомъ Англии»,

«что доходы будутъ дѣлиться между ними и англійскимъ правительствомъ поровну»,

«что торговля съ внутренними областями дозволяется англичанамъ, но торговля невольниками должна быть прекращена,

«что, наконецъ, живущій въ Момбасѣ представитель Англии долженъ наблюдать за выполненіемъ отдѣльныхъ пунктовъ договора».

Абдалла бенъ Салемъ, начальникъ арабскаго флота, обѣщалъ уважать это соглашеніе, пока придетъ изъ Маската отвѣтъ его повелителя. Затѣмъ между осаждающими и осажденными завязались дружественныя сношенія.

Оуэнз принялъ еще нѣкоторыя мѣры, необходимыя для сохраненія договора, поставилъ представителями Англїи лейтенанта *Рейца* и одного мичмана, далъ имъ капрала и трехъ матросовъ, чтобы они обучали туземцевъ военному дѣлу, и потомъ удалился изъ гавани съ сознаниемъ, что оказалъ услугу своему отечеству и побережью Африки. Онъ конечно нисколько не сомнѣвался въ томъ, что его правительство дастъ свое согласіе на то, что онъ сдѣлалъ, потому что принималъ впослѣдствіи дѣятельнѣйшее участіе въ судьбахъ новаго государства. Дабы привести въ силу пунктъ перваго параграфа, « что Момбасъ удерживаетъ всю свою прежнюю береговую территорію съ островомъ Пембою, онъ отправился отсюда на Занзибаръ и просилъ тамошняго намѣстника уступить Пембу Мсарамъ; но тотъ положительно отклонилъ эту просьбу, такъ какъ исполнить ее въ правѣ только его верховный владыка Сеидъ Саидъ.

Затѣмъ *Оуэнз* обратился на островъ *Маверикія*, чтобы представить англійскому намѣстнику Мабрука, законнаго наслѣдника Момбасскаго престола, съ многочисленною свитою сѣвшаго на *Левенз*, и такимъ образомъ выставить начатое дѣло въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ передъ главнѣйшимъ представителемъ Англїи въ тѣхъ водахъ.

Мабрукъ былъ принятъ со всѣми почестями, и, послѣ подробнѣйшихъ совѣщаній, ему дано было увѣреніе, что объ его дѣлѣ сообщено съ наилучшей стороны высшимъ властямъ Англїи. Возвратившись снова въ восточную Африку, *Оуэнз* опять хлопоталъ о своихъ покровительствуемыхъ, заботился о порядкѣ во внутреннемъ управленіи, поставилъ, на мѣсто умершаго при изслѣдованіи рѣки Пангани лейтенанта *Рейца* другаго лейтенанта *Эмери* и въ 1825 году побудилъ и городъ *Бразу* присоединиться, съ его территоріею, къ Мсарамъ, *Момбасу* предстояла счастливая будущность. Торговля, такъ сильно страдавшая при постоянныхъ войнахъ, снова оживилась и сдѣлалась значительнѣе прежней. Но это счастье продолжалось недолго; отвѣтъ англійскаго правительства, полученный въ 1826 году, надломилъ цвѣтокъ, преждевременно взлелѣанный энергическими и осторожными дѣйствіями *Оуэна*. Очевидно не понимая положенія дѣлъ, или будучи обмануто ложнымъ совѣтомъ и представленіями *Сеидъ Сауда*, англійское правительство отвергло договоръ *Оуэна* и отдало молодое государство въ руки Арабовъ; этотъ пагубный шагъ снова открылъ дорогу торговлѣ невольниками, снова предалъ упадку и истощенію богатое побережье и внутреннюю территорію, которымъ подъ европейскимъ владычествомъ предстояло развитіе, и промахъ этотъ теперь поправить можетъ быть уже слишкомъ поздно.

Сеидъ Саидъ не могъ чувствовать себя безопаснымъ въ восточной Африкѣ до тѣхъ поръ, пока упорный Момбасъ не будетъ совершенно подчиненъ. Поэтому онъ не медленно по удаленіи Англичанъ написалъ письмо новому намѣстнику *Салему*, приглашая его подчиниться. Когда же этотъ послѣдній не покорился, а напротивъ попытался въ 1827 году вступить съ Сеидомъ въ переговоры черезъ своихъ посланниковъ въ Маскатъ, то Сеидъ самъ отправился въ 1828 году съ флотомъ въ Момбасъ. Его военныя силы вызвали сильный страхъ: онъ состоялъ изъ двухъ палубныхъ кораблей съ 74 и 64 пушками, изъ двухъ корветовъ и

семи небольших военных кораблей съ 2000 солдатъ. Но *Салемъ* не испугался и не хотѣлъ слышать ни о переговорахъ, ни о мирѣ. Черезъ три дня Саидъ открылъ враждебныя дѣйствія обстрѣливаніемъ города, потомъ вошелъ во внутреннюю гавань и снова попытался, на этотъ разъ съ бѣльшимъ успѣхомъ, завязать переговоры. Оба Мсары, *Салемъ* и *Мбарукъ*, напуганные стрѣльбою, по обезпеченные заложниками изъ семейства Саида, рѣшились явиться на бортъ для тайныхъ переговоровъ, и, увлеченные незначительностью требованій, заключили слѣдующій договоръ :

« что крѣпость передается султану, который занимаетъ ее 50-ю солдатами *Генау* »,

« что Салемъ и его потомки будутъ править Момбасомъ отъ имени Саида, и государственные доходы, собираемые подъ надзоромъ султанскаго чиновника, будутъ на половину отсылаемы въ Маскатъ ».

Уже черезъ нѣсколько дней *Саидъ* нарушилъ свое слово, помѣстивъ въ крѣпость сначала 200, а потомъ 300 солдатъ. Мсары, совершенно отдавшіеся теперь въ его руки, не могли защититься противъ этой несправедливости. Такимъ образомъ теперь, какъ и въ прежнихъ случаяхъ, султану доставило успѣхъ опять коварство, а не храбрость. Затѣмъ Саидъ, весьма довольный, отправился на Занзибаръ и приказалъ построить дворецъ, рѣшившись впредь имѣть свое мѣстопробываніе въ Африкѣ; потомъ онъ снова возвратился въ Маскатъ, гдѣ противъ него вспыхнуло возстаніе.

Вскорѣ послѣ того едва успокоенный Момбасъ снова впалъ въ трудное положеніе, именно черезъ *Нассэра бенъ Солимана*, намѣстника *Пембы*, который уже давно стремился утвердиться въ этомъ городѣ. Заподозривъ передъ Саидомъ Мсаровъ въ измѣнническихъ замыслахъ, онъ самовластно отправился въ Момбасъ и потребовалъ, чтобы правительство уступило ему островъ. Послѣ отказа Мсарь исполнить это требованіе безъ письменнаго повелѣнія султана, онъ вошелъ въ крѣпость, начальникъ которой былъ ему преданъ, и началъ обстрѣливать городъ. Но жители защитились наскоро насыпанными валами, голодомъ принудили его къ сдачѣ, отослали чужеземный гарнизонъ въ Аравію и заключили самаго Нассэра въ тюрьму, гдѣ онъ впоследствии былъ удушенъ.

Крайне раздраженный этимъ, *Саидъ* немедленно послалъ новый отрядъ. Было слишкомъ поздно, такъ какъ Момбасъ уже совсѣмъ отпалъ отъ него. Задержанный волненіями на персидскомъ заливѣ, онъ могъ явиться передъ отпавшимъ городомъ только въ концѣ 1829 года. Онъ напалъ на него съ трехъ сторонъ, но при храброй и искусной оборонѣ Момбасцевъ не могъ ничего сдѣлать и потому прибѣгъ къ переговорамъ. Не смотря на незначительность его требованій, ему рѣшительно отказали впустить снова въ крѣпость арабскія войска. Съ яростью въ сердцѣ онъ отступилъ. Черезъ три года онъ опять явился съ войскомъ, чтобы загладить прежній позоръ, но безуспѣшно.

Чего Саидъ не могъ достигнуть всѣмъ своимъ могуществомъ, того, безъ труда суждено было ему достигнуть вслѣдствіе отсутствія единодушія въ Момбасцахъ. *Салемъ* въ 1835 году умеръ, и прошелъ уже годъ послѣ его смерти,

прежде тѣмъ Момбасцы согласились на счетъ избранія ему преемника, *Рашидъ бенъ Салемъ бенъ Ахмеда*. Но и тутъ въ городѣ нашлись честолюбцы и недовольные, которые подъ тѣмъ предлогомъ, что фамилія Мсаровъ постоянными войнами губить страну, не хотѣли вообще слышать объ нихъ. Но такъ какъ они были слишкомъ слабы, то просили *Сеидъ Сауда*, который теперь снаряжалъ новый походъ противъ Момбаса, освободить ихъ отъ ненавистнаго владычества. *Саудъ* въ началѣ 1837 года снова явился съ вооруженною силою передъ Момбасомъ, высадился около *Киллиндини* на югѣ острова и нашелъ хорошій приемъ у призванныхъ его измѣнниковъ и у подкупленныхъ подарками племенъ Ваника. Когда Мсары увидали, что они покинуты своими собственными людьми, то вступили въ переговоры съ Саудомъ и согласились на его требованія: «очистить крѣпость, поселиться въ городѣ и исполнять условія прежняго договора». *Саудъ* помѣстилъ въ крѣпости 500 солдатъ и удалился изъ Момбаса съ гордымъ сознаниемъ, что наконецъ таки усмирить непокорный городъ.

Вслѣдствіе заявленій нѣкоторыхъ знатныхъ Момбасцевъ, стѣсненныхъ Мсарями, *Саудъ* наконецъ пришелъ къ тому убѣжденію, что островъ не прежде можетъ успокоиться, какъ когда эта фамилія будетъ совершенно лишена господства. Поэтому, такъ какъ *Рашида* нельзя было даже за значительную отступную сумму и за предложенное ему мѣсто намѣстника въ *Пембъ* или *Мафиу*, согласить на полное отреченіе, Саудъ послалъ въ Момбасъ своего сына *Сеидъ Халида*, велѣлъ тайно схватить 25 знатнѣйшихъ членовъ фамиліи Мсаровъ и привести ихъ черезъ Занзибаръ въ Аравію. Здѣсь большая часть ихъ умерли въ тяжелой неволѣ; другіе же, убѣжавшіе ночью безъ всякаго имущества, поселились впослѣдствіи, съ своими женами, дѣтьми и невольниками, въ *Такауни* къ югу отъ *Малинди* и въ *Гази* между *Момбасомъ* и *Ванюю*, гдѣ они хотя мало по малу и усилились снова, но уже не могли вполнѣ поправиться.

Такъ была уничтожена властвующая фамилія *Ахмедъ бенъ Моаммеда бенъ Османа* и разыгранъ послѣдній актъ драмы, къ которой подало поводъ англійское правительство тѣмъ, что отказалось отъ предложеннаго ему верховнаго владычества надъ Момбасомъ.

Теперь, года у него на всемъ побережьѣ между мысомъ Дельгадо и городомъ Мукдиша, не было уже ни одного сильнаго врага, султанъ *Саудъ* снова занялся давно задуманнымъ планомъ поселиться на Занзибарѣ, частью для того, чтобы быть ближе къ побережью, приобретающему все болѣе и болѣе важное значеніе, частью же для того, чтобы избавиться отъ надоедливаго попрошайничества вельможъ въ Маскатѣ. Въ 1840 году онъ взшелъ въ новый свой домъ; впослѣдствіи онъ построилъ себѣ и внѣ города нѣсколько дворцовъ, и, послѣ полной трудовъ жизни, предался мирнымъ занятіямъ. Среди этой дѣятельности и наслажденій его прибрѣтеніями его застигла смерть въ 1856 году на обратномъ пути изъ поѣздки въ Маскатъ. Онъ оставилъ послѣ себя одиннадцать сыновей, рожденных отъ незаконныхъ женъ, изъ коихъ наиболѣе извѣстны *Сеидъ Суэни*, *Сеидъ Турки*, *Сеидъ Маджидъ* и *Сеидъ Барашъ*.

Государство распалось, не безъ волненій, на *арабскую половину* подъ

владычествомъ *Сеидъ Суэни*, и на *африканскую* подь управленіемъ *Сеидъ Маджида*. До смерти Суэни въ 1866 году Занзибаръ состоялъ еще въ нѣкоторой зависимости отъ Маската, потому что онъ ежегодно посылалъ туда сумму въ 40 тысячъ талеровъ; теперь такихъ обязанностей на немъ уже не лежитъ болѣе.

Сеидъ Маджидъ мужчина около тридцати лѣтъ, пріятной наружности и съ привлекательною осанкою. Онъ, подобно своему отцу, питаетъ дружественныя чувства къ европейцамъ и къ англичанамъ (имѣющимъ преобладающее вліяніе

Сеидъ Маджидъ, Занзибарскій султанъ.

вслѣдствіе сосѣдства Индіи) въ особенности, не только потому, что ихъ присутствіе приноситъ ему выгоды, но и потому, что они не разъ оказывали ему услуги. Безъ содѣйствія англичанъ онъ не былъ бы въ состояніи упрочить свое

владычество въ виду внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и его положеніе по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ не было бы такъ высоко. Въ первые годы его правленія ему грозили различные враги; онъ побѣждалъ ихъ, но не храбростью, а, не говоря уже о пособіи его друзей, оружіемъ слабымъ, уступчивостью, деньгами, и, если это не помогало, хитростью.

Въ началѣ 1859 года его старшій братъ *Сеидъ Суэни*, наслѣдовавшій своему отцу въ Маскатѣ, грозилъ вооруженною силою поддержать свои права на Занзибаръ. *Сеидъ Маджидъ*, извѣстившись объ этомъ, не оставался въ бездѣйствіи. Всѣ военные корабли были съ величайшею поспѣшностью приведены въ оборонительное состояніе, и старшины прибрежныхъ племенъ приглашены письмами къ содѣйствію, и въ скоромъ времени собрались въ большомъ числѣ на островъ. Точно также съ плантацій были призваны всѣ къ чему-либо годные невольники, такъ что городъ былъ переполненъ вооруженными людьми. Эти воинственные мѣры существенно содѣйствовали усиленію волненія умовъ, тѣмъ болѣе, что въ вѣрность этихъ шаговъ мало вѣрили и считали даже вѣроятнымъ, что онѣ при первомъ появленіи непріятеля стануть подъ его знамена. Но, вмѣсто со дня на день ожидаемаго флота, пришло извѣстіе что индійскій военный корабль *Пенджабъ*, получивъ изъ Бомбѣя извѣстіе о предстоящей распрѣ, встрѣтилъ *Сеида Суэни* хотя уже и на пути въ Занзибаръ, но еще неподалеку отъ Маската и побудилъ его возвратиться, увѣривъ его въ посредничествѣ Англій; этимъ и повончилось дѣло, общавшее такъ много опасностей. А такъ какъ *Сеидъ Маджидъ* впоследствии изъявилъ готовность подчиниться рѣшенію тогдашняго генералъ-намѣстника лорда *Каннинга*, то, по его приказанію, въ слѣдующемъ году политическій резидентъ въ Аденѣ, бригадиръ *Кохленъ*, отправился въ Занзибаръ, чтобы рассмотреть спорные вопросы между братьями. Получивъ это извѣстіе, лордъ *Каннингъ* рѣшилъ, что ежегодная «субсидія» въ 40,000 долларовъ, которую долженъ платить старшему брату младшій, влаждующій лучшею частью наслѣдства, будетъ соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ для перваго, и эта сумма была правильно выплачиваема до смерти *Сеидъ Суэни* въ 1866 году. Съ того времени начались переговоры съ его наслѣдникомъ, который требуетъ продолженія тавой же субсидіи, но теперь мало шансовъ на то, чтобъ эти переговоры окончились въ пользу Маската.

Однажды было сдѣлано покушеніе на жизнь *Сеидъ Маджида*. Говорили, будто одинъ армянинъ за нѣсколько тысячъ долларовъ взялся умертвить султана. Человѣкъ, обвиненный въ такомъ преступномъ замыслѣ, былъ посаженъ въ фортъ. Сдѣлавъ смѣлый прыжокъ со стѣны его, онъ надѣялся снова достигнуть свободы, и, только немного вывихнувъ ногу, пытался найти защиту въ домѣ англійскаго консула, но тотъ, разумѣется, отказалъ ему въ этомъ. Впоследствии ему, говорятъ, удалось доказать свою невинность, такъ какъ послѣ нѣкотораго времени онъ снова находился уже при своемъ прежнемъ занятіи.

Около конца этого же года, столь богатаго событіями для Занзибара, возсталъ *Сеидъ Баранъ*, постоянными происками наскучившій своему брату, султану, и получившій отъ него приказаніе удалиться изъ страны. Но онъ, вмѣсто того

чтобы отправиться на готовое къ отплытію судно, тайно отправился ночью, съ многочисленною партією, въ одну шамбу, лежащую внутри острова, каменная зданія которой, окруженные еще стѣною со многими бойницами, были очень удобны для сопротивленія обыкновенному огнестрѣльному оружію. *Сеидъ Маджидъ* снова оказался безсильнымъ, и опять его вывели изъ опасности англичане, теперь уже по собственной своей инициативѣ. Нѣкоторые офицеры стоявшей въ гавани канонирской лодки *Lynx* отправились, вмѣстѣ съ людьми султана, къ дому, зантому *Сеидъ Барашемъ*, и открыли, на небольшомъ разстояніи, изъ маленькой пушки такой сильный огонь, что имъ легко было бы силою войти въ домъ, еслибы только каждый изъ обонхъ отрядовъ не предоставлялъ чести такаго штурма своимъ товарищамъ. Нападеніе должно было возобновиться на слѣдующій день, но на этотъ разъ уже съ 150 почти флотскими солдатами и матросами съ упомянутой лодки и фрегата *Assaye*. Впрочемъ оказалось, что *Сеидъ Барашемъ* не захотѣлъ ждать втораго нападенія и уже убѣжалъ въ свой городской домъ. Этотъ домъ ночью окружили сильнымъ карауломъ, и на слѣдующее утро Барашемъ сдался безъ дальнѣйшаго сопротивленія. Этимъ и окончилось возстаніе, которое легко могло бы сдѣлаться опаснымъ для султана, но все-таки оно стоило жизни нѣсколькимъ стамъ человѣкъ. Какъ по окончаніи прежнихъ смуть, такъ и теперь среди миролюбиваго населенія города происходило большое торжество, и *Сеидъ Маджидъ* опять нѣкоторое время пользовался миромъ и спокойствіемъ. Но уваженіе къ вазунгу, содѣйствию которыхъ были обязаны счастливымъ оборотомъ дѣла, возрасло въ весьма высокой степени.

Два года спустя возникли новыя неурядицы, вызванныя образомъ дѣйствій нѣкоторыхъ англійскихъ канонирскихъ лодокъ, крейсировавшихъ около восточнаго берега Африки для подавленія торговли невольниками. Подстрекаемая высокою платою за поимку негроторговцевъ, они позволили себѣ разныя излишества, брали и сжигали мирныя купеческія суда подъ тѣмъ предлогомъ, что они занимались торговлею невольниками, вопреки всякому праву овладѣвали имуществомъ моряковъ и пайщиковъ судна и такимъ образомъ безответственно разстроивали всю торговлю побережья. Этотъ образъ дѣйствій, вредившій болѣе дозволенной, чѣмъ запрещенной торговлѣ, вызвалъ всеобщее негодованіе между европейцами, а еще болѣе между заинтересованными тутъ туземцами. Арабы съ сѣвера, въ большомъ числѣ прибывающіе сюда во время сѣверовосточнаго муссона, безпокойные и охочіе до торговли *Syrii*, даже открыто высказывали враждебныя намѣренія и серьезно думали о томъ, чтобы овладѣть англійскимъ военнымъ кораблемъ *Lyra*, котораго командиръ и экипажъ особенно участвовали въ этихъ неистовствахъ, и по своему наказать ихъ. Но такъ какъ у Арабовъ между желаніемъ и его исполненіемъ есть большая разница, то и на этотъ разъ планъ не былъ выполненъ. Этотъ случай можетъ быть отчасти способствовалъ тому, что вскорѣ начальникамъ крейсирскихъ судовъ даны были болѣе кроткія инструкціи, а для оправданія англійскаго правительства было сказано, что вышеупомянутому офицеру, какъ только кончился срокъ службы его корабля, не было болѣе поручаемо командировки на той же станціи, хотя онъ употребилъ для этой цѣли все бывшее у него подъ руками вліяніе.

Упрямый характеръ этихъ Суриевъ выказался впоследствии еще въ другомъ случаѣ. У магометанъ, какъ извѣстно, существуетъ обычай часто совершать омовенія, не только передъ каждою молитвою, но и передъ принятіемъ пищи, послѣ естественныхъ отпращиваній и т. под. Поэтому въ мѣстностяхъ, лежащихъ, подобно Занзибару, у самаго моря, для этихъ омовеній избирается главнымъ образомъ берегъ, а это для европейцевъ, живущихъ по близости, составляетъ очень неприятное зрѣлище, особенно утромъ, когда тамъ собираются длинными рядами туземцы для своихъ опрятныхъ операцій. Поэтому каждый мзунгу старался отдалять этихъ людей отъ своего дома, разставляя для этого нѣсколько своихъ людей, и занзибарцы со временемъ привыкли къ этому. Если же приходилъ незнакомый съ этимъ обыкновениемъ чужеземецъ и если ему во время не успѣли помѣшать въ исполненіи его намѣренія, то его обыкновенно заставляли руками сносить въ воду его собственныя нечистоты. Отвращеніе невѣрныхъ къ зловоніямъ можетъ быть показалось для нѣкоторыхъ строгихъ правовѣрныхъ страннымъ и произвольнымъ, и вотъ, когда одинъ сури подходилъ однажды утромъ къ водѣ подъ окнами американскаго консула, служитель этого консула пригласилъ его направить свои шаги въ другое, болѣе уединенное мѣсто. Когда же сури отказался исполнить это, то дѣло скоро дошло до брани а потомъ и до драки, при чемъ сури нанесена была довольно значительная рана въ голову. Его земляки грозили кровавою местию, если раненый умретъ, и этимъ привели въ величайшее затрудненіе *Сеидъ Маджида*, который былъ не въ силахъ укротить варваровъ. Тогда онъ прибѣгъ къ удачному средству: заплатилъ главному вождю отъ 3 до 5 тысячъ талеровъ и тѣмъ купилъ себѣ миръ со всею шайкою.

Съ того времени въ странѣ воцарилось спокойствіе; владычество Сеидъ Маджида болѣе и болѣе упрочивалось и финансовыя его дѣла весьма значительно улучшились, особенно когда, по смерти Сеидъ Суэни, прекращена быма тяжелая дань.

Какой видъ примутъ дѣла въ будущемъ, *послѣ смерти Сеидъ Маджида*, опредѣлить еще нельзя, такъ какъ гаремъ султана еще не произвелъ на свѣтъ ни одного сына, да вѣроятно и не произведетъ. Можетъ-быть тогда правителемъ сдѣлается вышеупомянутый *Сеидъ Баранш* или же живущій въ Бомбей въ изгнаніи *Сеидъ Турки*, а можетъ-быть и то, что смерть Сеидъ Маджида послужитъ поводомъ къ смутамъ или даже къ распаденію молодаго африканскаго государства, такъ какъ недовольный элементъ есть какъ на самомъ Занзибарѣ, такъ и на берегу. Если тогда европейскія державы не окажутъ вмѣшательства для поддержанія порядка, то этотъ послѣдній случай будетъ едва ли не всего вѣроятнѣе. О третьей возможности, т. е. о томъ, что какое либо-европейское государство завладѣетъ занзибарскою территорію, мы умалчиваемъ, потому что взаимная зависть державъ едва ли попуститъ, чтобы одна изъ нихъ завладѣла странюю, занимающею столь выгодное положеніе и столь богатою естественными средствами. Впрочемъ политики находили исходъ даже въ болѣе трудныхъ случаяхъ, и потому нѣтъ ничего невозможнаго, что черезъ нѣсколько лѣтъ на укрѣпленныхъ пунктахъ занзибарской территоріи будетъ развѣваться одинъ изъ европейскихъ флаговъ вмѣсто кровавокраснаго султанскаго. Поведетъ ли это къ счастью или къ

несчастію страны, каждый может рѣшить самъ, судя по вышеприведенной исторіи Момбаса.

Власть Сеидъ Маджиды простирается номинально отъ мыса *Дельмадо* до *Мукдиша*, стало-быть на 13° широты, но фактически ограничивается на побережьѣ нѣсколькими укрѣпленными и таможенными пунктами. Открытая страна, даже въ небольшомъ разстояніи отъ этихъ пунктовъ, совершенно независима: жители ея только тогда платятъ пошлины султану, когда ввозятъ въ Занзибаръ предметы, подлежащіе таможенной пошлинѣ. Особенно слабы связи съ арабскимъ владычествомъ въ береговыхъ городахъ, лежащихъ по ту сторону экватора. Такъ *Брава* и *Мукдиша* хотя и признаютъ *Сеидъ Маджиды* своимъ покровителемъ, потому что находятся въ чертѣ дѣйствія орудій его флота, но не связаны по отношенію къ нему никакими обязательствами. Только *Мукдиша* позволяетъ ему взимать пошлину съ торгующихъ тамъ кораблей, но и эта пошлина должна дѣлиться съ властями города. Кромѣ того, эти мѣста зависятъ еще и отъ султановъ *Геледи* или *Бардераха*, такъ какъ эти султаны могутъ, по своему желанію, отрѣзать этимъ городамъ необходимую для нихъ торговлю со внутренними землями; но настоящее господство въ городахъ принадлежитъ шейхамъ, т. е. старѣйшинамъ, такъ что эти счастливые города имѣютъ троякаго рода господъ.

Даже и надъ островомъ *Занзибаромъ Сеидъ Маджидъ* господствуетъ не безусловно: здѣсь онъ дѣлитъ власть съ *Мунемку*, вождемъ *Мукадимовъ* (или съ его преемникомъ, такъ какъ *Мунемку* умеръ 25-го іюня 1865 г.). Правда, этотъ вождь долженъ ежегодно вносить султану взимаемую съ мукадимовъ поголовную подать въ 10,000 долларовъ и въ случаѣ войны выставлять войско, но его вліяніе внутри острова гораздо значительнѣе вліянія Сеидъ Маджиды.

Вазунгу титулуютъ Сеидъ Маджиды *высочествомъ* и называютъ его *султаномъ*, хотя онъ, какъ «сеидъ» (буквально: «господинъ») имѣетъ право только на титулъ «*высокаго господина*». Поэтому и арабы при случаѣ говорятъ: «онъ нашъ господинъ, но не султанъ»; султанъ—это великій властитель, каковъ напр. въ Румѣ, т. е. въ Турціи».

По свѣдѣніямъ, которыми мы обязаны бывшему ганзеатическому консулу въ Занзибарѣ, г. *Т. Шульцу*, *государственные доходы* Занзибара состоятъ изъ слѣдующихъ статей († доллару или почти 1½ прусскимъ талерамъ):

- 300,000 † таможенной аренды;
- 6,000 † дохода съ острова Пембы (зависящаго отъ урожая гвоздики;
- 15,000 † дохода съ коронныхъ имѣній (шамбъ);
- 10,000 † поголовной подати съ мукадимовъ.

А всего 331.000 или полмилліона прусскихъ талеровъ. До 1866 года они были на 150,000 меньше, потому что въ то время таможенная аренда была на 110,000 ниже и существовала еще дань Маскату.

Слѣдовательно, собственно *податей* здѣсь нѣтъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по совѣту англійскаго консула, сдѣлали попытку взимать налогъ съ кокосовыхъ орѣховъ и гвоздики, но вскорѣ принуждены были отмѣнить ее, такъ какъ, во

первыхъ, это сильно не понравилось владѣльцамъ плантацій, а во вторыхъ, не было талантливаго человѣка, который бы сѣумѣлъ организовать взиманіе этого налога. Налогъ на гвоздику впрочемъ и теперь еще существуетъ въ видѣ вывозной пошлины съ грузовъ, отправляемыхъ въ Индію, съ которыхъ берется по $\frac{1}{4}$ доллара съ каждаго гонье (14). Привозимые ежедневно на рынокъ и предназначенные для непосредственнаго употребленія съѣденные припасы также должны были быть облагаемы пошлиною; но такъ какъ эта пошлина ложилась прежде всего на небогатыхъ людей и издержки по ея взиманію были чрезвычайно велики, то отъ нея уже черезъ нѣсколько дней отказались. Единственная обязанность, лежащая на землѣ, есть поставка войска.

Само собою понятно, что въ арабской странѣ, гдѣ все завершается въ особѣ властителя, государственные доходы суть вмѣстѣ съ тѣмъ и *доходъ султана*, и онъ не отдаетъ никакого отчета въ ихъ употребленіи. Онъ покрываетъ ими расходы по содержанію двора, платитъ чиновникамъ и солдатамъ и содержитъ свои корабли, т. е. даетъ имъ очень немного изъ того, что считаетъ необходимымъ выдавать каждое европейское государство. Но всѣ эти расходы сравнительно весьма незначительны, и, хотя султанъ не очень экономно распоряжается своими средствами, какъ напр. дѣлаетъ иногда значительные подарки представителямъ иностранныхъ державъ, а все-таки у него остается ежегодно порядочная сумма. Эту сумму онъ однакоже не употребляетъ на улучшеніе положенія страны, а просто владеть ее въ свою казну. *Онъ не требуетъ многого отъ своихъ подданныхъ, но и самъ немного даетъ имъ.*

Предназначенное для защиты страны «постоянное войско» состоитъ изъ 1400 солдатъ *Белуджей*, о которыхъ мы уже говорили. Конечно, это слабое войско, размѣщенное по маленькимъ укрѣпленіямъ на побережьѣ и на островѣ, недостаточно въ случаѣ войны; но въ этомъ случаѣ арабскіе землевладѣльцы обязаны, смотря по обширности ихъ владѣній, выставлять извѣстное число невольниковъ, и такимъ образомъ въ короткое время можетъ быть собрано весьма значительное по здѣшнему войско въ 20—30 тысячъ человѣкъ. Конечно, въ такомъ войскѣ часто недостаетъ оружія, и что дисциплина въ немъ плоха; но эта военная сила все таки стоитъ вниманія, особенно если она имѣетъ дѣло не съ болѣе сильнымъ и лучше вооруженнымъ врагомъ. Конницы въ этомъ маленькомъ войскѣ нѣтъ, но за то есть, хотя и плоховатая, артиллерія, прислугою при которой состоятъ турецкіе и персидскіе канонеры.

Морскую силу Занзибара также нельзя назвать значительною, особенно въ сравненіи съ прекраснымъ и многочисленнымъ флотомъ, который содержалъ Сеидъ Саидъ. Она состоитъ изъ 2 фрегативъ, 52 и 32 пушечнаго, *Шахъ Аллемъ* и *Викторія*, изъ 22 пушечнаго корвета *Искандеръ Шахъ*, изъ маленькой шкуны о 4-хъ пушкахъ *Африка* и изъ двухъ купеческихъ кораблей *Надиръ Шихъ* и *Газель*, которые въ случаѣ войны также вооружаются. Только нѣкоторые изъ этихъ кораблей стоятъ подъ парусами, а другіе, старые, сдѣлались негодными къ употребленію и стоятъ безъ такелажа въ гавани; ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ хорошо обученнаго экипажа и хорошихъ пушекъ. Въ послѣднее

время, когда доходы его значительно увеличились, Сеидъ Маджидъ сдѣлать кое-что и для флота и купилъ извѣстный по американской войнѣ каперъ *Шенандоа*, который теперь снова получилъ свое первоначальное имя *Сикинг*. Онъ, вмѣстѣ съ паровою яхтою *Туле*, подаркомъ индѣйскаго правительства, и съ построенною въ Гамбургѣ небольшою буксирною шлюпкою *Star*, составляетъ зачатокъ паровой флотилии.

Кромѣ того, султанъ держитъ для своего удовольствія *лейбгвардію*, состоящую изъ дюжины коричневыхъ, босыхъ, не совѣмъ опрятныхъ парней (большую частію португальскаго происхожденія), одѣтыхъ въ старые англійскіе мундиры, красные сюртуки, турецкіе фесы и т. п., на манеръ индѣйскихъ *сипаевъ*. Ихъ капитанъ, старый арабъ, командуетъ ими поанглійски и заставляетъ ихъ выдѣлывать смѣшныя эволюціи на площади передъ домомъ султана. Сеидъ Маджиду кажется очень нравится эта гвардія, въ особенности ея музыкальныя упражненія на барабанѣ и трубѣ, и онъ разъ 6—8 въ день заставляетъ ее повторять ихъ. Недавно, будучи въ Бомбей, онъ привезъ съ собою оттуда новые для нея мундиры, такъ какъ старые уже совѣмъ износились. Съ этого же времени число гвардейцевъ увеличено до 50 человекъ.

Султанскіе *чиновники и офицеры* получаютъ очень небольшое жалованье, рѣдко болѣе 25—50 талеровъ въ мѣсяцъ. Но, не смотря на то, они въ короткое время скопляютъ себѣ очень почтенныя суммы, и, умирая, оставляютъ обыкновенно прекрасное состояніе. Непримѣнимое къ европейскому положенію дѣлъ искусство изъ 25 талеровъ жалованья откладывать 50, можетъ нѣкорымъ показаться непонятнымъ, но мы пояснимъ это примѣромъ. Военный начальникъ обязывается содержать извѣстное число солдатъ и получаетъ въ извѣстные сроки деньги, необходимыя имъ на содержаніе и на порохъ. Но онъ довольствуется гораздо меньшимъ числомъ людей и не даетъ разстрѣливать весь назначенный порохъ, сберегая какъ можно болѣе въ свою пользу. Въ этомъ отношеніи ему нѣтъ повода чего-либо опасаться, такъ какъ въ Занзибарѣ нѣтъ ни «высшей счетной палаты», ни «ревизоровъ», ни «инспекторовъ». Если же, по какому нибудь случаю, высшій начальникъ узнаетъ объ этомъ, то меньшее число людей легко можно объяснить какимъ-либо предлогомъ, или же пополнить его наскоро набранными бродягами. Также точно поступаютъ командиры стоящихъ въ Занзибарской гавани военныхъ кораблей, которые часто подвержены опасности «высокаго посѣщенія». Такъ напр. *Эмиръ Гаммисъ* проворно ссужается, въ случаѣ посѣщенія его фрегата, недостающими матросами у *капитана Мабрука*, такъ что султанъ находить все въ порядкѣ. Даже, если онъ вздумаетъ посѣтить съ разу всѣ корабли, то и тогда не найдетъ никакого недостатка: экипажъ за его спиною гораздо скорѣе его успѣетъ перейти на другой корабль.

Впрочемъ добродушный властитель хорошо знаетъ, что его обкрадываютъ, но полагаетъ, что иначе и невозможно, и потому относится къ этому равнодушно; можетъ-быть эти надувательства даже кажутся ему выгодными, потому что все пропавшее и выданное собирается и потомъ, въ силу *права насльдванія*, достается ему же. Именно, если умираетъ такой чиновникъ, изъ голоднаго обор-

ванца сдѣлавшійся главою города и государства, то султанъ находитъ свою собственность сохранившеюся и приумноженною въ видѣ плантацій, кораблей, женщинъ, невольниковъ и коровъ, и снова вступаетъ во владѣніе ею. Такимъ образомъ то, что онъ предоставилъ вѣрному домоправителю, столь выгодно употребившему въ дѣло капиталъ, пожизненное пользованіе имъ, представляется лишь дѣломъ справедливости; наследованія же этого имущества дѣтями владѣльца никто не можетъ требовать. Да наследники и не нуждаются въ родительскомъ наследствѣ, потому что они идутъ по стопамъ своихъ предковъ, слѣдуютъ той же карьерѣ и въ короткое время достигаютъ такой же степени благосостоянія. При такомъ патріархальномъ положеніи дѣлъ, при которомъ страна и люди считаются въ нѣкоторой степени только короннымъ имуществомъ султана, и ему дается право отнять что ему угодно, нельзя прилагать *наши* понятія о *честности* и *вѣрности*.

Сеидъ Маджидъ есть верховный *судья* страны. Онъ лично и безъ отлагательства рѣшаетъ всѣ значительныя дѣла и заставляетъ немедленно приводить въ исполненіе свой безапелляціонный приговоръ. Незначительныя дѣла рѣшаются *кадіями*, и ихъ приговоръ можетъ быть отмѣняемъ султаномъ. Судопроизводство словесное; даже въ важнѣйшихъ случаяхъ никакой письменной процедуры не бываетъ.

Изъ *наказаній* самыя употребительныя битье палками и тюремное заключеніе. Наказываемаго палками вѣшаютъ за руки, а къ ногамъ привѣшиваютъ гири, дабы онъ не могъ противиться наказанію.

Тюремное заключеніе отбывается въ фортѣ; при строгомъ заключеніи налагаются оковы. Заключенные содержатся не слишкомъ дурно: они могутъ сношаться съ своими друзьями, получать отъ нихъ пищу и напитки, могутъ жевать табакъ, играть, и ихъ не заставляютъ работать. Для того, чтобы заключить когонибудь въ тюрьму, разумѣя здѣсь, по крайней мѣрѣ, прислугу и невольниковъ, нѣтъ нужды въ особомъ приговорѣ; достаточно отвести провинившагося въ фортъ, дать тюремщику нѣкоторую сумму денегъ на водку и на содержаніе арестанта, и назначить, сколько дней вы желаете продержать его тамъ, и долженъ ли онъ сидѣть въ цѣпяхъ или нѣтъ. Нѣкоторое сходство съ европейскими обычаями состоитъ въ томъ, что при торжественныхъ случаяхъ (ежегодно въ Эдъ-Курбанъ) арестантовъ освобождаютъ, исключая только государственныхъ преступниковъ.

Былыгъ невольниковъ или выставляютъ, какъ уже извѣстно, на площади передъ домомъ султана, или же, если они бѣжали во второй разъ, приговариваютъ къ *хожденію въ цѣпяхъ*. На суставъ ноги накладываютъ имъ, посредствомъ желѣзнаго кольца, желѣзную палку длиною зъ 12—15 дюймовъ, состоящую изъ двухъ колѣнъ, скрываютъ вмѣстѣ виновныхъ, представленныхъ ихъ владѣльцами, цѣпями длиною въ 7—8 дюймовъ, и отдаютъ внаймы за поденную плату эту медленно идущую съ ростопыренными ногами группу каждому, кто имѣетъ въ ней нужду.

За *воровство* полагаются весьма строгія наказанія, вѣроятно потому, что оно рѣдко открывается; попавшимся въ воровствѣ во второй разъ отсѣкаютъ

правую руку и потомъ погружаютъ обрубокъ руки въ кипящее масло, чтобы остановить кровотеченіе.

Убийць наказываютъ сравнительно очень снисходительно. На случайное убійство невольника не обращается большаго вниманія. Если онъ не принадлежитъ самому виновнику, то владѣльца легко вознаградить извѣстною суммою денегъ, часто не свыше цѣны быка. Даже убійство свободнаго человѣка въ большей части случаевъ можетъ быть заглажено суммою въ 800 талеровъ. Если же родственники убитаго не согласятся на это, то бѣдному грѣшнику приходится плохо; правосудіе варваровъ проявляется тогда во всей своей строгости. Тотчасъ послѣ высшаго приговора убійцу убиваетъ его палачъ, родственникъ его жертвы: онъ схватываетъ его, бросаетъ на землю, ножомъ отрубаетъ шею и потомъ, немного подождавъ, отдѣляетъ голову отъ туловища. Но объ этомъ обычаѣ, возмущающемъ всякое чувство, мы станемъ судить не такъ строго, если примемъ въ расчетъ, что и въ нашемъ правосудіи еще виднѣются слѣды подобнаго варварства. Развѣ не столь же гнусно, когда цивилизованный человѣкъ, хотя бы это былъ даже судья, хладнокровно приговариваетъ другаго человѣка къ смерти для «заглаженія» совершеннаго имъ преступленія? Дабы помирить филантропа съ этимъ едва полуцивилизованнымъ народомъ, мы приведемъ слѣдующій пунктъ тамошняго кодекса: «предназначенное дурное обращеніе съ невольникомъ даетъ этому послѣднему право искать себѣ другаго господина».

Наказаніе за *прелюбодѣліе* предоставлено благоусмотрѣнію лица потерпѣвшаго.

Мѣстнымъ законамъ подчинены только арабы и суахелійцы; индійскіе подданные Англій подлежатъ юрисдикціи ея консула; европейцы, которые вообще въ подобныхъ странахъ образуютъ *status in statu*, стоятъ внѣ всякой юрисдикціи. Правда, консулъ можетъ налагать наказаніе на вазунгу, занимающихъ низшее положеніе; купцы же не могутъ быть судимы, да здѣсь рѣдко бываетъ и нужда въ судѣ: Занзибарскихъ вазунгу, которыхъ здѣсь немного, нельзя сравнивать съ распутными жителями Чартума. Они поддерживаютъ передъ туземцами честь своего происхожденія и стараются жить съ ними въ добромъ согласіи. Случающіеся, не смотря на то, споры счастливо прекращаются или разбираются избраннымъ обѣими сторонами третейскимъ судомъ. Безъ такога миролюбія пребываніе въ странѣ, гдѣ одинъ не можетъ обходиться безъ другаго, было бы невыносимо.

Полиціи на Занзибарѣ вовсе нѣтъ, если не считать служителями безопасности шатающихся по ночамъ Белуджей, которые болѣе сами дѣлаютъ беспорядковъ, нежели предотвращаютъ ихъ. Вслѣдствіе этого кражи и другія злодѣянія открываются только тогда, когда потерпѣвшій самъ напалъ на слѣдъ преступника. Впрочемъ честные индійскіе купцы обнаруживаютъ много такого, что безъ этого осталось бы необнаруженнымъ. Если напр. негръ приноситъ къ нимъ что нибудь подозрительное, чтобы продать имъ это, то они, какъ англійскіе подданные, сейчасъ же доводятъ объ этомъ до свѣденія своего консула. Этотъ послѣдній разсылаетъ захваченную вещь по всѣмъ вазунгу и тѣмъ даетъ имъ возмож-

ность обратно получить свою собственность, если они признают за таковую вышеупомянутую вещь, и привлечь вора къ отвѣтственности.

На Занзибарѣ господствуетъ полная *свобода религіи*. Каждый можетъ по своему поклоняться своему Богу. При отсутствіи сильнаго религіознаго рвенія у здѣшнихъ мусульманъ, неудивительно, что *мечетей* въ городѣ немного и онѣ неизящны. Только у одного изъ 41 молитвенныхъ домовъ въ Занзибарѣ (изъ коихъ 29 принадлежатъ суннитамъ, 3 шиитамъ и 9 абадитамъ), именно у того, который находится въ Малинди, есть *минаретъ*; прочіе же мало отличаются отъ другихъ домовъ и ихъ можно отличать только по находящимся передъ ними фонтанамъ, изъ которыхъ вѣрные черпаютъ передъ молитвою воду, необходимую имъ для омовеній. Мечети въ селеніяхъ, особенно на побережьѣ материка, еще бѣднѣе: мы видали жалкія лачужки, почти безъ стѣнъ и кровли, которыя носили названіе *москити* (мечети).

Изъ *храмовъ другихъ вѣроисповѣданій* можно упомянуть еще о двухъ или трехъ столь же незначительныхъ молитвенныхъ залахъ баіанъ, о храмѣ индусовъ въ Назимѣ и о капеллахъ англійской и французской миссій, въ которыхъ по воскресеньямъ разъ или два совершается торжественное богослуженіе съ аккомпаниментомъ фис-гармоніи.

Для *народнаго просвѣщенія* государство не принимаетъ никакихъ мѣръ.

Душа страны, пружина всей человѣческой дѣятельности на Занзибарѣ есть *торговля*. Да иначе и быть не могло бы, такъ какъ ея продуктомъ живетъ государство, т. е. султанъ, и такъ какъ всѣ жители, какъ туземцы, такъ и чужестранцы, принадлежатъ къ націямъ, отличающимся торговымъ духомъ. Европейцы и индійцы единодушно стремятся къ той цѣли, чтобы вести здѣсь торговлю; арабы также или дѣловые люди, или же доходомъ съ своихъ поземельныхъ участковъ привязаны къ торговлѣ, и даже негры, которые не заняты ручными работами, стараются итти объ руку съ выше ихъ стоящими расами.

Торговля Занзибара, которая въ началѣ 30-хъ годовъ текушаго столѣтія была еще такъ незначительна, что одинъ корабль съ трудомъ могъ собрать тамъ для себя грузъ, теперь съ каждымъ годомъ возрастаетъ и простирается до суммы въ 10 милліоновъ талеровъ, въ которой вывозъ составляетъ гораздо болѣе значительную долю, чѣмъ ввозъ. Главные ея предметы, для которыхъ Занзибаръ служитъ самымъ богатѣйшимъ рынкомъ въ свѣтѣ, суть слоновая кость, гвоздика и копаль. Всѣхъ болѣе участвуютъ въ этой торговлѣ восточный берегъ Африки, Сѣверная Америка, Индія, Гамбургъ, Франція, Аравія и Мадагаскаръ, дающіе и самое большое количество предметовъ ввоза. Вся торговля, за исключеніемъ торговли невольниками, совершенно свободна, такъ какъ никому не запрещена любая отрасль промышленности и ее не стѣсняють никакіе таможенные законы; вывозъ весь свободенъ, ввозъ европейцевъ обложенъ 5%, а ввозъ туземцевъ 10, 20 или 30%, смотря по качеству ввозимыхъ товаровъ и по мѣстамъ, откуда они приво-

зятся. Точнаго надзора за пошлинами впрочемъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ европейцамъ; таможенный арендаторъ полагается на честность нашихъ сородичей.

По живости и направленію торговли, годъ можно раздѣлить на двѣ половины, — на половину *югозападнаго* и *сѣверовосточнаго муссона*. Последняя половина составляетъ настоящую дѣловую пору. Въ началѣ декабря появляются отплывшія изъ Индіи и Аравіи съ первымъ дуновеніемъ новаго вѣтра каботажныя суда, возвѣщая свое прибытіе сюда криками и восторгомъ экипажа, звуками там-тама и ружейными выстрѣлами. Вскорѣ гавань наполняется безчисленными *дау*, *мтене*, *бетенами*, *бетеласами*, *богалосами* и другими разныхъ наименованій судами. Въ городѣ появляются незнакомыя лица. На улицахъ и въ лавкахъ выставляются товары, которыхъ прежде или было очень мало или же вовсе не было: сурія и сомали привезли для недостаточныхъ людей вонючую, копченую рыбу и красноватую каменную соль, для зажиточныхъ—кофе, финики, овецъ, козъ, верблюдовъ, лошадей, а для купцовъ—кожи убитыхъ ими на родинѣ быковъ и шкуры дикихъ животныхъ. Индійцы же снабдили рынокъ рисомъ и топленнымъ коровинымъ масломъ, пестрыми бумажными и шелковыми матеріями, домашнею утварью и тысячью другихъ предметовъ ежедневнаго потребленія.

Многіе изъ моряковъ, разгрузившись, идутъ далѣе къ югу, ведутъ мѣновую торговлю на Коморскихъ островахъ и Мадагаскарѣ, и при началѣ югозападнаго муссона возвращаются въ сопровожденіи тамошнихъ кораблей съ богатыми грузами риса, быковъ, козъ, раковинъ каури, кокосовыхъ веревочъ, кожъ, воска и эбеноваго дерева.

Торговля сношенія съ ближними частями суахелійскаго берега продолжаютъ круглый годъ; эти пункты получаютъ европейскіе и индійскіе товары для употребленія береговыхъ жителей и для торговли съ внутренностью Африки, и даютъ въ замѣнъ ихъ драгоцѣнную слоновую кость, копаль, кунжутъ, мтаму и рисъ, быковъ и ихъ кожи, воскъ, цинковки, дрова и другіе предметы, которыми они богаты.

О числѣ маленькихъ и большихъ судовъ, посредствующихъ на Занзибарѣ между торговлею Индіи и Африки, нельзя сообщить точныхъ свѣдѣній, такъ какъ они уходятъ и приходятъ, часто даже не заявляя о себѣ въ таможенномъ домѣ, и во всякомъ случаѣ они не записываются тамъ въ реестръ; но нѣтъ сомнѣнія, что число это болѣе тысячи.

Точнѣе извѣстна торговля судовъ европейской постройки, которыя у суахелійцевъ называются *меркабу*: число ихъ простирается отъ 60 до 100. Только немногія изъ нихъ, какъ напр. американскія китоловныя суда, посѣщаютъ гавань не для торговли, а для того, чтобы запастись свѣжимъ мясомъ и другими потребными для нихъ вещами. Такъ какъ ихъ появленіе, за немногими исключеніями, не зависитъ отъ времени года, то во всякое время здѣсь можно встрѣтить нѣсколько такихъ судовъ, часто отъ 8 до 10, занимающихся выгрузкою или нагрузкою. Ихъ работа состоитъ главнымъ образомъ въ отвозѣ произведеній восточноафриканскаго берега, въ замѣнъ же этого они даютъ весьма небольшое, ибо большая часть ихъ приходятъ только въ половину нагруженными или даже съ однимъ бал-

ластомъ. Изъ привозимыхъ ими товаровъ самые важныя суть: бумажныя матерія, бусы, желѣзная и мѣдная проволока, оружіе (старыя солдатскія ружья, особенно кремневыя), мелочныя товары, фарфоръ и фаянсъ, мука, спиртные напитки, сахаръ, мыло и свѣчи. Всего болѣе участія принимаютъ въ этой торговлѣ *американцы*, которыхъ корабли отсюда часто отправляются въ Маскатъ и Индію; только они въ нѣкоторой степени уравниваютъ привозъ съ вывозомъ, доставляя на рынокъ въ большомъ количествѣ свои бѣлыя бумажныя ткани (sheeting, у суахелійцевъ называемый *американо*). Затѣмъ слѣдуютъ по количеству гамбургскія и французскія суда. Французы большею частію должны бывають платить за покупаемые товары наличными деньгами и въ иные года привозятъ до $\frac{1}{2}$ милліона франковъ монетою. Нашимъ соотечественникамъ въ послѣднее время поставка каменнаго угля для англійскаго правительства дала возможность привозить часто полныя грузы. Многіе изъ ихъ кораблей служатъ для сношеній съ западнымъ берегомъ Африки, съ *лагосами* въ Бенинской бухтѣ: они отвозятъ туда грузы каури и обмѣниваютъ ихъ на пальмовое масло.

Главная, а прежде исключительная, монета Занзибарскаго рынка есть серебряный *талеръ Маріи Терезіи*, съ которымъ уравниенъ въ цѣнѣ американскій *долларъ*. Онъ ходитъ всюду отъ Египта и до Мадагаскара и теперь еще чеканится въ Вѣнѣ для африканской торговли (подъ 1787 годомъ). Его стоимость равняется 1 талеру 13—15 грошамъ на прусскія деньги (на русскія деньги около 1 р. 40 коп.). У суахелійцевъ онъ называется *reali meosi*, т. е. черный талеръ, потому что монеты, долгое время находящіяся въ обращеніи, принимаютъ черноватый цвѣтъ; это считается признакомъ доброкачественности металла, и прежде эту черноту искусственно воспроизводили на талерахъ новой чеканки.

Затѣмъ всего чаще встрѣчаются французскіе *пятифранковыя талеры*, но они принимаются только на самомъ Занзибарѣ и далѣе къ югу на Коморскихъ островахъ и Мадагаскарѣ. Они, съ прибавкою къ нимъ осьми пезъ, стоятъ столько же, какъ и черный талеръ, т. е. стоятъ дешевле его только $2\frac{2}{3}$ — 3 грошами; точно также ходятъ и *рупіи*, соответствующія половинѣ пятифранковика. Часто также встрѣчаются французское и южноамериканское *золото*; поэтому здѣсь ведутъ счетъ также на *унціи* средне-и-южно-американскихъ республикъ и на англійскіе и австрійскіе *соверэны*, а также иногда встрѣчается и испанскій *піастръ со столбами*, у суахелійцевъ называемый *reali msinga* или *талеръ съ пушками*, такъ какъ они принимаютъ столбы по обѣимъ сторонамъ піастра за пушки. Какъ рѣдкость, показываются здѣсь наконецъ прусскіе талеры, полудоллары, франки, англійскіе шиллинги и др. монеты.

Единственную *размѣнную монету* составляютъ остъиндскіе *Pice* или *Quarter Annas*, обыкновенно называемые *пезами*: это медкія мѣдныя монеты, коихъ три равняются грошу на нѣмецкія деньги. Ихъ стоимость относительно серебра колеблется, смотря по тому, часты ли онѣ, или рѣдки: иногда за талеръ даютъ 110, а иногда 132 пезы. Среднимъ числомъ можно принять, что черный талеръ стоитъ 128, а французскій талеръ или двѣ рупіи — 120 пезъ. Въ мелкихъ оборотахъ

считаютъ также на *роббо* или $\frac{1}{4}$ талера, и на *сумми* или $\frac{1}{8}$ талера. Бупцы при своихъ расчетахъ употребляютъ *центы* = $\frac{1}{100}$ части талера Маріи-Терезіи.

Не смотря на большой привозъ металла изъ Европы и Америки здѣсь не замѣчается увеличенія количества монеты, что объясняется тѣмъ, что индійцы всѣ свои сбереженія кладутъ въ металлѣ и главнымъ образомъ въ серебрѣ, увозятъ его на родину и такимъ образомъ изъемяютъ изъ обращенія. Такая страсть къ монетѣ, общая всей южной и восточной Азии, поглощаетъ громадныя массы серебра, и все добываемое во всемъ свѣтѣ серебро едва можетъ уравнивать такой его отпływъ.

Относительно мѣръ и вѣсовъ, здѣсь употребляемыхъ, мы отсылаемъ читателей къ приложенію.

Въ пестромъ строѣ купеческихъ кораблей приходятъ и уходятъ *военные корабли*, главнымъ образомъ англійскіе; иногда 4—6 такихъ кораблей стоятъ въ гавани, а иногда не бываетъ ни одного. Ихъ посѣщеніе также не зависитъ отъ времени года, но вообще ихъ бываетъ всего больше во время сѣверовосточнаго муссона. Тогда приходятъ и нѣкоторые французы съ острова Соединенія, дабы на дурное время года пережѣнить свой лишенный гаваней островъ на безопасныя гавани Занзибара. Когда военныхъ кораблей бываетъ много, тогда въ городѣ господствуетъ живая дѣятельность: продавцы мяса, полевыхъ плодовъ, куръ, яицъ и молока—блаженствуютъ, требуютъ и берутъ двойныя цѣны за меньшее количество товаровъ; *Charles*, французскій трактирщикъ, содержатель бойни и пекарни, чрезвычайно занятъ, убиваетъ своихъ лучшихъ быковъ, которыхъ до сихъ поръ берегъ, и улыбаясь смотритъ, какъ пустѣютъ его погреба съ спиртными напитками и съѣстными припасами; португальскіе содержатели лавокъ, продавцы живыхъ животныхъ, раковинъ и рѣдкостей и другіе люди также отлично ведутъ дѣла; но особенно радуется полукровный лопманъ, маленькій, толстый, живой говорунъ, любезность котораго не имѣетъ границъ, и, сознавая свою важность, красуется въ официальной своей одеждѣ. Городъ наполняется разнородными лицами и костюмами: часть экипажа, которой недоступно гостепріимство европейскіхъ домовъ, угощается въ простой гостинницѣ Шарля; молодые мичманы принимаются для прогулокъ за конюшню султана; большая часть офицеровъ пребываетъ въ купеческихъ домахъ или консульствахъ, и, послѣ скучнаго плаванія, наслаждаются гостепріимнымъ и любезнымъ Занзибарскимъ обществомъ.

Столь оживленная дѣятельность на долгое время приноситъ съ собою, кромѣ возвышенія цѣнъ, и другія неудобства. Во многихъ особенно часто посѣщаемыхъ гостями хозяйствахъ только тогда наступаетъ спокойствіе, когда военные гости уйдутъ изъ гавани. Правда, они чрезвычайно рѣдко злоупотребляютъ по истиннѣ великимъ гостепріимствомъ (какъ скоро одинъ какой нибудь безсовѣстный чловѣкъ дойдетъ до того, что станетъ считать гостепріимные дома за гостинницы, то капитанъ однимъ словомъ прекращаетъ это невѣжество и запрещаетъ ему по-

сѣщать ихъ), но бываютъ такіе часы и дни, когда желаешь остаться одинъ, чтобы потомъ снова порадоваться неожиданному посѣщенію.

Что касается до постоянныхъ сношеній съ отечествомъ, то вазунгу терпятъ въ этомъ отношеніи недостатки. Правильнаго почтоваго сообщенія совсѣмъ нѣтъ. Правда, при возрастающей важности восточнаго берега рано или поздно установится пароходное сообщеніе съ Капштадтомъ или Аденомъ; но въ настоящее время только по временамъ, и то не въ опредѣленные сроки, получаютъ съ военными или купеческими кораблями письма и газеты изъ Бомбѣя или другой какой почтовой станціи, а часто по цѣлымъ мѣсяцамъ не приходитъ никакихъ извѣстій. Если потомъ вдали покажется парусъ, который, какъ думаютъ, везетъ почту, то въ Шангани возникаетъ радостное волненіе; корабль приближается, бросаетъ якорь; спѣшатъ къ консулу и получаютъ отъ него, что послала судьба. Тогда у счастливыхъ фізіономіи проясняются, а тѣ, которые ушли съ пустыми руками, грустно расхаживаютъ среди всеобщаго торжества.

Еще 20 лѣтъ тому назадъ имя Занзибара было почти неизвѣстно въ Европѣ. Правда, еще въ концѣ 16-го и въ началѣ 17-го вѣка нѣкоторые англійскіе корабли, при своихъ торговыхъ плаваніяхъ, посѣщали островъ, а сто лѣтъ спустя британское правительство отправило туда людей для наблюденій и изслѣдованій; правда, далѣе, англійская эскадра капитана *Оуэна* въ 1822—1826 гг. изслѣдовала весь восточный берегъ Африки съ его гаванями, а 20 лѣтъ спустя другой военный корабль, подъ начальствомъ капитана *Христофера*, еще разъ изслѣдовалъ эту территорію отъ Килоа до Мукдиша, и наконецъ офицеръ французскаго флота *Мэзанс* въ 1845 году пытался проникнуть внутрь этой территоріи (но неудачно; онъ былъ убитъ), а французскій военный корабль, подъ начальствомъ капитана *Гиллена*, еще разъ изслѣдовалъ, въ 1846—1848 гг., береговую территорію въ хозяйственномъ и научномъ отношеніяхъ; но свѣденія о томъ, что узнали эти люди, не проникли въ массу публики. Только въ концѣ 40-хъ годовъ всеобщее вниманіе было обращено на эти области, потому что, по новѣйшимъ извѣстіямъ, здѣсь предполагали открыть давно отыскиваемые источники Нила, и потому что здѣсь были открыты большія снѣжныя горы, о существованіи которыхъ прежде едва ли помышляли, и что близко предстояло открытіе громадныхъ внутреннихъ морей. Это привело въ волненіе не только ученыхъ, но и весь образованный міръ выказалъ живѣйшее участіе и съ напряженнымъ вниманіемъ читалъ извѣстія о богатыхъ произведеніяхъ тѣхъ странъ, о Занзибарской торговлѣ слоновію костью, о странѣ, жителей и султанѣ. Наконецъ, вслѣдствіе новѣйшихъ открытій смѣлыхъ путешественниковъ, имя острова и города сдѣлалось такъ извѣстно, что каждый по крайней мѣрѣ хоть *слышалъ* его.

Этимъ мы обязаны двумъ нѣмцамъ-миссіонерамъ *Кранфу* и *Ребману*. Безъ ихъ свѣденій, сначала казавшихся странными, но потомъ блестящимъ образомъ подтвердившихся, ни *Бэртонс* и *Спикс* въ 1856—1859 гг. не предприняли бы достойнаго удивленія путешествія, поведшаго къ открытію большихъ озеръ Танганьика и Укереве, ни *Рошертъ*, *Спикс*, *Грантс* и *фонс дерз Декенс* не направились бы къ тѣмъ областямъ, которыя доставили имъ такую славу. Всѣ они

точно подтвердили то, что прежде узнали и видѣли миссіонеры: Рошеръ и англичане, посѣтивъ эти озера, а фонъ Декенъ, устранивъ своими путешествіями всѣ сомнѣнія въ существованіи снѣжной горы Килиманджаро.

Въ послѣдніе годы на Занзибаръ обращались еще путешественники: *Ливингстонъ*, отправлявшійся къ области озеръ, и два самоотверженные нѣмца, *Кинцельбахъ* и *Бренеръ*, желавшіе привезти сродникамъ Декена по возможности вѣрныя свѣденія о послѣднихъ судьбахъ его и его спутника.

Для путешествующаго по восточнымъ берегамъ Африки Занзибаръ имѣетъ такое же, или даже большее, значеніе, какое Каиръ и Чартумъ имѣютъ для сѣверовостока. Въ этомъ городѣ, богатомъ вспомогательными средствами и лежащемъ такъ близко къ берегу, можно запастись всѣмъ, что нужно для путешествія, достать отъ султана рекомендательныя письма и найти гостепріимнѣйшее содѣйствіе европейскихъ купцовъ и консуловъ; черезъ этотъ центръ восточнаго берега можно поддерживать сообщеніе съ далекимъ отечествомъ. Это важное значеніе для путешественника открывателя Занзибаръ будетъ имѣть и впредь, такъ какъ невѣроятно, чтобы другое какое мѣсто побережья могло скорѣе представить такія удобства и выгоды, или чтобы охладилось рвеніе къ изслѣдованіямъ, для которыхъ еще предстоятъ важнѣйшія цѣли.

ПУТЕШЕСТВИЕ КЪ ОЗЕРУ НАССА.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Килоа.

Приготовленія въ Занзибарѣ.—Коралли. — Арабскіе корабли. — Морское путешествіе въ Килоа: дельфины.—Борьба между морскими птицами и рыбами.—Килоа Кибендже и Килоа Киссивани.—Непріятности.—Собраніе отцовъ города.—Назадъ на Занзибаръ.—Безконечные переговоры.—Лагерь Вабиза и Вагаіао.—Дикія свиньи.—Приключеніе.

Кто путешествуетъ по Африкѣ, тотъ научается цѣнить терпѣніе, какъ высокую добродѣтель. Путешественникъ можетъ обладать самыми прекрасными качествами, можетъ цѣлые годы подготавливаться къ своимъ путешествіямъ, но безъ терпѣнія онъ едва ли чего нибудь достигнетъ. Кто не приноситъ его съ собою въ Африку, тотъ долженъ приобрести его рано или поздно тамъ, потому что безъ него и безъ постоянного неизмѣннаго равнодушія невозможно успѣшное путешествіе. Кто думаетъ, что можетъ взять съ собою и туда взгляды и привычки своей родины, тому приходится дорого платиться за эту ошибку,—платиться горькими опытами, досадою и болѣзнию и даже своею жизнью.

Несправедливо порицаемъ мы жителей Востока, въ особенности турокъ и арабовъ, за всегдашнее ихъ равнодушіе, дѣйствительное или же только притворное, потому что это равнодушіе есть результатъ нѣсколькихъ вѣковъ наблюденія и справедливой оцѣнки страны и ея климата, —людей и ихъ воззрѣній, а съ другой стороны необходимое послѣдствіе Ислама, болѣе всѣхъ другихъ религій руководящаго и упорядочивающаго жизнь своихъ послѣдователей. Люди, искренно вѣрующіе въ вѣчное и неизмѣнное дѣйствіе рока, проникнутые тѣмъ принципомъ, что каждый день человѣческой жизни заранѣе опредѣленъ Провидѣніемъ, что помилуваннаго не можетъ постигнуть никакое несчастье, а менѣе предпочтеннаго можетъ погубить мзлѣйшій несчастный случай, — не имѣютъ понятія о томъ, какъ дорожить временемъ, не понимаютъ постоянно неудовлетворяемаго стремленія цивилизованнаго человѣка впередъ, не могутъ постигать лихорадочной его поспѣшности. Чего не принесетъ нынѣшній день, то принесетъ завтрашній: «завтра какъ Богу будетъ угодно», говоритъ арабское изреченіе, которое утѣшаетъ и въ томъ, если завтрашній день будетъ таковъ же, какъ нынѣшній. Европейцу, въ первый разъ вступающему на опаленную солнцемъ почву Востока, сначала очень трудно

бываетъ видѣть въ этомъ терпѣливомъ равнодушнѣ добродѣтель, а въ стоящихъ, по видимому, много ниже послѣдователяхъ пророка своихъ учителей, но въ послѣдствіи онъ тѣмъ не менѣе слѣдуетъ, волею или неволею, ихъ примѣру. Счастливъ, кто поступитъ такъ, пока еще не поздно!

Послѣ 89-дневнаго путешествія баронъ *Карлъ Клаусъ фонъ деръ Декенъ* прибылъ въ Занзибаръ въ концѣ сентября 1860 года. Еще прежде чѣмъ онъ вступилъ на землю, потрясающее извѣстіе подорвало его надежды и измѣнило его планы. *Альбрехтъ Рошеръ*, прекрасно подготовленный молодой путешественникъ изъ Гамбурга, къ которому онъ хотѣлъ присоединиться и съ талантами котораго онъ хотѣлъ соединить свои свѣжія силы, а съ его опытами свои богатые денежные средства,—былъ убитъ около озера Ніасса. Соединившись съ Рошеромъ, Декенъ надѣялся совершить великія дѣла, и только одна эта мысль побудила его обратить свою страсть къ путешествіямъ на эту часть восточной Африки. Извѣстіе о смерти избраннаго сотоварища было для Декена началомъ неудачъ, съ тѣхъ поръ не покидавшихъ его. Какъ красная нить тянется это «вѣрное несчастіе» черезъ всю исторію его путешествій, со дня прибытія до плачевнаго конца плановъ и предпріятій этого прекраснаго человѣка.

Съ свойственною ему силою духа преодолѣлъ Декенъ подавляющее впечатлѣніе полученнаго имъ извѣстія и рѣшился отыскать несчастное мѣсто на озерѣ Ніасса, гдѣ былъ убитъ Рошеръ, дабы по крайней мѣрѣ спасти бумаги этого человѣка, павшаго жертвою своего рвенія къ изслѣдованіямъ. Немедля приступилъ онъ къ дѣлу. Благородное гостепріимство дома *В. О'Свальдъ и К^о*, доставленное ему тамошними представителями этого дома, гг. *Виттъ* и *Шульцъ*, облегчило ему его приготовленія. Онъ ознакомился съ Занзибаромъ и его отношеніями къ противоположащему матеріку, тщательно изучилъ языкъ, нравы и обычаи населенія и въ весьма короткое время запасся необходимымъ для путешествія.

Вѣрный слуга, по имени *Коралли*, привезенный изъ Европы, оказалъ ему при этомъ весьма существенныя услуги. Коралли былъ очень способный человѣкъ и прекрасный слуга. Еще скорѣе своего господина онъ усвоилъ, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ туземцами, суахелійскій языкъ, и, постоянно имѣя въ виду пользу господина, такъ прекрасно руководилъ цвѣтными слугами, занимавшимися приготовленіями къ путешествію, что Декенъ могъ посвятить свое драгоценное время почти исключительно обработкѣ составленнаго плана. Настоящее имя Коралли было *Корратъ*, а родина его—Штирія; но, вслѣдствіе долгаго пребыванія въ Италіи онъ усвоилъ себѣ не только тамошній языкъ, но и обычаи и образъ мыслей и даже удержалъ данное ему тамъ имя. Коралли былъ путешественникомъ по страсти, вель по нѣскольку лѣтъ почти непрерывно бродячую жизнь, ѣздилъ съ разными господами по Германіи, Франціи, Италіи, Венгріи и Египту, усвоилъ себѣ, во время этихъ путешествій, главнѣйшіе европейскіе языки и изучилъ различнѣйшія занятія. Онъ зналъ кое-что почти изъ каждаго ремесла, охотился съ

такую же страстью, какъ путешествовалъ, всегда умѣлъ приготовить добычу охоты какъ для кухни, такъ и для коллекціи: Коралли былъ мастеръ на всѣ руки. Но этотъ вѣрный, необходимый слуга, который не задумался бы пожертвовать жизнью за своего господина, имѣлъ одинъ большой недостатокъ: ему, изучившему почти все, не удалось приобрести себѣ теріиіне. Самое незначительное происшествіе могло раздражить его до такой степени, что онъ забывался и схватывалъ ружье, чтобы выстрѣлить въ раздражившаго его, и самое незначительное нездоровье такъ растроивало его, что онъ начиналъ метаться, какъ отчаявшійся въ своей жизни. Ему не выпало на долю ни капли удивительной способности его господина—равнодушно переносить болѣзнь и горе. Такой характеръ Коралли значительно подрывалъ прочія его превосходныя качества и побудилъ Декена не разъ серьезно подумать о томъ, не лучше ли и не безопаснѣе ли ему путешествовать безъ такого спутника.

Приготовленія встрѣтили загроуженіе съ той стороны, съ которой ихъ менѣе всего ожидали. Въ одно время съ Декеномъ снаряжались *Спикъ* и *Грантъ* въ свое путешествіе для открытія источника Нила. Данныя имъ правительствомъ богатые денежныя средства дали имъ возможность предложить чрезвычайно высокую плату нанятымъ ими людямъ, и этимъ они сильно затруднили Декена. По удаленіи ихъ, онъ хотя и снова нашелъ свободное поприще для вербовки людей, но долженъ былъ довольствоваться уже людьми не такъ хорошими.

Къ счастью онъ нашелъ себѣ въ О'Свальдовскомъ надсмотрщикѣ *Садыкк* челоуѣка, знакомаго съ порядками страны; онъ съ готовностью содѣйствовалъ Декену въ переговорахъ и заключеніи условій и склонилъ, между прочимъ, своего тестя *Абдеррахмана* на сторону плановъ Декена до такой степени, что тотъ обѣщалъ оказать ему такія же услуги и въ Килоа. Въ то же время начаты были переговоры съ джеммедаромъ *Молукомъ*, который уже былъ съ *Бэртономъ* и *Спикомъ* на озерѣ *Укереве*; но онъ, избалованный англичанами, предложилъ почти невозможныя условія, потребовалъ для себя палатку, позволеніе взять съ собою жену, и наконецъ объявилъ, что невозможно отправиться въ путь безъ 30-ти белуджей, такъ какъ недавняя казнь убійцъ Рошера раздражила народъ внутри материка и предрасположила его къ мщенію. Правда, послѣ долгихъ переговоровъ онъ уменьшилъ число провожатыхъ до 15-ти, но переговоры снова прекратились, и Декенъ принужденъ былъ отложить приобретение себѣ воинскаго конвоя до прибытія своего въ Килоа.

Когда день отъѣзда уже началъ приближаться, сестра султана, *Биби Голли*, высокая доброжелательница Декена, предложила ему, для «пріятности и удобства» въ путешествіи, бѣлую невольницу въ спутницы. Принцесса дѣйствовала такъ сообразно обычаю страны и не мало удивилась, когда европеецъ нашелъ невозможнымъ взять въ свой караванъ, составленный только изъ необходимыхъ и полезныхъ членовъ, такую спутницу, которая не умѣетъ даже стряпать.

Сборы мало по малу были окончены. Выбрали достаточное число надежныхъ людей въ провожатые, купили четыре туземныхъ осла, маленькихъ, но сильныхъ животныхъ, запаслись необходимыми орудіями и оружіемъ, сѣдлами, перевязями,

сумками для хлѣба, мѣшками и прочими необходимыми вещами, и наняли для переезда *Дау* (арабское береговое судно). Утромъ 29 сентября 1860 года багажъ былъ нагруженъ, и около 4 часовъ по полудни судно стало на якорѣ по ту сторону мыса Шангани, чтобы подождать скоро имѣвшаго наступить попутнаго вѣтра.

Во время прежней экскурсіи нашего путешественника въ лежащей напротивъ Занзибара городъ *Багомбо* и на *рыку Кинани*, у цвѣтныхъ матросовъ явилось непреодолимое желаніе бѣжать. На этотъ разъ подобное желаніе надо было предотвратить. Коралли получилъ приказаніе оставаться здѣсь на суднѣ, чтобы воспрепятствовать подобнымъ своевольствамъ. Но его и тутъ перехитрили. Онъ уступилъ просьбамъ экипажа и повѣрилъ его обѣщаніямъ. Имъ нужно было принести кое-какія забытыя мелочи, проститься съ женою и дѣтьми, и они общались ему не далѣе какъ черезъ часъ воротиться и т. под., и, когда Декенъ къ вечеру въ назначенный для отъѣзда часъ явился на судно, — дау укачивалъ на волнахъ только одного юнга да выходящаго изъ себя Коралли. Наступила ночь, но ни одинъ изъ матросовъ не являлся, такъ что оставалось только воротиться на берегъ, и съ помощью нѣсколькихъ друзей предпринять погоню за бѣглецами. Ихъ, къ счастью, поймали и привезли на судно; недоставало только одной важной личности: повара. Декенъ рѣшился обойтись безъ него и приказалъ, для избѣжанія дальнѣйшихъ неприятностей, дать ходъ судну.

Употребляемыя на восточномъ берегу Африки, а также въ Аравіи и Индіи суда, *дау*, *бетены*, *богалосы* и др., суть неуклюжіе корабли съ высокими бортами, вмѣстимостью до 300 тоннъ. Только на самыхъ большихъ изъ нихъ, именно на *богалосахъ* есть хорошо закрытое пространство; на другихъ же хотя и есть часть палубы, но большею частью нѣтъ закрытыхъ люковъ. На широкой кормовой части находится обыкновенно полупалуба для пребыванія капитана и путешественниковъ, въ томъ числѣ спальня для послѣднихъ, полъ которой лежитъ на 1—2 фута подъ главною палубою и такимъ образомъ остается отверстіе для проползанія изъ нижняго пространства въ верхнее. Около середины судна стоитъ большая мачта (*mangodi*), толстый, грубо обдѣланный древесный стволъ, на которомъ чрезвычайно большой латинскій парусъ (*tanga*) прикрѣпленъ къ толстой, вкось идущей къ верху, реѣ (*formali*); меньшая мачта на задней палубѣ употребляется рѣдко, именно только при самомъ слабомъ вѣтеркѣ. Одна сторона почти треугольнаго паруса очень длинна, а другая — коротка; первая называется *demani*, а вторая *josch*; точно также и каждая сторона корабля называется *josch* или *demani*, смотря по тому, на которой изъ нихъ, по направленію пути и вѣтра, прикрѣпленъ длинный или короткій край паруса: это соотвѣтствуетъ нашимъ названіямъ «навѣтренной» и «подвѣтренной» стороны. Если хотятъ поворотить парусъ, то поворачиваютъ и рею, къ которой онъ привязанъ веревками и потомъ снова поднимаютъ на ней парусъ; при такой длинной операциіи корабль обыкновенно теряетъ больше, чѣмъ сколько выигралъ прежде, шибко идя по вѣтру подъ парусомъ.

Арабскіе моряки плаваютъ вдоль берега, особенно при тихой погодѣ, позади столь частыхъ въ восточной Африкѣ острововъ или рифовъ, идущихъ па-

раллельно съ берегомъ. Здѣсь они, не смотря на свое незнаніе фарватера, чувствуютъ себя безопасными, такъ какъ они не боятся набѣжать на одну изъ безчисленныхъ песчаныхъ мелей, зная, что ихъ суденышко устоитъ и при ближайшемъ приливѣ сойдетъ съ мели. Въ же этого внутренняго, узкаго пути, годнаго только для небольшихъ судовъ, они оказываются необыкновенно трусливыми, частию изъ опасенія того, что могутъ, потерявъ изъ вида землю, сбиться съ пути, частию же потому, что боятся высокихъ волнъ открытаго океана, противъ которыхъ ихъ открытыя суда беззащитны. Если же приходится переплывать черезъ широкій проливъ, то они направляютъ путь не прямо къ своей цѣли, а идутъ какъ можно долѣе около берега, котораго такъ боятся наши корабли, и выходятъ въ море тамъ, гдѣ переѣздъ всего короче. Только тутъ вынимаютъ они свой маленькій компасъ (*diga*), если только таковой имѣется на суднѣ, ставятъ его въ ящичекъ, наполненный просомъ, чтобы придать ему почти горизонтальное положеніе и отъ времени до времени посматриваютъ на его стрѣлку.

Каждый вечеръ, если только не случится чего нибудь особеннаго, капитанъ корабля издаетъ желанное восклицаніе: *tia nanka* «бросай якорь!» Судно останавливается, рея спускается, парусъ отвязывается и убирается, съ пѣніемъ и звуками тамтама, въ мѣшокъ; экипажъ отправляется на берегъ, чтобы толочь песками хлѣбныя зерна и приготовить себѣ ужинъ.

Иногда, въ видѣ исключенія, кушанье варятъ и на суднѣ; но при дурной погодѣ и при сильномъ волненіи на открытомъ морѣ это невозможно, и тогда экипажъ по неволѣ постится, пока не наступитъ лучшая погода или не найдется удобное мѣсто, чтобы высадиться на берегъ.

Корабельщикъ или *Наюза* (Накадаръ), большею частию арабъ съ сѣвера, есть обыкновенно владѣлецъ корабля или по крайней мѣрѣ имѣетъ долю въ грузѣ. Онъ одѣвается не лучше другихъ своихъ земляковъ (въ бумажную рубашку и передникъ), спитъ во всякую погоду на открытой палубѣ, послѣ дождя просушиваетъ одежду на своемъ тѣлѣ и вслѣдствіе этого часто страдаетъ ревматизмомъ и лихорадкою.

Экипажъ арабскаго работажнаго судна въ 25—30 тоннъ такъ же великъ, какъ экипажъ въ десятеро большаго европейскаго корабля: черные матросы (*haharia* или *wanamadschi*, т. е. моряки) не какіе нибудь заслуженные люди, а просто обыкновенные негры, которые, будучи охочи до путешествій, нанимаются у корабельщика на рейсъ, не представляя ему никакихъ доказательствъ своего знанія дѣла: онъ самъ слишкомъ мало свѣдуещъ въ своемъ ремеслѣ и потому не можетъ требовать чего либо отъ своихъ людей. Плата ихъ весьма незначительна; но они имѣютъ обыкновенно долю въ выгодахъ рейса, точно такъ же, какъ бываетъ это у китолововъ.

Не смотря на такую беспорядочность въ веденіи дѣлъ, судовладѣльчество очень выгодно. Оснастка судна и содержаніе экипажа требуютъ незначительной суммы, а торговля даетъ такой хорошій барышъ, что судно нерѣдко окупается въ одинъ годъ.

Въ благопріятное время года можно нанять бетень или другое судно за 1—2

доллара въ сутки, но нерѣдко приходится платить гораздо дороже, особенно если не знаешь порядковъ.

30-го сентября началось путешествіе на югъ. Югозападный муссонъ постоянно заставлялъ лавировать и много задерживалъ плаваніе. Узкость судна и частые припадки морской болѣзни, которой подверглись особенно женщины, дѣлали переѣздъ весьма непріятнымъ. Мало по малу вѣтеръ началъ свѣжѣть и сильно качающееся судно должно было, чтобы быть въ состояніи держаться противъ высокихъ волнъ, перевязать въ нѣсколькихъ мѣстахъ веревками. Путешественникъ отъ души обрадовался, когда на первый день бросили якорь уже въ 8 часовъ вечера. Слѣдующіе дни прошли точно также, но принесли съ собою еще много непріятнаго. Нагоза мало освѣдомлялся о желаніяхъ путешественника, постоянно хотѣлъ какъ можно раньше стать на якорь и позднѣе подняться, вопреки желаніямъ нетерпѣливаго мзунгу, и вообще неразъ навлекалъ на себя его справедливое неудовольствіе. Гораздо лучше были отношенія путешественника къ экипажу, который онъ расположилъ къ себѣ раздачею козьяго мяса и другихъ свѣстныхъ припасовъ.

При свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ такое береговое плаваніе представляетъ много пріятнаго. Съ легкимъ шумомъ скользитъ судно по синимъ волнамъ, непрерывно появляются новые берега, мимо плывутъ маленькія суда, наполненныя невольниками, и въ созерцательной праздности быстро проходятъ дни и незамѣтно приближаешься къ цѣли. Для внимательнаго наблюдателя большое удовольствіе доставляютъ также различныя морскія животныя. Маленькіе *дельфины* изъ породы морскихъ свинокъ (*Phocaena*) и собственно дельфиновъ (*Tursio*), называемые у моряковъ *прыгунами*, манятъ къ наблюденію и охотѣ за ними. Правда, и въ нашихъ моряхъ живутъ родичи этихъ двухъ большихъ группъ рыбъ, но тамъ менѣе обращаешь на нихъ вниманія, чѣмъ при такой морской поѣздкѣ, во время которой всякое разнообразіе пріятно. Прыгуны, какъ и прочіе дельфины, животныя чрезвычайно общительныя и часто соединяются въ многочисленныя стада, которыя, кажется, долгое время находятся между собою въ тѣсной связи. Движенія ихъ быстры и ловки. Они то ударяютъ головою и хвостомъ вверхъ и внизъ, изгибаютъ въ то же время свое туловище дугою то вверхъ, то внизъ, и такимъ образомъ бѣгутъ впередъ быстрѣе всякаго корабля, не смотря на то, что безпрестанно описываютъ волнообразныя линіи. Они какъ будто бѣгаютъ по катящимся волнамъ или кувыркаются на нихъ; красиво играя, они катаются въ водѣ, вспрыгиваютъ на воздухъ, перевертываются и выдѣлываютъ разныя другія штуки. Извѣстная издревле ихъ привязанность къ кораблямъ даетъ мореплавателю возможность удобно наблюдать ихъ; иногда они слѣдуютъ за судномъ безъ усталы цѣлыхъ полдня, пробѣгая при этомъ вчетверо большее противъ судна разстояніе.

Такъ какъ на дау было достаточно свѣжаго мяса, то и не трудились бросать гарпунъ въ этихъ животныхъ; но Дженъ не могъ устоять противъ искушенія испытать на нихъ свою ловкость въ стрѣльбѣ: одинъ изъ неосторожныхъ прыгуновъ получилъ убійственную пулю, подскочилъ на футъ надъ поверхностью воды, упалъ назадъ, и, мертвый, лежалъ на спинѣ. Тотчасъ послѣ выстрѣла всѣ

прыгуны исчезли отъ корабля и остались около убитаго товарища, по видимому съ дружественными намѣреніями, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы по обыкновенію скушать его.

Неподалеку отъ *Мафи* представилось другое зрѣлище. Необозримое стадо альбатросовъ (*Puffinus*) напало на стаю рыбъ. Тѣ и другія, нападающіе и преслѣдуемые, безпрестанно то появлялись на поверхности моря, то исчезали подъ водою. альбатросы, принадлежащіе, какъ извѣстно, къ породѣ буревѣстниковъ (*Sturmvögel*), и появляющіеся даже въ нашихъ водахъ, съ быстротою стрѣлы летаютъ надъ моремъ, и, не обращая вниманія на встрѣчающіеся корабли, продолжаютъ свой путь въ болѣе или менѣе прямомъ направленіи. Нѣкоторые изъ нихъ, вынырнувъ изъ воды, летятъ низко надъ самыми волнами, слѣдуя каждому ихъ изгибу, и черезъ нѣсколько минутъ снова погружаются въ воду. Въ это время выныряютъ другіе, точно также летятъ впередъ и исчезаютъ почти въ тоже время, какъ первые опять появляются на дневной свѣтъ. Такимъ образомъ замѣчается постоянное погруженіе и вынырваніе, появленіе и исчезаніе этихъ замѣчательныхъ твореній, живущихъ на половину въ воздухѣ и на половину въ волнахъ, гдѣ онѣ также движутся впередъ главнымъ образомъ съ помощью своихъ крыльевъ. Если стая этихъ альбатросовъ нападаетъ на передвигающихся рыбъ, то зрѣлище, разумѣется, становится еще гораздо живѣе и привлекательнѣе. Рыбы, угрожаемыя въ водѣ этими искусными врагами, стараются спастись тѣмъ же способомъ, которымъ спасаются онѣ отъ дельфиновъ, именно всплываютъ изо всѣхъ силъ на поверхность и сильнымъ прыжкомъ поднимаются въ воздухъ. Но здѣсь ждутъ ихъ только что вынырнувшіе альбатросы, снова загоняютъ ихъ въ воду или же съ удивительною ловкостью хватаютъ ихъ во время ихъ прыжка въ воздухъ. Такимъ образомъ, видя, какъ рыбы и птицы постоянно перемѣшиваются между собою, можно подумать, что онѣ ведутъ между собою упорную борьбу, и что рыбы съ своей стороны нападаютъ на птицъ, чтобы увлечь ихъ въ глубину.

Если такая охота этихъ птицъ за рыбами продолжается долгое время, то вскорѣ являются и другіе пернатые хищники рыбъ, желающіе воспользоваться удобнымъ случаемъ пріобрѣсть добычу. *Буревѣстники*, которыхъ роскошный перьяной покровъ лишаетъ возможности погружаться въ волны, собираются надъ охотниками и ихъ дичью; *чайки* и *морскія ласточки*, а также *паряцій фалетонъ* (*Phaëton*) прилетаютъ сюда же, носятся на высотѣ 50—60 футовъ надъ постоянно измѣняющимся мѣстомъ борьбы, бросаются въ удобную минуту съ распушенными крыльями на высмотрѣнную добычу, схватываютъ рыбу, ускользнувшую отъ альбатросовъ и еще болѣе усиливаютъ суматоху.

Какъ сначала корабль задерживали противные вѣтры, такъ и въ послѣдніе дни путешествія частые штили препятствовали его движенію впередъ; путешествіе, которое при благоприятныхъ обстоятельствахъ продолжается всего два дня, теперь продолжалось цѣлую недѣлю. Только утромъ 7-го сентября дау стала на якорѣ въ гавани Килоа.

Туземцы называют *Килоа*—*китофу*, т. е. «лупокъ» берега, можетъ быть потому, что городъ этотъ занимаетъ средину между Запзибаромъ и Мозамбикомъ и что здѣсь соединяются главнѣйшія вены торговли этой страны, а можетъ быть и потому, что здѣсь страна представляетъ лупкообразную бухту. Есть два города Килоа: тотъ, о которомъ мы будемъ говорить, есть *Килоа Киссивани*, лежащій подъ 8° 57' южной широты, а другой *Килоа Кибендже*—мѣстечко, лежащее на 14 морскихъ миль къ сѣверу отъ перваго около небольшой бухты. Дневники Девена не очень значительно приумножаютъ наши прежнія свѣденія о Килоа, которыми мы обязаны главнымъ образомъ Крапфу, такъ какъ въ этихъ дневникахъ изложены преимущественно событія, касавшіяся лично его самаго, и потому мы принуждены заимствовать необходимое для пониманія разсказа изъ путевыхъ описаній Крапфа и изъ другихъ источниковъ.

Килоа Киссивани, старѣйшій изъ двухъ упомянутыхъ городовъ, имѣлъ въ періодъ своего процвѣтанія 300 мечетей; въ настоящее же время онъ состоитъ только изъ нѣкотораго числа хижинъ, надъ которыми возвышается не болѣе десятка жилыхъ каменныхъ домовъ.

Въ 1505 году португальскій адмиралъ *Франциско д'Альмеида* съ 700 человекъ высадился на островъ, покорилъ его и сжегъ городъ. Португальцы построили фортъ, но не долго держались тамъ и должны были скоро снова предоставить арабамъ новопріобрѣтенное владѣніе; вѣроятно ихъ выгналъ злой врагъ, злокачественная болотная лихорадка. Съ тѣхъ поръ городомъ, островомъ и материкомъ господствуютъ собственные султаны, и ихъ власть мало по малу распространялась на сѣверъ до Момбаса, а на югъ—до мыса Дельгадо. Подъ ихъ управленіемъ Килоа исцѣлился отъ ранъ, нанесенныхъ ему португальскимъ владычествомъ; торговля снова оживилась, и особенно торговля невольниками получила важное значеніе.

Эта-то торговля и обратила на Килоа въ концѣ прошлаго столѣтія вниманіе французовъ. Мѣсто это показалось имъ, не смотря на его дурной климатъ, весьма завиднымъ, такъ какъ оно прекрасно расположено для того, чтобы доставлять ихъ колоніямъ на Мадагаскаръ и около него потребныя для нихъ рабочія силы.

Тѣми же планами руководились и имамы Маскатскіе. Уже издавна наибольшая часть всѣхъ невольниковъ, продаваемыхъ въ Килоа, отвозима была на сѣверъ, въ особенности въ южную Аравію: само собою понятно, что весьма важно было удержать за собою столь необходимый рынокъ, и французовъ предупредили и прежде ихъ заняли эту область.

Въ настоящее время Килоа Киссивани не имѣетъ уже прежняго значенія для торговли людьми, такъ какъ главнѣйшимъ мѣстомъ вывоза невольниковъ сдѣлалось мало по малу *Килоа Кибендже*. Туда теперь сходятся изъ внутренней Африки всѣ невольничьи дороги, и тамъ, гдѣ небезопасность гавани обезпечиваетъ ихъ отъ англійскихъ военныхъ кораблей, собираются ежегодно суда, отвозящіе многожеланный товаръ на другіе рынки.

Килоа Кибендже широко раскидывается по плоскому берегу и потому имѣетъ видъ большаго города, хотя число его жителей едва ли превышаетъ 25,000, и

хотя ихъ жалкія хижины нисколько не лучше хижинъ негритянскаго квартала въ Занзибарѣ. Около города тянется, составляя его задній фонъ, роскошный кокосовый лѣсъ, въ которомъ расположены обширныя шамбы жителей. Важнѣйшее зданіе составляетъ таможенный домъ. За сто шаговъ отъ него возвышается небольшой фортъ, занятый небольшимъ числомъ Белуджей и состоящій, какъ и весь городъ, подъ начальствомъ джемедара. Городъ болотистъ и потому весьма нездоровъ.

Килоа Киссивани, по своему положенію на островѣ, представляетъ нѣкоторое сходство съ Мозамбикомъ, центромъ португальскихъ владѣній въ восточной Африкѣ, и походитъ на него и по своему пагубному климату. Бухта Килоа принимаетъ въ себя съ сѣвера два рукава рѣки *Куави*, а съ юга—рѣку *Казима-фуно*; обѣ онѣ могутъ быть собственно и не рѣки, а только жилы соленой воды, въ которыя во время дождей изливаются воды съ высотъ. Передъ устьемъ первой раскинутъ островъ *Килоа*, а передъ устьемъ второй—*Сона-мнара*, островокъ, покрытый плантаціями богатыхъ жителей перваго острова. Западные берега обоихъ острововъ идутъ параллельно съ берегомъ материка, такъ что кажется, какъ будто прежде они были соединены съ нимъ, и что сильно бушующее море, въ соединеніи съ силою водъ, текущихъ по обѣимъ водянымъ жиламъ, только въ послѣдствіи образовало отдѣляющіе ихъ отъ материка каналы. Какія разрушительныя дѣйствія оказываетъ здѣсь море, это доказываетъ маленькій фортъ, который теперь до нѣсколькихъ футовъ высоты омывается моремъ, тогда какъ прежде онъ конечно стоялъ на совсѣмъ сухомъ мѣстѣ: части его уже разрушились отъ прибоа волнъ, и изъ стоящихъ еще башенъ одна грозитъ скорымъ паденіемъ.

Съ моря этотъ Килоа не представляетъ особенно величественнаго вида. Единственное двухэтажное зданіе есть таможенный домъ; у сѣвернаго города нѣтъ и прекраснаго пальмоваго задняго фона; даже окружающіе холмы материка кажутся бесплодными и сожженными солнцемъ. Но гавань значительно лучше, чѣмъ въ одноименномъ городѣ материка, потому что она, будучи защищена противъ всѣхъ вѣтровъ, во всѣ времена года даетъ безопасное пристанище кораблямъ. Но глубина якорной стоянки у берега весьма незначительна, и потому суда должны стоять на большомъ разстояніи отъ города; даже маленькія могутъ стоять на якорѣ только на разстояніи 1500 шаговъ отъ берега, да и здѣсь, при наступленіи отлива, остаются на сушѣ, потому что разница между высокимъ и низкимъ уровнемъ воды весьма значительно. Дабы суда въ этомъ случаѣ не опрокидывались, матросы еще при высокой водѣ привязываютъ по обѣимъ сторонамъ ихъ большіе шести, достигающіе до дна.

Теперь Килоа Киссивани есть *главный городъ* южной части Суахелійскаго берега. Намѣстникъ (wali) и таможенные сборщики представляютъ здѣсь правительственную и военную власть и финансы Сеидъ-Маджида и потому суть важнѣйшія особы города. Кромѣ нихъ большимъ почетомъ пользуются еще судья (кади) и старѣйшины племенъ. Вслѣдствіе такого раздробленія власти въ Килоа трудно вести какое-нибудь дѣло. Правда, вали есть представитель султана и слѣдовательно повелитель, но онъ вовсе не можетъ дѣлать все, что ему угодно, безъ согла-

сія другихъ почетныхъ лицъ. Точно также и повелѣнія Сеидъ-Маджида не могутъ здѣсь разсчитывать на безусловное повиновеніе.

Въ первые часы дня Деженъ вышелъ на берегъ и передалъ въ таможенномъ домѣ рекомандательныя письма, данныя ему англійскимъ консуломъ и таможеннымъ арендаторомъ Луддою, потомъ велѣлъ позвать намѣстника и передалъ ему приказаніе его повелителя. Вали, какъ и всѣ арабы, выказалъ себя сначала чрезвычайно предупредительнымъ и любезнымъ, и увѣрялъ, что онъ желаетъ во всемъ содѣйствовать путешественнику, но на самомъ дѣлѣ не сдѣлалъ ничего: только при рѣшительномъ образѣ дѣйствій отъ него можно было добиться чего нибудь.

Жилаго дома не нашлось; но къ счастію можно было занять хижину, въ которой жилъ Рошеръ. Ее собственно даже нельзя было назвать и «хижиною», такъ какъ подъ именемъ хижины разумѣется все-таки по крайней мѣрѣ какія нибудь стѣны и кровля, а въ новомъ жилищѣ Дежена не было кровли, помимо нѣсколькихъ стропиль и планокъ; которыя при прежде бывшемъ пожарѣ были разрушены только отчасти, потомъ не были поправлены собственникомъ,—стѣны же состояли изъ уколоченной земли, которая при каждомъ прикосновеніи обсыпалась и въ которой скрывались кромѣ того толпы муравьевъ. Кромѣ этихъ маленькихъ обитателей тутъ поселилось множество крысъ. Поэтому предложенное убѣжище было далеко не удобнымъ даже и послѣ того, какъ надъ нимъ работали три дня, чтобы сдѣлать его болѣе обитаемымъ. Однакоже дѣло поправили, какъ только было возможно.

Эта работа конечно не обошлась безъ непріятностей, потому что рабочіе люди здѣсь такъ лѣнны и ихъ беззаботное равнодушіе такъ безпримѣрно, что съ ними дѣло вести можно успѣшно только тогда, когда самъ примешь на себя самую главную часть дѣла. Все это, и кромѣ того трудная разгрузка дау до того заняло путешественниковъ, что они при наступленіи ночи были слишкомъ утомлены и потому тотчасъ же искали отдохновенія во снѣ.

Слѣдующіе дни также принесли съ собою непрерывный рядъ разнаго рода непріятностей. Такъ называемый хозяинъ, который долженъ былъ снабжать хозяйство водою для питья, доставлялъ вмѣсто этого дурную, негодную жидкость, и старался на сколько возможно отдѣлываться и отъ другихъ своихъ обязанностей, обманывалъ при закупкахъ и вообще оказывался самымъ своекорыстнымъ и нелюбезнымъ хозяиномъ. Многочисленныя посѣщенія навязчивыхъ и любопытныхъ людей чрезвычайно обременяли дурно помѣщенного путешественника, у котораго, можетъ быть болѣе вслѣдствіе огорченія, нежели вслѣдствіе простуды, явилась лихорадка, и который, не смотря на это, долженъ былъ наблюдать за необходимыми работами. Но, волей или неволей, надо было слушать дѣски-нелѣпую болтовню, рассказываемую съ важнымъ, глубокомысленнымъ видомъ, удовлетворять часто безсовѣстнымъ требованіямъ, показывать всю свою утварь, оружіе и пр., потому что посѣтителі были большею частію главныя лица въ городѣ, съ которыми ссориться было бы неблагоприятно. За такіе труды плохую наградою были шумныя выраженія величайшаго удивленія, даже при видѣ самыхъ незначительныхъ предметовъ, невольно возбуждавшія смѣхъ. Безпрестанныя безпокойства наконецъ дѣйствитель-

но довели Декена до болѣзни; но только тогда, когда онъ слегъ въ постель, онъ нашелъ предлогъ избавиться отъ своихъ новыхъ друзей.

Абдеррахманъ, прежде и теперь столь щедрый на увѣренія въ своей готовности къ услугамъ тестя Садыка, оказался совсѣмъ негоднымъ. Онъ выѣхалъ изъ Занзибара еще за нѣсколько дней до отъѣзда Декена, чтобы доставить ему пріютъ въ Килоа, но прибылъ сюда только на второй день послѣ Декена, потому что чрезвычайно долго занимался въ Мафиі своими частными дѣлами. Прибывъ сюда, онъ разсыпался въ извиненіяхъ и новыхъ обѣщаніяхъ, но на этомъ и остановился, такъ какъ онъ не только не оказывалъ пособія, а скорѣе стѣснялъ. На немъ напр. лежала обязанность вести переговоры, необходимые для приготовления къ путешествію; но онъ не сдѣлалъ ничего и наконецъ откровенно сознался, что не имѣетъ никакого вліянія и что Декенъ самъ долженъ обо всемъ заботиться. Его мѣшкотность дошла до того, что онъ даже не передалъ вліятельному кади письмо Сеидъ-Маджида, адресованное ко всѣмъ главнымъ лицамъ города.

На пятый день по прибытіи въ Килоа дѣла шли еще такъ же плохо, какъ и сначала. Но между тѣмъ планы мзунгу сдѣлались извѣстны въ городѣ, и одинъ почтенный мужъ изъ его окрестностей, *Салемъ-бекъ-Абдалла*, предложилъ свои услуги для путешествія. Декенъ не согласился, потому что это былъ тотъ самый *Салемъ*, съ которымъ такъ несчастливо путешествовалъ *Рошеръ*, но онъ послѣдовалъ совѣту этого человѣка—посѣтить собраніе вліятельнѣйшихъ лицъ города.

Собраніе было назначено, по его просьбѣ, на 13 октября. Въ 9 часовъ утра бараза барона былъ наполненъ серьезными и сановитыми мужами. Когда, послѣ длинной паузы, ни вали, ни старый Абдеррахманъ не начинали говорить, то мзунгу принужденъ былъ самъ начать переговоры рѣчью, отъ характера которой зависѣла быть можетъ судьба его предпріятія.

Чрезвычайно трудное дѣло вѣрно угадать тонъ, съ которымъ должно толковать съ людьми такого покроя. Слишкомъ большая уступчивость сочтется за слабость: съ вѣжливыми чужеземцами мало церемонятся; излишняя строгость или повелительность вызоветъ напротивъ неудовольствіе. Вообще можно принять, что надо не столько деликатничать, сколько дѣйствовать рѣшительнѣе, и что легче перейти отъ строгости къ добротѣ, чѣмъ на оборотъ: уваженіе, приобретенное сначала, всегда оказываетъ благопріятное вліяніе въ будущемъ. Нашъ путешественникъ научился уже обращаться съ такими людьми собственнымъ опытомъ въ Алжирѣ. Онъ сказалъ собравшимся, что онъ весьма удивленъ, что они, не смотря на положительныя приказанія ихъ господина и повелителя, не выказали ему надлежащей готовности исполнить ихъ, а что нѣкоторые изъ нихъ даже медлили посѣтить его; но онъ замѣтилъ имена всѣхъ и сообщить ихъ Сеидъ Маджиду, дабы онъ поѣтому оцѣнилъ хорошенъко своихъ вѣрныхъ слугъ и узналъ, какъ исполняются его повелѣнія.

Тогда всѣ начали извиняться, одинъ болѣзнью, другой тѣмъ, что уѣзжалъ изъ города, всѣ безъ исключенія просили подождать писать Сеидъ-Маджиду. Декенъ позволилъ уговорить себя и обѣщалъ не посылать своего письма до окончанія всѣхъ приготовленій къ отъѣзду, сказавъ, что тогда онъ похвалитъ султану тѣхъ,

которые будутъ ему помогать, но вмѣстѣ съ тѣмъ не умолчить и объ образѣ дѣйствій другихъ. За этою рѣчью послѣдовала продолжительная пауза, и только послѣ неоднократнаго приглашенія отвѣчать, вали сказали, что онъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ предшествовавшаго оратора. Затѣмъ началъ говорить кади, и просилъ для себя и другихъ особъ 24 часа срока, въ теченіи котораго они зрѣло обсудятъ все и уговорятся, какъ всего лучше устроить дѣло. Срокъ этотъ былъ имъ данъ.

Теперь, когда всѣ опасенія были устранены, доселѣ съ трудомъ сдерживаемое любопытство посѣтителей вступило во всѣ свои права. Они просили показать имъ чудесныя вещи, которыхъ такъ много у мзунгу, и, когда эта прозба была исполнена, разсыпались въ выраженіяхъ удивленія и одобренія. Хижина снова огласилась увѣреніями въ величіи Бога, который такъ милостивъ къ бѣлымъ чужеземцамъ, что надѣлилъ ихъ такими прекрасными дарами и далъ имъ способность дѣлать столь замѣчательныя вещи. Подобно всѣмъ арабамъ, они съ особеннымъ вниманіемъ разсматривали *ружья*: да и могло ли для нихъ что либо быть замѣчательнѣе ружья, которое можно однимъ пріемомъ разломать, другимъ зарядить, а третьимъ снова привести въ исправность? Оружіе переходило изъ рукъ въ руки, было въ подробности разсматриваемо каждымъ изъ посѣтителей, и, когда они наконецъ поняли его устройство, то одинъ изъ нихъ, вмѣсто трудно произносимаго чужеземнаго названія «*lefaucheux*», далъ ему мѣткое названіе «*bundika ja ku fungika*»—разламывающееся ружье. Это восхваляемое оружіе, казалось имъ, имѣеть только одинъ недостатокъ: стволы слишкомъ коротки и заряды, безъ сомнѣнія, слишкомъ слабы. Это потому, что они привыкли заряжать свои длинныя фитильныя ружья почти цѣлою горстью пороха! Они, кажется, были еще недовольны гладкою наружностью ружья, и сравненіе его съ ихъ богато-украшенными ружьями говорило имъ конечно въ пользу послѣднихъ.

Еще большее одобреніе заслужила *каучуковая лодка*. Они доселѣ не имѣли никакого понятія о кораблѣ, который можно нести въ рукѣ, надувать воздухомъ и дѣлать изъ него судно, могущее поднимать трехъ человѣкъ; ихъ изумленіе возрастало съ каждымъ давленіемъ маленькаго насоса, наполнявшаго непромокаемую ткань, соединявшую нѣсколько досокъ.

Изумленіе ихъ перешло въ страхъ, когда мзунгу наконецъ вывелъ двухъ своихъ огромныхъ *собакъ*. Эти животныя отличались огромнымъ ростомъ, рѣдкою красотою и силою отъ маленькихъ, желтыхъ, тощихъ дворняжекъ, стерегущихъ арабскія шамбы до такой степени, что между ними нельзя было провести никакого сравненія; эти бульдоги казались имъ болѣе похожими на львовъ, чѣмъ на тѣхъ собакъ, и, безъ сомнѣнія, принадлежали къ опаснѣйшимъ изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ. А когда мзунгу началъ играть съ такими чудовищами, то тутъ они подумали, что тутъ непремѣнно дѣйствуетъ волшебство, потому что такая власть могла проистекать только отъ *Шедани* (сатаны), отъ котораго да хранить Богъ всѣхъ правовѣрныхъ. Какъ ни трудно было почтеннымъ властямъ города оторваться отъ увлекательнаго осмотра чудесъ Улеи (Европы), но это оче-

видное дьявольское навождеіе побудило ихъ удалиться. Одинъ за другимъ они встали, и, покачивая головами, вышли отъ сомнительнаго чужестранца.

Вечеромъ къ путешественнику явились Абдеррахманъ и баніанъ, чтобы поздравить его съ прекрасною его рѣчью. Сначала, говорили они, власти конечно весьма удивились словамъ мзунгу, но наконецъ вся рѣчь, вмѣстѣ взятая, удовлетворила ихъ и во всякомъ случаѣ произведетъ хорошее дѣйствіе. Оба они повторили и съ своей стороны увѣреніе, что окончательнаго рѣшенія надо ожидать на другой день.

Но отвѣта не послѣдовало, и власти извинились тѣмъ, что нѣкоторые почетныя лица изъ окрестностей, извѣщенные письменно о переговорахъ, еще не сообщили своего рѣшенія. При такихъ обстоятельствахъ и увѣреніе вали, что онъ пожалуется на меддителей Сеидъ-Маджиду, принесли очень небольшое утѣшеніе, потому что легко можно было понять, что чужестранца хотятъ задержать пустыми предложениями. Но, сверхъ ожиданія, на слѣдующій день полученъ былъ отвѣтъ властей, конечно не такой, какого желалось: онъ объявляли прямо, что не только не будутъ содѣйствовать путешествію, но и вовсе не дозволяютъ его.

Такая дерзость конечно не могла понравиться Дегену. Поэтому онъ прямо объявилъ властямъ, что онъ приведетъ въ исполненіе свои планы даже *противъ ихъ воли*. Ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ права давать приказанія ему, другу Сеидъ Маджиды и никто не можетъ препятствовать ему въ выполненіи его плановъ. Онъ поступитъ такъ, какъ ему угодно и будетъ просить своего высокаго друга наказать ихъ, непокорныхъ его подданныхъ. Тогда власти начали стараться успокоить раздраженнаго мзунгу. Конечно, ихъ льстивыя слова и увѣренія не могли обольстить барона; но надежда на достиженіе согласія побудила его еще разъ выказать снисходительность, и готовность на второе совѣщаніе, которое было назначено на слѣдующій день.

Это совѣщаніе, какъ можно было предвидѣть, также не имѣло почти никакого успѣха. Правда, вали, кади и баніанъ три раза въ день являлись къ путешественнику, но Абдеррахмана, который долженъ былъ быть главнымъ его ходатаемъ, не было, и такимъ образомъ было достигнуто только обѣщаніе касательно назначенія необходимыхъ для конвоя Белуджей, но и это обѣщаніе на другой день было взято назадъ. Дегенъ понялъ, что съ простымъ письмомъ къ Сеидъ Маджиду ничего не сдѣлаешь, и рѣшился возвратиться въ Занзибаръ, дабы самому защищать свое дѣло. Абдеррахманъ и таможенный сборщикъ одобрили это намѣреніе, но вали и кади, разумѣется, отсовѣтовали, и только увидавъ, что мзунгу твердо остается при своемъ рѣшеніи, согласились, что онъ можетъ быть и правъ.

Это рѣшеніе не замедлило произвести свое дѣйствіе. Извѣстіе объ этомъ быстро распространилось по городу, и всѣ поспѣшили сдѣлать визитъ мзунгу, безъ сомнѣнія съ цѣлью зарекомендовать себя какъ можно съ лучшей стороны. Даже солдаты сочли нужнымъ извиниться; они явились вечеромъ наканунѣ отъѣзда и объявили, что они съ своей стороны готовы были бы сопровождать мзунгу, но что имъ препятствуетъ вали, опасующійся другихъ властей.

Жалкое судно, на которое сѣлъ путешественникъ утромъ 19-го октября, не

имѣло даже крова противъ солнца и дождя, и кромѣ того было биткомъ набито женщинами и дѣтьми, а потому переѣздъ былъ не слишкомъ пріятенъ; но къ счастью онъ былъ довольно коротокъ, такъ какъ уже на третій день въ вечеру достигли Занзибара.

Здѣсь между тѣмъ произошли большія перемѣны и господствовала всеобщая неурядица; Сеидъ-Маджидъ отправился съ тремя своими кораблями въ Момбасъ въ сопровожденіи англійскаго военнаго парохода, оставивъ намѣстникомъ Сеидъ-Солimana. Англійскій консулъ прервалъ сношенія съ этимъ послѣднимъ, потому что одинъ изъ его соотечественниковъ былъ оскорбленъ однимъ членомъ султанской фамиліи; французскій консулъ также послѣдовалъ его примѣру. Стало быть было достаточно причинъ къ новымъ замедленіямъ, и только благодаря дружественному посредничеству ганзеатическаго консула, г. Витта, и таможеннаго арендатора Лудды переговоры привели наконецъ къ благопріятному результату.

Джеммедаръ *Молукъ* представилъ на этотъ разъ болѣе умѣренные требованія и обязался съ 19 Белуджами составить конвой каравана. Онъ потребовалъ десять талеровъ въ мѣсяцъ для себя и шесть для своихъ людей. Жалованье за пять мѣсяцевъ должно быть выдано впередъ. Приготовленія свои онъ обѣщалъ покончить въ четыре дня.

Между тѣмъ путешественникъ увѣрился, что европейцы строятъ противъ него ковы съ явною цѣлью заградить дорогу ему, мнимому сопернику другихъ изслѣдователей. Какъ ни непріятны были ему эти враждебныя стремленія, но они не могли болѣе препятствовать предпріятію Декена. Послѣ многихъ новыхъ замедленій онъ 29-го октября сѣлъ на судно съ своими спутниками и утромъ 2-го ноября прибылъ въ Килоа.

Мы умолчимъ о непріятностяхъ, которыя Декенъ долженъ былъ испытать и здѣсь при своемъ прибытіи и только кратко расскажемъ о ходѣ и результатѣ дальнѣйшихъ переговоровъ. Письмо, данное занзибарскимъ таможеннымъ начальникомъ къ вали, было написано въ такомъ же почти смыслѣ, какъ и прежнія; онъ приглашалъ почетныя лица города всячески содѣйствовать путешественнику и ставилъ ихъ отвѣтственными за каждую непріятность, какая съ нимъ случится. Первое шаури было назначено на слѣдующее утро. Въ назначенный часъ привезенные изъ Занзибара Белуджи стали передъ домоу мзунгу и торжественно приняли появляющихся старѣйшинъ. Переговоры опять были довольно безуспѣшны. Въ слѣдующіе дни дѣло путешествія также не скорѣе шло впередъ: казалось, что арабы имѣютъ намѣреніе замедленіями утомить мзунгу и заставить его отказаться отъ своихъ плановъ. Вѣроятно они боялись, что его предпріятіе повредитъ ихъ торговлѣ внутри страны и потому всячески старались ему помѣшать.

Опять прошло много дней; Декенъ мало по малу такъ привыкъ къ жи этихъ людей, что не смѣлъ болѣе вѣрить словамъ ихъ. Поэтому, когда Абдеррахманъ однажды рассказалъ ему, что одинъ большой начальникъ предлагаетъ сопроводить его и требуетъ только 8—20 дней на размышленіе, но проситъ держать это въ тайнѣ, чтобы другіе ничего не узнали объ его намѣреніи, пока все не будетъ окончено, то баронъ счелъ и это извѣстіе за выдумку, рассчитанную на

то, чтобы опять на некоторое время успокоить его. Это мнѣніе подтверждалось въ немъ еще тѣмъ, что мнимый вожатай каравана не хотѣлъ даже тайно представиться ему.

Прошло еще нѣсколько дней въ утомительномъ ожиданіи. Наконецъ Абдеррахманъ принесъ извѣстіе, что таинственный вожатай дѣйствительно прибылъ въ Килоа. *Абдалла бенъ Саидъ*, какъ онъ назывался, человекъ около 50 лѣтъ, обѣщаль окончить свои приготовления не позже какъ къ 17-му ноября, и въ вознагражденіе за свои услуги потребовалъ 500 талеровъ, изъ коихъ 400 должны быть уплачены тотчасъ же. Онъ считалъ необходимымъ 40—45 талеровъ и настаивалъ на томъ, чтобы взято было какъ можно болѣе пороха, потому что *шумъ*, по его словамъ, *при путешествіи во внутрь Африки главная вещь*. Странно, что теперь онъ хотѣлъ, чтобы всѣ знали, что онъ будетъ сопровождать караванъ.

Дѣло однакоже шло не такъ быстро впередъ, какъ можно было бы ожидать по заключенію столь выгоднаго договора; особенно помѣшала этому тяжкая болѣзнь баніана, который доселѣ наиболѣе содѣйствовалъ путешествію. Со дня на день надѣялись, что онъ выздоровѣетъ, и откладывали важнѣйшія приготовления; но его лихорадка все усиливалась и наконецъ онъ, послѣ тяжкихъ страданій, умеръ. Много затрудненій причинила также доставка носильщиковъ. Назначенный сначала день отъѣзда уже прошелъ, а ихъ не собрали еще и самой малой части. Наконецъ Абдалла бенъ Саидъ отправился на свою шамбу *Мукапунда*, чтобы оттуда прислать недостающихъ людей. Онъ подъ самую священную клятвою обѣщаль, что до 21-го ноября все будетъ готово.

Дежень давно уже окончилъ свои приготовления и закупки, и потому долженъ былъ безъ дѣла сидѣть и ждать другихъ, положеніе вовсе не завидное. «Чистая дремота, писалъ онъ 18 и 19 чиселъ въ своемъ дневникѣ», работы всѣ окончены, мнѣ нечего дѣлать кромѣ того, чтобы размышлять, о низости и лживости людей».

Прежде, чѣмъ истекъ данный ему срокъ, Абдалла бенъ Саидъ прислалъ въ городъ своего брата, чтобы упросить еще отсрочить путешествіе. Это было уже слишкомъ, и давно уже съ трудомъ сдерживаемая досада теперь прервалась: долго одурачиваемый путешественникъ накинулся на несчастнаго посла и грозилъ ему и его брату даже палочными ударами. Правда, онъ зналъ, что этимъ дѣла не поправишь; но какой человекъ можетъ совладать съ собою въ такомъ положеніи?

Нѣкоторые жители города по видимому благопріятствовали мзунгу; они посѣтили его и старались выказать ему свое участіе, но дѣлали это такъ неискренно, что еще болѣе раздосадовали его. Во всемъ городѣ, говорили они, извѣстно, что Абдеррахманъ задерживаетъ его обѣщаніями, и что, какъ думаютъ, отъѣздъ не состоится ранѣе недѣли.

Мы упомянули здѣсь только о непріятностяхъ безконечныхъ шаури; ихъ однихъ было бы достаточно, чтобы уже съ самаго начала отравить молодому путешественнику по Африкѣ первое его предпріятіе. Но къ этому присоединялась еще ежедневная досада на *Белуджей*, которые оказывались въ высшей степени

безпокойными и попрошайками; они требовали то носильщиковъ для товаровъ, которыми рассчитывали торговать на свой счетъ, то денегъ, мяса и т. под., и безпрестанно производили въ городѣ безчинства, воровали кокосовые орѣхи или неосторожною стрѣльбою ранили жителей, такъ что почти каждый часъ являлись на нихъ жалобы. Можно было предвидѣть, что во время путешествія ихъ образъ дѣйствій подастъ поводъ къ еще большимъ неприятностямъ, можетъ быть даже къ опаснымъ раздорамъ, но безъ нихъ нельзя было обойтись, такъ какъ ни одинъ вожатай каравана не рѣшился бы безъ защиты нѣсколькихъ солдатъ пуститься внутрь страны. О наказаніи этихъ неукротимыхъ сыновъ Белуджистана нечего было и думать, потому что хотѣли поддержать въ нихъ хорошее настроеніе духа, и они конечно скорѣе убѣжали бы, чѣмъ подчинились приговору. Но чтобы испробовать все, Декенъ однажды призвалъ ихъ къ себѣ и велѣлъ Абдеррахману торжественно увѣщать ихъ, чтобы они вели себя прилично и лучше обращались съ жителями. Понятно, что такое увѣщаніе не принесло большой пользы.

Къ счастью путешественникъ нашелъ развлеченіе и подкрѣпленіе въ различныхъ экскурсіяхъ, которыя въ нѣкоторой степени вознаградили его за претерпѣнныя огорченія. Когда надоѣдливые отцы города уходили отъ него, онъ клалъ свое ружье на плечо и отправлялся на свѣжій воздухъ, забывая тамъ душную хижину съ ея неприятными воспоминаніями. Сначала его особенно привлекала разнообразная дѣятельность человѣка, а потомъ очень удачная охота.

Неподалеку отъ города находился станъ *Вабиза* и *Ваиао*, тѣхъ племенъ внутренней Африки, которыя доставляютъ всего болѣе невольниковъ. Здѣсь собралось болѣе тысячи этихъ темноцвѣтныхъ, хорошо сложенныхъ людей. Они, подъ предводительствомъ своего султана, привезли въ Килоа слоновую кость и другія произведенія своей страны, и старались выгоднѣе продать свои сокровища. Уже на невольничьемъ рынкѣ въ Занзибарѣ Декенъ внимательно наблюдалъ этихъ людей: здѣсь же они, какъ свободные люди, еще не согнутые игомъ невольничества и страшными испытаніями, еще болѣе возбуждали его участіе. Американецъ, торгующій «эбеновымъ деревомъ», пришелъ бы въ восхищеніе отъ ихъ высокихъ сильныхъ фигуръ и потихоньку рассчиталъ бы, сколько тысячъ долларовъ онъ выручилъ бы за это «черное мясо». И надъ этими великанами, какъ Саулъ надъ евреями, на цѣлую голову возвышался ихъ вождь и поведитель, султанъ Пембо Камаріо: Декенъ увѣряетъ, что никогда не видалъ человѣка выше и крѣпче его.

Но вниманіе путешественника обращало на себя не только ихъ тѣлосложеніе, но и костюмъ. Особенно Вабиза отличались первобытностью своей одежды; единственнымъ ихъ одѣяніемъ была маленькая козья шкура около бедръ, а иногда просто небольшой мѣшочекъ для прикрытія наготы. Женщины также ходятъ въ небольшомъ передникѣ, только у нихъ проявляется еще свойственная имъ полустрасть къ украшеніямъ: онѣ вплетаютъ себѣ въ волосы тысячи пестрыхъ бусъ, отчего голова ихъ кажется похожею на кустъ, увѣшанный ягодами.

Какъ не велико было сначала участіе Декена къ этимъ чужестранцамъ, но скоро онъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ сношеній съ ними, потому что они были не только чрезвычайно любопытны, но и весьма назойливы, и черезъ

нѣсколько дней знакомства съ ними онъ былъ принужденъ даже поставить стражу, чтобы отдалять отъ своего дома надоедливую толпу.

Впредь путешественникъ началъ въ свои часы отдохновенія заниматься исключительно охотою. Правда, здѣсь еще не встрѣчается исполинскихъ животныхъ Африки,—слоны и носороги, зебры, жираффы и страусы избѣгаютъ обитаемыхъ людьми мѣстностей и появляются только далѣе внутри страны, но уже неподалеку отъ берега встрѣчается много дичи. Многочисленныя рѣки и каналы кишатъ водною дичью, на берегахъ скитаются дикія свиньи; въ болѣе пустынныхъ водахъ поселились бегемоты, на красной равнинѣ подалѣе въ глубь страны бѣгаютъ антилопы, по склонамъ горъ живутъ павіаны, а въ лѣсахъ—морскія кошки; прочихъ млекопитающихъ, мало попадающихъ на глаза, и богатаго міра птицъ нельзя и перечислить.

Болѣе всего прельщали страстнаго охотника *дикія свиньи*, коихъ здѣсь двѣ породы, одиѣ, по наружному виду одичавшія домашнія свиньи, а другія, величиною и опасностью клыковъ даже превосходящія нашихъ кабановъ, и столь непохожія на первыхъ, что даже самый увлекающійся поклонникъ Дарвина не дерзнулъ бы назвать ихъ потомками оставленныхъ португальцами свиней и объяснить перемѣну въ ихъ строеніи только трехстолѣтнимъ дѣйствіемъ климата и перемѣною образа жизни; это такъ называемыя *бородавчатыя свиньи*. На Занзибарѣ также встрѣчаются подобныя, но болѣе малорослыя, дикія свиньи; по присланнымъ въ Берлинъ черепамъ этихъ животныхъ *Петерсъ* могъ опредѣлить видъ, къ которому они принадлежатъ, именно *Choeropotamus africanus* Schreb. Впрочемъ на основаніи Дженова краткаго описанія мы должны принять, что дикія свиньи Килоа, называемыя туземцами *баню*, отличаются отъ Занзибарскихъ, но напротивъ близко подходятъ къ *bosch vark* или лѣснымъ свиньямъ (*Potamochoeug africanus*) южной Африки, хотя и не совсѣмъ тождественны съ ними. Фигура послѣднихъ, вообще не слишкомъ отличается отъ нашихъ кабановъ. Брюхо длинное, голова похожая на тупой конусъ и ея высота относится къ длинѣ отъ рыла до щетинистыхъ пучковъ какъ 2 : 3 $\frac{1}{4}$. Рыло удлиннено въ короткій, узкій, спереди тупой хоботъ, заходящій далѣе нижней губы; ноги довольно низки, переднія и заднія ноги о четырехъ пальцахъ, уши большія, но не очень широкія, а скорѣе заостренныя, по краямъ густо покрытыя волосами, а на концѣ снабжены кистобразнымъ пучкомъ. Большое, похожее на бородавку, возвышеніе на скулахъ повыше клыковъ, оканчивающееся обращеннымъ къ заду сосочкомъ, придаетъ лицу въ высшей степени характеристическое выраженіе, оправдывающее данное ему названіе. Кожа густо покрыта щетинистыми волосами, образующими на задней части головы и на спинѣ гриву, а на концѣ длиннаго, свѣшивающагося до пятокъ, хвоста щетинистую кисть. Преобладающій цвѣтъ свѣтлый, желто-сѣрый или бурый: грива бѣловатая, желтоватая или свѣтлобурая, равно какъ лобъ и внутренняя сторона ушей. Глазъ окруженъ бокышимъ чернымъ пятномъ, расширяющимся къ низу; щетинистые пучки у оконечностей ушей черныя. Но этотъ цвѣтъ подверженъ многимъ измѣненіямъ, можетъ быть смотря по различнымъ возрастамъ животнаго; по крайней мѣрѣ *A. Smith* говоритъ, что эта измѣняемость цвѣта

служить характеристическою особенностью этихъ свиней, и что у нѣкоторыхъ, живущихъ на черной почвѣ, бываютъ бѣлые волосы, или же на свѣтлобуромъ и даже красноватомъ фонѣ имѣютъ болѣе или менѣе бѣлыя полосы. Этому же пу-

Bosch vark или южно-африканская дикая свинья.

тешественнику, который долго наблюдалъ дикую свинью въ восточныхъ областяхъ Капской земли, мы обязаны и тѣмъ, что можемъ прибавить нѣсколько словъ объ ея образѣ жизни, такъ какъ Декенъ говоритъ только о способѣ охоты, а о не жизни этихъ животныхъ.

«Лѣсная свинья, по своему головному украшенію, есть опасное животное. Ее можно встрѣтить вездѣ, гдѣ есть уединенное мѣсто съ кустарникомъ, въ которомъ свинья можетъ скрываться. Слѣдъ ея похожъ на букву М, т. е. концы пальцевъ образуютъ двѣ отдѣльныя точки, въ отличіе отъ антилопъ, у которыхъ они идутъ почти вмѣстѣ, такъ что ихъ слѣдъ похожъ большею частію на букву А съ раздѣлительною чертою въ серединѣ. *Bosch varks* ходятъ стадами по лѣсамъ и питаются корнями и молодыми кустарниками; но любимую ихъ пищу составляетъ большой, жесткокожій, наполненный зернами родъ померанца, во множествѣ растущій на низменностяхъ по близости лѣсовъ Наталя. Вечеромъ свиньи выходятъ изъ лѣсовъ на равнину отыскивать плоды, сброшенные съ деревь вѣтромъ».

«Кафры, пренебрегающіе мясомъ домашней свиньи, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти ѣдятъ мясо ея дикихъ собратій. Они считаютъ этихъ животныхъ весьма опасными и боятся встрѣтиться съ ними въ лѣсу; по ихъ мнѣнію, раны, нане-

сенныя этими свиньями, никогда совсѣмъ не издѣчиваются. Любимое мѣстопребываніе этихъ дикихъ свиней составляетъ лѣсъ Бури въ Наталѣ, но онѣ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, хотя земля покрыта ихъ слѣдами».

«Кафры не безъ основанія злобствуютъ на *bosch varks*, потому что они проламываютъ ихъ плохія изгороди, вырываютъ растенія на поляхъ и портятъ въ садахъ арбузы. Но хитрые черные умѣютъ въ нѣкоторой степени предохранять себя отъ такихъ опустошеній. Они оставляютъ мѣстами маленькія отверстія въ изгородахъ; свинья, пользуясь такою уже готовою дверью, попадаетъ въ глубокую яму и тамъ натывается на укрѣпленный въ землѣ острый коль. Когда при этомъ раздастся визгъ страдающаго животнаго, прибѣгаютъ Кафры съ шумными изъявленіями радости и овладѣваютъ добычею. Мясо идетъ на кухню, а горбы повыше клыковъ, приязанные на нитку или ремень, носятъ на шеѣ какъ цѣнное украшеніе».

Декевъ пробовалъ охотиться на банго различнымъ способомъ. Гонка съ помощью Белуджей оказалась неудобною; его собакъ нельзя было употребить тутъ въ дѣло, равно какъ и туземныхъ собакъ, вѣроятно потому, что здѣсь туземцы не занимаются, какъ на Запзибарѣ, Мафиі и т. п., охотою за свиньями; наконецъ самымъ удобнымъ способомъ оказалась одиночная охота безъ собакъ и людей. Такимъ способомъ путешественникъ убилъ много большихъ животныхъ и могъ бы убить еще больше, если бы ему не опротивѣло бесполезное убійство. Только клыки имѣютъ цѣнность, а мясо туземцы не ѣдятъ. Онѣ нашель, что убивать банго весьма трудно, по причинѣ толстоты и упругости ихъ кожи, которая оказываетъ значительное сопротивленіе даже хорошему ножу.

Дикія свиньи распространены по всей восточной Африкѣ, начиная отъ земли Сомали до Наталя и Мадагаскара. Къ сколькимъ видамъ онѣ принадлежатъ, опредѣлить еще нельзя, но во всякомъ случаѣ онѣ представляютъ много видовъ, тѣмъ болѣе, что *Грандидье* недавно открылъ въ Мадагаскарѣ новую свинью.

При одной экскурсіи особенный лай обратилъ вниманіе путешественника на животныхъ, бѣгавшихъ по склону холма и по видимому чѣмъ-то дѣятельно занимавшихся. Сначала онѣ думалъ, что это хищныя животныя; но по ихъ движеніямъ, постоянной бѣготнѣ, подвижности и проворству, съ которымъ они карабкаются по большимъ скаламъ и камнямъ, онѣ скоро узналъ въ нихъ павіановъ. Многія породы этой группы или семейства четырехрукихъ живутъ на востокѣ Африки, отъ Абиссиніи до Капской колоніи въ представляющихъ разнообразіе воздѣланныхъ мѣстностяхъ, къ огорченію туземцевъ часто въ большомъ количествѣ. Они всегда попадаются многочисленными обществами, составляющими между собою союзъ и руководимыми однимъ или нѣсколькими старыми самцами. Такая обезьяна начальникъ, которую въ нѣкоторомъ смыслѣ можно считать родоначальникомъ стада, достигаетъ этого достоинства только въ старости, такъ какъ она должна предварительно выдержать трудную драку со всѣми самцами. При этомъ правда надо замѣтить, что эти драки кажутся гораздо серьезнѣе, чѣмъ каковы онѣ на самомъ дѣлѣ; эти обезьяны во всѣхъ своихъ поступкахъ оказываются чистыми хвастунами и производятъ несравненно больше шума, чѣмъ сколько было бы нужно. Гово-

рять, будто двое изъ самцовъ, поссорившіеся за самку, по меньшей мѣрѣ разрывають другъ друга на части; но на самомъ дѣлѣ дѣло едва ли доходитъ даже до дѣйствительнаго боя. Съ сверкающими отъ гнѣва глазами и искаженными фізіономіями, на которыхъ выражается сильнѣйшая злоба, скрипя зубами и съ взерошенными волосами на передней части брюха, они стоятъ одинъ противъ другаго; рыча и ворча, какъ будто бѣшеные отъ злости, они ударяють рукою по землѣ и этимъ и ограничиваются.

Точно также поступаютъ они и по отношенію къ человѣку. Часто утверждали, что они смѣло нападаютъ на охотника и даже приводятъ его въ серьезную опасность, но безпристрастное наблюденіе доказываетъ противное. Отъ собаки они съ величайшею послѣшностью убѣгаютъ съ громкимъ лаемъ и крикомъ; но если одна изъ нихъ будетъ схвачена, то она обороняется, на сколько хватаетъ силъ, и ей помогаютъ другія. Пока для нихъ есть исходъ, онѣ пользуются имъ; но доведенныя до крайности, онѣ бросаются даже на вооруженнаго человѣка, и тогда ихъ ловкость, быстрота нападенія, изумительная сила рукъ и крѣпость ихъ зубъ, похожихъ на зубы хищныхъ животныхъ дѣйствительно опасны. Но онѣ пользуются своимъ оружіемъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ; основныя черты ихъ характера суть хитрость и шумное хвастовство.

Намъ кажется не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько словъ *Бреннера*, позднѣйшаго спутника нашего путешественника, такъ какъ они, по нашему мнѣнію, представляютъ очень наглядную картину свободной жизни этихъ обезьянъ: «наблюденіе многочисленнаго стада павіановъ на свободѣ», говорить этотъ страстный охотникъ и любитель животныхъ, «доставляетъ наслажденіе, какаго не могутъ никогда доставить звѣринцы». Я часто натыкался на стадо павіановъ и почти каждый день имѣлъ случай подкарауливать ихъ на рѣкѣ Друбѣ. Я встрѣчалъ старыхъ, въ пять футовъ вышиною, широкогрудыхъ павіановъ съ пресердитою фізіономією, но считаю баснею, будто они нападаютъ на людей или преслѣдуютъ ихъ. Каждый разъ, какъ я натыкался на стадо павіановъ у высокихъ, влажныхъ береговыхъ лѣсовъ этой рѣки, меня пріѣтствовало глухое рычаніе и ужасный крикъ юнаго семейства. Всѣ скрывались съ величайшею послѣшностью, перескакивая черезъ камни и кусты, на высокое, вѣтвистое дерево, очевидно съ цѣлію обезопасить себя. Старые, бурые павіаны спускались на нижніе сучки, чтобы защитить молодыхъ, помѣстившихся на болѣе высокихъ сучкахъ. Обсаженное такимъ образомъ дерево представляетъ восхитительнѣйшее зрѣлище: почти изъ за каждаго сука или окученной листьвы выглядываетъ лицо, на которомъ соединяются въ одно и тоже время и любопытство и страхъ. Съ величайшимъ вниманіемъ слѣдило общество за моимъ приближеніемъ. Нѣкоторые молодые трусы убѣгали большими прыжками на одну изъ ближайшихъ вершинъ деревъ, но большая часть, особенно старые опытные вожаки, не покидали разъ занятаго мѣста, или же только съ шумнымъ лаемъ и пискомъ расхаживали по нижнимъ толстымъ вѣтвямъ взадъ и впередъ, раздвигали губы и чрезвычайно широко раскрывали зѣвъ съ ясною цѣлію напугать меня такою угрозою, нагибали голову, какъ будто готовясь сдѣлать прыжокъ, и, загнувъ хвостъ дугою, придавали своей позѣ

какое-то особенное выраженіе. Если я останавливался, то общество мало по малу успокоивалось; молодыя обезьяны, которымъ наскучило присматривать за мною, сознавая, что находятся подъ защитою родителей, снова начинали свои игры, тогда какъ старыя все таки не выпускали меня изъ глазъ, хотя и казались беззаботными».

Иногда нѣкоторые члены такаго стада принимаютъ самыя странныя и смѣшныя позы. Въ характерѣ этихъ обезьянъ какъ будто выражается стремленіе какъ можно удобнѣе устроить свою жизнь при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ; такъ напр. нѣкоторыя изъ нихъ, какъ совершенно справедливо говорить *Бреннеръ*, сидятъ на сучкѣ въ удобномъ положеніи, прислонивъ спину къ вертикальной вѣтви или къ стволу, свѣсивъ голову на грудь, какъ будто бы погруженныя въ глубокую думу; другія растянулись вдоль толстаго сучка и заставляютъ младшихъ членовъ семейства чистить себѣ шкуру: чистыя карриатуры комфортабельнаго человѣка, который заставляетъ добровольныхъ рабовъ служить себѣ. Содержаніе шкуры въ чистотѣ впрочемъ необходимо для обезьянъ во многихъ отношеніяхъ. При ихъ бѣганьѣ по вѣтвямъ или по травѣ въ ихъ шкуру попадаютъ не только разныя растительныя частицы, но и многія паразитныя животныя; послѣднія, кажется, беспокоятъ ихъ въ такой же степени, какъ и человѣка. Послѣ каждой прогулки самая важная ихъ забота состоитъ въ томъ, чтобы выискать другъ у друга шерсть. Эта работа производится съ величайшею тщательностью. Каждый волосокъ тщательно осматривается, несъѣдомыя растительныя частицы вынимаются и съ пренебреженіемъ выбрасываются, а паразитнымъ животнымъ дается иное употребленіе: они служатъ наградою за трудную работу. Съ радостнымъ чавканьемъ хватаетъ обезьяна найденное животное, ловко сдавливая его между ногтями большаго и втораго пальцевъ, держитъ его передъ глазами и разсматриваетъ, постоянно пощелкивая языкомъ, и кладетъ его въ ротъ; слѣдовательно она поступаетъ тутъ точно такъ же, какъ эскимосы и вообще низко стоящія монгольскія племена. У содержащихся въ неволѣ павіановъ, привыкшихъ не пугаться человѣка, можно замѣчать, что эта работа доставляетъ имъ удовольствіе, такъ какъ они выскиваютъ шерсть у всѣхъ животныхъ, которыя дозволяютъ это съ собою дѣлать; считается даже доказательствомъ дружбы, когда они оказываютъ такую услугу другому млекопитающему животному; онѣ пытаются даже производить эту охоту на головѣ человѣка, и притомъ, какъ замѣчено, не только у тѣхъ людей, у которыхъ эта охота общааетъ быть успѣшною, но и у опрятныхъ европейцевъ.

Обыкновенно полагаютъ, что павіаны и вообще обезьяны питаются болѣе или менѣе исключительно растительными веществами, такъ какъ въ неволѣ ихъ можно нѣсколько лѣтъ поддерживать такою пищею. Но это предположеніе опровергается уже тѣмъ вышеупомянутымъ обстоятельствомъ, что онѣ преслѣдуютъ насѣкомыхъ. Кто, подобно намъ, имѣлъ случай наблюдать свободную жизнь этихъ полулюдей, «тотъ вскорѣ узнаетъ, что они, такъ же, какъ человѣкъ, животныя всеядныя. Во все время своихъ передвиженій они занимаются отыскиваніемъ себѣ пищи, и, между прочимъ, весьма разнообразною охотою, рвутъ листья, почки,

цвѣты и полузрѣлые плоды, выкапываютъ клубни и корни, и, кромѣ того, преслѣдуютъ всѣхъ животныхъ, съ которыми могутъ справиться. Въ гористыхъ мѣстностяхъ ихъ присутствіе обыкновенно замѣчается прежде всего по камнямъ, скатывающимся со стѣнъ утесовъ и склоновъ горъ, и перевернутымъ обезьянами, которыя надѣялись найти подъ ними какихъ нибудь носѣкомыхъ. Изъ этихъ послѣднихъ самое любимое ихъ лакомство составляютъ куколки различныхъ муравьевъ; но они ѣдятъ также съ охотою жуковъ и ихъ личинки, куколки бабочекъ, гладкокожихъ гусеницъ, мухъ и т. под., равно какъ и классъ пауковъ доставляетъ имъ пріятную для нихъ добычу. Но онѣ не довольствуются низшими животными, а преслѣдуютъ и разныхъ позвоночныхъ. Такъ напр. они самыя ярія и неутомимыя разорительницы гнѣздъ, пожираютъ яйца и птенцовъ всѣхъ не слишкомъ большихъ птицъ, стараются даже ловить уже вылетающихъ молодыхъ птичекъ, ловятъ мышей и другихъ маленькихъ млекопитающихъ и съ очевиднымъ удовольствіемъ пожираютъ ихъ мясо.

Внимательный наблюдатель скоро замѣчаетъ, что онѣ умѣютъ отличать способныхъ къ защитѣ животныхъ отъ беззащитныхъ. Они не задумываясь хватаютъ паука, и въ тоже время обнаруживаютъ свои познанія о скорпіонѣ, принадлежащемъ къ тому же классу и находимомъ ими подъ камнями, высокимъ прыжкомъ на воздухъ, и только тогда осмѣливаются подойти къ нему, когда сдѣлаютъ его безвреднымъ, т. е. раздробятъ его камнемъ. Только одинъ классъ животныхъ не даетъ имъ никакой добычи, именно классъ амфибій; по отношенію къ нимъ они оказываются столь же безразсудными, какъ и большая часть людей. Не только безвредный ужъ, но даже самая беззащитная ящерица внушаетъ имъ безконечный ужасъ, и лягушка можетъ обратить въ бѣгство цѣлое стадо ихъ. Со всевозможною поспѣшностью старается каждый членъ ихъ общества достигнуть безопаснаго мѣста; но здѣсь любопытство приковываетъ ихъ, и онѣ съ искаженными страхомъ фізіономіями смотрятъ на страшилище, виновника ихъ невыразимаго испуга.

Почти каждый европейскій корабль, выходящій изъ Занзибара, везетъ одного или нѣсколько этихъ павіановъ, такъ какъ ихъ часто привозятъ живыми въ городъ, гдѣ они во всякое время находятъ охотниковъ взять ихъ. Вообще жителя восточной Африки нельзя назвать любителемъ ручныхъ животныхъ; они даже и не помышляютъ о томъ, чтобы извлекать выгоду изъ услугъ мѣстныхъ полезныхъ животныхъ. Цесарокъ и франколиновъ, которыхъ въ другихъ мѣстахъ Африки держатъ по крайней мѣрѣ какъ украшеніе дворовъ и садовъ, охочій до животныхъ европеецъ можетъ достать тамъ только по заказу или же сойдясь съ туземцемъ, знакомымъ съ охотою европейцевъ покупать животныхъ. О прирученіи и разведеніи водящихся тамъ животныхъ никто и не помышляетъ, хотя и сознаютъ выгоды, которыя доставляютъ хозяйству такія животныя. Обезьяны составляютъ исключеніе изъ этого правила, и не упускаютъ ни одного случая захватывать этихъ легко приручаемыхъ животныхъ, которыхъ такъ же легко содержать и продать. Какимъ образомъ ловятъ павіановъ, намъ неизвѣстно; но мы можемъ предполагать, что они дѣлаются жертвами не столько человѣческой хитрости, сколько своей жадности и лакомства.

Люди, съ которыми сходилъ Депенъ и его спутники въ равнинахъ и на плантаціяхъ, вообще держали себя дружелюбно и ласково; но нельзя было не замѣчать, что находишься уже не между смиренными жителями острова Занзибара, а между такими людьми, коихъ неукротимость слишкомъ часто переступаетъ границы, поставляемая имъ исламомъ, который, по видимому, смягчаетъ нравы. Одно небольшое приключеніе показало путешественнику, что здѣсь надо быть осторожнымъ въ обхожденіи съ туземцами, легко и часто безъ всякой причины выходящими изъ себя. Утомленный охотою и изнуряемый жаждою, Депенъ пришелъ однажды къ одной хижинѣ и послалъ своихъ спутниковъ въ эту хижину, чтобы попросить ему напитаться. Не успѣвъ онъ еще сѣсть отдохнуть, какъ Ассани, одинъ изъ спутниковъ, со всего разбѣга бросился изъ хижины, преслѣдуемый негромъ, который грозилъ ему высоко поднятымъ къ верху ножомъ. Депенъ не разсуждая бросился на встрѣчу бѣшеному негру, отразилъ своею палкою ударъ ножа, предназначившійся его слугѣ, и повалилъ своего противника на землю; но только послѣ долгой борьбы, въ которой онъ самъ получилъ легкую рану, удалось ему вырвать ножъ у коренастаго негра. Въ то время, какъ онъ держалъ его за горло, на него бросился второй негръ, также очевидно съ враждебнымъ намѣреніемъ; но и съ этимъ новымъ врагомъ легко справились, потому что за минуту передъ тѣмъ на это мѣсто пришелъ Корали, и ловкій во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ Депенъ могъ исключительно заняться вторымъ негромъ. Тутъ явились и храбрые Белуджи, охранители нашего путешественника, и выразили свое усердіе сочувственными вопросами о причинѣ ссоры. Завязались длинные переговоры, которые имѣли слѣдствіемъ только то, что въ это время первому зачинщику удалось убѣжать. Второй освободился другимъ образомъ. Онъ жаловался на дурное съ нимъ обращеніе и увѣрялъ, что его благородныя намѣренія были поняты превратно, что онъ хотѣлъ послѣшить на помощь мзунгу, и потому заслуживаетъ скорѣе похвалы, чѣмъ дурнаго обхожденія. Не смотря на основательное сомнѣніе въ истинѣ показаній этого плута, его наконецъ отпустили, но немедленно сообщили вали о происшедшемъ.

Противъ всякаго ожиданія, послѣдній черезъ нѣсколько дней явился въ жилище Депена, чтобы произвести судъ надъ пойманнымъ снова преступникомъ и извиниться въ томъ, что онъ было сдѣлалъ. И здѣсь такъ же, какъ въ Занзибарѣ, оскорбленному во многихъ случаяхъ дается право самому назначить наказаніе, особенно если онъ находится въ исключительномъ положеніи. Поэтому приговоръ произнесъ Депенъ, и назначилъ безсовѣстному негру значительное количество ударовъ. Вали не совсѣмъ былъ согласенъ съ этимъ приговоромъ, полагая, что онъ всего лучше можетъ выказать свою готовность услужить мзунгу и свое огорченіе по поводу безчинства негра тѣмъ, что собственноручно отсчитаетъ виновному передъ глазами оскорбленнаго назначенное послѣднимъ количество ударовъ. Съ неменьшимъ удивленіемъ услышалъ онъ, что путешественникъ запрещаетъ это зрѣлище въ своемъ присутствіи, но потребовалъ еще разъ взглянуть на негра до наказанія. Этого Депенъ желалъ потому, что надѣялся приобрести вѣрнаго слугу въ вспылчивомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отважномъ негрѣ; но мошенническая его фізіономія и трусливая дрожь тотчасъ же разубѣдили его.

Такія прогулки и охотничьи экскурсіи конечно могли доставить подрѣпленіе путешественнику и поддержать бодрость его духа, но съ другой стороны были причины новыхъ затрудненій и страданій. Непривычный климатъ проявилъ свое дѣйствіе. Почти за каждую большую экскурсію слѣдовало болѣе или менѣе сильное нездоровье, и если Деженъ снова начиналъ быстро поправляться, то этимъ былъ обязанъ не только крѣпости своего организма и физической и духовной свѣжести, которою онъ обладалъ еще въ Европѣ, но и свойственной ему непоколебимой силѣ воли, которая поддерживала его въ то время, когда другіе падали. Ему огорченія при обхожденіи съ Арабами вредили больше, чѣмъ одни физическія напряженія.

Многіе путешественники думаютъ, что можно привыкнуть и къ солнечному зною и чрезмѣрному напряженію и долго бороться противъ положенія дѣлъ и противъ своей собственной природы, но скоро замѣчаютъ, что не способны къ такой борьбѣ. Конечно, трудно ограничить свое рвеніе къ охотѣ и изслѣдованіямъ, пока чувствуешь себя здоровымъ и свѣжимъ; но тотъ, кто по опыту знаетъ, что значить по цѣлымъ часамъ ходить подъ знойнымъ солнцемъ Африки, преодолѣвать всѣ трудности почвы мѣстностей, не имѣющихъ дорогъ, и при этомъ выносить мученія неуголимой жажды, отказываться отъ привычной пищи, однимъ словомъ принаравляться ко всѣмъ новымъ условіямъ, тотъ бережетъ, особенно въ началѣ, свои силы, съ которыми онъ долженъ жить еще нѣсколько лѣтъ. Сохраненіе здоровья должно прежде всего озабочивать путешественника, потому что больной неспособенъ противостоятъ трудностямъ и опасностямъ, которыя приносятъ или можетъ принести ему каждый день, и не можетъ приносить пользы наукѣ.

ОТДѢЛЪ ОСЬМОЙ.

Первое путешествіе во внутрь страны.

Предварительный подъемъ.—Шамба Абдаллы.—Путешественникъ и женщины.—Окончательный отъездъ.—Недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ.—Нравы и обычаи туземцевъ.—Начало періода дождей.—Больной.—Музыка и танецъ.—Странное строеніе скалы.—Возмущеніе въ лагерѣ.—Печальный рождественскій вечеръ.—Характеристика белуджей и береговыхъ арабовъ.—Возвращеніе въ Килоа.—Огорченіе и потери.—Тяжкая болѣзнь.

Еще утомленный волненіями послѣднихъ дней, *Декенз* получилъ 22-го ноября пріятное извѣстіе, что, по окончаніи всѣхъ приготовленій, на слѣдующее утро можно будетъ дѣйствительно подняться изъ Килоа. Сначала онъ конечно не смѣлъ вѣрить увѣреніямъ Абдеррахмана, но все таки сейчасъ же принялъ необходимыя мѣры для отъѣзда, дабы самому не сдѣлаться причиною новаго замедленія. Онъ посѣтилъ почетныхъ людей города, съ которыми находился въ сношеніяхъ, провѣрилъ свои счета, раздарилъ лишнія вещи и укладывался до глубокой ночи.

На другое утро, еще за нѣсколько часовъ до восхода солнца, онъ началъ устроить маленькій караванъ. При этомъ оказалось, что одинъ изъ белуджей убѣжалъ, а другой страдалъ такою сильною половою болѣзнью, что и его надо было оставить, когда онъ поставилъ на мѣсто себя другаго. Около шести часовъ караванъ поднялся. Онъ состоялъ, кромѣ барона, Коралли и нѣсколькихъ цвѣтныхъ служителей, изъ 19 солдатъ и 40 почти носильщиковъ, которые должны были нести 3000 аршинъ бѣлой бумажной матеріи, множество пестрыхъ бумажныхъ платковъ, 1½ центнера бусъ, центнеръ мѣдной проволоки, зеркала, ножи, кремни, порохъ, табакъ и т. под. Вали, Кади и городскіе старѣйшины дали мзунгу конвойе еще на значительное разстояніе. Кромѣ этого, такъ называемаго перваго подъема, путешествующій по восточной Африкѣ большею частію долженъ ожидать еще втораго, а можетъ быть даже и третьяго: при первомъ отходѣ только нѣсколько миль отъ точки отправленія; только черезъ нѣсколько дней, въ продолженіи которыхъ пополняютъ недостающее и вполнѣ готовятся къ трудному путешествію, начинается дѣйствительное путешествіе.

Цѣлью сегодняшняго путешествія была *Мукаунда*, шамба *Абдаллы бенъ Саида*, на которой надо было пополнить число носильщиковъ. Она лежитъ въ

прямой линіи на разстояніи 12 морскихъ миль отъ Килоа. Дорога шла сначала черезъ болотистую, потомъ черезъ холмистую, лишенную тѣни мѣстность. Уже на шамбѣ *Папанана*, почти посерединѣ между Килоа и Мукапундою, караванъ долженъ былъ нѣсколько часовъ отдохнуть, по причинѣ многочисленныхъ слабыхъ людей, и только около солнечнаго заката самые бодрые достигли шамбы Абдаллы, тогда какъ другая половина носильщиковъ прибыла туда позднимъ вечеромъ, а одинъ белуджъ даже вовсе не явился, вѣроятно потому, что послѣдовалъ примѣру своего убѣжавшаго товарища. Абдеррахманъ, изнѣженный арабъ, былъ полумертвъ отъ утомленія и уже на другой день распростился и отправился въ городъ, въ свой удобный домъ.

Всего болѣе приходилось страдать бѣднымъ собакамъ при болѣе и болѣе утомительныхъ переходахъ. Высунувъ языкъ и томясь отъ жажды и изнуренія, они перебѣгали дорогою отъ одного изъ дающихъ скудную тѣнь кустарниковъ къ другому, чтобы тамъ нѣсколько перевести духъ на менѣ знойной землѣ. Только маленькія дворовыя собаки Декена достигли цѣли, хотя въ высшей степени изнуренныя, а большія собаки погибли: большой бульдогъ Діана околѣлъ дорогою, а великанъ Лео пропалъ безъ вѣсти. Путешественникъ не мало заботился о судьбѣ красиваго и сильнаго животнаго, котораго такъ боялись туземцы и арабы; можно было думать, что собака надоѣла жителямъ и была убита какимъ либо храбрымъ владѣльцемъ ружья, какъ хищное животное. Къ счастью, на другой день пришло извѣстіе, что Лео остался въ хижинѣ на два часа пути назадъ. Коралли тотчасъ отправился съ шестью людьми, чтобы взять его. Они не могли увести сильное животное иначе, какъ положивъ его на китанду и нести его на ней какъ на носилкахъ: въ такой смѣшной процессіи животное пришло въ часъ ночи въ лагерь. Лео понравился такой удобный способъ доставки: онъ уже прежде, когда послѣ утомительной охоты не въ состояніи былъ болѣе бѣжать, съ большимъ комфортомъ и ловкостью пользовался для дальнѣйшаго передвиженія осломъ, котораго баронъ взялъ съ собою собственно для его удобства.

Шамба Абдаллы *Мукапунди* хорошо воздѣлана и довольно обширна, но страдаетъ большимъ недостаткомъ: ей недостаетъ воды для питья, по крайней мѣрѣ для такого количества людей, которое велъ съ собою Декенъ. Потребную воду надо было приносить за часъ пути въ горшкахъ.

Черезъ день послѣ прибытія путешественника почетныя лица изъ окрестности собрались для его привѣтствованія. Надо было преодолѣть нѣсколько скучныхъ шаури съ ними, главнымъ предметомъ которыхъ было *григри* или волшебство для обезпеченія счастливаго путешествія. Записные волшебники, которые при торжественныхъ случаяхъ всякаго рода даютъ *григри* и зарабатываютъ этимъ много денегъ, часто бываютъ ничто иное, какъ невольники богатыхъ; григри для этого путешествія было изготовлено индійцемъ. Оно состояло изъ лошадиного хвоста, исписанной бумажки и какой-то волшебной смѣси въ стлянкѣ; хитрый коддунъ потребовалъ за это тридцать талеровъ. Онъ поступалъ совершенно основательно, назначивъ такую высокую цѣну, потому что другіе были на столько глупы, что платили ему суммы, по тамошнему очень значительныя. Когда Декенъ услышалъ

объ такомъ безсовѣстномъ обманѣ, то настоятельно потребовалъ наказать обманщика, который и долженъ былъ снова возвратить деньги и нѣсколько времени просидѣть въ тюрьмѣ.

Можетъ показаться страннымъ, что магометане даже изъ высшихъ классовъ, какъ напр. Абдалла, уважаютъ такіе нелѣпыя обычаи. Религія здѣшнихъ арабовъ, особенно тѣхъ, которые живутъ далеко отъ наблюдающихъ за ними мослеминовъ, весьма близка къ язычеству: вслѣдствіе постоянного обращенія съ языческими народами, суевѣріемъ которыхъ они впрочемъ иногда хитро пользуются, они наконецъ сами сдѣлались почти столько же суевѣрны.

Прекраснымъ поясненіемъ печальнаго положенія дѣлъ, встрѣчаемаго у этихъ правовѣрныхъ, можетъ служить ихъ *семейная жизнь*. Такъ напр. Абдалла былъ женатъ на восьми женахъ и двухъ суріяхъ (фавориткахъ), изъ коихъ одна была его собственная дочь. Здѣсь нерѣдко сынъ женится на матери, братъ на сестрѣ. Всѣ другія условія жизни имѣютъ такой же характеръ, какъ и семейная жизнь.

Наблюденіе внутренней и домашней жизни народовъ всегда сильно манило нашего путешественника. Мукапунда представила ему особенно благопріятный случай обогатить свои познанія, потому что одна изъ женъ Абдаллы обратила къ нему все свое сочувствіе. Она была отвергнута своимъ супругомъ, послѣ того, какъ родила ему сына, и теперь жила неподалеку въ хижинѣ. Абдалла обходился съ нею не враждебно, но равнодушно, и потому одинокая женщина съ робкою склонностью обратилась къ ласковому мзунгу. Декенъ проводилъ большую часть дня въ ея домикѣ и сильно восхищался ея дѣтскимъ любопытствомъ и ея изумленіемъ передъ всѣмъ, что онъ ей показывалъ. Добрая женщина, которая во всю свою жизнь не видала и не слыхала столько замѣчательнаго, какъ въ эти нѣсколько дней, старалась доказать ему свою благодарность тѣмъ, что каждый дені присылала ему прекрасный арабскій хлѣбъ и другіе лакомые кусочки. Но вторая жена Абдаллы позавидовала ей въ расположеніи чужестранца и жаловалась ему, что онъ забываетъ ее.

Декену тѣмъ болѣе была пріятна благосклонность обѣихъ аравитянокъ, что окрестности шамбы не представляли случая къ замѣчательнымъ экскурсіямъ. Особенно въ послѣдній день его пребыванія жилище женщины доставило ему желанное убѣжище, такъ какъ его плохая хижина сдѣлалась почти необитаемою вслѣдствіе выпавшаго ночью проливнаго дождя. Какъ въ пасмурные дни проблескъ солнца приводитъ путника въ веселое настроеніе, такъ и здѣсь, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ едва вынесенныхъ огорченій и разныхъ непріятныхъ разочарованій, духъ путешественника былъ подкрѣпленъ ласками этихъ женщинъ; здѣсь была такая милая общежительность, которая свойственна образованнымъ народамъ, но которой нельзя ожидать въ семействѣ Килоаскихъ арабовъ, столь низко стоящихъ въ нравственномъ отношеніи.

Уже здѣсь Декенъ узналъ, что путешественникъ никогда не долженъ быть въ дурныхъ отношеніяхъ съ женщинами. Если онъ принимаетъ мелкіе знаки вниманія, часто означающіе лишь почтительную благосклонность, и съумѣетъ любезнымъ обхожденіемъ и маленькими подарками одолжить и приязнать къ себѣ невин-

ныхъ дѣтей природы, то не только развеселить себѣ многіе часы одиночества, но и часто найдетъ случай поглубже заглянуть во внутреннюю жизнь семействъ. Его хорошія отношенія къ прекрасному полу могутъ даже имѣть для него величайшую важность, потому что у многихъ народовъ считается неприкосновеннымъ тотъ, кто, будучи въ опасности, прикоснется къ женщинѣ.

Прошло много времени, пока собрали недостающихъ носильщиковъ. Одинъ арабъ, по имени *Банакфумо*, обѣщавшійся представить нѣсколько своихъ невольниковъ, на третій день послѣ прибытія еще не явился; это напомнило путешественнику, что терпѣніе и опять таки терпѣніе есть необходимѣйшая потребность при обхожденіи съ такими людьми.

При скучномъ ожиданіи людямъ Декена пришли въ голову разныя глупыя мысли. Носильщики, занимавшіеся переупаковкою мзиго, оказавшихся слишкомъ тяжелыми, держали себя еще сносно; но праздные белуджи жаловались каждый день на недостаточность или дурное качество пищи и производили ночью своими танцами и пѣніемъ ужасный шумъ. Всѣ увѣщанія ихъ джемедара хотя нѣсколько пощадить усталыхъ спящихъ людей, не приносили пользы, такъ что наконецъ баронъ, слишкомъ наскучивъ этою вознею, бросился на нихъ съ палкою, свалилъ одного на землю, а другаго схватилъ за затылокъ и всыпалъ ему порядочное число ударовъ. За этою неожиданною выходкою послѣдовало желанное спокойствіе, и ночная тишина прерывалась только иногда тихимъ визгомъ собакъ или кудахтаньемъ безсонной курицы.

Пребываніе въ Мукапундѣ сдѣлалось наконецъ почти невыносимымъ. Абдалла, который обязался доставить до отъѣзда носильщиковъ, зарѣзалъ свою послѣднюю козу и наконецъ началъ скупиться даже на воду. Поэтому не только Декенъ, но и всѣ его люди съ радостью привѣтствовали дѣйствительное отбытіе. 28 ноября въ 8¹/₂ часовъ утра шестіе тронулось и послѣ полудня прибыло въ Мнази, лежащую за 8 морскихъ миль. Владѣлецъ этой шамбы, зажиточный арабъ, встрѣтилъ караванъ тремя пушечными выстрѣлами и принесъ въ подарокъ козу и два мѣшка мтамы. Мзунгу отдалъ его карманнымъ пистолетомъ и талеромъ Маріи Терезіи. Мнази—что значитъ кокосовая пальма, есть впрочемъ довольно жалкое гнѣздо; названіемъ своимъ она обязана тремъ пальмамъ, составляющимъ въ нѣкоторой степени достопримѣчательность шамбы. И здѣсь господствовалъ недостатокъ воды; правда, было нѣсколько источниковъ, но всѣ они въ теченіи дня давали лишь нѣсколько эймеровъ (эймеръ около 6 ведеръ).

«29 ноября, пишетъ путешественникъ,» мы прибыли, послѣ пятичасоваго перехода, въ *Мнуэму*: Дорога шла черезъ густо поросшую лѣсомъ плоскую возвышенность, на плотной красной почвѣ которой видны были многочисленные слѣды, особенно зебръ и двукопытныхъ. Невыразимое расслабленіе и изнеможеніе, охватившія меня дорогою, заставили меня опасаться, какъ бы мнѣ не заболѣть. Съ трудомъ могъ я дотащиться до привала; но тамъ долженъ былъ отдохнуть нѣсколько часовъ. Наконецъ я собралъ свои силы, надѣясь освѣжиться прогулкою, но, мучимый сильнымъ поносомъ со рвотою, долженъ былъ вернуться и пришелъ въ лагерь до нельзя изнуреннымъ. Четыре раза принялъ я тинктуру

опія съ мятнымъ масломъ, главное средство при такихъ страданіяхъ; боль въ животѣ, сопряженная съ этими пароксизмами, прошла, но осталась сильная слабость; поносъ продолжался, и меня мучила жгучая жажда, которую я напрасно старался утолить рисовою водою. На слѣдующій день я почувствовалъ себя немного лучше, но не рѣшился въ дневной зной продолжать путь, а подождать до вечера.

«Около полуночи мы поднялись и шли по безконечному лѣсу, пока около 8 часовъ утра не достигли *Намизу*. Я самъ, не смотря на свою слабость, сдѣлалъ возможнымъ пройти этотъ трудный путь; для белуджей это было слишкомъ много. Они уже дорогою громко изъявляли свое неудовольствіе, а по прибытіи въ Намизу жаловались еще на плохую пищу. Только двое изъ нихъ, положившіе весь свой грузъ на бѣдныхъ ословъ, были бодры».

«Слѣдующій переходъ, 2-го декабря, опять частью былъ пройденъ ночью. Наша дорога шла по покато возвышающейся плоскости, сначала параллельно съ цѣпью горъ *Килуендама* и *Матумби*, а потомъ между отдѣльными холмами, которыя обратили мое вниманіе своими смѣлыми очертаніями. На одинъ изъ нихъ, именно на лежащій близко къ дорогѣ *Килоле*, я взшелъ. Онъ состоитъ изъ скопленія громаднхъ кусковъ базальта, на которыхъ мѣстами я замѣчалъ куски кварца и тяжелый сѣрый желѣзнякъ; широкая, разнообразная панорама, развертывающаяся передъ глазами, особенно на востокъ, къ горѣ *Нандама*, съ избыткомъ вознаградила меня за трудъ восхожденія. Въ теченіи дня мы проходили еще мимо нѣсколькихъ скалистыхъ холмовъ одинакого строенія и мимо нѣсколькихъ базальтовыхъ скалъ. Земля была прекрасно воздѣлана и густо населена. Всюду, куда мы ни приходили, наше прибытіе возбуждало величайшее волненіе, потому что жители никогда еще не видали ни одного мзунгу. Но еще болѣе дивились на нашихъ ословъ; возможность существованія такихъ животныхъ казалась туземцамъ неслыханною».

«*Наитомо*, нашу сегодняшнюю стоянку, нельзя назвать ни деревнею ни городомъ: это скорѣе просто средоточіе населенія, состоящее изъ безчисленныхъ хижинъ среди тянущихся на цѣлую милю мтамовыхъ плантацій».

«Въ продолженіи двухъ дней нашего пребыванія въ Нагигонго, я ходилъ по лежащимъ къ югу отъ него горамъ. Всѣ онѣ были такого же строенія, какъ и Килоле, и когда я съ одной изъ нихъ смотрѣлъ въ зрительную трубку на равнину, то увидѣлъ еще нѣсколько подобныхъ грудъ базальта зубчатой формы, которыя также круто и отвѣсно поднимаются надъ равниною. Туземцы имѣютъ особенное названіе только для одной большой цѣпи холмовъ *Нануале*, а всѣхъ прочихъ холмовъ они никакъ не называютъ».

«Одно открытіе, сдѣланное мною здѣсь, показалось мнѣ особенно замѣчательнымъ. На половинѣ высоты той горы, на которую я всходилъ, я замѣтилъ нѣсколько кучъ дровъ, которыя тотчасъ же обратили на себя мое вниманіе, такъ какъ онѣ очевидно были снесены людьми. При болѣе подробномъ разсмотрѣніи я узналъ въ нихъ *костры*. На одномъ изъ нихъ я нашелъ женскій скелетъ, а на прочихъ—черепъ и разныя другія кости. Нижніе стволы деревъ были обуглены, а верхніе немного тронуты огнемъ; очевидно здѣсь имѣлось въ виду сожженіе, но

было прервано наступившимъ дождемъ. Не смотря на самыя тщательныя развѣдыванія и вопросы, я не могъ узнать въ деревнѣ ничего точнаго; но если я могъ заключить, что здѣсь дѣло шло о сожженіи труповъ, то точно также можно было имѣть и другія предположенія. Туземцамъ, казалось, было непріятно, что я проникъ въ ихъ тайны, потому что они старались сбить меня съ толку и хотѣли даже увѣрить меня, что они не знали ровно ничего о существованіи костровъ и костей. Да по настоящему я и не могъ ожидать другаго результата, потому что зналъ, что нецивилизованные народы почти всюду держатъ въ тайнѣ обычаи, употребляющіеся при погребеніи ихъ мертвыхъ и ни подъ какимъ условіемъ не позволяютъ чужестранцу присутствовать при погребеніи, тогда какъ арабы на Занзибарѣ и на побережьѣ, которые впрочемъ не употребляютъ при погребеніи никакихъ пышныхъ обрядовъ, не запрещаютъ европейцамъ присутствовать при печальной процессіи.

«Вечеромъ меня посѣтили нѣсколько старшинъ селенія, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы получить подарки; Абдалла по крайней мѣрѣ совѣтовалъ мнѣ дать имъ подарки. Я не нашелъ нужнымъ послѣдовать его совѣту, но не обошелся таки безъ того, чтобы не поискать дружбы однако стараго, отвратительнаго дѣтина съ помощію куска американо. Этотъ дѣтина именно имѣлъ большую извѣстность какъ опасный волшебникъ, отъ воли котораго зависѣла, по мнѣнію туземцевъ участь задуманныхъ предпріятій. Мои люди упростили меня удовлетворить его, такъ какъ они твердо были убѣждены, что въ противномъ случаѣ онъ своими чарами испортитъ наше путешествіе. Я зналъ моихъ белуджей и носильщиковъ и долженъ былъ понимать, что они всѣ убѣждали бы отъ меня, если бы я не удовлетворилъ безсовѣстнаго требованія этого шута. И здѣсь также подтвердилась та истина, что тотъ, кто рассчитываетъ на людскую глупость, поступаетъ очень выгодно для себя: этотъ волшебникъ, взимающій со всѣхъ каравановъ «охранную пошлину», считался очень богатымъ человекомъ».

«Доставка съѣстныхъ припасовъ постоянно была сопряжена съ затрудненіями; жители Нагигонго не хотѣли ни за какую цѣну продавать свои запасы. Охотничья экскурсія, предпринятая мною, была неудачна; напротивъ одинъ изъ Белуджей убилъ буйволовую антилопу (?) величиною съ быка. Но что значило нѣсколько центнеровъ мяса для столькихъ голодныхъ африканцевъ? Все съѣдомое было проглочено еще почти сырое, и черезъ полчаса оставались только обглоданныя кости. Но голодъ моихъ людей вовсе не былъ удовлетворенъ; они маленькими группами разошлись изъ лагеря, чтобы поискать растительной пищи. Будучи незнакомы съ здѣшними растеніями, они въ каждомъ растеніи видѣли прекрасный овощъ и потому притащили съ собою все что имъ казалось съѣдобнымъ. Въ этомъ числѣ находилось и одно клубневое растеніе многообъщающей наружности, которое должно было быть сварено и подано намъ на столъ. Но, къ нашему счастью, Коралли и сурія джемедара еще до варенія отвѣдали его вкусъ. Едва положили они клубни въ ротъ, какъ почувствовали сильную жгучую боль, а потомъ на языкѣ и губахъ вскорѣ вздулись пузыри. Это показало намъ ядовитыя свойства растенія,

которое легко могло бы сдѣлаться пагубнымъ для всѣхъ насъ, и никто не имѣлъ болѣе охоты продолжать еще опыты надъ нимъ.

«Съ 4-го декабря начался новый отдѣлъ года—*периодъ дождей*. Еще за нѣсколько дней до его наступленія господствовала невыносимая духота. Каждый вечеръ на далекомъ востокѣ скоплялись темныя тучи, возвѣщая приближеніе дождя. Иногда до нашего слуха доносились раскаты далекаго грома. Всѣхъ радовала надежда на прохладу и свѣжесть, которыя должна была принести наступающая перемѣна погоды. Поздно вечеромъ въ упомянутый день облака, гонимыя начинающимся сѣверовосточнымъ муссономъ, донесли почти до насъ и къ полуночи непогода разбушевалась. Буря выла и свистѣла около жалкихъ хижинъ, заносила песокъ и камешки въ самые укрытые углы и въ одно мгновеніе пробуждала даже людей, объятыхъ самымъ глубокимъ сномъ. Наконецъ при сильномъ громѣ и молніи хлынулъ дождь, но вовсе не проливной, какъ я ожидалъ, а просто крупный, продолжавшійся до утра».

«Вскорѣ по нашемъ отбытіи снова пошелъ дождь. Прекрасные ландшафты задернулись мглою, глинистая почва размягчилась; скользкость дороги и часто попадавшіеся ручьи, увеличившіеся отъ дождя, препятствовали скорости движенія и дѣлали его чрезвычайно труднымъ. Судя по множеству всюду попадавшихся намъ хижинъ, страна эта должна была быть густо населена: но, къ удивленію нашему, жителей мы не видали. Они, какъ мы узнали потомъ, убѣжали отъ насъ, вслѣдствіе того, что нѣкоторые арабы изъ Килоа рассказали имъ, будто къ нимъ придутъ бѣлые люди, ведущіе съ собою прирученныхъ львовъ, которыми будутъ истреблять всѣхъ черныхъ. Наша ближайшая стоянка *Лукозе* была почти совершенно покинута людьми; оставшійся начальникъ впрочемъ былъ довольно ласковъ, и, увѣрившись въ безвредности вазунгу, былъ на столько разсудителенъ, что послалъ въ горы призвать оттуда скрывшихся тамъ жителей селенія. Они, спустя довольно времени, пришли, но все-таки были очень сдержанны и отказались продать намъ свою мтаму. Кто болѣе виноватъ въ этомъ, они ли, или Абдалла, я не берусь рѣшать; во всякомъ случаѣ послѣдній былъ непростительно мѣшкотенъ въ исполненіи своихъ обязанностей вожатая каравана и провіатмейстера.

«Мои прогулки по окрестности, предпринятыя мною не смотря на снова начинающійся дождь, представили мало привлекательнаго; только маленькій *памятникъ*, по срединѣ деревни, окруженный акаціями и тростниковою изгородью, показался мнѣ въ нѣкоторой степени замѣчательнымъ. Въ головахъ памятника, построеннаго изъ темной глины, стояло маленькое зеркало; онъ, вмѣстѣ съ находящимся возлѣ колодезья, былъ защищенъ кровлею, съ которой свѣшивалось множество лентъ и лоскутовъ ткани. Мнѣ рассказали, что этимъ памятникомъ любящій супругъ хотѣлъ почтить свою умершую супругу.

«Вечеромъ жители *Лукозе* забавлялись *музыкою*, или праздноя этимъ наше прибытіе, или же желая выразить свою радость по тому случаю, что ихъ опасенія на счетъ убійственныхъ намѣреній вазунгу оказались неосновательными. Ихъ музыкальный инструментъ похожъ на гусли: восемь деревянныхъ палочекъ, соответствующихъ восьми тонамъ октавы, лежатъ своими концами на двухъ соломенныхъ

бичевкахъ. На этомъ инструментѣ двое довольно искусно играютъ въ четыре руки. Изобрѣтеніе такого инструмента и доказываемое этимъ знакомство съ музыкальными законами, которые столь долго были неизвѣстны древнимъ грекамъ, во всякомъ случаѣ дѣлаютъ честь этимъ людямъ. Нельзя предполагать, что благородной музыкѣ они научились отъ другихъ народовъ, потому что жители побережья далеко уступаютъ имъ въ этомъ отношеніи, и имѣютъ только маленькіе музыкальные инструменты изъ дерева, трехъ кишочныхъ струнъ и половины тыквы».

«Погода все еще не перемѣнялась: ночью снова полилъ сильный дождь. Если бы я не накрылся моимъ гуттаперчевымъ одѣяломъ, то промокъ бы до костей, потому что кровля хижины не защищала отъ дождя. На другой день также шелъ дождь, но я не рѣшился оставаться въ душномъ пространствѣ, а около 4 часовъ прогуливался. Сосѣднія горы представляютъ прелестныя картины; имъ недостаетъ только рѣзвыхъ ручьевъ и шумящихъ водопадовъ, которые восхищаютъ путника въ нашихъ лѣсистыхъ горахъ».

«6-го декабря мы продолжали наше пугешествіе и перешли черезъ такъ называемую рѣку *Муира*. Въ этой рѣкѣ, не смотря на сильный дождь, не было еще воды. Въ селеніи того же имени мы раскинули свой ночной лагерь. Я съ нѣсколькими людьми пришелъ впередъ; такъ какъ Абдалла дорогою отдалился отъ меня, то я долженъ былъ одинъ сдѣлать необходимыя закупки. Долго переговаривался я съ жителями безуспѣшно; они не хотѣли продавать свой зерной хлѣбъ, пока не получатъ прежде его стоимость въ видѣ бумажныхъ тканей; я же не могъ удовлетворить ихъ требованія, потому что носильщикъ, несшій тюкъ съ бумажными матеріями, назначенными для мѣны, еще не пришелъ. Послѣ большихъ усилій я получилъ наконецъ шесть мѣрокъ хлѣбныхъ зеренъ, такъ что пока могъ удовлетворить по крайней мѣрѣ голодъ Белуджей, главныхъ крикуновъ. Безпокойная ночь завершила собою сырой, скучный день; дождь лилъ ручьями и въ тысячѣ мѣстахъ протекалъ сквозь крышу».

«На слѣдующее утро Абдалла, какъ и нѣсколько разъ прежде, воспротивился дальнѣйшему пугешествію. Онъ прискивалъ всевозможные предлоги, чтобы убѣдить меня въ необходимости продолжительной стоянки, но наконецъ долженъ былъ понять, что его отговорки не помогутъ. Дорога черезъ низменную, болотистую мѣстность была скучна и трудна, воздухъ—душенъ и зноенъ. Около четырехъ часовъ пополудни мы достигли *Меруи*, большого селенія, если можно такъ назвать отдѣльныя хижины между обширными плантаціями. Большая часть жителей состоитъ изъ *Ванидо*, отличающихся тѣмъ, что они на рукахъ и груди до самаго живота вытравливаютъ самыя странныя фигуры, какъ напр. мужчинъ, рыбъ, птицъ и т. под. и подтачиваютъ себѣ передніе рѣзцы для украшенія лица. Этимъ ремесломъ украшенія занимаются особые люди, навывшіе въ этомъ. Въ Меруи попадаетъ также нѣсколько *Ваніао*; они отличаются гладкою кожей, на которой не дѣлаютъ украшеній, но передніе зубы точно также подпиливаютъ.

«Здѣсь опять такъ же трудно было доставать съѣстные припасы. Жители такъ упрямы, что съ ними едва можно вести дѣло; они десять разъ перемѣри-

вають вымѣненную матерію и перѣдко, еще не принеся и не показавъ своихъ таровъ, равноцѣнную имъ вещь. При этомъ они назначаютъ по истинѣ неслыханныя цѣны; они кажется не знаютъ цѣнности меньше мгоно (аршинъ, около 17 рейнскихъ дюймовъ) американо и требуютъ за курицу столько же, сколько и за два яйца (15).

«Дорогою исчезло девять носильщиковъ. Такъ какъ они и на другое утро не явились въ лагерь, то я принужденъ былъ пробыть въ Меруи и 8-е число Декабря, но на слѣдующій день назначилъ выйти оттуда. Абдалла, услышавъ это мое распоряженіе, вышелъ изъ себя отъ гнѣва и досады. Солдаты поддерживали его въ его упорствѣ и постоянно ворчали, что имъ не даютъ достаточной пищи, хотя я подарилъ имъ куръ, закупилъ для нихъ махого, однимъ словомъ всячески старался удовлетворить ихъ. Къ счастью, одинъ белуджъ, еще прежде оказавшійся хорошимъ стрѣлкомъ, убилъ одну штуку дичи. Тогда опять нѣсколько часовъ продолжалось обжиранье; иначе нельзя назвать поспѣшное глотаніе и раздираніе мяса».

Наше пребываніе въ Меруи, къ великому моему огорченію, продлилось еще. Сначала Абдалла отказался продолжать путешествіе, и, когда я настаивалъ на этомъ, убѣждалъ въ *Муира*. Потомъ Коралли, вѣроятно вслѣдствіе продолжительной сырой погоды, сильно заболѣлъ лихорадкою, которая уже давно разыгрывалась въ немъ и давала ему себя предчувствовать; теперь онъ потерялъ всякую надежду, и я напрасно старался утѣшить его тѣмъ, что окончательное обнаруженіе скрытой болѣзни есть уже начало улучшенія».

«Въ Меруи Белуджи опять подняли крикъ изъ-за ѣды. Правда, въ первый день они, во время большой своей пирушки, съѣли столько же, сколько 45 носильщиковъ вмѣстѣ и вслѣдствіе этого отчасти сдѣлались нездоровы, но ихъ алчность вовсе не удовлетворилась этимъ. Чтобы наконецъ покончить съ ними, я рѣшился на строгость и на слѣдующій день не далъ имъ ѣсть ничего.

«Мои черные были, напротивъ, веселы и танцевали, смѣялись и кричали цѣлый день, не обращая вниманія на присутствіе больнаго. Ихъ танецъ состоитъ въ томъ, что каждый изъ обоихъ стоящихъ другъ противъ друга танцоровъ поднимаетъ постоянно одну и ту же ногу; если же одинъ изъ нихъ не дѣлаетъ этого, то долженъ отойти, и его мѣсто занимаетъ другой. Мѣнянье ногъ происходитъ съ безпримѣрною быстротою: я едва могъ слѣдить глазами за быстрыми движеніями; но привыкшіе къ этому негры замѣчали каждый промахъ».

«При частыхъ монхъ прогулкахъ засталъ меня однажды сильпѣйшій ливень. Не прошло и десяти минутъ, какъ я уже шелъ по колѣно въ водѣ и долженъ былъ употреблять всѣ свои силы, чтобы устоять на ногахъ противъ шумящихъ потоковъ воды и противъ сопровождающей ихъ бури. Вблизи не нашлось ни одной хижины, въ которой бы я могъ укрыться, а деревья которыя даже если бы они и были покрыты весьма густыми листьями, могли бы дать только не большую защиту, здѣсь были совершенно безъ листьевъ. Съ великимъ трудомъ добрался я до моей хижины, когда непогода уже почти прошла. Я нашелъ, что вода въ дождемѣрѣ въ теченіи 34 минутъ достигла высоты 5¹/₂ англійскихъ дюймовъ. Это количество дождя показалось мнѣ чрезвычайно значительнымъ, потому что прежде,

во время очень сильнаго дождя, получилъ въ теченіи 24 часовъ только 5,1 дюймовъ дождя, а въ Занзибарѣ, во время отъ 1 Августа до 28 Сентября, получалъ только 2,9 дюймовъ.

«Такъ какъ состояніе здоровья Коралли по истеченіи нѣсколькихъ дней все еще не улучшалось, то я рѣшился приказать нести его на китандѣ. Дальнѣйшее пребываніе въ Меруи казалось мнѣ опаснымъ, потому что добываніе слѣстныхъ припасовъ стоило мнѣ большихъ трудовъ, и въ особенности потому, что можно было надѣяться, что слѣдующая стоянка будетъ здоровѣе и что тамъ больной скорѣе поправится. Впрочемъ я прихожу мало по малу къ тому мнѣнію, что мнѣ лучше было бы путешествовать безъ Коралли, такъ какъ его постоянное нездоровье причиняетъ мнѣ много заботъ. Если путешествуешь одинъ и сдѣлаешься самъ боленъ, то представляешь себя волѣ Божіей; если же заболѣетъ другой, то объ немъ постоянно тревожишься и стѣсняешься имъ».

«Утромъ 12-го Декабря Коралли объявилъ, что теперь онъ можетъ путешествовать далѣе и не нуждается въ носилкахъ. Я немедленно велѣлъ тронуться въ путь, но далъ выздоравливающему моего осла, чтобы ѣхать на немъ верхомъ, не истощая себя чрезмѣрнымъ напряженіемъ. Переходъ этотъ былъ весьма дуренъ, съ шести часовъ утра до четырехъ часовъ по полудни подъ непрерывнымъ сильнымъ дождемъ, по дорогѣ, часто дѣлавшейся непроходимой по причинѣ небольшихъ, наполненныхъ водою, долинъ и разсѣлинъ почвы. По несчастной ошибкѣ я надѣлъ утромъ очень широкіе сапоги и они до крови стерли мнѣ ноги; я попробовалъ итти босикомъ, но боль не уменьшалась, и подъ конецъ я едва могъ тащиться. Съ злою головою болью прибылъ я въ *Кіанару* и легъ ничего не ѣвши».

«На другой день я, благодаря Бога, поправился; но Коралли сдѣлалось много хуже и немедленное отбытіе было невозможно. Чтобы положить конецъ постояннымъ промедленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить больному необходимое спокойствіе, я велѣлъ сдѣлать изъ тростника и веревокъ китанду и нанялъ шесть челоувѣкъ, которые поочередно должны были нести на ней больнаго. Поденная плата имъ состояла, кромѣ содержанія, по шести аршинъ американо на каждого, цѣною въ полдоллара, цѣна конечно чрезвычайно высокая.

«На другой день послѣ этаго мы вышли въ восемь часовъ утра. Мѣстность была все еще ровная и однообразная. Лѣсъ смѣнялся густо населенною воздѣланною мѣстностью. Чрезвычайное обиліе воды причинило намъ большія затрудненія. Еще наканунѣ мы перешли черезъ рѣку *Кипереле*, шириною въ 25 футовъ и глубиною около двухъ футовъ; сегодня насъ долго задержали рѣки *Намители* и *Миуму*, особенно послѣдняя, которой берега такъ круты, что ословъ надо было насильно сталкивать въ воду, а на другомъ берегу опять вытаскивать. Впрочемъ все обошлось благополучно; носильщики, несшіе больнаго, исполняли свое дѣло очень искусно, а по прибытіи въ *Намала* мы пашли ласковый пріемъ».

«Въ *Китиндимби*, ближайшемъ селеніи, хозяинъ того дома, въ которомъ обыкновенно проводятъ ночь вожатаи каравановъ, упорно отказывалъ намъ въ пристанищѣ. Утомившись получасовыми напрасными толками, я велѣлъ раскинуть

себѣ палатку и устроился въ ней. Тотчасъ же явился негостепріимный хозяинъ и предложилъ мнѣ весьма любезно свой домъ за гораздо меньшую цѣну, противъ той которую требовалъ прежде. Но я остался вѣрнѣе своему правилу «держаться того, что разъ сказалъ», къ великой досадѣ корыстолюбиваго человѣка, который считывалъ вынудить отъ мзунгу высокую наемную плату».

«Вечеромъ многимъ людямъ представилось большое празднество. Въ лагерь пришелъ странствующій пѣвецъ и началъ играть на инструментѣ странной формы, ящикѣ съ восемью натянутыми на немъ струнами. Звуки, которые извлекалъ онъ изъ своей лютни, сопровождая ихъ пѣніемъ, были довольно пріятны. Затѣмъ онъ, къ великому удовольствію всѣхъ, исполнилъ танецъ съ непристойными позами и движеніями. Я видѣлъ по лицамъ моихъ носильщиковъ и белуджей, что они считаютъ этого человѣка за большаго искусника».

«На дорогѣ къ *Луэре*, ближайшей цѣли нашего путешествія, намъ снова пришлось перейти черезъ нѣсколько водоемовъ: во первыхъ черезъ болотистую стоячую воду, называемую *Килиматембо*, потомъ черезъ *Ругугу*,—быструю рѣку величиною съ Кипереле. Носильщики, увидавъ шумящую красную воду Ругугу, сейчасъ же побросали свои мзиги, и, не позаботившись о томъ, чтобы предварительно остыть, бросились въ воду, чтобы очиститься отъ грязи, накопившейся въ послѣднія недѣли. Можно было предполагать, что такая ванна, послѣ утомительнаго перехода, окажетъ вредное дѣйствіе на разгоряченное тѣло; по чернымъ она, казалось, очень полезна, потому что они никогда не упускаютъ такого случая освѣжиться и очиститься. Но ослы не могли никакъ помириться съ водою, и здѣсь ихъ опять надо было насильно вести въ рѣку. Передъ самымъ *Луэре* опять встрѣтилась третья, медленно текущая и потому довольно прозрачная рѣка, того же имени какъ и селеніе. Въ *Луэре* считается только два дома, но много съѣстныхъ припасовъ, въ особенности муки и куръ по дешевымъ цѣнамъ, и что-то въ родѣ горошка маленькой угловатой формы, величиною и вкусомъ похожаго на нашу чечвицу (*Джирокко* у *Суахелійцевъ*?).

«Теперь, казалось, все пойдетъ хорошо. На слѣдующій день мы вышли рано; носильщики и белуджи не надоѣдали мнѣ болѣе жалобами; Коралли чувствовалъ себя опять на столько здоровымъ, что самъ отказался отъ носилокъ. За исключеніемъ немногихъ мѣстъ, страна была густо населена и прекрасно воздѣлана. Почти всюду на дорогѣ жители выносили на продажу много различныхъ съѣстныхъ припасовъ напоминавшихъ намъ благословенныя побережныя мѣстности. Намъ предлагали козь, куръ, горохъ, бобы, черное просо, сладкій картофель, муку, сахарный тростникъ, манго и фисташковые орѣхи, хотя и не по очень дешевымъ цѣнамъ. Хотя жители постоянными попытками обмануть въ нѣкоторой степени затрудняли торговлю, но мы все-таки успѣвали достигнуть нашей цѣли и роскошничали въ изобиліи. На слѣдующій день послѣ полудня мы прибыли въ лежащую между горами и кряжами прелестную мѣстность *Нанунулу*. Гора, вышиною почти въ тысячу футовъ, *Лукунде*, за нѣсколько миль къ сѣверу отъ нашего лагеря, обратила на себя мое вниманіе своею странною формою: съ одной стороны вкось поднимаясь, она съ другой стороны почти вертикально опускается, подобно па-

мятнику, построенному руками исполина изъ необсѣченныхъ обломковъ скалы. Я взошелъ на нее. Часто сомнѣвался я въ возможности идти впередъ, но всегда находилъ выдающійся уголокъ скалы, позволявшій мнѣ вскарабкаться далѣе, и черезъ полтора часа труднаго взлѣзанья достигъ вершины. Обширная панорама открылась передъ моими изумленными взорами. На югъ причудливо возвышались горы *Мбаа* и *Макундуэ* съ ихъ зубчатыми отрогами и вершинами, подобныя страннымъ песчаниковымъ формациямъ Саксоніи и Богеміи.

«Абдалла съ явнымъ неудовольствіемъ замѣчалъ, что нѣсколько дней прошли спокойно и пріятно, и употреблялъ всевозможныя мѣры, чтобы такое положеніе дѣлъ не продолжалось, положительно отказался идти дальше, выставляя на видъ, что носильщики больны и что до тѣхъ поръ, пока они не поправятся, надо оставаться здѣсь, хотѣлъ дожидаться прибытія еще 14 человекъ своихъ носильщиковъ и присоединиться къ большому каравану своихъ друзей Салемъ бенъ Абдаллы и Банафумо, и, наконецъ, объявилъ, что идти впередъ невозможно, потому что на озерѣ *Ніасса* идетъ война. Я съ неудовольствіемъ объявилъ ему, что я во всякомъ случаѣ пойду дальше, для того, чтобы вознаградить себя за прежнюю потерю времени,— такъ какъ я провель въ дорогѣ 21 день, почти вдвое больше, чѣмъ сколько употребилъ для этого Рошеръ. Если онъ не хочетъ выполнять свои обязательства и сопровождать меня, то пусть по крайней мѣрѣ дастъ мнѣ назначенныхъ для меня носильщиковъ. Абдалла не послушалъ меня и вторично убѣждалъ. Я еще надѣялся, что онъ пойметъ свою несправедливость и при его уходѣ сказалъ ему, что буду ожидать его и носильщиковъ въ *Мессуле*. Но онъ, вмѣсто того, чтобы уступить мнѣ, на полудорогѣ прислалъ ко мнѣ человека, чтобы убѣдить меня воротиться назадъ, упрекая меня въ томъ, что я покинулъ его, и грозилъ пожаловаться на меня Сеидъ Маджиду и Сеидъ Солиману, коменданту *Занзибара*. Не смотря на то, я еще разъ попытался привести упорнаго къ послушанію, далъ ему 24 часа для размышленія и выразилъ надежду встрѣтить его въ *Мессуле*».

«Съ небольшимъ числомъ моихъ собственныхъ людей и съ нерѣшительными солдатами я прибылъ въ *Мессуле* и остановился въ лучшемъ домѣ этого селенія, хотя владѣлецъ его султанъ *Джемао*, былъ въ отсутствіи. Но онъ не только не разсердился на меня, а подарилъ мнѣ по своему прибытіи, яницъ, кореньевъ кассавы и т. под., представилъ мнѣ своего красивенькаго маленькаго сына и не измѣнилъ своего обращенія даже и тогда, когда я замѣтилъ ему, что не могу отдарить его за его подарки, потому что мои мзиго еще не прибыли. Не такъ гостепріимными оказались жители селенія. Они требовали съ меня безсовѣстно дорого за съѣстные припасы, которыхъ у нихъ было очень много, а потомъ отказывались продать, когда я соглашался заплатить имъ эту нѣну, и назначали цѣну еще дороже».

«Срокъ прошелъ; Абдалла не являлся. Джеммедаръ посовѣтовалъ мнѣ еще разъ протянуть ему руку для примиренія. Поэтому я послалъ его и *Ассани* назадъ въ *Нангунгулу* и велѣлъ сказать Абдаллѣ, что я потерплю еще день, ожидая, что онъ или послушается меня, или же, по крайней мѣрѣ, не будетъ далѣе задерживать назначенныхъ мнѣ носильщиковъ. Посланные воротились назадъ съ

извѣстіемъ, что Абдалла готовъ прибыть въ Мессуле, но одинъ, безъ носильщиковъ, и что онъ непремѣнно долженъ дожидаться большаго каравана. На это я сообщилъ ему, что я завтра ворочусь въ Нангунгулу, но потомъ, если онъ не рѣшится поступить по моему, немедленно отправлюсь въ Занзибаръ, чтобы пожаловаться Сеидъ Маджиду на нарушеніе договора. Другое рѣшеніе было невозможно, и я не хотѣлъ, не полагаясь на 20 своихъ солдатъ, отдаться во власть приближающагося каравана изъ 1500 слишкомъ человекъ и подвергнуться участи Рошера».

«Когда я 20 Декабря около полудня снова прибылъ въ Нангунгулу, Абдалла уже удалился, объявивъ, что если я хочу вернуться въ Килоа, то онъ позволяетъ носильщикамъ сопровождать меня. Онъ болѣе не показывался мнѣ, хотя и находился неподалеку, вѣроятно опасаясь, что я задержу его. И онъ былъ правъ, потому что, если бы онъ попалъ ко мнѣ въ руки, то я дешево не раздѣлался бы съ нимъ».

«При такихъ обстоятельствахъ мнѣ необходимо было какъ можно скорѣе и ранѣе Абдаллы возвратиться въ Килоа, чтобы принести жалобу вали и требовать наказанія виновнаго, прежде чѣмъ онъ приметъ свои мѣры предосторожности. Потому я рѣшился дѣлать большіе переходы и съ третьей станціи Кіангара идти по болѣе короткой дорогѣ, не такъ далеко отклоняющейся къ сѣверу».

«Утромъ 21 Декабря я поднялся рано. Во время перехода все шло лучше и спокойнѣе, чѣмъ подъ руководствомъ Абдаллы. Одинъ только белуджъ попытался поступить своевольно; онъ хотѣлъ, вмѣсто того, чтобы возвратиться вмѣстѣ со мною, присоединиться къ ожидаемому большому каравану, такъ какъ онъ принялъ участіе въ моемъ путешествіи только для того, чтобы торговать на свой счетъ и купить себѣ невольниковъ. Собственно говоря, мнѣ было бы даже пріятно избавиться отъ упрямаго человекъ, но, для соблюденія порядка, я счелъ лучшимъ поступить энергичнѣе. Я приказалъ джеммедару отнять у белуджа его невольниковъ и товары, которыми онъ хотѣлъ торговать, и вести его далѣе, если нужно, связаннаго. Это подѣйствовало: бунтовщикъ рѣшился уступить, и послѣ этого не было ни одного случая неповиновенія».

«Мы пришли рано въ *Луэре*. На этотъ разъ я нашелъ другую хижину, потому что владѣлецъ той, въ которой я останавливался въ первый разъ, не пустилъ меня. Послѣ полудня я развлекался охотою на дикихъ голубей, а вечеромъ — музыкою жителей. Употребляемый ими инструментъ былъ не похожъ на тотъ, который я описалъ выше и былъ даже проще тѣхъ, которые употребляются на побережьѣ: это былъ «монохордъ», — однострунная скрипка, состоящая изъ маленькаго лука, похожаго на тотъ, изъ котораго стрѣляютъ, и изъ придѣланной по середи его тыквы; вмѣсто смычка служитъ мокрый стебель соломы. Укорачивая струну пальцемъ, артистъ извлекалъ изъ страннаго инструмента удивительно разнообразныя звуки».

«Послѣ полуночи меня разбудилъ шумъ около хижины; я вышелъ наружу и увидѣлъ негра, осторожно пробирающагося около жилища, очевидно съ намѣреніемъ украсть. Когда я схватилъ его и сталъ спрашивать, то онъ безъ замѣшательства отвѣчалъ, что пришелъ продать мнѣ курицу. Этою смѣшною отговоркою я

долженъ былъ удовлетвориться, но, когда онъ ушелъ, счелъ благоразумнымъ остальную часть ночи быть на сторожѣ, чтобы не дать случая для болѣе выгодныхъ попытокъ. Не смотря на это, на утро у насъ не хватило одного носильщикаго ружья; напрасное отыскиванье его причинило много шума и долго задержало насъ».

Сегодня перешли рѣку Ругугу въ другомъ мѣстѣ; въ ея скалистомъ ложѣ было столько же воды, какъ и восемь дней тому назадъ. На берегу ея мы встрѣтили толпу людей Салемъ бенъ Абдаллы; они сказали, что онъ и Банафумо еще не вышли изъ Килоа. Мы переночевали въ населенной мѣстности *Нассоро*, лежащей посерединѣ между двумя нашими прежними стоянками — Нагилола и Кипиндимби. Хотя переходъ продолжался всего шесть часовъ, но многіе зависимые отъ Абдаллы носильщики съ своими мзго отстали отъ насъ. Но это не помѣшало мнѣ на другое утро отправиться далѣе. Всюду попадалось множество людей, ожидавшихъ большаго каравана; въ *Кианаръ*, гдѣ мы ночевали, они уже заняли нашъ прежній домъ, такъ что я долженъ былъ пріютиться въ другомъ».

«На слѣдующій день мы опять встрѣтили сотни людей *Салемъ бенъ Абдаллы*, и наконецъ его самага. Онъ весьма удивился, что встрѣтилъ меня на обратномъ пути и предложилъ замѣнить собою Абдаллу бенъ Саида, но не настаивалъ, когда я отклонилъ это предложеніе. Весьма любезно онъ далъ мнѣ рекомендательныя письма на обратный путь и подарилъ мнѣ, такъ какъ мы терпѣли во всемъ недостатокъ, козу. Люди, посланные мною за съѣстными припасами, воротились только съ небольшимъ количествомъ хлѣбныхъ зеренъ и т. п., и рассказали, что всѣ жители убѣжали, потому что неподалеку идетъ сраженіе между Вагиндо и Вагао. Внимательно прислушиваясь, мы въ самомъ дѣлѣ услышали отдаленную стрѣльбу».

Было 24-е Декабря, стало быть канунъ Рождества — для меня печальный праздникъ съ неприятными воспоминаніями, мрачною перспективою въ будущемъ и къ тому же съ подходящею ко всему этому погодою! Я вспомнилъ о родинѣ, приготовилъ для праздника стаканъ грога и осушилъ его за будущія лучшія времена. Обо дня праздника также принесли мнѣ мало утѣшительнаго. Насъ то мочилъ дождь, то пекло солнце, и мы, прійдя вечеромъ утомленные на мѣсто стоянки, не находили достаточной пищи, потому что мои носильщики частію приходили послѣ меня, частію же убѣжали отъ меня, а въ кредитъ никто не хотѣлъ мнѣ давать».

«Такимъ образомъ мы до 28 числа прошли порядочную часть дороги, и черезъ густо населенныя мѣстности, прибыли въ *Намууру*. Начальникъ селенія, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо отъ Салемъ бенъ Абдаллы, принялъ насъ дружелюбно и тотчасъ снабдилъ необходимыми жизненными припасами. Но уже на другой день, замѣтивъ, что я хочу подольше воспользоваться его гостеприимствомъ, онъ измѣнилъ свое обращеніе. Коралли снова заболѣлъ лихорадкою, и его состояніе сдѣлалось до того опаснымъ, что онъ не могъ идти; Джеммедаръ Моллугъ также заболѣлъ. Я рѣшился не обременять болѣе хозяина и продолжать путешествіе во что бы то ни стало. Чтобы имѣть возможность по прежнему нести Коралли на носилкахъ, я попросилъ моего хозяина дать мнѣ въ наймы восемь

человѣкъ, которые бы несли его. Онъ потребовалъ цѣну въ десятеро болѣе обыкновенной, а когда я, для избѣжанія дальнѣйшаго здѣсь пребыванія, согласился на это, то онъ потребовалъ уплаты впередъ и притомъ чистыми деньгами «такъ какъ ему теперь не нужны товары». Хитрецъ хорошо зналъ, что я могъ предложить только товары, и ловко воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы еще на половину увеличить свои требованія. Я сейчасъ же прервалъ переговоры, и, даже послѣ, когда онъ предложилъ болѣе умѣренныя условія, не согласился на нихъ, а оставилъ обоихъ моихъ больныхъ съ нѣсколькими белуджами и носильщиками, снабдивъ ихъ такимъ количествомъ товаровъ, какое нужно для пропитанія на недѣлю, а самъ въ тотъ же вечеръ отправился дальше. Въ то время, какъ дѣлались приготовленія къ отбытію, я обошелъ окрестность и въ короткое время убилъ до 30 голубей,—прекрасную пищу для больныхъ и для меня».

«Сначала носильщики шли съ трудомъ, но потомъ мы постоянно шли нѣсколько часовъ—даже за полночь. Вдругъ одинъ изъ белуджей испустилъ ужасный крикъ, бросился на землю и съ болѣзненнымъ стономъ сказалъ, что его укусила змѣя. Я подробно осмотрѣлъ его и въ самомъ дѣлѣ нашелъ около пятки двѣ маленькія раны на разстояніи полдюйма, одна отъ другой, причиненныя, судя по ихъ виду, довольно большимъ животнымъ. Вѣроятно белуджъ наступилъ на нее, и она тотчасъ же послѣ укушенія исчезла въ высокой травѣ; по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ моихъ спутниковъ, не исключая и самаго укушеннаго, не видалъ ничего ползущаго. Несшіи ящикъ съ лѣкарствами былъ на четверть часа позади насъ и потому я принужденъ былъ, для пріостановленія дѣйствія яда, вырѣзать ранку моимъ тупымъ карманнымъ ножомъ. Белуджъ ужасно кричалъ и оборонялся руками и ногами: я велѣлъ четверымъ держать его, спокойно рѣзалъ дальше и наконецъ изъ предосторожности выжегъ еще ранку пестоянно горѣвшимъ у солдатъ фитилемъ. Затѣмъ я перевязалъ ногу повыше игры какъ можно крѣпче моимъ носовымъ платкомъ, чтобы не допустить опухоль распространиться до колѣна, посадилъ больного на осла и отвезъ его къ близъ лежащимъ хижинамъ. Прибывшихъ между тѣмъ носильщиковъ я отправилъ дальше, такъ какъ укушенный впалъ въ обморокъ и я хотѣлъ дать ему еще нѣсколько отдохнуть. Черезъ полчаса я самъ отправился по чрезвычайно трудной дорогѣ; широкія разсѣлины и крутые берега многочисленныхъ, сухихъ рѣчныхъ руслъ принуждали безпрестанно снимать больного съ осла и потомъ снова сажать, такъ какъ животное не могло вести его въ гору. Всѣ эти хлопоты лежали на мнѣ одномъ: товарищи белуджа упорно отказывались помогать «отравленному» и «приговоренному къ смерти», какъ они выразились, и даже не разъ уговаривали меня оставить его въ покоѣ, чтобы по крайней мѣрѣ самимъ идти скорѣе. Какъ ни былъ я утомленъ и какъ ни хотѣлось мнѣ скорѣе прибыть въ Килоа, но я не могъ рѣшиться оставить несчастнаго безъ помощи въ пустынь: я долженъ бы былъ стыдиться своей цивилизованности, если бы не выказалъ болѣе состраданія, чѣмъ эти магометане. По этому я напрягъ всѣ свои силы, самъ несъ больного въ трудныхъ мѣстахъ дороги, и наконецъ около трехъ часовъ пополудни прибылъ въ предварительно назначенное мѣсто стоянки,—*Киуруку*».

«Здѣсь я не нашелъ ни одного изъ моихъ носильщиковъ; всѣ они убѣжали въ Мукапунду. Хотя лишенный всѣхъ средствъ, я еще все-таки надѣялся, что жители селенія снабдятъ меня пищею и помогутъ идти далѣе, потому что нѣкоторые изъ нихъ видѣли меня въ Килоа, лежащемъ отсюда только на полтора дня пути; но я ошибся: даже малѣйшей мелочи не получилъ я безъ платы, даже и тогда, когда общалъ богато награждать обязательныхъ людей по возвращеніи моемъ въ городъ. Они, конечно, отказали бы мнѣ даже и въ томъ случаѣ, если бы просилъ милостыни, ходя отъ однихъ дверей къ другимъ: ихъ ненависть къ европейцамъ или къ христіанамъ преодолѣвала ихъ корыстолюбіе! Но нашлась все-таки сострадательная душа — молодая жена находившагося въ отсутствіи начальника. Она принесла мнѣ нѣсколько манговыхъ плодовъ въ подарокъ и хотѣла также принести мнѣ нѣсколько молока, но ее не допустили до этаго. Наконецъ мнѣ удалось купить за посовой платокъ и за предпоследнюю мою рубашку нѣсколько зерноваго хлѣба, а потомъ выручило меня мое вѣрное ружье, оказывавшее мнѣ часто услуги въ затруднительныхъ обстоятельствахъ: я убилъ около дюжины голубей».

«Въ пять часовъ утра 31-го Декабря мы покинули негостепріимное селеніе. Мы шли сначала медленно, потому что больного белуджа, у котораго нога сильно распухла, надо было поддерживать двумъ человѣкамъ на ослѣ. Только около полудня достигли мы незначительнаго селенія *Луиу*, въ которомъ находится большое имѣніе одного изъ почетныхъ лицъ города Килоа. И здѣсь намъ отказали въ гостепріимствѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что за отсутствіемъ владѣльца шамбы нельзя достать ничего. У меня во рту пересохло послѣ утомительнаго перехода по знойной равнинѣ; вода была дурная и соленая, но я тщетно просилъ жителей освѣжить меня нѣсколькими кокосовыми орѣхами, которыхъ тамъ было очень много. Я принужденъ былъ употребить хитрость, чтобы удовлетворить свою жажду. Я сначала убилъ нѣсколько маленькихъ птичекъ, сидѣвшихъ на пальмахъ; потомъ выстрѣлилъ по плодамъ и сшибъ ихъ нѣсколько штукъ. Жители начали неистовствовать какъ бѣшеные, особенно когда я сталъ увѣрять ихъ, что попалъ въ орѣхи нечаянно,—но не осмѣлились оспаривать у меня мою добычу, да я ни въ какомъ случаѣ и не отдалъ бы ее».

«Когда прошелъ самый сильный жаръ, мы шли еще четыре часа къ другой шамбѣ. Здѣсь также какъ бы всѣ сговорились противъ насъ: намъ не дали пріюта и передъ носомъ захлопывали двери. Поэтому мы развели огонь подъ открытымъ небомъ, растянулись на землѣ и надѣялись проснуться уже въ новомъ году съ радостнымъ сознаніемъ, что завтра будемъ опять въ Килоа и тамъ отдохнемъ. Но около девяти часовъ насъ разбудилъ сильный ливень, въ десять минутъ промочившій насъ до костей. При такихъ обстоятельствахъ нечего было и думать о снѣ и мы отправились въ путь и около 4 часовъ утра 1-го января 1861 года достигли первыхъ домовъ города.»

«Все еще спало, когда мы шли по улицамъ. Нашъ прежній домъ мы нашли уже занятымъ. А такъ какъ я не имѣлъ ни малѣйшей охоты проводить и въ Килоа ночь подъ открытымъ небомъ, то приказалъ своимъ людямъ до тѣхъ поръ

шумѣть у дверей вали, таможеннаго сборщика, кади и другихъ властей, пока высокіе господа не встанутъ и не придутъ ко мнѣ. Уже черезъ полчаса отцы города собрались, весьма удивленные тѣмъ, что я послѣ сорокадневнаго путешествія воротился, и совершенно не зная событій, заставившихъ меня воротиться. Десять минутъ спустя мой домъ былъ очищенъ отъ теперешнихъ его жильцовъ и уже около полудня восемь человѣкъ съ рисомъ, манго и пр. отправились въ путь, чтобы привести Коралли и оставшихся съ нимъ людей; точно также отправленъ былъ посоль въ Килоа Кибендже, чтобы призвать ко мнѣ Абдеррахмана.»

«Достойные старѣйшины сильно любопытствовали подробно разузнать о моихъ приключеніяхъ и о причинѣ неудачи моего путешествія, но я отложилъ это до утра, потому что былъ утомленъ и желалъ прежде всего отдохнуть. Для избѣжанія всякаго безпокойства, я заперъ двери дома и проспалъ отъ двухъ часовъ по полудни до 7 часовъ утра. Проснувшись, я почувствовалъ себя довольно бодрымъ, но голоднымъ какъ никогда еще не бывалъ, потому что въ послѣдніе четыре дня ѣлъ мало, да и наканунѣ не могъ ничего ѣсть отъ изнуренія.»

«Цѣлый день толпились въ моемъ домѣ посѣтители, чтобы узнать какія либо подробности. Не пускаясь въ подробности, я рассказалъ только вообще, что Абдалла поступалъ такъ дурно, что я, еслибы даже онъ и не убѣждалъ отъ меня, долженъ бы былъ возвратиться въ Килоа, чтобы требовать его наказанія. Да и это я высказалъ только тогда, когда намѣстникъ и таможенный сборщикъ еще разъ прочли мнѣ договоръ, заключенный съ Абдалла бенъ Саидомъ, потому что я опасался, что впослѣдствіи могутъ иначе истолковать его условія. Вали я выставилъ на видъ необходимость дѣйствовать рѣшительнѣе по моему дѣлу, въ тотъ же день написалъ къ ганзеатическому и англійскому консуламъ въ Занзибарѣ, извѣстилъ ихъ о своей неудачѣ и просилъ требовать у Сеидъ Маджида наказанія инмѣннившаго своему слову вожатая и вознагражденія за мои убытки.»

«Теперь я переживалъ непріятные дни. У меня былъ недостатокъ во всемъ. У меня не было кухонной посуды, не было ни книгъ, ни писчей бумаги, ни лѣкарствъ; точно также и моя истрепанная и загрязненная одежда привела бы меня въ величайшее затрудненіе, еслибы я случайно не оставилъ здѣсь кое-какой одежды. Къ этому присоединялась еще забота объ участи Коралли и досада на мѣшкотность городскихъ старѣйшинъ, къ которымъ уже на другой день по моемъ прибытіи присоединился Абдеррахманъ. Они лицемѣрно сожалѣли о моемъ несчастіи, но не хотѣли ничего сдѣлать, а только все утѣшали меня ожидаемымъ отвѣтомъ султана.

«Къ великому моему успокоенію Коралли 5-го числа воротился, хотя и чрезвычайно еще слабый, но уже освободившійся отъ лихорадки. Джеммедаръ также выздоровѣлъ, но извѣстіе объ этомъ я принялъ равнодушно, такъ какъ этотъ че-

ловѣкъ причинялъ мнѣ много затрудненій и такъ какъ всѣ белуджи стали бы смѣяться надъ моимъ къ нему участіемъ.»

«Чтобы положить конецъ неопредѣленности моего положенія, я ночью въ тотъ же день послалъ одного изъ моихъ людей въ Мукапунду. Онъ долженъ былъ развѣдать, не прибыла ли моя кладь. Возвратившись ко мнѣ, онъ сообщилъ, что недостаетъ еще только нѣсколькихъ мзиго, но что Абдалла еще не прибылъ. Тогда я снова потребовалъ отъ начальниковъ города въ скорѣйшемъ времени доставить мою кладь, потому что мнѣ надоѣло терпѣть недостатокъ, тогда какъ за нѣсколько часовъ пути лежало все мнѣ нужное въ изобиліи. Когда же они опять начали стараться отдѣлаться отъ меня обѣщаніями и уклончивыми отвѣтами, то я объявилъ имъ, что самъ съумѣю получить свою собственность. Я далъ белуджамъ приказаніе быть готовымъ тронуться въ путь, снабдилъ ихъ порохомъ и свинцомъ и приказалъ не колеблясь стрѣлять во всѣхъ людей Абдаллы бенъ Саида, если они будутъ имъ противиться, и ни въ какомъ случаѣ не вступать съ ними въ переговоры.»

«Тогда явился ко мнѣ вали въ сопровожденіи Абдеррахмана и кади; всѣ они убѣждали меня остаться и не горючиться, говоря, что со временемъ все придетъ въ порядокъ и что я не потеряю ни одной изъ своихъ вещей. Но они скоро увидели, что мое терпѣніе лопается, и что всѣ ихъ толки не поведутъ ни къ чему; поэтому Абдеррахманъ предложилъ отправиться вмѣсто меня на шамбу и привезти мою кладь. Черезъ два дня онъ дѣйствительно возвратился, но къ сожалѣнію не привезъ мзиго ко мнѣ въ домъ, а оставилъ ихъ на ночь въ домѣ моего пріятеля баніана Дунгурзи, и только на другое утро, когда люди Абдаллы уже удалились, извѣстидъ меня о своемъ прибытіи, вѣроятно опасаясь, что я велю задержать ихъ въ видѣ залога, за ожидаемое вознагражденіе, понесеннаго мною ущерба.»

«Разсматривая свои вещи, я нашель, что почти каждый мзиго былъ вскрытъ и расхищенъ. Въ одномъ недоставало слишкомъ сорока аршинъ матеріи, въ другомъ—десяти фунтовъ пороху, въ третьемъ — съѣстныхъ припасовъ; нѣкоторые вьюки, равно какъ и всѣ данныя носильщикамъ ружья, исчезли совсѣмъ; но я все-таки былъ радъ тому, что получилъ все необходимѣйшее, и, главное, мой ящикъ съ лѣкарствами, который мнѣ въ послѣдніе дни былъ очень нуженъ. Въ первое время по прибытіи, я еще чувствовалъ себя, къ моему удивленію, хорошо, тогда какъ я ожидалъ, что послѣдствія чрезмѣрнаго напряженія обнаружатся скоро, и потому во мнѣ родилась надежда, что мой крѣпкій организмъ на этотъ разъ преодолѣетъ опасность. Но я горько ошибся: когда первое возбужденіе прошло, явилась сильная лихорадка, не та обыкновенная лихорадка (16), которую я имѣлъ еще въ Занзибарѣ и которая продолжается только нѣсколько часовъ, а потомъ появляется снова уже на другой день, но опаснѣйшая лихорадка, продолжавшаяся день и ночь и не разъ отнимавшая у меня сознаніе. Она продолжалась нѣсколько дней, и только тогда уже у меня нѣкоторые часы были свободны отъ нея. Поэтому понятно, что я всячески старался, какъ можно скорѣе выбраться изъ этого вертепа лихорадокъ. Но только послѣ многихъ хлопотъ мнѣ удалось нанять дау

для переѣзда въ Занзибаръ. Меня пришлось перенести на это судно, потому что я былъ до того слабъ, что упалъ въ обморокъ, какъ только попытался встать на ноги. Черезъ восемь дней скучнаго плаванія, мы прибыли въ Занзибаръ. Здѣсь я медленно выздоравливалъ, благодаря попеченіямъ прекраснаго д-ра Фроста, состоящаго при англійскомъ консульствѣ; прошелъ почти мѣсяць, прежде чѣмъ я снова началъ ходить. Зрѣніе, которое прежде у меня было превосходно, также восстанавлилось медленно, и даже черезъ нѣсколько дней у меня при малѣйшемъ физическомъ и умственномъ напряженіи темнѣло въ глазахъ, а постоянные припадки головокруженія препятствовали мнѣ предпринять что либо серьезное.»

ОТДѢЛЪ ДЕВЯТЫЙ.

Взглядъ назадъ и результаты.

Участь Рошера.—Образъ дѣйствій Абдаллы.—Безсилное правосудіе.—Шансы будущихъ путешественниковъ.—Состояніе нашихъ теперешнихъ свѣдѣній.—Озеро Ніасса.—Результаты Декенова предпріятія: свойство почвы, воды, животныя, земледѣліе и торговля невольниками.

Прежде чѣмъ мы покинемъ *область озера Ніасса* и обратимся къ внутренности *суахельскаго берега*, составляющей собственно поприще открытій Декена, мы хотимъ попытаться въ краткомъ обзорѣ пролить нѣкоторый свѣтъ на тѣ темныя причины, которыя имѣли слѣдствіемъ неудачу этого втораго «*путешествія къ озеру Ніасса*». При этомъ не бесполезно будетъ припомнить судьбу *Рошера*, какъ рассказывалъ о ней его слуга Рашиди, спасшійся отъ его убійцъ.

По возвращеніи изъ богатаго результатами путешествія по побережью (17), Рошеръ отправился въ концѣ августа 1860 года изъ Килоа во внутрь страны. Онъ взялъ съ собою только двухъ слугъ, — упомянутаго *Рашиди* и его брата *Омара*, и кромѣ того 19 носильщиковъ для товаровъ. Въ продолженіи всего путешествія, длившагося около трехъ мѣсяцевъ, онъ почти безпрестанно былъ нездоровъ, а подъ конецъ до такой степени, что его должны были нести на китандѣ; но онъ не могъ жаловаться на дурное обращеніе со стороны *Салемъ бенъ Абдаллы*, а напротивъ постоянно получалъ отъ него въ обильномъ количествѣ съѣстные припасы и освѣжающіе напитки. На послѣднихъ переходахъ онъ нѣсколько опередилъ большой караванъ, и, въ сопровожденіи расположеннаго къ нему Вагайскаго султана *Кинюманя*, живущаго въ селеніи *Мамемба* на разстояніи 3½ дней пути отъ моря, пришелъ нѣсколькими днями ранѣе Салема въ *Нузева* на озеро *Ніасса*. Здѣсь султанъ *Макауа* не только встрѣтилъ его съ великими изъясненіями почтенія, но и во все время его пребыванія (около трехъ мѣсяцевъ) обходился съ нимъ самымъ лучшимъ образомъ. Онъ ни въ чемъ не имѣлъ недостатка: люди приносили ему рисъ, молоко, мясо и рыбу, и когда кочевое племя *Мафати* сдѣлало окрестности небезопасными и грозило напасть на самую Нузева, онъ нашелъ пріемъ и защиту въ домѣ султана. По отъѣздѣ Салемъ бенъ Абдаллы и большаго каравана, Рошеръ остался одинъ съ двумя своими слугами. Онъ оставилъ половину своихъ товаровъ около рѣки *Рукума*, черезъ которую на дорогѣ

приходилось перейти, и поручил Салему прислать ему ихъ, но долгое время напрасно ожидалъ ихъ и наконецъ рѣшился самъ отправиться къ Рувумѣ, чтобы взять свои пожитки. Его средства, кажется, были не велики, потому что при отбытіи каравана онъ письмомъ настоятельно просилъ О'Свальда и К^н въ Занзибарѣ какъ можно скорѣе прислать ему новыхъ товаровъ, такъ какъ безъ этого онъ или долженъ будетъ какъ можно поспѣшнѣе возвратиться или же придетъ въ затрудненіе; эту просьбу они съ горячностью и поспѣшно выполнили, отославъ 24 носильщиковъ съ товарами.

Рошеръ отправился 17-го марта 1860 года, и черезъ четыре дня по отправленіи этой посылки, въ сопровожденіи двухъ своихъ слугъ и двухъ носильщиковъ изъ Нузева, счастливо достигъ, подъ покровительствомъ нѣсколькихъ людей султана Макауа, гдѣ туземцы покинули и въ полдень на третій день достигъ *Кизунгунни*. Не задумываясь, согласился онъ на приглашеніе тамошняго султана *Макокота* поселиться въ его домѣ. Наскоро отобѣдавши, онъ легъ отдыхать въ хижинѣ; служители его сѣли около двери сторожить. Нѣсколько времени спустя, Рашиди замѣтилъ четырехъ человекъ, осторожно подползавшихъ на четверенькахъ къ дому; онъ входитъ, будитъ своего господина и извѣщаетъ его о замыслѣ ихъ, но Рошеръ успокоиваетъ его и посылаетъ его за водою на рѣку, находящуюся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ селенія. Возвращаясь назадъ, Рашиди еще издали слышитъ зовъ своего брата поспѣшить къ нему, потому что на нихъ напали, и въ самомъ дѣлѣ видитъ предъ домою толпу вооруженныхъ туземцевъ, а во главѣ ихъ — измѣнника Макокота. Они повергаютъ на землю Осмара ружейнымъ выстрѣломъ, приближаются къ двери, въ которой тотчасъ же появляется Рошеръ, ранятъ и его выстрѣлами въ грудь и шею и врываются въ хижину, чтобы овладѣть его товарами. Теперь нѣкоторые изъ толпы бросаются на уstraшеннаго свидѣтеля безчестнаго поступка, посылаютъ ему въ слѣдъ нѣсколько стрѣлъ, однако ранятъ его только легко въ палецъ; тогда Рашиди бѣжитъ со всевозможною поспѣшностью, и прячется въ полѣ, засѣянномъ махою. Когда стемнѣло и всѣ удалились, Рашиди воротился домой. Здѣсь безъ всякихъ признаковъ жизни лежали оба, пораженные стрѣлами, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ они были повергнуты на землю. Они не были ограблены; по крайней мѣрѣ платье на Рошерѣ не было расхищено. Рашиди спрятался вблизи, чтобы посмотреть, что будетъ дальше. Около полуночи пришли нѣсколько человекъ, подняли трупы и унесли ихъ. Утромъ на слѣдующій день служитель, избѣгнувши смерти, воротился назадъ въ Нузева и донесъ султану о случившемся.

Макауа былъ крайне пораженъ этимъ, но тотчасъ же послалъ къ *Кингомана*, въ области котораго лежитъ селеніе Кизунгунни, чтобы предоставить ему поимку убійць. Кингоманга послалъ пять солдатъ; они схватили убійцу, въ рукахъ котораго нашли револьверъ путешественника, но опять отпустили его, потому что на помощь къ своему начальнику явилось множество жителей селенія. Послѣ того явился самъ Кингоманга съ пятьюдесятью человекъми и потребовалъ отъ жителей, хотя они и приготовились сначала къ оборонѣ, выдачи четырехъ убійць Рошера: двухъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и *Макокота*, владѣльца дома,

Рашиди призналъ за соучастниковъ; о двухъ же другихъ онъ сказалъ, что они принадлежали къ другому селенію. Пойманные были доставлены въ Мамемба, селеніе Кингоманга, куда прибылъ и Рашиди, будучи снабженъ отъ дружелюбнаго Макауа людьми и такимъ образомъ получивъ возможность привести въ Занзибаръ оставшееся въ Нузева имущество Рошера. Между тѣмъ въ Мамембу прибыли и носильщики съ посылкою отъ гг. О'Свальдъ; они возвратились, вмѣстѣ съ прочими, обыкновеннымъ путемъ черезъ Рувуму въ Килоа, а оттуда въ Занзибаръ. Въ числѣ спасенныхъ вещей не оказалось, къ сожалѣнію, дневника Рошера и другихъ его записокъ; они были похищены послѣ убійства и впоследствии ихъ нельзя было получить. Съ пойманными расправились скоро: двое изъ нихъ, которыхъ Рашиди призналъ за виновныхъ, подверглись смертной казни еще до отъѣзда Декена; прочие, если не ошибаемся, были отосланы на родину.

Англійское правительство, подъ покровительствомъ котораго путешествовалъ Рошеръ, рекомендованный и поддерживаемый баварскимъ королемъ, сочло нужнымъ наградить *Макауа* и *Кингомана* за ихъ услуги, и съ похвальною щедростью вручило г. Декену пару шитыхъ кафтановъ въ подарокъ обоимъ начальникамъ, и письма, въ которыхъ оно выражало имъ благодарность за ихъ образъ дѣйствій. Эти знаки признательности переданы были въ послѣдствіи по назначенію.

При отъѣздѣ изъ Килоа Декену хотя и были извѣстны приключенія Рошера, но онъ стоялъ слишкомъ близко къ этимъ трогательнымъ событіямъ, и потому не могъ спокойно разсмотрѣть различныя свѣденія, полученныя изъ Занзибара и отличить вѣроятное отъ сомнительнаго. Онъ повѣрилъ тому разсказу, будто Салемъ бенъ Абдалла дурно обходился съ молодымъ путешественникомъ, подвергъ его, больнаго и беспомощнаго, лежащаго въ постелѣ, жгучимъ солнечнымъ лучамъ, чтобы вынудить у него нѣкоторые цѣнные предметы, въ особенности ружье, и, когда не достигъ своей цѣли, началъ дѣйствовать еще недружелюбнѣе. Теперь мы, конечно, находимъ это невѣроятнымъ: Салемъ могъ легко взять это ружье насильно, да и притомъ едва ли желаніе обладать вещью, стоящею не болѣе 40 талеровъ, могло побудить богатаго араба къ такой жестокости; это мнѣніе подтверждается и показаніями Рашиди. Декенъ допускалъ худшее и потому находилъ нужнымъ дѣйствовать съ крайнею осторожностью и избѣгалъ тщательно возможности отдаться въ зависимость большаго каравана и его корыстолюбиваго вождя, составилъ свое собственное небольшое общество и отправился за нѣсколько недѣль ранѣе каравана.

Сначала образъ дѣйствій его вожатая, *Абдалла бенъ Сауда*, не подавалъ никакого повода къ недовѣрію. Правда, Абдалла велъ путешественника не по прямому пути, отговариваясь тѣмъ, что тамъ теперь нельзя найти воды; но это очень могло быть, и дѣло должно было быть ему болѣе извѣстно, чѣмъ чужестранцу. Но вскорѣ начались упорства Абдаллы. Онъ, по различнымъ причинамъ, желалъ того, чего Декенъ старался избѣгать, именно присоединиться къ большому каравану; онъ, во всякомъ случаѣ, надѣялся, что заставитъ мзунгу, не знающаго чужестранности и положенія дѣлъ, послѣдовать его совѣтамъ. Но его происки и уловки

оказались бессильными передъ твердостью и энергіею Дечена. Его самолюбію былъ нанесенъ сильный ударъ, потому что онъ, владѣлецъ шамбы, почетный купецъ и повелитель тысячи слишкомъ невольниковъ, зависить отъ воли неизвѣстнаго человека, совершенно отдавагося въ его руки, и долженъ слушаться его тамъ, гдѣ самъ рассчитывалъ быть руководителемъ. Это горькое чувство могло заставить его забыть о томъ, что онъ, получивъ назначенные по договору 500 талеровъ, принялъ на себя обязанность исполнять распоряженія бѣлаго. Поэтому онъ началъ всевозможнымъ образомъ задерживать путешествіе, дабы хитростью достичь того, на что въ сущности не имѣлъ ни власти, ни права: онъ не заботился о доставленіи съѣстныхъ припасовъ, подстрекалъ даже Белуджей къ безчинствамъ и наконецъ попытался открытымъ сопротивленіемъ побудить мзунгу къ уступчивости, — но все безуспѣшно. Поэтому Абдалла прервалъ это невыносимое для него положеніе, убѣжалъ и не хотѣлъ возвратиться, не смотря ни на просьбу, ни на угрозы. Вслѣдствіе этого носильщики путешественника, большею частію невольники Абдаллы, стали въ скверное положеніе: можно ли было порицать ихъ за то, что они слѣдовали болѣе своему господину, въ рукахъ котораго была ихъ участь и у котораго они должны были проводить всю свою жизнь, чѣмъ чужеземцу, на мѣреній котораго они не понимали? Предоставленный единственно небольшому числу своихъ собственныхъ людей, Деченъ не могъ болѣе думать о продолженіи путешествія; привыкнувъ подчиняться необходимости, онъ поспѣшно направился къ Килоа и не увлекся даже новыми предложеніями Абдаллы бенъ Салема.

Понятно, что живѣйшимъ желаніемъ путешественника было видѣть виновника его наудачи строго наказаннымъ, и получить вознагражденіе за уплоченныя ему деньги и за расхищеніе его товаровъ. Поэтому, ничего не достигнувъ въ Килоа, онъ поспѣшно отправился въ Занзибаръ, чтобы побудить султана употребить въ дѣло всю строгость правосудія. Но и эти старанія были безуспѣшны, потому ли, что Сеидъ Маджидъ не имѣлъ силы наказать знатнаго араба, имѣніе котораго лежало на день пути отъ форта Килоа, или же потому, что онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ его мнѣнія объ этомъ дѣлѣ расходились съ возрѣніемъ европейца. Въ своемъ гнѣвѣ на понесенную несправедливость, и, сдѣлавшись раздражительнымъ вслѣдствіе только что вынесенной тяжелой болѣзни, Деченъ, послѣ долгихъ толковъ, велѣлъ сказать султану, что если онъ не добьется правосудія употребить удовлетворенія, то самъ поставитъ себя судьей, возвратится въ Килоа и успокоится не прежде, какъ когда захватитъ Абдаллу, привезетъ его связаннымъ въ Занзибаръ и тамъ повѣситъ на самомъ высокомъ деревѣ въ окрестности города. Но этою угрозою онъ только и ограничился, такъ какъ самъ же онъ, нѣсколько оправившись, понялъ, что такой поступокъ повредитъ ему относительно его будущихъ путешествій; если же бы онъ, напуганный первыми своими неудачами, возвратился въ Европу, то безъ сомнѣнія исполнилъ бы свое обѣщаніе и тѣмъ оказалъ бы существенную услугу послѣдующимъ путешественникамъ. Но этотъ случай, кажется, произвелъ все-таки впечатлѣніе на султана; по крайней мѣрѣ рекомендательныя письма, которыя онъ далъ мзунгу на слѣдующее его путешествіе, были совершенно отличны отъ прежнихъ и доставили ему прекрасный при-

емъ; но можетъ быть также, что Сеидъ Маджидъ рѣшился на такую рекомендацію изъ участія къ человѣку, столь тяжко испытанному неудачами и болѣзною.

Итакъ нѣмецкому изслѣдователю два раза не удалось изслѣдовать извѣстный съ древнихъ временъ караванный путь отъ Килоа до озера Ніасса и получить свѣденія о восточномъ берегу этого длиннаго озера. Должны ли мы на этомъ основаніи сомнѣваться въ возможности успѣха позднѣйшаго путешествія?

Мы считаемъ возможнымъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Какъ видно изъ записокъ Рошера и Дегена, ихъ путешествія были неудачны вовсе не вслѣдствіе враждебности жителей внутреннихъ странъ. Умерщвленіе Рошера надо приписывать корыстолюбію нѣсколькихъ людей, а нашему путешественнику главные затрудненія были причинены только упрямствомъ и завистью береговыхъ арабовъ. Последніе, разумѣется, употребляли всѣ усилія, чтобы затруднить или воспрепятствовать новому путешествію, потому что не понимали научной цѣли европейскаго путешественника, а скорѣе опасались, что мзунгу, подъ маскою своего любопытства, подорветъ ихъ выгодную мѣновую торговлю.

Еслибы Декенъ въ то время попытался на второе путешествіе по той же дорогѣ, то вѣроятно онъ имѣлъ бы не болѣе успѣха, потому что вслѣдствіе неудачи его самоувѣренность была подорвана, а смѣлость нерасположенныхъ къ нему людей усилилась, и дурные слухи, распушенные Абдаллою въ свое оправданіе, были еще въ полномъ ходу. Позднѣйшіе путешественники, желающіе воспользоваться опытами ихъ несчастныхъ предшественниковъ, конечно безъ значительныхъ затрудненій достигнуть озера, отстоящаго отъ берега только на шесть градусовъ долготы и сообщать намъ болѣе точныя свѣденія о богатыхъ его берегахъ: доказательство этого представлено въ позднѣйшее время Ливингстономъ (18). Пока будутъ обнародованы болѣе точныя свѣденія объ этомъ путешествіи, наши свѣденія объ озерѣ Ніасса ограничиваются тѣмъ, что развѣдалъ прежде Ливингстонъ объ южномъ и западномъ его берегахъ, а относительно восточной дороги тѣмъ, что сообщилъ Декенъ. Португальцамъ мы почти не обязаны никакимъ расширеніемъ нашихъ свѣденій, хотя они уже нѣсколько вѣковъ владѣютъ побережьемъ, лежащимъ на одной широтѣ съ озеромъ Ніасса; это потому, что они, недостойно просвѣщенной націи, эгоистически скрывали и искажали то, что знали, и на долгое время стѣснили процвѣтаніе страны и развитіе ея жителей торговлею невольниками, которую они сами производили и поддерживали.

Чтобы хотя въ нѣкоторой степени пояснить важность цѣли, которой Декенъ напрасно стремился достигъ, и тѣмъ положить какъ бы основу для изложенія достигнутыхъ Декеномъ результатовъ, мы должны заимствовать нѣчто изъ рассказовъ *Ливингстона*. Знаменитый миссіонеръ и путешественникъ достигъ 16-го сентября 1859 года южной оконечности озера, слѣдовательно двумя мѣсяцами ранѣе Рошера, который прибылъ въ Нузева 19-го ноября 1859 года. *Ніасса* или *Ніандша Мкуба* (большое озеро) есть необозримое озеро съ темносинею водою, какъ въ открытомъ океанѣ и часто приводится въ волненіе бурями, неуступающими морскимъ; поэтому-то открывшій его и далъ ему наименованіе «озера бурь». Съ горныхъ возвышенностей, вышиною въ 3000 сличномъ футовъ, вѣтры, кото-

рыхъ заранѣе не предугадываетъ пловецъ, устремляются на поверхность озера, лежащую только на 1300 футовъ выше морскаго уровня: лодки и корабли, застигнутые такою непогодю, могутъ считать себя погибшими, такъ какъ стоять на якорѣ посреди озера невозможно, по причинѣ значительной его глубины (до 100 сажень), и приближеніе къ берегамъ, гдѣ бушуетъ прибой, опасно. Не смотря на то, это большое озеро, идущее въ направленіи отъ юга къ сѣверу на разстояніи 200 слишкомъ миль и имѣющее въ ширину до 50 миль, оживлено сотнями большихъ и маленькихъ рыбацкихъ лодокъ, а въ послѣднее время предпріимчивые арабы ѣздятъ по нему даже въ судахъ такой конструкціи, какіе употребляются на побережьѣ. Но къ чему ведутъ эти сношенія, когда на всѣхъ извѣстныхъ доселѣ берегахъ озера, въ особенности на восточномъ, господствуетъ почти всюду отсутствіе безопасности, хищничество, убійство, — однимъ словомъ, — *торговля невольниками*, вызванная и покровительствуемая послѣдователями Христа и Магомета? На болѣе счастливыхъ мѣстахъ, куда не проникли ни торговля невольниками, ни хищническія сосѣднія племена, путешественникъ замѣчаетъ благоденствіе, восхищающее его послѣ видѣнной имъ прежде бѣдности, но много ли пройдетъ времени до тѣхъ поръ, когда злобный врагъ начнетъ и здѣсь искать себѣ жертвъ?

Ливингстонъ рассказываетъ, что онъ нигдѣ въ Африкѣ не видѣлъ болѣе плотнаго населенія, какъ на нѣкоторыхъ побережьяхъ озера Ниасса. Здѣсь одно селеніе примыкаетъ къ другому, а незаселенныя мѣста или засѣяны полевыми плодами, или же служатъ пастбищемъ для многочисленныхъ стадъ рогатаго скота; вода обиліемъ своихъ рыбъ питаетъ тысячи людей, а горы даютъ превосходное желѣзо, весьма искусно обрабатываемое. Тамъ, гдѣ Ваниасса стоятъ въ такихъ благоприятныхъ естественныхъ условіяхъ, — они честны, щедры и ласковы и надѣдаютъ путешественнику не своимъ назойливымъ попрошайничествомъ или безсовѣстными требованіями пошлины, а только легко объяснимымъ любопытствомъ. Тоже самое замѣтилъ Рошеръ на сѣверовосточной оконечности озера (географическое положеніе Нузева въ точности неизвѣстно): онъ нашелъ гостепріимство у людей, которые прежде никогда не видали европейца, и избытокъ во всемъ, необходимомъ для жизни, такъ что онъ въ восторгѣ воскликнулъ: «Я не знаю болѣе прекрасной страны, чѣмъ на озерѣ Ниасса».

Съ востока къ большому озеру ведетъ множество дорогъ; самая важная и оживленная изъ нихъ та, по которой Дегенъ отправился изъ Килоа. Она, почти наполовинѣ соприкасается съ впадающею въ море къ сѣверу отъ мыса Дельгадо рѣкою *Рувама*, о которой туземцы говорятъ, что она, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ ея рукавовъ, беретъ начало въ озерѣ около Нгомбо (т. е. мѣсто переправы) *Нузева*. Такихъ *номбо*, соединяющихъ оба берега, на озерѣ много; нѣкоторые изъ нихъ, особенно лежащія на болѣе широкихъ мѣстахъ озера, ведутъ къ островамъ, служащимъ стоянкою и убѣжищемъ при продолжительномъ плаваніи.

О сѣверной оконечности озера извѣстно почти только то, что она лежитъ нѣсколько къ сѣверу отъ 11 градуса южной широты. Черезъ Ливингстона, ко-

торый достигъ этой оконечности во время послѣдняго своего путешествія, мы узнаемъ вещи, болѣе подробныя, въ особенности относительно того, справедливыли рассказы жителей о существованіи связи между озерами Ніасса и Танганика. На югѣ озеро раздвояется: восточный рукавъ образуетъ превосходную гавань, а западный—испускаетъ изъ себя въ *Замбези* быстротекущую рѣку *Шурз*. Съ запада въ озеро впадаетъ пять водоемовъ, но количество ихъ воды не вознаграждаетъ даже той убыли, которую производитъ вытекающая изъ озера *Шурз*, не говоря уже о значительномъ испареніи; итакъ, если его не питаютъ восточныя его прибрежья, то оно пополняется, значитъ, главнымъ образомъ дождями. Эти послѣдніе, конечно, бываютъ весьма значительны, потому что по вѣрнымъ знакамъ на береговыхъ скалахъ ясно можно видѣть, что послѣ періода дождей вода стоитъ на три фута выше обыкновеннаго. Вслѣдствіе своего защищеннаго положенія въ горной котловинѣ и вслѣдствіе весьма значительной своей глубины, озеро Ніасса имѣетъ весьма равномерную температуру, около 18° Р.; утромъ, или когда изъ окрестныхъ гористыхъ мѣстностей дуютъ холодные вѣтры, изъ него поднимаются густые туманы, служащіе конечно не малымъ затрудненіемъ для мореходства. Ливингстонъ изслѣдывалъ область Ніасса отъ 2 сентября до 27 октября 1861 года какъ на водѣ, такъ и на сушѣ и достигъ 11° 20' юж. широты.

Наблюденія Декена хотя и ограничиваются только полосой въ 150 морскихъ миль длины, и, вслѣдствіе непродолжительности путешествія и различныхъ его трудностей, не очень подробны, но имѣютъ важное значеніе, такъ какъ они составляютъ всю сумму нашихъ свѣденій объ этой части внутреннихъ земель. Результаты ихъ, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ дневниковъ Декена, мы изложимъ въ нижеслѣдующемъ обзорѣ:

Нашъ путешественникъ былъ снабженъ всѣмъ, что нужно для такого предпріятія; онъ имѣлъ при себѣ секстанты и искусственный горизонтъ, термометръ кипѣнія (19), дождемѣръ, педометръ (20) и т. п.; но ему недоставало *времени* и *спокойствія*; при столь изнурительномъ путешествіи, сопровождавшемся столькими неприятностями, онъ не могъ производить всѣхъ наблюденій въ томъ обширномъ размѣрѣ, который онъ сначала имѣлъ въ виду. Но все-таки онъ обозначилъ свой маршрутъ по астрономическимъ вычисленіемъ долготы и широты (21), а мѣста, лежація между главными пунктами,—по барометрическимъ измѣреніямъ. На каждой стоянкѣ онъ опредѣлялъ возвышеніе почвы по уменьшенію воздушнаго давленія, и именно по температурѣ кипящей воды, которая, какъ извѣстно, точно соотвѣтствуетъ каждому состоянію барометра. Собираніемъ естественнo-историческихъ коллекцій онъ не занимался, будучи слишкомъ занятъ заботами о поддержаніи жизни и др., и потому естественная исторія менѣе всѣхъ другихъ наукъ обогатилась этимъ путешествіемъ.

Изъ Килоа по направленію внутрь почва постоянно возвышается; уже *Мукапунда*, шамба Абдаллы, лежитъ на 509 футовъ надъ поверхностью моря. Дорога туда ведетъ черезъ страну, пересекаемую низкими холмами, въ которой лежатъ многочисленныя шамбы прибрежныхъ жителей. Между второю станціею *Мнази* и между *Наишоно* почва возвышается только на 150 футовъ. И здѣсь представляется

еще нѣсколько горныхъ кражей или хребтовъ, но дорога ведетъ уже не черезъ степныя равнины, а черезъ лѣсъ, состоящій большею частію изъ акацій, стволы которыхъ имѣютъ въ толщину отъ 6 до 9 дюймовъ, и надъ которыми возвышаются отдѣльные высокіе платаны. Вьющіяся растенія между деревьями и кустарниками затрудняютъ движеніе, а многочисленныя шишы акацій беспокоятъ босыхъ туземцевъ; для улучшенія дороги въ весьма многихъ мѣстахъ направо и налѣво отъ нея лѣсъ выжженъ.

По ту сторону *Нашоно* страна дѣлается еще возвышеннѣе, но все еще остается довольно плоскою и однообразною. Только около мѣстности *Нанунулу*, лежащаго на высотѣ 1300 футовъ, начинается гористая страна особеннаго строенія. Появляются кучи базальтовыхъ кусковъ, то соединенныхъ въ небольшія группы, то образующихъ высокія горы,—всѣ странной, зубчатой формы. Можно предполагать, что возвышеніе почвы постоянно увеличивается до самаго озера Ніасса; по крайней мѣрѣ Рошеръ говоритъ, что край плоскогорья, круто спускающійся къ водѣ, имѣетъ по крайней мѣрѣ 3000 футовъ высоты; болѣе точныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Точно также не можемъ мы бросить взглядъ на *условія теченія водъ*; мы знаемъ только, что всѣ воды посѣщенной путешественниками полосы направляются къ югу и востоку. Въ послѣдніе дни путешествія количество воды было очень значительно; кромѣ маленькихъ рѣчекъ, которыхъ каждый день попадалось по нѣсколько, часто затрудняли движеніе и большія рѣки, какъ напр. *Кипереле* и *Ругугу*. Ни одна изъ этихъ рѣкъ не судоходна; на самой большой изъ нихъ, именно на *Ругугу*, нельзя даже ѣздить на челнокахъ по причинѣ ея чрезвычайно каменистаго русла. Жители утверждаютъ, что Ругугу, вмѣстѣ съ болѣе значительною рѣкою *Рункуру*, впадаетъ въ одну изъ большихъ рѣкъ на югѣ: эта рѣка есть вѣроятно *Руума*; но Декенъ полагаетъ, что Рункуру впадаетъ въ море къ югу отъ Килоа Киссивани. При началѣ путешествія воды было видно очень не много, большая часть источниковъ высохла, равно какъ и рѣчныя русла, изъ коихъ только въ одной рѣкѣ *Мауи* вода держится круглый годъ. Эту скудость воды должно объяснять не однимъ только продолжительнымъ отсутствіемъ дождя, но и однообразнымъ строеніемъ почвы.

Здѣсь бросалось также въ глаза сравнительно малое количество дикихъ *животныхъ*, потому ли, что они избѣгаютъ оживленныхъ караванныхъ дорогъ, или же потому, что развитое воздѣлываніе страны прогоняетъ ихъ въ болѣе пустынные мѣстности; въ большемъ разстояніи отъ жилищъ человѣческихъ конечно можно встрѣтить много животныхъ африканскихъ пустынь, -- слоновъ и носороговъ, зебръ, жирафовъ и страусовъ. Только нѣсколько разъ пришлось убить значительной величины антилопъ, а изъ маленькихъ млекопитающихъ можно упомянуть о похожемъ на бѣлку животномъ, и еще о другомъ, по формѣ похожемъ на нѣчто среднее между крысою и бѣлкою. Изъ птицъ особенно часто попадаются голуби; кромѣ нихъ путешественникъ говоритъ еще только о попугаѣ и о нѣсколькихъ ночныхъ ласточкахъ, изъ коихъ послѣднихъ онъ видѣлъ въ горахъ

около Нагигонго. Изъ домашнихъ животныхъ туземцы держатъ курь, козь, овецъ и коровъ; ословъ они не имѣютъ.

Воздѣлываніе земли находится въ цвѣтущемъ состояніи вездѣ, гдѣ тому не препятствуетъ недостатокъ воды; особенно послѣднія станціи отличаются удивительнымъ плодородіемъ. Особенно много произрастаетъ тамъ мхого и мтамы.

Какъ во всей Африкѣ,—здѣсь *туземцы* селятся главнымъ образомъ около горъ, и это очень понятно, такъ какъ горы даютъ защиту отъ нечаянныхъ нападений и обильное количество необходимой воды. Но и открытая равнина не необитаема; часто среди лѣса встрѣчаются просѣки съ обширными селеніями; эти селенія собственно не деревни, а широко раскинутыя плантаціи и хижины: въ богатой водою мѣстности по ту сторону рѣки Ругугу дорога шла иногда на 1—2 часа между хижинами и полями.

Если, не смотря на изобиліе, състныхъ припасовъ достать можно было только съ трудомъ, то это происходило не столько отъ природной злобности жителей, сколько отъ испорченности нравовъ, встрѣчающейся вездѣ на большихъ караванныхъ путяхъ, гдѣ полуобразованные народы входятъ въ сношенія съ народами, еще не тронутыми культурою; но очень можетъ также, что продавцы были сдержанны потому, что надѣялись въ скоромъ времени получить еще ббльшую цѣну отъ приближающагося большого каравана. Вообще, Дегенъ жалуется не столько на гостепріимство жителей внутреннихъ областей, сколько на жестокосердіе испорченныхъ арабовъ побережья.

При ускоренныхъ переходахъ, при которыхъ только иногда бывали остановки на нѣсколько дней, разумѣется мало можно узнать нравы и бытъ жителей, особенно потому, что днемъ въ хижинахъ не бываетъ никого, такъ какъ жители работаютъ въ полѣ; но все-таки Дегенъ находилъ иногда случай подмѣтить интересныя черты и особенности. Весьма замѣчательною кажется способность туземцевъ къ музыкѣ: въ этомъ отношеніи они стоятъ довольно высоко, такъ какъ ихъ инструменты, хотя и простые, далеко превосходятъ инструменты жителей побережья. Особенно заслуживаетъ вниманія *общественное положеніе Ваиндо и Вагао: они не продаютъ невольниковъ, даже за самую высокую цѣну.* Нашъ путешественникъ слышалъ на берегу, что эта часть Африки даетъ всего болѣе невольниковъ. Но отличная обработка почвы еще ранѣе дѣлала для него этотъ рассказъ невѣроятнымъ; впрочемъ, чтобы положительно увѣриться въ этомъ, онъ, черезъ одного изъ своихъ людей, предложилъ за восьмилѣтняго мальчика, который на Занзибарѣ стобитъ не болѣе 8—10 долларовъ, громадную сумму въ 50 долларовъ; но мальчика все-таки не продали. Владѣльцы невольниковъ обходятся съ своими людьми, служащими въ домѣ или работающими на полѣ, необыкновенно хорошо, потому что земледѣліе требуетъ много рабочихъ силъ, и хорошіе работники рѣдки. По той же причинѣ они не продаютъ и свою собственность, такъ какъ торговцы невольниками никогда не могутъ дать имъ такой цѣны, которая бы соотвѣтствовала ихъ заработкамъ. Самое большое число невольниковъ, вывозимыхъ изъ Килоа, происходитъ изъ живущихъ далѣе къ югу *Вабуза* и

Vaião; понятно, что у них и воздѣлываніе земли въ высшей степени не-совершенно.

Изъ этого видно, что самое лучшее средство истребить съ корнемъ торговлю людьми, есть развитіе *земледѣлія*. Никто изъ тѣхъ, кто самъ имѣетъ нужду въ невольникахъ, не станетъ продавать ихъ, а если и продастъ, то за такую цѣну, которой покупателю нѣтъ расчета дать. А до тѣхъ поръ, пока выгода покупателей и продавцовъ будетъ говорить въ пользу этой торговли, напрасны будутъ всѣ усилія искоренить зло посредствомъ военныхъ кораблей. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ достигнуть развѣ только того, что торговцы невольниками будутъ привозить свой товаръ на мѣсто продажи съ большею осторожностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ большею жестокостью, и тамъ будутъ требовать, въ вознагражденіе за свои заботы и опасности, гораздо высшую цѣну.

Б И Л И М А И Д Ж А Р О .

ОТДѢЛЪ ДЕСЯТЫЙ.

Момбасаъ.

Сѣверозападный берегъ Занзибара.—Первое впечатлѣніе Момбаса.—Его положеніе и исторія. — Разнородный растительный міръ: Кигелія, пальма, хлѣбное дерево. — Животная жизнь: птицы—ткачи, коршунъ-паразитъ, малорослая антилопа, дикобразъ.—Первые поселенцы.—Вамвита и Вакилиндини.—Владычество прежнее и теперешнее.—Городъ Момбасаъ.—Развалины на островѣ.—Посѣщеніе коменданта и внутренности укрѣпленія.

Февраль мѣсяць уже въ половину истекъ, а килоаская лихорадка не хотѣла уступать; путешественникъ медленно чахъ, силы его быстро уменьшались: надо было рѣшительнымъ средствомъ произвести переворотъ къ лучшему. Деканъ зналъ свою натуру, — зналъ, что на него произведетъ благотворное дѣйствіе перемѣна воздуха и новая дѣятельность, и потому рѣшился, не смотря на противорѣчіе врача, считавшаго лучшимъ спокойствіе, выполнить свой давнишній планъ — посѣтить знаменитый издавна *Момбасаъ*. Здѣсь почти четырнадцать лѣтъ жилъ заслуженный *Ребманъ*, одинъ изъ двухъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, положившихъ начало научному изслѣдованію восточной Африки. Ребманъ могъ дать нашему путешественнику важныя свѣденія объ условіяхъ жизни внутри страны, о землѣ и жителяхъ, объ ихъ языкѣ и обычаяхъ.

Нетерпѣніе и ожидаемое вскорѣ наступленіе неблагоприятнаго времени года побудили барона ускорить свои приготовления. Онъ нанялъ судно, велѣлъ ему къ вечеру 21 февраля 1861 г. остановиться передъ Мтони, чтобы запастись водою, и отдалъ свой багажъ подъ охрану Корали, Ассани и нѣсколькихъ туземныхъ слугъ, а самъ провелъ ночь на сушѣ, въ обществѣ своихъ друзей. На другое утро до восхода солнца, онъ, сопровождаемый гамбургскимъ консуломъ, выѣхалъ изъ города по оживленной широкой дорогѣ, ведущей въ Мтони. Ему встрѣчались на дорогѣ толпы негровъ обоого пола, изъ коихъ одни несли на рынокъ хлѣбъ и плоды, а другіе снабжали городъ водою, неся ее въ красноватыхъ мтунги. Прекрасный утренній воздухъ, видъ величественной растительности, освѣженной ночью росой, веселая жизнь и движеніе дѣловаго люда, сопутствіе друга, наконецъ радостная перспектива въ будущемъ,—производили на душу путешественника живительное вліяніе. Вскорѣ достигли мѣста якорной стоянки, неуклюжая лодка съ

бетена причалила къ берегу, радостное «съ Богомъ» раздавалось на прощанье, и путешественники отправились къ новой цѣли.

Солнце, хотя не болѣе какъ полчаса тому назадъ вставшее изъ моря, достигло уже значительной высоты и разсѣяло утреннія испаренія надъ лѣсистою внутренностью острова. Мало по малу развертывалась передъ глазами прекрасная картина. Обозначенный двумя боченками тянется узкій проходъ между Занзибаромъ и *Шампани*, самымъ сѣвернымъ изъ островковъ, *мѣстомъ погребенія европейцевъ*, гдѣ уже не одинъ изъ нихъ нашелъ себѣ мѣсто покоя, и гдѣ недавно еще былъ погребенъ англійскій консулъ *Гамертонъ*. По правую руку лежить *Мтони*, любимое мѣстопробываніе Сеидъ Саида, теперь служащій мѣстопробываніемъ для одного изъ его сыновей. Если смотрѣть съ моря, то его удачное расположеніе съ его каменными и деревянными постройками представляетъ чрезвычайно прелестный видъ, — гораздо лучше, чѣмъ на сушѣ. Онъ представляетъ замкнутую картину въ блестящей рамкѣ: внизу синее море, потомъ ослѣпительной бѣлизны берегъ, стройныя пальмы, высоты, увѣнчанныя гвоздичными деревьями, а вверху — темное и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтящееся небо. Глазъ едва успѣваетъ насытиться этимъ зрѣлищемъ, какъ уже другіе предметы обращаютъ на себя вниманіе. Громадное бѣлое каменное зданіе, окруженное высокими стѣнами, построенное на выдающемся берегу, подвигается ближе и ближе: это *Бетъ эль-Расъ*, бывшій гаремъ Сеидъ Саида. Вдоль плодороднаго берега сплошь тянутся дома и плантаціи; многіе изъ этихъ пунктовъ пробуждаютъ пріятныя воспоминанія, такъ какъ они еще ранѣе были посѣщены путешественникомъ; первое мѣсто въ числѣ ихъ занимаетъ загородный домъ англійскаго консула. Далѣе виднѣются дома *Бубубу*, потомъ, позади *мыса Осавемба*, — островъ Тумбату, замыкающій собою бухту Кокотони съ англійскими плантаціями сахарнаго тростника, расположенными по ея берегу. Теперь болѣе смотрѣть не на что, такъ какъ корабль удаляется отъ берега и направляется прямо къ предназначенной точкѣ материка.

Въ нашемъ путешественникѣ, который былъ еще слабъ отъ долгой и трудной болѣзни, явилось чувство пресыщенія, утомленія, и на прежній планъ выступили непріятности переѣзда, которыя доголѣ были не замѣчаемы по причинѣ представлявшихся на каждомъ шагу новыхъ красотъ. Пробываніе на суднѣ было дѣйствительно невыносимо. Послѣдній грузъ его состоялъ изъ сушеной рыбы (только тотъ, кто проходилъ мимо занзибарскаго торговца акулою, можетъ знать, что это значитъ), и, кромѣ того, оно недавно еще было вымазано масломъ, такъ что даже тогда, когда не было свѣжаго вѣтра, отъ одного этого запаха тошнило; но этого мало: миллионы жужжащихъ мухъ и комаровъ носились вокругъ, приманиваемые различными запахами, и невыносимымъ образомъ беспокоили усталаго, ища себѣ пріюта или пищи. Безпокойно лежитъ мучимый этимъ путешественникъ въ своей постелѣ; равнодушно онъ проѣхалъ мимо богатаго гаванями, благословеннаго острова *Пембы*, воспѣтаго арабами подъ именемъ *Джезиретъ эль Хотера* (острова растений),

Только утромъ на третій день показался признакъ Момбаса, *Короа Момбаза* у португальцевъ, группа холмовъ о трехъ вершинахъ, называемая у суа-

хелійцевъ *Игу за Момбаза*. Когда подъѣзжаешь ближе, берегъ представляетъ поразительно прекрасный видъ. По ту сторону холмовъ вѣнецъ изъ покрытыхъ лѣсами высотъ обрамливаетъ едва замѣтную издали бухту, въ которой лежитъ островъ Момбасъ. Самаго города еще не видно; только на югѣ острова виднѣются на высокомъ берегу одиночныя развалины, укрѣпленія и памятники; одинъ изъ этихъ послѣднихъ украшенъ христіанскимъ крестомъ! Мы приближались къ странѣ, о которой много говоритъ исторія, къ странѣ, въ которой нѣсколько вѣковъ назадъ поселились европейскіе ея открыватели и завоеватели, построили укрѣпленія,

Видъ Момбаса съ материка.

храмы и памятники, вели войны, совершали жестокости, и наконецъ были изгнаны, не оставивъ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности, помимо уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія камней и развалинъ обращенныхъ въ пепель городовъ! Налѣво отъ пѣнящагося рифа на сѣверѣ, на которомъ рыбаки въ жалкихъ ладьяхъ стараются отыскивать въ морѣ добычу, возвышается на крутой скалѣ цитадель притѣснителей, величественное, массивное каменное зданіе, *укрѣпленіе*, которое, кромѣ португальцевъ, служило мѣстопребываніемъ поочередно суахелійцамъ и арабамъ, англичанамъ и сынамъ Белуджистана: оно господствуетъ надъ узкимъ входомъ въ сѣверную и южную гавань, еще закрывая отъ нашихъ взоровъ ниже его лежащій городъ. Тутъ корабль поворачиваетъ къ сѣверу. Показываются вдали хижины; но только обогнувъ крѣпость раскрывается обширная панорама города— нѣсколько бѣлыхъ каменныхъ домовъ среди массы разбросанныхъ хижинъ.

Нашъ Момбасъ уже не тотъ древній городъ, который воспѣли открывшіе его португальцы, такъ какъ онъ красотою своей постройки напомнилъ имъ отечественные города, и о которомъ они говорили, что въ немъ самыя высокія башни, самыя прекрасныя женщины и самыя смѣлые наѣзтники; красота древяго Момбаса пала; ярость завоевателей не разъ уничтожала ее. Теперь Момбасъ не можетъ сравниться съ Занзибаромъ ни по красивой наружности, ни по размѣрамъ и живости торговыхъ сношеній. Но Занзибаръ городъ новый: величіе Момбаса *въ прошедшемъ*, о которомъ свидѣлствуютъ развалины и надписи, и *въ будущемъ*, которое доставятъ ему его гавань и его положеніе. Момбасъ снова разцвѣтетъ подъ владычествомъ цивилизованнаго народа, рано или поздно, такъ какъ выгоды, имъ предоставляемыя, ясны даже для слѣпаго.

Разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ печальныя *судьбы города Момбаса*, чтобы показать, до какой степени заслуживаетъ нашего участія эта издревле уважаемая страна. Съ достойною удивленія силою маленькая Португалія овладѣла въ началѣ 16-го столѣтія неизмѣримыми береговыми полосами Африки и Азій, отъ Геркулесовыхъ столбовъ до мыса Доброй Надежды и до Аравіи, и отъ Индіи до Китая. Назначенный вице-королемъ Индіи *Франциско д'Альмеида* отплылъ въ 1505 году изъ Лиссабона въ Гоа, чтобы вступить во владѣніе открытую Васко де Гамою областью и укрѣпить въ ней владычество своего короля. Еще въ томъ же году явился онъ на берегахъ восточной Африки, покорилъ Килоа и построилъ тамъ укрѣпленіе. Затѣмъ онъ напалъ на островъ Момбасъ, который не хотѣлъ добровольно покориться ему, и сжегъ городъ.

Момбасъ возсталъ снова; шейхъ этого города укрѣпилъ гавань, поставилъ въ укрѣпленіи пушки и держалъ около 6000 стрѣлковъ изъ лука, въ надеждѣ дать отпоръ португальцамъ при ожидаемомъ возобновленіи ихъ нападений. Но часъ притѣснителей еще не пробилъ: въ 1528 году явился *Нуньо*, сынъ *Тристанъ да Кунья*, разбилъ возставшихъ съ помощью шейха Малинди и снова сжегъ городъ. Впослѣдствіи на островѣ поселились августинскіе монахи и построили церкви и монастыри; наконецъ и іезуиты водрузили здѣсь свое знамя съ пресловутымъ I. N. S. (23).

Болѣе полувѣка Момбасъ оставался спокойнымъ. Въ 1586 году турецкій бей по имени *Али*, который уже въ южной Аравіи сдѣлался грозою португальцевъ, явился передъ городами восточной Африки и потребовалъ, отъ имени повелителя всѣхъ правовѣрныхъ, чтобы они подчинились ему и выгнали христіанъ. Всюду, кромѣ Малинди, гдѣ искони были вѣрны португальцамъ, его послушались. Шейхъ города Малинди извѣстилъ о случившемся намѣстника *Тома де Суза Кутиньо*, и тотъ немедленно прислалъ двадцать кораблей, которые осадили мятежный Момбасъ, гдѣ тогда пребывалъ Али-Бей. Въ то же время съ юга пришло дикое племя *Вазимба*, обѣщало осажденнымъ помощь противъ ихъ притѣснителей и убѣдило ихъ отворить имъ ворота города. Пагубная ошибка со стороны горожанъ, потому что Вазимба, войдя въ городъ, начали ужасно неистовствовать надъ жителями и умерщвляли всѣхъ, кто имъ попадался. Кто могъ, тотъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ; многіе изъ тѣхъ, на которыхъ напали въ ихъ

собственныхъ домахъ, въ томъ числѣ Али-Бей, бросились въ волны, но тамъ ихъ убили или взяли въ плѣнъ португальцы. Послѣдніе вошли въ городъ и наказали жителей по своему, снова подожегши дома. Но едва покинули они берегъ, какъ убѣжавшій отъ двойной рѣзни Момбасскій султанъ снова овладѣлъ островомъ, конечно только на короткое время: другое племя *Ваземедису* побѣдило его въ битвѣ, убило его, завладѣло островомъ и передало господство надъ нимъ шейху Малинди. Такимъ образомъ была устранена старая момбасская фамилія властителей персидскаго происхожденія.

Чтобы навсегда подавить предприимчивый и упорный духъ жителей Момбаса, вице-король Матиасъ д'Альбукеркъ приказалъ въ 1594 году построить тамъ укрѣпленіе и поставилъ своего намѣстника. Это мѣсто въ 1614 году занималъ *Мануэль де Мело Перейра*, гордый, корыстолюбивый и хитрый человѣкъ, который смѣнилъ вѣрнаго *Малиндійскаго шейха Ахмеда* и приказалъ коварнымъ образомъ умертвить его.

Кровавое сѣмя должно было принести кровавые плоды. Семилѣтній сынъ *Ахмеда Юсуфъ*, посланный въ Гоа и тамъ воспитанный августинскими монахами, замышлялъ отмстить за него. Чтобы съ большою безопасностью привести въ исполненіе свои планы, онъ, достигши зрѣлаго возраста, притворно показывалъ расположеніе къ убійцамъ своего отца, позволилъ окрестить себя, выказывалъ рвеніе къ навязанной ему религій, написалъ даже письмо къ папѣ, въ которомъ увѣрялъ его въ своей совершенной преданности. Обманъ вполне удался; никто не питалъ подозрѣнія противъ молодаго человѣка, и ему на 23 году его жизни ввѣрили даже управленіе Момбасомъ. И тутъ Юсуфъ не сбрасывалъ еще съ себя маску, а правилъ, какъ говоритъ арабская хроника, «тирански», т. е. въ духѣ португальцевъ, принуждалъ магометанъ ѣсть свиное мясо, и былъ «безбожнымъ и невѣрнымъ», т. е. добрымъ христіаниномъ и католикомъ. Но тайнѣ онъ посѣщалъ могилу своего отца, плакалъ на этомъ священномъ для него мѣстѣ и совершалъ тамъ магометанскіе обряды. Однажды это было замѣчено; отступника рѣшились послать въ Гоа и предать его инквизиціи. Но Юсуфъ, извѣщенный объ этомъ самимъ же доносчикомъ, успѣшно собралъ 300 человѣкъ преданныхъ ему жителей города и отправился съ ними въ крѣпость, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ хочетъ засвидѣтельствовать почтеніе ея коменданту *де Гамбоа*. Прибывъ туда, его спутники бросились на караульныхъ солдатъ, между тѣмъ какъ Юсуфъ собственноручно закололъ кинжаломъ *де Гамбоа*; жена и дѣти послѣдняго были умерщвлены около алтаря вмѣстѣ съ священникомъ, который въ то время служилъ для нихъ обѣдню. Упоенные побѣдою, заговорщики успѣшно отправились въ городъ, сожгли дома португальцевъ и убили всѣхъ, носившихъ это ненавистное имя.

Только немногіе изъ захваченныхъ въ располхъ спаслись въ монастырѣ Августинцевъ. Семь дней они оказывали мужественное сопротивленіе; осаждающіе не могли ничего сдѣлать съ крѣпкими стѣнами. Тогда Юсуфъ прибѣгнулъ къ хитрости, которой научился отъ португальцевъ въ школѣ: онъ предложилъ защитникамъ положить оружіе, обѣщая имъ свободный выходъ. Несчастные повѣ-

рили его льстивымъ словамъ и покинули безопасный домъ: они были безжалостно умерщвлены. Произошла ужасная рѣзня. Не пощадили ни женщинъ, ни дѣтей, ни священниковъ. Все, что принадлежало церкви, было осквернено и истреблено. Послѣ этого побѣдитель сбросилъ съ себя свое христіанское имя *донъ Джеронимо Чинула*, которое такъ долго съ отвращеніемъ носилъ, послалъ пословъ во всѣ города, приглашая ихъ выгнать проклятыхъ чужеземцевъ: Танга, Мтоне и Тангата послѣдовали его примѣру.

Когда извѣстіе объ этомъ ужасномъ событіи пришло въ Гоа, тамъ снарядили 17 кораблей съ 800 солдатъ и послали ихъ къ Момбасу. Три мѣсяца осаждали они городъ, потомъ съ значительными потерями вернулись назадъ. Только два корабля остались стеречь гавань, но и они не достигли своей цѣли, такъ какъ осажденные скоро захватили ихъ. Юсуфъ же не захотѣлъ болѣе жить въ городѣ, который столь мужественно защищалъ; побуждаемый мщеніемъ, онъ хотѣлъ сдѣлать весь островъ могилою въ память своего отца, разрушилъ городъ и крѣпость; такъ что не осталось камня на камнѣ, и вырубилъ даже деревья, собралъ свои сокровища и убѣжалъ съ своими вѣрными спутниками на захваченныхъ корабляхъ въ Аравію. Тамъ скитался онъ долгое время, потомъ отправился на западный берегъ Мадагаскара къ древней арабской колоніи; португальцы преслѣдовали его и тамъ, но были со стыдомъ прогнаны.

Португальцы Занзибарскіе, вскорѣ узнавшіе, что Момбасъ опустошенъ и покинутъ жителями, послали два корабля, завладѣли островомъ и начали въ 1635 году, подъ предводительствомъ *Франциско де Хеихасъ Кабрера*, снова строить городъ и крѣпость. *Хеихасъ* снова возстановилъ на побережьи потерянное владычество; его дѣянія увѣковѣчены на каменной таблицѣ надъ входною дверью форта. Тогда прибыли опять и португальскіе поселенцы изъ Занзибара, устроили обширныя плантаціи на материкѣ и вскорѣ достигли болѣе цвѣтущаго состоянія, чѣмъ прежде. Около этого времени мы въ первый разъ слышимъ о племени *Ваника*: оно, прійдя изъ внутреннихъ странъ, завладѣло невзодѣланною прежде страной, пустынею (*Ника*), и своимъ прилежаніемъ обратило ее въ поля и сады. Португальцы смотрѣли на нихъ какъ на вассаловъ, брали ихъ въ невольники, но вообще обращались съ ними хорошо. Въ мирныя времена они обмѣнивали съ ними копаль и зерновой хлѣбъ на матеріи для одеждъ, а когда они становились опасными, имъ давали подарки.

Нѣкоторое время португальцы имѣли намѣреніе совсѣмъ оставить Момбасъ и сдѣлать центромъ своего управленія *Пембу*, но вскорѣ отказались отъ этого плана и снова обратили всю свою силу къ старому главному городу: Момбасъ снова сдѣлался средоточіемъ восточно-африканской торговли и съ каждымъ годомъ прибрѣталъ все болѣе силы и значенія. Но вмѣстѣ съ богатствомъ повелителей возрастала и ихъ жестокость. Угнетенные жители Момбаса, когда ихъ жалобы не принесли никакой пользы, напрягли всѣ свои силы, чтобы свергнуть съ себя его тиранновъ. Какимъ образомъ исполнили они это съ помощью могущественныхъ оманскихъ имамовъ, какъ они старались упрочить свою независимость подѣ

управленіемъ своихъ собственныхъ владыкъ, и какъ они наконецъ, вслѣдствіе измѣны и коварства, потеряли свою свободу, все это мы уже видѣли выше.

Островъ Момбасъ лежитъ между $4^{\circ} 2' 5'$ южн. шир. и $39^{\circ} 42' 44'$, 5 вост. долготы отъ Гринича, между двумя узкими проливами, изъ коихъ южный на восточной сторонѣ острова расширяется и образуетъ обширный водоемъ; онъ простирается на часъ пути въ длину и на полчаса въ ширину. Оба эти канала, составляющіе вмѣстѣ бухту, половину которой занимаетъ островъ, развѣтвляются внутри страны на нѣсколько небольшихъ соленоводныхъ руслъ, въ которыя около горъ, по крайней мѣрѣ во время дождей, впадаютъ ручьи. На сѣверозападѣ, около *Макуна*, островъ почти соединяется съ материкомъ посредствомъ мели, такъ какъ здѣсь во время самыхъ большихъ отливовъ вода спадаетъ до того, что можно перейти на материкъ почти не замочивъ ногъ. Для защиты этого брода построено укрѣпленіе, охраняемое нѣсколькими Белуджами.

Момбасъ, подобно Занзибару и большей части окраинъ побережья, есть коралловая формація: скважистая каменная порода возвышается, покрытая чрезвычайно плодороднымъ слоемъ земли, на 20—30 футовъ надъ поверхностью воды, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вертикально опускаясь къ водѣ, а въ другихъ образуя песчаный берегъ: тамъ корабли могутъ разгружаться безъ искусственныхъ приготовленій, а тутъ они могутъ, содѣйствуемые приливомъ, поднимающимся на 12—16 футовъ, безопасно лечь на сухое мѣсто, чтобы предпринять необходимыя поправки. Роскошная зелень, густой лѣсъ, почти непроходимый отъ лианъ и кустарниковъ, среди котораго лежатъ просѣки съ плантаціями или луговинами, покрытыми травой въ ростъ человѣка, покрываетъ всю поверхность острова; островъ, слѣдовательно, плохо воздѣланъ, тогда какъ онъ могъ бы, при большой дѣятельности жителей, давать въ 10—20 разъ болѣе дохода. Въ гораздо лучшемъ состояніи находится, населяемый земледѣльческимъ племенемъ Ваника, *Материкъ*, мѣстность, замыкающая Момбасъ и въ нѣкоторой степени принадлежащая къ его территории, особенно на сѣверѣ залива: прилежаніе поселенцевъ, содѣйствуемое обиліемъ водъ и роскошною плодородностью почвы, обратило ее мѣстами въ земной рай, котораго не могли разрушить ни продолжительныя борьбы, ни вторженія хищническихъ племенъ. Она производитъ тѣже богатые плоды полезныя растенія, которымъ мы удивлялись на Занзибарѣ, но ей придаетъ еще болѣе прелести разнообразіе горъ и долинъ и сосѣдняя, вдвигающаяся въ эту мѣстность, пустыня съ ея своеобразными растительными формами, съ ея жителями, вовсе не тронутыми цивилизаціею: мы стоимъ здѣсь у воротъ настоящей Африки, и отсюда идутъ по всѣмъ направленіямъ пути въ чудную страну.

Значительная разница между Занзибаромъ и Момбасомъ замѣтна уже въ самомъ городѣ: тамъ мы видѣли настоящій городъ, а здѣсь болѣе похожее на деревню средоточіе домовъ и хижинъ, пестро перемѣшанное съ плодовыми деревьями и баобабами, великанами пустыни. Еще замѣтнѣе дѣлается эта разница за горо-

домъ на шамбахъ: очень рѣдко попадаютъ здѣсь живыя изгороди изъ южно-африканскаго кротонаваго кустарника, которыя тамъ составляютъ границы владѣній. Здѣсь эту услугу оказываютъ большею частію колючія молочайныя растенія.

Послѣ небольшого перехода, воздѣланныя полосы земли кончаются; идешь хотя все еще по проложенной дорогѣ, но среди первобытной растительности. Ни одинъ ботаникъ не считалъ здѣсь породъ, изъ которыхъ состоятъ «кустарники», и потому мы можемъ назвать здѣсь только болѣе бросающіяся въ глаза формы. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе путешественника исполинская *кигелія* (*Kigelia pinnata* DC.), дерево, достигающее 80 футовъ вышины и 24 футовъ въ обхватъ и по листьямъ весьма похожее на наши орѣховыя деревья; на стебляхъ длиною въ 6—8 футовъ сидятъ красивыми гроздами темнопурпурные цвѣты; изъ каждаго такого цвѣтка развивается исполинскій плодъ въ два фута длины и полфута толщины, формою похожій на сплюсненный огурецъ. Не удивительно, что съ столь чуднымъ растеніемъ связана особая легенда; но гораздо удивительнѣе и необъяснимѣе то, что эта басня рассказывается одинаково всюду, гдѣ только встрѣчается кигелія, какъ здѣсь, такъ и въ далекомъ Сенаарѣ и Габешѣ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ суевѣріемъ и съ обычаемъ, напоминающимъ наши симпатическія леченія, и будто бы помогающемъ имъ въ извѣстныхъ случаяхъ, въ которыхъ они часто прибѣгаютъ къ совѣтамъ мзунгу. Утверждаютъ именно, что ростъ исполинскаго плода можно поставить въ соотношеніе съ ростомъ какой угодно части тѣла, дѣлая разрѣзъ какъ на молодомъ плодѣ такъ и на этой части тѣла и перенося нѣсколько вытекшаго изъ плода сока на членъ тѣла, а вытекшую изъ этого члена кровь на плодъ. Обѣ части тогда растутъ равномерно; если «побратимъ» дерева, довольный результатомъ, желаетъ остановить дальнѣйшее развитіе члена своего тѣла, то ему стоитъ только сорвать со ствола плодъ. Но, и здѣсь, какъ при каждомъ волшебствѣ и при каждомъ сношеніи съ дьяволомъ, грозитъ опасность. Если несчастный недовольный не замѣтитъ хорошенько плода и не отрѣжетъ его своевременно, то членъ его тѣла продолжаетъ расти болѣе и болѣе, и этотъ ростъ продолжается до тѣхъ поръ, пока плодъ достигнетъ полной зрѣлости и самъ спадетъ съ дерева. И это, какъ говорятъ жители, вовсе не басня; утверждаютъ, будто каждый день можно видѣть людей съ ужасными наростами (это видъ элифантіазиса, описанный въ примѣч. 16). Кигелія уже нашла доступъ въ нѣкоторые европейскіе ботаническіе сады.

Мы часто встрѣчали также на островѣ и около него другое дерево еще болѣе замѣчательной формы, но не обладающее столь странными свойствами, но не знаемъ его названія; оно будетъ изображено въ слѣдующей книгѣ на таблицѣ «Озеро Тека».

Если мы ступимъ на материкъ, то намъ прежде всего бросится въ глаза тиранъ пустыни, какъ очень мѣтко называетъ его Крапфъ, *терновникъ*, требующій отъ каждаго путешественника кровавой дани. Рѣдко густыми рядами, а всего чаще одиночно, возвышается онъ тамъ и сямъ на поросшей скудною травою почвѣ. Точно также замѣчаемъ мы здѣсь впервые *дум-пальму*, дерево, распространенное не менѣе кигеліи и встрѣчающееся какъ по ту сторону Сахары, такъ

и далеко на югъ. Изъ всѣхъ вѣрообразныхъ пальмъ она самая замѣчательная, такъ какъ стволъ ея почти на половинѣ своей высоты дѣлится на два сука, изъ коихъ каждый въ свою очередь развѣтвляется точно такимъ же образомъ. Ея вѣрообразно перистые листья, висящіе на длинныхъ, тонкихъ стебелькахъ и шумящіе даже при самомъ легкомъ вѣтерѣ, остаются на стволѣ долгое время даже послѣ того, какъ совсѣмъ завянутъ; нѣкоторые остатки листьевъ и стеблей остаются даже на самыхъ старыхъ стволахъ. Кромѣ того, весьма замѣчателенъ также ея плодъ, величиною съ кулакъ и похожій на яблоко, длинными, тяжелыми гроздями около самаго ствола и цвѣтомъ и вкусомъ похожій на пряникъ. Обезьяны и негры очень любятъ его (24); даже европейцы иногда лакомятся имъ, потому что его скудное мясо вяжетъ во рту. Группа этихъ пальмъ, попадающаяся на пути, встрѣчается съ восторгомъ: останавливаются, рвутъ плоды, и вскорѣ всѣ принимаютъ за истребленіе этого страннаго растенія. Весьма вѣроятно, что плодъ этой пальмы можетъ быть точно также облагороженъ тщательнымъ уходомъ искуснаго садовода, какъ уже облагороженъ теперь плодъ манго или кожистый дикій бананъ. Въ теперешнемъ же своемъ состояніи онъ похожъ на жесткую щетку, которою чистятъ стклянки, и между щетинами которой находится нѣсколько пряничнаго тѣста; поверхность его покрыта буроватою кожицею.

Замѣчательнѣе всѣхъ другихъ деревъ *хлѣболодъ* (*Adansonia digitata* L.). Громадность и необычайность суть его отличительныя черты. Оно живетъ по тысячѣ лѣтъ, и при этомъ его древесина бываетъ все таки такъ рыхла и мягка, какъ древесина вывѣтрившейся ивы. Толщина его ствола бываетъ больше его вышины и достигаетъ иногда 150 футовъ и болѣе; на небольшой высотѣ дѣлится онъ на толстые суки, длиною болѣе 100 футовъ, по толщинѣ нисколько не уступающіе самымъ большимъ нашимъ дубамъ и имѣющіе на себѣ немного тонкихъ вѣтвей. Большую часть года это дерево стоитъ голое и сухое, какъ будто бы совсѣмъ засохшее, только увѣшанное многочисленными фляжко-образными плодами, сѣроватобурый цвѣтъ которыхъ странно отдѣляется на бѣловатосѣрой корѣ ствола и сучьевъ: но во время дождей появляется множество большихъ дланевидныхъ листьевъ, покрывающихъ остовъ дерева, а роскошные бѣлоснѣжные цвѣты, формою и красотою похожіе на наши розы, украшаютъ величественную эту листву. Къ сожалѣнію, въ такомъ видѣ дерево красуется не долго: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ красота его исчезаетъ и великанъ стоитъ обнаженный, какъ будто бы истощенный напряженіемъ, потребнымъ для развитія такого роскошнаго украшенія. Дерево это, единственное въ своемъ родѣ, свойственно исключительно Африкѣ, и только въ Австраліи, имѣющей такой же характеръ, встрѣчается подобная, но болѣе малорослая порода, недавно открытая *Adansonia Gregorii* F. Mull. Всюду между тропиками, стало быть почти во всей Африкѣ, встрѣчается это хлѣбное дерево, и вездѣ пользуется оно уваженіемъ по своей громадной величинѣ, почтенному возрасту и чудеснымъ свойствамъ. Въ западной Африкѣ оно служитъ жилищемъ для негритянскихъ семействъ и мѣстомъ погребенія волшебниковъ, костями которыхъ не хотятъ осквернять землю; въ восточномъ Суданѣ оно укрываетъ въ своемъ большею частію дуплистомъ стволѣ стада мелкаго

скота; въ Сенегамбіи ѣдятъ его листья, какъ вкусный и здоровый овощъ, и всюду освѣжаются кислотою сердцевиною его плода. Пржезніе завоеватели Африки, португальцы, считали это почти неумирающее дерево годнымъ для того, чтобы носить на себѣ воспоминаніе объ ихъ дѣлахъ и объ ихъ присутствіи; они вырѣзали на его мягкой корѣ имена и года, по которымъ можно видѣть удивительную старость деревъ. По измѣреніямъ годовыхъ кружковъ на такихъ покрытыхъ надвисями деревьяхъ и по другимъ сваленнымъ деревьямъ нашли, что стволъ толщиною въ два фута насчитываетъ себѣ 30 лѣтъ, стволъ въ 4 фута толщины 100 лѣтъ, стволъ въ 14 футовъ тысячу лѣтъ, въ 18 футовъ 2400 лѣтъ, а въ 30 футовъ болѣе 5000 лѣтъ. Слѣдовательно эти «толстокожія» деревья, какъ называетъ ихъ весьма удачно *Бремъ*, этихъ Маусанловъ между деревьями, справедливо можно назвать «очевидцами всемірнаго потопа».

Хлѣболодъ извѣстенъ подъ разными именами. По Адансону, знаменитому ботанику и зоологу, открывшему наукѣ сокровища Сенегала, онъ называется *Adansonia*; туземцы западной Африки называютъ его *баобабамомъ* или *баабабомъ*, суданцы *Табальдіе*, а жители восточнаго берега Африки *мбуйю*. Последнее названіе встрѣчается иногда въ географическихъ именахъ, обыкновенно съ окончаніемъ «ни», обозначающимъ мѣстность, какъ напр. *Ммуйюни*, мѣсто около хлѣбнаго дерева. Такъ къ югу отъ Расъ Пуна есть *Расъ Мбуйюни*, который англичане переименовали въ *мысъ Бульонъ*, вѣроятно потому, что не понимали значенія слова Мбуйюни и однако чувствовали потребность связать съ даннымъ ими наименованіемъ какой либо смыслъ.

Стволъ *мбуйю* возвышается неправильно, то въ видѣ сильно суживающагося къ верху конуса, пуская отъ себя горизонтально или къ верху громадныя сучья, то въ видѣ столба съ многочисленными выступами или боковыми столбами и съ опущенными къ низу до земли исполинскими сучьями; иногда онъ развѣтвляется уже на незначительной высотѣ надъ землею. По этой причинѣ, равно какъ и по разнообразному его виду въ различныя времена года, описанія этого чуднаго дерева никогда не можетъ быть совершеннымъ: его фигуру для чужеземца лучше всякихъ словъ можетъ пояснить изображеніе. Но и искусному живописцу трудно вѣрно схватить и изобразить разнообразныя его развѣтвленія, если ему не поможетъ въ этомъ случаѣ неоцѣнимая фотографія. Баобабъ растетъ большею частію одиночно, рѣдко группами, въ степи или же среди лѣса; молодыя деревья почему-то никогда не встрѣчаются. Въ Момбасѣ онъ встрѣчается какъ на самомъ островѣ такъ и на материкѣ въ разнообразныхъ формахъ. На Занзибарѣ онъ также встрѣчается часто, какъ въ городѣ, такъ и внѣ его, и на нѣкоторыхъ сосѣднихъ островахъ, но тамъ рѣдко попадаются такія громадныя и странныя формы, какъ на близкомъ къ пустынѣ побережьи. Для путешественника хлѣбное дерево пріятно и полезно, такъ какъ содержимое его плодовъ, похожихъ на толстый огурецъ и имѣющихъ около фута въ длину, способствуетъ улучшенію употребляемой въ питье воды своимъ кислотнымъ и охлаждающимъ вкусомъ. Если разбить довольно твердую шелуху, покрытую сѣроватобурою пленкою, то найдешь бѣлую, сухую, легко растираемую сердцевину, похожую на испеченную

муку и раздѣленную волокнистыми перегородками на 10—12 лопастей. Въ этой сердцевинѣ лежатъ многочисленныя, бурья, почкообразныя зерна; въ водѣ она размягчается и ея главная составная часть, органическая кислота, растворяется. Для приготовления лимонада изъ баобаба отбиваютъ часть шелухи, наливаютъ воды въ оставшуюся цѣлою нижнюю ея половину и мѣшаютъ массу, пока жидкость приметъ крѣпкій кислотатый вкусъ.

Въ одному семейству съ вонючимъ и хлѣбнымъ деревомъ принадлежитъ въ Момбасѣ *Мзуффи* или *хлопчатиковое дерево*, особенно часто встрѣчающееся по близости хижинъ. Оно растетъ, какъ наши ели, веретенообразно, имѣетъ тонкую листву и приноситъ плоды, похожіе формою на плоды баобаба, но въ половину меньше ихъ, содержащіе въ себѣ грубую хлопчатую бумагу, годную только для набиванія матрацовъ.

Животный міръ въ Момбасѣ также существенно отличается отъ Занзибарскаго: онъ представляетъ большую полноту и разнообразіе и нѣсколько новыхъ формъ, не представляя другихъ, свойственныхъ Занзибару. Разсмотрѣніе низшихъ животныхъ, особенно насѣкомыхъ, мы отлагаемъ до позднѣйшаго удобнаго случая, когда мы намѣрены поставить ихъ въ связи съ животными всего побережья; здѣсь же мы упомянемъ только о двухъ высшихъ классахъ позвоночныхъ животныхъ, потому что они постоянно попадаются какъ собирателю коллекцій, такъ и мимоходящему путнику. Если мы пойдѣмъ по берегу, или сядѣмъ на неуклюжую туземную лодку и поѣдѣмъ вдоль пролива, то всюду, гдѣ коралловыя скалы оставляютъ мѣсто для песчанаго берега, или гдѣ чудныя мангровыя кустарники роскошно зеленѣютъ и растутъ въ соленой водѣ, найдемъ богатое разнообразіе водяныхъ и береговыхъ птицъ, *ибисовъ*, *турухтановъ*, *зимородковъ* и *цапель*, а иногда и великана *марabu* или какую либо другую птицу изъ породы аистовъ. Точно также маленькіе пруды материка и острова Момбаса далеко не бѣдны птицами; здѣсь встрѣчается красивая *утка нырокъ*, которую мы знаемъ по прудамъ Занзибара, а на деревьяхъ вокругъ ихъ гнѣздятся великолѣпныя *ялуби* разнаго цвѣта и величины. Еще богаче птицами невоздѣланныя полосы материка: красногрудые яблочки (*Euplectes*) порхаютъ здѣсь съ куста на кустъ; на небольшой высотѣ носится *райская птица* (*Didua paradisea* L.), съ трудомъ волооча за собою украшеніе своего длиннаго хвоста; въ густой травѣ лежатъ спрятавшіяся *курочки* и *франколины* (*Turdix* и *Francolinus*), а высоко въ воздухѣ раздается громкое щebetанье *разныхъ породъ ласточекъ* (?). Но самыя прелестныя птицы встрѣчаются по близости человѣческихъ жилищъ. Въ окрестныхъ лѣсахъ живутъ красивыя маленькіе *попуаи*, тѣмъ болѣе обращающіе на себя вниманіе, что въ Африкѣ вообще рѣдко встрѣчаются попугая. Если войдѣшь въ селеніе, то услышишь на вершинахъ кокосовыхъ пальмъ громкое щebetанье и чириванье; черныя и желтыя птички, подобно трудолюбивымъ пчеламъ, безпрестанно слетаютъ съ странной формы гнѣздъ и влетаютъ въ нихъ: это *птицы ткачи* (*Ploceus*),

въ нѣкоторой степени африканскіе представители нашихъ воробьевъ, хотя и эти послѣдніе также водятся въ Африкѣ. Вверху, на самыхъ наружныхъ концахъ качающихся вѣтвей, привѣсили они къ полому стеблю свои удивительныя гнѣзда, плетеные шары съ узкимъ входомъ внизу. Въ нихъ высиживаютъ они свои яйца и выращиваютъ своихъ дѣтенышей, обезпеченныхъ отъ всѣхъ враговъ. Гнѣзда эти вьютъ они всегда обществами, а не отдѣльно, такъ какъ уединеніе для нихъ, такъ же, какъ и для нашихъ воробьевъ, невыносимо.

Здѣсь вьеть также гнѣзда не менѣе часто встрѣчающаяся птица, дерзкій воръ и хищникъ, какъ показываетъ уже самое ея имя, *ястребъ паразитъ* (*Milvus parasiticus* Daud.), встрѣчающійся отъ Египта и Аравіи до Мадагаскара и далѣе до Евинги, въ лѣсахъ, степяхъ и на горахъ, но преимущественно вблизи человѣческихъ жилищъ. Въ восточной Африкѣ, по крайней мѣрѣ въ прибрежныхъ мѣстностяхъ, онъ приноситъ большую пользу: пожираетъ падаль и разныя нечистоты и насыщается ими до того, что не имѣетъ нужды дѣлаться хищникомъ. Но во внутреннихъ странахъ онъ иногда бываетъ въ высшей степени назойливъ и дерзокъ, и, такъ сказать, вырываетъ у человѣка кусокъ изъ рта; но всего рѣзче проявляется его натура, вырабатываемая нуждою и недостаткомъ пищи, въ странахъ Краснаго моря, въ Египтѣ, Нубіи и Абиссиніи. Здѣсь наблюдалъ его *Бремъ* во время своего путешествія въ *Габезъ*; мы сознаемся, что не въ состояніи дать лучшую характеристику этой «птицы космополита», чѣмъ какую представилъ знаменитый этотъ изслѣдователь; «ястребъ паразитъ», говоритъ *Бремъ*, «самая дерзкая и назойливая птица изъ всѣхъ, которыхъ только я знаю. Въ сравненіи съ нимъ *воробей* очень приличенъ и честенъ. Ни одно животное не заслуживаетъ этого имени болѣе, чѣмъ эта хищная птица. Она живетъ и въ населенныхъ мѣстностяхъ, селится на пальмѣ въ садахъ, и на вершинахъ минаретовъ; она бываетъ ежедневнымъ гостемъ на дворѣ и ее точно также всегда можно встрѣтить на верху кровли, какъ у насъ *воробья*. Но воробей по крайней мѣрѣ избѣгаетъ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностей, тогда какъ ястреба паразита можно встрѣтить всюду».

«Это то именно вездѣприсутствіе и дѣлаетъ его надѣдливымъ и ненавистнымъ. Отъ его пронизательнаго глаза ничто не ускользаетъ. Заботливо наблюдаетъ онъ за дѣйствіями людей, и, благодаря тѣснымъ сношеніямъ своимъ съ ними, онъ достигъ рѣдкаго для животныхъ пониманія человѣческихъ занятій. Онъ непремѣнно слѣдуетъ за *овцою*, которую ведутъ на убой, летитъ на встрѣчу рыбакамъ, возвращающимся съ ловли рыбы, а на отправляющихся на ловлю не обращаетъ вниманія. Онъ является даже на корабли, когда тамъ убиваютъ какое нибудь животное; онъ первый посѣтитель лагерныхъ стоянокъ, первый гость около падали. Можно даже сказать, что онъ съ торжествомъ наблюдаетъ за умирающимъ животнымъ. Отъ него не безопасенъ ни одинъ кусокъ мяса; съ соколиною ловкостью соединяется въ немъ наглость, а съ его алчностью глубокое изученіе человѣческихъ привычекъ. Какъ будто бы безучастный, сидитъ онъ на деревѣ по близости мѣста убоя животныхъ или на кровлѣ дома, ближайшаго къ мясной лавкѣ; онъ по видимому едва обращаетъ вниманіе на лакомую пищу: но вотъ

приходить покупатель, и онъ въ одно мгновеніе оставляетъ свой наблюдательный постъ и начинаетъ кружиться надъ нимъ, надѣясь найти случай попировать на его счетъ. Горе неосторожному, который, по обыкновенію, несетъ домой мясо на головѣ въ корзинкѣ или на лоткѣ: онъ даромъ потратилъ свои деньги. Я самъ видѣлъ, какъ ястребъ схватилъ два фунта мяса изъ корзинки, которую Суданецъ несъ на головѣ, и унесъ этотъ кусокъ, не смотря на всѣ его ругательства. Дерзость этого паразита дѣйствительно потѣшна. Въ Умгуллу нашъ поваръ разрѣзалъ, на стоящемъ на дворѣ ящикѣ, зайца на части; въ это время его позвали, онъ обернулся назадъ, и въ ту же минуту одинъ изъ кусковъ былъ уже въ когтяхъ паразита. Я не разъ видалъ также, какъ эта птица таскала рыбу изъ рыбацкихъ лодокъ, хотя хозяинъ рыбы старался всѣми мѣрами отогнать безсовѣстнаго паразита. Онъ буквально воруетъ вещи изъ рукъ у людей».

«Впрочемъ эта птица кормится не отъ одного только человѣка, а беретъ свою пошлину и съ другихъ животныхъ. Я твердо убѣжденъ, что большіе благородные соколы и орлы ни одно животное не ненавидятъ въ такой степени, какъ этого паразита ястреба. Зоркая эта птица слѣдитъ не только за дѣйствіями человѣка, но и за дѣйствіями своихъ собратій. Лишь только одинъ изъ гордыхъ хищниковъ пріобрѣтетъ себѣ добычу, какъ его окружаетъ назойливая стая этихъ попрошаекъ. Съ крикомъ устремляясь на него, ястребы преслѣдуютъ его, и чѣмъ жарче бываетъ охота, тѣмъ больше число преслѣдователей. Тяжелая ноша въ когтяхъ мѣшаетъ соколу летѣть съ обыкновенною его быстротою, и потому ястребы постоянно слѣдуютъ за нимъ по пятамъ. Благородный соколъ слишкомъ гордъ для того, чтобы выносить долгое время такое презрѣнное попрошайничество; онъ скоро бросаетъ жаднымъ противникамъ свою добычу, предоставляет алчной стаѣ драться промежду себя, а самъ послѣдуетъ назадъ на мѣсто охоты и ищетъ другой добычи. На озерѣ Мензалехъ я видѣлъ, какъ нашъ *перелетный соколъ* (*falco peregrinus* L.) въ нѣсколько минутъ поймалъ четыре дикихъ утки и съ сердцемъ бросилъ ихъ ястребамъ; только съ пятою уткою онъ улетѣлъ прочь. *Кориуны* также ненавидятъ этого паразита. Онъ постоянно летаетъ вокругъ пирующей ихъ стаи и ловко хватается каждый кусокъ мяса, отлетающій прочь при послѣдномъ разрываніи и пожираніи добычи этими хищниками. Собаки ворчатъ и бросаются на него, какъ только онъ покажется, хорошо зная, что птица эта имѣетъ поползновеніе раздѣлить съ ними каждый кусокъ мяса, который такъ трудно имъ достается».

«Этотъ ястребъ встрѣчается обыкновенно большими стаями; попарно его можно видѣть только на его гнѣздѣ. Надъ бойнями большихъ городовъ онъ вьется иногда стадами въ 50—60 штукъ; но я никогда не видалъ, чтобы онъ, подобно *царскому ястребу* (*Milvus regalis* Briss), собирался по вечерамъ передъ стадами по нѣскольгу сотъ штукъ.

Между млекопитающими мы не встрѣчаемъ милаго, ночнаго занзибарскаго *галаю*, но здѣсь впервые мы замѣчаемъ настоящихъ *обезьянъ*, маленькихъ, дерзкихъ, длиннохвостыхъ животныхъ, во всякое время дня забавляющихъ путника на опушкѣ дѣвственнаго лѣса своими смѣшными прыжками. Къ сожалѣнію, мы

не можемъ обозначить ихъ названія, такъ какъ шкурки убитыхъ здѣсь экземпляровъ у насъ пропали; но мы едва ли ошибемся если отнесемъ ихъ къ породѣ *Cercopithecus griseo-viridis* Desin.

Малорослая антилопы и здѣсь встрѣчаются въ удобныхъ для нихъ мѣстахъ, разумѣется за исключеніемъ той породы, которая свойственна исключительно Занзибару. Туземные пріятели часто дарятъ путешественнику такихъ животныхъ. Сначала его интересуютъ эти милыя творенія, столь невинно и довѣр-

Береговой ландшафтъ на восточномъ берегу острова Занзибара: малорослая антилопы, пандановый кустарникъ и казуариновое дерево.

чиво смотрящія на него своими чудными темными глазами, отводитъ имъ самый лучшій уголь комнаты и забавляется ихъ красивыми прыжками, ихъ прогрессивнымъ прирученіемъ. Онъ не обращаетъ вниманія на то, что новые сожители без-

покоять его ночью, потому что они слишком милы, чтобы на них можно было сердиться. Но уже через нѣсколько дней радость его отравляется: смышленные глаза животного застилаются, рѣзвость исчезаетъ, животное часто ложится, и, рано или поздно, околовѣаетъ въ темномъ углу. Любителя животныхъ огорчаетъ внезапная смерть его любимца. Еще разъ или два дѣлаетъ онъ такой же опытъ, потомъ на всегда отказывается держать этихъ животныхъ къ комнатѣ, не желая испытывать горести скорой разлуки съ ними.

Болѣе удовольствія доставляетъ держать у себя *дикобраза* (*Hystrix cristata h.*), котораго Суахелійцы называютъ *нунви* и который нерѣдко встрѣчается въ поляхъ мафуты или кунжута. Хотя онъ не имѣетъ веселаго характера, а напротивъ угрюмъ и неуглоужъ, но все-таки онъ одно изъ самыхъ занимательныхъ животныхъ. Онъ не сразу привыкаетъ къ жизни въ неволѣ, злобно хрюкаетъ, когда подходитъ къ нему человекъ, оцетиниваетъ свои длинныя полосатыя иглы, быстро стучитъ особеннымъ, похожимъ на кастаньеты, аппаратомъ, находящимся на короткомъ, жирномъ хвостѣ, и, въ безсильномъ гнѣвѣ, дрожитъ съ головы до ногъ. Если же дотронуться хотя только до самой крайней изъ его иглокъ, то его хрюканье обращается въ настоящій громъ и стукъ; при этомъ онъ поднимаетъ заднюю ногу и бьетъ ею о землю, какъ капризное дитя или какъ упрямый человекъ. Но этимъ онъ только подстрекаетъ насмѣшника-человѣка къ новымъ нападеніямъ, такъ какъ каждому забавно наблюдать въ животномъ такое чисто человѣческое проявленіе гнѣва.

Разсмотримъ содержащагося въ неволѣ дикобраза нѣсколько ближе. Онъ спрятался въ уголь и держитъ себя смирно, отворачиваетъ отъ насъ свою голову и поворачивается туловищемъ, все еще дрожащимъ отъ возбужденія и страха. Колочки или «иглы» дикобраза, сидятъ *по одиночку* въ сосочкообразныхъ возвышеніяхъ на черной, гладкой, блестящей отъ жира кожѣ животного. На головѣ онѣ невелики, гибки и тонки, какъ вязальныя иглы, но потомъ, на концѣ хвоста, переходятъ въ тонкія трубочки, длиною въ палець, похожія на толстыя сплюснутыя стволы перьевъ. Наружный видъ иглъ довольно общеизвѣстенъ. Внутренность ихъ наполнена мяскою, бѣлою сердцевиною, раздѣленною на звѣздчатыя клѣточки; плотность ихъ, незначительная въ свѣжемъ состояніи, обуславливается наружнымъ цвѣтнымъ слоемъ. Самая эта мягкость «стрѣлъ» дикобраза дѣлаетъ невѣроятнымъ, чтобъ онѣ могли быть бросаемы имъ какъ опасное оружіе, — какъ думаютъ всюду въ Африкѣ, а часто даже и въ Европѣ. То же самое оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи: игла не сидитъ ни въ какой трубочкѣ, изъ которой бы она могла быть выбрасываема посредствомъ сжатого воздуха, и нижній ея конецъ слишкомъ мягокъ для того, чтобъ она могла быть спускаема посредствомъ особыхъ мускуловъ животного такъ, какъ спускается изъ пальцевъ гладкое вишневое зерно. Мы, конечно, можемъ понять это, но въ туземцахъ не такъ-то легко разсѣять опасенія, и они держатся постоянно на почтительномъ разстояніи отъ животного. Поводомъ къ возникновенію этой басни о «стрѣльбѣ иглами» были вѣроятно: легкое выпаданіе иголь, бѣганье дикобраза бокомъ и его привычка всегда поворачиваться къ наблюдателю задомъ. Что можетъ быть есте-

ствениѣе, когда увидишь, что злобно хрюкающее и стучающее животное, вооруженное здоровыми зубами, вдругъ поварачивается задомъ и остается въ этомъ положеніи, какъ не то предположеніе, что это положеніе есть самое удобное для защиты, и что его оружіе составляетъ острая колючка или стрѣла?

Дикобразъ, на картинномъ языкѣ Арабовъ называемый *отцежъ шиповъ*, распространенъ по всей Африкѣ, но встрѣчается, вѣроятно завезенный Римлянами, и въ Италиі. Образъ жизни его чисто ночной; потому путешественнику и охотнику рѣдко приходится встрѣчать его на волѣ. Любитель животныхъ съ удовольствіемъ платитъ по талеру и больше, чтобы достать себѣ такаго страннаго сожителя, принимаетъ необходимыя мѣры для ухода за нимъ, бережетъ его, безпрестанно ворчащаго, въ безопасномъ мѣстѣ и заранѣе наслаждается удовольствіемъ, которое доставитъ ему животное, когда сдѣлается ручнымъ. Но уже въ тотъ же день оказываются его темныя стороны. Когда сдѣлается темно и утомленные люди погружаются въ глубокой сонъ, дикобразъ начинаетъ ворочаться въ своей конурѣ, находить ее слишкомъ тѣсною, ищетъ выхода наружу и умѣетъ найти его, или процарапывая лазейку своими здоровыми когтями, или же прогладывая ее острыми зубами. Достигнувъ свободы, онъ начинаетъ «рекогносцировку мѣстности», взбѣгаетъ и сбѣгаетъ по лѣстницѣ, пробѣгаетъ черезъ всѣ мѣста, которыя находятъ открытыми, и наконецъ попадаетъ въ спальню своего господина. Тамъ бѣгаетъ онъ нѣкоторое время, не натыкаясь ни на какое препятствіе, но наконецъ попадаетъ подъ китанду, на которой спитъ хозяинъ; концы его иголь зацѣпляются за нижнюю сторону матраца, и маленькій кобольдъ, полагая, что его кто-нибудь тронулъ, поднимаетъ ужасный шумъ, гремитъ иглами и своими хвостовыми гремушками и неистово стучитъ ногою по полу. Спящій пробуждается, слышитъ въ полудремотѣ ужасный шумъ, и, думая, что къ нему забрался злой врагъ, сначала не смѣетъ и шевелиться, но наконецъ понимаетъ, что его напугалъ дикобразъ. Тогда зажигаетъ онъ подъ руками стоящую свѣчу и кличетъ спящаго у двери «мальчика». Оба они усердно дѣйствуютъ палками, стараясь прогнать не прошеннаго гостя; но онъ, какъ и всегда, когда бываетъ замѣченъ, прячетъ свою морду въ уголъ, не трогается съ мѣста и все болѣе и болѣе злится. Наконецъ, можетъ-быть побужденный ударомъ съ боку, онъ считаетъ за лучшее уступить и съ быстрою вѣтра бѣжитъ по комнатѣ къ двери, гдѣ встрѣчаютъ его собравшіеся въ это время слуги, которые не безъ труда загоняютъ его въ старое жилище и снова заснуровываютъ его тамъ.

Большихъ млекопитающихъ, въ томъ числѣ и *бегемотовъ*, около Момбаса не встрѣчается. Послѣдніе, кажется, вообще очень разборчивы на счетъ своего мѣстопробыванія, такъ какъ ихъ можно встрѣтить только на нѣкоторыхъ пунктахъ побережья, тогда какъ на другихъ, повидимому представляющихъ такія же удобства относительно обилія воды и хорошихъ убѣжищъ, ни за что не встрѣтишь.

Население Момбаса содержитъ въ себѣ менѣе чужеземцевъ (Арабовъ и Индійцевъ), представляетъ менѣе наплыва невольниковъ изъ разныхъ племенъ, однимъ словомъ первобытнѣе и однороднѣе, чѣмъ население Занзибара. Но это не значить, что здѣшнее население имѣетъ болѣе единичное происхождение: оно, напротивъ, произошло изъ смѣшенія разнороднѣйшихъ составныхъ частей, только это смѣшеніе произошло уже давно и съ тѣхъ поръ подверглось только незначительнымъ измѣненіямъ. Кромѣ того, прежняя политическая изолированность Момбаса сохранила въ его жителяхъ первоначальные ихъ обычаи въ большей чистотѣ, способствовала развитію многихъ особенностей въ обычаяхъ и нарѣчіи, равно какъ и развила извѣстное чувство сродства и любовь къ свободѣ и независимости, которой не знаетъ безхарактерный Занзибаръ, гдѣ всегда равнодушно смотрѣли на перемѣну властителей.

Нѣсколько столѣтій тому назадъ, когда островъ былъ еще необитаемъ, пришли люди изъ Шираза и укоренились въ Момбасѣ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились чужеземцы другаго происхожденія съ рѣкъ Килези и Оси, изъ Малинди, Патты и даже изъ земли Сомали. Они основали небольшіе города и стали въ хорошія отношенія къ первымъ поселенцамъ, но жили большею частію племенами или родами — каждое племя на особой территоріи, отдѣльно отъ другихъ. Въ настоящее время число всѣхъ жителей Момбасской территоріи простирается до 6000, по три тысячи на островѣ и на материкѣ. По своему происхожденію они раздѣляются на двѣнадцать родовъ подъ управленіемъ столькихъ же шейховъ. Но многіе изъ этихъ родовъ существуютъ только номинально или такъ слабы, что должны были соединиться съ другими; точно также рѣзкія различія во внѣшности и въ обычаяхъ большею частію сгладились, такъ что теперь можно различить только два большіе отдѣла — *Вамвита* (называемые такъ по суахелійскому названію острова и города Мвита) и *Вакилиндини* (по имени значительнаго прежде города Килиндини, на противоположномъ берегу острова. Къ первымъ принадлежатъ девять племенъ, а къ послѣднимъ только три, но, несмотря на то, послѣдніе гораздо многочисленнѣе первыхъ. Изъ Вамвита къ арабскому типу всего ближе подходятъ *Ванатта* и *Ваназа*, а между Вакилиндини — *Ваджешамуз* и *Ватана*, которые большею частію свѣтлѣе кожу, чѣмъ сами Арабы, сильно напоминаютъ о своемъ персидскомъ происхожденіи. Вакилиндини въ тѣсномъ смыслѣ имѣютъ довольно темные цвѣтъ, сильно развитыя губы, нѣсколько выдающіяся челюсти, небольшую бороду и немного курчавые волосы, — вообще же строеніе ихъ не безобразно, лобъ благородный и носъ маленькій, почти прямой, съ широковатыми ноздрями. Но такія различія замѣтны только главнымъ образомъ въ первыхъ родахъ каждаго племени, а въ «народѣ» почти совсѣмъ исчезаютъ.

Кромѣ этихъ самыхъ раннихъ поселенцевъ надо упомянуть еще о 40—50 Индійцахъ и о сорока почти арабскихъ семействахъ, насчитывающихъ до 250 человекъ. Если уже въ Занзибарѣ арабское вліяніе было незначительно, по крайней мѣрѣ относительно строгости мусульманскаго образа жизни, то въ Момбасѣ, при сильномъ преобладаніи Суахелійцевъ, оно проявляется еще менѣе. Правда, женщины высшихъ классовъ ходятъ внѣ дома съ закрытымъ лицомъ, но внутри

дома нисколько не стѣсняются и не изолированы отъ внѣшняго міра. Къ сожалѣнію, большая свобода оказала невыгодное вліяніе на нравственность: дамы момбасскіе чрезвычайно кокетливы и не считаются образцомъ супружеской вѣрности; всѣ онѣ (разсказывающій объ этомъ *Гиллэнз* не исключаетъ даже и свою собственную жену), когда ихъ мужья находятся въ отсутствіи, въ пятомъ часу вечера (по нашему счету въ 11 часовъ), выходягъ изъ своихъ жилищъ испытать счастья. Родители въ Момбасѣ оказываютъ своимъ дѣтямъ нѣжную любовь и пользуются отъ нихъ высокимъ уваженіемъ и почтеніемъ; они заботливо воспитываютъ ихъ, по крайней мѣрѣ по мусульманскимъ понятіямъ, но къ сожалѣнію слишкомъ рано прекращаютъ дисциплину надъ ними, такъ что едва подростіе юноши скоро портятся отъ дурныхъ примѣровъ.

Гораздо многочисленнѣе, чѣмъ Вамвита и Вакилиндина, принадлежащіе также къ момбасской территоріи, *Ваника*, первые «дикари», которыхъ мы встрѣчаемъ въ этой области. Мы подробнѣе рассмотримъ ихъ нравы и воззрѣнія, противъ которыхъ 20 лѣтъ напрасно боролись миссіонеры, ниже, когда посѣтимъ ихъ селенія.

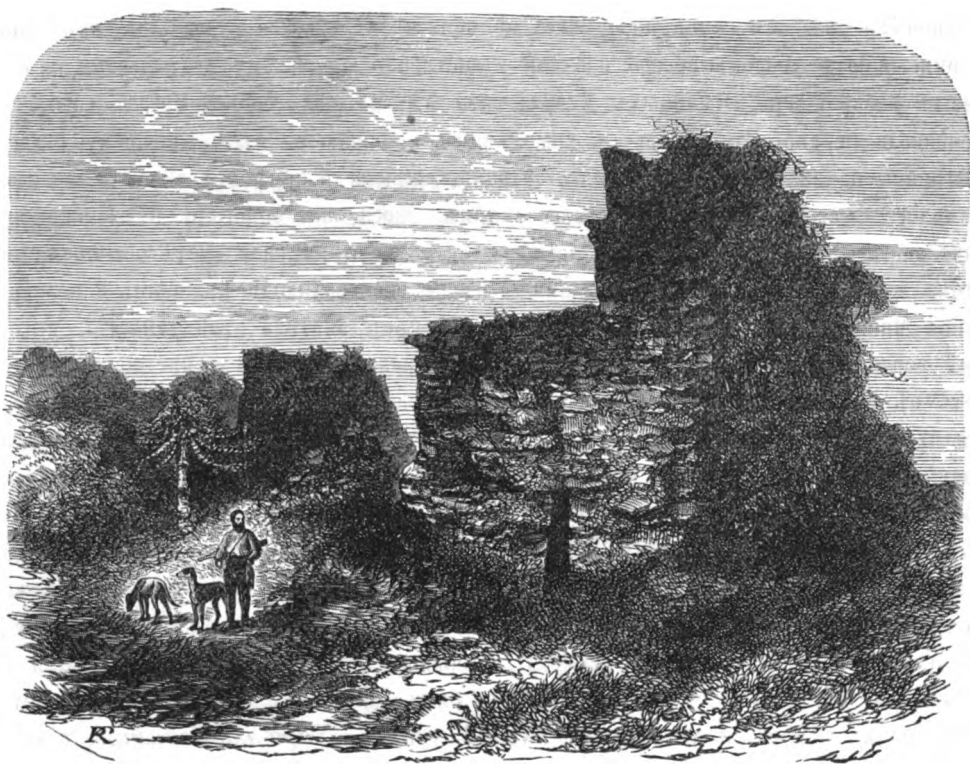
Къ своимъ прежнимъ властителямъ, *Мсарамз*, которые хвалятся персидскимъ своимъ происхожденіемъ, жители стояли въ наилучшихъ отношеніяхъ. Властитель сносился съ своими подданными не непосредственно, а съ шейхами племени черезъ визиря, который при собраніяхъ старѣйшинъ садился на лѣвую его сторону. Мсары были кротки, вели простой образъ жизни и по наружности отличались отъ другихъ только цвѣтомъ своей чалмы. Они покрывали всѣ расходы для блага страны изъ своего собственного кармана и получали незначительную подать, — по нѣскольку фунтовъ зерноваго хлѣба съ каждаго невольника, — которая была достаточна для покрытія потребностей только въ мирное время. Недостающее они добывали торговлею и пользованіемъ нѣкоторыми своими привилегіями: они выговаривали себѣ право перекупки при торговлѣ слоновою костью, обладали правомъ рыбной ловли и обложили всѣ корабли нѣкотораго рода оброкомъ, т. е. могли нагружать на каждый изъ нихъ часть своихъ товаровъ за небольшое вознагражденіе. Солдаты брали какъ Суахелійцевъ, такъ и изъ Ваника; въ войскѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ эмира, насчитывалось въ мирное время около 1500 человекъ.

Иной видъ приняло правленіе при *Сеидъ-Саидъ*. Онъ назначилъ *коменданта надъ фортомъ, намѣстника, кади* или судью (на самомъ дѣлѣ этихъ судей трое), а посредниками въ сношеніяхъ своихъ съ подданными — *трехъ шейховъ*, одного для Арабовъ, другаго для Вамвита, а третьяго для Вакилиндина. Если жители хотѣли обратиться за чѣмъ-либо къ султану, то должны были обращаться прежде всего къ своему представителю, который сообщалъ дѣло коменданту, а если онъ не считалъ себя въ правѣ рѣшить его, — къ самому султану. Когда шейхи были избраны, то потребовали, въ вознагражденіе за свои труды, свободы отъ пошлинъ, но Саидъ предпочелъ оставить на нихъ обязанность вно-

силь пошлыны и дать имъ восемьсотъ долларовъ за управленіе. Впослѣдствіи, когда убитъ былъ одинъ баніанъ и не могли открыть злодѣя, султанъ уменьшилъ эту сумму, а потомъ сокращалъ ее подъ различными предлогами болѣе и болѣе, такъ что содержаніе шейховъ теперь равняется только 300 долларовъ, стало-быть по сту на каждаго. Кромѣ того, султанъ обладалъ правомъ *набирать войска*, не требуя впрочемъ оружія и снарядовъ для стрѣльбы, и взимать пошлину съ вывозимыхъ товаровъ. Всѣ эти учрежденія были хороши и пріятны,—не нравился только способъ взиманія пошлинъ. Въ самомъ дѣлѣ, представители главнаго занзибарскаго баніана много вредили общественному благосостоянію: они забирали хитростью небольшое количество находящихся въ обращеніи денегъ и навсегда увозили ихъ въ Индію. Съ этими бережливыми, ловкими и хитрыми Индійцами Арабы не могли тягаться; ихъ цвѣтущая морская торговля упала и они съ каждымъ годомъ бѣднѣли. Этому конечно немало способствовали еще и хищныя внутреннія племена, дѣлавшія не безопасными караванные пути и вносившія грабежи и убійства даже въ самое побережье; но обитатели Момбаса судятъ не такъ. Они приписываютъ упадокъ своего племени единственно арабскому владычеству и желаютъ возвращенія изгнанныхъ Мсаръ; даже тѣ, которые своимъ предательствомъ произвели переворотъ, теперь съ сожалѣніемъ обращаются къ прошедшему. Всюду слышишь похвалу мудрости и силѣ, рыцарственности и щедрости властителей изъ фамиліи Мсаръ; слышишь рассказы о томъ, какъ они помогали нуждающимся, какъ обрѣзывали дѣтей бѣдныхъ людей и устраивали на свой счетъ обычные при этомъ празднества; слышишь преданія и пѣсни, восхваляющія храбрость и великодушіе Мабрука, защитника Пембы, послѣдняго представителя этой династіи, который гордо отвергъ заманчивыя предложенія арабскаго султана и предпочелъ умереть въ бѣдности, но не продать титула, который онъ носилъ по праву. Но такія чувства и заявленія не опасны: знатнѣйшіе и предпримчивѣйшіе изъ Мсаръ погибли въ изгнаніи, а изъ прочихъ никто не имѣетъ мужества и умѣнья начать борьбу противъ владычества Арабовъ.

Городъ Момбасъ тянется къ сѣверу отъ форта на протяженіи 1200—1500 шаговъ въ длину по берегу и распадается на два квартала: на лежащей ближе къ укрѣпленію и окруженный съ трехъ сторонъ стѣною кварталъ *Гавана*, въ которомъ не много каменныхъ домовъ, а больше плохихъ хижинъ изъ жердей и глины, съ угловатыми переулками между ними, исключая одну широкую улицу, ведущую къ сѣверу, и на большой старый городъ, *Хара-эль-Кедиме*, съ еще меньшимъ количествомъ значительныхъ зданій. Въ Момбасѣ замѣчательны только нѣкоторые остатки португальскихъ *домовъ, церквей или монастырей* въ Гавана, частію лежащихъ въ развалинахъ, частію же надстроенныхъ и служащихъ жилищами для скота и людей; далѣе — *кладбище Мсаръ*, лежащее въ открытой части Гавана, ближе къ укрѣпленію, и содержащее простыя, покрытыя надписями (25) гробницы всѣхъ властителей изъ этой знаменитой фамиліи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ погребенныхъ въ Занзибарѣ; наконецъ подземная *галлерей для высадки*, новѣйшаго происхожденія—временъ англійскаго владычества, и около нея, на берегу, высѣченная въ скалахъ *купальня*.

Чтобы отыскать другія достопримѣчательности, мы должны выйти изъ города и осмотрѣть берега острова. Обратимся сначала къ югу, къ кресту, который прежде всего бросается въ глаза приближающемуся мореходцу. Дорога очень трудна, какъ по водѣ, потому что въ лодкахъ можно приставать къ крутому берегу только въ извѣстныя времена, — такъ и по берегу, потому что тутъ приходится пробираться сквозь длинную полосу частыхъ тернистыхъ кустарниковъ. Этимъ объясняется то, что эти развалины, можетъ-быть самыя замѣчательныя изъ всѣхъ момбасскихъ развалинъ, столь долго оставались неизвѣстными. Дженъ проложилъ себѣ топоромъ и охотничьимъ ножомъ дорогу сквозь «непроходимую чащу», какъ называетъ ее Бэртонъ, сквозь молочайные и мимозовые тернистые кустарники, перевитые ползучими растениями, конечно не безъ вреда для одежды и собственной кожи; но то, что онъ увидалъ, вознаградило его за все это. Тамъ, кажется, было построено, за четверть мили къ югу отъ форта, полное укрѣпленіе. Теперь

Португальскія развалины около Момбаса.

остался только полуразвалившійся бастионъ, въ формѣ подковы, и сильно поврежденная башня, передъ которою молодое молочайное дерево распростираетъ свои странные сучья, похожіе на ручки канделябры. Въ небольшомъ разстояніи отсюда находится, полузакрытый кустами, входъ къ каменной лѣстницѣ, очевидно тайный выходъ для осажденныхъ. Стѣны сыры, покрыты мохомъ и населены маленькими улитками; онѣ выглядятъ рыхлыми и ненадежными, но скала тверда, и намъ нѣтъ

опасности сойти въ глубину развалинъ. 24 высѣченныя въ камнѣ ступени ведутъ черезъ темный ходъ со сводами къ крутому берегу, о который во время прилива съ шумомъ разбиваются волны. Съ моря этотъ выходъ едва замѣтенъ, даже если заранѣе знаешь его положеніе; еще ни одинъ изъ многихъ приходящихъ и уходящихъ кораблей не видалъ этой двери и не сообщалъ о ея существованіи. Съ площади передъ вышеупомянутою башнею открывается прекрасный видъ на укрѣпленіе, на лежащій за нимъ городъ, на мирную бухту и лѣсистыя высоты на заднемъ планѣ; на югѣ виденъ украшенный крестомъ столбъ на ближайшемъ выступѣ берега.

Гораздо болѣе удобная дорога ведетъ, мимо глубокаго, выложеннаго камнемъ колодезя, къ бухтѣ *Помбараки* (rua ja Mbaraki — носъ Бараки, названный такъ по ея фигурѣ) на югозападѣ острова. Здѣсь, на востокъ отъ бухты, стоитъ *минаретъ*, по преданію, памятникъ одного шейха, котораго племя нѣкогда обладало окрестною странюю. Далѣе къ югу лежитъ въ чащѣ подковообразная *баттарей*, называемая Арабами *Каберасъ*, въ воспоминаніе о носившемъ такое названіе корабль *Сефа бенъ Султанъ бенъ Сефъ*, экипажъ котораго геройски бросился на жаркій огонь орудій и штурмомъ взялъ шанцы. За нѣсколько тысячъ шаговъ къ сѣверозападу отъ другаго берега бухты находятся болѣе позднія развалины нѣкогда цвѣтущаго города *Килиндини*. Уцѣлѣла только одна развалившаяся мечеть, да и она, при плохомъ арабскомъ способѣ постройки, устоитъ не долго. Килиндини былъ покинутъ жителями въ 1837 году, послѣ того какъ войска Сеидъ-Саида разрушили одну часть его: такимъ образомъ 24 лѣтъ было достаточно для того, чтобы сравнять арабскій городъ съ вѣковыми постройками Португальцевъ!

Точно также безъ труда можно добраться до *Макуны*, крѣпостцы, построенной Португальцами и возобновленной Арабами, которая лежитъ на сѣверозападѣ острова. Здѣсь, какъ говорятъ, высадился Сеидъ-Саидъ въ то время, когда принялъ въ свое владѣніе островъ; теперь здѣсь живутъ нѣсколько Белуджей для наблюденія за приходящими съ материка на рынокъ торговцами. Декенъ тщательно изслѣдовалъ это зданіе, но нашелъ только одинъ рельефъ на стѣнѣ большой комнаты съ стершеюся надписью, изъ которой можно было разобрать только первую букву Н. Два другія небольшихъ форта, неподалеку, сохранились еще менѣе.

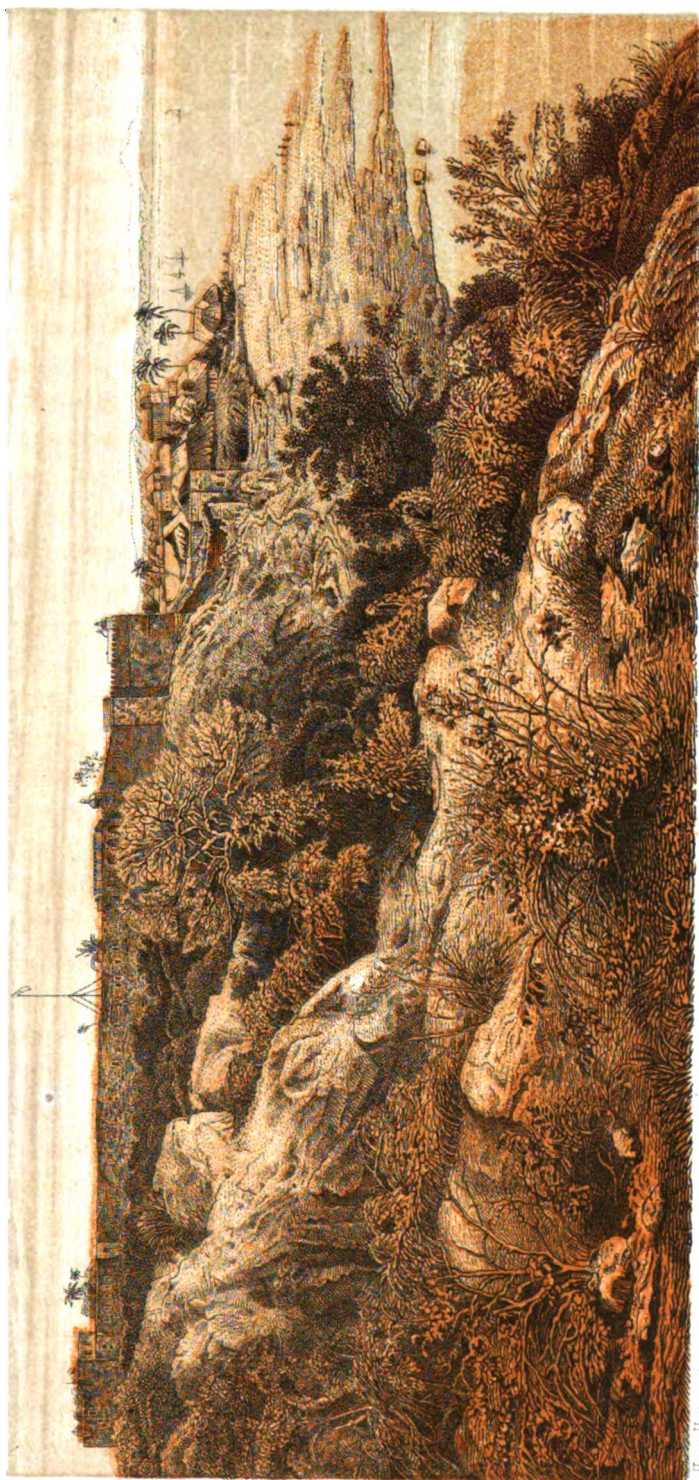
Между Помбараки и первымъ посѣщеннымъ бастиономъ есть еще, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ оборонительныхъ построекъ, обширныя развалины инаго вида, которыя можно считать остаткомъ значительнаго зданія; дѣйствительно, на старыхъ португальскихъ картахъ здѣсь обозначена *капелла Nossa Senhora da Esperanza*—церковь Богоматери, нашей надежды.

На островѣ можетъ-быть есть еще много другихъ замѣчательныхъ памятниковъ, но они остались неизвѣстными по причинѣ недоступности мѣста, покрытаго густымъ лѣсомъ и кустарниками.

Несмотря на солнечный зной, Декенъ немедленно вышелъ на берегъ и передалъ начальнику таможенныхъ сборовъ рекомендательныя письма, данныя ему Луддою. Онъ хорошо сошелся съ баніаномъ, такъ какъ тотъ зналъ обычаи европейцевъ и даже говорилъ немного по-англійски, и получилъ отъ него наиболѣе важныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и о значительнѣйшихъ лицахъ города.

Послѣ полудня путешественникъ посѣтилъ немедленно крѣпости. Пройдя нѣсколько шаговъ отъ таможенного дома, онъ очутился передъ большими воротами крѣпости. Тутъ вышелъ къ нему на встрѣчу старый тангаи съ наскоро собранною свитою изъ сотни знатнѣйшихъ Арабовъ, весьма ласково привѣтствовалъ его и ввелъ въ назначенную для приѣма баразу. Эта баразъ есть не что иное, какъ жалкое строеніе, состоящее изъ двухъ низкихъ каменныхъ стѣнъ съ каменными скамьями по бокамъ, покрытое макути, но въ ней не разъ рѣшалась судьба Момбаса: здѣсь въ 1785 года смѣлый эмиръ *Азмедъ* явился предъ собравшимися начальниками города одинъ и безъ оружія, и спросилъ, держатся ли они имама или же отложились отъ него, на что тѣ, пораженные такою смѣлостью, отвѣчали изъявленіемъ преданности и составили объ этомъ актъ; здѣсь въ концѣ 1823 года собрались Мсары, когда имамъ съ своимъ войскомъ приближался, грозя уничтожить ихъ, и умоляли Англичанъ принять ихъ подъ свое покровительство, передавая чужеземцамъ, чуждымъ имъ по религіи и нравамъ, верховное владычество надъ своею областью, лишь бы только не попасть въ руки ненавистныхъ оманцевъ; здѣсь наконецъ въ 1837 году лживый Сеидъ-Халидъ по порученію Сеидъ-Саида захватилъ главныхъ вождей фамиліи Мсаръ, заманивъ ихъ лъстивыми словами на совѣщаніе, заключилъ ихъ въ оковы и увезъ на погибель.

Зданіе было по праздничному убрано для приѣма: на каменныхъ скамьяхъ красовались изящно сплетенныя цыновки, а на почетныхъ мѣстахъ — персидскіе ковры и шелковыя подушки. Когда усѣлись по мѣстамъ, явились слуги съ кофе и шербетомъ и съ кукую или пѣнковою трубкою. Путешественнику еще впервые предлагали такую трубку, но онъ отказался отъ нея и закурилъ свою сигару. Тангаи увѣрилъ его, что онъ, вслѣдствіе полученнаго письма, сдѣлаетъ все, удобное путешественнику, но что и этого письма не было нужно, такъ какъ онъ въ высшей степени уважаетъ бѣлыхъ и въ особенности любитъ его, какъ своего брата; онъ простеръ свою любезность до того, что, когда Декенъ во время разговора залюбовался на богато украшенное серебромъ съ насѣчками ружье одного изъ присутствовавшихъ Белуджей, то онъ заставилъ его, несмотря на двукратный отказъ, принять это ружье въ подарокъ. Нашъ путешественникъ, уже знавшій невыгоду такихъ подарковъ и поставившій себѣ разъ навсегда за правило отдаривать за полученное только равноцѣнною вещью, спросилъ присутствовавшего тутъ баніана, сколько стобитъ это ружье, и передалъ подарившему назначенную баніаномъ цѣну въ 25 талеровъ. Тангаи взялъ деньги съ весьма любезною миною, но въ душѣ почувствовалъ вѣроятно нѣкоторое разочарованіе, такъ какъ онъ конечно надѣялся сдѣлать выгодную аферу. Тангаи, какъ описывалъ его еще *Гиллэнъ*, — старый темнаго цвѣта Белуджъ, величественнаго роста, съ прекрасными манерами; его бѣлая борода придаетъ ему нѣчто почтенное, такъ

Иван Чудановъ

ГОРОДЪ и КРѢПОСТЬ МОМ. БАСЪ

ст. Юго-Запада

что, еслибы у него на боку не было палаша, то его можно бы было скорѣе принять за благочестиваго хаджи, чѣмъ за суроваго воина. Свое искусство деликатно попрошайничать онъ уже при Гиллэнѣ выказалъ въ высокой степени и тѣмъ далъ французскому капитану матеріалъ для весьма забавныхъ анекдотовъ. Но, несмотря на это, съ старымъ джеммедаромъ можно имѣть дѣло,—онъ вовсе не таковъ, какъ описывали его другіе: вовсе не «грубый, коварный человѣкъ, жалящій отнять у путешественника его револьверы и ружья.»

Декенъ уже распрошала съ вѣжливымъ джеммедари, какъ ему пришло въ голову осмотрѣть и *внутренность крѣпости*. На его вопросъ тангаи, по небольшомъ размышленіи, изъявилъ готовность самъ сводить его туда, и просилъ подождать только нѣсколько минутъ, пока онъ приметъ необходимыя мѣры. Путешественникъ былъ обрадованъ и удивленъ, что получилъ это дозволеніе такъ легко, потому что со времени занятія форта Арабами такого дозволенія не давалось ни одному европейцу, ни англійскому адмиралу Троттеру, ни капитанамъ Бартону и Спикю, ни британскимъ мореплавателямъ. Онъ сомнѣвался на счетъ того, чѣмъ объяснить такую готовность,—тѣмъ ли, что запрещеніе простиралось только на офицеровъ (тангаи, разумѣется, не могъ знать, что Декенъ былъ въ военной службѣ), или тѣмъ, что въ письмахъ Сеидъ-Маджида заключалась особенная рекомендація. Какъ бы то ни было, онъ принялъ это дозволеніе съ благодарностью, но просилъ любезнаго старика, которому очевидно трудно было ходить по лѣстницамъ, не трудиться сопровождать его, а поручить это одному изъ своихъ подчиненныхъ. Дорога вела черезъ толстостѣнную башню съ крѣпкими, обитыми желѣзомъ, воротами, надъ которыми поставлена вышеупомянутая таблица.

Два орудія защищаютъ входъ, другія два обстрѣливаютъ извивающуюся въ башнѣ дорогу. Оставивъ позади себя эти мало опасныя орудія, очутишься внутри крѣпости. Здѣсь видъ довольно пустынный: нѣсколько каменныхъ домовъ и порядочное количество глиняныхъ хижинъ, обитаемыхъ Белуджами и ихъ семействами, наполняютъ обширное пространство. На обращенной къ морю сторонѣ устроены двѣ батареи, одна надъ другою, съ 11 орудіями къ каждой, на хорошо сохранившихся лафетахъ: онѣ обстрѣливаютъ противолежачій материкъ и входъ въ гавань. Если поднимешься на верхнюю батарею, находящуюся на террасѣ подлѣ гауптвахты, или, еще лучше, на одну изъ двухъ находящихся тамъ же сторожевыхъ башенъ, то откроется великолѣпный видъ,—съ одной стороны на море, съ другой—на городъ и далеко вдающійся въ сушу проливъ вплоть до высокихъ горъ, завершающихъ вдали горизонтъ; прямо внизу море омываетъ крутыя скалы.

Момбасская крѣпость совмѣщаетъ въ себѣ природныя и естественныя укрѣпленія. Построенная на высокой скалѣ, съ стѣнами, изъ коихъ ни одна не имѣетъ менѣе 4 футовъ, и только немногія имѣютъ менѣе 6 футовъ въ толщину, съ одной стороны примыкая къ самому морю, а съ другой—отдѣленная отъ болѣе высокой мѣстности широкимъ и глубокимъ рвомъ, снабженная обширнымъ

амбарами и водоемами, она считается у Арабовъ неприступною и на короткое время можетъ ввести въ заблужденіе даже европейцевъ; но при болѣе точномъ осмотрѣ свѣдущій человѣкъ найдетъ ошибки въ ея расположеніи, особенно такъ называемые *мертвые умы*, не обстрѣливаемые орудіями, и кромѣ того всюду запущеніе и упадокъ. Европейскій военный корабль въ нѣсколько часовъ разрушить эти стѣны, не поправляемыя со времени изгнанія Португальцевъ, но европейское господство могло бы легко сдѣлать это мѣсто, при его естественныхъ средствахъ, сильною крѣпостью.

ОТДѢЛЪ ОДИННАЦАТЫЙ.

Область дѣятельности миссіи.

Въ Кизолудини.—Миссіонерская дѣятельность Крапфа и Ребмана.—Паружность, образъ жизни и нравы Ваника.—Ярмарка въ Элеберріа.—Религія и суевѣріе.—Муанза.—Господство старѣйшинъ.—Отношеніе Ваника къ Суахелійцамъ и Арабамъ.—Богослуженіе на туземномъ языкѣ.—Раббаи Мпіа.—Ночная поѣздка къ рѣкѣ Пангани.

Поздно, уже къ вечеру, путешественникъ вышелъ изъ форта. Поднялся свѣжій вѣтерокъ, который породилъ въ немъ желаніе въ тотъ же день предпринять поѣздку на шлюпкѣ въ *Кизолудини*, гдѣ въ это время жилъ Ребманъ; онъ отправился на судно и поспѣшно уложилъ свои вещи. Черезъ два часа послѣ захода солнца явилась шлюпка съ необходимымъ экипажемъ и пятью Белуджами, въ видѣ почетной стражи, которую непремѣнно хотѣлъ навязать старый джеммедари, — и вскорѣ поплыли на парусахъ вверхъ по проливу. Едва проѣхали нѣсколько шаговъ за городъ, какъ вѣтеръ, будто въ насмѣшку, началъ дѣлаться все тише и тише и наконецъ сталъ совсѣмъ незамѣтенъ. Вслѣдствіе этого, только послѣ трехчасоваго, труднаго плаванія на веслахъ, прибыли къ мѣсту высадки. Тотчасъ же началась выгрузка. Несмотря на темноту и крутость берега, все шло благополучно, и изъ багажа ничего не пропало, — только одинъ Белуджъ, поскользнувшійся и скатившійся со склона, взялъ невольную ванну. Подъ выступомъ берега Декенъ оставилъ, такъ какъ у него не доставало носильщиковъ, менѣе нужные тюки и двухъ солдатъ для ихъ охраненія, и потомъ отправился въ путь. Небо было покрыто тучами, и ни одинъ лучъ солнца не освѣщалъ неровную и крутую дорогу, такъ что всѣ обрадовались, когда черезъ полтора часа, около трехъ часовъ утра, достигли миссіи; чтобы не обезпokoить спящихъ жителей, зажгли огонь и провели около него остатокъ ночи. Можно представить себѣ изумленіе Ребмана, когда онъ, пробудясь, увидѣлъ посѣтителей — европейцевъ. Такое посѣщеніе миссіи, въ теченіи своего 14-лѣтняго существованія, видѣла только три раза. Онъ и его жена, урожденная Англичанка, весьма ласково привѣтствовали путешественника и предложили ему полнѣйшее гостепріимство. Декенъ пробылъ тамъ три дня, бесѣдовалъ съ опытнымъ миссіонеромъ объ его прежнихъ экскурсіяхъ, совѣщался съ нимъ о наилучшемъ способѣ устроить путешествіе во внутрь и ознакомлялся съ людьми и страной. Д-ръ Крапфъ, положившій начало

восточно-африканской миссии, находился в то время уже шесть лет в Европѣ, но рассчитывалъ впоследствии, если удастся, снова возвратиться в Момбасъ.

Когда Крапфъ в 1844 году прибылъ на суахельскій берегъ, онъ не зналъ, какимъ изъ языческихъ народовъ ему прежде всего заняться. Сначала онъ питалъ всего болѣе участія къ *Галласамъ*, потому что онъ уже зналъ ихъ сѣверныхъ соплеменниковъ в Абиссиніи и нашелъ в нихъ выдающіяся качества, а мѣстами еще слѣды прежняго христіанскаго вліянія; онъ считалъ себя вправѣ сравнивать ихъ, по ихъ храбрости, прямотѣ и строгости нравовъ, съ древними Германцами и надѣялся, что Орманія, страна Галласовъ, сдѣлается нѣкогда африканскою Германіею и что изъ этой страны долженъ быть данъ толчокъ къ преобразованію всѣхъ африканскихъ условій жизни. Когда же онъ прибылъ в Момбасъ, то благоприятное положеніе этого мѣста и ласковый пріемъ, который онъ нашелъ у Арабовъ, Суахелійцевъ и Ваника, побудили его пока основать здѣсь свое мѣсто-пребываніе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ тутъ очень близко къ Галласамъ и могъ в извѣстное время года сноситься съ ними на торгу и легко могъ посѣщать ихъ страну. Съ удивительнымъ рвеніемъ онъ принялся за изученіе необходимыхъ языковъ и вскорѣ преодолѣлъ всѣ затрудненія, представлявшіяся для начинающейся миссии; его неутомимому прилежанію мы обязаны словарями, учебниками языковъ и переводамъ отрывковъ изъ Новаго Завѣта на 6—8 африканскихъ нарѣчій. Съ трогательнымъ самоотверженіемъ посвятилъ онъ себя обращенію прибрежныхъ племенъ, живущихъ в бѣдности, пороки и невѣжествѣ, и не потерялъ духа вслѣдствіе неудачи, а придумывалъ новые, смѣлые планы, чтобы по крайней мѣрѣ *возвѣстать* и другимъ народамъ Евангеліе. Безъ оружія и свиты, только съ библіею и зонтикомъ, какъ самъ онъ говоритъ, предпринялъ онъ опасное путешествіе в Укамбани, куда съ тѣхъ поръ никто болѣе не проникалъ, неоднократно посѣщалъ горную страну Узумбара, дабы убѣдиться, не удобнѣе ли тамъ почва для его дѣятельности, каждый день странствовалъ, когда только позволяло ему здоровье, по селеніямъ Ваника, сносился съ Галласами и Вакамба, и безъ усталости работалъ, поддерживаемый сознаниемъ, что дѣйствуетъ по призванію Господа, и подкрѣпляемый тѣмъ убѣжденіемъ, что онъ долженъ бы былъ дѣйствовать такъ даже и тогда, когда не оказывалось бы отъ этого скорой пользы. Его сотрудникъ, Ребманъ, прибывшій в Момбасъ в 1846 году, вѣрно участвовалъ в его дѣйствіяхъ, строилъ дома и хижины и основалъ прекрасную колонію, которой Бертонъ и Сликъ имѣли случай удивляться, работалъ дома и в окрестностяхъ, дабы обратить къ христіанской жизни нѣкоторыхъ изъ Ваника, и три раза посѣтилъ, лежащую на разстояніи ста часовъ пути отъ берега, страну Джагга и область воинственныхъ Ватента.

Надъ тѣмъ же дѣломъ трудились еще и другіе, но ни одинъ не выказалъ такого терпѣнія, какъ эти двое. Къ сожалѣнію, успѣхъ ихъ усилій, в сравненіи съ употребленными средствами, былъ незначителенъ, потому ли, что способъ миссіонерской ихъ дѣятельности былъ не вѣренъ, или же потому, что народы восточной Африки еще не созрѣли для того, чтобы воспринять высшую цивилизацію. То же самое замѣчали и в другихъ мѣстахъ, такъ что, кажется, учителя язычниковъ недостаточно обращали вниманія на умственное состояніе и условія жизни

туземцевъ и слишкомъ внезапно и ослѣпительно вносили во тьму свѣтъ Евангелія. Если озарить людей, которыхъ дѣтскій умъ можетъ воспринимать только простыя вещи, обременить самыми трудными понятіями, которыя могутъ усвоить многія даже изъ насъ, которыя суть, можетъ-быть, не что иное, какъ отростки и искаженія истиннаго христіанства, возникшіе въ теченіи вѣковъ и развитые остроумными и изобрѣтательными учителями, то, по нашему мнѣнію, нельзя рассчитывать на успѣхъ. Какой Негръ пойметъ ученіе о *Триединствѣ*; какъ убѣдится онъ, что *многоженство* — *грѣхъ*, когда онъ находитъ какъ нельзя болѣе естественнымъ, чтобы каждый держалъ столько женъ, невольниковъ и скота, сколько можетъ прокормить и купить, и когда онъ видитъ, что то же самое дѣлаетъ столь много выше его стоящій Арабъ; какъ можно надѣяться отучить народъ, для котораго питье одуряющаго пальмоваго сока сдѣлалось второю природою, отъ этого порока одною *проповѣдью*? Конечно, ревновавшіе по вѣрѣ мужи, слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ пришедшіе въ Германію, и вѣстники христіанства, проповѣдавшіе Римлянамъ и Грекамъ, лучше умѣли пріобрѣтать себѣ послѣдователей: они не тронули языческихъ празднествъ и другихъ національныхъ учрежденій, а только назвали ихъ христіанскими именами; они не отмѣнили прежнихъ боговъ, но поставили ихъ въ связь съ священными преданіями и такимъ образомъ создали мостъ для перехода къ новой религіи. Это не значитъ впрочемъ, чтобы у другихъ народовъ, при другихъ обстоятельствахъ, не могли привести къ цѣли и другіе пути. Только проповѣданіе безъ подготовленія и безъ облегчающихъ уступокъ кажется намъ бесплоднымъ: это значитъ *снять тамъ, гдѣ не пахалъ*.

Въ выборѣ средствъ многія католическія миссіи стоятъ выше протестантскихъ. Онѣ пытаются сначала, какъ это мы видѣли у Французовъ въ Занзибарѣ и увидимъ далѣе на Бурбонѣ, заставить Негра полюбить трудъ, обучаютъ его мірскимъ и духовнымъ предметамъ, не навязывая ему никакого ученія, и показываютъ ему своимъ примѣромъ благотворность правильной, христіанской домашней и семейной жизни; если потомъ тотъ или другой изъ нихъ окажется достойнымъ носить имя Христова, и если онъ самъ выразитъ желаніе обратиться, то его крестятъ, убѣдившись сначала въ его твердомъ намѣреніи, но вовсе не стараются привести его къ обращенію внѣшними средствами, зная, что отступникъ только повредитъ доброму дѣлу. Другіе миссіонеры заходятъ въ своемъ рвеніи далѣе и стараются привязать къ себѣ язычниковъ тѣмъ, что даютъ имъ пищу и одежду, какъ бы въ вознагражденіе за то, что они слушаютъ ихъ проповѣдь, берутъ ихъ къ себѣ въ слуги и работники, держатъ ихъ хорошо и мало заставляютъ ихъ работать; тогда бѣдные дѣлаютъ удовольствіе для добрыхъ господъ и позволяютъ себя крестить, конечно только для того, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ, когда исламъ или язычество представятъ большія выгоды, снять съ себя, подобно одеждѣ, христіанство, не вошедшее въ ихъ плоть и кровь. И почему бы имъ этого не сдѣлать? Мы же знаемъ изъ вѣрнѣйшаго источника, что на востокѣ даже европейцы пользуются для своихъ денежныхъ выгодъ слѣпою ревностью къ обращенію, часто пережѣняя свое вѣроисповѣданіе.

Ваника живутъ по береговой полосѣ, отъ бухты Калефи, подъ 3° 37' южной широты, до бухты Танга, подъ 4° 55', распространяются на сѣверѣ до области Галласовъ, на югѣ—до области Вашензи, служащей преддверіемъ гористой Узамбары, а на западѣ живутъ до самыхъ равнинъ внутренней Африки. Число ихъ простирается приблизительно до 50,000: 20,000 *Валувану* или Ваника въ тѣсномъ смыслѣ, къ сѣверу отъ Момбаса, и 30,000 *Вадио* — къ югу отъ Момбаса.

Ваника происходятъ, какъ сообщаютъ ихъ древнія преданія, изъ *Джана*, страны Килиманджаро. Тамъ жилъ, въ области *Килема*, король, по имени *Муни Мкома*; онъ убилъ однажды корову и при раздѣлѣ взялъ себѣ лучшія части, такъ какъ онъ великій король въ своей странѣ. Только одна половина его подданныхъ признала такое притязаніе справедливымъ, а другая, обиженная, выселилась въ сосѣдную страну Ромбо. Но и тутъ у нихъ возникли раздоры, такъ что многіе изъ нихъ опять отправились искать себѣ новаго далекаго отечества. Подъ предводительствомъ братьевъ *Мфумо* и *Ндикао*, они наконецъ нашли удобное мѣсто въ Раббаи, на побережьѣ,—къ сѣверу отъ Момбаса. Сколько времени продолжались эти переселенія, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ они окончились не сразу: люди эти сначала пытались счастья то тутъ, то тамъ, прежде чѣмъ окончательно основались около Момбаса. Прибытіе ихъ сюда состоялось только нѣсколько столѣтій назадъ, но во всякомъ случаѣ еще прежде совершеннаго изгнанія Португальцевъ.

Изолированность страны и одинаковость образа жизни наложили на фізіономію Ваника весьма опредѣленный и рѣзкій отпечатокъ—изумительное племенное и родовое сходство, какое встрѣчается еще только у Китайцевъ, Готтентотовъ и американскихъ Индѣйцевъ. Наружность ихъ Бертонъ описываетъ такъ: «Въ *фізіологическомъ отношеніи* Ваника не составляютъ африканскую расу; они имѣютъ черты лица Негровъ только книзу, начиная отъ глазъ. Такъ же, какъ у Галласовъ и Сомали, черепъ у нихъ пирамидальный и овальный, сплюснутый въ томъ мѣстѣ, гдѣ френологи полагаютъ средоточіе нравственности, и сжатый съ боковъ, лицо довольно широкое и плоское, съ сильно выдающимися скулами, лобъ нѣсколько выдающийся, высокій и широкий, а носъ, губы и челюсти такія, какъ у Негровъ. Волосы у нихъ длинны и жестки и висятъ тонкими спиральными кудрями, только надъ лбомъ они выбриты отъ одного уха до другаго. Какъ ихъ черты лица, такъ и верхняя часть туловища—семитическія, а нижняя часть конечности — негритянская. Кожа у нихъ мягкая, шоколадно-бураго цвѣта, рѣдко черная, а испарина — чисто африканская. Неподвижные глаза, поспѣшныя движенія, громкій, грубый, отрывистый голосъ показываютъ въ нихъ дикарей. У женщинъ особенно бросается въ глаза контрастъ между лицомъ и фигурою: отъ нижнихъ конечностей, особенно отъ бедръ, напоминающихъ формы Венеры Медицейской, взоръ переносится на гадкое, покрытое складками, лицо. *Одежда* мужчинъ состоитъ изъ выдубленной шкуры или изъ куска бумажной матеріи около бедръ, а украшенія — изъ разныхъ бездѣлушекъ, изъ мѣдныхъ и желѣзныхъ. Татуировка употребляется рѣдко, и то почти только у женщинъ. Муж-

чины, уходя изъ своихъ жилищъ, носятъ съ собою лукъ и тростниковыя стрѣлы, съ отравленными остриями изъ дерева или желѣза, пику, длинный грубой работы мечъ, а за поясомъ ножъ и метательную палицу. Въ дорогѣ они носятъ кромѣ того на спинѣ маленькій деревянный стулъ о трехъ ножкахъ (чтобы не садиться на землю), длинный тонкій посохъ, на концѣ котораго находится маленькій крестъ (для мѣшанья обычнаго у нихъ кушанья изъ крови и молока) и нѣкоторые другіе снаряды. Такъ же точно одѣваются и женщины. Шкура или кусокъ ткани около бедръ, иногда другой кусокъ для прикрытія груди — вотъ главныя части ихъ одежды, къ которымъ присоединяются разныя украшенія: серьги, наручники и наножики, шейныя цѣпочки и т. п. Носимый около шеи плоскій кружокъ изъ толстой мѣдной проволоки придаетъ головѣ такой видъ, какъ будто бы она стоитъ на тарелкѣ. Сколь ни мало вообще добросовѣстности въ описаніяхъ Бертонъ, но въ этомъ описаніи чисто внѣшнихъ вещей мы согласны съ нимъ.

Умственными и душевными свойствами Вадиго существенно отличаются отъ Валупангу, сѣверныхъ племенъ Ваника. Они болѣе воинственны и ловки, и у нихъ бывають регулярныя общественныя рынки, что служитъ вѣрнымъ признакомъ болѣе высокаго развитія общенности. *Ваника въ тѣсномъ смыслѣ* — эгоистичны и корыстолюбивы и потому назойливо попрошайничаютъ и не исполняютъ обѣщаній, когда это нарушеніе слова доставляетъ имъ выгоду; но воруютъ они весьма рѣдко и честно возвращаютъ найденное. Величайшимъ ихъ порокомъ можно считать вошедшее у нихъ въ привычку пьянство. Особенно въ извѣстныя времена года, послѣ жатвы и во время праздниковъ, они по цѣлымъ днямъ предаются наслажденію одуряющимъ тембо и съ удовольствіемъ доводятъ себя до животнаго состоянія, не дѣлаясь впрочемъ при этомъ драчливыми. Понятно, что переходящее наслѣдственно отъ отцовъ къ дѣтямъ пьянство оказало чрезвычайно вредное вліяніе на наружность и на умственное состояніе Ваника: ихъ низкое положеніе въ сравненіи съ Вадиго должно приписывать главнымъ образомъ этому пороку. На искорененіе пьянства должно будетъ, если когда либо европейцы возьмутъ этотъ берегъ подъ свое покровительство, обратить главное вниманіе, — одна проповѣдь тутъ конечно мало поможетъ. Подобныя усилія повлекутъ за собою благотворныя послѣдствія, какъ можно видѣть уже на самихъ Ваника, которые, будучи удалены отъ своей родины и не имѣя случаевъ пить, сдѣлались способными и хорошими людьми.

Ваника недоувѣрчивы къ европейцамъ, потому ли, что они помнятъ еще образъ дѣйствій Португальцевъ, или же потому, что они смѣшиваютъ Вазунгу съ ненавистными Арабами, а недоувѣріе ихъ къ Арабамъ и Суахелійцамъ совершенно основательно, такъ какъ тѣ при каждомъ удобномъ случаѣ эксплуатируютъ ихъ въ свою пользу.

Въ работѣ Ваника прилежны и неутомимы, когда этого требуетъ ихъ собственная выгода или когда ихъ съумѣють какъ слѣдуетъ поощрить; въ дорогѣ напр. они съ тяжелыми выюками проходятъ въ день по 10—15 часовъ и отличаются отъ другихъ племенъ правильнымъ и спокойнымъ образомъ дѣйствій и готовностью къ исполненію работы. Главное ихъ занятіе состоитъ въ земледѣліи;

они большею частію снабжаютъ Момбасъ съѣстными припасами и производили бы ихъ въ еще большемъ количествѣ, еслибы находили сбытъ для нихъ. Свободное время, остающееся отъ земледѣлія, они употребляютъ на плетеніе цыновокъ, а развлекаются—болтовнею и бражничаньемъ. Нѣкоторыя племена, особенно къ югу отъ Момбаса, занимаются также рыбною ловлею; другіе роютъ копаль, а большая часть—ведутъ выгодную торговлю съ окрестными Галласами и Вакамбасами. Въ селеніи Элеберріа, въ области Кириама, сходятся въ опредѣленные времена торговцы изъ внутреннихъ странъ и съ побережья. Развивается почти такая же дѣятельность, какъ на Лейпцигской ярмаркѣ; Суахелійцы и Арабы, — «оптовые торговцы», прибытіе которыхъ празднуется музыкою и танцами, — занимаютъ на время ярмарки лучшія хижины; Галласы, какъ «мелочные торговцы», располагаются лагеремъ въ селеніи, состоящаго изъ маленькихъ хижинъ, построенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей и покрытыхъ травою. Предметами мѣны служатъ главнымъ образомъ коровы, овцы, козы и слоновая кость, обмѣниваемая на бумажныя ткани, мѣдную проволоку и бусы. При этомъ барышничаньи барышъ Суахелійцевъ и Ваника часто бываетъ выше самой стоимости товаровъ, и вслѣдствіе этого Эмберрійскіе Ваника самые богатые между своими родичами, чему немало способствуетъ еще и то, что въ ихъ области находится копаль. Такая торговля оказываетъ цивилизующее вліяніе на соединенныя ею племена, потому что дикія племена пріучаются этимъ, хотя и на короткое только время, къ спокойной, осѣдлой жизни, и ссоры и распри на нѣсколько недѣль прекращаются. Какъ скоро караванъ Галласовъ приходитъ въ Амберрію и располагается въ это селеніи, вожди должны поклясться, что во время своего пребыванія здѣсь они будутъ вести себя мирно, избѣгать ссоръ и подвергаться аресту, если несмотря на то возникнутъ волненія. Впрочемъ Ваника не безусловно довѣряютъ этому, а разставляютъ ночью караульныхъ около лагеря, и даже днемъ не вполне предаются чувству безопасности.

Жилища Ваника, подобно хижинамъ почти всѣхъ африканцевъ, походятъ формою на пчелиные ульи или на обороченные вверхъ дномъ наперстки, и стоятъ, соединенныя въ группы или деревни (*кайя*), большею частію внутри высокой, частой изгороди, черезъ низкую лазейку которой можно пробираться только ползкомъ. Часто устраивается по двѣ и по три такихъ оборонительныхъ изгородей, служащихъ частію для защиты отъ дикихъ животныхъ (пантеръ), частію же для предохраненія отъ нечаянныхъ нападений хищныхъ племенъ. Обыкновенно Ваника живутъ на своихъ плантаціяхъ и только въ извѣстныя времена удаляются въ кайи.

Подобно большей части жителей восточной Африки, Ваника обрѣзываются и позволяютъ себѣ многоженство. Бракъ ихъ есть непрочный союзъ, который мужья безъ затрудненія могутъ расторгать; больныя и сдѣлавшіяся неспособными къ работѣ женщины нерѣдко изгоняются мужьями. За предлюбодѣніе оскорбленный старается отмстить умерщвленіемъ виновнаго.

Прежде, женщины, когда приближалось время родовъ, должны были оставаться въ кайяхъ, такъ какъ думали, что рожденіемъ ребенка осквернится шамба и поле сдѣлается неплодороднымъ; теперь же онѣ могутъ ожидать своего часа и на плантаціяхъ, только потомъ должны принести *созома* — очистительную жер-

тву. Онѣ нѣжно любятъ своихъ дѣтей и тщательно воспитываютъ ихъ; но это не мѣшаетъ имъ убивать уродливыхъ грудныхъ дѣтей подѣ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ вселился злой духъ умершаго. Имя новорожденного опредѣляется какимъ нибудь случайнымъ событіемъ: если напр. черезъ страну проѣзжаетъ европеецъ, то родители даютъ рожденнымъ въ это время дѣтямъ имя Мзунгу. На восьмомъ или десятомъ году, а иногда и позже, совершается обрѣзаніе, но не по одиночкѣ, какъ у магометанъ, а въ большемъ числѣ, какъ конфирмація въ католическихъ странахъ, и притомъ одинъ разъ черезъ каждыя пять—шесть лѣтъ.

При достиженіи совершеннолѣтія знатными молодыми людьми, особенно сыновьями начальниковъ племени, соблюдается ужасный обычай, называемый *вагноро*: всѣ юноши одного возраста съ ними совершенно голые отправляются въ лѣсъ и остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока не убьютъ человѣка. Во время празднованія вагноро опасно находиться по близости селенія, такъ какъ для возбужденныхъ молодыхъ людей все равно, надѣ кѣмъ бы ни выполнить «обычай».

Въ извѣстныхъ времена года юноши надрѣзываютъ себѣ грудь ножомъ, чтобы, какъ они говорятъ, получить свѣжую кровь вмѣсто старой и сдѣлаться отъ этого сильными и храбрыми; при этомъ, какъ и при всѣхъ празднествахъ у Ваника, бьютъ въ барабаны, танцуютъ, ликують и пьютъ множество пальмоваго вина.

Въ другомъ обычаѣ, въ родѣ маскарада, имѣющемъ цѣлью обратить на себя вниманіе другихъ и облегчить завязку любовной интриги, Ваника могутъ служить образцомъ для нашихъ «львовъ и львиць»: молодые люди обоюго пола привѣшиваютъ иногда къ своей одеждѣ множество колокольчиковъ и ходятъ такъ по деревнѣ и внѣ ея.

О *брачныхъ обрядахъ* мы не могли ничего узнать. Можно полагать, что браки заключаются безъ большихъ формальностей, точно такъ же, какъ и расторгаются. *Смертные случаи* и *похороны* подають поводъ къ значительнѣйшимъ празднествамъ. Для чувственныхъ Ваника смерть кажется величайшимъ несчастіемъ. Они воютъ и рыдаютъ о смерти сродниковъ ужаснѣйшимъ образомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользуются этимъ напоминаніемъ о проходимости всего земнаго для того, чтобы насладиться еще разъ вполнѣ временными благами, т. е. потанцовать и покричать около могилы. Они производятъ тутъ безчинства разнаго рода и пируютъ и бражничаютъ по нѣскольку дней, пока не потеряютъ сознанія. Самое погребеніе совершается слѣдующимъ образомъ: сначала намазываютъ тѣло умершаго и его одежду масломъ изъ бобовъ клещевиннаго кустарника (это мазанье *сора*), потомъ владутъ его на одрѣ, сдѣланный изъ толстыхъ жердей (*луттара*) и несутъ къ могилѣ, гдѣ и начинается танецъ (*уира*) и проч.; наконецъ убиваютъ козу или корову, отрѣзываютъ часть кожи со лба животнаго и кладутъ ее въ руки мертвеца, кровью съ трехъ сторонъ обрызгиваютъ могилу, а мясо дѣлится между присутствующими. Могила бываетъ такой глубины, что въ ней можетъ установиться человѣкъ; мертвеца кладутъ въ нее головою на юго-западъ (?), откуда пришли родоначальники Ваника. Могила обыкновенно роется въ кайѣ, въ средоточіи поселенія, въ главномъ сборномъ пунктѣ, потому что здѣсь мертвому всего спокойнѣе лежать. Въ послѣднее время стали погребать

мертвыхъ и на самыхъ отдаленныхъ плантаціяхъ, чтобъ избѣжать трудной переноски трупа; но въ этомъ случаѣ черезъ нѣсколько времени выкапываютъ голову мертвеца, чтобы по крайней мѣрѣ ее похоронить въ кайѣ. Могилы считаются священными; на нихъ приносятъ жертвы (кушанье и напитки) душамъ усопшихъ, т. е. въ извѣстныхъ времена высыпаютъ на нихъ смѣсь изъ воды, маиса и дурры, кладутъ нѣсколько остатковъ отъ обѣдовъ и пирушекъ, дабы удовлетворить умершихъ, которые иначе позавидуютъ наслажденіямъ живыхъ или разгнѣваются на нихъ.

Уже изъ этого видно, что Ваника нѣкоторымъ образомъ вѣрятъ въ загробную жизнь. Еще болѣе подтверждается это мнѣніе общераспространеннымъ вѣрованіемъ,—будто *души умершихъ* переселяются въ дѣтей до ихъ рожденія. Эти *души (кома)* витаютъ то въ могилѣ, то надъ землею, то въ громѣ, то въ молніи, но онѣ невидимы, хотя и принимаютъ приносимые имъ дары и тѣмъ умилоствляются къ даящимъ. Слѣдовательно, онѣ пользуются почитаніемъ, но не олицетворяются и не обоготворяются, какъ пенаты древнихъ Римлянъ, а считаются только чисто духовными существами. Ваника вообще не знаютъ идоловъ, если только не считать за фетиша оставленную Португальцами статую Дѣвы Маріи, которую во время общественныхъ бѣдствій носятъ въ торжественной процессіи.

Кромѣ того, они вѣрятъ въ *духовъ источниковъ* и *деревьевъ*, стало-быть въ дріадъ, нимфъ и т. под., и оказываютъ особенно великую честь духамъ кокосовыхъ пальмъ. Это весьма естественно, если принять во вниманіе то, какую большую пользу приноситъ это дерево и какъ высоко цѣнится перебродившій его сокъ. Срубить кокосовую пальму считается величайшимъ преступленіемъ, равнымъ матереубійству. Пальмѣ при всѣхъ дѣлахъ, стоявшихъ въ связи съ нею, приносятъ жертву,—такъ напр., если кто-нибудь, срывая съ пальмы орѣхи, упадетъ съ нея, то употребляетъ самыя странныя средства, чтобы умиловить духа дерева, который въ своемъ гнѣвѣ причинилъ это паденіе. При такомъ многобожій существуетъ и вѣра въ *высшее существо*, но представленіе о немъ весьма неясно. Его обозначаютъ словомъ *мулуну* и вѣрятъ, что высшее божество слишкомъ высоко и далеко отстоитъ отъ человѣка, чтобы къ нему можно было непосредственно обращаться съ просьбами, а потому обращаются къ ближе стоящимъ, по человѣчески мыслящимъ и чувствующимъ низшимъ божествамъ — къ духамъ умершихъ, ручьевъ и деревьевъ.

Область *суетпрій* почти еще обширнѣе области вѣрованій: кромѣ низведенія дождя, которое извѣстно у всѣхъ Африканцевъ, есть еще колдовство, снотолкованіе, птицагаданіе и другія вещи, какія только могла придумать робкая фантазія бессильныхъ и невѣжественныхъ народовъ. Хитрые и сильные магометанскіе обитатели побережья и старѣйшины Ваника всѣми средствами развиваютъ эти суетвѣрія и умѣютъ извлекать изъ этого величайшую выгоду—первые тѣмъ, что безстыднымъ образомъ обманываютъ легковѣрныхъ, а вторые для того, чтобы придать большую силу своимъ изреченіямъ и законамъ.

Одно изъ главныхъ средствъ держать въ повиновеніи и подчиненіи глупую толпу есть—*муанза*. Если спросить любого Ваника, что такое собственно муанза,

то онъ отвѣтитъ, что не можетъ сказать зотго, потому что никто, кромѣ старѣйшинъ, не можетъ видѣть «муанзы», и не имѣющій права видѣть ее падаетъ мертвымъ отъ одного взгляда, а женщины дѣлаются бесплодными. Впрочемъ, на сколько извѣстно, муанза есть полое дерево или полый кусокъ дерева, посредствомъ котораго производятъ сильный шумъ. Только немногіе посвящены въ эту тайну, купивъ ее за богатый подарокъ изъ золота, риса и мяса. Посвященный или владѣтель муанзы пользуется большими выгодами — не только почетомъ и вліяніемъ, но и еще тѣмъ, что при всѣхъ пирушкахъ получаетъ свою долю. Муанза составляетъ средоточіе гражданской и религиозной жизни. Во всѣхъ важныхъ и торжественныхъ случаяхъ она приводится въ движеніе: когда приносятъ жертву или хотятъ испросить дождь, когда хотятъ удавить въ лѣсу уродливаго ребенка или ввести новые законы, всегда шумъ муанзы долженъ подготовить къ этому умы. На ней играютъ сначала въ лѣсу, дабы непосвященные не видали ея. Какъ скоро эти послѣдніе замѣтятъ ея приближеніе, то послѣшно прячутся въ кусты или въ дома, опасаясь наказанія, долженствующаго постигнуть преступный взоръ, а когда пугало придетъ въ самую деревню, они отъ страха запираютъ всѣ двери.

Впрочемъ такое средство нужно старѣйщинамъ, чтобы доставить себѣ почетъ и повиновеніе, потому что о повиновеніи, вытекающемъ единственно изъ уваженія къ закону, у Ваника не можетъ быть и рѣчи; къ сожалѣнію, властители нерѣдко злоупотребляютъ своею властью, дабы обогатиться, подавлять другихъ или задерживать ихъ развитіе. Ребманъ рассказываетъ слѣдующій смѣшной примѣръ этого: одинъ молодой Мника, долго работавшій въ Момбасѣ въ качествѣ столяра или плотника, возвращался съ своими инструментами въ свое племя, чтобы служить ему своимъ искусствомъ. Въмѣсто того, чтобы обрадоваться этому, старѣйшины отняли у него инструменты и тѣмъ сдѣлали для него его дѣятельность невозможною: они опасались, что молодой человѣкъ можетъ загордиться, и отвергли нововведеніе словами, которыя часто слышишь и отъ нашихъ крестьянъ: «наши родители и прадѣды не дѣлали этого и однако же обходились хорошо, а потому лучше держаться стараго».

Владычество старѣйшинъ поэтому можно справедливо назвать деспотическимъ, но вообще *образъ правленія* республиканскій, и здѣсь подтверждается старый опытъ, что равенство всѣхъ идетъ рука объ руку съ тираническимъ владычествомъ нѣсколькихъ. Правда, въ другихъ отношеніяхъ начала свободы и равенства соблюдаются точнѣе: если, напр. какой-нибудь начальникъ преступилъ извѣстные законы, то его санъ не спасаетъ его отъ заслуженнаго наказанія.

Всѣ важныя дѣла вѣдаются старѣйщинами, которые имѣютъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ собственно начальники племенъ. Почетнѣйшія лица селенія собираются прежде всего на открытомъ мѣстѣ подъ тѣнью большихъ деревьевъ посреди кайи; они торжественно садятся на лежащія по обѣ стороны пальмовые стволы и держатъ совѣтъ. Когда они согласятся промежду себя, то шейхи или старѣйшины собираются въ сосѣднюю хижину на второе совѣщаніе для окончателнаго рѣшенія дѣла.

Наблюденіе надъ такими зачатками администраціи и законодательныхъ собраній представляетъ безпристрастному человѣку много привлекательнаго, тѣмъ болѣе, что онъ въ восточной Африкѣ имѣетъ случай наблюдать почти всѣ государственныя формы въ ихъ младенческомъ состояніи, начиная отъ необузданной свободы кочующихъ пастушескихъ народовъ и до благотворнаго правленія просвѣщеннаго деспотизма въ горной странѣ Узамбарѣ; отъ республики, подъ господствомъ старѣйшинъ, подобно древнимъ египетскимъ жрецамъ пользующихся вѣрою и суевѣріемъ народа для того, чтобъ упрочить свое положеніе, и до слабого королевскаго правленія въ странѣ снѣжной горы Килиманджаро, гдѣ солдаты, какъ настоящіе прегоріанцы, взяли въ свои руки самую большую долю власти.

Вскорѣ по своемъ переселеніи Ваника впали въ зависимость отъ прежнихъ поселенцевъ, но эта зависимость не была тягостна, а скорѣе основана на дружественномъ соглашеніи для взаимной защиты. Ихъ совѣта спрашивали во внутреннихъ дѣлахъ, защищали отъ враговъ, во время дороговизны кормили бесплатно или по крайней мѣрѣ снабжали хлѣбомъ съ условіемъ впослѣдствіи возратить его, и ихъ начальники получали ежегодно отъ Мсаръ въ подарокъ 150 одеждъ. За этo они ежегодно давали своимъ покровителямъ двѣ флaskи слоновой кости и двадцать или болѣе дойныхъ коровъ, смотря по тому, былъ ли годъ плодороденъ и обилень дождемъ, такъ какъ они думаютъ, что дождь идетъ отъ живущихъ по берегу Суахелійцевъ и что тѣ могутъ задерживать его.

Съ паденіемъ Мсаръ начали распадаться государственныя и общественныя условія жизни племенъ Ваника. Продолжительный миръ сдѣлалъ ненужнымъ прочную сплоченность, большіе начальники потеряли свое вліяніе, каждый дѣлалъ чтo хотѣлъ, и строилъ себѣ хижину гдѣ заблагоразсудится. Но Оманцы никогда не достигали большаго почета, потому что они не только медлили дружественными подарками поддержать доброе согласіе съ Ваника, но напротивъ притѣсняли ихъ и безразборчиво эксплуатировали случайно наступавшія для нихъ тяжелыя времена. Теперь между двумя гостями населенія господствуетъ равнодушіе, если даже не раздраженіе, и подчиненность Ваника, проявлявшаяся главнымъ образомъ въ поставкѣ солдатъ на случай войны, совершенно исчезла, а уваженіе къ распоряженіямъ султана или его намѣстника стало до того незначительно, что ни одинъ изъ Ваника не является на совѣщаніе, не получивъ предварительно подарка въ нѣсколько талеровъ.

Вмѣсто порядка, господствовавшаго при мудрому и кроткому правленіи Мсаръ, наспушила анархія и своеволие: когда Ваника чувствуютъ себя обиженными, то задерживаютъ магометанъ, принуждаютъ ихъ ѣсть свиное мясо и т. под., пока имъ не заплатятъ выкупъ; если, напротивъ, Ваника задолжалъ въ городѣ и не можетъ тотчасъ заплатить кредитору, то его соплеменниковъ и родителей берутъ и сажаютъ на запоръ, а иногда и продаютъ въ невольники. Само собою понятно, что такое положеніе дѣлъ должно вести къ разнаго рода беспорядкамъ, дракамъ и даже къ убійствамъ, и дѣйствительно, нерѣдко сношенія между обѣими частями населенія совершенно прерываются вслѣдствіе такихъ распръ.

Главнымъ образомъ виноваты въ этомъ конечно жители Момбаса, много со-

грѣшившіе противъ Ваника. Доказательствомъ этому служить большой голодъ, который въ 1836 году посѣтилъ Ваника вслѣдствіе неурожая и опустошенія полей. Бѣдняки отправились въ Момбасъ и просили у намѣстника Али-бенъ-Нассэра и другихъ хлѣба, чтобы не помереть съ голода. Они получили хлѣбъ, когда отдали въ залогъ своихъ дѣтей; но когда впоследствии они хотѣли возвратить занятое и потребовали назадъ столь любимыхъ ими дѣтей, — послѣднихъ уже не оказалось: они были проданы въ неволю тѣмъ самымъ Нассэромъ, который впоследствии былъ посланъ Саидъ-Саидомъ въ Лондонъ для совѣщанія съ англійскимъ правительствомъ объ уничтоженіи невольничества и который тамъ разсыпался въ гуманныхъ рѣчахъ. Но не будемъ съ слишкомъ большимъ презрѣніемъ смотрѣть на арабскихъ барышниковъ людьми; эти жестокости совершались отчасти по побужденію европейцевъ и для ихъ выгоды. Да и сами европейцы еще недавно собственноручно совершали подобныя дѣла, входили съ своими кораблями въ гавань, завлекали туземцевъ на корабли веселою музыкою, и потомъ съ этою богатою добычею отправлялись на тѣ рынки, гдѣ стояли хорошія цѣны на черныхъ работниковъ. Впрочемъ и помимо этого, часть вины въ неистовствахъ 1836 года лежитъ на Европѣ: еслибы Англія за десять лѣтъ до этого приняла предложенное ей верховное господство и вмѣстѣ съ тѣмъ опекунство надъ Ваника, то во время голода были бы невозможны такія жестокости. Да взойдетъ же для достойныхъ сожалѣнія туземцевъ еще разъ подобная звѣзда, но на болѣе долгое время, пока они не созрѣютъ для самостоятельности и цивилизаціи.

Въ день нашего прибытія Деженъ имѣлъ случай присутствовать при богослуженіи, которое совершилъ Ребманъ съ Ваника на ихъ языкѣ. Маленькая паства, которой была прочитана и объяснена библейская исторія, состояла изъ двухъ христіанъ, четырехъ необращенныхъ взрослыхъ и троихъ дѣтей. Всѣ внимательно слушали читаемое, какъ дѣти, которымъ рассказываютъ сказку; если что-либо имъ казалось неяснымъ, то они не смущаясь прерывали учителя своими вопросами; если же они находили что-либо страннымъ, то раздражались громкимъ смѣхомъ, — однимъ словомъ, вели себя какъ маленькіе школьники. И таковъ-то былъ результатъ 14 лѣтней миссіонерской дѣятельности! Но, несмотря на то, есть люди, которые изъ такого образа дѣйствій питомцевъ осмѣливаются почерпать свѣтлыя надежды; такимъ людямъ надо сказать, что, еслибы сѣмя даже пустило здѣсь корни, то его отравятъ дурныя условія домашней и политической жизни, что все проповѣданіе тщетно, если предварительно не будетъ улучшено внѣшнее положеніе дѣлъ.

Однажды послѣ полудня путешественникъ отправился, въ сопровожденіи Ребмана, въ Раббаи-Мниа для посѣщенія того мѣста, гдѣ поселился по своему прибытіи сюда д-ръ Крапфъ. Дорога ведетъ черезъ глубокую долину на значительную высоту, на вершинѣ которой расположено это селеніе Ваника. Чтобы попасть въ кайи, надо проползти черезъ трое низкихъ деревянныхъ во-

ротъ, расположенныхъ на разстояніи 100 шаговъ другъ отъ друга; за послѣдними воротами стоятъ 30—40 маленькихъ бѣдныхъ хижинъ, формою похожихъ на ульи, расположенныя безъ всякаго плана и порядка. Видъ отсюда великолѣпный: вдали ясно видна бухта, городъ и высокая крѣпость съ ея башнями и съ развѣвающимся на высокой мачтѣ краснымъ флагомъ, а по ту сторону плодороднаго острова—широкій океанъ. Съ другой стороны, открывается широкій видъ во внутрь страны, на необозримую равнину, которая разстилается на западъ отъ горной цѣпи Ваника. Прежде эта равнина была воздѣлана и усѣяна деревьями. Она съ избыткомъ питала туземцевъ и ихъ стада. Но въ 1857 году пришли Мазои, угнали скотъ, разрушили деревни и избили жителей. Уцѣлѣвшіе отъ рѣзни Ваника удалились на горы и въ нѣсколько лѣтъ поля обратились въ пустыню.

Увидавъ и испытавъ такимъ образомъ все, что желалъ, путешественникъ выѣхалъ отсюда съ намѣреніемъ — собственнымъ опытомъ провѣрить открытія нѣмецкихъ миссіонеровъ и вести ихъ по возможности далѣе, и этому-то его рѣшенію мы обязаны тщательнымъ и точнымъ подтвержденіемъ истинности всѣхъ свѣдѣній, сообщенныхъ этими отважными людьми.

Мимоѣздомъ Дженъ побывалъ еще въ Пангани, маленькомъ городкѣ при устьѣ рѣки Пангани, откуда также ходятъ караваны во внутрь страны. Хотя онъ и не имѣлъ рекомендательныхъ писемъ, но былъ ласково принятъ баніаномъ, а съ враждебнымъ для европейцевъ намѣстникомъ серьезно поссорился. Вслѣдствіе этого онъ счелъ неудобнымъ долѣе оставаться здѣсь, но все-таки предпринялъ поѣздку по величественной рѣкѣ Пангани, которой истокъ и среднее теченіе онъ долженъ былъ изслѣдовать въ слѣдующее свое путешествіе. Отправились около 2 часовъ въ чудную ночь при волшебномъ освѣщеніи: луна и звѣзды были во всѣмъ блескѣ, и милліоны свѣтящихся мухъ старались превзойти блескомъ небесныя свѣтила. Пангани, шириною равная Дунаю около Вѣны, имѣетъ быстрое теченіе; съ обѣихъ сторонъ ее окаймляетъ непроницаемый кустарникъ, надъ которымъ возвышаются тоже кустообразныя болотныя и береговыя пальмы; обезьяны и попугай вертятся на вѣтвяхъ и испускаютъ свои негармоническіе звуки; въ водѣ беззвучно ныряютъ чешуйчатые крокодилы, и неуклюжіе бегемоты выходятъ изъ рѣки, чтобъ искать себѣ на берегу мѣста для своихъ игръ и пастбища.

Около пяти часовъ ѣхалъ путешественникъ на своей шлюпкѣ вверхъ по рѣкѣ. Насытившись всѣми красотами, онъ почувствовалъ желаніе поохотиться. Множество различныхъ птицъ сдѣлалось его добычею; ему удалось даже убить исполинскаго бегемота въ 5½ футовъ вышины и 9 футовъ длины. Около 9 часовъ вечера въ тотъ же день онъ возвратился въ городъ, велѣлъ немедленно тронуться въ путь нанятому имъ судну, и на другой день послѣ полудня отдыхалъ уже снова въ своей комнатѣ въ Занзибарѣ.

ОТДѢЛЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

До границъ пустыни.

Скачка въ Назимоѣ.—М-ръ Торнтонъ какъ ученый спутникъ.—Трудности путешествія по восточной Африкѣ.—Торжественное прощаніе.—Первые дни въ Момбасѣ.—Декевъ и Ребманъ.—Переговоры съ каравановожатыми.—Упаковка изюга.—Празднованіе платежа денегъ.—Составъ путешествующаго общества.—Почетный конвой до материка.

Декевъ вѣрно судилъ о своемъ организмѣ, когда для возстановленія своего здоровья предпринялъ поѣздку, все-таки соединенную съ нѣкоторымъ напряженіемъ. Сначала впрочемъ дѣло казалось идетъ не такъ: черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія у него появился лихорадочный пароксизмъ, но это не былъ рецидивъ болѣзни, полученной въ Килоа, а начало новой, *климатической лихорадки*, которая бываетъ непремѣнно у каждаго при возвращеніи изъ внутреннихъ странъ на побережье или съ побережья въ Занзибаръ. Преодолевъ этотъ пароксизмъ, путешественникъ съ каждымъ днемъ поправлялся и вскорѣ почувствовалъ себя по прежнему bedрымъ.

Въ это время случилось происшествіе, которое и теперь еще хорошо помнятъ жители Занзибара и побережья, и при воспоминаніи о которомъ вездѣ съ удивленіемъ говорятъ о смѣломъ и ловкомъ мзунгу. Уже давно Декевъ думалъ, что смѣшанные занзибарскіе Арабы—племя выродившееся, и ни въ какомъ отношеніи не могутъ сравниться съ своими родоначальниками и родичами, живущими въ пустынѣ, а тѣмъ болѣе съ облагороженными сынами Европы. Его мнѣніе встрѣтило противорѣчія: Арабамъ приписывали извѣстную храбрость, ловкость, искусство ѣздить верхомъ и пр.; но онъ отрицалъ это и взялся помѣряться съ любымъ Арабомъ въ какомъ угодно физическомъ упражненіи—въ прыганьѣ, лазаньѣ, верховой ѣздѣ, борьбѣ и фехтованьѣ, и побѣдить его. Такое смѣлое увѣреніе охочіе до пари вазунгу приняли съ одобреніемъ. Они раздѣлились на два лагера, одни за Декева, другіе противъ; но число приверженцевъ смѣльчака было очень невелико и состояло только изъ нѣсколькихъ его соотечественниковъ. Было рѣшено, что разрѣшеніе спора должно послѣдовать въ наискорѣйшемъ времени, а наградою побѣдителю будетъ торжественный завтракъ.

Молва объ этомъ разошлась по городу. Сеидъ-Судъ-бенъ-Халидъ, племянникъ Сеидъ-Маджида, считающійся искуснѣйшимъ наѣздиномъ въ Занзибарѣ,

поднял перчатку и вызвал дерзкаго чужестранца ѣхать съ нимъ верхомъ. Принцъ выбралъ себѣ лучшаго скакуна изъ конюшенъ своего дяди—благородное животное, прославившееся своею быстротою; путешественникъ же выпросилъ у ганзеатическаго консула лошадь, которая еще никогда не имѣла случая выказать свои способности. Мѣстомъ для скачки была избрана Назимоя, и здѣсь флагами былъ отмѣренъ кругъ въ тысячу шаговъ. Въ назначенный день, около пяти часовъ вечера, явились всѣ вазунгу и тысячи Арабовъ, не исключая султана и его дома. Были разставлены трубачи и барабанщики, чтобы возвѣстить побѣду принца и съ триумфомъ вести его въ городъ, такъ какъ считали невозможнымъ, чтобы дерзкій чужестранецъ остался побѣдителемъ, или, если даже допускали эту возможность, то думали, что онъ изъ вѣжливости предоставитъ побѣду своему высокому противнику. Но Декенъ, защищавшій честь своего происхожденія, твердо рѣшился употребить въ дѣло всѣ свои силы, и весьма серьезно занялся приготовленіями. Оба противника были свѣшаны. Болѣе легкій Сеидъ-Судъ долженъ былъ для восстановленія равновѣсія взять съ собою на сѣдло еще 27 фунтовъ, такъ какъ Декенъ былъ очень плотный мужчина, и, несмотря на отсутствіе тучности, вѣсилъ около 170 фунтовъ.

Скачка началась. Нашъ герой безъ большаго труда взялъ передъ; оказалось, что Арабы вообще не знаютъ верховой ѣзды. Сеидъ-Судъ, огорченный предстоящимъ пораженіемъ, сбросилъ взятый грузъ на землю, а потомъ, когда, несмотря на это, его шансы все уменьшались съ каждымъ прыжкомъ его коня, совершенно отказался отъ окончанія скачки и вернулся назадъ, не доѣхавъ до цѣли. Изумленіе арабскихъ зрителей было невыразимо. Посрамленные и безмолвные, они удалились, проклиная въ душѣ невѣрнаго, который былъ на столько искусенъ и безсовѣстенъ, чтобы побѣдить ихъ принца. Сеидъ-Судъ нѣсколько дней не выходилъ изъ своего жилища. Въ домахъ знатныхъ людей сожалѣли о пораженіи, и самъ султанъ заболѣлъ отъ огорченія. Народъ же, который всегда становится на сторону людей, выдающихся впередъ своею силою и мужествомъ, съ восторгомъ привѣтствовалъ барона всюду, гдѣ онъ ни появлялся, приговаривая: «онъ ѣздитъ какъ вѣтеръ, какъ птица, онъ стоитъ на лошади, онъ волшебникъ, онъ самъ дьяволъ!»

Декенъ считалъ еще свою задачу не оконченною, и, чтобы показать Арабамъ, что не простой случай доставилъ ему побѣду, послалъ на слѣдующій день въ дворецъ принца съ предложеніемъ помѣряться съ нимъ и съ любымъ изъ туземцевъ и въ другихъ вещахъ—въ упражненіяхъ оружіемъ и во всѣхъ гимнастическихкихъ играхъ. Ни одинъ изъ нихъ не принялъ этаго вызова, и такимъ образомъ можно было считать доказаннымъ, что воображеніе Арабовъ, будто они въ физическомъ отношеніи стоятъ выше европейцевъ,—неосновательно.

Между тѣмъ Декенъ непрерывно продолжалъ свои приготовленія, чтобы по окончаніи періода дождей начать свое путешествіе во внутреннія страны. Въ то время въ Занзибарѣ находился молодой англійскій геологъ, *Ричардъ Торнтонъ*,

который прежде путешествовалъ съ Ливингстономъ по рѣкѣ Замбези и по озеру Ширва, но по различнымъ причинамъ оставилъ эту экспедицію и началъ самостоятельно продолжать въ сѣверныхъ областяхъ свои геологическія работы, начатыя на югѣ. Онъ познакомился съ нашимъ путешественникомъ, возымѣлъ сочувствіе къ его новымъ планамъ и сдѣлалъ ему предложеніе сопровождать его въ его ближайшемъ предпріятіи. Такое соединеніе было весьма благоприятно для обоихъ, такъ какъ Торнтонъ въ это время былъ безъ средствъ и потому не могъ предпринять путешествія до тѣхъ поръ, пока не получитъ ожидаемыхъ съ родины денегъ и инструментовъ. По этой причинѣ ему было пріятно принять участіе въ предпріятіи другаго лица и найти въ баронѣ фонъ-Декенѣ человѣка, при которомъ онъ не могъ подвергаться такимъ непріятностямъ какъ прежде. Декенъ же, наученный своею первою экскурсіею, что одному невозможно справиться со всѣми необходимыми работами, долженъ былъ воспользоваться представляющимся случаемъ какъ особенно счастливымъ обстоятельствомъ, такъ какъ его силы удвоились и предстоящее путешествіе обѣщало быть весьма богатымъ результатами.

Въ самомъ дѣлѣ требованія, которыя ставитъ новѣйшее время научному путешественнику, почти невѣроятны. Онъ долженъ, при тропическомъ солнечномъ зноѣ, ежедневно проходить 10—15 морскихъ миль и болѣе, спорить съ проводниками относительно направленія пути, ссориться съ носильщиками за ихъ лѣность, долженъ на ходу охотиться, собирать коллекціи, производить измѣренія и всходить на горы; онъ долженъ вечеромъ, усталый, писать дневникъ, ночью производить астрономическія наблюденія и отмѣчать пройденный путь; кромѣ того, онъ долженъ на стоянкахъ закупать съѣстные припасы, наблюдать жизнь народовъ, собирать статистическія свѣдѣнія и составлять словари неизвѣстныхъ языковъ! Путешествующему же по восточной Африкѣ достается всего больше непріятностей, такъ какъ здѣсь соединяются еще особыя обстоятельства, затрудняющія путешествіе. По всему свѣту можно путешествовать удобнѣе, чѣмъ здѣсь: въ южной Америкѣ ѣздить на лошадяхъ и мулахъ, въ сѣверной Африкѣ—на верблюдахъ, въ Индіи—на слонахъ, въ Мадагаскарѣ и въ западной Африкѣ употребляютъ паланкины или гамаки, въ южной Африкѣ тяжести перевозятъ на телѣгахъ, запряженныхъ быками; здѣсь же путешественникъ долженъ рассчитывать только на свои собственныя ноги, а тяжелая ноша его должна переправляться на толстыхъ черепахахъ и здоровыхъ плечахъ туземцевъ. Неудобоподвижность такого каравана и трудность снабжать каждый день пищею и питьемъ столькихъ людей понятны само собою. Какъ дорого и невыгодно путешествіе въ этихъ странахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго расчета. Вьюка носильщика, если даже онъ состоитъ изъ самыхъ дорогихъ товаровъ, хватаетъ не болѣе какъ на три дня для прокормленія ста человѣкъ, стало-быть караванъ съ 100 такими вьюками можетъ путешествовать не болѣе трехсотъ дней, если только ему не удастся на дорогѣ получить еще нѣсколько товаровъ въ долгъ. Но, если принять въ расчетъ, что приходится брать множество предметовъ меньшей стоимости, что многіе предметы мѣны теряютъ часть своей стоимости смотря по колебаніямъ вкуса,

что пошлины за проходъ и подарки иногда обходятся не дешевле покупки съѣстныхъ припасовъ, и что, наконецъ, частое движеніе по дорогѣ или голодъ могутъ вызвать необычайную дороговизну, то можно безъ преувеличенія сказать, что 100 человѣкъ могутъ жить продажою своихъ товаровъ только 150—200 дней. Срокъ этотъ при научныхъ путешествіяхъ сокращается еще тѣмъ, что надо брать много такихъ людей, которымъ также нужна пища, но которые несутъ не предметы торговли, а инструменты, книги, ружья и т. под. Результаты путешествія отъ такого увеличенія каравана въ сущности не измѣняются, но число голодныхъ желудковъ увеличивается. Изъ этого вытекаетъ для путешественника необходимость дѣйствовать какъ можно экономнѣе при закупкѣ съѣстныхъ припасовъ: онъ долженъ все покупать самъ, такъ какъ иначе его безсовѣстно надуютъ, и онъ, можетъ-быть уже на половинѣ дороги, принужденъ будетъ вернуться вслѣдствіе недостатка въ предметахъ мѣны.

Потому-то путешествія по восточной Африкѣ стоятъ еще на низшей степени развитія. Это объясняется тѣмъ, что европейцы, которые начали путешествовать здѣсь только лѣтъ десять назадъ, большею частію не имѣли времени и средствъ пускаться въ попытки и улучшенія, а туземцы слишкомъ лѣнны для того, чтобы сдѣлать это въ своей стороны, да и не видятъ отчасти никакой выгоды въ облегченіи сношеній съ внутренними странами, такъ какъ тогда каждый можетъ отправляться туда и цѣна товаровъ въ короткое время значительно понизится. Нѣтъ сомнѣнія, что позднѣйшіе путешественники постараются устранить эти неудобства или введя въ употребленіе верблюдовъ, или употребивъ для перевозки экипажей всюду находящійся рогатый скотъ.

Между обоими путешественниками былъ заключенъ договоръ, по которому Декенъ обѣщаль нести издержки на подарки, пошлины и покупку съѣстныхъ припасовъ, а Торнтонъ долженъ былъ снарядить и содержать только себя и своего слугу, но за то обязался принять на себя научныя работы, какъ то: геологическія и астрономическія наблюденія и сообщать Декену ихъ результаты, но не обнаруживать ихъ безъ согласія послѣдняго.

Послѣ многихъ затрудненій и промедленій, отъѣздъ можно было назначить 28-го мая. Сеидъ-Маджидъ очень желалъ успѣха путешествія и даже предоставилъ путешественнику для переѣзда въ Момбасъ одинъ изъ своихъ кораблей, *бригъ Африку*. Представители европейскихъ державъ также содѣйствовали барону въ устраненіи препятствій. Всѣ вазунгу выказывали живѣйшее участіе къ новому предпріятію, и большая часть ихъ лично пришли попрощаться съ путешественникомъ. Отплытіе судна, назначенное Сеидъ-Маджидомъ въ два часа пополудни, представляло совершенно иной характеръ, чѣмъ прежній отъѣздъ въ Килоа: на этотъ разъ путешественники ѣхали не на жалкомъ рабочемъ суднѣ, наполненномъ людьми и товарами, а на кораблѣ султана, и не со стыдомъ, какъ тогда, а привѣтствуемые флагами султана и консуловъ. Такое торжественное прощаніе не только дѣлало честь путешественнику, но и укрѣпило его надежды и дало народу понять, что чужестранецъ находится въ хорошихъ сношеніяхъ съ представителями всѣхъ державъ.

На корабль была смѣсь экипажа, путешественниковъ и провожающихъ друзей, и путаницу еще болѣе увеличивало рвеніе нѣсколькихъ капитановъ Сеидъ-Маджида, которые пришли проститься со мною и всѣ вмѣстѣ хотѣли командовать. Несмотря на это, все шло благополучно, и путешественники безъ всякихъ включеній вышли въ открытый фарватеръ по ту сторону Шапани. Вѣтеръ надулъ паруса и сопровождавшіе воротились назадъ.

Благопріятствуемое постояннымъ свѣжимъ вѣтромъ, путешествіе продолжалось только осмынацать часовъ: въ восемь часовъ слѣдующаго утра показался въ виду Момбасъ, и черезъ полтора часа корабль стоялъ на якорѣ въ наружномъ рейдѣ. Нагоза казался боялся узкаго входа въ гавань, требующаго точныхъ маневровъ, и боялся даже подойти близко къ острову, и несмотря на всѣ представленія путешественника, онъ остановилъ корабль на разстояніи трехъ морскихъ миль отъ суши. Его опасенія были впрочемъ основательны, такъ какъ только двое людей были настоящіе матросы, а прочіе сдѣлали можетъ-быть не болѣе одной поѣздки на какомъ-нибудь дау.

Море поднялось высоко, и потому выгрузка клади и ословъ должна быть очень затруднительна. Поэтому оба путешественника отправились на берегъ одини, чтобы предварительно поговорить съ намѣстникомъ, комендантомъ форта и баніаномъ. Письма Сеидъ-Маджида и Лудды оказали свое дѣйствіе. Рекомендованныхъ съ лучшей стороны путешественниковъ приняли весьма любезно, предоставили имъ на словахъ въ распоряженіе все, и дѣйствительно сдѣлали все возможное, т. е. въ теченіи нѣсколькихъ часовъ очистили красивый домъ на берегу и на слѣдующее утро доставили для разгрузки большія шлюпки. Посѣтивъ Ребмана, оба путешественника выѣхали изъ города; послѣ четырехчасовой борьбы съ вѣтромъ и приливомъ, идя то на парусахъ, то на веслахъ, они въ сумерки снова достигли своего судна.

Сверхъ всякаго ожиданія, при разгрузкѣ ничего не пропало и только небольшое поломано. Только осламъ при этомъ пришлось много потерпѣть: отъ сталкиванья и паданья въ узкія шлюпки они были разбиты на нѣсколько дней. Первое устройство дома было окончено, несмотря на частыя помѣхи со стороны обоихъ начальниковъ города, которые приходили каждую четверть часа освѣдомляться, не могутъ ли они чѣмъ-нибудь помочь, и, даже будучи вѣжливо выпровожены, опять предлагали свои услуги. Дабы отдѣлаться отъ нихъ, Декенъ поручилъ наконецъ одному изъ нихъ доставить въ домъ воды, а другому—позаботиться о доставкѣ свѣжей травы для разбитыхъ ословъ. Но услужливые люди и этимъ не удовлетворились; они должны были передать еще подарки по случаю пріѣзда, но и тутъ надѣлали больше суматохи, чѣмъ пользы. Старый Тангаи привелъ именно совершенно свирѣпаго быка, который безпрестанно вырывался и не разъ даже бодро взбирался по крутой лѣстницѣ въ первый этажъ, такъ что наводилъ на его обитателей страхъ какъ за безопасность ихъ самихъ, такъ и за жизнь этого храбраго жвачнаго животнаго. Наконецъ его принуждены были отдать назадъ, къ немалому огорченію черной прислуги, воображенію которой онъ представлялся уже разрѣзаннымъ на части. Декенъ также явился не съ пустыми руками; онъ обрадо-

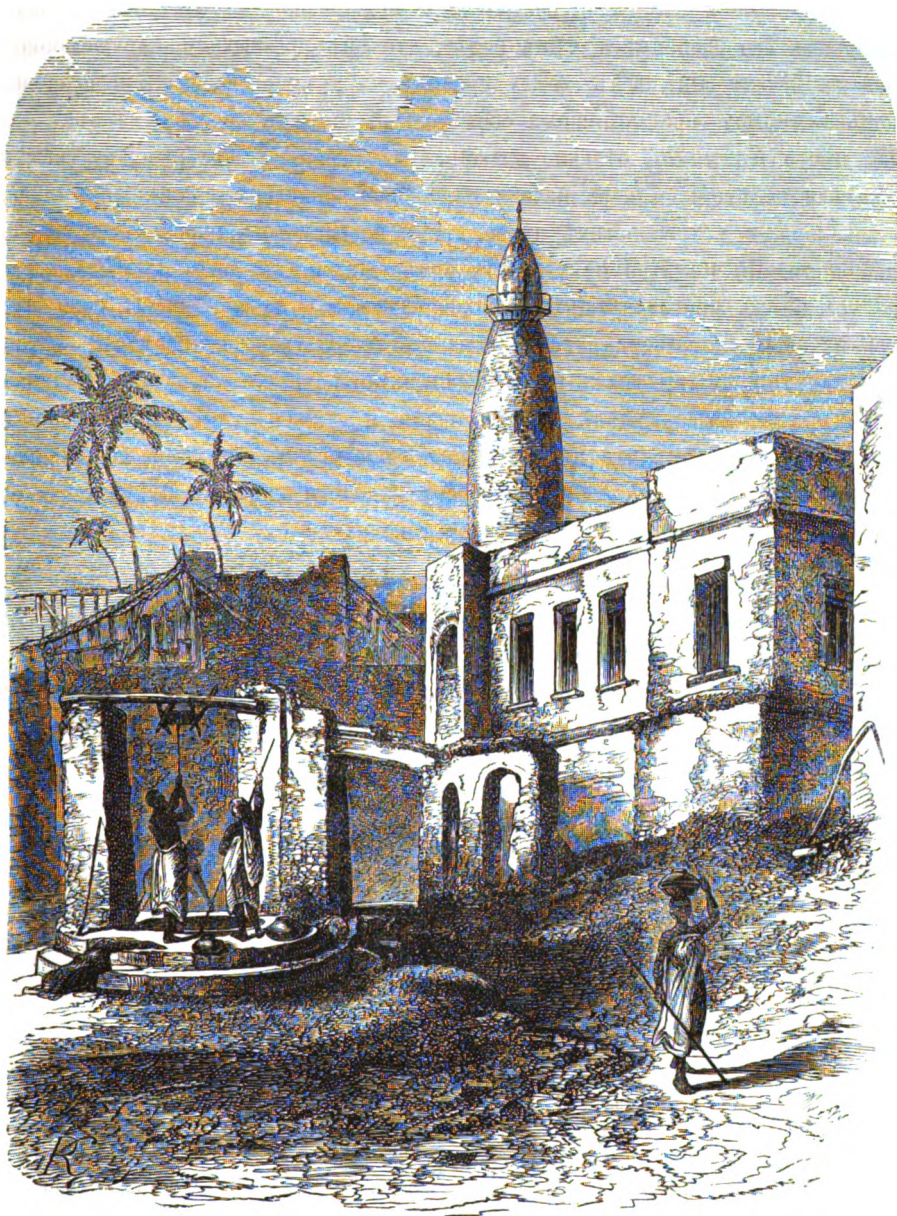
валъ обоихъ начальниковъ города, подаривъ имъ револьверы, и тѣмъ поощрилъ джемедари прислать еще одного быка и жирную овцу.

Слѣдующіе дни прошли въ визитахъ и въ дальнѣйшемъ устройствѣ дома. Прежде всего была устроена лѣстница на плоскую кровлю, какъ для того, чтобы наблюдать оттуда звѣзды, такъ и для того, чтобы въ прохладные часы дня наслаждаться прекраснымъ видомъ на гавань и городъ, на сосѣдную мечеть и находящійся около нея колодезь, во всякую пору дня оживленный, равно какъ и на столько же привлекательный сосѣдній дворъ. Какъ скоро сосѣдъ замѣтилъ это послѣднее намѣреніе, то заявилъ громкій протестъ противъ него, потому что, какъ у насъ нельзя безъ позволенія дѣлать окно, выходящее на чужой дворъ, такъ у Арабовъ не любятъ, когда смотрять на ихъ дворы, особенно если любопытный—человѣкъ неправовѣрный. Дворъ есть «священное мѣсто» дома; тутъ прогуливаются и занимаются разными работами женщины,—а при этомъ легко можетъ случиться, что два жгучіе взора встрѣтятся между собою? Поэтому сосѣдъ пришелъ къ путешественнику и просилъ отгородить кровлю, подъ тѣмъ предлогомъ, что появленіе чужеземцевъ на кровлѣ будетъ беспокоить и пугать его женъ. Съ трудомъ убѣдили его, что вазунгу бояться нечего, и онъ, только наружно успокоенный, ушелъ домой: въ душѣ ему не давала покоя мысль объ опасности, грозящей миру его дома; онъ думалъ о томъ, какъ бы устранить ее и наконецъ попалъ на дурно придуманное средство. Онъ однажды явился къ барону и сталъ жаловаться, что бѣлый человѣкъ ночью былъ у его женъ. Девенъ убѣдился въ несправедливости этого увѣренія и прогналъ лживаго жалобщика изъ дома, серьезно указавъ ему на его несправедливость. Когда намѣстникъ узналъ объ этомъ, то велѣлъ взять безсовѣстнаго, осмѣливагося оскорбить чужеземца, пользующагося такимъ высокимъ положеніемъ султана, и заключилъ его въ тюрьму. Конечно, его на другой же день выпустили по просьбѣ одного изъ его родственниковъ, но этого короткаго ареста было достаточно, чтобы научить его впредь быть осторожнѣе: онъ пришелъ со всѣмъ своимъ семействомъ къ мзунгу, поблагодарилъ его за милостивое наказаніе и сокрушенно просилъ прощенія.

Прошло нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ пошли въ ходъ переговоры съ проводниками и носильщиками. Въ это время путешественники обходили городъ и островъ, обозрѣли прежде всего замѣчательныя развалины и тщательно скопировали всѣ надписи; они дѣлали фотографическіе снимки, срисовывали, принимали и болѣе далекія экскурсіи,—какъ напр. въ сюрмяныя копи *Мавени* (26) въ странѣ Дорума, чтобъ измѣреніями различныхъ пунктовъ положить основу для карты внутреннихъ странъ, которая должна была быть составлена во время путешествія. Для этой же цѣли надо было еще разъ посѣтить и крѣпость. Но старый Тангаи почему-то на этотъ разъ представилъ затрудненія, — можетъ-быть потому, что при этомъ былъ Англичанинъ, или же потому, что тутъ должны были быть употреблены въ дѣло землѣрные инструменты, и только послѣ долгихъ переговоровъ далъ позволеніе.

Вечера Девенъ проводилъ большею частію въ сообществѣ *Ребмана*, равно какъ и воскресныя утра послѣ богослуженія, которое миссіонеръ совершалъ на

англійскомъ языкѣ. При частныхъ сношеніяхъ между обоими ими часто выказывалась разница ихъ возрѣній, происходившая отъ различнаго способа ихъ образованія: Ребманъ, который до своего переселенія въ Африку рѣдко выѣзжалъ изъ

Колодезь и мечеть въ Момбасѣ.

тѣсныхъ предѣловъ Виртемберга и окончилъ свое позднѣйшее образованіе въ извѣстномъ Базельскомъ миссіонерскомъ домѣ, выказывалъ себя строгимъ протестантомъ; Деженъ же, напротивъ, посѣтившій почти все страны и большіе горо-

да Европы, а потомъ еще часть Алжира, и находившійся въ сношеніяхъ со всѣми слоями общества, былъ либеральнѣе и терпимѣе. Живыя бесѣды, возникавшія вслѣдствіе такого различія мнѣній, не могли однакоже на долгое время нарушать добраго согласія между двумя этими людьми: заслуги Ребмана относительно землѣдѣнія восточной Африки, въ соединеніи съ его призваніемъ, заставляли забывать о маленькихъ его слабостяхъ, тѣмъ болѣе, что онъ чрезвычайно дружелюбно относился къ Дегену. Онъ велъ между прочимъ на туземномъ языкѣ переговоры съ каравановожатыми, предлагавшими свои услуги. Самымъ способнымъ изъ нихъ казался нѣкто *Капитао*, отлично знакомый съ странами, которыя путешественники хотѣли посѣтить. Теперь начали ежедневно происходить совѣщанія о заключеніи договора, о потребностяхъ путешествія, и, главнымъ образомъ, о вербовкѣ носильщиковъ. Но Капитао не удовлетворилъ ожиданіямъ; онъ не выказалъ никакого усердія въ приготовленіяхъ, увеличивалъ съ каждымъ днемъ свои требованія и наконецъ потребовалъ даже взять съ собою солдатъ. Ребманъ, котораго пятнадцатилѣтніе опыты должны бы были научить знать характеръ туземцевъ, вѣрилъ его лжи, поддерживалъ его требованія и старался убѣдить путешественника уступить ему, такъ что Дегенъ наконецъ отослалъ отъ себя избраннаго вожатаго. Пятнадцатаго іюня былъ заключенъ новый договоръ съ Мукуругензи-Факи: задатокъ въ 5 талеровъ придалъ уговору законную силу.

Затѣмъ взятые доселѣ носильщики занялись упаковкою и заготовкою *мзиго* или тюковъ съ товарами. Въ восточной Африкѣ каждый предметъ торговли укладывается въ тюкъ вѣсомъ въ $1\frac{1}{2}$ фразлаха или $52\frac{1}{2}$ англ. фунта и обшивается вышеупомянутою *машпиттою* такъ искусно, что всю обертку можно счесть состоящею изъ одного куска. Острые и жесткіе листья растенія, служащаго для выдѣлки узкой плетеной машпитты, вкладываются промежду изгибовъ того или другаго куска товаровъ, и потомъ все плотно стачивается. Понятно, что такимъ образомъ можно обвить плетенкою тѣло какой угодно формы и предохранить его отъ внѣшнихъ поврежденій. Самыя мзиго бываютъ разной формы и величины: бумажныя матеріи упаковываются въ видѣ кипъ около 4 футовъ длины, $1\frac{1}{2}$ футовъ ширины и 1 фута толщины; желѣзная проволока—въ видѣ колець, имѣющихъ 1 — 2 фута въ діаметрѣ, а тяжелыя, нанизанныя на нитки, бусы — въ видѣ небольшихъ мотковъ или свертковъ.

Хотя набрана была только часть необходимыхъ носильщиковъ, но уже былъ назначенъ день платежа, когда они должны были получить половину своего жалованья, и день отправленія; можно было надѣяться, что это побудитъ скорѣе явиться и другихъ желающихъ отправиться въ путешествіе. Предположеніе это оказалось справедливымъ: черезъ два дня нужное число носильщиковъ было набрано сполна, хотя Ребманъ и считалъ невозможнымъ найти достаточное число людей за обычную цѣну, 12 талеровъ за все время путешествія,—каковой цѣны твердо держался Ребманъ.

Въ назначенный заранѣе день, 24-го іюня, явились въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра намѣстникъ *Али-бенъ-Нассеръ* (не тотъ, о которомъ упоминалось выше, и

который былъ въ 1845 году убитъ въ сраженіи съ жителями Сиви на островѣ Патта), Мустафа (сынъ коменданта крѣпости), два баніана изъ таможеннаго дома, нѣсколько почетныхъ горожанъ, а потомъ и *Ребманъ*, чтобы присутствовать при церемоніи платежа. Послѣ краткой рѣчи вали 40 человекъ получили каждый по шести талеровъ, половину своего жалованья, и по полу-талеру на харчи до первой станціи — до горы Кадьяро, а вожатый Факи — 30 талеровъ; при этомъ они держали себя спокойнѣе и приличнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ шумливыхъ Негровъ. Таможенный сборщикъ записалъ имена всѣхъ, дабы потомъ можно было потребовать отчета отъ тѣхъ, которые будутъ дурно вести себя. Одинъ изъ нанятыхъ людей, надсмотрщикъ, по имени *Гаммисъ*, опоздалъ на два часа и началъ извиняться разными увертками; потомъ онъ принесъ барону, «чтобы примириться съ нимъ», цѣлый ананасъ, стоящій три пфеннига, въ подарокъ! Уже послѣ полудня трое носильщиковъ отказались и принесли назадъ деньги. Ихъ господа, Белуджи изъ крѣпостнаго гарнизона, взяли полученную впередъ сумму себѣ; но невольники не хотѣли согласиться на это и нарушили только что заключенное условіе. Такіе случаи бывають часто, хотя и не такъ, какъ въ Килоа. Этотъ недостатокъ легко было пополнить и онъ не имѣлъ никакихъ дурныхъ послѣдствій, помимо того, что баніану пришлось сдѣлать новый списокъ носильщиковъ.

Приготовленія къ отбытію производились дѣятельно: сводились счеты съ городскими купцами, принимались визиты и писались письма въ Европу и на Занзибаръ. Когда Тангаи и нѣкоторые изъ почетныхъ лицъ узнали о письмахъ, то послѣдніи явились къ барону и просили его написать о нихъ побольше хорошаго и рекомендовать ихъ султану съ лучшей стороны.

На прощанье съ Ребманомъ Коралли, съ немногими находившимися въ его распоряженіи средствами, устроилъ прекрасный обѣдъ, за которымъ путешественники провели нѣсколько часовъ въ веселомъ настроеніи духа. Носильщикамъ также, по старому караванному обычаю, былъ наканунѣ отбытія зарѣзанъ быкъ и мясо его роздано имъ вмѣстѣ съ приправою къ нему. Послѣднюю ночь они должны были спать въ домѣ путешественника, дабы, по безопасности ихъ, отправленіе не замедлилось на утро. Благодаря этой предосторожности, въ 6 часовъ утра 26 числа всѣ они собрались у дверей, получили свои тюки, а тѣ, которые умѣли обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, еще ружья (старые, англійскіе тоуэрскіе мушкеты). Несмотря на увѣренія всѣхъ опытныхъ людей, что до полудня нечего и думать объ отправленіи, караванъ тронулся черезъ полтора часа.

Путешествующее общество состояло изъ троихъ европейцевъ (барона фонъ-Дежень, г. Торнтонъ и Коралли), пяти человекъ прислуги и собственно каравана, т. е. Мукуругензи-*Факи*, двухъ вилонголо или проводниковъ (*Мнубіэ* и *Гаммиса*) и 47 носильщиковъ, изъ коихъ болѣе половины были невольники. Между носильщиками отличались двое; *Муанзалани*, невольникъ одного Араба, въ качествѣ охотника за слонами нѣсколько разъ объѣхавшій области Паре, Джагга, Дафета, Аруша, Укамбали и др., и *Шамали*, свободный Негръ, посѣтившій эти же страны въ качествѣ носильщика, доходившій даже до *Кикуйю*, къ сѣверу

отъ Укамбани, и потому пользовавшійся большимъ почетомъ, такъ какъ путешествіе въ Кикуйю считается въ Момбасѣ геройскимъ подвигомъ. Слуги всѣ заслуживаютъ быть названными поименно, такъ какъ ихъ имена будутъ часто встрѣчаться. Главнымъ изъ нихъ былъ *Ассани-бенг-Эди*, Коморіанецъ, ѣздившій на французскихъ военныхъ корабляхъ въ качествѣ слуги и матроса, побывавшій въ Марсели и хорошо изучившій французскій языкъ; еще во время путешествія къ озеру Ниасса онъ оказалъ большія услуги въ качествѣ толмача, а потомъ, казалось, привязавшись къ мзунгу, поставилъ себѣ долгомъ сопровождать его во всѣхъ его путешествіяхъ по восточной Африкѣ. Другой обвѣянный духомъ цивилизации Коморіанецъ, по имени *Гаммади*, служилъ прежде матросомъ на французскомъ кораблѣ и поваромъ на арабскомъ и американскомъ корабляхъ, и теперь игралъ также значительную роль на кухнѣ. Остальные трое были: землякъ этихъ двухъ людей, по имени *Реджабу*, бывший слугою у англійскаго консула, потомъ 14 лѣтній Мгао *Анамурі*, ловкій и вѣрный слуга, и 11 лѣтній *Секуатъ*, взятый Торнтономъ изъ Замбезе Негръ. Секуатъ говорилъ по-португальски и суахелійски и служилъ переводчикомъ своему господину, который послѣ долгаго пребыванія въ португальскихъ владѣніяхъ изучилъ португальскій языкъ, но не имѣлъ еще времени изучить суахелійскій. Онъ былъ необходимъ Торнтону по этой причинѣ и еще потому, что изучилъ его потребности и привычки и сумѣлъ пріобрѣсти безграничное его довѣріе. Къ сожалѣнію, онъ безсовѣстно лгалъ и воровалъ, что оказалось еще во время пребыванія въ Момбасѣ. Онъ укралъ тутъ три талера, и когда, несмотря на упорное запирательство, его наказали и посадили въ крѣпость, то онъ, понужденный желѣзными кандалами и плохою пищею, сознался въ своемъ проступкѣ и наивно сказалъ, что онъ «взялъ деньги вѣдь у своего же господина». Торнтонъ не могъ обойтись безъ него и оставилъ его у себя въ услуженіи, надѣясь, что наказаніе хотя на нѣкоторое время исправитъ его.

Кромѣ этихъ 58 человекъ, шли еще пять ословъ, безъ груза, только съ сѣдломъ и уздою, которые должны были служить для верховой ѣзды европейцамъ въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр. при нездоровьѣ или утомленіи.

По здоровомъ обсужденіи, путешественникъ рѣшился итти черезъ горную цѣпь Шимба, идущую съ юга до Момбасской бухты. Правда, эта дорога давно была заброшена, но это было неважно въ сравненіи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что эта южная дорога давала возможность положить, вмѣстѣ съ прежними съемками на сѣверѣ отъ Момбаса, болѣе обширную основу для картографическихъ съемокъ внутренней страны.

Сопровождаемый Ребманомъ, Танган, Мустафою, двумя баніанами, нѣсколькими знатными Индійцами и Арабами и нѣкоторымъ числомъ белуджей въ качествѣ почетнаго конвоя, караванъ направился къ Бизилиндии. Тамъ уже стояли на якорѣ два небольшія дау, которыя должны были перевезти на другую сторону пролива людей, животныхъ и вещи. Все это было переправлено въ три раза. Еще задержка произошла отъ того, что нѣкоторые изъ провожавшихъ послѣдовали за

путешественникомъ, несмотря на его нежеланіе, на материкъ и только тамъ распрощались съ нимъ, а также и отъ того, что явился начальникъ Ваника съ горъ Шимба, который пришелъ привѣтствовать путешественника и принесъ ему въ подарокъ кокосовыхъ орѣховъ. Наконецъ все было окончено, возвратившіеся получили нѣсколько строкъ для передачи гамбургскому консулу въ Занзибарѣ, въ которыхъ его извѣщаль Деженъ о своемъ благополучномъ отбытіи, и путники отправились далѣе, въ неизвѣстную страну. Послѣ четырехчасоваго перехода остановились на открытомъ мѣстѣ въ Ваникаскомъ селеніи *Бомбо* и раскинули лагерь: это была *первая ночь подъ открытымъ небомъ*.

ОТДѢЛЪ ТРИНАДАТЫЙ.

Жизнь во время путешествія.

Отправление. — Порядокъ шествія. — Неудобства ремесла носильщиковъ. — Распредѣленіе времени. — Прибытіе въ лагерь. — Забота о желудкѣ у господъ и слугъ. — Веденіе дневника. — Укрѣпленный лагерь. — Удовольствія первой ночи. — Селенія Ваника. — У Вакамба. — Костюмъ, жилища, нравы. — Пустыня. — Ызда на ослѣ. — Таланты Факи, какъ вожатая. — Спящіе часовые. — Искусный стрѣлокъ изъ лука. — Вспугнутые жирафы. — Первые нгурунга. — Около Килибасся. — Первая станція для закупки съѣстныхъ припасовъ.

Первая ночь на чистомъ воздухѣ, наединѣ! Наединѣ! Это можно сказать даже и тогда, когда ночуешь въ селеніи, потому что жители, днемъ весьма любопытные, ночью держатся далеко отъ лагеря. Вскорѣ бесѣда умолкаетъ, каждый предается своимъ мыслямъ; настоящее исчезаетъ, все рѣже и слабѣе доходятъ до сознанія впечатлѣнія внѣшняго міра, все общіе и неопредѣленныя становятся представленія, и вскорѣ утомленными овладѣваетъ сонъ.

За долго до разсвѣта пѣніе пѣтуховъ призываетъ къ отправленію. Прежде всѣхъ пробудившіеся будятъ другихъ, и вскорѣ всюду является движеніе. Слуги наскоро готовятъ чай для господъ и сѣдлаютъ ословъ; носильщики упаковываютъ свои постели и прикрѣпляютъ ихъ къ своимъ тюкамъ: какъ ни бѣдны эти негры, но каждый изъ нихъ имѣетъ цыновку для покрывки и для подстилки, сплетенную искусною рукою его жены или пріятельницы. Разсвѣтаетъ; все готово, и медленно трогается въ путь караванъ, — впереди два килонголо, потомъ ослы, за ними носильщики и наконецъ европейцы съ Мукуругензи. Такъ по крайней мѣрѣ по большей части бываетъ въ первые дни, пока идешь еще черезъ селенія и деревни, гдѣ каждый легко можетъ отстать или убѣжать; послѣ, въ пустынѣ, такая предосторожность бываетъ уже не нужна, потому что страхъ держать людей вмѣстѣ.

Европейцы идутъ въ легкой одеждѣ—въ шерстяной рубашкѣ, панталонахъ и курткѣ изъ фланели или бумажной матеріи, въ шапкѣ или шляпѣ, обернутой шалью или подбоемъ изъ только что сорванной травы, для защиты отъ солнечныхъ лучей, въ толстыхъ сапогахъ о трехъ подошвахъ, рѣдко босые, потому что около полудня земля въ теченіи нѣсколькихъ часовъ бываетъ такъ горяча, что непривычныя ноги обожгутся, и въ кожаныхъ штиблетахъ, если дорога тер-

ниста. Они несутъ съ собою только свое охотничье ружье и тѣ мелкія вещи, которыя они постоянно должны имѣть подъ руками; прочія ружья, инструменты, кухонную посуду и т. п. несутъ *слуги*. Младшій изъ слугъ всегда заботится о мелкихъ животныхъ, какъ напр. о козѣ или о курахъ, которыхъ несутъ привязанныхъ кверху ногами къ шесту. Но онѣ, несмотря на такое неудобное положеніе, чувствуютъ себя какъ нельзя лучше, по крайней мѣрѣ остаются здоровыми и жирными: мы имѣли при себѣ курицу, которая каждый вечеръ, когда ее отвязывали, весело кудахтая, несла по яйцу.

Проводники и надсмотрщики идутъ также на-легкѣ, но должны, когда кто-либо изъ носильщиковъ заболѣетъ, поочередно нести его тюкъ. Но зато *пагази* или носильщики сильно нагружены. Кромѣ своихъ разноформныхъ мзиго, которыя они всегда несутъ на головѣ, они тащатъ еще *китомы* или фляжки изъ тыквы, наполненные водою, связку съѣстныхъ припасовъ, свои постели и небольшіе запасы матерій, каури и т. п. для собственнаго употребленія или для того, чтобы имѣть возможность купить, что имъ понравится, пару кожаныхъ сандалій, которыя надѣваются тамъ, гдѣ на дорогѣ лежатъ терны, тяжелый мушкетъ, если имѣютъ на это право, и изъ каждаыхъ пятерыхъ или шестерыхъ одинъ еще горшокъ для варки кушанья: трудно найти еще для чего-нибудь свободное мѣсто на головѣ, спинѣ, плечахъ или бедрахъ. Поэтому участь пагази, съ такимъ багажемъ проходящихъ по 6—8 часовъ въ день за пищу, состоящую изъ бобовъ, и съ перспективою получить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ шесть талеровъ, нельзя назвать завидною (задатокъ, разумѣется, истраченъ еще вскорѣ послѣ его полученія). Но, несмотря на это, носильщики всегда бодры и веселы и даже готовы на экстраординарные труды, если съ ними умѣютъ обращаться.

Каждые полтора или два часа дѣлается роздыхъ для сбора каравана. Этимъ короткимъ отдыхомъ пользуешься для того, чтобы выпить глотокъ воды или съѣсть кусокъ сухаря, такъ какъ привыкшему къ завтраку желудку въ первые дни трудно привыкнуть къ тому, чтобы обѣдать только вечеромъ, поправить одежду и обувь, занести на бумагу кое-какія замѣтки и т. п., однимъ словомъ, 20—30 минутъ, которыя даетъ вожатой, пролетаютъ довольно быстро. Такъ идешь цѣлый день, до часа или двухъ передъ сумерками. Только въ особенныхъ случаяхъ, когда напр. до единственно возможной стоянки доходишь раньше или когда предстоятъ длинныя безводныя переходы, это правило измѣняется, т. е. или останавливаются ранѣе, или же продолжаютъ путь и по наступленіи сумерокъ.

Избравъ удобное мѣсто для *стоянки*, всего лучше тѣнистое мѣсто подъ деревомъ, неподалеку отъ воды, носильщики складываютъ посреди него свои мзиго и отправляются—одни за дровами, другіе за водою, третьи устраиваютъ кухню, т. е. складываютъ изъ трехъ камней очагъ и ставятъ на края ихъ толстые глиняные горшки. Около каждаго огня усаживаются по пяти или шести человекъ, сообща получающіе свою порцію. Между тѣмъ какъ варится кушанье, вынимаютъ баканы, жуютъ сахарный тростникъ (за сахарный тростникъ и медъ негръ отдаетъ свое послѣднее одѣяніе) или жарятъ на огнѣ головки маиса. Лакомки, понимающіе искусство продлить наслажденіе, вынимаютъ тоненькія палочки

съ странными кусочками — мясомъ, которое они разрѣзали на мелкія пластинки, и, воткнувъ на палочки, изжарили заранѣе для путешествія. Полчаса спустя, всѣ пируютъ, и вскорѣ горшки и котлы пустѣютъ.

Не такъ комфортабельно живутъ *европейцы*. Можно было бы подумать, что имъ, какъ господамъ, нечего дѣлать, и что они сейчасъ же по прибытіи могутъ предаться покою, — но это не такъ. Прежде всего они должны присмотрѣть за всѣмъ, особенно за тѣмъ, какъ слуги срѣзаютъ траву и корни и уравниваютъ мѣсто, назначенное для ихъ скромнаго ложа, потому что иначе они напрасно будутъ искать ночью спокойствія, въ которомъ такъ нуждаются: постеля будетъ неровна и они будутъ съ нея скатываться, или же на нихъ нападутъ муравьи, которыхъ невнимательные работники не замѣтили или не хотѣли замѣтить. Потомъ каждый, не имѣющій переносной кровати, стискиваетъ себѣ пять ровныхъ тюковъ американо, кладетъ по два тюка рядомъ вдоль, а пятый въ головы, а на него, въ качествѣ подушки, ослиное сѣдло или небольшое мзго съ бусами, постилаетъ сверхъ всего шерстяное одѣяло, а другимъ одѣвается, приготовляя съ боку резиновое одѣяло для защиты отъ дождя и росы. Теперь постель готова, но отдохнуть еще нельзя; надо вести дневникъ и заносить на бумагу впечатлѣнія, которыя иначе забудутся. Утомленный путешественникъ хотѣлъ бы растянуться, но онъ долженъ писать: если онъ сегодня этого не сдѣлаетъ, то не сдѣлаетъ никогда, и вмѣсто дневника будутъ еженедѣльные или ежемѣсячныя замѣтки, а пожалуй и вовсе ничего не будетъ. Неудивительно, что замѣтки, составляемыя при такихъ условіяхъ, бывають несвязны и не отличаются талантливымъ изложеніемъ. Путешественнику кажутся важными даже обыденныя мелочи, которыя у позднѣйшаго читателя вызовутъ улыбку; такъ напр. Торнтонъ обыкновенно начинаетъ свой дневникъ словами: «Slept well, poor night's rest, hard dreaming all the night (спалъ хорошо, дурно спалъ ночью, имѣлъ тяжелые сны всю ночь) и т. под. замѣчаніями. Поэтому дневники путешественниковъ рѣдко можно печатать безъ пересмотра и тщательной обработки. Декенъ вѣрно сказалъ однажды: «Если мнѣ когда-либо надоѣстъ путешествовать, то это потому, что я долженъ вести дневникъ!» Онъ не зналъ стенографіи, которая берегаетъ по крайней мѣрѣ втрое болѣе времени и силъ при письмѣ. Никому такъ не полезно искусство стенографическое, какъ путешественнику; мы твердо убѣждены, что оно будетъ также необходимо для будущихъ путешественниковъ, какъ теперь необходима фотография.

Еще во время этой работы желудокъ начинаетъ бурчать все сильнѣе и сильнѣе. Тамъ негры уже сидятъ за дымящимися блюдами; хотѣлось бы присоединиться къ нимъ, но нельзя: не надо обнаруживать слабости, надо подождать, пока поваръ и слуга все приготовятъ, какъ слѣдуетъ господину и повелителю.

Кто пробовалъ кушать *одна* разъ въ день, тотъ пойметъ, что испытываетъ путешественникъ, который провелъ на солнечномъ зноѣ цѣлый день не бравъ ничего въ ротъ. Не надо думать, что тропическая теплота расслабляетъ желудокъ и утоляетъ голодъ; напротивъ, всѣ отправленія организма совершаются съ удвоенною скоростью: вечеромъ, послѣ проведеннаго въ путешествіи дня,

чувствуешь неописанный голодь. Неудивительно, что по окончаніи ужина нельзя болѣе вести разговора; усталость и насыщеніе отягощаютъ вѣки, усиливающаяся темнота и примѣръ негровъ, уже давно растянувшихся на своихъ *мкекахъ* (циновкахъ), еще болѣе содѣйствуютъ этому, и путешественникъ уже въ семь часовъ погруженъ въ глубокой сонъ.

Дорогою, въ пустынѣ, питаешься просто тѣмъ, что имѣешь съ собою, сначала рисовъ, потомъ главнымъ образомъ бобами и горохомъ, потому что риса больше доставать нельзя внутри страны, и, кромѣ того, захваченнымъ съ послѣдней стоянки мясомъ, курами, или же мясомъ только что зарѣзанной козы. Въ обитаемыхъ мѣстностяхъ, напротивъ, большею частію всего бываетъ въ изобиліи. Молоко и медъ буквально льются рѣкою, и не только число приемовъ пищи, но и число блюдъ учетверяется; за столомъ пьешь сладкое молоко или искрящееся банановое вино и чай, прежде пившійся безъ сахара, подслащается ароматнымъ медомъ; рѣжутъ барановъ и рогатый скотъ, сладкій картофель и бананы даютъ прекрасную приправу,—наслаждаешься, сколько можешь, дабы лучше перенести слѣдующіе четыре пять дней лишеній.

Въ первые дни путешествія путешественнику кажется довольно труднымъ съ непривычки столько ходить и говѣть; но когда растратится лѣнливое мясо и жиръ, наросшіе во время обильной жизни на роскошномъ побережьѣ, тогда нигдѣ не чувствуешь себя лучше, какъ въ путешествіи, на прекрасномъ, укрѣпляющемъ воздухѣ равнины, гдѣ день и ночь только одно небо служитъ кровомъ.

Вечеромъ обыкновенно не устраиваютъ палатокъ; только при продолжительномъ пребываніи на одномъ мѣстѣ или когда близится дождь, позволяютъ себѣ эту роскошь и даже строятъ небольшіе шалаши. Не то бываетъ въ странѣ небезопасной, гдѣ грозитъ опасность отъ скитающихся хищническихъ шаегъ Мазаи: тутъ вечеромъ устрояется *укрѣпленный лагерь*. Въ теченіи получаса воздвигается весьма надежное укрѣпленіе. Камней для его постройки въ пустынѣ можно найти множество. Носильщики отправляются съ топорами, нарубаютъ большое количество всюду встрѣчающихся тернистыхъ деревьевъ, стаскиваютъ ихъ къ лагерю и кладутъ ихъ вокругъ верхушками наружу. Это укрѣпленіе прочно и безопасно; ни одно животное не перепрыгнетъ черезъ него, ни одинъ человѣкъ не можетъ пробраться въ него или разрушить его: терны опасны, а зеленая древесина не горитъ.

Что случается на дорогѣ, какія мелкія страданія и радости разнообразятъ собою однообразную жизнь путешественника—это мы всего лучше узнаемъ изъ замѣтокъ путешественника.

Въ первую ночь, пишетъ Дженъ, сильныя ливни заставили насъ раскаться въ томъ, что мы не раскинули палатокъ; но мнѣ помогло мое неоцѣненное гуттаперчевое одѣяло, подъ которымъ я хотя и чувствовалъ каждую каплю дождя, но былъ тепелъ и сухъ, а Торнтонъ пробрался въ хижину одного жителя селенія.

Впослѣдствіи блестящая луна прогнала облака, но этимъ самымъ принесла намъ новое безпокойство, такъ какъ обманутый ею Коралли разбудилъ насъ въ два часа. Едва забыли мы опять во снѣ нашу досаду, какъ насъ опять разбудили, на этотъ разъ своевременно. Мы поднялись съ мѣста въ шесть часовъ и черезъ два часа прибыли въ ваникасскія селенія *Шмото* и *Матуа*, оба окруженные терновыми частоколами и снабженные воротами, черезъ которые можно проползати только на четверенькахъ. Почти всѣ жители находились на поляхъ и спугивали тамъ ужаснымъ крикомъ птицъ съ зрѣющей мтамы и махинди. Послѣ короткаго роздыха мы пошли далѣе черезъ *Сендерена*, гдѣ, по причинѣ открывающагося оттуда прекраснаго вида на южную гавань Момбаса и на холмы Нгу, сняли на карту нѣсколько пунктовъ. Дабы поберечь людей, пока они привыкнутъ къ напряженіямъ, я велѣлъ остановиться въ ближайшемъ селеніи *Малобени*, лежащемъ по ту сторону цѣпи холмовъ, въ 400 футовъ вышины, идущихъ параллельно съ берегомъ. Лагерь былъ раскинутъ внутри изгороди подъ тѣнью величественнаго дерева, въ широкихъ вѣтвяхъ котораго висѣли громадныя стручки въ 6—8 дюймовъ длины и 2 дюйма ширины, въ которыхъ лежатъ черныя бобы съ яркокрасною бархатистою плодовою чашечкою, заключенныя въ бѣлой сердцевинѣ. Суахелійцы называютъ это дерево *бомбакоффи*.

Послѣ дождливой ночи мы тронулись въ путь 30-го іюня на разсвѣтѣ и вскорѣ добрались до самаго высокаго пункта горной цѣпи *Шимба*, на плоскомя хребтѣ которой построены нѣсколько ваникасскихъ селеній. Каждый разъ, какъ мы встрѣчали людей, Факи, гордясь своимъ новымъ саномъ мукуругензи, кричалъ: «Развѣ вы не знаете меня? Я каравановожатый Факи; скажите всѣмъ жителямъ, что я веду бѣлыхъ въ Джагу!» На другой сторонѣ Шимба дорога пошла въ гору и подъ гору, по суровой, покрытой глыбами песчаника, почвѣ, на которой мѣстами лежали громадныя куски окаменѣлаго дерева; многіе маленькіе ручьи давали носильщикамъ возможность итти съ пустыми китомами. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ полудня мы достигли большаго, окруженнаго частоколомъ, вакамбаскаго селенія, передъ воротами котораго паслись многочисленныя стада рогатаго скота, овецъ и ословъ. Здѣсь насъ дружественно привѣтствовалъ суахеліецъ изъ Момбаса, купецъ и каравановожатый *Назаро*, и отвелъ намъ внутри ограды мѣсто для лагеря. Онъ на нѣкоторое время поселился здѣсь для закупки слоновой кости, и пользовался повидимому большимъ вліяніемъ и почетомъ у Вакамба. По доброму старому обычаю онъ тотчасъ позаботился объ нашихъ голодныхъ желудкахъ: привелъ въ подарокъ красиваго молодаго быка и побудилъ стараго начальника селенія подарить намъ для стола двухъ куръ.

Вакамба имѣютъ стройное, худощавое тѣло и пріятныя черты лица, немного вздернутыя зубы, довольно большіе глаза, острый подбородокъ, бѣлыя, заостренные губы, и весьма небольшую бороду; волосы на головѣ они наголо стригутъ или же завиваютъ ихъ, при помощи обильнаго количества красной смѣси изъ масла и охры, въ тонкіе спиральныя локоны, и этою же мазью натираютъ кожу. Скучно одѣтые, они увѣшаны украшеніями, и навѣшиваютъ на себя все, чтò имъ нравится, даже просверленные талеры. Подобно Ваника, они носятъ на

шеѣ спирально свитые кружки изъ мѣдной проволоки, а также кольца изъ бусъ и желѣзные цѣпочки, наручники изъ дерева, мѣдной и желѣзной проволоки, серьги изъ улиткообразно свитой проволоки и куски кожи около колѣнъ. Женщины носятъ передникъ изъ американо, нитки бѣлыхъ бусъ на шеѣ и туловищѣ, кольца изъ мѣдной или желѣзной проволоки powyше лодыжекъ, а иногда и брыжи изъ проволоки на шеѣ.

Сначала красавицы оказались нѣсколько робкими, но потомъ ихъ любопытство взяло верхъ: онѣ подходили близко къ намъ, впрочемъ не безпокая насъ, и къ вечеру сдѣлались до того довѣрчивы, что позволили мнѣ осмотрѣть внутренность ихъ *хижинъ*. Хижины эти состоятъ изъ нѣсколькихъ короткихъ шестовъ, кругомъ воткнутыхъ въ землю, съ коломъ внутри, на которомъ держится круглая, покрытая травой, кровля, и имѣютъ полукруглую форму или форму улья, закругленнаго съ концовъ. Черезъ дверь, вышиною никакъ не болѣе трехъ футовъ, пролѣзъ я въ жилье. Убранство его довольно просто и только у жилищныхъ состоитъ изъ циновки для спанья, изъ китанды, большого глинянаго горшка съ водою, очага между трехъ камней, низкихъ стуликовъ для сидѣнья, нѣсколькихъ мѣшковъ, изъ волоконъ коры, маленькихъ топоровъ, ножей, сабель, луковъ, стрѣлъ, барабановъ, роговъ и трубокъ.

По Крапфу, Вакамба, число которыхъ простирается до 70,000, происходятъ изъ равнинъ неподалеку отъ Килиманджаро. Выгнанные оттуда Мазаями и Вакуафи, они поселились къ югу отъ снѣжной горы Кеніи, въ странѣ, называемой теперь Укамбани. Позже они распространились и еще къ югу, до области Ваника, къ сѣверу отъ Момбаса. Страна ихъ имѣетъ плодородную почву, прекрасныя пастбища, богата превосходнымъ желѣзомъ и состоитъ въ связи съ важнѣйшими внутренними областями и побережьемъ. Скотоводство, земледѣліе и торговля доставляютъ Вакамба обильныя средства къ жизни; въ особенности продажа слоновой кости и скота приноситъ значительный барышъ племенамъ, живущимъ неподалеку отъ берега. Со времени запрещенія вывоза невольниковъ въ Аравію и пониженія цѣны на человѣчскій товаръ, прибрежные Вакамба начали покупать невольниковъ; но жители собственно области Укамбани не занимаются торговлею невольниками. Они живутъ въ деревняхъ, состоящихъ подъ начальствомъ старѣйшинъ; верховнаго властителя или царя у нихъ нѣтъ, хотя человѣтъ, отличающійся репутаціею волшебника или дожденаводителя, можетъ достигнуть у нихъ большаго могущества и почета. Пища ихъ состоитъ изъ молока, мяса и кашицы изъ смолотыхъ хлѣбныхъ зеренъ, а питье изъ мтамоваго пива и перебродившаго сока сахарнаго тростника. Вакамба женятся только по наступленіи возмужалости, и женихъ покупаетъ невѣсту у ея родителей за нѣсколько коровъ и потомъ похищаетъ ее хитростью или силою. Жажиточные имѣютъ по нѣскольгу женъ, изъ коихъ главною считается та, которая отличается красотою, плодородіемъ, умомъ, опытностью, привязанностью и другими добродѣтелями. Женщины воздѣлываютъ землю, мелютъ хлѣбъ, носятъ дрова и т. п., а мужчины пасутъ стада, занимаются охотою и торговлею или проводятъ время въ болтовнѣ, пирушкахъ и питьѣ. Они болтливы, шумливы, корыстолюбивы; живущіе на побережѣ прослыли даже

за лгуновъ, попрошакъ и воровъ. Но на эту молву кажется имѣли вліяніе безпрестанныя распри и ссоры между Вакамба и Суахелійцами, такъ какъ Крапфъ рассказываетъ о Вакамба очень много хорошаго: говоритъ что они мужественны, предприимчивы и терпѣливы, гостепріимны и великодушны. Подобно всѣмъ нецивилизованнымъ народамъ, они слѣдуютъ минутному побужденію, изъ за мелочей кипятятся, доходятъ до поединковъ и даже до убійства, но тотчасъ же снова укрощаются и дѣлаются ласковыми. На болѣе бѣдныя племена они смотрятъ съ гордостью и пренебреженіемъ. Вакамба также имѣютъ слабое представленіе о высшемъ существѣ и вѣрятъ въ волшебниковъ, которые имѣютъ власть портить чужое имущество, въ предсказанія по полету птицъ и въ злыхъ духовъ, умиротворяемыхъ жертвами. Идоловъ у нихъ нѣтъ.

Сегодня ночью дожда не было. Перваго іюля, когда мы въ 6 часовъ утра тронулись въ путь, насъ отправился провожать Назоръ съ нѣсколькими Вакамба, и, проводивъ насъ нѣсколько, далъ намъ потомъ проводника; заботливость весьма полезная, потому что Факи черезъ четверть часа потерялъ дорогу. Когда мы достигли западнаго склона хребта, то въ первый разъ совершенно ясно увидали двѣ одинакія горы, *Кадьяръ* и *Кимбасси*, которыя на нѣсколько тысячъ футовъ возвышаются надъ широко разстилающеюся зеленою равниною и служатъ указателями пути для каравановъ. Сойдя по крутому склону, мы очутились среди пустыни. Красная глинистая почва было довольно густо покрыта кустами и деревьями, на которыхъ вмѣсто листьевъ были терны различнѣйшаго рода, то короткіе то крючковатые, то длинные и прямые.

Далѣе показались обширныя равнины съ высокою, роскошною травою и съ группами кустовъ и деревьевъ. Все это походитъ на громадный паркъ. Своимъ существованіемъ здѣсь деревья обазаны вѣроятно влажности почвы, которая однакоже не замѣтна снаружи; по крайней мѣрѣ водныя жилы всюду обставлены деревьями: темнозеленыя, почти черныя массы листьевъ, узкія рядами тянущіяся по странѣ, навѣрное указываютъ на существованіе ручья, или, по крайней мѣрѣ, полу-высохшаго дождеваго потока.

Здѣсь, на гладкой глинистой почвѣ, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрытой кусками мелкаго песчаника, мы впервые могли вользоваться нашими ослами. Это было полезно главнымъ образомъ нашему спутнику Торнтону, такъ какъ онъ, оставаясь назади для съемога, могъ на своемъ маленькомъ рѣзвомъ животномъ скоро догонять насъ. Впрочемъ ѣзда на ослахъ имѣетъ и свои темныя стороны, потому что оселъ не знаетъ чувствительности человѣческой кожи къ тернамъ и позволяетъ себѣ часто заносить всадника въ колючій кустарникъ: тогда остается только одно средство — скорѣе спрыгнуть на землю. Для избѣжанія такихъ неприятностей животное должно безпрестанно водить на уздѣ.

Неспособность Факи во всѣхъ отношеніяхъ выказывалась все болѣе и болѣе. На каждомъ раздвоеніи дороги онъ вступалъ въ споръ съ другимъ проводникомъ касательно направленія нашего пути, отъ чего мы теряли много времени. У носильщиковъ онъ тоже не пользовался уваженіемъ; они почти безпрестанно кричали и шумѣли и не обращали вниманія на его увѣщанія, такъ что я самъ неодно-

кратно долженъ былъ убѣждать ихъ успокоиться и наконецъ даже прибѣгать къ силѣ.

Сегоднешній нашъ лагерь находился среди кустарниковъ, въ чащѣ терновъ и молочайныхъ растений, слѣдовательно вполне соответствовалъ вкусу негровъ, которые не любятъ открытыхъ мѣстъ. Очистка мѣста отъ терновъ заняла много времени. Мы устроили изъ срубленныхъ вѣтвей валъ около лагера, для защиты противъ гіенъ и другихъ хищныхъ животныхъ, и оставили только небольшую прогалину, которая была защищена зажженнымъ позади нея огнемъ. Эта предосторожность оказалась излишнею: ниразу не слышно было мелодическаго воя этихъ охочихъ до падали животныхъ, и при моихъ ночныхъ обходахъ все оказалось въ порядкѣ, за исключеніемъ караульныхъ, которые всѣ заснули. Поэтому, если настойтъ надобность въ караульныхъ, то европейцы сами должны исполнять эту должность.

2-го іюля люди шли гораздо лучше прежняго; это чудо произошло вслѣдствіе нѣсколькихъ палочныхъ ударовъ, на которые я при случаѣ не скупился. Мы шли черезъ низменную мѣстность—черезъ равнину изъ черной, жесткой глины, растрескавшейся отъ засухи и зноя. Потомъ снова началась прекрасная, похожая на паркъ мѣстность. Черезъ нѣсколько часовъ пути мы пришли въ *Моаманди*, селеніе, лежащее среди обширныхъ плантацій мтамы и турецкой пшеницы. Мои носильщики просили здѣсь короткій роздыхъ для закупки съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ отсюда и до Кадьяро негдѣ болѣе купить ихъ. Но изъ короткой остановки сдѣлалась продолжительная, а потомъ и цѣлый день роздыха, потому что жители были въ поляхъ или на охотѣ и воротились поздно послѣ полудня.

Чтобы какъ-нибудь провести время, я отправился съ однимъ Мгамба на охоту. Въ первый разъ видѣлъ я здѣсь большую дичь, но не могъ подойти къ ней на выстрѣлъ. Мой спутникъ выказалъ большое искусство въ стрѣльбѣ изъ лука: онъ на тридцати шагахъ три раза кряду попалъ въ плодъ величиною вдвое болѣе кулака, но все такъ несчастливо, что цѣнный желѣзный наконецъ отламывался отъ стрѣлы и пропадалъ въ высокой травѣ. Вслѣдствіе этого онъ сильно огорчился и выражалъ свою досаду такъ забавно, что это въ нѣкоторой степени вознаграждало меня за неудавшуюся охоту. Вся моя добыча состояла изъ нѣсколькихъ птицъ, но я купилъ ее довольно дорогою цѣною: меня поразилъ въ руку солнечный ударъ, и послѣдовавшее за тѣмъ воспаление было мнѣ во всемъ весьма большою помѣхою.

Вечеромъ въ лагерь пришли нѣсколько начальниковъ изъ сосѣднихъ ваникассскихъ селеній и предложили мнѣ въ подарокъ куръ, но я отвергъ этотъ подарокъ, потому что мнѣ пришлось бы дорого отдарить за него.

Чтобы еще разъ испытать мое счастье въ охотѣ, я на слѣдующій день съ 6 часовъ утра тронулся въ путь съ тремя только людьми и однимъ Мника, а каравану велѣлъ слѣдовать въ нѣкоторомъ разстояніи. Дичи показывалось много, но она взлетала на такомъ далекомъ разстояніи, что я не хотѣлъ даромъ тратить свинецъ и порохъ. Даже цесарки, которыхъ въ Абиссиніи и Сеннаарѣ бить сравнительно легко, были чрезвычайно пугливы. Я не могъ объяснить себѣ этого,

такъ какъ охотники съ далеко хватающими ружьями никогда еще не заходили сюда; не самъ ли я съ своимъ необыкновеннымъ костюмомъ служилъ пугаломъ для дичи? Но охотничья экскурсія все-таки была интересна: караванъ вспугнулъ позади меня пять спавшихъ жирафовъ, я на нѣсколькихъ стахъ шаговъ выстрѣлилъ и ранилъ одного изъ нихъ; онъ перевернулся какъ кубарь, но потомъ собрался опять съ силами и послѣдовалъ за другими, которые неловкимъ галопомъ побѣжали прочь. На сколько красивы и величественны спокойно жующія траву животныя съ огромною шею, вдвое длиннѣе всего ихъ туловища, съ красивою головою, увѣчанною легкими рогами и съ ярко-желтою шкурою, покрытою темными пятнами, на столько же уродливы и неуклюжи они на бѣгу: подобно маятнику движется при каждомъ прыжкѣ длинная шея; подумашь, что странныя животныя унадутъ или перекувырнутся при такомъ высокомъ тѣлѣ и слабыхъ ногахъ.

Около 10 часовъ мы достигли небольшого водоема въ песчаникѣ, наполненнаго дождевою водою, и около него тропинки, ведущей въ Килибасси. Взятый отъ Назоро проводникъ сказалъ, что теперь нельзя ошибиться въ дорогѣ, и просилъ отпустить его: я наградилъ его и далъ ему нѣсколько написанныхъ карандашемъ строкъ къ г. Ребману. Черезъ часъ мы опять пришли къ водѣ, которая была въ круглыхъ ямахъ глубиною отъ 1 до 3 футовъ, называемыхъ *иурума*, откуда и произошло и названіе этой мѣстности *Иурумани*, т. е. у водяныхъ ямъ.

Такъ какъ, по словамъ людей, сегодня нельзя было достигнуть Килибасси, а другихъ водоемовъ нельзя болѣе ожидать, то я велѣлъ сдѣлать стоянку и варить обѣдъ. Этимъ временемъ я воспользовался для того, чтобы ближе рассмотреть игурунга. Форму ихъ можно объяснять тѣмъ предположеніемъ, что здѣсь въ глубокой древности стояли деревья, которыя, когда ихъ древесина сгнила, оставили послѣ себя отверстія въ отвердѣвшей впоследствии почвѣ (см. отдѣлъ 21). Въ водѣ находилось множество лягушекъ, маленькихъ бурыхъ краббовъ и родъ пѣвочъ, въ полдюйма длины и двѣ линіи ширины. Не далеко отъ лагеря расло дерево, называемое суахелійцами *нюкуффи*, съ маленькими, похожими на сливу, плодами, вкусомъ похожими на кизиль. Плодовое дерево въ пустынѣ всегда составляетъ важное событіе; но здѣсь мало такихъ, которые годны въ пищу, за исключеніемъ плодовъ пряничнаго дерева и мбуью.

Послѣ полудня мы шли то по красивой покрытой травомъ равнинѣ, то по густому лѣсу, по прелестной мѣстности, оживляемой стадами антилопъ и страусовъ. Впослѣдствіи около тропинки стали появляться акаціи и колючіе молочаи, немилосердо рваншіе одежду и кожу: на моемъ тѣлѣ: не было почти ни одного мѣста, которое бы не было исцарапано. При моихъ прогулкахъ я хваталъ въ высокой травѣ множество лѣсныхъ вшей и дровосѣвовъ — насѣкомыхъ, и стеръ себѣ до крови ноги, такъ что едва могъ ходить отъ боли, но все это страданія пустыя, которыя забываются на другой день, если только найдешь воду и можешь освѣжить тѣло ванною.

Около 9 часовъ 4-го іюля мы достигли подошвы *Килибасси* и сдѣлали привалъ на южномъ склонѣ этой горы, прямо поднимающейся изъ равнины. И

здѣсь мы нашли большіе песчаниковые водоемы, наполненные водою; они поросли тростникомъ и красивыми цвѣтами водяныхъ лилій. Къ сожалѣнію, вода была дурнаго качества; вѣроятно въ ней валялись слоны, какъ можно было заключать по безчисленнымъ слѣдамъ громадныхъ ногъ и по большимъ пометамъ, величиною съ голову, которою была покрыта почва на большомъ пространствѣ. Сначала мы намѣревались остаться здѣсь, взойти на Килибасси и произвести съемки; но должны были отказаться отъ этого намѣренія, такъ какъ вершина горы была покрыта густыми облаками. Идя далѣе, мы нашли болѣе скудную растительность и каменистую почву. Около часа мы достигли идущей съ сѣвера на югъ горной цѣпи *Руклиа* и цѣлый часъ отдыхали здѣсь. Безчисленные слѣды дичи, особенно носороговъ, были видны на землѣ; мы думали, что найдемъ тутъ такой же водоемъ, какъ у Килибасси, но не стали дальше искать его, а воспользовались остановкою, чтобы собрать силы для предстоящаго продолжительнаго перехода.

Въ два часа мы пошли далѣе по той же красной песчаной почвѣ, но къ вечеру начали круто подниматься къ подошвѣ *Кадьяро*. Уже далеко отъ горы страна была воздѣлана; на огороженныхъ поляхъ, защищенная искусно пригрытыми рвами отъ лакомой дичи, зрѣлая мтама ждала жнецовъ. Вскорѣ мы встрѣтили многочисленныя, хорошо сохранившіяся хижины внутри терновой изгороди, старый караванный лагерь, и за 200 шаговъ отъ него — ручей и плантаціи сахарнаго тростника, банановъ и кокосовыхъ пальмъ на его берегахъ. Здѣсь мы остановились и разбили передъ наложенными въ кучу тюками три наши палатки. Въ тотъ же вечеръ, когда мы заявили о нашемъ прибытіи выстрѣлами изъ ружей, пришло много туземцевъ. Онѣ обѣщали намъ на другое утро открыть рынокъ, что было для насъ въ высшей степени важно, потому что у насъ было для стола только не много холодной курицы, мтамы и варенаго холоднаго риса, а пища носильщиковъ была еще скуднѣе.

ОТДѢЛЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Внутренняя страна и ея жители.

Восточно-африканская равнина.—Почва и мѣстность.—Только горы обитаемы.—Сродство языковъ.—Ватента.—Жилища.—Костюмъ и обращеніе.—Предсказаніе по внутренностямъ.—Восхожденіе на гору.—Препятствія.—Самое высокое селеніе.—Скудость въ сѣстныхъ припасахъ.—Похищеніе ословъ.—Новыя непріязненности.—Воинскій танецъ съ оружіемъ.—Рѣшимость Декена.—Григри и шаури.—Ночное отправленіе въ путь.—Награда Факи.—Дѣйствіе укушенія мухи Дондеробо.—Опасность умереть отъ жажды.—Слоновая рѣка.—Ночью на охотѣ.—Лагерь въ горахъ Паре.—Туземцы.—Самый дешевый способъ покупки.—Питье крови.—Достойный властитель.—Покинутый лагерь въ Кизуана.—Щеголь и узурпаторъ.

Мы очень мало знаемъ о свойствѣ почвы Африки, этой самой неуклюжей изъ всѣхъ частей свѣта, этой безобразной массы суши безъ выступовъ и углубленій. Мы не знаемъ ни высоту ея внутренности, ни основныхъ чертъ ея геологическаго строенія, и пройдутъ еще десятки лѣтъ, прежде чѣмъ изслѣдованія ученыхъ путешественниковъ дадутъ намъ приблизительно точное представленіе о весьма важныхъ условіяхъ его жизни.

Великому сэръ *Родерику Мурчисону*, долголѣтнему президенту Лондонскаго Географическаго Общества, первому удалось пролить остроумными выводами изъ скудныхъ данныхъ нѣкоторый свѣтъ на истинный характеръ «загадочнаго тригольника стараго свѣта;» это мы можемъ по крайней мѣрѣ предполагать потому, что его мнѣнія доселѣ подтверждались всѣми открытіями. По его словамъ (см. *Journal R. G. Society*, 1852, СХХІІ и слѣд.), Африка возвышается изъ моря то постепенно, то круто, обширными плоскими возвышенностями, которыя далѣе снова обращаются въ низменную страну, и ея воды текутъ частію во внутренность, гдѣ образуютъ большія внутреннія озера, частію въ океанъ, черезъ разсѣлины въ закраинѣ горной страны. Изъ такихъ внутреннихъ озеръ мы уже знаемъ озера Ширва и Ніасса на юговостокѣ, Укереве, Танганика и Лутина на востокѣ, и Чадъ на сѣверозападѣ неизслѣдованной внутренности Африки. О большихъ возвышеніяхъ надъ общею равниною и объ ихъ формѣ даже Мурчисонъ не говоритъ ничего.

Намъ, неспециалистамъ, извинять, если мы попытаемся наглядно пояснить строеніе Африки тѣмъ, конечно вовсе не научнымъ предположеніемъ, что Африка

въ началѣ временъ излилась въ океанъ какъ жидкая масса, и потомъ, когда ея наружность охладилась, въ серединѣ нѣсколько осѣла. Этимъ предположеніемъ объясняется вмѣстѣ съ тѣмъ и округленная, гладкокрайная форма Африки. Что Африка имѣла одинаковое происхожденіе—это доказываютъ всѣ данныя, сообщаемыя путешествовавшими по сѣверу и югу, западу и востоку: всюду находили однообразное въ существѣ своемъ строеніе, равнину, перерываемую въ одномъ мѣстѣ горами гранита и сіенита, въ другомъ вулканическими формаціями, и содержащую въ одномъ мѣстѣ рыхлый песокъ, въ другомъ твердые слои камня, а по большей части красную глинистую почву, образующуюся отъ разложенія вулканическихъ камней. Столь же разнообразны и растенія и животныя Африки.

Къ сѣверу отъ острова Занзибара страна значительнымъ образомъ повышается къ плоскимъ возвышенностямъ внутренней страны, и съ моря представляется высокою и гористою: эту часть побережья суахелійцы называютъ *Мрима* (другая форма слова млима, т. е. гора). По обѣ стороны Мрима почва возвышается только по нѣскольку футовъ на милю. Если мы, подобно нашему путешественнику, пойдемъ на югъ отъ Момбаса, то намъ уже на второй день придется перейти черезъ идущій параллельно съ берегомъ кряжъ вышиною въ 600 футовъ. Позади него и поверхность земли снова понижается, и вскорѣ послѣ того образуетъ еще болѣе высокій валъ—*горную цѣпь Шимба*, вышиною около 1000 футовъ. По ту сторону этой цѣпи разстилается необозримая равнина, покрытая травою, начинающаяся съ 300 футовъ высоты надъ уровнемъ моря и черезъ нѣсколько переходовъ доходящая до 2000 слишкомъ футовъ. На югъ она граничитъ съ альпійскою страню Узамбара и примыкающими къ ней съ сѣверо-запада горами Пара, и переходитъ къ сѣверу и во внутрь въ большую африканскую равнину. Вообще она представляетъ красную, болѣе или менѣе песчаную глинистую почву съ обломками раковинъ и нѣкоторыми блестящими частицами, а неподалеку отъ берега метаморфическую (т. е. преобразованную огнемъ) песчаниковую формацію, то большими, плотными массами, то отдѣльными, рыхлолежащими, кусками, перемѣшанными съ кусками окаменѣлаго дерева. На болѣе низкихъ мѣстахъ замѣчается темная, растрекавшаяся земля—иловая кора высохшихъ водоемовъ. Характерическая черта равнины сухость и, какъ ея слѣдствіе, неплодородность. Тонкая, грубая зелень покрываетъ почву, и мѣстами надъ ней возвышаются одиночные терновые кусты, новые признаки недостатка воды. Но ближе къ берегу, гдѣ еще дѣйствуетъ оплодотворяющее вліяніе влажныхъ морскихъ вѣтровъ, появляются иногда большія группы кустарниковъ и лѣсовъ, которыя, въ соединеніи съ роскошными тамошними луговинами, придаютъ странѣ видъ прекраснаго парка; но съ другой стороны, та же самая влажнѣсть производитъ почти непроницаемыя чащи комаровъ-молочаевъ (*Euphorbia*).

Можно было бы думать, что такая пустыня съ травою и тернами должна производить грустное впечатлѣніе на душу путешественника; но и она имѣетъ свою прелесть. Чудный воздухъ дѣлаетъ странствованіе по плоской возвышенности столь пріятнымъ и освѣжающимъ, что почти нигдѣ не чувствуешь себя лучше, чѣмъ здѣсь; и въ этомъ чистомъ, сухомъ воздухѣ горы уже на небольшомъ раз-

стояніи окрашиваются въ нѣжный лазоревый цвѣтъ, который становится все темнѣе по мѣрѣ приближенія къ нимъ, и прекрасно обрисовывается на темнозеленой массѣ листьевъ у ихъ подошвы; весною же, послѣ періода дождей, безлиственные дотолѣ акаціи покрываются листьями и ароматными цвѣтами, служащими пріютомъ для жужжащихъ жуковъ и бабочекъ, и грубая, вышиною болѣе чѣмъ въ ростъ человѣка, трава, благодаря заботливости сжегшихъ ее кочующихъ пастушескихъ племенъ, замѣнилась молодымъ дерномъ. Поэтому Крапфъ и Ребманъ, много дней проведеніе въ этой степи, совершенно справедливо восхваляютъ красоту тамошней мѣстности.

Самая равнина не обитаема. Можно нѣсколько недѣль странствовать тутъ, не встрѣтивъ ни одного человѣка. Если хочешь видѣть людей, то ихъ должно искать тамъ, гдѣ они живутъ—на горахъ, куда они укрылись отъ хищныхъ *Мазаи* и *Вакуафи*. Эти номадическія племена, пребывающія на нѣсколько дней пути далѣе къ западу, между исполинскими снѣжными горами Килиманджаро и Кенія, часто предпринимаютъ хищническіе набѣги до самаго побережья и угоняютъ съ собою скотъ. Ихъ воинственные толпы, презирающія изъ-за добычи смерть, составляютъ предметъ ужаса для мирныхъ жителей, какъ для осѣдлыхъ земледѣльцевъ, такъ и для странствующихъ купцовъ, и нерѣдко наносятъ своимъ дикимъ натискомъ и храбростью чувствительныя потери лучше ихъ вооруженнымъ Арабамъ. Словомъ *Мазаи* прибрежные жители пугаютъ своихъ дѣтей; одного этого слова достаточно, чтобы нагнать на цѣлый караванъ паническій страхъ, такъ что носильщики бросаютъ на землю свои тюки и обращаются въ бѣгство.

На большихъ горныхъ кряжахъ, представляющихъ защиту отъ этихъ варваровъ, осѣлись многочисленныя племена, родственныя между собою по строенію тѣла и языку, рослые, свѣтлаго цвѣта люди, большею частію носящіе имя по горамъ своей отчины (27), какъ напр. *Banape* (жители горъ Паре), *Вабура* и т. п. Поверхностному наблюдателю кажется страннымъ, что столь близко живущія другъ отъ друга племена, раздѣленные только небольшими полосами равнины, говорятъ различными языками; онъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что ближайшіе сосѣди по горамъ не могутъ понимать другъ друга. Но такое смѣшеніе языковъ есть только кажущееся: кто потрудится отмѣтить и сравнить нѣсколько словъ изъ нѣкотораго числа этихъ языковъ, тотъ скоро найдетъ, что только разница въ произношеніи производитъ непохожій звукъ, а самыя слова почти одинаковы. Ключъ ко всѣмъ этимъ языкамъ или нарѣчіямъ даетъ путешественнику необходимый *суахелійскій языкъ*. Съ помощью его можно легко научиться этимъ нарѣчіямъ, или, по крайней мѣрѣ, всюду объясняться съ жителями, потому что вездѣ встрѣчаются суахелійцы, понимающіе мѣстное нарѣчіе, или туземцы, научившіеся суахелійскому языку на побережьѣ.

Кадіаро или *Казисао*, одиночно стоящая горная масса, такъ круто поднимается изъ равнины, что ее можно принять за неприступное почти укрѣпленіе; защитники его могли бы отразить во сто разъ сильнѣйшаго врага однимъ скатываньемъ камней. Многіе источники прекрасной воды вытекаютъ изъ его высотъ, обильно орошаемыхъ росой и дождемъ и украшаемыхъ роскошнѣйшею раститель-

ностью. Здѣсь живутъ *Ватеита*, которые населяютъ также и лежащія къ сѣверу отсюда горы Бура и Эндара. Эти три горы можно поэтому назвать страной *Твита*, разумѣется за исключеніемъ лежащей между ними равнины. Ребманъ полагаетъ число всѣхъ Ватеита въ 152,000 человекъ, изъ коихъ на домъ Бура приходится 500 деревень, на долго Эндара—100, а на долю Кадіаро—8, всего 608 деревень съ 250 жителями въ каждой.

Впредь мы будемъ, гдѣ только возможно, приводить слова самого путешественника, но замѣтимъ, что для упрощенія повѣствованія соединимъ вмѣстѣ лежащія передъ нами дневники Дехена и Торнстона, прибавляя къ рассказамъ барона удивительно точныя описанія его спутника, касающіяся внѣшности, костюма, оружія, нравовъ и обычаевъ туземцевъ.

Такъ какъ Ватеита еще вчера оказались назойливыми, пишетъ Дехенъ отъ 6-го іюля, то я велѣлъ протянуть веревку вокругъ лагеря, дабы въ случаѣ нужды держать этихъ безсовѣстныхъ подалеже отъ себя. Еще рано утромъ явились сотни туземцевъ; каждый изъ нихъ несъ по небольшому мѣшечку съ бобами, по полдюжинѣ кореньевъ мхого, по одной курицѣ или по горсти муки, и каждый требовалъ за свои товары три аршина матеріи или 30—40 нитокъ бусъ. При такихъ условіяхъ о торговлѣ не могло быть и рѣчи; я, хотя и нуждался въ пищѣ, но твердо держался своего правила не поддаваться безсовѣстнымъ требованіямъ. Вскорѣ ко мнѣ представился старый мужчина съ неприятными чертами лица, который назвался султаномъ и просилъ для себя и двоихъ своихъ сыновей подарка «за позволеніе черпать воду», какъ онъ выразился. Послѣ долгихъ переговоровъ я далъ попрошайкѣ восемь китамъ (28) американо и два куска барзати (пестрая индѣйская бумажная матерія) для него собственно, и четыре китамбы для другихъ начальниковъ, которые также имѣли право на воду, и кромѣ того секретно передалъ ему, дабы не возбудить корыстолюбія другихъ, второй подарокъ съ замѣчаніемъ, что онъ получитъ и третій подарокъ, если сведетъ меня на гору и покажетъ находящіяся вверху селенія. Онъ обѣщалъ подумать объ этомъ, и удалился, оставивъ мнѣ въ подарокъ нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ.

Нельзя было ожидать, чтобы начальникъ сегодня же сообщилъ свое рѣшеніе; поэтому у насъ было много досуга, чтобы ближе разсмотрѣть туземцевъ, которые съ любопытствомъ тѣснились около насъ. Они большею частію высокаго роста, хорошо сложены, скорѣе тучны, чѣмъ худощавы, и стоятъ въ физическомъ отношеніи выше Ваника, своихъ соплеменниковъ, погубленныхъ привычкою къ пьянству. Они, подобно Вакамба, употребляютъ красную землю, смѣшанную съ жиромъ, для намазыванія кожи и волосъ, равно какъ и для крашенія бѣлой бумажной ткани, употребляемой для одежды. Волосы на головѣ большею частію заплетаются въ маленькіе пучки и очень рѣдко стригутся. Оба пола одѣваются почти одинаково: они носятъ передникъ изъ американо около бедръ, а сзади, дабы онъ служилъ подстилкою при сидѣннѣ, кусокъ кожи. Къ этому женщины прибавляютъ

еще маленькую шкурку, которая спускается спереди отъ бедръ до голеней. Передники часто бываютъ вынизаны бисеромъ. Мужчины и женщины буквально покрыты разнаго рода украшеніями, особенно пряжками и кольцами изъ мѣди и олова, нашейниками и цѣпочками изъ желѣзной проволоки, бусами, раковинами и маленькими рожками газели. Но самую замѣчательную часть украшеній составляютъ свитые изъ толстой проволоки наручники въ формѣ стекла, песочныхъ часовъ или пружинъ, употребляемыхъ для набивки дивановъ; они сидятъ на верхней части руки такимъ образомъ, что средняя ихъ выемка плотно обхватываетъ мускуль. Сдѣланное изъ той же проволоки шейное украшеніе, похожее на жесткія брыжи англійскихъ юристовъ или на «жерновные камни» духовныхъ лицъ прежнихъ временъ, почти таково же, какъ у Ваника, а украшеніе ногъ, пряжки изъ смѣси, похожей на олово, носимыя на гибѣ ступни, похоже на то, которое носятъ суахелійцы. Употребленіе бусъ доходитъ до крайности; особенно женщины носятъ длинныя, толстыя нитки, по десяти фунтовъ вѣсомъ, на шеѣ, а часто и на обихъ плечахъ. Вооруженіе мужчинъ состоитъ изъ тонкихъ луковъ, длиною около 3 футовъ, и изъ стрѣлъ съ деревянными наконечниками (въ кожаномъ колчанѣ или въ рукахъ), ножа и длинныхъ прямыхъ сабель въ короткихъ кожаныхъ кожнахъ, доходящихъ только до половины ихъ длины. Оружіе и украшения красивой работы, но ихъ къ сожалѣнію трудно приобрести, даже за высокую цѣну.

Обиліемъ одежды и украшеній объясняется дороговизна съѣстныхъ припасовъ: жители посредствомъ частыхъ караванныхъ сношеній обильно удовлетворяютъ всѣмъ своимъ потребностямъ и потому продаютъ свои товары только по чрезвычайно дорогимъ цѣнамъ. Отъ этого же происходитъ и свободное, почти безсовѣстное обращеніе Ватента: они не уступаютъ никому дороги, вѣроятно вслѣдствіе гордаго сознанія, что путешественникъ совершенно зависить отъ нихъ и не обойдется безъ ихъ съѣстныхъ припасовъ.

Ватента, кажется, дѣятельны и трудолюбивы; уже раннимъ утромъ они толпами сходятъ съ горы осмотрѣть плантаціи, нарубить дровъ или пасти многочисленныя стада коровъ и козъ. При этомъ и маленькія дѣти не остаются безъ дѣла: я видалъ 3—4 лѣтнихъ дѣтей съ значительными ношами дровъ и травы на головѣ, повидимому безъ труда вскорабкивающихся на гору.

7 іюля. Ночь была странно холодна, и я не могъ заснуть отъ холода, хотя лежалъ въ палаткѣ и подъ двумя шерстяными одѣялами. Покажется смѣшнымъ, если я скажу, что было 13° тепла; но такое охлажденіе довольно чувствительно для того, кто привыкъ къ 22—23°. При восходѣ солнца надъ горою висѣли тяжелыя облака, такъ что едва видны были ея очертанія.

Около 9 часовъ явился *султанъ* (какъ называютъ себя мелкіе начальники), въ сопровожденіи своего сына и главнаго волшебника. Онъ велъ стараго тощаго козла и сказалъ, что его надо убить, дабы посмотреть по внутренностямъ, доброе ли у меня сердце и другъ ли я имъ. Съ странными обрядами, въ которыхъ главную роль играло плеванье на жертву, убили козла, положили внутренности на разостланную на землѣ шкуру и начали тщательно разсматривать ихъ; при этомъ бормотали разныя подозрительныя слова, въ родѣ того, что «не все въ

порядкѣ » и т. п., и требовали, чтобы я купилъ другую козу, потому что ея внутренности будутъ можетъ-быть благопріятнѣе для меня. Наконецъ мнѣ надоѣло это фиглярство, за которымъ мы потеряли болѣе получаса, и я объявилъ, что я самъ еще разъ рассмотрю внутренности. Я съ серьезною миною разложилъ ихъ нѣсколько разъ туда и сюда, и потомъ произнесъ слѣдующія важныя слова: «Ватеита получать значительный подарокъ, если будутъ дружелюбно вести себя съ бѣлыми; въ противномъ случаѣ мзунгу закроетъ свою руку и силою проложитъ себѣ путь къ горѣ.» Мое предсказаніе очевидно удивило Ватеита и сильно раздосадовало волшебника, ремесло котораго я пострамилъ, но все-таки оно побудило ихъ уступить, такъ какъ они видѣли, что я твердо рѣшился исполнить свои слова.

Мои приготовленія были скоро окончены. Лагерь я поручилъ попеченіямъ Факи-Ассани, тщательно наказавъ имъ ни подъ какимъ условіемъ не выпускать султана, особа котораго должна была быть для меня нѣкоторою гарантіею образа дѣйствій его подданныхъ. Меня сопровождали Торнтонъ, Коралли и пятеро моихъ людей.

Сынъ султана около 20 минутъ велъ насъ на гору по весьма опасной тропинкѣ, потомъ вдругъ явился передъ нами начальникъ съ двадцатью вооруженными людьми, предложилъ мнѣ небольшой сосудъ съ медомъ, или, лучше сказать, съ пчелами, мухами и грязью — и потребовалъ слѣдующаго ему подарка. Когда я отвѣтилъ ему, что уже отдалъ подарки для всѣхъ начальниковъ и что поэтому онъ долженъ требовать слѣдующую ему часть отъ своихъ сотоварищей, то онъ разразился ругательствами и не успокоился даже тогда, когда я обѣщалъ дать ему подарокъ по моему возвращенію; онъ потребовалъ, чтобы я сію же минуту отдалъ ему подарокъ, а когда я отказался, загородилъ мнѣ дорогу и далъ мнѣ понять, что силою воспротивится дальнѣйшему моему движенію. Дѣло начало принимать серьезный оборотъ: храбрый мой вожатый тайно убѣждалъ, а второй отрядъ туземцевъ отрѣзалъ намъ отступленіе, и силою сдѣлать было нельзя ничего, потому что я, дабы не поселить недовѣрія въ жителяхъ, взявши съ собою оружіе, взялъ съ собою только одно охотничье ружье. Поэтому я еще разъ попытался побудить добротою начальника къ уступчивости, но онъ, вмѣсто всякаго отвѣта, вынулъ изъ ноженъ саблю и началъ точить ее объ скалу. Такой поступокъ наполнилъ моихъ спутниковъ, которые уже и безъ того упали духомъ, великимъ ужасомъ, но пробудилъ во мнѣ снова надежду, — я вспомнилъ старое изреченіе: «много шума и мало дѣла». Улыбаясь подошелъ я къ нему, повернулъ его нѣсколько разъ кругомъ и потомъ спокойно пошелъ на гору. Раздался яростный крикъ, но я шелъ далѣе своею дорогою, и мои люди, которые около меня чувствовали себя безопаснѣе, по краткомъ размышленіи послѣдовали за мною. Это разомъ измѣнило образъ дѣйствій Ватеита: они сами предложили намъ показать дорогу на гору. Такимъ образомъ пытались еще два раза остановить меня и выманить подарки, но оба раза безуспѣшно. Черезъ полтора часа послѣ полудня я прибылъ въ самую высокую кайю (селеніе).

Сначала жители выказывали нѣкоторое недовѣріе, но мало-по-малу свыклись

съ нашимъ присутвіемъ, сдѣлались вѣжливы и довѣрчивы, предложили намъ воды и сахарнаго тростника для освѣженія, любопытно смотрѣли на наши землемѣрные инструменты, спрашивали объ ихъ употребленіи и даже позволили мнѣ посѣтить нѣкоторыя хижины, которыхъ въ деревнѣ считается болѣе ста. Онѣ, по своей круглой формѣ, похожи на жилища Ваника, но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что соломенные кровли свѣшиваются очень немного, тогда какъ у Ваника доходятъ до земли. Узкій ходъ ведетъ около самой стѣны въ единственную комнату нижняго этажа; сверху находится чердакъ, вѣроятно предназначенный для храненія посуды.

По нашимъ наблюденіямъ, деревня эта лежитъ на 4000 футахъ высоты надъ уровнемъ моря и на 2600 футахъ высоты надъ равниною. Въ ясную погоду видъ оттуда долженъ быть великолѣпный. Къ сожалѣнію, отдаленныя высоты были закрыты туманомъ, и наконецъ пошелъ даже дождь. Ватейта увѣряли, что при такой погодѣ нельзя достигнуть вершины, лежащей только на 800 — 1000 футовъ выше. И въ самомъ дѣлѣ, почти вертикально поднимающіяся скалы сдѣлались такъ скользки, что было бы безразсудно продолжать еще попытки; поэтому мы рѣшились удовольствоваться тѣмъ, чего достигли сегодня, и снова попытать счастья на другой день. Когда я спрашивалъ жителей объ озерѣ, которое, по рассказамъ Ребмана, находится на вершинѣ горы, то они засмѣялись и сказали: «какъ же могъ я повѣрить этому».

Прождавъ напрасно еще болѣе часа, мы пустились въ обратный путь. Когда мы спускались, становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, и на половинѣ высоты мы могли обозначить измѣреніемъ угловъ еще нѣкоторые пункты.

На этотъ разъ насъ вели по болѣе удобной тропинкѣ; казалось, что жители прежде выбирали самыя трудныя мѣста, чтобы отклонить насъ отъ восхожденія. Около пяти часовъ мы прибыли въ лагерь. Султанъ, который служилъ мнѣ заложникомъ, получилъ 32 аршина американо и два куска пестрой матеріи въ вознагражденіе за данное дозволеніе, и вскорѣ послѣ того удалился, такъ какъ его присутствіе не было уже необходимо.

8 іюля. Сегодня опять по вчерашнему недостатокъ: съѣстныхъ припасовъ нѣтъ, а требуютъ подарковъ! Факи честно старался укрѣпить Ватейта въ ихъ безсовѣстныхъ требованіяхъ, безпрестанно заявляя вслухъ, что я мало имъ далъ и что долженъ исполнить все. Наскучивъ долгими переговорами, я отдалъ наконецъ приказаніе приготовить вьюки и снять палатки; я намѣревался воротиться въ ближайшее селеніе, заpastись тамъ съѣстными припасами и продолжать путешествіе другою дорогою.

Днемъ явились посланные отъ жителей горъ Бура, отстоящихъ отсюда на два дня пути, гдѣ недавно былъ ограбленъ суахелійскій караванъ, и пригласили меня посѣтить ихъ. Вожатаи совѣтовали мнѣ изъявить согласіе, говоря, что «я еще всегда успѣю сдѣлать и послѣ то, чего хочу». Но такъ какъ я рѣшился ни въ какомъ случаѣ не лгать туземцамъ, то и объявилъ прямо, что дошедшіе до меня слухи о неистовствахъ ихъ соотечественниковъ отклоняютъ меня отъ посѣщенія ихъ.

Многъ людей около вечера привела въ ужасъ попытка Ватеита тайно увести пасшихся въ лагеря ословъ. Къ счастью я во-время замѣтилъ это; я тотчасъ же послалъ Мнубіе съ 12 вооруженными людьми и имѣлъ удовольствіе черезъ полчаса видѣть ихъ возвращающихся съ похищенными животными. Не обращая вниманія на это происшествіе, я отправился на сосѣдній холмъ и тамъ, окруженный туземцами, рисовалъ абрисъ горы. Черезъ нѣсколько времени явились нѣсколько носильщиковъ съ безпокойными фізіономіями, «чтобы защищать меня», какъ они говорили, въ самомъ же дѣлѣ для того, чтобы увести меня, потому что безъ меня они чувствовали себя неловко. Я былъ, правда, безъ оружія, но отослалъ ихъ назадъ, дабы показать, что я ничего не боюсь, и сидѣлъ спокойно еще съ четверть часа; потомъ я попросилъ одного воина нести мою рисовальную доску и въ сумерки благополучно прибылъ въ лагерь.

9 іюля. Вчерашнія обѣщанія оказались пустыми: только нѣсколько женщинъ явились въ лагерь, и всѣ попытки купить козу или быка оказались неудачными; очевидно меня хотѣли голодомъ понудить къ уступчивости. Я назначилъ отправленіе на слѣдующее утро, хотя могъ дать носильщикамъ только сухое мхого, да и то не въ достаточномъ количествѣ. Въ довершеніе всего, Факи безпрестанно тревожилъ меня; онъ жаловался, что я далъ ему мало товаровъ для покупки съѣстныхъ припасовъ, объявлялъ, что я завтра не могу тронуться въ путь, такъ какъ это разсердило бы Ватеита, старался уговорить меня отправиться въ Бура, такъ какъ иначе жители, раздраженные моимъ отказомъ, будутъ мстить, однимъ словомъ велъ себя такъ ясно, что я пригрозилъ ему строгимъ наказаніемъ по возвращеніи въ Момбасъ. Я сдѣлалъ грустную ошибку, взявъ этого Факи въ каравановожаты: онъ положительно неспособенъ къ этой должности, не пользуется уваженіемъ носильщиковъ и говоритъ въ одну минуту то, въ другую — другое.

10 іюля. Во время приготовленій къ подъему мнѣ сообщили, что недостаетъ двухъ ословъ. Я тотчасъ послалъ людей искать ихъ, а самъ отправился на то мѣсто, гдѣ были привязаны животные. Вережки были не разорваны, а перерѣзаны ослы же спокойно щипали траву на мтамовомъ полѣ; очевидно, Ватеита ночью, когда караульные спали, освободили ословъ и отвели въ платанціи, чтобы потомъ потребовать громадное вознагражденіе за причиненный ими убытокъ. Едва только носильщики съ животными подошли къ лагерю, какъ вдругъ толпа изъ 30 вооруженныхъ Ватеита выскочила изъ поля съ ужаснымъ крикомъ и снова завладѣла животными. Я побѣжалъ вмѣстѣ съ Корали къ воинамъ и грозилъ имъ ружьемъ; они встрѣтили меня воемъ, маханьемъ саблями и натягиваньемъ луковъ, но наконецъ медленно удалились. Такъ какъ въ это время мои люди отвели ословъ въ безопасное мѣсто, то я оставилъ преслѣдованіе и приказалъ скорѣе тронуться въ путь: въ это время явились пять отрядовъ вполне вооруженныхъ Ватеита, изъ коихъ каждый состоялъ изъ 60 человѣкъ; они пѣли воинскія пѣсни, съ большимъ искусствомъ дѣлали разные повороты и эволюціи и подошли къ самому лагерю. На первый разъ я отогналъ ихъ на почтительное разстояніе; но какъ они снова начали шумѣть и танцовать и такъ какъ появлялись еще

все новые отряды, то мои люди, почти обезумѣвъ отъ страха, отказались повиноваться мнѣ.

Шумъ продолжался до одиннадцати часовъ. Чтò было дѣлать мнѣ одному, съ двумя только надежными людьми, противъ множества бѣснующихся враговъ? Главное дѣло было конечно въ томъ, чтобы внушить имъ уваженіе своимъ безстрашіемъ. Поэтому я нѣсколько разъ, съ револьверомъ за поясомъ, входилъ въ средину кричащей шайки, просилъ, когда они замолчали, снова начинать пѣсни и танцы, такъ какъ они доставляютъ мнѣ удовольствіе, далъ одному заносчивому дѣтнинѣ, который махалъ своею саблею передъ самымъ моимъ лицомъ, хорошій ударъ кулакомъ, — но все это не полагало конца неприятному положенію. Тогда, къ счастью, я увидалъ султана. Черезъ Факи и Гаммиса я спросилъ его, чтò значить это бѣснованіе и танцы? «Они хотятъ идти на меня войною», отвѣчалъ онъ, «потому что я не былъ довольно щедръ, не покупалъ у нихъ съѣстныхъ припасовъ по назначеннымъ ими цѣнамъ, всходилъ на ихъ гору, задержалъ дождь моею зрительною трубкою, рвалъ цвѣты и тѣмъ испортилъ ихъ жагву и наконецъ зажегъ огонь (они разумѣли зажженную вчера ракету), чтобы обрушить гору.» Затѣмъ онъ потребовалъ въ подарокъ двѣ козы и одного быка, — послѣдняго для удовлетворенія воиновъ, пришедшихъ съ другой стороны Кадіаро и изъ Бура. Относительно быка, или скорѣе его стоимости въ товарахъ, я согласился, чтобы сбыть съ шеи по крайней мѣрѣ живущихъ вдали враговъ, но отказалъ въ козахъ, надѣясь одинъ управиться съ ближайшими моими сосѣдами. Они удовольствовались этимъ и потребовали еще только, чтобы я подвергся *грири* (волшебству), дабы они могли видѣть, что я болѣе не злой. И на это я согласился, съ условіемъ, чтобы Факи вмѣсто меня былъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой унижительной для европейца комедіи. Фокусъ-покусъ начался. Волшебникъ три раза ударилъ въ мукуругензи (и здѣсь число три есть священное) скорлупою кокосоваго орѣха по головѣ и влилъ ему въ горло сокъ изъ травъ. Теперь туземцы потребовали, чтобы и я отвѣдалъ этотъ напитокъ; но я отказался, хотя мои носильщики настоятельно просили меня, и не уступилъ даже тогда, когда Ватеита снова начали враждебный образъ дѣйствій и даже бросали въ лагерь камни. Мое терпѣніе истощилось. Я положилъ палецъ на курокъ ружья и объявилъ начальнику, что если эта игра сейчасъ не прекратится, то я прежде всего застрѣлю его, чтобы посмотреть, какое впечатлѣніе произведетъ это на его подданныхъ. Онъ кажется вполне понялъ меня, потому что сейчасъ же схватилъ сучокъ терновника, бросился въ средину танцующихъ и кричащихъ воиновъ и немилосердно началъ колотить ихъ. Большая часть ихъ утихла, но нѣкоторые молодые люди, какъ будто одержимые бѣсомъ, продолжали свои неистовства, валялись по землѣ, ужаснымъ образомъ кривлялись, подражая голосамъ и жестамъ дикихъ животныхъ и подходили все ближе ко мнѣ: я велѣлъ удалить ихъ силою.

Теперь началось продолжительное *шаури* (переговоръ, совѣщаніе). Я получилъ, въ видѣ ручательства за мою безопасность, двухъ заложниковъ, одного старика, а другаго — мхамбасскаго купца, который повидимому пользовался большимъ почетомъ; а дабы удовлетворить туземцевъ, я согласился дать 24 ар-

шина бумажной матеріи. Но едва снова возстановился миръ, какъ измѣнники Ватеита снова захватили ословъ, отправившихся на водопой. Я снова отнялъ ихъ, взявъ съ собою для этого Коралли и десятерыхъ носильщиковъ, при чемъ мнѣ не пришлось даже прибѣгнуть къ огнестрѣльному оружію, хотя мнѣ сильно хотѣлось хорошенько проучить негодаевъ, которые теперь начали даже пускать стрѣлы.

Настоящихъ враждебныхъ дѣйствій съ этихъ поръ не было; въ лагерѣ снова явились даже продавицы съѣстныхъ припасовъ: но мнѣ все-таки не было причинны быть довольнымъ положеніемъ дѣлъ, такъ какъ цѣны были безумнѣе чѣмъ прежде, а заложники подъ всевозможными предлогами старались вырваться отъ насъ. Я успокоился только тогда, когда выданный мнѣ Мкамба обѣщалъ проводить насъ къ озеру Джипе, и наконецъ заключилъ даже кровавое братство съ моими вожатыми. Въ то время я еще думалъ, что *питье крови и кровавое братство* — дѣйствія чрезвычайно торжественныя, при которыхъ на нарушившаго клятву призываются ужаснѣйшія бѣдствія — имѣютъ ненарушимую силу; но впоследствии я узналъ, что и здѣсь ни одна клятва не бываетъ ненарушима, что одинъ побратимъ хотя и шадитъ жизнь другаго, но не совѣстится отнять у него его собственность.

Изъ предосторожности я распорядился, чтобы окружающій лагерь плетень изъ терновника былъ поправленъ и поднятъ выше и чтобы на случай осады была запасена вода и дрова; когда потомъ Ватеита удалились, я велѣлъ приготовить тюки и снять палатки, чтобы до разсвѣта, прежде чѣмъ воины снова сойдутъ съ горъ, быть уже въ дорогѣ. Понятно, что ночь была очень тревожна. На негровъ мы не могли положиться, и потому сами рѣшились охранять лагерь: Коралли — до 11½ часовъ, Торнтонъ до 1½, а я — остальную часть ночи. По временамъ слышались вдали голоса и на необитаемыхъ мѣстахъ горѣли огни, но помимо этого не случилось ничего необыкновеннаго. Около 4 часовъ я разбудилъ носильщиковъ и распредѣлялъ, кому гдѣ идти: Торнтонъ долженъ былъ идти впереди, Коралли съ ослими — въ серединѣ, а я съ Факи, который сказалъ, что знаетъ дорогу, остался въ лагерѣ, пока онъ совсѣмъ очистится. Почти безъ шума тронулись носильщики въ путь; но, вмѣсто того, чтобы удалаться бодро, они всѣ старались какъ можно скорѣе убѣгать, и даже Факи, которому я строго приказалъ быть около меня, не могъ преодолѣть своего страха и убѣжалъ съ другими, когда я на нѣсколько минутъ отошелъ отъ него, чтобы поймать убѣжавшаго къ водѣ осла. До моего возвращенія въ лагерѣ остался одинъ только Ассани. Было слишкомъ темно и я не могъ поэтому идти по слѣдамъ ушедшихъ впереди; мой сигналъ свисткомъ остался безъ отвѣта, и я долженъ былъ, какъ это ни было мнѣ непріятно, сдѣлать два выстрѣла, чтобы извѣстить передовыхъ о моемъ затрудненіи. Еще прежде, чѣмъ пришла помощь, явился султанъ Ватеита съ дожиною своихъ воиновъ, но послѣшно удалился, когда я погрозилъ ему, что буду стрѣлять, если онъ подойдетъ ближе. Наконецъ явился Коралли, а потомъ Торнтонъ и Факи. Мѣра послѣдняго теперь исполнилась: я схватилъ его за чубъ и славно отдѣлалъ его палкою, чтобы заразъ отплатить ему за всѣ прежніе его грѣхи. Сначала онъ, повидимому, очень удивился такому обращенію и сильно оскорбилъ

ся, но когда увидалъ, что меня не испугаешь, сталъ на колѣна, положилъ къ моимъ ногамъ свою чалму и жалобно просилъ прощенія. Хотя онъ и заслуживалъ еще большаго, но я отпустилъ его, надѣясь, что онъ воспользуется этимъ урокомъ.

Еще новое замедленіе произошло оттого, что вакамбасскіе вожатые отказались идти далѣе, потому что ночью видѣли дурные сны, а утромъ черезъ дорогу перелетѣла черная птица; только съ трудомъ они согласились сопровождать насъ еще одинъ часъ. На прощаньи они показали намъ отдаленный холмъ, какъ такое мѣсто, гдѣ есть вода, и обѣщали на слѣдующій день встрѣтиться съ нами тамъ.

Мы спасли ословъ изъ рукъ хищниковъ, но только для того, чтобы въ тотъ же день видѣть ихъ издыхающими: у троихъ изъ нихъ изъ носа текла кровь и гной, голова и половыя части опухли, а дыхательное горло было такъ сужено отъ нарывовъ, что дыханіе походило на хрипѣнье: ихъ укусули *мухи дондеробо!* Я самъ не видалъ эту ядовитую муху и не могъ, несмотря на обѣщанную награду, достать ее; но туземцы увѣрили, что только укушеніе дондеробо, часто нападающей на ихъ стада козъ, могло произвести такія дѣйствія. Какъ мухи тсетсе нападаютъ на рогатый скотъ, такъ мухи дондеробо нападаютъ главнымъ образомъ на ословъ и козъ, рѣже на овецъ, и никогда — на коровъ. Уже на третій день укушенное животное не можетъ двигаться и рѣдко доживаетъ до пятого дня.

И въ другомъ еще отношеніи были правы Вакамба съ своими дурными предзнаменованіями: мы шли до захода солнца то по дикимъ тропинкамъ, то совсѣмъ безъ дороги, не находили никакихъ слѣдовъ воды и должны были переночевать среди пустыни подъ нѣсколькими терновыми кустами. Еще до разсвѣта мы снова тронулись въ путь. Съ неприятнымъ блескомъ взошло солнце на блестящемъ небесномъ сводѣ. Носильщики утомились и заболѣли и съ трудомъ волокли свои тюки. Наступилъ полдень, а мы не видѣли еще никакихъ слѣдовъ близости воды. Дабы поберечь силы людей хотя во время самаго сильнаго зноя, я велѣлъ сдѣлать привалъ. Но и во время отдыха наши силы быстро истощались, такъ какъ отъ жажды мы не могли ничего ѣсть.

Двое изъ носильщиковъ увѣрили, что знаютъ водоемъ, отстоящій отсюда на четыре часа пути. Туда отправился Коралли и 14 людей со всѣми китомами и другими сосудами, чтобы отыскать драгоценную влагу. Ночью шелъ небольшой дождь. Мы тотчасъ разостлали наши резиновыя покрывала; но собранная въ небольшомъ количествѣ вода имѣла такой жесткій вкусъ, что невозможно было пить ее. Утромъ мы ждали Коралли, но напрасно. Къ счастью, наканунѣ вечеромъ я купилъ у одного изъ носильщиковъ цѣлую фляжку воды; я сварилъ крепкій чай и раздѣлил остывшій освѣжающій напитокъ съ Торнтономъ и моими служителями: каждому досталось по глотку. Мой спутникъ наконецъ объявилъ, что не можетъ болѣе переносить мученій жажды; я вспомнилъ, что у меня есть

бутылка шампанскаго, которую я взялъ, чтобы выпить ее на Килиманджаро, и теперь откупорилъ ее: тепловатая жидкость была выпита съ наслажденіемъ!

Мы прозодили до полудня бѣдственные часы. Когда же и въ это время не было еще надежды на спасеніе, то мы начали приготовляться къ крайней мѣрѣ: мы сложили кладъ въ одно мѣсто, огородили ее крѣпкою терновою изгородью и хотѣли потомъ какъ можно скорѣе идти безъ груза къ содержащимъ воду горамъ Паре. Но въ это время мы услышали отдаленную стрѣльбу. Пробудившіе надежду эти звуки раздавались все ближе и ближе, и около трехъ часовъ по полудни прибыли передніе изъ нашихъ людей. Коралли разсказалъ, что они вчера напрасно искали воды и только сегодня нашли драгоцѣнную влагу въ сухомъ, повидимому, рѣчномъ руслѣ, на двухъ футахъ глубины; послѣ короткаго отдыха они воротились, неся воду во всемъ, въ чемъ только можно было нести ее. Онъ самъ употребилъ для этого даже свой пороховой рогъ, а порохъ неся въ пакетѣ въ рукѣ; но когда, при приближеніи къ намъ, выстрѣлили изъ ружья, порохъ воспламенился и опалилъ ему бороду, одежду и кожу.

Около пяти часовъ пришли послѣдніе изъ носильщиковъ. Принесенный ими значительный запасъ воды еще въ тотъ же день большею частію вытекъ въ жаждущія глотки.

14 іюля. Только около семи часовъ мы тронулись съ мѣста, потому что истощенные ослы, которыхъ мы выпустили для того, чтобы они полизали росу съ травы, ушли далеко отъ лагеря. По трудному пути, черезъ траву, вышиною въ ростъ человѣка, мы пришли около часа къ рѣкѣ, которую жители назвали «ку фукуа», т. е. «ровъ». Дорогою мы въ первый разъ увидели *Килиманджаро*: гора эта возвышается подобно громадному куполу, покрытая ослѣпительной бѣлизны снѣгомъ, который отражаетъ отъ себя яркіе лучи солнца.

Вода попадалась въ норахъ глубиною отъ 2½ до 3 футовъ, которыя были выкопаны дикими животными въ сухомъ, повидимому, руслѣ; покопавъ поглубже и немного подождавъ, можно было получать прозрачную и довольно свѣжую влагу. Сегодня, послѣ шестидневнаго поста, мы имѣли отличный обѣдъ изъ франколиновъ, цесарокъ, голубей и свѣжихъ страусовыхъ яицъ, добытыхъ дорогою.

Кругомъ лагеря, и особенно въ ложѣ рѣки, мы замѣтили безчисленные слѣды разныхъ животныхъ, — слоновъ, носороговъ, жирафовъ, буйволовъ, антилопъ и зебръ, которыя, повидимому, ежедневно собирались здѣсь. Подкрѣпившись пищею и питьемъ, я рѣшился провести ночь на сторожѣ. Коралли сталъ на пятьсотъ шаговъ выше лагеря, а я — на такомъ же разстояніи пониже его. Но мы горько разочаровались, потому что не только ничего не убили, но даже и не видали ни одного животнаго. Да и не удивительно. Какъ могло близиться къ намъ животное, когда превосходный охотникъ за слонами, Муанзалини, несмотря на множество видѣнныхъ слѣдовъ, громко храпѣлъ, и когда прочіе вторили ему и производили шумъ? Прогрнувъ, мы съ досадою вернулись въ четыре часа утра въ лагерь. Часъ спустя мы были уже въ дорогѣ.

Сегодня какъ и вчера, дорога была отвратительная: ровныя долины съ высокою травой и терновыми кустарниками смѣнялись крутыми высохшими ложами

ручьевъ и черною, растрескавшеюся отъ жара, болотистою почвою, на которой оттиснуты были глубокіе слѣды громадныхъ толстокожихъ животныхъ. Наконецъ мы достигли тропинки, хотя весьма узкой и каменистой. До сихъ поръ никто не хотѣлъ знать мѣстности, а теперъ всѣ отлично узнавали ее, называли по именамъ горы и селенія, и указывали пальцами на банаковыя плантаціи, которыхъ я не могъ различить даже въ зрительную трубу. Послѣ двухчасоваго перехода они опять сдѣлались по прежнему благоразумны и сознались, что прежде ошиблись, или, скорѣе, солгали. Никто не зналъ, гдѣ мы находимся; одинъ совѣтовалъ идти къ западу, другой — къ югу. Я велѣлъ остановиться и послалъ четверыхъ людей на рекогносцировку. Двое изъ нихъ вскорѣ возвратились, ничего не сдѣлавъ, а другіе двое не возвращались до того долго, что мы наконецъ тронулись въ путь, предоставивъ имъ идти по нашимъ слѣдамъ. Вскорѣ мы достигли тропинки, на которой лежало нѣсколько недавно сжеваннаго сахарнаго тростника, и за полтора часа до захода солнца пришли къ рѣчкѣ, протекавшей въ узкой, глубокой долинѣ у подошвы горъ Паре, которая здѣсь должна была быть обитаема, судя по поднимавшимся недалеко столбамъ дыма. Мы устроились на красивою, окруженномъ естественными каменными валами, мѣстѣ, подъ тѣнью большихъ деревьевъ, гдѣ вскорѣ насъ посѣтили нѣсколько туземцевъ, которые нѣсколько не удивились, увидя насъ здѣсь.

16 іюля. Уже рано утромъ въ лагерь нахлынули Вапаре. Многіе изъ нихъ были свѣтлѣе цвѣтомъ, чѣмъ Ватента, а нѣкоторые отличались острыми подпленными зубами. У нѣкоторыхъ волосы на головѣ были острижены, а у другихъ окрашены въ красный цвѣтъ смѣсью изъ глины и масла и заплетены въ длинныя пучки. Украшеній у нихъ меньше, чѣмъ у Ватента, но все-таки у нихъ часто встрѣчаются нарукавники изъ проволоки и простыя толстыя мѣдныя кольца, равно какъ пестрыя бусы, желѣзныя и мѣдныя цѣпочки, пряжки на рукахъ и разукрашенное дерево или маленькія тыквы въ ушахъ. Мужчины носятъ довольно большія сабли, луки длиннѣе и крѣпче чѣмъ у Ватента, и стрѣлы съ зубчатыми, но рѣдко отравленными, остриями, а иногда также щитъ и копье. Почти всѣ они, безъ исключенія, носятъ при себѣ маленькія трубки изъ черной глины; даже прекрасный полъ кажется не прочь отъ употребленія табаку.

Главное одѣяніе женщинъ составляетъ большая шкура, обвернутая вокругъ бедра, и, кромѣ того, на каждой сторонѣ бедра маленькій мѣшокъ, похожій на громадный карманъ. Знатныя дамы носятъ красивые, вышитые бисеромъ кожаные пояса. Волосы выстригаются странными украшениями, а грудь покрывается выщарапываемыми на ней рисунками. Украшенія женщинъ бѣдны въ сравненіи съ Ватента; онѣ носятъ только нѣсколько нитокъ бусъ на шеѣ и еще рѣже ожерелья изъ мѣдной проволоки.

Намъ принесли множество различныхъ товаровъ: куръ и жирныхъ козъ, бобовъ и гороха, въ маленькихъ, красиво сплетенныхъ мѣшкахъ, большія связ-

ки бакановъ, сладкаго картофеля, ямса и мхого, арбузовъ и сахарнаго тростника, табаку, соли, коровьяго масла и бакановой муки, а также много котомъ воды.

Цѣны установились гораздо ниже, чѣмъ въ Кадьяро, хотя онѣ и были въ четверо дороже противъ тѣхъ, которыя нашель Торнтонъ на Замбесе; мнѣ удалось въ короткое время собрать значительный запасъ провизіи. При торговлѣ я держался правила предлагать за товары сорозмѣрную цѣну и не измѣнять ея несмотря ни на какія возраженія. Это правило оказалось вполне годнымъ. Жители скоро привыкли къ моему образу дѣйствій и не долго торговались, когда хотѣли что-нибудь дѣйствительно продать мнѣ; они знали, что я не стану толковать много съ тѣмъ, кто не согласился на первую предложенную мною цѣну, и боялись, что имъ придется тащить свои тяжелыя ноши назадъ, не продавъ изъ нихъ ничего. Шерстяную матерію они предпочитали бусамъ; за мелочи, за которыя можно было платить только бусами, они всегда требовали болѣе дорогія, крупныя, пурпуроваго цвѣта бусы, но соглашались, когда я объявлялъ имъ, что буду давать только бѣлыя (самыя дешевыя).

Утварь, украшенія и т. п. можно было приобрести съ большимъ трудомъ, хотя здѣсь и не были такъ сдержанны въ этомъ отношеніи, какъ въ Кадьяро. Я приобрѣлъ четыре трубки, двѣ табакерки, или, скорѣе, фляжки для табаку (маленькія тыквы, заткнутыя пробкою), нѣсколько луковъ, стрѣлъ, деревянныхъ ложекъ и красныхъ корзиночекъ; сабель, ожерельевъ и трубокъ о двухъ головахъ, которыя мнѣ особенно нравились, туземцы совсѣмъ не продавали. Обращеніе Вапаре было дружеское и приличное, и хотя они впоследствии оказались нѣсколько назойливыми, но все-таки достаточно было одного слова, чтобы держать ихъ на надлежащемъ разстояніи.

Въ странѣ Паре въ каждомъ селеніи есть такъ называемый султанъ, или, скорѣе, человекъ, который не любитъ, когда его не называютъ этимъ именемъ. *Меури*, властитель мѣстности, въ которой мы раскинули свой лагерь, не могъ явиться къ намъ лично, потому что страдалъ отъ раны стрѣлою, полученной въ прошломъ году въ сраженіи съ Вабура; онъ прислалъ ко мнѣ своего министра *Мазамбо* съ хорошею козою и велѣлъ просить меня и въ слѣдующій разъ сноситься съ нимъ черезъ этого министра.

Чтобы скрѣпить завязавшуюся такимъ образомъ дружбу, надо было еще исполнить церемонію *питья крови* и *братанья кровью*. Такъ какъ я отказался исполнить это лично, то мое мѣсто занялъ Факи; представителемъ султана былъ *Игуату*, сынъ другаго начальника. Оба они сѣли, растопыривъ ноги, другъ противъ друга, на кусокъ бумажной матеріи, данный разумѣется мною, и положили другъ другу руки на плеча. Сзади cadaго изъ нихъ сѣлъ «секундантъ», державшій саблю и шомполь такимъ образомъ, что ихъ концы прикасались къ головамъ будущихъ побратимовъ. Затѣмъ Игуату захватилъ правою рукою кожу подъ ложечкою у Факи и собралъ ее пальцами въ складку; другой надрѣзалъ ее маленькимъ ножомъ, а Факи взялъ изжаренную печенку курицы и захватилъ ею каплю крови своего визави. То же самое сдѣлалъ и другой съ своимъ визави.

Послѣ этого помощникъ Факи, безпрестанно постукивая ножомъ по мечу и шом-полю, произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ желаніе, чтобы «ни одинъ изъ насъ не встрѣтился съ Мазаи, львами и слонами, и если одинъ изъ двухъ побратимовъ погибаетъ, то другой не долженъ имѣть покоя до тѣхъ поръ, пока не отмститъ за своего брата, а все ихъ имущество должно быть общимъ», и т. под. Такую же рѣчь произнесъ и другой секундантъ. Затѣмъ Игуату и Факи обмѣнялись воткнутыми на палочку кусками печени, и каждый изъ нихъ закрылъ другому лицо лѣвою рукою, а правую вложилъ въ его ротъ мясо и потомъ оба съѣли свои куски. Такимъ образомъ оба сдѣлались братьями по крови. Въ заключеніе они переломили пустыя палочки надъ головою другъ у друга, схватили другъ друга обѣими руками за плечи, постояли такъ нѣсколько времени и обнялись.

Бусокъ американо, на которомъ они сидѣли, Игуату взялъ себѣ, вѣроятно для того, чтобы показать, какъ серьезно онъ понимаетъ общеніе имуществъ. Я пригласилъ Факи потребовать себѣ половину куска; онъ исполнилъ его, но его осмѣяли. Это вызвало во мнѣ предположеніе (которое впоследствии подтвердилось), что туземцы предпринимаютъ такія церемоніи только для того, чтобы воспользоваться служащимъ подстилкою кускомъ американо, а также и для того, чтобы внушить довѣріе другой сторонѣ и потомъ легче обирать ее.

Во время моего пребыванія въ горахъ Паре я узналъ нѣсколько знаменитыхъ личностей, которыхъ образъ дѣйствій далъ мнѣ возможность глубже рассмотреть жизнь и дѣятельность мелкихъ негритянскихъ князей и заставилъ меня забыть о мелкихъ непріятностяхъ, сопряженныхъ съ этимъ. Такимъ типомъ былъ напр. начальникъ *Мконголи*, маленький, худой, старый человекъ, который явился послѣ полудня въ лагерь, предложилъ мнѣ быка и потребовалъ за это подарка. Когда я ему общалъ это, то онъ сначала сказалъ, что животное будетъ приведено сейчасъ же, потомъ, что оно находится очень далеко на пастбищѣ и можетъ прибыть сюда только вечеромъ, а наконецъ объявилъ, что оно прибудетъ не ранѣе, какъ завтра утромъ. Я посоветовалъ ему поспѣшить, потому что я не могу отложить отправленія, назначеннаго на слѣдующее утро, и общалъ, если онъ во время доставить свой подарокъ, дать ему десять доти (28) американо и два куска барзати. На другой день, около восхода солнца, мнѣ сообщили о прибытіи султана Мконголи и убѣдили меня повременить еще нѣсколько. Около семи часовъ старикъ явился. Сначала онъ всячески старался задержать меня; но когда понялъ безуспѣшность своихъ стараній, то предложилъ проводить насъ къ рѣчкѣ, гдѣ находится быкъ и общалъ дать намъ проводниковъ въ Кизуани, нашъ сегодняшний ночлегъ. Черезъ полчаса мы дѣйствительно пришли къ прозрачному шумящему ручью. Здѣсь онъ потребовалъ бусъ и другихъ мелочей за оказанныя намъ услуги, равно какъ и подарка за обѣщаннаго быка. Такъ какъ многіе изъ носильщиковъ сказали, что видѣли это животное, то я немедленно вручилъ ему подарокъ, и у него вмѣсто быка оказался теленокъ. Я не имѣлъ права досадовать на это, потому что слово «нгомбе» на языкѣ Паре означаетъ какъ быка такъ и теленка. Старый грѣховодникъ потребовалъ даже еще побрататься со

мною кровью, разумѣется для того только, чтобы получить разстилаемый на землѣ кусокъ матеріи. Чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ него, я исполнилъ его просьбу, но опять поставилъ вмѣсто себя одного изъ моихъ людей. Обрядъ совершился съ гораздо меньшею церемоніальностью, чѣмъ вчера, вѣроятно потому, что поняли, что отъ меня не выманишь больше ничего.

Въ обѣщанныхъ проводникахъ я тотчасъ же разочаровался. При нашемъ отправленіи явилось около дюжины молодыхъ парней, и каждый изъ нихъ потребовалъ платы. Послѣ довольно труднаго перехода мы прибыли въ *Кизуани* (т. е. «на островѣ»), часто посѣщаемое караванами жителей Пангани и Танга и окруженное рукавами рѣчки Гондья. Здѣсь было множество просторныхъ, хорошо сохранившихся хижинъ; мои люди съ радостью заняли ихъ, а мы, европейцы, предпочли остаться подъ открытымъ небомъ, зная, что въ такихъ зданіяхъ придется болѣе выносить, чѣмъ вносить. Толпа проводниковъ ушла отъ меня въ весьма недовольномъ настроеніи духа, потому что я далъ подарокъ только одному изъ нихъ, и еще тѣмъ, которые пригнали теленка.

И здѣсь я познакомился съ странными плутами. Вскорѣ послѣ нашего прибытія явился человекъ, выдававшій себя за султанскаго сына, и запретилъ дѣлать обычные сигнальные выстрѣлы до тѣхъ поръ, пока мы не дадимъ пошлины ему и отцу его. Я, вмѣсто отвѣта, выстрѣлилъ надъ самою его головою изъ моего двухствольнаго ружья. Онъ въ большой досадѣ удалился изъ лагеря, но вскорѣ воротился и хладнокровно потребовалъ доти, въ видѣ штрафа за сдѣланные выстрѣлы. Но я отказалъ ему и въ этомъ такимъ образомъ, что онъ могъ ясно видѣть мое неизмѣнное рѣшеніе. Онъ ушелъ и болѣе никогда не возвращался.

Пріятно проведя ночь, спокойствіе которой только нѣсколько разъ нарушалось ревомъ льва и крикомъ стада обезьянъ, я приготовился къ рынку, въ которомъ мы имѣли настоящую потребность. Я разложилъ мзиго съ наиболѣе ходячими товарами и велѣлъ сдѣлать еще нѣсколько выстрѣловъ. Только полтора часа спустя явились нѣсколько продавцовъ; но ихъ число потомъ значительно увеличилось. Они потребовали умѣренныя цѣны и выказали себя очень дружелюбными; они вѣроятно помнили еще тяжкій урокъ, который задалъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ славный мукуругензи, истребившій нѣсколько селеній огнемъ и мечомъ и убившій около 50 человекъ въ наказаніе за ихъ враждебное обращеніе.

Въ одно время съ продавцами прибылъ молодой человекъ весьма свѣтлаго цвѣта, одѣтый въ пеструю одежду и украшенный кольцами на рукахъ, шеѣ и въ ушахъ; въ лѣвой рукѣ онъ несъ пику съ широкимъ желѣзнымъ наконечникомъ, а въ правой конскій хвостъ, красиво обвитый на концѣ мѣдною проволокою, которымъ онъ прохлаждался какъ вѣеромъ. Его сопровождали два мальчика, изъ коихъ одинъ несъ трубку, а другой, въ качествѣ оруженосца, несъ шитъ, стрѣлы и лукъ. Желтый этотъ юноша былъ далеко не уродливъ собою; онъ, казалось, сознавалъ это и красовался передъ нами чисто по-франтовски, очевидно желая обратить на себя наше вниманіе. Такъ какъ это ему не удалось, то онъ представился намъ какъ главный султанъ области Визуаки и потребовалъ себѣ

подарка. Наученный прежними опытами, я отказалъ ему въ этомъ, пока не окажется, что другіе начальники не имѣютъ болѣе его правъ на подарки. Юноша разсердился на это, грозилъ мнѣ своею враждою и войною, но потомъ успокоился, увидавъ, что меня не запугаешь, сдѣлался ласковъ, когда я обѣщалъ ему подарокъ, если только онъ сначала принесетъ мнѣ свой, и предложилъ быть на завтра нашимъ проводникомъ къ отдаленному водоему.

Вскорѣ оказалось, что я поступалъ вѣрно, ибо снова явился человѣкъ въ пестромъ одѣяніи, на этотъ разъ съ обручемъ на головѣ и лошадинымъ хвостомъ въ рукѣ (эмблемами его сана), назвался главнымъ султаномъ *Кимарио* изъ *Мазина* и потребовалъ себѣ подарка. Услыхавъ, что недавно другой предъявилъ такое же требованіе, онъ въ высшей степени разсердился, клянясь, что тотъ поплатится за свою дерзость и просилъ скорѣе удовлетворить его, дабы онъ сейчасъ же могъ отправиться въ путь для наказанія виновнаго. Въ это время явился прежній «узурпаторъ», и я предоставилъ имъ вѣдаться какъ знаютъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ переговоровъ они въ самомъ дѣлѣ согласились между собою, взяли сообща заранѣе назначенный небольшой подарокъ и принесли взамѣнъ его нѣсколько бакановъ и сахарнаго тростника. вмѣстѣ съ тѣмъ молодой человѣкъ обязался пробыть ночь въ лагерѣ, дабы на другое утро не причинить задержки, такъ какъ онъ обѣщался вести насъ. Но уже при наступленіи сумерекъ онъ раскаялся въ своемъ обѣщаніи и попытался убѣжать; но я показалъ ему своимъ ружьемъ, что такія попытки могутъ повести за собою опасныя послѣдствія, и, для большей вѣрности, захватилъ его оружіе. Повидимому удовлетворенный, онъ развелъ на ночь свой огонь, но потомъ еще нѣсколько разъ измѣнялъ свое рѣшеніе и только мой энергическій образъ дѣйствій побудилъ его исполнить обѣщаніе 19 іюля. Съ разсвѣтомъ мы отправились въ дальнѣйшій путь. Нѣсколько часовъ шли мы по выжженной странѣ, въ которой на каждомъ шагѣ погружались въ землю по щиколки, такъ какъ лишенная травы почва сдѣлалась очень рыхла, потомъ черезъ поросшую высокою травою равнину и около полудня достигли развалившейся хижины, неподалеку отъ которой, по словамъ проводника, во всякое время должна находиться вода. На этотъ же разъ мы напрасно искали ея, равно какъ и на другомъ мѣстѣ, отстоящемъ отсюда на часъ пути. Въ твердомъ убѣжденіи, что вода недалеко, и что нашъ проводникъ только по злобѣ не показываетъ ее, я погрозилъ ему тѣмъ, что не отдамъ ему платы, но не произвелъ на него впечатлѣнія. Онъ спокойно и съ достоинствомъ возразилъ, что онъ не виноватъ въ господствующей засухѣ, что онъ исполнилъ свою обязанность и не сомнѣвается, что и бѣлый человѣкъ исполнитъ свое обѣщаніе. Конечно, это не могло измѣнить моего прежняго убѣжденія, но мои люди такъ осаждали меня просьбами и обвиненіями въ несправедливости, что я наконецъ уступилъ, и, отдавъ плуту подарокъ, отпустилъ его. Впослѣдствіи оказалось, что мое сужденіе было справедливо.

Мы шли далѣе по сухой мѣстности, и, не найдя воды, раскинули неудобный лагерь передъ заходомъ солнца у подошвы голой возвышенности.

ОТДѢЛЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Озеро Джине.

Приближеніе къ озеру. — Благородный обычай каравановъ. — Шествіе вдоль восточнаго берега. — Встрѣча съ восемью львами. — Три убитые носорога. — Другая дичь. — Ночное приключеніе на охотѣ. — Пчелиные ульи. — Торжественный приемъ въ Дафетъ — Султанъ Маунгу. — Церемонія кшонго и братанья на крови. — Большой совѣтъ начальниковъ. — Костюмъ и украшенія у Вадафета. — Военскій танецъ. — Экскурсія къ холму на озерѣ. — Трудность измѣренія угловъ. — Довѣренный человѣкъ Банафумо. — Прощанье съ Дафетою.

Ночь была холодна и суровый вѣтеръ дулъ съ горъ Паре. Еще ранѣе пяти часовъ я заставилъ моихъ людей, которые продрогнувъ сидѣли около потухшихъ огней, тронуться въ путь. Мы перешли черезъ низкій гребень высотъ Кузунгу и пришли въ обширную, нѣсколько покатую къ сѣверу равнину. Она не имѣла такого сухаго характера, какъ та, черезъ которую мы прошли вчера: свѣжая зелень покрывала землю, а вмѣсто голыхъ терновыхъ кустовъ явились покрытыя листьями деревья. Озера *Джине*, которое, по словамъ жителей, должно было находиться на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути, не было видно, потому что густой туманъ лежалъ надъ мѣстностью. По нѣсколькимъ изъ многочисленныхъ дикихъ тропинокъ мы шли дальше къ сѣверу, къ горному хребту *Уюно*, круто поднимающемуся изъ равнины, у подошвы котораго, по моихъ предположеніямъ, долженъ былъ находиться водоемъ, но подвигались впередъ очень медленно, потому что часто должны были поджидать носильщиковъ, изнуренныхъ жаждою. Около десяти часовъ, пройдя полосу извѣстной темносѣрой почвы, мы замѣтили первые признаки близости воды: вылинявшія прѣсноводныя раковины и тростникъ, но самой воды еще не видали: вѣроятно озеро доходитъ до этого мѣста только во время дождей. Послѣ двухчасоваго труднаго перехода, подъ конецъ, по мягкой иловатой почвѣ, мы увидали наконецъ мутную лужу. Съ восторгомъ нагибался каждый къ лужѣ и глоталъ желтоватобурюю воду какъ самый прекрасный напитокъ.

Утоливъ первую жажду, вспомнили, по благому древнему караванному обычаю, и о оставшихся назади изнуренныхъ сотоварищамъ; многіе носильщики по доброй волѣ воротились назадъ отнести имъ оживляющую стихію: прекрасная черта благородной человѣчности!

Идя дальше, я вспугнулъ прекрасную бѣлую цаплю: мое ружье выстрѣлило, цапля упала, и вокругъ поднялась стая испуганныхъ водяныхъ птицъ. Вдругъ раздался громкій крикъ: бегемотъ бросился изъ тростника, пробѣжалъ черезъ наши ряды и исчезъ, такъ что посланные ему въ догонку пули не могли сдѣлать ему ничего. Вскорѣ послѣ того мимо насъ пробѣжали къ водѣ еще два неуклюжихъ колосса.

Тростникъ и трава становились все гуще, чѣмъ далѣе мы пробирались впередъ, а лужи дѣлались все многочисленнѣе и обширнѣе. Достигнуть озера этимъ путемъ казалось невозможнымъ, и потому мы пошли назадъ, а потомъ на востокъ и черезъ полтора часа пришли, послѣ нѣсколькихъ смѣшныхъ для посторонняго зрителя приключеній, опять на открытую мѣстность. Идя въ сѣверномъ направленіи по поросшему тростникомъ восточному берегу озера, мы около четырехъ часовъ достигли мѣста, удобнаго для лагеря, гдѣ величественная поверхность озера была въ нѣкоторой степени открыта. (29) Впереди насъ и къ западу простиралась обширная, отлого поднимающаяся зеленая равнина, а съ сѣвера проглядывалъ прекрасный Килиманджаро, по ту сторону озера синій зубчатый хребетъ Угоно замыкалъ собою кругозоръ, а на югѣ видѣлись горы Кизунгу и отроги горъ Паре. Около насъ оставались только немногіе самые сильные носильщики, а большая часть ихъ появлялись одинъ за другимъ въ продолжительные промежутки времени, и только съ наступленіемъ сумерокъ они собрались всѣ.

Утромъ 21 іюля я тронулся въ путь нѣсколько ранѣе моихъ людей, надеясь встрѣтить идущую на водопой дичь; но я обманулся и увидалъ только надъ уровнемъ озера морды и уши нѣсколькихъ бегемотовъ, которые съ ужаснымъ стономъ и плескомъ нырнули, когда я пустилъ въ нихъ пулю изъ слоновьяго ружья. Такимъ образомъ я шелъ съ частыми остановками болѣе трехъ часовъ и часто осматривался кругомъ, не замѣчая однакожь идущаго за мною каравана. Я воротился назадъ и черезъ полчаса нашелъ все общество весело расположившимся на привалъ и готовящимся къ обѣду: вожаки солгали Торнтону и Коралли, что я вчера вечеромъ назначилъ имъ это мѣсто и приказалъ дожидаться меня тутъ. Я сейчасъ же побросалъ горшки, раскидалъ очаги съ огнемъ, побилъ нѣсколько человекъ палкою и скоро привелъ всѣхъ въ движеніе.

И впоследствии мнѣ счастье не благопріятствовало на охотѣ; я увидалъ только стадо убрь, но на слишкомъ большомъ разстояніи, не позволявшемъ стрѣлять навѣрное.

Около полудня мы достигли конца открытаго озера; густая опушка исполинскаго *папируса* скрыла отъ нашихъ взоровъ поверхность озера: эта осока поднимается до высоты 15 слишкомъ футовъ, увѣчанная перистыми головками, имѣющими до 3 дюймовъ въ поперечникъ и похожими на цвѣты порея. Тропинка вела теперь прочь отъ воды черезъ поросшую небольшимъ лѣсомъ равнину, которая мѣстами была покрыта легкимъ выцвѣтомъ, по вкусу похожимъ на селитру и на поваренную соль; я велѣлъ тутъ сдѣлать привалъ и готовить обѣдъ. Мой неутомимый спутникъ и здѣсь, не отдыхая, взялъ свои инструменты и отправился дѣлать съемки съ горъ Угоно и другихъ вершинъ, видѣвшихся отсюда.

Около трехъ часовъ мы снова отправились по дорогѣ въ *Дафету*, страну, лежащую къ сѣверу отсюда на рѣкѣ Ломи, куда часто ходятъ караваны. Дорогою мы увидали на небольшомъ разстояніи носорога, и притомъ черного, стало-быть самой опасной породы: всѣ носильщики побросали свои тюки на землю и искали защиты на сосѣднихъ деревьяхъ. Торнтонъ выстрѣлилъ въ животное изъ своего маленькаго ружья, чтобы вызвать его напасть на насъ, послѣ чего я надѣялся свалить его моею слоновьею пулею. Но носорогъ былъ вѣроятно не изъ храбрыхъ, потому что едва раздался выстрѣлъ, какъ онъ тяжелымъ галопомъ побѣжалъ отъ насъ. Около солнечнаго захода мы раскинули ночной лагерь подъ нѣсколькими деревьями около лужи съ водою.

Чтобы показать, въ какомъ изумительномъ множествѣ встрѣчается въ другія времена большая и благородная дичь у озера Джибе и какъ безцеремонно становится она иногда подъ убійственный выстрѣлъ, мы прервемъ здѣсь нить разсказа и помѣстимъ происшествія двухъ позднѣйшихъ дней, изъ за которыхъ многіе позавидуютъ нашему путешественнику.

«Я пошелъ», разсказываетъ Деженъ во время своего обратнаго путешествія, «рано утромъ впереди каравана къ берегу озера, дабы убить нѣсколько водяной дичи; со мною было двуствольное охотничье ружье системы Лефошѣ, а на нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ за мною Коралли съ моимъ карабиномъ. Счастіе благоприятствовало мнѣ; кромѣ многихъ красивыхъ болотныхъ птицъ я убилъ еще прекрасную драхву, которая особенно обрадовала меня. Вдругъ я замѣтилъ за 50 шаговъ отъ себя что-то желтое на окраинѣ тростника. Я уже часто видалъ маленькихъ гіенъ съ желтыми и черными полосами, а потому и теперь предположилъ, что это гіены и, не перемѣняя на пули моихъ зарядовъ изъ дробн, осторожно на четверенькахъ поползъ къ нимъ черезъ высокую траву. Подползя, подъ защитою куста, на нѣсколько шаговъ къ жи вотнымъ, я медленно преподнялся. Видъ, представившійся моимъ изумленнымъ глазамъ, вызвалъ во мнѣ невыразимыя чувства. Я чувствовалъ не боязнь и не ужась, зрѣлище это привлекало меня своею волшебною силою, а разсудокъ мой заставлялъ меня бѣжать: за четыре шага отъ меня лежала старая *львица*, играя съ двумя дѣтенышами, которыя старались приблизиться къ ней, но она легонько отталкивала ихъ отъ себя лапою; рядомъ съ ними стоялъ ихъ отецъ, видимо любясь ловкостью своихъ дѣтокъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда, на краю озера, два полувзрослые ихъ братца или другіе какіе-нибудь родственники прохладжались утреннимъ водою. Горячая кровь быстро побѣжала у меня по жиламъ, но осторожность взяла верхъ: я медленно опустился за кустъ, положилъ пули въ свое ружье Лефошѣ, со всевозможною осторожностью поползъ къ Коралли и взялъ у него свой любимый карабинъ. Было бы безумствомъ осмѣлиться вступить съ тремя только пулями въ такую неровную борьбу; но мною овладѣло непреодолимое желаніе еще разъ взглянуть на величественныхъ животныхъ. Медленно пошелъ я впередъ; за мною слѣдовалъ Коралли съ двуствольнымъ ружьемъ: вдругъ, вмѣсто прежде замѣченныхъ мною шести львовъ, изъ тростника вышли восемь; они остановились за двадцать шаговъ отъ меня, испустили глухое злобное рычаніе, выказывая свои

прекрасные зубы, которыми одарила имъ мать-природа. Такъ стояли мы другъ противъ друга около двухъ минутъ: они—скрещеца зубами, а я—приложивъ ружье къ плечу. Наконецъ животныя медленно пошли назадъ, дѣтеныши впереди, а самцы сзади. Но это отступление нельзя было назвать бѣгствомъ: черезъ каждые два три шага одинъ изъ старыхъ самцовъ оборачивался, какъ бы желая посмотрѣть, честно ли я соблюдаю произвольно заключенное между нами перемирие, и, только выйдя изъ подъ выстрѣла, они побѣжали большими прыжками и скоро исчезли между кустами и деревьями, вѣроятно чутьемъ услыхавъ приближеніе каравана.

«Мы продолжали наше прерванное путешестіе. Солнце страшно пекло, вѣтерка совсѣмъ не было; носильщики едва двигались. Поэтому я уже около 10 часовъ велѣлъ сдѣлать привалъ на всю ночь, намѣреваясь провести время послѣ обѣда въ охотѣ. Едва успѣли мы расположиться, какъ двое людей, отправившихся за дровами, воротились бѣгомъ и сообщили, что они видѣли вдали двухъ носороговъ. Сопровождаемый Торнтономъ и двумя носильщиками съ запасными ружьями, я немедленно отправился на указанное мѣсто и вскорѣ увидаль двухъ красивыхъ, взрослыхъ черныхъ носороговъ, на разстояніи 40 шаговъ другъ отъ друга. Они должно быть имѣли очень плохое зрѣніе, потому что допустили насъ подойти къ нимъ, по равнинѣ, поросшей кустами не болѣе 2 футовъ вышины, на 30 шаговъ. Я всталъ, чтобы выстрѣлить, и замѣтилъ при этомъ еще третье животное, молодое; я, разумѣется, прицѣлился въ мать, такъ какъ дѣтенышъ вѣрно сдѣлался бы моею добычею, если бы мнѣ удалось убить ее. Я спустилъ курокъ, но выстрѣла не послѣдовало. Трескъ пистона сильно раздался у насъ въ ухахъ. Безобразныя животныя разомъ поворотились съ подозрѣніемъ въ нашу сторону, но потомъ опять успокоились и продолжали ѣсть траву. Положивъ новый пистонъ, я выстрѣлилъ, на этотъ разъ удачнѣе: одинъ изъ калоссовъ упалъ, прежде, чѣмъ раздался звукъ выстрѣла. Но тутъ другое животное съ бѣшенствомъ и съ открытою пастью бросилось на меня, и, когда я схватилъ другое мое ружье, было уже за пять шаговъ отъ меня: моя восьми лотная пуля попала ему въ зевъ. Какъ кубарь перевернулся мой страшный противникъ, и, получивъ еще въ ребра пулю Торнтонъ, съ громкимъ ревомъ упалъ. Третій выстрѣлъ изъ моего маленького ружья свалилъ дѣтеныша, который съ крикомъ искалъ убѣжища за тѣломъ матери. Немногіе могутъ похвалиться тѣмъ, что въ *одинъ* день убили три штуки такой дичи, видѣли вблизи восемь львовъ и кромѣ того набили много пернатой дичи!

«Мы выстрѣлили нѣсколько разъ въ голову первому носорогу, чтобы сократить его страданія. Когда онъ совсѣмъ умеръ, пришли нѣсколько носильщиковъ и просили позволенія сдѣлать въ него съ своей стороны нѣсколько выстрѣловъ, вѣроятно для того, чтобы впоследствии хвалиться тѣмъ, что они убили носорога, не прибѣгая для этого къ слишкомъ безсовѣстной лжи. Всѣ три животныя были самки. У одной въ спинѣ торчалъ отломившійся желѣзный наконечникъ стрѣлы, около котораго мясо было разѣдено. Хотя оружіе это было вѣроятно отравлено, но негры не задумываясь ѣли отдаленныя отъ раны части, думая, что ядъ стрѣлы имѣеть только мѣстное дѣйствіе».

«Заслышавъ выстрѣлы, большая часть моихъ людей вскорѣ собралась около меня и начала съ восторгомъ разрѣзывать добычу. Не смотря на избытокъ, при раздѣлѣ мяса возникъ споръ и только моя палка предотвратила драку».

«Мы еще не совсѣмъ покончили съ этимъ, какъ нѣкоторые носильщики сообщили, что они убили бегемота и видѣли еще одного носорога. Я какъ можно скорѣе послѣдовалъ за ними, вооруженный только моимъ маленькимъ ружьемъ, и, не могши подойти ближе, выстрѣлилъ въ животное на разстояніи 200 шаговъ; пораженное въ голову двухъ-лотовою пулею, оно повалилось, но потомъ опять вскочило и исчезло въ кустахъ, прежде чѣмъ я снова зарядилъ свое ружье; наступающія сумерки не позволили мнѣ идти по его слѣдамъ».

«Носильщики и проводники побуждали меня скорѣе тронуться въ путь, опасаясь Мазаевъ, огни которыхъ сверкали на сѣверовосточномъ берегу озера; но я не могъ рѣшиться такъ скоро покинуть прекрасную для охоты область».

«Въ надеждѣ убить нѣсколько хищныхъ животныхъ, я на другое утро еще до восхода солнца отправился на то мѣсто, гдѣ вчера убилъ трехъ носороговъ. Въ сожалѣнію, обильныхъ остатковъ мяса было недостаточно для того, чтобы цѣлую ночь насыщать охочихъ до мертвечины животныхъ. Мѣсто было уже очищено, такъ что осталось только нѣсколько большихъ костей и двѣ головы; третью голову я велѣлъ приготовить для своей коллекціи; почва была такъ изрыта и вытоптана гіенами и другими хищниками, что нельзя было найти гладкаго мѣстечка».

«Отсюда я отправился съ Коралли къ озеру, на то мѣсто, куда вчера приходило на водопой много дичи; тамъ мы спрятались въ травѣ. Цѣлый часъ мы прождали напрасно. Наконецъ вдаль показались зебры, лани, антилопы и газели въ безчисленномъ множествѣ. Стадами подвигались они все болѣе и болѣе къ нашей засадѣ, какъ вдругъ съ надвѣтренной стороны показалось нѣсколько людей, которыхъ я послалъ посмотреть убитаго вчера бегемота: моя охота пропала. Правда, я пустилъ, на разстояніи 400 шаговъ, нѣсколько пуль въ бѣжавшихъ животныхъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, безъ успѣха».

«Съ досадою пошелъ я далѣе по равнинѣ, а Коралли пробирался вдоль озера. Счастіе еще разъ улыбнулось мнѣ: двѣ газели и двѣ свиньи вышли въ одно время изъ тростника, и я убилъ самую большую изъ первыхъ. Она была нѣсколько больше взрослой козы, съ странными, загнутыми назадъ рогами. Замѣчательно, что въ ея мясѣ не было и слѣдовъ жира, хотя травы здѣсь всюду было много. Точно также и убитые вчера носороги были совершенно тощи; только бегемотъ далъ нѣсколько сала для нашей кухни».

«Послѣ полудня я забавлялся стрѣляньемъ хищныхъ птицъ, которыя, привлеченныя запахомъ мяса, носились вокругъ нашего лагеря и старались утащить у носильщиковъ кусокъ мяса. Прогуливаясь потомъ, я замѣтилъ неподалеку отъ озера пантеру, которая валялась въ сухомъ тростникѣ, но исчезла прежде, чѣмъ я успѣлъ приготовиться къ выстрѣлу».

«На другое утро мы тронулись въ путь задолго до разсвѣта. Было очень темно и люди плотно жались около меня, опасаясь дикихъ животныхъ. Едва

прошли мы тысячу шаговъ, какъ передъ нами поднялись медленно движущіяся тѣни. Нѣкоторые изъ носильщиковъ громко закричали: «пера! пера!» носороги! носороги! Въ одно мгновеніе всё тюки были сброшены на землю. Подобно стаду овецъ, угрожаемо муволками, носильщики сжались въ кружокъ. Мое ружье выстрѣлило; раздался громкій крикъ и фырманье, по которымъ я узналъ, что это были бегемоты. Такъ какъ они, не отваживаясь на нападеніе, ушли, то и мои Суахелійцы расхрабрились и съ громкимъ хвастовствомъ стали стрѣлять въ бѣгущаго врага; но я отказался отъ дальнѣйшаго преслѣдованія».

«Черезъ полчаса снова появилась на нашей дорогѣ черная фигура; судя по стону, послѣдовавшему за моимъ выстрѣломъ, это былъ носорогъ. Животное на минуту остановилось, потомъ медленно побѣжало; я успѣшно побѣжалъ за нимъ и пустилъ въ него еще двѣ пули. Нѣсколько разъ животное пыталось напасть на насъ, сопѣло и рыло своимъ рогомъ землю, но Торнтонъ и Коралли, зайдя съ вѣтра, удерживали его. Такимъ образомъ я улучилъ время новою пулею повалить его на землю, потомъ осторожно подошелъ и вонзилъ ему въ глазъ копье. Животное еще разъ перевернулось и осталось безъ движенія. Только тогда я поближе разсмотрѣлъ свою добычу, такъ какъ въ темнотѣ я не могъ разглядѣть отдѣльныхъ его частей, а стрѣлялъ просто на удачу. Это былъ бѣлый носорогъ, беременная самка съ наполненнымъ молокомъ вымяемъ. Онъ имѣлъ 11 футовъ 2 дюйма въ длину отъ головы до оконечности хвоста, 5 футовъ и 2 дюйма въ вышину, а ступни его имѣли въ ширину $9\frac{1}{2}$ дюймовъ. Одна изъ моихъ пуль попала ему сзади лопатки, другая — въ брюхо. Я охотно взялъ бы съ собою его черепъ, чтобы опредѣлить по нему разницу между чернымъ и бѣлымъ носорогомъ (всѣ убитые доселѣ носороги были черные), но всѣ мои носильщики были нагружены тюками, да и притомъ же у меня не было времени. Поэтому я только отрѣзалъ рога. Они не похожи на рога другой породы; у черного носорога рогъ меньше, заостренъ конусообразно и въ поперечномъ разрѣзѣ совершенно круглъ, тогда какъ у бѣлаго онъ сплюснутъ съ боковъ, и вверху болѣе широкъ, чѣмъ заостренъ».

«Дорогою мы встрѣтили еще нѣсколько носороговъ, но не имѣли возможности выстрѣлить въ нихъ. Впрочемъ я былъ совершенно доволенъ тѣмъ, что было сдѣлано до сихъ поръ и вѣроятно не воспользовался бы представившимся случаемъ, такъ какъ я уже достаточно запаса мясомъ, да и послѣднее животное убилъ собственно безъ цѣли. Но, къ моему успокоенію, переходя горную цѣпь Кязунгу, мы встрѣтили нѣсколькихъ охотниковъ изъ Паре и сказали имъ объ убитомъ нами носорогѣ: они успѣшно отправились къ указанному мѣсту, чтобы отнять у гіенъ и коршунуовъ рѣдкое для нихъ жаркое».

Послѣ этаго отступленія возвратимся снова къ дневнику путешествія и представимъ барону разсказывать далѣе объ его приключеніяхъ.

Хотя *Дабета* лежала отсюда на разстояніи одного только часа пути, ска-

зано въ замѣткахъ отъ 22 Іюля, но я велѣлъ тронуться въ путь въ 6 часовъ, чтобы по возможности незамѣченными пройти черезъ ворота на границѣ плантацій; я здѣсь имѣлъ въ виду сберечь не пошлину за проходъ, а время, и устранить неприятности. Дорогою мы встрѣтили нѣсколькихъ туземцевъ, которые, къ нашему удивленію, нисколько не были поражены нашимъ присутствіемъ здѣсь: вѣроятно они считали насъ за выродившихся арабовъ. Они несли на головѣ ульи, подобные тѣмъ, которые мы видѣли на деревьяхъ по бокамъ дороги: это были деревянные чурбаны въ пять футовъ длины и 16 дюймовъ толщины, чисто выдолбленные и снаружи красиво выглаженные, формою похожіе на боченокъ или огурецъ; концы ихъ забиты деревянными кружками, въ которыхъ просверлено множество маленькихъ отверстій, каждое съ выступомъ внизу, чтобы пчела, влетая туда, могла сползать по нимъ.

Пройдя черезъ небольшой густой лѣсокъ, мы пришли къ границѣ Дафеты, къ высокому частоколу изъ большихъ и маленькихъ деревьевъ и кустовъ, перевитыхъ ползучими растениями, въ которомъ были сдѣланы изъ тяжелыхъ деревянныхъ брусевъ съ столь узкимъ и низкимъ входомъ, что ослы, съ которыхъ были сняты сѣдла, едва могли пройти черезъ нихъ. Мы вошли молча, потому выстрѣлили изъ всѣхъ ружей, чтобы извѣстить жителей объ нашемъ прибытіи.

Вскорѣ явилось около 20 туземцевъ. Они взяли обычную пошлину (два доти бумажной матеріи за входъ каравана и по одному доти съ каждаго осла) и потребовали кромѣ того кусокъ каники (голубой матеріи), чтобы совершить передъ воротами григри. Такъ какъ въ числѣ моихъ товаровъ не нашлось ни одного каники, то одинъ изъ носильщиковъ предложилъ отдать для этой цѣли свой головной платокъ изъ каники. Когда это затрудненіе и сопряженные съ нимъ полу часовые переговоры были покончены, то мы полчаса шли безпрепятственно далѣе, черезъ плантаціи банаковъ и сахарнаго тростника, черезъ высокий лѣсъ и густой кустарникъ, черезъ роскошно-зеленую и цвѣтущую страну, пересѣкаемую многочисленными устроенными для орошенія каналами. Рукавъ рѣки *Ломи* или *Дафета* причинилъ намъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ черезъ него надо было переходить черезъ опасный колеблющійся мостъ изъ связанныхъ пальмовыхъ листьевъ; намъ, не смотря на поставленные по сторонамъ перила, предстояло произвольное купанье.

Къ намъ присоединялось все болѣе и болѣе жителей, изъ коихъ многіе были навьючены пустыми ульями. Руководимые ими, мы достигли около девяти часовъ открытаго мѣста между двумя высокими деревьями; здѣсь мы снова салютовали выстрѣлами изъ всѣхъ ружей. Намъ отвѣчали многочисленными ружейными выстрѣлами. Странно, какимъ образомъ Вадафета, если у нихъ было нѣсколько ружей, тратили такъ свой порохъ! Но это объяснилось само собою, когда около дюжины Суахелійцевъ съ дружественнымъ привѣтствіемъ вышли къ намъ на встрѣчу; это были охотники на слоновъ изъ прибрежнаго городка Танга, которые, подъ предводительствомъ нѣкоего *Симба* пришли сюда для охоты, или, скорѣе, для торговли слоновою костью.

Только около полудня, перейдя еще через два значительные рѣчные рукава по мосту вышеупомянутымъ образомъ построенному, мы прибыли къ лагерной стоянкѣ, обыкновенно занимаемой караванами, къ осѣненной громадными деревьями равнинѣ около 50—60 шаговъ въ диаметръ; мы тотчасъ же начали устроиваться здѣсь по домашнему, т. е. разбивать палатки, устраивать мѣста для спанья и т. под.

Послѣ полудня посѣтилъ насъ 30 лѣтній мужчина не дурной наружности съ свитою изъ 20 человекъ, султанъ *Мауну*. У него около головы былъ обернутъ, голубой платокъ, черезъ правое плечо перекинутъ длинный кусокъ набивной индiйской матерiи, на шеѣ нитка большихъ голубыхъ бусъ, а въ ушахъ — кольцо изъ маленькихъ бусъ; судя по непринужденному обращенiю онъ казался не занимать почетнаго мѣста. Онъ потребовалъ обмѣняться со мною *кишонго* или знакомъ дружбы и въ свое извиненiе сказалъ, что онъ конечно не знаетъ обычаевъ бѣлыхъ людей, такъ какъ ни одинъ мзунгу еще не приходилъ въ ихъ страну, но что онъ считаетъ за лучшее, чтобы я подчинился тѣмъ же обычаямъ, которые наблюдали посѣщающiе его арабы. Я согласился, и къ намъ привели козу для жертвы. Одинъ изъ носильщиковъ закололъ ее, послѣ того какъ мы все наплевали ей на лобъ, снялъ потомъ кожу со лба, разрѣзалъ ее отъ середины до края на тонкiя полоски и каждую изъ нихъ надрѣзалъ. Одну изъ этихъ полосокъ султанъ надѣлъ на среднiй палецъ моей правой руки; тоже сдѣлалъ и я съ султаномъ. Затѣмъ одинъ изъ людей Маунгу отрѣзалъ маленькимъ ножомъ, держа его за острый конецъ, остатокъ полоски пальца, и, наоборотъ, одинъ изъ моихъ носильщиковъ сдѣлалъ тоже съ моимъ визави. Тотъ же самый обрядъ былъ совершенъ между *Факи* и начальникомъ Вадафета, между *Торнтономъ* и Дафетскимъ торговцемъ *Мамбури*, между *Коралли* и однимъ изъ туземцевъ, и наконецъ между слоновымъ охотникомъ *Симбою* и мною, такъ что у меня на пальцѣ были двѣ полоски кишонго. Число ихъ должно было скоро еще увеличиться, такъ какъ кожаные знаки дружбы обыкновенно не снимаются до окончанiя путешествiя.

Этимъ окончилось торжество, и началось другое, такъ называемое *братанье кровью*. Кусокъ мяса козы изжарили въ золѣ и дали каждому части въ руки, послѣ чего все участвующiе, числомъ 16, вошли въ палатку. Занавѣсы у дверей были плотно задернуты. Послѣ продолжительнаго шаури между многими ораторами, во время котораго жара въ палаткѣ сдѣлалась невыносимою, былъ разрѣзанъ на 14 частей кусокъ мяса. Послѣ того я долженъ былъ съѣсть съ султаномъ на разостланное по землѣ доти бумажной ткани, подобно тому, какъ дѣлали въ Царе Факи и Нгуату. Наконецъ каждый изъ насъ взялъ по куску жаренаго мяса, поплевалъ на него немного, и, съ вышеизложенными формальностями, положилъ въ ротъ своему визави. Къ счастью мнѣ удалось, хотя мой братецъ по крови пристально смотрѣлъ на мои пальцы, спрятать отвратительный кусокъ, съ котораго меня тошнило бы цѣлый день. Затѣмъ все встали, и, къ великой нашей радости, вышли изъ палатки. Но мои испытанiя еще не кончились; мнѣ оставалось еще выдержать продолжительное шаури, послѣ чего я долженъ былъ дать подарки

за заключенный дружественный союзъ. Наконецъ султанъ и его вельможи сообщили мнѣ, что теперь я ихній и могу дѣлать что хочу, но что завтра долженъ готовить новую, болѣе значительную, дань другимъ султанамъ.

23-го Іюля около 9 часовъ явился Дафетанецъ съ двумя султанами. Я почти того мнѣнія, что народъ избираетъ столькихъ начальниковъ просто для того, чтобы брать съ путешественниковъ больше подарковъ! Оба они цѣлыхъ два часа совѣщались съ каравановожатыми, съ купцомъ *Банафумо* и охотникомъ *Симбою*. Результатомъ этихъ совѣщаній было то, что я долженъ съ каждаго изъ моихъ тюковъ заплатить какую нибудь бездѣлицу; въ противномъ случаѣ мнѣ будетъ загражденъ путь въ Джаггу. Хотя эту угрозу и не должно было понимать буквально, но все таки надо было принять въ расчетъ, что мнѣ поставятъ множество препятствій; по этому, дабы не затруднить себѣ достиженіе близкой цѣли, я согласился на это предложеніе, выложилъ свой подарокъ (24 доти американо, 6 кусковъ пестрой матеріи, три маленькія зеркала, нѣсколько мѣдной проволоки, бусъ и ножей) и представился собранію. Я произнесъ длинную рѣчь, которую Банафумо перевелъ и притомъ довольно точно. «Европейское великодушіе», сказалъ я, «побуждаетъ меня предложить имъ столь значительный подарокъ: но если они будутъ недовольны этимъ, то я возьму назадъ все и силою проложу себѣ путь въ Джаггу, или же, если это не удастся, спокойно ворочусь на побережье, и тогда конечно ни одинъ европеецъ никогда не посѣтитъ ихъ, развѣ только съ враждебнымъ намѣреніемъ».

Всѣ весьма удивились моимъ словамъ. Послѣ краткаго совѣщанія они приняли мой подарокъ, но отказались отъ ножей, опасаясь того, что «Мазаи воспользуются принятіемъ такого оружія какъ предлогомъ къ войнѣ». Въ замѣнъ моего подарка они дали мнѣ овцу и ягненка и обѣщали впоследствии дать еще быка, но вмѣсто того послѣ полудня принесли только живой скелетъ большаго теленка.

Въ заключеніе эти султаны потребовали также заключить со мною братство; но я отказался, чтобы не слишкомъ истощить свой багажъ. Наученный опытами у Ватента въ Кадыро, я не преминулъ повторить имъ, что я буду теперь предпринимать прогулки по окрестности, употреблять въ дѣло мои инструменты, стрѣлять птицъ, рвать цвѣты, поднимать камни и т. п., разумѣется не для волшебства и не причиняя имъ ущерба. Всѣ согласились на это и собраніе разошлось.

Въ первый разъ на рынкѣ было мало посѣтителей и съѣстныхъ припасовъ, но потомъ все устроилось къ моему удовольствію. Я безъ большихъ затрудненій покупалъ все, что мнѣ было нужно, особенно бобы и горохъ въ большомъ количествѣ и заказывалъ свѣжее молоко, медъ и другія лакомства. При торговлѣ мы имѣли случай узнать характерическія стороны Вадафета, выказывающіяся не столько въ строеніи тѣла и лица, сколько въ *костюмѣ* и *украшеніяхъ*.

Мужчины носятъ то короткіе, то длинные куски бумажной матеріи или кожи на правомъ плечѣ, ожерелье изъ большихъ голубыхъ и разныхъ маленькихъ бусъ, а сверху или снизу другое изъ короткихъ цѣпочекъ, сдѣланныхъ изъ желѣзной или мѣдной проволоки, которыя висятъ на ниткѣ, обвязанной кругомъ шеи. У всѣхъ туземцевъ ушныя мочки проткнуты и широкое отверстіе заткнуто боль-

шимъ, полымъ или полнымъ кружкомъ дерева или кольцеобразнымъ кускомъ тыквы; сюда привѣшиваются также свитыя въ кольцо нитки маленькихъ бусъ, или же, наконецъ, короткія палочки въ проткнутой закраинѣ ушной раковины. Рѣзко бросается въ глаза носимое многими украшеніе на рукахъ, двухъ полукруглыхъ или похожихъ на параболу кусковъ дерева въ нѣсколько дюймовъ; они прикрѣплены такъ, что двумя связанными другъ съ другомъ концами обхватываютъ верхнюю часть руки, а верхнія половинки дуги сжимають до костей плечевой мускуль. Изъ оружія они носятъ копьа, сабли (подобныя Ватентскимъ, только меньше), щиты, иногда палицы изъ твердаго, тяжелаго дерева, похожія на палочки съ воткнутыми на нихъ лимонами, ножи, рѣдко луки и стрѣлы, конечно только у тѣхъ, у кого нѣтъ ни копьа, ни щита. Щиты сдѣланы изъ толстой буйволовоы кожи, около трехъ футовъ длины и 1½ футовъ ширины, сверху и снизу они закруглены, а въ продольномъ направленіи загнуты къ зади и для прочности снабжены широкимъ, деревяннымъ ребромъ, которое въ серединѣ, напротивъ полукруглаго углубленія кожи, образуетъ рукоять; снаружи они окрашиваются въ желтую, красную или бѣлую краску. Копья имѣють длинную, обвернутую кожей, рукоять; на ней сверху прикрѣпленъ желѣзный, охватывающій древко наконечникъ, а на нижнемъ концѣ находится желѣзный шипъ, который втыкается въ землю, когда люди останавливаются.

Женщины увѣшаны украшеніями, особенно стеклянными бусами; они носятъ изъ этихъ бусъ кольца на различныхъ мѣстахъ закраины уха, свѣшивающіяся до плечъ, а на груди — толстые валики, увѣшанные также длинными нитками бѣлыхъ бусъ. Дѣвушки и молодыя женщины носятъ менѣе украшеній, нѣсколько нитокъ бусъ на головѣ и большее число на шеѣ. вмѣсто серегъ служатъ изукрашенные кусочки дерева, или маленькія, улиткообразно извитыя кольца изъ желѣзной и мѣдной проволоки, часто до того тяжелыя, что сильно оттягивають мочку уха. Брыжи изъ проволоки и спиральные наручники встрѣчаются и здѣсь; кромѣ того встрѣчается такое же украшеніе на нижней части руки и на ногахъ, состоящее изъ конусообразно свернутой толстой проволоки. Рѣже встрѣчаются мѣдныя кольца на суставахъ стопы, и только у самыхъ знатныхъ дамъ, у женъ начальниковъ племени, замѣчается на верхней части лица странный вуаль, состоящій изъ проволочныхъ цѣпочекъ, густо унизанныхъ бусами.

Впоследствии намъ представился случай видѣть празднество Вадафета, большой *воинскій танецъ*, поводомъ къ которому были слухи о приближеніи Мазаи. Симба пришелъ однажды за нами въ 10 часовъ утра и повелъ насъ на открытую площадку, гдѣ мы, пришедши, сдѣлали первый привѣтственный залпъ изъ ружей. Тамъ уже собрались около 150 вполне вооруженныхъ воиновъ и нѣсколько сотъ жителей, изъ коихъ первые были странно расписаны красною и бѣлою краскою, въ видѣ клятокъ, полосъ, колець и точекъ на всемъ тѣлѣ, на рукахъ и ногахъ или же только на груди. Особенно гадко размалевывается лицо, у однихъ около глазъ въ родѣ очковъ, а у другихъ на половину бѣлою, на половину — красною краскою. Даже остріе и ручка копій у многихъ ярко раскрашиваются, точно также и щиты часто съ большимъ вкусомъ разрисовываются, кра-

сною, бѣлою и черною краскою. Около лба у всѣхъ бывають обвязаны кожаныя полоски въ $1\frac{1}{2}$ дюйма ширины, раскрашенныя тѣми же красками, на которыхъ было одно или нѣсколько окрашенныхъ въ красную краску страусовыхъ перьевъ. Точно также у всѣхъ воиновъ около колѣнъ или лодыжекъ были прикрѣплены желѣзныя гремушки, чтобы ими во время танца бить тактъ. Одежда ихъ состояла изъ украшеннаго пучками волосъ куска матеріи въ 4 фута длины и $1\frac{1}{2}$ фута ширины; этотъ кусокъ или былъ обвить около шеи, или же, посредствомъ вырѣзки, привѣшенъ на головѣ, такъ что покрывалъ то одну спину, то одну грудь. Участники раздѣлились на два отряда, одинъ изъ молдыхъ людей, другой — изъ стариковъ, потомъ пошли тяжелыми шагами вокругъ, такъ что гремушки громко звякали, подвигались впередъ, притопывая и припрыгивая, держали при этомъ надъ головою щитъ и копье, послѣднее почти за конецъ ручки, и по временами свистѣли или выли, но не пѣли.

Зрителей собиралось все больше и больше; тутъ были старые мужчины, дѣти и женщины, въ томъ числѣ знатныя дамы съ лицами, закрытыми цѣпочками. Всѣ находили зрѣлище прекраснымъ; но мы, видѣвшіе гораздо лучший танецъ по прибытіи къ Кадьяро, были другаго мнѣнія и скоро удалились, хотя намъ обѣщали показать еще танецъ женщинъ.

Однажды мы съ Торнтономъ воспользовались полученнымъ позволеніемъ для экскурсій и отправились, въ сопровожденіи Банафумо и нѣсколькихъ другихъ, къ лежащему на югѣ холму, съ котораго должны были быть видны Кадьяро, Килиманджаро и озеро Джибе. Послѣ долгаго перехода по узкой, грязной тропинкѣ, черезъ банаковые лѣска, черезъ оросительные каналы и сильно текущую рѣку въ 150 футовъ ширины, мы пришли къ воротамъ, окруженнымъ густымъ лѣсомъ, а пройдя эти ворота, очутились, по ту сторону широкаго рва, въ равнинѣ, покрытой высокою травою. Два съ половиною часа спустя мы достигли вершины холма. Видъ былъ по истинѣ прекрасный: на югѣ лежитъ широкая поверхность озера, которое, начиная отъ того мѣста, гдѣ мы впервые расположились лагерь, загибается къ западу между густымъ лѣсомъ тростника и папируса; на востокѣ ясно видно устье рукавовъ Дафеты, которая на западѣ снова вытекаетъ изъ озера; по темнымъ полосамъ лѣса можно было видѣть, что рѣка къ западу отъ горъ Угоно поворачивается къ югу и на дальнѣйшемъ своемъ теченіи принимаетъ въ себя многія воды, стекающія съ Килиманджаро. Подъ именемъ *Руфу* или *Лифу* величественная рѣка, по показаніямъ моихъ спутниковъ, расширяется въ длинное, плоское озеро, обтекаетъ потомъ Узамбару на востокѣ и югѣ, и, перейдя черезъ многія неровности почвы, впадаетъ, подъ именемъ *Памани*, въ море около прибрежнаго города того же имени. Къ сожалѣнію, кругозоръ былъ ограниченный; Килиманджаро показался только на нѣсколько минутъ, а Кадьяро совсѣмъ не было видно.

Торнтонъ произвелъ, съ удивительнымъ терпѣніемъ и искусствомъ, какъ и всегда, нѣсколько измѣреній. На сколько это трудно, можетъ сказать только тотъ, кто самъ по цѣлымъ часамъ стоялъ на солнечномъ зною передъ теодолитомъ, (30) направлялъ зрительную трубу на горныя вершины, считалъ нониусы и отмѣчалъ

углы. Эта работа въ совершенно незнакомой странѣ затрудняется еще тѣмъ, что приходится изобрѣтать названія для всѣхъ неизвѣстныхъ горныхъ вершинъ и набрасывать очерки горъ, чтобы предотвратить самыя неприятыя ошибки. Если бы было сдѣлано изобрѣтеніе (31), которое до нѣкоторой степени облегчило бы трудную работу, то это было бы выгодно не только для многотруднаго путешественника, но и для самаго землевѣденія, которое мало обогащается точными свѣденіями часто потому только, что слишкомъ трудно собирать ихъ.

Я по мѣрѣ силъ своихъ принималъ участіе въ этой работѣ, считалъ и списывалъ нониусы, набрасывалъ очерки видимыхъ горъ, опредѣлялъ высоту нашего мѣстонахожденія по точкѣ кипѣнія воды и вывѣдывалъ у нашихъ спутниковъ тѣ немногія названія, которыя они знали. Вскорѣ послѣ полудня мы тронулись въ обратный путь. Дорога шла довольно отвѣсно, потомъ черезъ частые терновые кустарники, и наконецъ черезъ траву съ жесткими колючками (вѣроятно *Cenchrus echinatus*), которыя, подобно маленькимъ стрѣламъ, впиваются сквозь одежду въ тѣло, и при каждой попыткѣ вытащить ихъ вонзаются все глубже и причиняютъ при хотѣбѣ невыносимое чувство боли. Черезъ два часа мы достигли границы Дафета, а еще черезъ часъ, исцарапанные, усталые и голодные, пришли въ лагерь.

У меня былъ хорошій запасъ съѣстныхъ припасовъ и потому мнѣ не было причины оставаться долѣе въ Дафетѣ, и я приготовился къ скорому отправленію. Всѣ ненужныя вещи я передалъ *Банафумо* на сохраненіе вмѣстѣ съ запасомъ американо и бусъ, на тотъ случай, если я, по какому нибудь несчастному случаю, лишусь своихъ товаровъ; при этомъ я еще попросилъ его во время моего отсутствія закупить для меня съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ мнѣ сказали, что они послѣ будутъ много дороже: въ награду за это я обѣщалъ дать ему по моему возвращеніи ружье. Наконецъ я простился съ султаномъ и уже вечеромъ велѣлъ снять палатки и приготовить тюки, чтобы избѣжать на слѣдующее утро всякой задержки.

До восхода солнца 26-го Іюля явились Банафумо и побратимъ Торнтонъ Мамбури, наши проводники. На этотъ разъ намъ не пришлось проползать черезъ ворота, но за то пришлось перейти черезъ три рукава рѣки Дафета, изъ коихъ одинъ затруднилъ насъ своимъ сильнымъ теченіемъ, другой — крутизною своихъ береговъ, а третій илистою почвою около него; ослы погружались въ нее по брюхо и нагруженные тяжелыми вьюками носильщики — выше колѣнъ. Наши проводники углубились въ длинную бесѣду съ почтеннымъ Факи, и оставили насъ только тогда, когда я замѣтилъ имъ, что не люблю излишней привязчивости.

ОТДѢЛЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Джаггайская область Килема.

Килиманджаро, царь горъ.—Его форма и снѣжный покровъ.—Виды мѣстностей въ Джагга.—Райская смоковница и ея полезность.—Жилища туземцевъ.—Водопроводы и окопы.—Государственныя учрежденія.—Сношенія жителей между собою и съ сосѣдними народами.—Благопріятныя условія для поселенія европейцевъ.—Приближеніе къ Килемѣ.—Мирное привѣтствіе.—Непріятное ожиданіе.—Мѣсто стоянки каравановъ.—Людный рынокъ.—Строеніе лица и костюмъ Вакилема.—Караулъ для безопасности.—Посѣщеніе султана.—Взаимные подарки.—Осмотръ европейскихъ чудесъ.—Позволеніе стрѣлять птицъ.—Танецъ въ честь чужеземцевъ.—Первыя непріятности.—Пусканье ракеты снова восстанавливаетъ порядокъ.—Экскурсія.—Величественный видъ на окрестность.—Попрошайничество королей и министровъ, обманы со стороны подданныхъ.—Долгая задержка.—Энергическій образъ дѣйствій оказываетъ свое вліяніе.—Приготовленія къ восхожденію на Килиманджаро.—Пріемъ въ послѣднемъ селеніи.—Неудавшееся возмущеніе.—Прекрасное утро въ дѣвственномъ лѣсу.—Двѣ ночи на 8000 футовъ высоты.—Неблагопріятность погоды и вѣроломство проводниковъ.—Возмущеніе.—Что между тѣмъ случилось въ лагерѣ.—Осадное положеніе.—Хорошо выдержанное испытаніе.—Положеніе дѣлъ не улучшается.—Прекращеніе мирныхъ отношеній.—Пережѣна въ обращеніи.—Отправленіе.

Кто знакомъ только съ европейскими горами, тотъ не можетъ имѣть понятія о величественномъ характерѣ горной массы, которая прямо, безъ всякаго перехода, поднимается изъ равнины. У насъ вершины высочайшихъ горъ видны или только на весьма значительномъ разстояніи, и тогда, по причинѣ незначительности угла высоты не бросаются рѣзко въ глаза, или же съ близкихъ, но *высокихъ* пунктовъ: въ этомъ случаѣ онѣ какъ бы съеживаются или уменьшаются вслѣдствіе возвышенности точки зрѣнія и вслѣдствіе близости многихъ вершинъ почти такой же величины; но нигдѣ не представляется такого зрѣлища исполинской горы, видимой отъ подошвы и до вершины и стоящей одиноко, какое представляютъ съ моря высокіе вулканическіе острова, или какое, еще лучше, представляетъ царь горъ — *Килиманджаро* (32). Здѣсь ничто не сокрыто отъ взора; увѣнчанная снѣгомъ вершина представляется столь же ясно и отчетливо, какъ лѣсъ низменныхъ странъ, и ни одна равная ему возвышенность не отвлекаетъ отъ него очарованнаго взора и не ослабляетъ впечатлѣнія.

Изъ равнины шириною въ десять нѣмецкихъ миль поднимается «гора величія» на 16,500 футовъ надъ равниною или на 18,700 футовъ надъ уровнемъ

моря. Его увѣнчиваютъ двѣ вершины, на западѣ величественный, покрытый бѣлоснѣжною шапкою куполъ, а на востокѣ — масса круто опускающихся внизу исполинскихъ колоннъ и пиластръ, на 2500 футовъ ниже перваго купола. Обѣ эти вершины соединены между собою длиннымъ хребтомъ. На спускахъ восточной вершины, только немного переходящихъ за линію снѣговъ, удерживается очень мало мелкихъ кристалловъ воды; и какъ на западномъ куполѣ рѣдко какойнибудь чернѣйшій куполъ перерываетъ блестящій снѣжный покровъ, такъ точно на восточномъ — на отлогихъ склонахъ темныхъ скалъ видятся только отдѣльныя бѣлыя поляны.

Килиманджаро не во всякое время выказываетъ путешественнику свою красоту; обыкновенно онъ уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ восхода солнца закутывается въ туманный покровъ, и часто по цѣлымъ днямъ не скидываетъ съ себя непроницаемаго покрывала. Онъ всегда закутывается съ востока, потому что съ этой стороны цѣлый годъ дуютъ вѣтры. Прежде всего сгущается часть паровъ на менѣе высокой вершинѣ скалы; если здѣсь начинается образование тумановъ и облаковъ, которыя около снѣжной линіи купола направляются послѣдно къ западу, чтобы по ту сторону снова расплыться въ незримомъ парѣ, то блестящій куполъ бываетъ видимъ только въ теченіи еще нѣсколькихъ минутъ: скоро снизу собирается туда масса паровъ, и обѣ вершины закрываются одною массою облаковъ. Точно также и освобождается отъ тумановъ гора первоначально съ востока и потомъ блеститъ еще ярче, такъ какъ въ это время надъ старыми осадками отлагаются еще новые. Чтò вверху дѣйствительно идетъ снѣгъ, это видно всего лучше по сильному бурному дождю внизу: вскорѣ послѣ разсѣянія тумановъ снѣгъ у подошвы восточнаго пика падаетъ далеко внизъ до высоты хребта, но черезъ нѣсколько часовъ уничтожается солнцемъ и остаются только незначительные слои.

По вышеупомянутой причинѣ и западный склонъ горы, который всего менѣе находится подъ согрѣвающимъ вліяніемъ морскаго вѣтра, покрывается гораздо ниже спадающимъ слоемъ снѣга, чѣмъ другой; бѣлое покрывало, по видимому, ограничивался только одною стороною, необращенною къ непогодѣ.

Касательно настоящей формы восточно-африканской исполинской горы мы не знаемъ ничего опредѣленнаго, потому что никто не видалъ ее со всѣхъ сторонъ и точно не изслѣдовалъ ее; но Торнтонъ по видамъ съ юговостока до югозапада и по собраннымъ породамъ камней заключаетъ, что Килиманджаро есть старый вулканъ, частію обрушившійся вслѣдствіе обваловъ, о прежней величинѣ котораго свидѣтельствуютъ отстояція на нѣсколько миль одна отъ другой вершины, составляющія только незначительные остатки цѣлаго.

Килиманджаро есть какъ бы передовою постѣю нѣсколькихъ подобныхъ, можетъ быть еще болѣе высокихъ, снѣжныхъ горъ, тянущихся даже по ту сторону экватора. Громадную *Кения* видѣлъ Крапфъ, а о другихъ мы имѣемъ только нѣкоторые свѣденія; всѣ они, по видимому, суть вулканы, хотя по показаніямъ туземцевъ, теперь только одинъ изъ нихъ извергаетъ огонь и лаву. Для позднѣйшихъ путешественниковъ будетъ одною изъ важнѣйшихъ задачъ — изслѣдовать

область снѣжныхъ горъ и вулкановъ восточной Африки, добыть свѣденія о строеніи и связи этихъ возвышеній почвы и о распредѣленіи водныхъ жилъ, вытекающихъ изъ громадныхъ горныхъ массъ. Можетъ быть, что всѣ собирающіеся здѣсь дождевые и снѣговые осадки опять текутъ въ индѣйскій океанъ, изъ котораго они происходятъ; но можетъ быть также, что отсюда большія водныя жилы текутъ на западъ, черезъ неизвѣстныя равнины къ большому озеру Укереве, которое, какъ мы знаемъ черезъ *Сника*, пускаетъ отъ себя вѣтвь въ таинственный Нилъ, или что онѣ, обходя этотъ водоємъ, самостоятельными рѣками направляются на сѣверъ, и тамъ соединяются съ благотворителемъ Египта. Рвеніе, съ которымъ теперь занимаются землевѣденіемъ восточной Африки, даетъ право надѣяться, что уже въ слѣдующимъ десятилѣтіи будетъ рѣшенъ этотъ весьма важный вопросъ, о которомъ толговали еще древніе.

Покинемъ теперь равнину и поднимемся на гору, въ ея лѣса, въ замѣтныя уже издали банановыя плантаціи верхнихъ ея мѣстностей! Дорога ведетъ по окраинѣ ущелій, въ глубинѣ которыхъ шумятъ горныя воды. Здѣсь, гдѣ жизненный элементъ, вода, находится въ обиліи, растительный міръ развѣвается роскошнѣйшимъ образомъ. Между громадными листовными деревьями дѣвственнаго лѣса и между стройными, красивыми пальмами зеленѣетъ дернъ, въ которомъ красуются прекраснѣйшіе цвѣты, на которыхъ красуются пестрые мотыльки. На высотѣ 3—4000 футовъ, до которой не заходятъ хищники равнины, начинаются плантаціи туземцевъ, обильно орошенныя поля съ клубневымъ аронниковымъ растеніемъ, гряды съ прикрѣпленными къ жердочкамъ бобами, луга съ нѣжными злаками и тѣнистыя лѣски чудно прекрасныхъ, неоцѣнимыхъ банановыхъ кустовъ.

Всюду въ тропическихъ странахъ и даже въ южной Европѣ есть бананы, но такихъ рослыхъ и доброкачественныхъ, какъ здѣсь, не найдешь нигдѣ. Мы ѣли превосходные бананы изъ Индіи, Занзибара и противоположащаго ему материка, съ Сешельскихъ острововъ, съ острова Соединенія и съ Мадагаскара, но ни одна изъ этихъ породъ, исключая можетъ быть банановъ вулканическаго острова большаго Комора, не имѣетъ такого прекраснаго вкуса, какъ бананы Джаггайскіе: эти бананы, 12 штукъ которыхъ достаточно одному человѣку на цѣлый день, мы не можемъ сравнить ни съ какимъ другимъ плодомъ. Кто разъ походилъ по банановымъ рощамъ Джагга и проводилъ знойные часы полудня въ ихъ прохладѣ, въ пріятномъ полусвѣтѣ, проникающемъ сквозь густой, блѣднозеленый листовный кровъ, тотъ всегда будетъ стремиться къ нимъ и завидовать туземцамъ, у которыхъ столь прекрасныя плантаціи растутъ почти безъ всякаго содѣйствія съ ихъ стороны.

Исполинскіе, достигающіе 12 футовъ длины и слишкомъ фута ширины, бархатистые листы образуютъ верхушку кустарника; они такъ мягки и рыхлы, что сильный вѣтеръ раздираетъ края ихъ на безчисленные лоскутки. Изъ нихъ свертывается стержень толщиною въ 8—10 дюймовъ, на которомъ слѣды каждаго листа видны до самаго конца корней. Понятно, что такой стволъ не проченъ: его можно разрѣзать во всю его толщину обыкновеннымъ ножомъ и безъ труда проткнуть пальцемъ, при чемъ изъ раны течетъ безцвѣтная, жидкая влага въ

большомъ количествѣ. Не смотря однакожъ на свою рыхлость, банановый кустъ приноситъ плодовые кисти столь тяжелыя, что двое мужчинъ едва въ состояніи нести ихъ. Изъ огромныхъ пурпурныхъ цвѣтовъ развиваются вертикально свѣшивающіеся съ стебля, стручкообразные плоды, которые растутъ чуть не по часамъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ достигаютъ формы и длины средней величины огурца. Спѣлые бананы имѣютъ желтую или зеленую, толстую, гладкую шелуху, которая легко отдѣляется отъ грязнобѣлаго, мучнистаго и все таки сочнаго мяса. Все содержимое плода съѣдомо, такъ какъ сѣмянные зерна отъ долгаго обработыванія сильно уменьшаются и ихъ можно распознать только по маленькимъ, темнымъ точкамъ во внутренности плода. Дикорастущіе бананы, не облагороженные долгою культурою, представляютъ мало сходства съ этимъ плодомъ: кожистая оболочка содержитъ въ себѣ множество большихъ сѣмянъ, между которыми остается немного мѣста для бураго мяса.

Такъ какъ благородные бананы нельзя воспроизводить посредствомъ сѣмянъ, то ихъ размножаютъ посредствомъ черенковъ, и именно самымъ простымъ способомъ, такъ какъ каждый отрѣзанный стебель пускаетъ изъ корней новые отростки, которые въ 9—10 мѣсяцевъ достигаютъ полнаго своего роста. Уже на первый годъ быстро выросшій кустъ приноситъ плоды, а на второй уже умираетъ, или, скорѣе, его срубаютъ.

Едва ли другое какое растение требуетъ такъ мало ухода и труда, и ни одно не даетъ человѣку болѣе полезныхъ для человѣка вещей, какъ бананъ: на одинаковой поверхности онъ приноситъ въ 40 разъ болѣе питательнаго вещества, чѣмъ картофель, и въ 10 разъ болѣе, чѣмъ пшеница. Въ немъ все полезно. Нѣжный, сочный стволъ служитъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мало травы, кормомъ для быковъ и козъ, особенно во время морскихъ путешествій: нѣсколькихъ такихъ стволовъ достаточно для небольшого стада, такъ какъ питательное вещество содержится въ нихъ въ нѣсколько сгущенномъ видѣ; лежа въ какомъ нибудь уголкѣ корабля, они по цѣлымъ недѣлямъ не портятся и обыкновеннымъ ножомъ можно скоро обратить ихъ въ удобный для разжевыванія кормъ. Сухія листья служатъ для покрышки кровель и для топлива, а свѣжіе, сложенные вдоль ребра, носятъ около бедръ въ видѣ передника. Нельзя представить себѣ ничего красивѣе одной изъ молодыхъ, стройныхъ Джагайскихъ дѣвушекъ, прикрывающихъ свое бронзовое тѣло сочно-зеленымъ банановымъ листомъ; при этомъ невольно приходятъ на мысль райскія смоковничныя листья, и потому-то бананъ и теперь называется *райскою смоковницею*.

Но самое лучшее въ банановомъ деревѣ, это его *плоды*, бананъ или пизангъ, который представляетъ какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ нѣсколько сотъ различныхъ породъ. Всюду восхваляютъ его прекрасный вкусъ и разнообразныя наслажденія, доставляемыя приготовляемыми изъ него блюдами. Въ зрѣломъ состояніи его мясо представляетъ сладкую, пряную и освѣжающую, полупрестную кашяцу, пищу, буквально тающую на языкѣ; изжаренный въ собственной шелухѣ или на сковородѣ съ нѣкоторымъ количествомъ коровьяго масла, онъ даетъ превосходный нѣжный компотъ; незрѣлый плодъ, испеченный въ золѣ,

сухъ и мучнистъ и изъ него можно готовить питательный хлѣбъ и другія кушанья.

Итакъ бананъ замѣняетъ собою хлѣбъ, картофель и овощи, и, кромѣ того, даетъ еще вино; онъ одѣваетъ, питаетъ и восхищаетъ человѣка! Гдѣ бы ни были тѣ мѣста, въ которыхъ наши прародители провели свои первые дни, но мы не можемъ себѣ представить, чтобы въ этомъ мѣстѣ не росло банановъ.

Какъ въ большихъ размѣрахъ въ восточной Африкѣ отдѣльныя народности живутъ отдѣльно другъ отъ друга, такъ въ маленькихъ размѣрахъ тоже самое замѣчается въ *Джамъ*: каждое владѣніе изолировано, каждое семейство живетъ отдѣльно отъ другаго. Среди фруктовыхъ лѣсовъ стоятъ окруженные высокими изгородами дворы туземцевъ. Проходъ, вышиною въ полчеловѣка, ведетъ на овальный дворъ, среди котораго находится большой, круглый главный домъ, съ крышею, доходящею до земли. Передъ нимъ построены двѣ меньшихъ размѣровъ хижины, служащія жильемъ для невольниковъ и слугъ, а позади него еще меньшая хижина, складъ припасовъ.

Ваджана, какъ увѣряетъ Торнтонъ, отличаются отъ другихъ негровъ красотою, силою и способностью. Обладали ли они этими качествами искони, или обязаны ими примѣси болѣе благородной крови (33), или же, наконецъ, благоприятнымъ условіемъ обитаемой ими страны, мы не можемъ рѣшить. Плодородіе почвы не побуждаетъ жителей Килиманджаро къ праздности; они, кромѣ почти само собою растущихъ банановъ, воздѣлываютъ въ значительномъ количествѣ и другіе плоды, требующіе довольно большаго ухода, какъ напр. бобы, горохъ и т. под. Кромѣ того они занимаются стотоводствомъ, и притомъ точно также, какъ жители густо населенныхъ и цивилизованныхъ странъ Европы, т. е. кормятъ скотъ въ стойлахъ. Женщины занимаются уходомъ за пестрыми горбатыми коровами, сожительницами хижины: онѣ должны носить сочную траву, часто съ далекихъ горъ, и ежедневно носить на поля въ корзинахъ драгоценное удобреніе, стало быть имъ всегда много дѣла. Не менѣе обширны и трудны занятія мужчинъ: служба королю, охраненіе страны, устройство и поддержка большихъ окоповъ, и водопроводовъ, приводящихъ болѣе всего въ изумленіе путешественнаго по Джаггѣ, такъ какъ онъ видитъ тутъ работы равнаго ему ума.

Эти водопроводы суть смѣло проведенные черезъ ущелья и по стѣнамъ горъ каналы, начинающіеся поверхъ человѣческихъ жилищъ, такъ что каждый имѣетъ эту самую необходимую вещь около самой двери. А *оконы*, искусственные рвы шириною и глубиною отъ двухъ до трехъ сажень, въ нѣсколько рядовъ окружаютъ каждое государство; они затрудняютъ доступъ непріятелямъ и дѣлаютъ для нихъ почти невозможнымъ введеніе добытаго въ странѣ скота.

Ваджага имѣютъ основательную причину защищать себя такими окопами, такъ какъ они находятся въ войнѣ не только съ хищниками равнины, но и съ своими сосѣдями по горѣ. Какъ въ древней Гельвеціи и Германіи, такъ и въ Джаггѣ, караульные стоятъ днемъ и ночью по границамъ страны, на такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы одинъ могъ слышать голосъ другаго. Ни одинъ врагъ не можетъ прокрасться; его узнаютъ уже на первомъ окопѣ и

раздается звучный воинскій рогъ; крики: «война, война!» (wanga, wanga!) слышатся по всей странѣ и въ весьма короткое время все готово для защиты своихъ жилищъ и стадъ. Безъ этой необходимости быть постоянно вооруженнымъ и дѣтельнымъ, счастливый горный народъ вѣроятно сдѣлался бы изнѣженнымъ и слабымъ подобно беззащитнымъ прибрежнымъ народамъ, погруженнымъ въ праздность и пороки.

Столь странныя гражданскія условія жизни должны были породить и особенныя *государственныя учрежденія*. Въ Джаггѣ господствуетъ строгій, воинственный порядокъ. *Манки* (т. е. султанъ или король) есть почти неограниченный господинъ страны: ему принадлежатъ всѣ мальчики съ самаго ихъ рожденія и воспитываются исключительно для его службы. Его господство простирается даже и на женскій полъ: ни одинъ бракъ не заключается безъ его согласія: онъ самъ соединяетъ молодыхъ людей. Но, не смотря на это, манки нельзя считать деспотомъ, а скорѣе, если разобрать дѣло въ самомъ его существѣ, его власть довольно ничтожна, по крайней мѣрѣ въ мирное время, такъ какъ всѣ войны имѣютъ не меньшее вліяніе на дѣла. Безъ ихъ согласія онъ не можетъ ничего сдѣлать и принужденъ отказываться отъ многихъ своихъ плановъ, чтобы сохранить доброе расположеніе своихъ «преторіанцевъ»; даже пошлины, платимыя ему караванами, онъ долженъ дѣлить съ ними. А еще болѣе зависятъ онъ иногда отъ своихъ родственниковъ; странное противорѣчіе: неограниченный господинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ призранный король!

Южные склоны Килиманджаро обитаемы только между 3500—5000 футовъ надъ уровнемъ моря; банановыя плантаціи идутъ на 1000 футовъ выше; выше этаго пояса воздѣлываніе и владѣніе прекращается, и начинается никому не принадлежащая пустыня, дѣвственный лѣсъ, каменистое поле или дуга. Узкій обитаемый поясъ распадается на нѣсколько «королевствъ», изъ коихъ самыя значительныя, начиная съ запада, суть: *Маджаме, Ламбуну, Уру, Покомо, Кируа, Килема, Марема* и *Ромбо*.

Жители различныхъ государствъ находятся въ частыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ и посѣщаютъ другъ друга, особенно на пути черезъ страну, лежащую выше плантацій и никому не принадлежащую; они часто сносятся также съ соседними народами, съ Вадафета, съ жителями горы Угоно, и мѣстности Каге въ равнинѣ, лежащей къ западу отъ этой горы, и съ Вамазаи, особенно на «нейтральной территоріи», на удобно расположенныхъ рыночныхъ мѣстахъ; эти мѣста также ежегодно посѣщаются караванами суахелійцевъ, обмѣнивающими слоновую кость на бумажныя матеріи, бусы и металлическіе товары. Страна Килиманджаро есть центръ и исходный пунктъ для восточно-африканской торговли и могла бы, если бы цивилизованные народы постарались приобрести здѣсь вліяніе, имѣть еще большее значеніе, такъ какъ она занимаетъ средину между, индійскимъ океаномъ и большими внутренними озерами. Ни одна изъ тропическихъ странъ не представляетъ большихъ выгодъ для европейскаго поселенія, чѣмъ Джагга: здѣсь европеецъ находитъ прекрасный, здоровый климатъ во всѣхъ его степеняхъ, начиная отъ области банановъ и до тѣхъ областей, гдѣ произрастаетъ пшеница и

сѣверныя растенія, находятъ сильное, неспорченное населеніе, не только умѣющее воздѣлывать и защищать страну, но и занимающееся многими украшающими жизнь искусствами. Джагга по истинѣ рай, и каждый, видѣвшій эту чудную страну, съ восхищеніемъ будетъ говорить объ ней, даже въ томъ случаѣ, если ему пришлось испытать тамъ много неприятностей отъ попрошайничества и непостоянства тамошнихъ мелкихъ князьковъ.

Послѣ долгаго перехода по отлого поднимающейся земной равнинѣ, прерываемой отдѣльными холмами и возвышенностями, продолжаетъ Дженъ, и перейдя черезъ нѣсколько высохшихъ ручьевъ и быстро текущихъ рѣкъ, мы пришли къ величественной *рѣкѣ Гони*. На ширинѣ 70—80 футовъ, между крутыми, поросшими лѣсомъ, берегами катятся ея холодныя воды по скалистому руслу. Я перешелъ черезъ нее въ бродъ, не желая садиться на плеча одного изъ носильщиковъ, и велѣлъ на другомъ берегу раскинуть лагерь подъ высокими деревьями. Холодная пожная ванна имѣла дурныя послѣдствія; у меня вскорѣ открылась зубная боль, ревматизмъ и лихорадка. Въ довершеніе бѣдствій всю ночь шелъ дождь, и я не могъ заснуть отъ мокроты и холода. Отправляясь на слѣдующее утро въ путь, я чувствовалъ себя столь слабымъ, что едва могъ держаться на ногахъ.

Около десяти часовъ мы достигли первыхъ окоповъ Билема. Рвы, глубиною около 15 футовъ, были такъ круты и гладки, что носильщики едва могли всползати по нимъ, а ослось пришлось оставить подъ карауломъ нѣсколькихъ носильщиковъ. Черезъ ровъ вела узкая, скользкая доска; но мы предпочли трудную, но менѣе опасную дорогу черезъ дно рва.

Прибывъ на другую сторону рва, мы выстрѣлили изъ всѣхъ ружей. Вскорѣ явилось нѣсколько туземцевъ, которые сорвали, въ знакъ своихъ дружественныхъ намѣреній, нѣсколько пучковъ травы, и, когда мы сдѣлали тоже, искренно привѣтствовали насъ неоднократными восклицаніями «ямбо». Между ними находился вельможа государства, по имени *Регани*; онъ освѣдомился о цѣли нашего путешествія и удалился, чтобы извѣстить султана объ нашемъ прибытіи. Другіе предложили за одно доти привести ослось по болѣе удобной дорогѣ на мѣсто нашей стоянки, между тѣмъ какъ мы по обыкновенной тропинкѣ пошли далѣе. Вскорѣ мы должны были опять остановиться передъ высокою изгородью съ узкими воротами, черезъ которыя можно было пройти только низко нагнувшись. Здѣсь мы должны были ожидать отвѣта султана, что было для меня тяжелымъ испытаніемъ терпѣнія, такъ какъ меня еще трясла лихорадка и я былъ еще мокръ отъ ночнаго дождя и отъ утренней росы.

Между тѣмъ около насъ собиралось все болѣе Джаггайцевъ, которые привѣтствовали насъ также какъ и первые. Наконецъ около полудня воротился Регани съ другимъ знатнымъ лицомъ, по имени *Мииндо*, и принесъ намъ утвердительный отвѣтъ султана. Теперь намъ надо было еще выдержать *кишоню*, кото-

рое, къ нашему удовольствію, было не такъ церемоніально, какъ въ Дафетѣ: туземцы надѣли себѣ и намъ на пальцы надрѣзанныя полоски кожи со лба только что зарѣзанной козы, дали знаки вишонго и нѣсколькимъ изъ носильщиковъ, но не давали каждому изъ нихъ особаго визави, и, такъ какъ кожи со лба не хватило для столькихъ людей, то взяли еще часть кожи съ правой ноги. По извилистой дорогѣ повели они насъ черезъ узкіе переулки между банановыми плантаціями къ вершинѣ возвышенности, на которой караваны обыкновенно располагаются лагеремъ. Сначала мѣсто это намъ понравилось, такъ какъ оттуда открывался прекрасный видъ на югъ, но скоро оказалось, что оно было сыро и изобиловало термитами. На сегодняшний день нельзя было ничего переменить, и потому мы раскинули палатки и я легъ на свою постель, изнуренный лихорадкою и утомленный ожиданіемъ и долгими переговорами. Всю ночь опять шелъ дождь, вслѣдствіе чего температура понизилась до 11° Р., такъ что я едва могъ согрѣться, хотя я и надѣлъ теплую зимнюю одежду.

Сегодня лагерь также наполнился мужчинами и женщинами, любопытными и продавицами.

Цвѣтъ и строеніе лица *Вакилема* указываетъ на различное ихъ происхожденіе. Одни имѣютъ весьма свѣтлый негритянскій цвѣтъ съ синеватымъ отливомъ, другіе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи превосходятъ даже мулатовъ; одни имѣютъ красивое лицо, ротъ и конечности, а другіе болѣе похожи на негровъ. Вообще голова шире и не такъ длинна, какъ обыкновенный негритянскій черепъ; лицо съ перваго взгляда кажется сверху угловатымъ, но это происходитъ только отъ того, что волосы по обѣимъ сторонамъ лба выстрижены. *Мужчины* перевязываютъ черезъ правое плечо длинный кусокъ бумажной матеріи, окрашенный жиромъ и землею въ красный цвѣтъ, въ видѣ узла, въ которомъ большею частію находится небольшой рогъ съ нюхательнымъ табакомъ и острый ножичекъ въ футлярѣ; одѣяніе свѣшивается до щиколки и внизу украшено длинною бахромою, мотовство, непонятное при цѣнности этой матеріи. Въ видѣ украшенія носятъ большею частію въ ушахъ двѣ палочки изъ какаго-то особеннаго дерева, на шеѣ нѣсколько нитокъ мелкихъ бусъ, пряжки изъ желѣзной и мѣдной проволоки, маленькія цѣпочки или множество нанизанныхъ на нитку кусочковъ дерева. Ниже колѣна они привязываютъ на ниткѣ узкія полоски изъ шкуры, которой длинная шерсть свѣшивается внизъ, а на сгибѣ и ступнѣ носятъ красиво сдѣланныя цѣпочки. Вооруженіе ихъ состоитъ почти исключительно изъ копья съ широкимъ, обѣ двухъ остріяхъ желѣзомъ на одномъ концѣ, и съ однимъ остриемъ на другомъ концѣ. Рѣдко попадаются щиты или короткія сабли.

Замужнія женщины обвязываютъ около бедръ кусокъ красной, весьма мягкой и хорошо выдубленной кожи, большею частію украшенной шитьемъ изъ мелкихъ бусъ, такъ что съ правой стороны бедръ кончикъ куска этого свѣшивается до ступни. Молодыя дѣвушки носятъ только маленькіе, вышитые бусами, передники на ниткѣ, обвязанной вокругъ бедръ. Женщины и дѣвушки обвѣшиваютъ составъ ступни кольцами изъ бѣлой смѣси олова почти въ фунтъ вѣсу, обвязываютъ около шеи множество нитокъ и колецъ пестрыхъ бусъ и втыкаютъ

въ ушныя мочки кусочки дерева или кольца, отъ которыхъ отверстіе чрезвычайно расширяется. Знатныя женщины носятъ на лицѣ покрывало изъ красныхъ или зеленыхъ бусъ, а бѣдныя довольствуются только двумя или тремя нитками бусъ. Дѣти носятъ вообще такія же украшенія, только въ меньшемъ размѣрѣ; у нѣкоторыхъ надъ колѣнями прикрѣплены гремушки.

Молодые мужчины чрезвычайно надоѣдали любопытствомъ и попрошайничествомъ; они говорили, что Ребманъ давалъ имъ множество матеріи и бусъ, и что новый мзунгу долженъ же что нибудь подарить имъ. Сколько ни жаловались они на мое жестокосердіе и закрытую руку, но я остался вѣренъ моему принципу не давать ничего, пока не сдѣлають чего нибудь для меня. Султанъ должно быть предвидѣлъ заранѣе такія надоѣданья, потому что прислалъ въ лагерь двухъ своихъ первыхъ воиновъ съ приказаніемъ принять мѣры для того, чтобы никто не назойничалъ, не воровалъ и не обманывалъ. Къ несчастію, наши оберегатели были скорѣе козлы, чѣмъ садовники; они вступили въ отправленіе своей службы въ пьяномъ видѣ и прежде всѣхъ другихъ попытались украсть бусы. Поэтому я долженъ былъ самъ защищаться отъ нихъ и отъ другихъ безсовѣстныхъ людей, и въ короткое время возстановилъ порядокъ съ помощью моей палики. Можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ дѣйствовать такъ безразборчиво въ чужой странѣ и у воинственнаго народа; но я узналъ, какъ надо обращаться съ такими людьми, и успѣхъ доказалъ, что я дѣйствовалъ вѣрно: подвергнушіеся наказанію были осмѣяны и остерегались во второй разъ навлечь на себя мой гнѣвъ.

Для продажи было принесено нѣсколько связокъ банановъ, нѣсколько масла и бобовъ, все по изумительно дешевымъ цѣнамъ, но не въ достаточномъ для насъ количествѣ; за то дровъ было принесено много, равно какъ и сухихъ банановыхъ листьевъ для покрышки кровель, и каждая связка ихъ стоила двѣ нитки бусъ. Многимъ покажется страннымъ, что здѣсь, среди лѣса, надо было покупать дрова; но путешественникъ находить это болѣе выгоднымъ, нежели дорого платить за право рубки дровъ, особенно если всѣ люди, какъ это бываетъ на другой день послѣ прибытія, заняты другою работою, какъ напр. постройкою для себя хижинъ. Негръ, какъ извѣстно, не любитъ проводить ночь подъ открытымъ небомъ, и, гдѣ только возможно, устроиваетъ себѣ скромный кровъ, хотя бы онъ защищалъ отъ непогоды только голову и грудь.

Султанъ еще не показывался въ лагерь, хотя назначилъ свое посѣщеніе на нынѣшній день. Поэтому я послалъ къ нему сообщить, что если его высочество не придетъ и завтра, то я немедленно удалюсь изъ Килемы, такъ какъ я долженъ буду въ такомъ случаѣ предположить, что мое посѣщеніе неприятно ему. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что на слѣдующее утро непременно явится.

Когда приблизился часъ его посѣщенія, онъ снова прислалъ сказать, что придетъ послѣ полудня. Было пора сдержать свое слово: у насъ не было болѣе ни куска мяса; туземцы утверждали, что они до посѣщенія своего повелителя не могутъ принести для продажи ни козъ, ни куръ. Для обезпеченія себя я послалъ еще разъ къ манки, настоятельно прося его ускорить свое посѣщеніе.

Около двухъ часовъ *Мамбо*, султанъ Килемы, далъ знать о своемъ при-

бытіи. Любопытные и продавицы были прогнаны изъ лагеря. Явилась толпа солдатъ и стала полукругомъ около палатки; впереди ихъ стали нѣсколько начальниковъ или министровъ; позади ихъ спрятались съ закрытымъ лицомъ *Манки*. Чтобы удовлетворить себя за долгое ожиданіе и показать, что я также великій султанъ, я вышелъ изъ палатки только по прошествіи нѣкотораго времени. Рядъ воиновъ раздвинулся и пропустилъ меня и Торнтонъ. Султанъ, казалось, нѣсколько робѣлъ, но все таки вышелъ, раскрылъ свое лицо, пожалъ намъ руки и подалъ зеленый листъ; послѣ этого онъ снова закрылся, ряды солдатъ сомкнулись, и онъ исчезъ.

Мамбо около 35 лѣтъ. Онъ производитъ менѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ большая часть его подданныхъ: въ чертахъ его лица, не смотря на свѣтлый, грязно желтый цвѣтъ кожи, рѣзко отражается негрскій типъ, и оно имѣетъ, какъ у пьяницы, сонное выраженіе, хотя иногда въ его взорахъ просвѣчиваетъ умъ. Воины его, одѣтые почти также какъ и онъ, оказываютъ ему мало уваженія.

По удаленіи Мамбо привели двѣ коровы, какъ подарокъ султана, но въ то же время потребовали вознагражденія для хозяина этихъ насильно уведенныхъ животныхъ, и бусъ для собравшихся воиновъ. Я отвѣчалъ на это, что если манки хотятъ продать коровъ, то пусть назначить имъ цѣну, а если онъ прислалъ ихъ въ подарокъ, то не имѣетъ права чего либо требовать за нихъ. Солдатамъ я далъ бусы и велѣлъ имъ просить Манки на слѣдующее утро повторить свой визитъ. Вскорѣ Мамбо явился, чтобы исполнить забытый обрядъ дружбы: онъ немного поплевалъ на подаренную корову, послѣ чего мы сдѣлали тоже и велѣли зарѣзать ее. Уходя онъ увѣрялъ, что завтра придетъ посмотреть свой подарокъ.

30 іюля. Около 10 часовъ явился султанъ съ тремя своими совѣтниками, вошелъ въ палатку и получилъ слѣдующіе предметы, стоящіе 20—25 талеровъ *Маріи-Терезіи* :

45 аршинъ американо.	4 оловянные наручника, каждый вѣсомъ въ 1 ф.
12 пестрыхъ носовыхъ платковъ,	5 фун. бусъ различной величины и цвѣта.
2 барзати	1 большое зеркало. 1 карманный ножъ. 1 маленькій кремневый пистолетъ.
1 кунгуру	
1 дебуани	

(выдѣлываемыя въ Ма-
скатѣ пестрыя матеріи,
каждый кусокъ въ 7 ар-
шинъ длины.)

Мамбо понравился, кажется, только пистолетъ, а на остальное онъ смотрѣлъ довольно равнодушно. Качая головою, онъ объявилъ, что этого далеко не достаточно, и что его свита, которая вчера осталась неудовлетворенною, должна также получить подарокъ побольше. Я просилъ его пока удовольствоваться этимъ, такъ какъ онъ получилъ все таки вдвое болѣе того, что стоитъ его корова, и сказалъ, что впоследствии, если онъ будетъ вести себя дружелюбно, получить больше; если же онъ не удовольствуется этимъ, то я возьму все назадъ и тотчасъ же удалюсь отсюда. Дальнѣйшія попрошайничества я прекратилъ тѣмъ, что пригласилъ его посмотреть внѣ палатки на ружья. Выстрѣлъ изъ слоноваго ружья

произвелъ сильное впечатлѣніе на него и на его людей; они собрали отколотыя выстрѣломъ отъ скалы плитки, вѣроятно для того, чтобы впослѣдствіи употреблять ихъ какъ волшебное лѣкарство. Еще большее удивленіе вызвалъ револьверъ: когда выстрѣлы начали раздаваться одинъ за другимъ, всѣ начали громко кричать; Мамбо отступилъ на 20 шаговъ назадъ, закрылъ свою голову и вскорѣ удалился изъ лагеря, обѣщавъ не обращать вниманія на наши экскурсіи и измѣренія.

Особенно важнымъ показалось имъ дозволеніе стрѣлять птицъ, такъ какъ запрещено убивать какихъ бы то ни было пернатыхъ: въ Джаггѣ знаютъ важное значеніе птицъ въ хозяйствѣ природы. Всего болѣе значенія придаютъ, кажется, тому, что птицы уносятъ истребляютъ нечистоты и падалъ, потому что насъ просили щадить коршуновъ, которые истребляютъ трупы (въ Джаггѣ не погребаютъ мужчинъ, умершихъ бездѣтными).

Къ вечеру были удовлетворены и четверо главныхъ совѣтниковъ султана; *Ниакуи*, *Мииндо* и *Регани* получили каждый по барзати, кунгуру, по одному доти американо и по маленькому зеркалу, а *Ндугумбуо* только три послѣдніе предмета. Два стоявшіе въ лагерѣ солдата получили каждый по одному доти и имъ обѣщано по пяти нитокъ бусъ за каждый день ихъ службы.

31 іюля. Мамбо около 10 часовъ явился опять, на этотъ разъ для того, чтобы узнать настоящую цѣль моего путешествія; ему уже стало ясно, что я не обыкновенный торговецъ. Я объяснилъ ему, что намѣренъ взойти на снѣжную гору, что сначала я хотѣлъ предпринять это восхожденіе изъ Маджаме, но, услышавъ, что Ребманъ былъ дружественно принятъ Мазани, прежнимъ Килемасскимъ султаномъ, я рѣшился притти сначала сюда. Мамбо отвѣчалъ, что въ Маджаме я не могу достигнуть своей цѣли, что тамъ господствуетъ не настоящій султанъ, а дитя безъ власти, служащее только игрушкой своимъ родственникамъ и совѣтникамъ. Мое намѣреніе итти во враждебную страну доказываетъ опять; что я не другъ ему и что я, вѣроятно, берегу большіе подарки для султана Маджаме. Изъ Килема, замѣтилъ онъ въ заключеніе, восхожденіе на гору гораздо легче; онъ готовъ, если я этого желаю, послать впередъ двухъ человекъ, дабы отыскать лучшій путь. Предложеніе это я принялъ съ благодарностью и въ свою очередь обѣщавъ отдать ему подарокъ, назначенный другому султану, если онъ сдержитъ свое обѣщаніе.

Онъ сдѣлался довѣрчивѣе, спрашивалъ обо многомъ, велѣлъ себѣ показывать разныя вещи и удивлялся всему, въ особенности же одеждѣ изъ синей толстой матеріи: ему казалось невозможнымъ, чтобы сами вазунгу, знающіе столь великія вещи, могли приготовить такую толстую ткань; онъ совершенно серьезно считалъ эту матерію за овечій мѣхъ. Еще больше удивлялся онъ спичкамъ: отъ одного только тренія тоненькой пластинки получая огонь, я очевидно производилъ это неестественнымъ путемъ. При прощаніи я подарилъ ему красную вышитую золотомъ куртку, какую носятъ арабы и суахелійцы; въ благодарность, онъ обѣщавъ устроить въ честь нашу танецъ.

Послѣ обѣда мы посѣтили одного очень искуснаго кузнеца, на работу кото-

раго мы уже давно желали взглянуть. Когда мы воротились къ лагерю, гдѣ должно было происходить обѣщанное празднество, то тамъ уже собралось много молодыхъ людей. Они много болтали и долго выпрашивали у насъ бусы, прежде чѣмъ начали приготовленія къ танцамъ. Тогда они образовали большой кругъ, въ которомъ съ одной стороны стояли по большей части мужчины, а съ другой женщины, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они перемѣшивались; при этомъ каждый клалъ правую руку на правое же плечо сосѣда, стоявшаго съ правой стороны, а лѣвою охватывалъ станъ другаго, стоявшаго съ другой стороны. Весь кругъ поворачивался слегка справа на лѣво, между тѣмъ какъ въ серединѣ его танцевало двое, каждый въ одиночку, а другіе однообразно прыгали около нихъ. Послѣ того, что мы видѣли у Ватента и даже у Вадафета, танцы эти казались очень посредственнымъ зрѣлищемъ и не могли удовлетворить насъ.

Какъ въ цивилизованной Европѣ, такъ и въ Джагга, танцы даютъ поводъ къ неумѣреннымъ попойкамъ. Отецъ народа также участвовалъ во всеобщей радости: только поздно вечеромъ пришелъ онъ въ лагерь, напившись сладкаго банановаго вина, и былъ далеко не пріятнымъ гостемъ: онъ старался перекричать толпу, затѣивалъ нѣсколько разъ ссоры и неотступно требовалъ подарковъ для себя и для солдатъ, охранявшихъ лагерь. Когда я напомнилъ ему объ его непристойномъ поведеніи, то онъ, раздражительный какъ всѣ пьяные, отнял у меня назадъ сегодня данное позволеніе дѣлать экскурсіи, такъ что я наконецъ рассердился и прогналъ его изъ лагеря.

Пасмурно и нерадостно начался слѣдующій день, какъ бы для того, чтобы утѣшить насъ въ немилостивомъ запрещеніи Мамбо. Въ продолженіе всего утра въ лагерѣ не было видно ни одного человѣка; но это не причинило намъ большаго горя, потому что у насъ было достаточно съѣстныхъ припасовъ.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ обѣда, пришелъ достойный султанъ. На мои упреки по поводу его вчерашняго поведенія и отсутствія продавцевъ, онъ съ своей стороны отвѣчалъ жалобами, что, въ продолженіе моего четырехдневнаго пребыванія въ Килема скотъ его чуть не умеръ отъ голоду, потому что женщины, вмѣсто того, чтобы рѣзать траву, цѣлый день находились въ лагерѣ; чтобы не обидѣть коровъ, онъ приказалъ, чтобы женщины появлялись на рынокъ только черезъ день. Потомъ онъ рассказалъ, что онъ видѣлъ во снѣ своихъ родителей, которые предостерегали его не довѣрять мзунгу, потому что у него не открытая рука, и слѣдовательно не имѣть съ нимъ дружбы. Подъ конецъ, онъ сказалъ даже угрожающимъ тономъ; «пусть я только попробую пойти въ Маджаме, если думаю, что попасть туда можно». При такихъ обстоятельствахъ, я счелъ за лучшее уступить, и, согласно съ его требованіемъ, впередъ выдать ему подарокъ, назначенный за восхожденіе на Килиманджаро и состоящій изъ 80 аршинъ американо, 36 пестрыхъ носовыхъ платковъ, 1 кунгуру, 2 барзати, 4 наручника, 6 фунтовъ бусъ и небольшое количество пороху; при этомъ я далъ ему пятнадцать аршинъ американо для его трехъ совѣтниковъ, которые присутствовали при переговорахъ, и нѣсколько бусъ для каждой изъ его женъ. За это Мамбо обязался немедленно выслать двухъ проводниковъ для изслѣдованія дороги.

отдалъ приказаніе, чтобы никто не мѣшалъ мнѣ въ моихъ экскурсіяхъ, велѣлъ провести воду для питья къ самому лагерю, учредилъ ежедневный рынокъ, вручилъ мнѣ палку для употребленія противъ пазойливыхъ людей, подарилъ козу въ знакъ дружбы и обѣщалъ дать двухъ коровъ тотчасъ же и двухъ овецъ и двухъ козъ по моему возвращеніи изъ Килиманджаро.

Доброе согласіе было опять возобновлено, но на короткое время, потому что Мамбо опять вскорѣ впалъ въ свои старые грѣхи и сталъ выпрашивать то подпирокъ, то мою кровать, то пару пистолетовъ. Подъ конецъ ему захотѣлось приобрести прекрасный пледъ Торитона; онъ крайне удивлялся, что я безъ дальнихъ разсужденій не отнимаю у своего спутника этотъ платокъ, чтобы подарить его ему — своему новому другу. Чтобы положить предѣлъ его безсовѣстности, я долженъ былъ снова вѣжливымъ образомъ прибѣгать къ праву хозяина.

Не менѣ выводили меня изъ терпѣнія двое солдатъ, оставленныхъ въ лагерь для моей защиты или, скорѣе, для наблюденія за всѣми моими поступками; на бусы, которыя я имъ далъ, они купили банановаго вина и пьяные дѣлали разныя безчинства: на нихъ я впервые испробовалъ палку, переданную мнѣ Манки.

2. Августа. Мамбо сдержалъ слово; рынокъ открылся и былъ многолюденъ. Я накупилъ множество припасовъ, одеждъ и оружія, которыхъ я до сихъ поръ тщетно добивался. Однако нѣкоторыхъ вещей, и именно самыхъ хорошихъ, какъ напр. ножей и оружія рѣзной работы, нельзя было купить по причинѣ слишкомъ высокихъ цѣнъ.

Вечеромъ Мамбо опять сталъ надоѣдать мнѣ: вѣрное доказательство того, что я испортилъ его своею податливостію и добротою. Онъ неотступно требовалъ бусъ, насмѣшливо улыбался, когда я ему далъ ихъ, и думалъ, что онъ могущественный человѣкъ и что я въ его власти; что я долженъ согласиться на всё! Такое положеніе дѣлъ не могло продолжаться. Я прибѣгнулъ къ средству, которое во всей Африкѣ весьма полезно для путешественниковъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже совершенно неизбѣжно. Не говоря ни слова, я отправился въ палатку, взялъ въ руку ракету, показалъ ее Мамбо и сказалъ: «до сихъ поръ я дарилъ тебѣ вещи и обращался съ тобой какъ съ моимъ другомъ; теперь ты увидишь, что я имѣю въ своемъ распоряженіи противъ моихъ враговъ. Въ этой оболочкѣ находится огонь, который даетъ мнѣ возможность сжечь въ самое короткое время всѣ твои селенія и плантаціи; и этотъ огонь я употреблю противъ тебя, если ты не перемѣнишь своего обращенія». Онъ отвѣтилъ: «муонго (это ложь)! такой маленькій кусокъ бумаги не въ состояніи сжечь мой домъ или же разрушить его». Но онъ всё таки не вполне былъ увѣренъ въ этомъ, потому что отнѣживался дать хижину для произведенія опыта. По его желанію я пустилъ ракету въ воздухъ: ея трескъ, необыкновенная высота огненнаго столба и видъ падающихъ звѣздъ, очевидно напугали его; не упоминая болѣе о бусахъ, онъ отправился во свояси.

3 Августа. Наконецъ, ничто не препятствовало намъ предпринять давно ожидаемую экскурсію на одинъ холмъ, лежащій къ сѣверу отъ нашего лагеря, съ котораго, при совершенно чистомъ воздухѣ, должны были быть ясно видны

береговья горы. Погода въ нѣкоторой степени благоприятствовала намъ; мы наслаждались прекраснымъ, величественнымъ зрѣлищемъ. На востокѣ видѣлись горы Бура и Эндара, а далѣе Кадьяро, на югѣ — громадная горная цѣпь Угоно съ озеромъ Джипе съ одной стороны и съ рѣкою Пангани съ другой, далѣе на западѣ — горная цѣпь Аруша и по ту сторону ея въ отдаленіи высокія, копическія горы, въ равнинѣ же вездѣ маленькіе, сосцеобразные холмики и цѣпи ихъ и всё это осѣнялъ царственный Килиманджаро. Во всѣхъ замѣчательныхъ пунктахъ мы производили съѣмки. Странно, что Вакилема нисколько не удивлялись и не боялись употребленія землѣрныхъ инструментовъ, такъ что я пришелъ къ тому мнѣнію, что смѣшныя запрещенія, отъ которыхъ часто страдаетъ путешественникъ, происходятъ не столько отъ суевѣрія, сколько отъ корыстолюбія.

Около двухъ часовъ мы снова возвратились въ лагерь, очень довольные результатомъ нашей экскурсіи. Мамбо снова сталъ клянчить, требуя все съ большею навязчивостью пледъ Торнтонъ. Чтобы избавиться отъ этаго надоедливаго человѣка, я взялъ въ руку револьверъ, прицѣлился, какъ бы шутя, въ Мамбо и взвелъ курокъ: успѣхъ былъ удивительный: благородный султанъ тотчасъ же отступилъ.

Крапфъ вполне правъ, называя попрошайничество *чудовищемъ*, которое шагъ за шагомъ преслѣдуетъ путешественника въ восточной Африкѣ; каждый незначительный деревенскій староста или нищенскій король думаетъ, что имѣетъ право на владѣніе товарами, привозимыми въ предѣлы его области. Кто умѣетъ не обращать большаго вниманія на сопряженныя съ этимъ непріятности, тому весьма забавно изучать уловки этихъ людей, разбирать предлоги, подъ которыми здѣсь, особенно въ Джаггѣ, высшей школѣ попрошайничества, стараются выманить у чужестранца малую толику его собственности; безстыдство и наглость, часто выказывающіяся при этомъ, по истинѣ достойны удивленія. Такъ однажды министръ Регани попросилъ нитку бусъ, чтобы купить нюхательнаго табаку у *своей собственной дочери!* Впослѣдствіи, въ Килема, одинъ тайный совѣтникъ потребовалъ семь штукъ одеждъ для семерыхъ своихъ нагихъ дѣтей, изъ которыхъ каждому нуженъ былъ какой нибудь покровъ; когда я ему въ этомъ отказалъ, онъ сталъ выпрашивать рвотнаго средства для волшебства, и яда, которыми бы онъ могъ умерщвлять вредныхъ животныхъ, но вскорѣ за тѣмъ освѣдомился, достаточно ли онъ силенъ для того, чтобы лишить жизни человѣка. Однажды Мамбо послалъ двухъ своихъ солдатъ въ лагерь, велѣлъ показать мнѣ два носовыхъ платка и объявить объ его желаніи сдѣлать изъ нихъ платье и попросить матеріи на подкладку; я отказалъ ему въ этой просьбѣ замѣчаніемъ, что я не портной, однако посланные не смутились этимъ и сказали, что у нихъ есть человѣкъ, который умѣетъ шить, лишь бы я подарилъ имъ подкладку: что ихъ требованіе доказываетъ только то, что господинъ и повелитель мой истинный другъ. Во время прибытія одного султана (изъ Моши) Мамбо потребовалъ даже одно ружье и тюрбанъ въ подарокъ *за его посѣщеніе!* Въ другой разъ мать Мамбо дала мнѣ маленькій кусочекъ масла въ подарокъ, т. е. въ ожиданіи богатаго подарка съ моей стороны; я сказалъ ей, что я разъ на всегда не же-

лаю ея подарковъ, такъ какъ они состоятъ только изъ такихъ вещей, которыя и имъ самимъ ни къ чему не пригодны и которыя, какъ они знали; я не купилъ бы, если бы они попали въ продажу; понятно, что я навлекъ на себя этимъ немилость ея высочества. Случаются и *обманы*, которые однородны съ нищенствомъ и выказываютъ много остроумія; они во многомъ напоминаютъ ухватки нашихъ крестьянскихъ женъ. Молоко, напр., значительно смѣшивается торговками съ водою, масло намазывается на деревянные формы, чтобы его казалось больше, бобы и горохъ смѣшиваютъ съ пескомъ и камнями. Какъ ни остороженъ я былъ при покупкѣ, не смотря на то, меня иногда перехитрили, именно больною скотиною, которая околѣвала еще до убоя или же имѣла столь испорченное мясо, что негры даже не могли его ѣсть.

7 августа. Прошло много времени, а Мамбо ни мало не заботился о насъ; ему не было дѣла ни о нашихъ средствахъ къ пропитанію; мы не ѣли въ теченіи многихъ дней другаго мяса, кромѣ франколиновъ, которыхъ люди наши ловили силками и не думалъ о приготовленіяхъ къ восшествію на гору. Свою безпечность онъ извинялъ государственными дѣлами, къ которымъ побудило его посѣщеніе султана Кимандара изъ Моши. Утомленный продолжающимися отсрочками, я снова послалъ къ нему, пока наконецъ онъ не согласился на предложеніе посѣтить меня. Онъ прямо вошелъ въ мою палатку и началъ, къ моему удивленію, говорить на суахелійскомъ языкѣ. Это меня пріятно изумило; теперь я могъ ему высказать мою мысль безъ посредничества трусливаго Факи, который съ намѣреніемъ переводилъ неправильно! Воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, я высказалъ ему сперва, что онъ такъ долго обманывалъ меня, скрывая свое знаніе суахелійскаго языка; за тѣмъ возникли переговоры, которые понятно вертѣлись только около подарковъ. Цѣлыхъ три часа выслушивалъ я его болтовню, наконецъ мое, столь долго испытываемое, терпѣніе лопнуло: я вскочилъ съ мѣста и далъ противному попрошайкѣ всѣ тѣ почетные титулы, которымъ я успѣлъ научиться на суахелійскомъ языкѣ. Ему было очень неловко; при каждой новой вспышкѣ гнѣва онъ содрогался и забился въ самый дальній уголокъ палатки; но Факи и Мнубіе убѣдительно просили, чтобы я успокоился, что они боятся, какъ бы дѣло не дошло до драки, потому что во время своего гнѣва я страшно размахивалъ длинною палкою. Впрочемъ сцена эта имѣла хорошія послѣдствія; при уходѣ Мамбо обѣщаль, что восхожденіе на гору совершится завтра, но при этомъ попросилъ не показывать другому мзунгу дорогу въ Килема, «потому что я злой человекъ, который никогда не можетъ имѣть открытой руки и котораго должно опасаться».

Только что онъ покинулъ лагерь, какъ между моими людьми произошло формальное возмущеніе: проводники и носильщики объявили, что они не пойдутъ со мною на гору; только одинъ поваръ Гаммади хотѣлъ сопровождать меня, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы я далъ ему нюхательнаго табаку, «самое лучшее средство противъ холода». При такихъ обстоятельствахъ, палка должна была убѣдить людей, что они *должны* идти со мною. Я выбралъ пять носильщиковъ съ проводниками Гаммисомъ и Гаммади. Какъ овцы, которыхъ ведутъ на бойню, они покорились необходимости.

Итакъ, цѣль, къ которой мы такъ давно стремились, именно восхожденіе на гору Килиманджаро, была не далека отъ насъ, благодаря рѣшительности моего образа дѣйствій, которая положила конецъ ежедневно повторявшемуся отказу Мамбо. Начались приготовленія къ отъѣзду. Коралли было поручено остаться въ лагерѣ для его защиты. Мои черные провожатые получили вмѣсто желаемого нюхательнаго табаку каждый по куску американо для защиты отъ холода, однако они не поняли моего добраго намѣренія и въ самомъ скоромъ времени промѣняли матерію на медъ, масло и молоко.

8 августа. Наша поклажа, состоящая изъ землѣрныхъ инструментовъ, шерстяныхъ одѣялъ и жизненныхъ припасовъ на восемь дней (преимущественно бобовъ), была уже давно упакована, а обѣщанные проводники все еще не являлись. Наконецъ около перваго часа по полудни пришелъ Регани въ сопровожденіи двухъ лагерныхъ часовыхъ и объявилъ, что ничто не препятствуетъ намъ въ предстоящей поѣздкѣ. Солдаты должны были проводить насъ до самаго крайняго селенія Килема, гдѣ мы найдемъ двухъ проводниковъ; они получили два тщательно сложенныхъ, свѣжихъ банаковыхъ листа, одинъ изъ нихъ былъ *трири*, для огражденія отъ несчастій, могущихъ случиться на дорогѣ, другой — былъ письмо къ начальнику упомянутаго селенія. Регани разпрощался съ нами, высказавъ цѣлую кучу благожеланій, какъ напр.: «Богъ да хранитъ тебя на твоёмъ пути; да возвратитъ тебя небо здоровымъ; да найдешь ты много золота, серебра и т. под.

Дорога шла, съ небольшими уклоненіями, къ сѣверу, по восточной сторонѣ холма, на который мы прежде всходили, большею частію черезъ невоздѣланную страну или черезъ зеленѣющія поляны, на которыхъ паслись стада рогатаго скота, потомъ по правому берегу рѣки Гони, вдоль удивительныхъ водопроводовъ, идущихъ на высотѣ 150 футовъ надъ русломъ рѣки. Около пяти часовъ мы достигли многихъ хижинъ, расположенныхъ среди обширныхъ банановыхъ рощицъ. Наши будущіе проводники, жившіе здѣсь, приняли насъ вовсе не дружелюбно, и даже не хотѣли позволить намъ переночевать внутри ихъ двора; они вѣроятно вспомнили о судьбѣ однихъ несчастныхъ, которые нѣкогда были посланы *Рунуа*, королемъ Маджаме, на гору, чтобы развѣдать сущность бѣлой, свѣтящейся массы на ея вершинѣ: только одинъ изъ нихъ, по имени *Кибейя*, вернулся назадъ съ отмороженными руками и ногами и сообщилъ о плачевной судьбѣ другихъ, убитыхъ наверху «злыми духами»; мнимаго серебра онъ не принесъ, такъ какъ оно расплылось у него въ рукахъ по дьявольскому навожденію.

Начальникъ селенія, къ которому мы имѣли письмо отъ Манни, приказывавшее ему дать мнѣ козу за два доти, не выказывалъ готовности исполнить это; онъ насмѣшливо улыбался и говорилъ, что его деревня далека отъ Мамбо, и что его скотъ принадлежитъ ему, а не султану. Непріятность нашего положенія оказала вліяніе и на сопровождавшихъ насъ воиновъ; они покинули насъ еще прежде, чѣмъ окончились переговоры на счетъ продолженія пути.

Ночью шелъ проливной дождь. Я вползъ въ палатку, но не нашелъ тамъ защиты отъ дождя, потому что сверху протекала вода, а внизу скоро образова-

лась большая лужа; чтобы предоставить мокротѣ какъ можно меньшую часть моего тѣла, я провелъ ночь въ сидячемъ положеніи, разумѣется, безъ сна.

Когда я на другое утро началъ собираться въ путь, проводники, къ великой радости моихъ людей, объявили, что они не пойдутъ дальше, такъ какъ ночью шелъ дождь, да и теперь еще по небу ходятъ облака. При завязавшихся по этому случаю переговорахъ, Муанзалини, служившій переводчикомъ, передалъ все невѣрно, съ ясною цѣлью разстроитъ насъ и тѣмъ совершенно воспрепятствовать моей экскурсіи. Въ заключеніе проводники потребовали, чтобы я подождалъ въ ихъ селеніи, пока переѣнится погода. Моего возраженія, что черезъ нѣсколько дней, когда мы достигнемъ границы снѣговъ, погода прояснится, они не послушали. Теперь мои средства убѣжденія истощились; я отказался отъ своего плана и воротился назадъ въ Килема, чтобы извѣстить Мамбо о неповиновеніи его людей.

Мы шли не болѣе 10 минутъ, какъ вдругъ проводники позвали меня назадъ и объявили, что они готовы исполнить свою обязанность; они должно быть боялись, что Мамбо, который черезъ ихъ неповиновеніе долженъ былъ бы лишиться обѣщаннаго подарка, строго накажетъ ихъ. Опять прошло два часа въ прощаньяхъ и въ доставкѣ съѣстныхъ припасовъ. Наконецъ около 10 часовъ мы отправились. Мы шли по отвратительной дорогѣ, то по круто поднимающейся скользкой глинистой почвѣ, въ которой оттиснены были исполинскіе слѣды слоновъ, то по щиколку въ водѣ, то по частому кустарнику, котораго мокрыя вѣтви хлестали насъ по лицу, то черезъ сваленныя деревья и отломленныя сучья. Растительность была богатая: громадныя деревья покрытыя густымъ мхомъ, увѣшанныя длинными лишаями и обвитыя ползучими растеніями; между ними злаки и прекрасныя цвѣты, исполинскіе папоротники и кусты альпійскихъ розъ, и все это еще было смочено ночнымъ дождемъ и блестяло при утреннемъ солнечномъ свѣтѣ, представляя какое-то волшебное зрѣлище. Облачный покровъ на минуту раскрылся, представляя намъ прекрасный видъ на Килему, озеро и горы Угоно; но вскорѣ туманъ сталъ дѣлаться все гуще и гуще и наконецъ снова пошелъ дождь. Проводники и носильщики громко жаловались на трудность пути. Уступая ихъ просьбамъ, я около двухъ часовъ велѣлъ сдѣлать привалъ. Торитонъ и я разбили маленькую палатку и помогли носильщикамъ въ постройкѣ хижины, между тѣмъ какъ проводники забились въ дуплистое дерево. Окончивъ постройку, мы провели около часа въ безуспѣшныхъ попыткахъ развести огонь: мы истратили большую коробку спичекъ и множество трута и пороха, прежде чѣмъ удалось зажечь пропитанное водою дерево и произвести нѣсколько, если не теплоты, такъ по крайней мѣрѣ дыма. Дождь, съ короткими перерывами, шелъ весь вечеръ и часть ночи; носильщики совсѣмъ упали духомъ и даже болтливый Гаммисъ сказалъ только. «Ни одинъ изъ насъ никогда не увидитъ снова Килемы!»

Непріятность нашего положенія и неизвѣстность на счетъ того, удастся ли нѣтъ наше предпріятіе, мѣшали намъ заснуть. Только послѣ долгихъ переговоровъ мы на слѣдующее утро тронулись въ путь. Вскорѣ послѣ того пошелъ такой дождь, что я долженъ былъ уступить общимъ просьбамъ и вернуться назадъ.

Мои спутники своими жалобами взаимно лишали другъ друга присутствія духа; чтобы тѣмъ шибудь занять ихъ и навести на иныя мысли, я велѣлъ строить новыя хижины. Мнѣ стоило не малаго труда удерживать ихъ за работою; каждую минуту они отлучались подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, забирались въ мое житье, усаживались около огня и пѣли мнѣ безконечныя жалобы на свои бѣдствія.

Такимъ образомъ день прошелъ весьма печально; ночь провелъ я нѣсколько поудобнѣе: два огня, одинъ въ головахъ, другой въ ногахъ, порядочно согрѣвали меня, а растянутое надо мною резиновое одѣяло защищало меня отъ протекающей влаги. На утро дождь продолжался. Но, не смотря на это, я намѣревался итти дальше и позвалъ проводниковъ. Они не откликнулись. При дальнѣйшемъ осмотрѣ я нашелъ ихъ лагерь, дуплистое дерево, пустымъ, огонь погасшимъ и золу уже остывшею: они должно быть удалились еще при наступленіи ночи. Носильщики, по видимому, нисколько не были удивлены этимъ, и конечно дѣйствовали съ ними за одно. Что же было мнѣ дѣлать? Итти далѣе безъ проводниковъ по неизвѣстнымъ дорогамъ было бы безразсудно. Кромѣ того, носильщики конечно отказались бы повиноваться мнѣ, а я долженъ былъ остерегаться требовать того, чего не могъ бы привести въ исполненіе. Поэтому я рѣшился, какъ это для меня ни было тяжело, вернуться назадъ.

Если дорога въ гору была дурна, то дорога съ горы послѣ 48 часового дождя была непроходима. Всѣ прежніе слѣды были смыты, мы вскорѣ сбились въ направленіи и попали на опасное мѣсто, между искусно прикрытыми ямами для ловли звѣрей. Сырая глина была такъ скользка, что стоило большаго труда устоять прямо на ногахъ; это удалось только одному мнѣ: Торнтонъ упалъ три раза, не причинивъ себѣ впрочемъ вреда, и всѣ носильщики также близко познакомились съ матушкой землей. Не смотря на то, мы собрали множество цвѣтовъ и папоротниковъ, но они, къ сожалѣнію, впоследствии погибли вслѣдствіе небрежности носильщика.

Промокнувъ до кожи и покрытые до колѣнъ красною грязью, мы около 12 часовъ пришли къ первымъ плантаціямъ. Носильщики потребовали отдыха, но я прогналъ ихъ дальше, опасаясь для нихъ дурныхъ послѣдствій. Но отойдя нѣсколько отъ лагеря, мы должны были все таки остановиться на короткое время: люди буквально падали отъ изнуренія. Около 2½ часовъ мы достигли палатокъ.

Меня ожидали непріятныя извѣстія. Вспыльчивый Коралли увлекся, хотя я раньше и предостерегалъ его отъ этаго. Онъ сперва побилъ человѣка, отуманеннаго выпитымъ имъ тембо, за то, что тотъ назвалъ его дуракомъ (Mdjinga), а потомъ, когда разгорячившіеся Ваджагга снова немного успокоились, завелъ ссору съ главною женою султана. Онъ разругалъ эту женщину, которая не разъ задерживала торговлю масломъ и тѣмъ выводила его изъ терпѣнія, и выгналъ ее изъ лагеря, и, хотя не трогалъ ее, но, что еще хуже, обругалъ и пригрозилъ ей. Я самъ часто билъ туземцевъ, вырывалъ и бросалъ на землю товаръ у женщинъ, назойливо входившихъ въ мою палатку, и, не смотря на мое приглашеніе, не выходившихъ изъ нея, я славно отдѣлалъ кулаками, во время поѣздки въ Килоа, кормчаго моего судна, но не навлекалъ на себя этимъ непріятностей, потому что

я послѣ посмѣивался надъ обиженнымъ и охочая до такихъ исторій толпа становилась на мою сторону. Но если бы я бѣсился и выходилъ изъ себя, какъ дѣлалъ это въ подобныхъ случаяхъ Коралли, то возстановилъ бы противъ себя и незаинтересованныхъ въ дѣлѣ людей и часто ставилъ бы себя въ затруднительное положеніе.

Произшествіе съ женою Мамбо произвело сильное волненіе. Женщина прикинулась больною вслѣдствіе полученныхъ ею будто бы побоевъ; султанъ, чтобы извлечь изъ этого выгоду, потребовалъ вознагражденія за увѣче, а когда мы отказали ему въ этомъ, загородилъ лагерь и запретилъ продажу съѣстныхъ припасовъ. Хотя я былъ утомленъ и боленъ какъ вслѣдствіе сильныхъ напряженій и скудной пищи, такъ и вслѣдствіе огорченія по поводу несбывшихся надеждъ и образа дѣйствій Коралли, но все таки немедленно принялъ необходимыя мѣры для возстановленія порядка. Я просилъ переговорить съ султаномъ, но онъ отказалъ въ этомъ, потому будто бы, что его бѣдная обиженная жена больна и что онъ самъ не чувствуетъ себя безопаснымъ послѣ того, какъ стали нападать даже на женщинъ. «Я надѣюсь,» велѣлъ онъ сказать намъ, «что чужестранцы дадутъ вознагражденіе моей женѣ и обычный прощальный подарокъ, и потомъ въ скорѣйшемъ времени удалятся изъ страны».

Цѣлый день продолжались переговоры, не приводя насъ къ удовлетворительному результату; напротивъ, туземцы не довольствовались уже тѣмъ, что не допускали къ намъ съѣстныхъ припасовъ, но отрѣзали намъ и сообщеніе съ водою. Но то и другое въ сущности было для меня неважно, такъ какъ у меня было еще на цѣлую недѣлю бобовъ и банановъ, а счастливый выстрѣлъ Коралли доставилъ намъ мясо молодого носорога; свѣжіе же съѣстные припасы для нашего стола я получалъ контрабандою черезъ посылаемаго нѣкоторыми женщинами мальчика, а необходимую воду доставалъ самъ съ 20 носильщиками изъ рѣки, находившейся на четверть часа хода отъ лагера,

Въ 11 часовъ утра 13 августа снова явился султанъ. Сначала онъ не хотѣлъ войти въ палатку, но потомъ согласился, увидавъ, что я не рѣшусь на переговоры на открытомъ мѣстѣ. Мою довольно строгую рѣчь и упреки онъ выслушалъ молча и робко; онъ былъ въ хорошемъ настроеніи духа и выказывалъ готовность на возстановленіе хорошихъ отношеній, но трусливый Факи испортилъ опять все дѣло своею чрезмѣрною вѣжливостью и угодничаньемъ. Наконецъ я былъ вынужденъ обѣщать въ вознагражденіе больной женѣ султана шесть платковъ, четыре доти американо, два браслета и нѣсколько нитокъ бусъ. Когда же Мамбо и этимъ остался недоволенъ, то я серьезно выставилъ ему на видъ опасность, которую повлечетъ за собою для него и его страны разрывъ со мною; только тогда онъ обѣщалъ снова открыть рынокъ и наказать убѣжавшихъ проводниковъ, послѣ чего я вручилъ ему его подарокъ. Послѣ этого я показалъ ему съѣстные припасы, которые я купилъ у моихъ пріятельницъ не смотря на его запрещеніе: онъ взбѣсился и потребовалъ, чтобы я назвалъ ему этихъ людей, оказавшихся виновными въ непослушаніи; но я, разумѣется, отказалъ ему въ этомъ.

Дѣло однако еще не было покончено. Вечеромъ, лишь только мы легли отдохнуть, послышался отдаленный шумъ и крикъ. Мы вскочили съ постели и ясно разслыхали крикъ: «Ванга, Ванга!» (война, война!) и воинское пѣніе. Крикъ все болѣе и болѣе приближался. Носильщики съ испугомъ жались около насъ европейцевъ. Я роздалъ порохъ и пули и послалъ трехъ каравановожатыхъ съ 12 вооруженными людьми въ жилище Мамбо, чтобы узнать, затѣваютъ ли Ваджагга что нибудь противъ насъ, или же ихъ встревожило вторженіе враждебнаго племени; имъ было приказано расположиться тамъ, и въ первомъ случаѣ захватить, если можно, особу султана. Вскорѣ послѣ того началась сильная пальба изъ ружей; это, безъ сомнѣнія, была стычка. Мы приготовились ко всему. Я направилъ ко входу въ лагерь двѣ ракеты, зарядилъ дробью слоновья ружья, далъ купленные копья и мечи тѣмъ изъ носильщиковъ, у которыхъ не было ружей, отдалъ слугамъ приказаніе стоять около меня, и, въ случаѣ сраженія, заряжать для насъ ружья, а самимъ ни въ какомъ случаѣ не стрѣлять, закурилъ сигару, чтобы скорѣе поджечь ракеты, и велѣлъ, чтобы не быть захваченнымъ въ располхъ на случай пораженія, держать наготовѣ нѣсколько американо и бусъ, съѣстные припасы на два дня, китому съ водою, трутъ и огниво.

Крики и стрѣльба продолжались около 20 минутъ. Спокойно обдумавъ дѣло, я понялъ, что Вакилема не замышляютъ нападенія на насъ, иначе они не стали бы заранѣе извѣщать насъ объ этомъ своимъ шумомъ. Когда шумъ черезъ нѣсколько времени приблизился къ намъ, то оказалось, что это возвращались мои люди. Они рассказали, что хищное животное растерзало двухъ козъ и напало на корову, что одна старая женщина увидала это и въ испугѣ издала воинскій крикъ; никто не зналъ откуда грозитъ опасность, но всѣ, для большей безопасности, послѣдовали ея примѣру, и такимъ образомъ произошелъ шумъ. Стрѣльбу же производили носильщики, которыхъ Ваджагга просили погромче стрѣлять, чтобы врагъ, кто бы онъ ни былъ, видѣлъ, что у нихъ есть наготовѣ ружья.

Теперь и оставшіеся въ лагерь носильщики, которые прежде спрятались въ хижины и кусты и дрожали, какъ бабы, снова начали показывать храбрость, рассказывали о совершенныхъ ими подвигахъ, затѣяли воинскій танецъ и шумѣли больше, чѣмъ всѣ Вакилема вмѣстѣ. Наконецъ они успокоились и мы снова могли заснуть.

Такъ какъ на другое утро погода была снова пасмурна, такъ что мы не могли предпринять экскурсіи, то я рѣшился итти по слѣдамъ хищнаго животнаго, которое вчера произвело волненіе. Я пригласилъ одного изъ двухъ лагерныхъ солдатъ отвести меня на то мѣсто, гдѣ были растерзаны козы. Онъ отказывался отъ этого подъ всевозможными предлогами, такъ что я наконецъ пришелъ къ тому убѣжденію, что рассказъ о хищномъ животномъ есть ничто иное какъ уловка, рассчитанная на то, чтобы узнать, какъ мы поступимъ и не пошлемъ ли мы султану, какъ предлагалъ Факи, большой подарокъ. Мы, можно сказать, хорошо выдержали испытаніе и конечно не подали Ваджагга повода ко второй попыткѣ въ этомъ родѣ.

Прошло нѣсколько дней, а Мамбо не показывался въ лагерь. Въ извиненіе

онъ велѣлъ мнѣ сказать, что онъ, по случаю смерти одной изъ своихъ женъ, долженъ три дня быть въ траурѣ, потомъ обстричь себѣ бороду и волосы на головѣ, и только послѣ всего этого можетъ показаться къ намъ; онъ велѣлъ просить меня пробывать еще 10 дней въ Килема и обѣщаль до этого времени снова доставить проводниковъ для восхожденія на гору. Наскучивъ долгимъ ожиданіемъ, я приказаль приготовить къ отправленію на завтрашній же день. «Девятнадцать дней, сказалъ я посламъ, «пробылъ я въ Килема, и во все это время не видѣлъ отъ Мамбо ничего пріятнаго, а былъ напротивъ обманываемъ и задерживаемъ, и за свои значительные подарки получилъ только неблагодарность; послѣ его прежняго образа дѣйствій я не могу ожидать, чтобы онъ теперь дѣйствительно имѣлъ серьезное намѣреніе отвести меня на гору. Но если онъ хочетъ явиться завтра утромъ, то я передамъ ему обычный прощальный подарокъ, а иначе уйду и безъ него».

Мое рѣшеніе попытать счастья въ другомъ мѣстѣ было еще болѣе подкрѣплено слѣдующимъ случаемъ. *Симба*, десятилѣтній братъ султана, имтавшій ко мнѣ дѣтскую привязанность (хотя я и не дарилъ ему ничего), извѣстившись о моемъ отправленіи, пришелъ ко мнѣ и сказалъ: » Иди; иди, это хорошо; люди говорятъ много, и ты никогда не дойдешь до снѣга. «Дѣти и дураки говорятъ истину, и я принялъ къ сердцу слова ребенка, велѣлъ приготовить мзго и снять съ палатки мой маленькій флагъ».

Послѣдній поступокъ въ Джагга, точно такъ же какъ и въ цивилизованномъ мѣстѣ, означаетъ прекращеніе дружественныхъ отношеній, и извѣстіе объ этомъ быстро распространилось; многочисленные послы султана, въ томъ числѣ и самъ Регани, явились съ пучками травы въ рукахъ, какъ знаками дружбы, и умоляли меня остаться, потому что «Мамбо любитъ меня какъ своего брата и его слова впредь будутъ сладки какъ медъ». Я, не смотря на это, спокойно продолжалъ свои приготовленія къ отправленію.

Вечеромъ Мамбо пришелъ самъ и со всею силою своего краснорѣчія просилъ, чтобы я остался еще на два мѣсяца, чтобы выждать лучшей погоды, что мнѣ ни въ чемъ не будетъ недостатка и за самое небольшое вознагражденіе ежедневно будутъ снабжать меня пищею. Я отвѣтилъ ему, что бѣлые не привыкли говорить двумя языками. Когда же онъ на это съ насмѣшкою спросилъ, пойду ли я въ Маджаме и какою дорогою, то я сказалъ ему, что я пойду куда мнѣ угодно, и что каждое препятствіе я буду въ случаѣ нужды устранять силою. Тогда онъ робко высказаль опасеніе, что я въ своемъ гнѣвѣ можетъ быть отправлюсь даже ночью, тогда какъ онъ на другое утро приведетъ мнѣ на прощанье корову и заключить съ нами братство на крови. Но такъ какъ мнѣ этотъ неопрятный обычай надоѣлъ еще въ Дафетѣ, то я отказался отъ него, но предложилъ вмѣсто себя Ассани, только съ условіемъ, чтобы отъ этого не произошло замедленія.

17 августа. Ночь прошла тревожно. Нѣсколько Ваджагга ходили вокругъ лагеря, вѣроятно съ цѣлью наблюдать за нами; не мелодическій вой и лай гены также часто прерывали нашъ сонъ.

Рано утромъ пришелъ Мамбо съ своею корою. Онъ какъ будто преобразился, предложилъ на слѣдующее утро самъ проводить меня на гору съ 20 человѣками конвоя, и когда я отказался отъ этого, спросилъ, что же долженъ онъ дѣлать, чтобы побудить бѣлыхъ остаться здѣсь? На этотъ разъ, сказалъ я, «все будетъ напрасно; но я удаляюсь не какъ врагъ, а хочу еще разъ посѣтить Килема, надѣясь, что ты можешь быть исправившись и не будешь пытаться играть съ бѣлымъ человѣкомъ какъ съ ребенкомъ». Когда я вручилъ ему обѣщанный подарокъ (8 доти американо, 24 носовыхъ платка, 4 браслета и 4—5 фунтовъ бусъ), то онъ, къ моему удивленію, не сталъ требовать ничего больше.

Насъ долго задержали рѣзанье коровы и заключеніе братства между Ассани и Регани. Носильщики очень желали еще отложить наше отправленіе, и только моя палка, которою я опрокинулъ ихъ горшки съ кушаньемъ, привела все въ порядокъ.

Около 9 часовъ мы тронулись въ путь. Коралли шелъ впередъ, а я съ Торнтономъ остался назади, чтобы присмотрѣть за оставшимися лицами. При разставаніи Мамбо освѣдомился, когда мы опять возвратимся сюда, но я не обѣщаль ему ничего положительнаго, не желая показаться въ его глазахъ лжецомъ, если что нибудь помѣшаетъ мнѣ въ моихъ планахъ, и сказалъ ему, что все это еще сомнительно, такъ какъ я не вѣрю въ его исправленіе. Тогда онъ торжественно обѣщаль, что онъ желаетъ вести себя какъ нельзя лучше, и со слезами просилъ, чтобы мы поскорѣе возвратились и не сердились на него.

ОТДѢЛЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

Страна Маджаме.

Политическія дѣла.—Нѣчто о прежнихъ временахъ.—Ребманъ въ Маджаме.—Пріятности пути черезъ равнину.—Черные муравьи.—Ловушки для звѣрей.—Болото и кустарникъ.—Перечень провинностей Факи.—Три тайныхъ совѣтника изъ Маджаме.—Объясненія.—Королевская фамилія.—Буря и солнечное сіяніе.—Килиманджаро съ югозапада.—Чудесная сила ракетъ.—Пустыя обѣщанія.—Уходъ и возвращеніе.—Угрозы.—Походъ къ могильнымъ холмамъ султановъ.—Запрещенное посѣщеніе рынка женщинъ.—Тяжелое испытаніе терпѣнія.—Спасительное рѣшеніе.—Ночное отправленіе въ путь.

Маджаме, самое значительное и самое западное изъ 14 или 15 маленькихъ королевствъ, лежащихъ по южному склону Килиманджаро, идетъ, подобно другимъ Джаггайскимъ странамъ, къ сѣверу въ покрытыя лѣсомъ необитаемыя области горы, а къ югу — въ равнину, никому не принадлежащую и небезопасную; на востокъ оно граничитъ рѣкою Веривери.

Властители Маджаме имѣютъ обширное вліяніе: даже тѣ государства, которыя прямо не подчинены имъ, опасаются ихъ могущества и рѣдко осмѣливаются что-либо предпринимать противъ ихъ воли; только *Ламбунгу* и *Килема* въ послѣднее время удалось упрочить свою самостоятельность. *Маджаме*, по словамъ Ваджагга, составляетъ теперь союзъ государствъ съ маленькими областями *Кинди*, *Нарума* и *Шира*; второй такой союзъ составляетъ *Ламбунгу* съ *Муика*, а третій — *Килема* съ *Мзаи*, *Мамба*, *Ромбо*, *Марена*, *Са* и *Уру*. Къ послѣднему союзу примыкаютъ также *Моши* и *Кируа*, не признающія впрочемъ верховенства *Килемы*.

Суахелійскіе караваны искони ходили въ Маджаме, такъ какъ они находили тамъ хорошій приемъ и защиту противъ другихъ султановъ. Это вызвало зависть во всѣхъ государствахъ, особенно въ *Ламбунгу*. *Каменю*, старшій повелитель этой сосѣдней страны, сильно вознегодовалъ на то, что Маджаме одно пользуется выгодами этихъ сношеній, и, чтобы вознаградить себя, однажды напалъ на состоящій изъ 200 человекъ караванъ изъ *Момбаса*, совершенно истребилъ его и завладѣлъ его товарами.

Въ то время въ Маджаме владычествовалъ *Руиуа*, дѣдъ теперешняго султана. Узнавъ о происшедшемъ, онъ послалъ небольшое войско подъ предводительствомъ своего храбраго сына *Мамкино* съ приказаніемъ отмстить за его друзей:

Каменго былъ разбитъ и Ламбунгу страшно опустошено. Просившій помилованія Манги хотя и былъ оставленъ въ живыхъ, но былъ изгнанъ съ остатками своего народа въ верхнія части страны, а въ нижней, болѣе богатой, половинѣ хижины были разрушены и новыя поселенія строго запрещены. И теперь еще растутъ тамъ роскошныя банановыя лѣса, но плоды ихъ гниютъ, потому что никто не рветъ ихъ.

Во время второго своего путешествія въ Джаггу, *Ребманъ*, лишившійся въ *Килема* всѣхъ почти своихъ пожитковъ вслѣдствіе попрошайничанья и требованій тамошняго султана Мзаки, былъ и въ *Маджаме*; онъ хотѣлъ попытаться, нельзя ли будетъ ему, при будущемъ его путешествіи, найти здѣсь лучшую поддержку для своихъ плановъ относительно изслѣдованія далекаго запада. *Мамкина* принялъ ограбленнаго съ лживою дружелюбностью, сказалъ ему, что онъ желаетъ имѣть у себя его особу, а не его товары, и предложилъ свое содѣйствіе предполагаемому его путешествію къ большому внутреннему озеру. Когда же потомъ Ребманъ, снабженный отъ своихъ довѣрителей новыми средствами, во второй разъ прибылъ въ Маджаме во время третьяго своего путешествія въ Джаггу, то исполненіе даннаго ему обѣщанія было отложено до предбудущаго случая. Тутъ-то вполнѣ выказался характеръ Мамкина: онъ ограбилъ обманутаго самымъ безсовѣстнымъ образомъ, какъ бы для того, чтобы вознаградить себя за первое его пребываніе, принесшее ему такъ мало выгоды. Мирный миссіонеръ долженъ былъ переносить все и спасъ только такое количество товаровъ, которое бы дало ему возможность возвратиться на берегъ. Онъ со слезами на глазахъ вспоминалъ каждый разъ, для какой цѣли даны были ему изъ Европы товары, которые теперь попали въ руки хищниковъ.

Неудивительно поэтому, что жители Маджаме составили себѣ странное понятіе о мзунгу. Когда Декенъ пришелъ въ эту страну, то они рассчитывали поступать съ нимъ такъ же, какъ съ беззащитнымъ вѣстникомъ мира; но, къ пользѣ позднѣйшихъ путешественниковъ, они ошиблись въ своемъ расчетѣ.

Выйдя изъ Килемы, (разсказываетъ далѣе Декенъ), мы шли сначала по направленію къ юговостоку, къ Дафетъ, но потомъ повертели на дорогу, идущую къ югозападу, чтобы по подошвѣ Килиманджаро добраться до Маджаме. Дорога, по которой обыкновенно ходятъ Ваджагга, идетъ выше воздѣланной страны,—между нею и вершиною горы, а потому довольно опасна, по крайней мѣрѣ для чужеземца, потому что здѣсь часто ходятъ шайки солдатъ, на которыхъ никогда нельзя полагаться. Но и дорога черезъ равнину представляетъ также значительныя неприятели и опасности, какъ мы скоро увидимъ,

Вскорѣ послѣ полудня мы пришли къ рѣкѣ Килема. Ея берега чрезвычайно круты и столь густо поросли тростникомъ и кустарникомъ, что мы едва могли найти тропинку, ведущую внизъ къ рѣкѣ. Перейдя эту рѣку, имѣющую 20—25 футовъ въ ширину, мы расположились лагеремъ на другомъ ея берегу.

Подкрѣпившись пищею, я отправился съ нѣсколькими людьми для развѣданія тропинки, по которой намъ предстояло итти на слѣдующее утро. При этомъ надо было соблюдать на каждомъ шагу крайнюю осторожность, потому что эта мѣстность пересѣчена безчисленными ямами, вырытыми для ловли звѣрей. Удадавъ съ высоты небольшого холма ведущую на западъ тропинку, мы возвратились назадъ.

18 августа. Миѣ выпала непріятная обязанность прокладывать дорогу черезъ высокую траву, смоченную шедшимъ ночью дождемъ. Найденную вчера тропинку скоро пришлось оставить, такъ какъ она вела слишкомъ далеко къ сѣверу. Черезъ часъ я нашелъ другую, идущую въ благопріятномъ для насъ направленіи: она, какъ и всѣ тропинки въ пустынѣ, была проложена носорогами и слонами и потому не особенно ровна. Перейдя черезъ небольшую рѣку и нѣсколько дождевыхъ водоемовъ, мы около полудня пришли къ ручью, мутная красная вода котораго ясно показывала его происхожденіе изъ Джагайскихъ горъ; мы расположились здѣсь лагеремъ, не зная, найдемъ ли потомъ еще воду, и, по причинѣ непостоянной погоды, раскинули палатки. Мы спокойно спали до полуночи, но тутъ я былъ непріятно пробужденъ стадомъ черныхъ муравьевъ, направлявшихъ свой путь прямо черезъ мое лицо. Я очистилъ мѣсто этимъ злымъ врагамъ, выбѣжалъ изъ палатки и провелъ остальную часть ночи въ вытаскиваніи маленькихъ чудовищъ, забравшихся въ мою одежду. Торнтонъ, котораго до сихъ поръ они еще не тронули, не захотѣлъ послѣдовать моему совѣту и примѣру, но долженъ былъ жестоко поплатиться за это: кусающіяся животныя скоро добрались и до его постели и принялись немилосердно жалить его. Какъ бѣшеный выскочилъ онъ изъ палатки, и началъ прыгать на одной ногѣ и комически жаловаться на свое страданіе, что очень потѣшало меня.

Самые маленькіе враги путешественника суть по истинѣ самые злые: львы и пантеры боятся человѣка, или, по крайней мѣрѣ, не нападаютъ на него, имѣя возможность утолять свой голодъ многочисленными стадами дикихъ животныхъ; слоны, носороги и бегемоты не представляютъ ничего ужаснаго для того, кто знаетъ ихъ; другихъ назойливыхъ животныхъ можно такъ или иначе отогнать; но кто можетъ защититься отъ муравьевъ, пчелъ или комаровъ? Если стадо муравьевъ направляется черезъ постель, то царь творенія принужденъ бѣжать и искать себѣ другаго мѣста, или же, если онъ во время замѣтитъ грозящую опасность, посыпать землю вокругъ горящими угольями и горячею золою, чтобы истребить уже находящихся тутъ животныхъ и не допустить новоприбывшихъ. Горе тому, кто, ничего не подозрѣвая, расположитъ свою постель на пути ночнаго похода муравьевъ: черные, жесткотѣлые враги въ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ дюйма длиною покроютъ все его тѣло, заползутъ въ одежду и волосы, въ носъ и уши, и, если онъ нечаянно повернется на бокъ и раздавитъ при этомъ нѣсколько безвредныхъ еще животныхъ, то они съ яростью нападутъ на него и начнутъ кусать разомъ въ тысячѣ мѣстахъ. Спящій съ ужасомъ пробуждается, ошупываетъ себя тутъ и тамъ, и всюду чувствуетъ на кожѣ жесткія, гладкія точки, но тотчасъ же по прикосновеніи къ одной изъ этихъ точекъ вонзается въ его тѣло

пара клещей, которыя раздвигаются шире объема всего тѣла животнаго и съ невѣроятною силою сжимаются и крѣпко держатъ схваченную частичку мяса. Тутъ помогаетъ только терпѣніе: ободлившихся тварей должно твердою рукою отнимать одну за другою, не раздражая порывистыми движеніями другихъ, которыя пока еще смирно ползаютъ по тѣлу.

19 августа. Въ шесть часовъ утра мы отправились далѣе. На этотъ разъ я шелъ сзади, предоставивъ другимъ прокладывать дорогу и снимать съ травы росу. Также, какъ и вчера, мы шли по открытой мѣстности, поросшей высокою густою травою, сначала по тропинкѣ, а потомъ — безъ всякаго слѣда дороги. Далѣе кустарники и лѣсъ сдѣлались столь часты, что мы должны были съ трудомъ прокладывать черезъ нихъ дорогу съ помощью охотничьихъ ножей и топоровъ. Наконецъ мы попали въ высокій тростникъ, въ болотистыя мѣста и большія лужи, точно такъ же, какъ около озера Джипе. Итти еще впередъ было бы безразсудно, и потому я влѣзъ на высокое дерево, чтобы осмотрѣть направление, по которому бы всего скорѣе можно было выйти изъ болота. Но увидѣнное мною зрѣлище было неутѣшительно: всюду тростникъ, лѣсъ или высокіе кусты. Мы рѣшились вернуться нѣсколько назадъ, а потомъ итти на сѣверъ къ горѣ, гдѣ очевидно болото должно было скоро кончиться. Черезъ нѣсколько времени мы снова нашли дорогу, но потомъ опять оставили ее, такъ какъ она вела къ пограничнымъ валамъ страны Моши, а я вовсе не хотѣлъ представить случай къ облегченію моихъ изиго владѣтелю этой страны, о безсовѣстности котораго я слышалъ еще въ Килемѣ.

Поэтому мы опять повертели на западъ. Дорогою мы встрѣтили нѣсколькихъ Ваджагга, вооруженныхъ маленькими топорами, копьями, щитами, луками и стрѣлами; это были охотники на звѣрей или собиратели меда, судя по снарядамъ, которые они несли, и которые состояли изъ длинной, крѣпкой веревки и свитаго изъ веревокъ кольца, употребляемаго обыкновенно при вѣшаньѣ ульевъ. Увидавъ насъ, эти люди старались скрыться въ кустахъ, но ихъ поймали и привели къ намъ. Однакоже мы могли добиться отъ нихъ только того заявленія, что, если мы проводимъ ихъ до ихъ жилищъ, то ихъ Манни конечно дастъ намъ проводниковъ.

Такъ какъ мы не захотѣли рѣшиться на это, то и пошли снова блуждать по травѣ и чащѣ кустарниковъ. Вдругъ я почувствовалъ, что земля подо мною опускается: я упалъ въ яму глубиною отъ 15 до 18 футовъ, но, къ счастью, не наткнулся на длинный, острый колы, поставленный по срединѣ ямы для пронзанія попадающей въ нее дичи. Стѣнки ямы были такъ круты и гладки, что меня вытащили только при помощи веревки. Такія ямы — ловушки весьма искусно устроиваются на узкихъ тропинкахъ и такъ искусно прикрываются, что иногда сами же устроившіе ихъ попадаютъ туда; вверху они обыкновенно имѣютъ въ ширину 5 футовъ, а къ низу суживаются.

Вскорѣ послѣ того, какъ я познакомился съ такою ямою, въ другую яму провалился вмѣстѣ съ своимъ изиго одинъ изъ оставшихъ носильщиковъ. Я позвалъ его, и, такъ какъ онъ не откликнулся, воротился, чтобы посмотрѣть,

Не случилось ли съ нимъ несчастія, но при этомъ самъ упалъ въ другую яму, которая была соединена съ первою посредствомъ выемки въ пять футовъ глубины. Я опять счастливо всталъ на ноги и спасся отъ убійственнаго кола, полатившись за свою неосторожность только синяками и ссадинами, потому что скатившаяся вмѣстѣ со мною трава и хворостъ ослабили силу паденія. Мой товарищъ по нечастію пострадалъ больше; онъ несъ письменныя принадлежности и большую китому съ медомъ; эта китома при паденіи разбилась и облила его съ ногъ до головы клейкимъ сокомъ.

Еще не оправившись отъ паденія пришелъ я съ своими людьми около полудня къ рѣкѣ, шириною въ 30 футовъ, а глубиною по колѣна, красная вода которой текла очень быстро; перейдя черезъ нее, мы расположились въ высокомъ лѣсу. Чтобы на другой день не попасть на столь же плохую дорогу, я немедленно послалъ нѣсколькихъ людей на рекогносцировку. Черезъ часъ они возвратились и рассказали, что всюду встрѣтили частый лѣсъ безъ тропинокъ, но въ подробностяхъ разказа такъ сильно противорѣчили другъ другу, что я невольно подумалъ, что они не исполнили своего порученія и спокойно пролежали гдѣнибудь на травѣ.

На слѣдующее утро я съ Боралли, Факи, Гаммисомъ и двумя носильщиками вышелъ четвертью часа раньше другихъ, чтобы прочистить дорогу сквозь чащу ножами, топорами и мечами. Черезъ часъ такой трудной работы мы вышли на болѣе открытую мѣстность, и пошли по направленію къ сѣверо-западу, по нашему мнѣнію, прямо къ Маджаме. Черезъ два часа мы наткнулись на новое препятствіе, значительную рѣку, текущую въ ущельѣ глубиною въ 80 футовъ. После долгихъ поисковъ мы нашли наконецъ спускъ къ ней. На обоихъ ея берегахъ мы укрѣпили веревку, чтобы дать нѣкоторую точку опоры носильщикамъ при переходѣ черезъ быстро-текущую рѣку. Только черезъ полтора часа мы пошли далѣе. Такъ шли мы цѣлый день. Наконецъ мы нашли узкую тропинку въ высокой 14 футовой травѣ и тростникѣ, такъ что не могли свернуть ни въ право, ни въ лѣво, хотя направленіе тропинки было для насъ неблагопріятно. Тогда мы снова пустили въ ходъ топоры и ножи и опять выбрались на просторъ.

Здѣсь какой-то человѣкъ пасъ свое стадо. Онъ сказалъ намъ, что онъ изъ *Кинди*, области, зависящей отъ Маджаме, и увѣрялъ, что его султанъ *Мчау* непременно дастъ намъ проводниковъ, если только мы отправимся въ ближайшее его селеніе. Мы пошли за нимъ черезъ ручьи и водопроводы и черезъ нѣсколько времени вышли на открытое мѣсто. На сдѣланные нами выстрѣлы вскорѣ собралось около насъ до 100 туземцевъ, мужчинъ и женщинъ. Всѣ они были хорошо одѣты въ бумажныя ткани, но по строенію лица и цвѣту лица непохожи на Вакилема, потому что у тѣхъ не такъ рѣзко проглядываетъ негрятянской типъ. Черезъ нѣсколько времени султанъ прислалъ проводниковъ, но лично не показался, вѣроятно потому, что боялся своего верховнаго владыки, султана Маджаме, такъ какъ иначе онъ вѣроятно не упустилъ бы столь удобнаго случая вытербить у насъ подарокъ.

Подъ руководствомъ Вакинди мы, перейдя еще одну рѣку, вышли на

открытое мѣсто за хорошо воздѣланными полями, гдѣ и расположились на ночь. Тутъ намъ представился прекрасный видъ: на далекомъ западѣ наше вниманіе обратила на себя высокая гора Меру, — круто поднимающійся изъ равнины двувѣрхій конусъ; впереди насъ блистала при послѣднихъ лучахъ солнца покрытый снѣгомъ куполъ Килиманджаро, а за нимъ проглядывала также покрытый снѣгомъ пикъ почти такой же вышины, и все это внизу обрамлялось болѣе низко цѣлью горъ, перерѣзываемою двумя крутыми ущельями. Снѣгъ на главной вершинѣ спускался здѣсь гораздо ниже, чѣмъ какъ видѣли изъ Килемы, очевидно потому, что тамъ преобладающій восточный вѣтеръ отодвигаетъ далѣе къ верху линію снѣговъ своимъ согрѣвающимъ вліяніемъ.

Ночь была прекрасная, но довольно свѣжая; намъ всемъ казалось, что съ горы дуетъ холодный вѣтеръ. Носильщики на другое утро жаловались, что не могли спать отъ холода, но я не сочувствовалъ имъ, такъ какъ еще вечеромъ уговаривалъ ихъ патаскать больше дровъ. Глупѣе всѣхъ велъ себя опять таки *Факи*: онъ жаловался на то, что мерзъ цѣлую ночь, тогда какъ я грѣлся подъ одеялами! Этотъ такъ называемый каравановожатый по истинѣ самый безсовѣстный, глупѣйшій и злѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ негровъ; онъ ничѣмъ не доволенъ, лѣнивъ до того, что я каждое утро долженъ самъ будить его, большой попрошайка, не умѣетъ внушить носильщикамъ уваженія къ себѣ, не знаетъ дорогъ, плохо говорить по Джагайски, безсовѣстнѣйшимъ образомъ лжетъ и довольно ловко воруетъ. При слѣдующемъ путешествіи я не взялъ бы его даже и въ носильщики, хотя онъ парень рослый и здоровый.

Вскорѣ по отправленіи въ путь мы достигли высокаго берега *рѣки Веривери*, восточной границы Маджаме, и здѣсь остановились, потому что люди мои увѣряли, что безъ позволенія султана нельзя итти далѣе. Я послалъ проводниковъ извѣстить о моемъ приходѣ. Они воротились около осьми часовъ съ однимъ изъ вельможъ государства, по имени *Кивои*, которому, какъ они сказали, поручено всегда принимать чужестранцевъ. Это былъ высокій, крѣпкаго сложенія человекъ съ неприятными чертами лица и съ постоянною насмѣшливою или презрительною улыбкою на губахъ. Онъ прежде всего потребовалъ подарка и сильно разсердился, когда я сказалъ ему, что я при такихъ обстоятельствахъ самъ доложу о себѣ султану, или же, если мое посѣщеніе будетъ неприятно, пойду къ другому султану. Только когда я серьезно повторилъ свою угрозу и приказалъ сдѣлать привѣтственные выстрѣлы, онъ уступилъ и двинулся въ путь. Послѣ полудня онъ явился, въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ, съ привѣтствіемъ отъ султана и съ извѣщеніемъ, «что по совершеніи кипонго ничто болѣе не будетъ препятствовать нашему движенію впередъ». Долго искали годную для церемоніи козу, и самая церемонія долго задержала насъ. Потомъ мы перешли чрезъ рѣку, текущую черезъ громадныя скалы въ ущельѣ, покрытомъ роскошною зеленью. Прийдя на другой берегъ, мы должны были взбираться вверхъ на 150 футовъ, потомъ пошли по хорошей тропинкѣ въ сѣверозападномъ направленіи и, пролѣзши черезъ изгородь и перейдя два широкіе рва, вступили въ прекрасно воздѣланную зеленѣющую страну, въ область *Маджаме*. По полямъ и банановымъ роши-

цамъ, черезъ нѣсколько ручьевъ и небольшихъ рѣкъ мы шли дальше и наконецъ достигли мѣста стоянки каравановъ, высоко лежащей зеленой равнины съ прекраснымъ видомъ на Килиманджаро.

Вскорѣ пришелъ волшебникъ *Назири* и весьма любезно привѣтствовалъ всѣхъ насъ. Назири родомъ изъ Паигани и называется собственно *Муніе Везири*. Прийдя сюда въ качествѣ караваповожатаго, онъ бѣжалъ, сумѣлъ снискать расположеніе султана *Мамкина*, выдавъ себя за большаго чародѣя, и приобрѣлъ значительное вліяніе; но при теперешнемъ султанѣ онъ лишился большей части этого вліянія и теперь поддерживаетъ свое положеніе только тѣмъ, что служить переводчикомъ при сношеніяхъ съ караванами.

Къ *Кивои* и *Назири* присоединился еще третій, *Килево*, маленькій, добродушный съ виду человекъ, лучший изъ всѣхъ нихъ, какъ оказалось послѣ. Это не тотъ Килево, о которомъ упоминаетъ Ребманъ. Тотъ поссорился съ преемникомъ Макинга и вслѣдствіе этого переселился въ Килему. Въ то время какъ мы разбивали палатки, Кивои и Килево принесли, по порученію султана, банановъ, а Назири — дровъ. Все это было хорошо, но я по опыту зналъ, что за такими любезностями всегда слѣдуютъ безсовѣстные требованія.

Мое предположеніе оправдалось раньше, чѣмъ я ожидалъ. Уже на солнечномъ восходѣ слѣдующаго дня (21 августа) появились Кивои, Килево и Назири, настойчиво требуя приличныхъ подарковъ. Я объявилъ имъ, что если они не хотятъ подождать до открытія мзигу, то должны пока удовольствоваться находящимся подъ руками однимъ доти американо. Они, по видимому довольные, взяли предложенное, но потомъ подняли сильный крикъ и грозили прервать всякія сношенія со мною, если я не дамъ имъ большаго. Я спокойно взялъ назадъ доти, при чемъ Назири сталъ грозить, что они, безъ околичностей силою отнимутъ у меня товары, какъ сдѣлали это съ первымъ мзунгу. Этого только я и хотѣлъ, и воспользовался случаемъ, чтобы показать безсовѣстнымъ людямъ разницу между Ребманомъ и мною. Правда, сказалъ я, «вы однажды обидѣли и ограбили одного мзунгу, моего брата. Но тотъ былъ кротокъ и миролюбивъ и пришелъ въ страну для того, чтобы показать людямъ, какъ они могутъ быть счастливыми; онъ умѣлъ читать и писать, и его книга ставила ему въ обязанность терпѣливо переносить несправедливости; я же, напротивъ, не такой добрый человекъ; мое ремесло — война, и хотя я пришелъ также съ дружественнымъ намѣреніемъ, но все таки не буду зависѣть отъ васъ, а скорѣе употреблю въ дѣло оружіе, если вашъ образъ дѣйствій принудитъ меня къ этому. А будетъ ли, въ случаѣ сраженія, ущербъ на моей или на ихъ сторонѣ, это вы можете сказать сами. Удалитесь, безсовѣстные, и не показывайтесь до тѣхъ поръ, пока не доставите дровъ, банановыхъ листьевъ и соломы, чтобы мы могли построить хижины.

Часъ спустя требуемое мною было уже въ лагерѣ, и уже около полудня у моей палатки стояла просторная хижина, въ которую я рассчитывалъ внести поклажу и уснуть тамъ, тогда какъ палатка должна была служить намъ мѣсто-пробываніемъ только во время дня и для переговоровъ. Только теперь я вручилъ

господамъ совѣтникамъ ихъ подарокъ, каждому по кунгуру, доти американо и зеркалу, а Назири однимъ доти болѣе. Въстѣ съ тѣмъ я передалъ имъ, по обычаю, образчики всѣхъ моихъ товаровъ для султана, чтобы онъ видѣлъ, какого подарка можетъ ожидать; изъ предосгорожности я велѣлъ Муанзалини сопровождать этихъ трехъ людей, чтобы они не взяли себѣ преждевременно части изъ этого подарка. На это былъ полученъ отвѣтъ, что братъ султана явится сегодня же вечеромъ и за вознагражденіе одного доти осмотритъ принесенные подарки.

Вмѣсто *одного* брата явились трое; каждый изъ нихъ хотѣлъ что нибудь получить, и они съ великимъ огорченіемъ приняли мой отвѣтъ, что «они должны раздѣлить на три части обѣщанное имъ доти». Долго и тщательно разсматривали они подарокъ султана, состоящій изъ 1 красной куртки съ шапкою, 1 большого зеркала, 2 ножей (1 столоваго и 1 карманнаго), 2 кусковъ американо, 24 носовыхъ платковъ, 1 сахара, 2 барзати, 3 кунгуру и 6 фунтовъ бусъ, нѣсколько разъ пересчитали куски, спрашивали, все ли это, и удалились, увѣряя, что Манни явится завтра.

Между тѣмъ мы старались устроиться поудобнѣе, построили нѣсколько хижинъ и завязали сношенія, чтобы на слѣдующіе дни запастись свѣжимъ молокомъ и медомъ. Множество народа приходило въ лагерь и уходило изъ него, не принося намъ съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ это обыкновенно дѣлается только послѣ посѣщенія султана. Они держали себя съ нами пристойно и дружелюбно, но не были однако очень честны; по крайней мѣрѣ султанъ не разъ предостерегалъ насъ отъ воровъ и просилъ насъ немедленно прибѣгнуть къ употребленію огнестрѣльнаго оружія, если замѣтимъ, особенно ночью, что нибудь подозрительное.

На другой день трое совѣтниковъ снова пришли и сообщили мнѣ, что Манни находитъ показанный вчера подарокъ недостаточнымъ, потому что его недостаетъ даже для удовлетворенія его неоднократныхъ посольствъ, не говоря уже объ немъ самомъ, но что ихъ властелинъ, чтобы угодить своему гостю, уже все приготовилъ для восхожденія на снѣжную гору и выбралъ 30 человекъ, чтобы сопровождать меня туда. Но я не поддался на эти льстивыя слова, а сказалъ господамъ совѣтникамъ, что я, наскучивъ долгими переговорами, впредь буду имѣть сношенія только съ самимъ султаномъ и то только тогда, когда меня достаточно снабдятъ пищею и дровами.

Вскорѣ послѣ того принесли двѣ связки банановъ, *королевскій* подарокъ для 60 голодныхъ людей,—потомъ извѣстили, что приближается самъ Манни. Я спокойно продолжалъ сидѣть въ своей палаткѣ. Ко мнѣ приходили одно за другимъ посольства отъ султана, сидѣвшаго на 100 шаговъ отъ лагеря: прежде всего потребовали подарки для григри, долженствовавшаго очистить султану путь въ лагерь, потомъ подарковъ для помощниковъ волшебника, для родственниковъ султана, для его совѣтниковъ, солдатъ, женъ, дѣтей и т. под. Такъ какъ я во всемъ упорно отказывалъ и насмѣхался надъ ихъ угрозами, то окутанный въ лохмотья чародѣй рѣшился предпринять священное дѣйствіе и безъ платы. Держа въ рукѣ темноцвѣтную фляжку, онъ подошелъ и окропилъ грязнымъ сокомъ палатки, хи-

жины и людей. Нѣкоторые изъ предстоящихъ улыбаясь протягивали руки, а другіе закрывали лицо, но ни одинъ не выказывалъ уваженія къ жрецу. Когда онъ, вѣроятно разгнѣвавшись на мою скупость, хотѣлъ болѣе обыкновеннаго снабдить ихъ своимъ «дауа» (лѣкарствомъ), то они осыпали его ругательствами и силою прогнали его. Изъ этого можно ясно видѣть, что и здѣсь суевѣріе стоитъ на весьма шаткомъ основаніи.

Затѣмъ явился съ немногочисленною свитою мужчина около 50 лѣтъ съ безобразною, въ шрамахъ, фізіономіею и представился мнѣ какъ султанъ. Въ немъ не было ничего королевскаго, да и по костюму, состоявшему изъ краснаго съ бахрамою куска бумажной матеріи, онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ. Я сказалъ ему: «Манки, я узналъ, что мой братъ Ребманъ въ первый разъ былъ хорошо принятъ въ твоей землѣ, а во второй разъ очень дурно. Я не боюсь васъ, потому что у меня много оружія и я умѣю обходиться съ нимъ, а пришелъ для того, чтобы посмотреть, исправились ли вы. Я намѣренъ посмотреть чужія страны и высокія горы; здѣсь въ Маджаме я хочу взойти на *Кибо* (Джаггайское слово, обозначающее снѣгъ и Килиманджаро). Если ты хочешь содѣйствовать мнѣ въ этомъ, то не будешь каяться, но если ты окажешься мнѣ враждебнымъ, то я буду защищаться и убью прежде всего тебя, а потомъ множество твоихъ воиновъ, а на берегу вездѣ расскажу, чтобы караваны впредь избѣгали твоей страны».

Султанъ отвѣчалъ: «Уже давно я слышалъ о прибытіи Мзунгу. Я думалъ, что онъ прибудетъ сюда еще раньше, но рассчитывалъ принять его дурно, потому что я не люблю его. Теперь къ своему удовольствію, я вижу, что имѣю дѣло съ могущественнымъ манки. Я сдѣлаю все, что тебѣ нравится, и поведу тебя на гору, хотя, по причинѣ большихъ дождей, теперь это трудно. Но я не поведу тебя далѣе начала снѣговъ, потому что оттуда никто живой не сойдетъ внизъ! Затѣмъ онъ разсыпался въ отборныхъ и любезныхъ выраженіяхъ, но запретилъ употребленіе инструментовъ, стрѣлянье птицъ и ловлю насѣкомыхъ, слѣдовательно все, что намъ было желательно, и потребовалъ подарка. Но въ этомъ я отказалъ ему на отрѣзъ, пока онъ не доставитъ достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ. Въ первый разъ Факи, Мнубіэ и Гаммисъ вели себя какъ мужчины и герои; они настоятельно просили, чтобы я настаивалъ на своемъ рѣшеніи. Голодъ сдѣлалъ ихъ смѣлыми, они и носильщики получили только по пяти банановъ.

Около полудня 24 августа насъ посѣтилъ настоящій султанъ; тотъ, который представлялся намъ вчера, былъ его дядя *Матоло*, человекъ впрочемъ вліятельный. *Дезарузъ*, настоящій Манки, молодой человекъ лѣтъ двадцати, съ большимъ жирнымъ носомъ, съ заплетенными въ косички волосами и пьяными глазами, также не отличался отъ другихъ костюмомъ какъ и *Матоло*. Онъ началъ ту же рѣчь какъ и его дядя и получилъ въ отвѣтъ, что кто приходитъ съ пустыми руками, тотъ и пойдетъ также съ пустыми руками, что если онъ не доставитъ съѣстныхъ припасовъ, то не получитъ ни булавки. Послѣ долгихъ тщетныхъ попытокъ выманить что нибудь у меня, онъ наконецъ согласился выдать корову и

связку банановъ, которыя были спрятаны въ кустахъ. Но я имѣлъ глупость отдать ему его подарокъ; едва онъ получилъ его, какъ выставилъ новыя требованія, потребовалъ матеріи, ружей и пороха, два аршина американо, «чтобы обернуть свое маленькое зеркало». Я сказалъ ему, что я, если его образъ дѣйствій не измѣнится, на третій день уйду, что мое пребываніе здѣсь бесполезно, если онъ не позволитъ мнѣ ходить по странѣ, стрѣлять птицъ и рвать цвѣты.

Но не смотря на то, Дезаруэ и его дядя Матоло не переставали надоѣдать мнѣ своимъ попрошайничествомъ. Чтобы добиться спокойствія, я долженъ былъ наконецъ сказать властителю, что я пушу въ ходъ свое домашнее право, если онъ вскорѣ не удалится. Теперь султанъ и совѣтники обратились къ носильщикамъ, выпрашивали у нихъ пороха, кремней, мяса отъ убитой коровы и т. под., но и тутъ ничего не получили, потому что я строго запретилъ давать имъ что бы то ни было.

25 августа. Обѣщанныхъ припасовъ все еще не было; но за то пришелъ Назири и потребовалъ подарка для совѣтниковъ и для семейства султана. Если я дамъ подарки, сказалъ онъ, то Дозаруэ и его дядя дѣйствительно доставятъ все желаемое, а въ противномъ случаѣ задержать мое отбытіе. На эту угрозу я далъ нѣмой отвѣтъ; я созвалъ носильщиковъ, тщательно осмотрѣлъ ихъ ружья и роздалъ порохъ и пули. Это по видимому не понравилось маленькому человѣчку; онъ удалился, увѣряя, что скоро придутъ султанъ и Матоло.

И они дѣйствительно прибыли. Я повторилъ имъ еще разъ мои требованія, «что я долженъ имѣть позволеніе употреблять инструменты, стрѣлять птицъ, рвать цвѣты и свободно расхаживать куда хочу, что мнѣ долженъ немедленно быть доставленъ проводникъ на Билиманджаро и лагерь снабженъ съѣстными припасами», и за это обѣщалъ дать имъ небольшой подарокъ наканунѣ отбытія, а по возвращеніи — еще болѣе значительный. Болѣе часа мы переговаривались безъ успѣха; наконецъ мнѣ надоѣла болтовня, я снялъ съ палатки флагъ и бросилъ двѣ ракеты въ густую толпу окружающихъ, съ замѣчаніемъ, что я готовъ начать враждебныя дѣйствія, которыхъ они по видимому желаютъ; народъ, объятый паническимъ страхомъ, убѣжалъ; но королевское семейство и совѣтники теперь оказались на столько же покорными, на сколько прежде были высококоштрны. Это изумительное дѣйствіе объяснилось тѣмъ, что Ассани и нѣкоторые другіе рассказали туземцамъ, что я могу пустить такой огонь, который истребитъ не только ихъ дома, но и всѣ ихъ плантаціи. Султанъ просилъ, чтобы я снова умиловивился, и, дабы онъ видѣлъ, что мой гнѣвъ прошелъ, принять отъ него въ подарокъ корову и заключить съ нимъ братство по крови, на что я и согласился.

Дабы показать, что подобру со мною можно ладить, я подарилъ туземцамъ, приведшимъ корову и овцу, одно доти и одну китамба. Теперь у Дезаруэ и у его брата по видимому совершенно прошелъ страхъ; они шутили и смѣялись какъ дѣти и были очень любезны. Дядя Матоло былъ напротивъ серьезень и задумчивъ и дрожа спрашивалъ объ ракетахъ. Я обѣщалъ показать ему въ сумерки одну ракету. Когда вечеромъ все было приготовлено, онъ прислалъ Назири

и велѣлъ сказать, что все таки лучше не зажигать злаго огня, потому что по неосторожности можно зажечь банановые дѣса.

Во время шаури Гамнисъ велѣ себя весьма забавно. Когда переговоры начали дѣлаться слишкомъ бурными, онъ изъ страха заползъ въ свою хижину; а потомъ, когда я сталъ говорить съ нимъ, онъ объявилъ, что хотѣлъ только все приготовить для битвы, чтобы въ случаѣ нужды умереть за меня!

На слѣдующее утро Матоло и Дезаруэ привели теленка, «потому что приведенная вчера овца не совсѣмъ хороша». Такъ какъ мы еще имѣли въ лагерѣ достаточно мяса, то я отказался отъ этого но они подумали, что и теленокъ меня не удовлетворяетъ, и обѣщали на слѣдующій день привести корову. Свое обѣщаніе относительно открытія рынка они исполнили. Трговля шла хорошо, такъ что мнѣ удалось въ короткое время закупить съѣстныхъ припасовъ на шесть дней, хотя по нѣсколько высокимъ цѣнамъ. Продавцы и продавицы требовали особенно бумажной матеріи и предпочитали обыкновенный американо лучшимъ арабскимъ и индійскимъ пестрымъ платкамъ.

27 августа. Сегодня мы въ первый разъ увидели Килиманджаро отъ подошвы до вершины. Всѣ его тончайшія линіи и углы были видны такъ ясно, что онъ казался намъ вдвое ближе. У подошвы горы идетъ поперегъ лѣсистая цѣпь высотъ, пересекаемая тремя глубокими ущельями, такъ называемыми *nilango ja kibo* (ворота Килиманджаро). Вправо отъ нея поднимается зубчатая восточная вершина, образующая почти горизонтальную платформу.

Сказка Ассани о дѣйствіи ракетъ должна была произвести сильное впечатлѣніе на султана и его совѣтниковъ. Они задались мыслью воспользоваться ужаснымъ огнемъ, чтобы достигнуть вѣрной побѣды надъ своими врагами. Въ 11 часовъ утра пришелъ Дезаруэ съ фамиліею и свитою и потребовалъ, чтобы я пилъ съ нимъ кровь или по крайней мѣрѣ выпилъ сосудъ съ молокомъ, въ который мы оба предварительно поплевали бы немного. Но я нашелъ это неудобнымъ и отказался. Только теперь оказалось, что все это было только введеніемъ къ болѣе важнымъ переговорамъ: Дезаруэ просилъ, чтобы я дѣйствовалъ съ нимъ за одно противъ султана *Татуо Ламбуну* и обратилъ противъ его страны мой ужасный огонь. Я отвѣчалъ на это, что я воюю только съ такими людьми, которые сдѣлали мнѣ зло и вели себя со мною враждебно. Затѣмъ онъ присталъ ко мнѣ, чтобы я по крайней мѣрѣ далъ ему одну или двѣ ракеты, чтобы онъ могъ счастливо окончить задуманную войну. Но я боялся ознакомить Ваджагга съ настоящимъ свойствомъ ракетъ и упустить такимъ образомъ изъ рукъ важное для меня и для будущихъ путешественниковъ средство держать народъ въ страхѣ, и сказалъ Манни, что я по разнымъ причинамъ не могу дать ему ракеты, во первыхъ потому, что по его коварству боюсь, какъ бы онъ не употребилъ ихъ въ дѣло противъ меня же, во вторыхъ потому, что онъ не умѣетъ зажигать огонь, и вѣроятно надѣлаетъ себѣ вреда больше, чѣмъ противной сторонѣ, и, наконецъ, потому, что ракеты такъ дороги, что онъ не въ состояніи купить ихъ, а я не имѣю охоты дарить ихъ. Послѣдній доводъ показался ему самымъ существеннымъ, потому что онъ, полагая, что съ деньгами можно сдѣлать

все, предложилъ мнѣ за каждую ракету двухъ здоровыхъ невольниковъ, двухъ красивыхъ молодыхъ невольницъ по моему выбору, два слоновыхъ клыка, каждый не менѣе 35 фунтовъ вѣсомъ, и двухъ быковъ, и обѣщалъ дать еще больше, если я этимъ не удовлетворюсь. Такимъ образомъ переговоры продолжались съ часъ. Чтобы отвязаться отъ нихъ, я долженъ былъ наконецъ прибѣгнуть къ праву хозяина.

Не смотря на всѣ увѣренія, дѣла шли по прежнему, и, не смотря на данное позволеніе, мнѣ все еще не давали ходить по странѣ. До сихъ поръ я только одинъ разъ могъ предпринять незначительную прогулку къ дому Назири. Наши съемки ограничивались пунктами, видимыми изъ лагеря. Поэтому я настоятельно потребовалъ, чтобы намъ позволили взойти хотя на одинъ холмъ, находящійся къ сѣверозападу отъ лагеря.

Люди, посланные мною утромъ 28 августа къ Назири для полученія обѣщанныхъ проводниковъ, воротились безъ успѣха назадъ. Поэтому я около полудня велѣлъ сказать Дезаруэ, что я пока прекращу сношенія съ Ваджагга и никому не позволю входить въ лагерь. Манки тотчасъ явился, извиняя свое промедленіе дѣлами, и потребовалъ для восстановленія дружбы съѣсть со мною меду. Назири, сказавъ онъ, до восхода солнца будетъ готовъ провожать насъ въ какое угодно мѣсто. Я отвѣчалъ ему на это: «съ дружелюбными намѣреніями и довѣріемъ пришелъ я въ Маджаме, но твой образъ дѣйствій показалъ мнѣ, что я не долженъ довѣрять ни одному твоему слову, ни одному обѣщанію. Поэтому я рѣшился идти въ Ламбунгу, извѣстить Татуо о твоихъ злобныхъ намѣреніяхъ и вступить съ нимъ въ союзъ». Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на Джаггайцевъ; съ разстроенными фізіономіями они просили, чтобы я отказался отъ своего намѣренія. Я далъ имъ замѣтить, что мзунгу ненавидитъ пустыя слова, и что они должны своимъ образомъ дѣйствій показать, что они мои друзья.

Ни Назири, ни его товарищи не приходили на слѣдующій день въ лагерь. Посланный мною въ домъ Назири человѣкъ сообщилъ, что онъ и не ночевалъ дома. Это дало моимъ спутникамъ обширное поле для различнѣйшихъ соображеній. Прежде всѣхъ Факи высказалъ самыя нелѣпыя предположенія, распространилъ слухъ, что единственный расположенный ко мнѣ человѣкъ заключенъ въ тюрьму и что слѣдовательно намъ предстоитъ дурная участь, если я не дамъ Манки большого подарка. Своею болтовнею онъ до того напугалъ носильщиковъ, что когда я хотѣлъ идти въ домъ султана и узнать причину исчезновенія Назири, то никто не захотѣлъ сопровождать меня. Всего рѣшительнѣе отказывался отъ этого Муанзалини, который одинъ хорошо зналъ дорогу. Я хорошенько припугнулъ его, а когда это не помогло, приказалъ связать его веревкою и дать ему нѣсколько приличныхъ ударовъ. Теперь онъ усмирился, и вскорѣ я, въ сопровожденіи Торнтонна, трехъ надсмотрщиковъ и двѣнадцати носильщиковъ отправился въ путь. Но, не смотря на это, я ничего не достигъ: Муанзалини увѣрялъ, что онъ совсѣмъ забылъ дорогу. Такъ какъ ни одинъ изъ Ваджагга не хотѣлъ вести насъ, то мы должны были воротиться въ лагерь, напрасно проискавъ дороги цѣлый часъ. Прибывъ туда, я приказалъ приготовить мзигу, велѣлъ снять палатки, роздалъ

съѣстные припасы на шесть дней и высыпалъ въ рѣку закупленные въ послѣднее время бобы, чтобы они не попали въ руки Ваджагга. Множество туземцевъ оставались до послѣдней минуты въ лагерѣ, и даже указали дорогу Торнтону, который заблудился въ плантаци банановъ; они вѣроятно не знали, какъ надо имъ держать себя, и боялись извѣстить Манки о нашемъ отбытіи, а можетъ быть имъ было поручено наблюдать за нами и смотрѣть, дѣйствительно ли мы осмѣлились безъ позволенія отправиться въ путь.

Во главѣ каравана шелъ Торнтонъ; ему было поручено останавливаться на нѣкоторое время при каждомъ переходѣ черезъ рѣку, чтобы дать собраться людямъ. Я съ Коралли шелъ въ аррьергардѣ, чтобы прикрывать тылъ. Въ то время, какъ мы собирались переправиться черезъ рѣку Веривери, пришли *Килево*, *Кивои* и два другихъ воина, махая зелеными вѣтвями, и уговаривали насъ воротиться. На всѣ ихъ просьбы я отвѣчалъ, что мнѣ надоѣла ихъ ложь и что я не желаю останавливаться, имѣя намѣреніе какъ можно скорѣе попасть въ Ламбунгу. По ту сторону банановаго лѣса *Наруму* я встрѣтилъ свой авангардъ и Торнтонъ. Ему Кивои показалъ ненастоящую дорогу, но онъ, къ счастью, попалъ на это мѣсто, лежащее на рѣкѣ Веривери. Теперь къ намъ прибыли еще *Назири* и *Манки Наруму*; всѣ они просили меня настоятельно, чтобы я опять вернулся въ Маджаме. Назири и его товарищи объявили, по порученію королевскаго семейства, что они сегодня же пришлютъ въ лагерь быка, меда, молока, банановъ, бобовъ и банановаго вина, завтра — невольниковъ и слоновой кости, а потомъ каждый слѣдующій день — по штукѣ скота, что проводники къ Килиманжаро готовы, что я не долженъ уходить отъ нихъ врагомъ, и т. под. Торнтонъ также началъ уговаривать меня, проводники увѣрили, что теперь все пойдетъ хорошо; я самъ началъ питать нѣкоторую надежду, что можетъ быть достигну своей цѣли, однимъ словомъ, я былъ на столько слабъ, что велѣлъ воротиться назадъ. Это рѣшеніе было принято со всеобщимъ восторгомъ. Ваджагга же вручили мнѣ палку и копье, въ знакъ того, что я могу употребить ихъ въ дѣло, если слова султана окажутся несправедливыми.

Около двухъ часовъ мы пришли къ нашимъ хижинамъ. Я велѣлъ носильщикамъ сѣсть посреди́нѣ этого мѣста около ихъ мзиги и строго запретилъ имъ входить въ прежнія жилища прежде чѣмъ будетъ обезпечено исполненіе обѣщаннаго. Такимъ образомъ мы сидѣли нѣсколько часовъ въ ожиданіи. Около сотни различныхъ пословъ султана приходили къ намъ и просили, чтобы мы терпѣливо подождали Манки, который сейчасъ прибудетъ. Наконецъ явились братья *Дезаруэ* и *Мзамъ* и ихъ дяди *Матоло* и *Марена* съ ихъ свитой, а на другой сторонѣ на заднемъ планѣ показалась корова. Я полагалъ, что теперь по крайней мѣрѣ они будутъ уступчивѣе или скромнѣе, но они кричали и безъ зазрѣнія совѣсти бѣгали туда и сюда. Бромъ того, какъ только немного смолкалъ шумъ, вдали слышалось воинское пѣніе, и я уже боялся, что меня заманили въ ловушку, но все таки показывалъ видъ, что ничего не замѣчаю, и, вооруженный револьверомъ, пошелъ въ сопровожденіи Ассани къ султану, находившемуся въ серединѣ группы. Дезаруэ жаловался, что я тайно покинулъ его и даже хотѣлъ вступить

въ союзъ съ его врагомъ Татуо, жаловался еще на то, что носильщиками часто воровали бананы, и въ заключеніе высказалъ желаніе, чтобы я передалъ ему теперь обѣщанный подарокъ, такъ какъ теперь уже все готово къ восхожденію къ Килиманджаро. Я отвѣчалъ ему, что онъ получить этотъ подарокъ, какъ скоро намъ будетъ выдана обѣщанная корова и доставлены проводники для восхожденія на гору; что же касается до воровства носильщиковъ, то я предложилъ ему самому захватить ихъ на мѣстѣ преступленія. Увидавъ теперь, что всѣ попытки получить что либо отъ меня напрасны, онъ выдалъ мнѣ дрова, бананы и обѣщанную корову. Тогда мы раскинули палатки, поставили флаги и опять устроились какъ только могли лучше.

На другой день очень рано явились Дезаруэ, Матоло и ихъ свита, съ крикомъ начали требовать своего подарка, и, когда я отказалъ имъ въ этомъ, начали говорить о томъ, что воспрепятствуютъ нашему уходу и уничтожатъ караванъ. Едва услышали это носильщики, какъ 31 изъ нихъ убѣжали съ полученными вчера съѣстными припасами; вскорѣ на мѣстѣ остались только трое европейцевъ съ проводниками. Немногіе оставшіеся едва могли стоять отъ страха и умоляли меня уступить, дабы отвратить гнѣвъ султана. Имъ и посредину ихъ Назири и повторилъ отвѣтъ, что я не дамъ ничего, пока мнѣ не принесутъ обѣщаннаго вчера меда и молока и не дадутъ проводниковъ. Шумъ продолжался. Ваджагга, которые сильно пріободрились при видѣ убѣжавшихъ носильщиковъ, цѣлый часъ шумѣли около насъ; но такъ какъ я не далъ запугать себя, а велѣлъ приготовить ракеты и ружья, чтобы хорошенько принять нападающихъ, то они удалились съ крикомъ и ругательствами; убѣжавшіе носильщики одинъ за другимъ пробрались потихоньку въ свои хижины.

Послѣ полудня насъ еще разъ посѣтило султанское семейство; оно предложило мнѣ большой сосудъ съ отличнымъ медомъ и просило извѣщенія въ томъ, что молоко будетъ доставлено только на слѣдующій день. Я счелъ болѣе благоразумнымъ дать имъ пока что нибудь и далъ *Дезаруэ*: 1½ куска американо, 1 кунгуру, 1 барзати, 18 носовыхъ платковъ, 1 большой карманный платокъ и бусы, а *Матоло*: 1½ куска американо, 6 носовыхъ платковъ, 1 барзати, 1 большой ножъ и 1 зеркало.

Затѣмъ опять послѣдовали увѣренія въ дружбѣ и любви; дрова и бананы были обѣщаны еще на сегодня; трое совѣтниковъ опять получили приказаніе быть въ моемъ распоряженіи и Матоло даже позволилъ мнѣ, если онъ на этотъ разъ не сдержитъ слова, убить одного изъ нихъ и *обрзати его самою какъ лжеца!* Послѣ такихъ рѣчей они удалились; еще разъ замѣтивъ, что они, показавъ такимъ образомъ, какъ они любятъ европейцевъ, заслужили въ подарокъ ракету, а иначе я долженъ буду вступить съ ними въ войну.

У Торнтона опять явились лучшія надежды; но я не видалъ никакой перемѣны въ образѣ дѣйствій жителей и все оставался при томъ убѣжденіи, что въ Маджаме все будетъ тщетно, что здѣсь невозможно ни взойти на Килиманджаро, ни идти далѣе къ Западу. Поэтому я рѣшился оставить эту страну, какъ скоро

закупимъ припасовъ на обратный путь, такъ какъ я боялся, что Ваджагга перестанутъ бояться нашего превосходства и отважатся напасть на насъ.

31 августа. Все утро мы напрасно ждали одного изъ совѣтниковъ; они собрались на пирушку и издали можно было ясно слышать далекій шумъ и крики опьянѣвшей толпы. Только около полудня пришелъ Килево и съ дѣтскою наивностью спросилъ, не имѣемъ ли мы намѣренія походить на этихъ дняхъ по странѣ. Я съ трудомъ уговорилъ его сейчасъ же отправиться съ нами на одинъ изъ отдаленныхъ видимыхъ изъ лагеря пунктовъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы въ сопровожденіи Ассани, Сегуата, Назири и четырехъ подчиненныхъ Ваджагга были уже въ пути. Перейдя на правый берегъ рѣки, мы шли по волнообразной, хорошо воздѣланной, мѣстности, и вскорѣ пришли къ другой рѣкѣ, текущей по глубокой долинкѣ, потомъ пошли по банановымъ плантаціямъ, по зеленымъ склонамъ и красивымъ долинамъ, и наконецъ достигли своего путешествія, довольно густо поросшаго лѣсомъ холма, на которомъ, какъ намъ сказали, погребены умершіе Манки. Ссылаясь на это священное назначеніе холма, намъ не позволили взойти на него и притомъ попросили, чтобы мы не стрѣляли здѣсь вообще не оскверняли этого мѣста шумомъ. Видъ отсюда былъ прекрасный: къ западу отъ Килиманджаро мы увидали *гору Меру*; въ томъ же направленіи, только на два дня пути ближе, видѣлась холмистая область *Шира*; на югѣ нашъ взоръ обнималъ далеко равнину за горами Угоно и Аруша.

Вскорѣ около насъ собралось до 50 Ваджагга. Они удивлялись всему, что видѣли, а особенно зрительной трубѣ, стекломъ которой я пользовался для заживанія передъ ихъ глазами огня.

1 сентября. Назири не имѣлъ времени заниматься съ нами, а султанъ велѣлъ намъ сказать, что прибудетъ только въ полдень. Я рѣшился воспользоваться свободнымъ часомъ для того, чтобы посмотреть на *рынокъ Ваджана*. Подъ предлогомъ стрѣланія птицъ я удалился изъ лагеря и осторожно пошелъ издали за нѣсколькими женщинами, которыя шли съ товарами въ *Занару*, открытое мѣсто, окруженное нѣсколькими деревьями, на которомъ двигалось до 500 джагайскихъ женщинъ. Онѣ обмѣнивали глиняные горшки, деревянную посуду, бананы, бобы, горохъ, сладкій картофель, молоко, банановое вино и муку, красную глину для крашенія, и *эмбалла*, землю, служащую вмѣсто соли. Хотя рыночной полиціи и не было видно, но на рынокѣ господствовалъ порядокъ, хотя сотни голосовъ разумѣется были слышны издали. Ни одного мужчины не было видно между продавцами; я узналъ, что мужчинамъ строго запрещено участвовать на рынокѣ, вѣроятно потому, что прежде между торгующими происходили кровавыя распри. Меня уговорили какъ можно скорѣе удалиться оттуда, говоря, что мое присутствіе подвергнетъ веѣхъ величайшимъ неприяностямъ и даже опасности, и я вскорѣ возвратился въ лагерь.

Вскорѣ послѣ меня пришелъ султанъ и объявилъ, что переговоры откладываются, потому что Назири не могли найти, а Факи не могъ быть вѣрнымъ переводчикомъ. Слѣдовательно и этотъ день былъ потерянъ для настоящей цѣли

моего путешествія! Я чувствовалъ себя чрезвычайно утомленнымъ отъ безконечнаго ожиданія и продолжающейся неизвѣстности: чтобы вести дѣло съ такими людьми и не терять при этомъ спокойствія и бодрости, нужно почти нечеловѣческое терпѣніе.

Напрасно прождавъ опять Назири все слѣдующее утро, я дождался наконецъ около полудня прибытія всей шайки. На мои упреки *Дазаруз* сказалъ только, что онъ, какъ мнѣ извѣстно, мой другъ и чрезвычайно любитъ меня, что Назири задержала болѣзнь, да и его присутствіе не необходимо при моихъ экскурсіяхъ, такъ какъ я могу ходить по странѣ куда угодно и располагать всѣми его людьми. Заключеніемъ была его просьба о ракетѣ. Упорный мой отказъ навелъ ихъ на предположеніе, что у меня нѣтъ столь ужаснаго оружія и что я рассказалъ имъ объ этомъ только для того, чтобы напугать ихъ; и въ самомъ дѣлѣ имъ должно было показаться страннымъ, что я не пользуюсь такими орудіями разрушенія, чтобы заставить султана и народъ повиноваться моей волѣ и взять у нихъ слоновой кости и невольниковъ. Я къ вечеру обѣщалъ показать имъ, по ихъ просьбѣ, ракету. Султанъ хотѣлъ наблюдать за дѣйствіемъ злаго огня изъ своего дома и приказалъ четверымъ изъ своихъ довѣренныхъ людей донести ему о томъ, что произойдетъ у насъ. Уходя отъ насъ онъ повторилъ, чтобы мы были осторожны, дабы не испортить хижинъ и плантацій и обѣщалъ еще сегодня прислать съѣстныхъ припасовъ, а завтра утромъ — проводниковъ. Въ сумерки около лагерья собралась любопытная толпа, которая съ шутками и веселою болтовнею окружила меня, между тѣмъ какъ я готовилъ ракету, наполненную швермерами: когда она со свистомъ поднялась вверхъ, смѣхъ и болтовня прекратились и господа робко удалились, положительно обѣщавъ, что завтра утро все будетъ готово къ отправленію.

«Утро» наступило, а проводники не приходили. До полудня я не получалъ никакихъ извѣстій, и только послѣ полудня пришелъ султанъ, но безъ проводниковъ. Онъ не счелъ даже нужнымъ извиниться, но потребовалъ снова ракетъ и другихъ подарковъ и притомъ такъ настойчиво, что я потерялъ послѣднюю надежду чего либо добиться и рѣшился какъ можно скорѣе покинуть Маджаме. Мнубіе и Муанзалини, предчувствовавшіе нѣчто дурное, совѣтовали отправиться ночью, такъ какъ днемъ, по ихъ мнѣнію, мы непременно навлечемъ на себя нападеніе. Хотя я не люблю ночныхъ предпріятій, потому что при этомъ нельзя углядѣть за носильщиками, которые при каждой опасности пытаются убѣжать, и потому что въ это время становится бесполезнымъ огнестрѣльное оружіе, наше главное превосходство надъ туземцами, но все таки уступилъ просьбамъ моихъ людей, но при этомъ приказалъ, чтобы Коралли съ Мнубіе, Муанзалини и шестью другими людьми предварительно осмотрѣлъ дорогу. Я рѣшился, чтобы обойти сильно населенныя и союзныя съ Маджаме области Наруму и Кинди, идти по южной дорогѣ, ведущей въ Каге, хотя она и была намъ неизвѣстна. Султану я велѣлъ сказать, что завтра у меня праздникъ, и я не хочу, чтобы въ этотъ день меня беспокоили.

4 сентября. Въ четыре часа утра Коралли съ своею свитою отправился въ

путь; черезъ нѣсколько часовъ они воротились съ связками дровъ. Принесенныя ими извѣстія были не утѣшительны; они сообщили, что по осмтрѣнной ими дорогѣ можно выдти изъ густо населенныхъ мѣстностей не ранѣе, какъ черезъ полтора часа, что эта дорога идетъ по скользкимъ или каменистымъ тропинкамъ вдоль глубокаго водопровода и по окраинѣ крутой долины, что тутъ приходится два раза переходить въ бродъ черезъ небольшую рѣку и переходить черезъ опасный ровъ, дно котораго наполнено тернами, по древесному стволу или по доскѣ. Но я все таки рѣшился на эту же ночь сдѣлать попытку уйти.

Какъ бы для того, чтобы показать мнѣ, что я поступаю основательно, султанъ послѣ полудня прислалъ ко мнѣ сказать, что онъ, если завтра утромъ придетъ ко мнѣ, долженъ получить отъ меня большой подарокъ, и даже назначилъ отдѣльные предметы, изъ которыхъ онъ долженъ состоять, и потребовалъ между прочимъ дать ему по крайней мѣрѣ двѣ ракеты; чтобы надѣлать какъ можно болѣе вреда войнамъ Ламбунгу. Я велѣлъ сказать ему, чтобы онъ подождалъ до слѣдующаго дня. Впрочемъ я сдѣлалъ все, чтобы отстранить подозрѣніе, потребовалъ съѣстныхъ припасовъ и дровъ для людей, соломы для лучшей покрывши хижины и другихъ вещей, необходимыхъ для долгаго пребыванія.

Утромъ я призвалъ носильщиковъ по одиночкѣ въ свою палатку и указалъ имъ ихъ мзго. Въ полдень я былъ совсѣмъ готовъ и ждалъ только ночи.

Но Факи старался выставлять на видъ разныя препятствія. Онъ уговаривалъ людей отказаться отъ ночнаго похода, такъ какъ онъ очень опасенъ и говорилъ, что необходимо отдать султану половину всѣхъ товаровъ, что бы онъ далъ намъ свободный пропускъ. Онъ вѣроятно дѣйствовалъ за одно съ Ваджагга и надѣялся получить вполнѣдствіи свою долю въ полученныхъ отъ меня подаркахъ; я поручилъ Ассани строго наблюдать за нимъ и сказать ему, что я застрѣлю его, если онъ хотя на одну минуту удалится отъ лагеря.

Въ сумерки я роздалъ съѣстные припасы на пять дней, потомъ роздалъ мзго и приказалъ, чтобы носильщики спали съ готовыми ношами. Палатки я велѣлъ снять только около полуночи, и эта предосторожность оказалась не лишнею, потому что поздно вечеромъ около лагеря проходили войны, чтобы наблюдать за нами.

Я разбудилъ каждого изъ носильщиковъ по одиночкѣ. Почти беззвучно вышли мы въ часъ ночи изъ лагеря. Было такъ темно, что дорогу можно было находить только ощупью. Торнтонъ съ Мнубіе и Муанзалини шелъ впередъ, Коралли въ серединѣ, а я — сзади; Факи долженъ быть находиться около меня, но черезъ нѣсколько шаговъ удалился отъ меня и пошелъ впереди каравана, гдѣ чувствовалъ себя безопаснѣе.

Едва отошли мы отъ лагеря на пять минутъ, какъ меня извѣстили, что недостаетъ трехъ носильщиковъ. Возвратясь въ лагерь, я нашелъ ихъ спокойно лежащими около своихъ ношъ и погналъ ихъ передъ собою; къ счастью одинъ изъ нихъ зналъ дорогу. Когда мы проходили мимо дома Назири, я почувствовалъ сильное желаніе связать этого плута и взять съ собою, чтобы хорошенько нака-

зять его за его ложи; но такъ какъ около меня не было ни одного изъ моихъ европейскихъ спутниковъ, то я долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія. Черезъ часъ я догналъ Коралли и узналъ отъ него, что одинъ носильщикъ съ ящикомъ скатился въ глубокую долину, и что его мзго, въ которомъ находились хронометръ и сушенныя растенія. При свѣтѣ восковой свѣчи мы черезъ полчаса нашли ящикъ, но онъ, къ сожалѣнiю, находился въ водѣ, такъ что сушенныя растенія, добытыя съ такимъ трудомъ, погибли. Около 3¹/₂ часовъ я достигъ арьергарда каравана. Здѣсь нашелъ я Торнтона, который ждалъ меня, безпокоясь на счетъ моего долгаго отсутствiя. И съ нимъ также случилось несчастiе: онъ поскользнулся и скатился въ темную пропасть, но къ счастью на половинѣ дороги нашелъ точку опоры и выбрался вверхъ. Переходъ черезъ узкую доску, положенную черезъ ровъ, мы совершили счастливо, и черезъ полчаса пришли въ селенiе, уже не принадлежащее къ области Маджаме, откуда дорога ведетъ въ густой лѣсъ, гдѣ я и велѣлъ остановиться, чтобы слишкомъ не утомлять носильщиковъ.

Кто знаетъ, какъ не любятъ ночные переходы даже дисциплинированные европейскiе солдаты, тотъ пойметъ, что я съ нѣкоторою гордостью смотрѣлъ на это отступленiе, при которомъ я имѣлъ дѣло съ неграми и долженъ былъ идти по такимъ дорогамъ, которыя неудобны даже днемъ. Впослѣдствiи я часто удивлялся, что все сошло съ рукъ такъ благополучно; но всего удивительнѣе кажется мнѣ то, что мы нѣсколько часовъ шли мимо хижинъ туземцевъ, не разбудивъ при этомъ никого. Этимъ я обязанъ былъ только чрезмѣрному страху носильщиковъ, такъ какъ одно мое приказанiе конечно не въ состоянiи было бы заставить ихъ молчать даже на короткое время.

ОТДѢЛЪ ОСЬМНАДЦАТЫЙ.

Последнія попытки.

Что оставалось еще сдѣлать. — Черезъ равнину въ Дафету. — Неприятныя новости. — Старая дружба возобновляется клятвою на крови. — Прибытіе въ Килема. — Разрѣшеніе неизвѣстности. — Опять въ Дафетъ. — Пребыванія старѣйшинъ. — Приключеніе Торнтонна. — Возмущеніе между носильщиками. — Прощаніе.

Какъ въ Килема, такъ и въ Маджаме, путешественнику не было причинъ жаловаться собственно на жителей, а только на султановъ и ихъ совѣтниковъ; поэтому очень можетъ быть, что въ послѣдствіи, при другихъ султанахъ, восхождение на Билиманджаро будетъ такъ же легко, какъ теперь оказалось оно труднымъ, и даже новая попытка еще до возвращенія на побережье представила нѣкоторый шансъ на успѣхъ, въ виду измѣнчиваго настроенія Ваджагга. Килемайскій *Мамбо* своимъ поведеніемъ доказалъ по крайней мѣрѣ, что онъ былъ доступенъ добрымъ внушеніямъ: онъ велъ себя какъ ребенокъ, слѣдующій влеченіямъ данной минуты, то капризный, то добрый и послушный. Правда, ненадежность и лживость Мамбо должны были навлекать на Декена значительныя затрудненія. Но можно было предполагать, что пребываніе Декена въ Килема имѣло на него благопріятное вліяніе, и что урокъ, данный имъ на прощанье, и теперь еще не забытъ. Поэтому путешественникъ рѣшился еще разъ попробовать счастья въ Килема, но сначала воротился въ Дафета, чтобы посмотреть тамъ свои вещи.

Около захода солнца, рассказываетъ Декенъ отъ 5-го сентября, я приободрилъ моихъ африканцевъ, которые воспользовались короткимъ отдыхомъ для того, чтобы соснуть, и повелъ ихъ по направленію къ югу и юго-востоку. Мы опять шли мимо многочисленныхъ ямъ для ловли звѣрей. Въ одной изъ нихъ лежали кости слона; около нея стояла хижина, которую устроилъ вѣроятно счастливый владѣлецъ ямы, чтобы удобнѣе было упитываться мясомъ пойманнаго животнаго.

Мѣстность сначала походила на паркъ, но потомъ начала принимать характеръ сухихъ равнинъ, лежащихъ къ сѣверу отъ озера Джибе. Только кое-гдѣ высокія деревья возвышались надъ разсѣянными въ травянистой равнинѣ терно-

выми кустами; почти все они были увешаны ульями вышеописанной формы: на одном из них мы насчитали 17 ульев. Носильщики молча и осторожно проходили около них, опасаясь испугать и раздражить их обитательниц, и не без основания, потому что раздраженные пчелы опасные враги караванов и часто умерщвляют людей своим ужалением. Когда раздается восклицание «Ниуки» (пчелы), негры бросают свои ноши на землю, приседают на землю и держатся неподвижно в этом положении, пока не улетят все крылатые неприятели. Через два часа мы достигли удобного места на восточном берегу рѣки Веривери, где мы и остановились; вскоре после солнечного заката мы были уже объаты глубоким сномъ, вознаграждая себя за две ночи.

На слѣдующий день дорога наша шла через нѣсколько красныхъ рѣкъ и ручьевъ. Когда мы перешли через третій изъ нихъ, вдругъ раздался крикъ: «носорогъ! носорогъ!» Торнтонъ и я поспѣшно побѣжали впередъ и увидели огромнаго бѣлаго носорога. Увидавъ насъ, онъ началъ бить ногами въ землю и рыть рогами землю, очевидно сомнѣваясь, напасть ли на насъ или уступить неизвестному противнику. Опасаясь послѣдняго рѣшенія, я выстрѣлилъ и почти въ одно время со мною выстрѣлилъ Коралли; носорогъ упалъ. Носильщики съ радостнымъ крикомъ побѣжали къ нему, но еще не успѣли они добѣжать до него, какъ онъ поднялся и побѣжалъ въ галопъ довольно быстро къ чащѣ и исчезъ изъ глазъ прежде, чѣмъ мы успѣли снова приготовиться къ выстрѣлу. При этомъ случаѣ Факи велъ себя въ высшей степени забавно: какъ только раздался крикъ, онъ съ проворствомъ обезьяны вскарабкался на ближайшее дерево; но когда исчезло тяжело раненное животное, онъ проворно соскочилъ, выстрѣлилъ на воздухъ, и, громко крича, насмѣхался надъ трусливымъ носорогомъ, который не захотѣлъ вступить съ нимъ въ борьбу.

Дожди прошлой недѣли, казалось, увеличили населеніе равнины, такъ какъ мы въ тотъ же день встрѣтили нѣсколько этихъ зебръ, вслугнули нѣсколько стай цесарокъ и вечеромъ увидели еще носорога огненнаго цвѣта, который валился по сырой глинистой почвѣ и былъ весь покрытъ красною грязью.

Поворотивъ далѣе къ югу, мы обошли густые кусты и болото, которые въ прошлый разъ значительно задержали насъ, и въ одинъ день мы прошли теперь столько, сколько прежде прошли въ три дня.

7-го сентября. Коралли и я страдали диссентерією, вѣроятно вслѣдствіе дурной воды, которую пили наканунѣ; мы ускорили ходъ, чтобы какъ можно скорѣе прибыть въ Дафету, гдѣ могли отдохнуть послѣ столькихъ трудовъ. Около 4 часовъ мы пришли къ рѣкѣ Мамба и на этомъ берегу ея разбили лагерь, потому что мѣсто было удобно для этого. Носильщики были весьма недовольны этимъ, и роптали, говоря, что это противно обычаю и порядку.

По трудной дорогѣ черезъ выжженную страну, гдѣ не было видно ни травы, ни кустовъ, мы черезъ день достигли границъ Дафеты. Мы опять незамѣтно пробрались черезъ ворота и выстрѣлили изъ ружей только тогда, когда прибыли на мѣсто. Наши старые знакомые вскоре явились и привѣтствовали насъ пожатіями рукъ и восклицаніями «jambo», очевидно радуясь тому, что опять видятъ насъ.

Явился также и *Банафумо*, который принесъ намъ въ подарокъ половину ягненка и нѣсколько стеблей сахарнаго тростника, и сообщилъ, что переданные ему товары находятся въ цѣлости въ его дождѣ, и что онъ купилъ для меня много бобовъ и макса. Другія его новости были дурнаго свойства. «Мазай» сказалъ онъ, «граба и опустошая проникли отъ Аруша до озера Джипе, а въ Угоно господствуетъ война и страшный голодъ, такъ что люди питаются банановыми кореньями». Въ заключеніе онъ жаловался на то, что его земляки заподозрили его, будто онъ занимается съ нами колдовствомъ и тѣмъ прогоняетъ дождь; что у него взяли овцу и три козы и убили ихъ, чтобы сдѣлать григри безвреднымъ, но это не помогло, и теперь народъ имѣетъ объ немъ дурное мнѣніе и всячески нападаетъ на него.

Какъ ни безкорыстнымъ оказывался доселѣ Банафумо, но послѣдній анекдотъ онъ выдумалъ, кажется, для того, чтобы снискать мое расположеніе и получить награду. Это предположеніе подтвердилось еще тѣмъ, что туземцы не измѣняли своего обращенія съ нами. Ничто не показывало, что они раздражены или боятся насъ; напротивъ, рынокъ былъ люденъ, торговля шла легко и намъ удалось не только закупить много припасовъ, но и вымѣнять домашнюю утварь, украшенія, оружіе и т. п. Главнымъ образомъ образъ дѣйствій Аруши, одной изъ моихъ пріятельницъ, заставилъ меня заключить, что дѣла вовсе не такъ плохи, какъ представлялъ ихъ Банафумо. Аруша, вдова одного изъ Дафетскихъ начальниковъ, родомъ изъ Килемы, еще прежде оказывала намъ много дружескихъ услугъ, приносила маленькіе подарки, какъ то молоко и свѣжій горохъ и т. под., не выпрашивая ничего и не требуя большаго, когда мы отдаривали ее чѣмъ нибудь; и на этотъ разъ она первая тотчасъ же снабдила насъ молокомъ и обѣщала доставить все, что намъ будетъ нужно.

Но въ словахъ Банафумо все таки было нѣчто и справедливаго, такъ какъ послѣ полудня явился одинъ изъ начальниковъ, и, распросивъ о новостяхъ изъ Джагга, началъ обвинять меня въ томъ, что я оставилъ послѣ себя волшебство противъ нихъ, именно прикрѣпленный къ палкѣ кусокъ мѣдной проволоки, который они будто бы нашли на дорогѣ въ Килема. Мнѣ не легко было отвергнуть основанныя на этой нелѣпницѣ его требованія касательно вознагражденія. Но дѣло этимъ не кончилось. На другое утро Аруша прислала ко мнѣ мальчика, чтобы сказать мнѣ: «Не выходи изъ дома!» Я послушался этого предостереженія, отказался отъ утренней своей прогулки и съ нетерпѣніемъ ждалъ, что будетъ. Ни одна изъ женщинъ не пришла въ лагерь, но за то явилось около 50 человекъ Вакуафи и около 100 Вадафета, всѣ въ полномъ вооруженіи; черезъ нѣсколько времени явились вожди съ своею свитою. Слишкомъ четыре часа надоѣдали они мнѣ своею болтовнею, упрекали меня въ томъ, что я заколдовалъ страну и далъ имъ слишкомъ мало дождя, а Ваджагга — слишкомъ много, что я своимъ григри сдѣлалъ дорогу въ Килема небезопасною, рвалъ цвѣты и ловилъ пчелъ, чтобы этимъ испортить жатву и медъ, и говорили еще т. под. нелѣпости. Далѣе они съ значительными минами рассказали, что я убилъ жену султана Мамбо и отравилъ еще другую женщину (они разумѣли жену воина Мзиндо, которая просила

у меня лѣкарства, но умерла не успѣвъ получить его), и что Коралли такъ избилъ третью женщину, что она теперь лежитъ больная. Я улыбаясь объяснилъ имъ, что не могу защищаться противъ столь недѣльныхъ обвиненій, но, чтобы показать имъ, что я нахожусь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ваджагга, я завтра же ворочусь въ Килема. Наконецъ, понявъ бесполезность своихъ стараній, они отказались отъ своихъ требованій на счетъ вознагражденія и потребовали только, чтобы я поклонился съ ними на крови. Когда я согласился на это, они привели козу, впереди которой шли восемь человѣкъ съ копьями, обвели ее семь разъ вокругъ меня, Коралли и проводниковъ, произнося при этомъ страшную клятву, «чтобы наши жены сдѣлались намъ невѣрными, чтобы у насъ не было дѣтей, чтобы мы лишились своего имущества и преждевременно умерли, если мы имѣемъ дурныя намѣренія; если же нѣтъ, то да благопріятствуетъ намъ счастье и да принадлежитъ намъ вся собственность Вадафета». Затѣмъ они отрѣзали у козы ухо и дали каждому изъ насъ выпить по каплѣ вытекавшей изъ него крови. Когда я далъ имъ за козу 4 доти, что для нихъ было всего важнѣе, дѣло было покончено. Но они еще разъ попробовали счастья: они снова потребовали пошлину за проходъ въ Килема, но отказались отъ этого требованія, когда я сказалъ имъ, что я въ такомъ случаѣ выйду изъ ихъ страны по дорогѣ въ Момбасъ, и только перейдя черезъ ихъ границу поверочу въ Килема. На прощанье я добровольно подарилъ имъ пять доти, замѣтивъ имъ, что я всегда буду поступать такъ, т. е. не буду давать ничего, когда они будутъ попрошайничать, и богато буду награждать ихъ, если они будутъ вести себя какъ слѣдуетъ.

Мое рѣшеніе еще разъ посѣтить Килема не правилось носильщикамъ, они говорили, что за это путешествіе должны требовать особаго вознагражденія. Многие изъ нихъ, вѣроятно по наущенію Факи, объявили себя больными, но я не пощадилъ ихъ и оставилъ на мѣстѣ только одного, который при тщательномъ изслѣдованіи оказался дѣйствительно больнымъ.

12 сентября въ 6 часовъ утра мы тронулись въ путь. Мы съ Торнтономъ шли впереди, а Коралли я оставилъ въ лагерѣ посмотреть, чтобы чегонибудь не забыли взять. Выйдя на открытое мѣсто, я немного подождалъ, чтобы собрать оставшихся назади людей, какъ вдругъ пришелъ Коралли, сильно раздраженный, и началъ горько жаловаться на то, что Муанзалини, на его увѣщаніе — поспѣшить, отвѣтилъ ему «что онъ не долженъ такъ много говорить и браниться, что они и безъ того пойдутъ въ путь». Это, по мнѣнію Коралли, оскорбляло его честь, и онъ говорилъ, что при ближайшемъ подобномъ случаѣ онъ безъ зазрѣнія совѣсти всадитъ упряму пулю въ голову. На мое ласковое убѣжденіе держать себя на будущее время спокойнѣе въ такихъ случаяхъ, онъ не поддался, продолжалъ бранить и грозить неграмъ, и, когда я наконецъ сталъ серьезно упрекать его за это, то онъ даже сказалъ, что разстанется со мною, если я не приму его сторону.

По знакомой дорогѣ мы достигли около полудня своей старой стоянки на *рѣкѣ Гони*, а на другой день, послѣ двухъ-часоваго перехода, прибыли въ Килема. Войдя за черту перваго окопа, мы выстрѣлили изъ нѣсколькихъ ружей;

вскорѣ показались оба стража лагеря, боязливо выглядывая изъ за кустовъ; они рѣшились выйти къ намъ только тогда, когда собралось значительное число ихъ соотечественниковъ. Они уже знали, что мы были на границѣ Моши и воротились оттуда назадъ; но они еще не знали, что было съ нами въ Маджаме и Дафетѣ. Я поручилъ солдатамъ передать Мамбо письмо, состоящее изъ нѣсколькихъ кусочковъ дерева, изъ коихъ каждый представлялъ одинъ изъ принесенныхъ мною для него подарковъ; принятіемъ этихъ кусочковъ онъ долженъ былъ показать мнѣ, что онъ готовъ дать намъ возможность черезъ 4 дня предпринять восхождение на Килиманджаро. Черезъ часъ посланные воротились съ благопріятнымъ отвѣтомъ. Сдѣлавъ еще нѣсколько безуспѣшныхъ попытокъ получить пошлину за входъ, они позволили намъ снова занять нашу прежнюю стоянку и вскорѣ все было устроено у насъ по прежнему. Женщины по видимому были рады случаю снова удовлетворить посредствомъ торговли свою страсть къ нарядамъ; онѣ приходили толпами и продавали по умѣреннымъ цѣнамъ и безъ большихъ переговоровъ, что было очевидно благотѣльнымъ слѣдствіемъ моихъ прежнихъ сношеній съ ними.

Въ два часа по полудни пришелъ Мамбо съ своею свитою. Онъ, какъ и въ прежнее свое посѣщеніе, спрятался между своими людьми, закрылъ лицо, и, обмѣнявшись кишонго со мною и Торнтономъ, убѣжалъ съ своими придворными, конечно для того, чтобы поскорѣе забыть за банановымъ виномъ свой страхъ и смущеніе. Еще прежде онъ потихоньку шепнулъ мнѣ, что вечеромъ онъ придетъ ко мнѣ одинъ и возьметъ свой подарокъ, потому что, если онъ возьметъ его теперь, то его спутники оставятъ ему очень мало. Но вмѣсто султана явились два лагерные солдата, извинились за него нездоровьемъ (вѣроятно пьянствомъ) и просили обѣщаннаго подарка. По просьбѣ моихъ людей я передалъ имъ подарокъ, но изъ предосторожности послалъ съ ними Ассани, чтобы увѣриться, что онъ дойдетъ по назначенію.

Рѣшеніе неизвѣстности, въ которой я находился относительно восхожденія на Килиманджаро, быстро приближалось. Послѣ полудня 14-го сентября меня посѣтилъ Мамбо, совершенно пьяный. Онъ безъ умолку болталъ, не слушавъ того, что я говорилъ ему, требовалъ ружей, револьверовъ и т. под.; въ это время онъ, какъ дѣлаютъ часто 4 или 5 лѣтнія дѣти въ Джагга, держалъ во рту маленькій лучекъ, колотилъ по нему палочкой и свисталъ. Сопровождавшіе его воины также были очень пьяны, грабили пришедшихъ на рынокъ женщинъ, и, вѣроятно, прибили бы ихъ, если бы я не вступился. Поэтому переговоры не привели ни къ чему; я на отрѣзъ отказалъ Мамбо въ его кланченьѣ, и онъ удалился съ угрозою, что съумѣетъ силою завладѣть всею моею собственностью. Напрасно надѣялся я, что онъ на другое утро протрезвившись придетъ въ лагерь; онъ извинился тѣмъ, что его задерживаютъ государственныя дѣла, что онъ не могъ найти для меня приличной коровы, и т. под. предложениями. Продавъ до пяти часовъ, я снялъ съ палатки флагъ и приказалъ своимъ людямъ приготовиться къ отправленію на слѣдующее утро; я былъ увѣренъ въ томъ, что и на этотъ разъ ничего не достигну въ Килема.

Въ это время пришелъ, съ пучкомъ травы въ рукѣ, *Регани*, по моему мнѣнію лучшій изъ совѣтниковъ султана, и настоятельно просилъ меня отказаться отъ принятаго рѣшенія, но, не успѣвъ въ этомъ, возвратился въ жилище султана. Черезъ 10 минутъ послѣ того прибылъ самъ Мамбо. Ожидая, что я заговорю съ нимъ, онъ сѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи передъ моею палаткою; но такъ какъ я не обращалъ на него вниманія, то онъ велѣлъ просить у меня шаури. Ассани отвѣтилъ ему отъ моего имени, что я нахожу всякіе приговоры излишними, но что если онъ этого желаетъ, то я переговорю съ нимъ въ палаткѣ. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что Манки желаетъ остаться подъ открытымъ небомъ. Тогда я громко сказалъ на суахелійскомъ языкѣ, такъ что всѣ должны были слышать это: «Съ лжецомъ и пьяницей Манки я не хочу болѣе имѣть никакого дѣла и завтра утромъ буду далеко отъ Билемы!»

Султанъ держалъ себя при этомъ спокойно и почти равнодушно; но онъ, по видимому, имѣлъ въ запасѣ нѣчто такое, отъ чего ожидалъ сильнаго дѣйствія. Я сталъ наблюдать за нимъ и вскорѣ увидалъ на его губахъ улыбку удовольствія: двое его людей привели красивую, жирную корову и предложили ее мнѣ въ подарокъ. Султанъ считалъ по видимому невозможнымъ, чтобы я могъ устоять противъ такого лакомаго жаркаго. Факи, который доселѣ держалъ себя спокойно, сразу оживился, увидавъ мясо, краснорѣчиво говорилъ въ пользу дальнѣйшаго пребыванія въ Билема и увѣрялъ, что теперь конечно можно довѣрять султану. Но я отвѣтилъ на все это: «Манки можетъ оставить у себя свою корову; она мнѣ не нужна».

При этихъ словахъ Мамбо и его воины вышли изъ себя отъ ярости. Судя по ихъ бѣшеннымъ жестамъ, имъ хотѣлось разорвать всѣхъ насъ въ куски; только страхъ сдерживалъ ихъ гнѣвъ. Великій властитель скрипя зубами объявилъ, что ни одинъ европеецъ впредь не войдетъ въ его государство. Придворные громко ругались и съ призрѣніемъ плевали передо мною; воинъ Мзиндо даже громко объявилъ, что онъ сдѣлаетъ григри, вслѣдствіе котораго я лишусь жизни, но его храбрость скоро выдохлась и онъ проворно убѣжалъ, когда я пошелъ на него съ поднятою вверхъ палкою. Только Регани представлялъ похвальное исключеніе: онъ печально покачивалъ головою, видя образъ дѣйствій своихъ соотечественниковъ, и, когда они удалились, просилъ рыдая о прощеніи и милости глупцамъ.

Упаковка продолжалась до глубокой ночи. Такъ какъ я на этотъ разъ считывалъ въ одинъ день достигнуть Дафеты, то и велѣлъ еще съ вечера снять палатки. По окончаніи работы носильщики сѣли вокругъ ярко пылающихъ огней и напоминали свои желудки разданными имъ въ большомъ количествѣ бананами; когда я утромъ хотѣлъ будить ихъ, то нашелъ ихъ все еще сидящими и болтающими. Въ пять часовъ утра явились Регани, Мгиндо и оба лагерные солдата съ серьезными мидами, и просили, чтобы я подождалъ прибытія султана, который по обычаю приведетъ на прощанье корову. Но я отказался отъ этого и въ 7 часовъ мы тронулись съ мѣста.

Насъ нѣсколько задержало открытіе воротъ, забытыхъ по причинѣ воинственныи извѣстій изъ Маджаме и Ламбунгу; точно также задержала насъ на нѣкоторое время встрѣча съ караваномъ изъ Каи, состоящимъ изъ ста человѣкъ и нагруженнымъ содержащею соль землю; но не смотря на то мы, идя ровнымъ шагомъ, достигли уже въ 2 часа по полудни нашей цѣли. Насъ со всѣхъ сторонъ привѣтствовали рукопожатіями и восклицаніями «jambo»; и опять всѣхъ живѣ радовалась нашему возвращенію моя пріятельница *Аруша*.

Банафумо между тѣмъ закупилъ большое количество съѣстныхъ припасовъ, такъ что я былъ обезпеченъ ими на все время моего пребыванія здѣсь и на первые дни дальнѣйшаго моего путешествія. Это было для меня тѣмъ болѣе пріятно, что женщины не приносили почти ничего, а если и приносили, то запрашивали громадныя цѣны. Услуги Банафумо были важны еще и въ другомъ отношеніи, такъ какъ онъ значительно облегчилъ мнѣ путешествіе сбереженіемъ многочисленныхъ мзиго. Онъ по видимому составлялъ отрадное исключеніе между неграми. Но прирожденные дурныя качества его племени проявились все таки, хотя и на короткое только время: вѣроятно избалованный моею щедростью, онъ пытался нѣсколько разъ попрошайничать и даже осмѣлился удержать одно мзиго съ мѣдною проволокою и объявить, что онъ выдастъ его только тогда, когда получить подарокъ. Но когда я рѣшился насильно овладѣть своею собственностью, то онъ уступилъ и объяснилъ этотъ случай недоразумѣніемъ.

Утромъ 18 сентября, на другой день по моемъ прибытіи, султаны Дафета держали съ своими совѣтниками большое шаури, и по трехчасовомъ совѣщаніи попросили меня къ себѣ. Разпросивши, по обыкновенію, о новостяхъ изъ Джагга и подаривъ мнѣ въ знакъ привѣтствія овцу, они сообщили мнѣ свое рѣшеніе. «Ты, сказали они мнѣ, нашъ другъ и братъ по крови, и мы охотно продержали бы тебя у себя еще мѣсяцъ; но такъ какъ Мазаи быстро приближаются, то мы должны просить тебя послѣ завтра удалиться изъ нашей страны. Ибо Мазаи, если найдутъ тебя здѣсь, начнутъ ссору и скажутъ: «что затѣваетъ бѣлый человѣкъ, въ короткое время уже третій разъ приходившій въ Дафету? конечно онъ сдѣлалъ съ ними григри противъ насъ». Кромѣ того, они конечно нарушатъ твою безопасность, которая для насъ столь дорога. Изъ опасенія Мазаевъ мы уже завалили ворота, выходящія къ озеру; поэтому мы и просимъ тебя, удались изъ нашей страны другимъ путемъ, а не обыкновеннымъ. Но на разставанье отрой еще разъ твою руку и покажи себя нашимъ другомъ и братомъ».

Я, конечно, охотно пробылъ бы еще нѣсколько дней въ Дафетѣ, какъ для охоты, такъ и для производства съемоковъ въ окрестности; но я понялъ, что мнѣ остается только послѣдовать совѣту и желанію старѣйшинъ. Если бы я встрѣтился въ Дафетѣ съ Мазаями, то лишился бы большей части моихъ и безъ того уже сильно порастраченныхъ товаровъ; встрѣча же съ ними на дорогѣ была бы еще хуже, такъ какъ я уже былъ наученъ неоднократнымъ опытомъ, что въ часъ опасности не могу рассчитывать на своихъ носильщиковъ. Поэтому я согласился исполнить требованія старѣйшинъ и далъ имъ на прощанье подарокъ, стоимость котораго впрочемъ не превышала стоимости полученной мною отъ нихъ

овцы, такъ какъ я въ Дафетѣ уже роздалъ не меньше, чѣмъ во время долгаго моего пребыванія въ Джагга.

Чтобы лучше воспользоваться оставшимся временемъ, мой спутникъ предпринялъ на слѣдующій день экскурсію для съемки на холмъ, лежащій къ югозападу отъ Дафеты. Ни дорогою, ни съ холма онъ не замѣтилъ никакихъ признаковъ близости *Мазаевъ*; но на обратномъ пути его вниманіе обратили на себя нѣсколько туземцевъ, которые двигались по открытой, выжженной мѣстности, по опушкѣ высокой травы, и очевидно наблюдали за нимъ и его спутниками. Онъ не зналъ, за кого принять этихъ подозрительныхъ людей: по виду они не походили ни на носильщиковъ каравана, ни на Мазаевъ. Убѣжать отъ нихъ было бы безразсудно; всего благоразумнѣе было итти прямо на нихъ. Но трусливые проводники отказались отъ этого и требовали обойти враговъ широкимъ полукругомъ. Такого же мнѣнія должно быть были и тѣ, потому что только увидавъ отступленіе стоявшихъ противъ нихъ людей они приблизились, махая надъ головою пучками травы. Когда Торнтонъ отвѣтилъ имъ на этотъ сигналъ мира, то изъ травы вышло множество людей, мужчины, женщины и дѣти; первые вооружены были луками и стрѣлами и всѣ несли длинныя, тонкія, завернутыя въ банановыя листья мзиго съ бобами, тыквами и саломъ для промѣна на другіе товары въ Джаггѣ. Съ дружественными пожеланіями обѣ партіи разстались. Безъ всякихъ приключеній Торнтонъ около 5 часовъ достигъ лагеря.

Я имѣлъ намѣреніе на обратномъ пути взять направленіе черезъ *Мбараму*, самый крайній пунктъ Узамбары, и отъ Ванга, гдѣ я долженъ былъ достигнуть побережья, идти къ сѣверу вдоль берега къ Момбасу. Услыхавъ это, носильщики почти всѣ безъ исключенія стакнулись подъ руководствомъ Факи, Гаммиса и Муанзалини, и объявили, что не пойдутъ со мною по этой дорогѣ. Такъ какъ я не обращалъ вниманія на ихъ слова, то они начали кричать, что скорѣе убѣгутъ, чѣмъ пойдутъ за мною по неизвѣстной дорогѣ, на которой должны будутъ погибнуть отъ недостатка воды. Надѣясь, что люди поймутъ свою несправедливость и будутъ просить у меня прощенія, я немедленно сдѣлалъ распоряженія на счетъ отправленія. Но такъ какъ въ послѣдній день дѣла были въ томъ же положенія, то я строжайшимъ образомъ запретилъ всѣмъ выходить изъ лагеря подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Но не смотря на то нѣкоторые носильщики удалились, чтобы осмотрѣть дорогу, по которой они хотѣли ночью убѣжать. Я еще разъ попытался уговорить ихъ и серьезнѣе повторилъ свою угрозу; я сказалъ имъ, что не колеблясь застрѣлю каждаго, кто вздумаетъ сегодня уйти изъ лагеря или во время пути ускользнуть изъ рядовъ носильщиковъ, а того, кто успѣетъ убѣжать, строжайшимъ образомъ накажу по возвращеніи моемъ въ Момбасъ и велю по мусульманскому закону отрубить ему руку, если только онъ возьметъ съ собою принадлежащую мнѣ вещь, ружье, съѣстные припасы и т. под. Затѣмъ я велѣлъ снять палатки и упаковать мзиго. Вечеромъ я награждалъ тѣхъ, которые остались мнѣ вѣрными, мясомъ и сахарнымъ тростникомъ. Это оказало сильное вліяніе на другихъ, потому что для негровъ нѣтъ болѣе сильнаго наказанія, какъ лишеніе любимой ихъ пищи. Ночь я провелъ въ куреньѣ трубки и въ частыхъ

обходахъ по лагерю. Я хотя и былъ убѣжденъ, что люди хорошо знаютъ меня и не рѣшатся убѣжать, но все таки счелъ своимъ долгомъ принять всѣ мѣры къ воспрепятствованію бѣгству. Все было спокойно и немногіе вставшіе люди снова легли, когда увидали меня на сторожѣ. Такъ покончилось ничѣмъ это дѣло, которое легко могло бы сдѣлаться пагубнымъ.

Необходимые для путешествія съѣстные припасы я роздалъ, вопреки караванному обычаю, только утромъ. Задержанные этою и раздачею и необыкновенною медленностью носильщиковъ, мы тронулись въ путь только около восьми часовъ. Султанъ, Банафумо и одинъ изъ старѣйшинъ показали намъ дорогу и зарѣзали за воротами овну, жалкое животное, которое дорогою нѣсколько разъ падало вслѣдствіе судорожныхъ припадковъ и имѣло совершенно испорченное и черное мясо, такъ что даже не брезгливые носильщики не хотѣли ѣсть его. На прощанье Банафумо потребовалъ еще подарокъ за то, что разбросанный пометъ и внутренности этого животнаго обезпечиваютъ наше путешествіе; дорога, по которой мы пошли, ведетъ, по его словамъ, прямо къ морю.

Какъ только удалились трое этихъ господъ, вдругъ исчезъ всякій слѣдъ дороги. Такимъ образомъ и въ самую послѣднюю минуту снова укрѣпилось въ насъ невыгодное мнѣніе, которое мы уже имѣли объ Вадафета.

ОТДѢЛЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

Обратное путешествіе.

Колодцы въ пустынѣ. — Снова въ Кизуани и около горы Паре. — Экскурсія для съемокъ. — Черезъ Гондья въ Мбараму. — Набѣгъ Ватента изъ Кадьяро. — Королевство Узамбара. — Положеніе и свойство почвы. — Король Кмери и его домъ. — Богатство страны. — Султанъ Руфунду. — Первые селенія Вадиго. — Прибытіе въ прибрежный городокъ Вангу. — Обмѣнъ новостей. — Надоѣдливое любопытство. — Дивани Пинда и его волшебное искусство. — Сосѣднія мѣстности Ванга и Магугу. — Походъ въ Понгузъ. — Дерзость гіены. — Наказанное негостепрѣимство. — Какъ суахейцы стрѣляютъ изъ своихъ ружей. — Путешествіе по прибрежью и его неудобства. — Последняя ночь подъ открытымъ небомъ. — Торжественный пріемъ въ Момбасѣ. — Награды и наказанія. — Результаты и новые планы. — Дурныя послѣдствія. — Назадъ въ Занзибаръ.

Прекрасныя мѣстности для охоты по озеру Джипе съ ихъ приключеніями (см. отдѣлъ 15) лежали уже далеко позади насъ, когда мы на четвертый вечеръ послѣ отправленія изъ Дафеты разбили свой лагерь. Намъ предстояла непріятная перспектива на слѣдующій день съ разбитыми ногами идти еще пять часовъ по выжженной солнцемъ пустынѣ до ближайшаго обитаемаго мѣста *Кизуани*. Къ этому присоединялся еще недостатокъ воды, потому что носильщики по непонятной безпечности и лѣзости наполнили свои сосуды водою только вполовину, и этотъ небольшой запасъ уже истребили до того, что у большей части ихъ не оставалось ни капли питья.

Приближаясь на другое утро къ тому мѣсту, гдѣ 65 дней тому назадъ покинулъ насъ нашъ проводникъ изъ Паре, желтый юноша, увѣрившій насъ, что онъ не знаетъ по близости ни одного водоема, мы замѣтили на небольшомъ разстояніи въ сухомъ рѣчномъ руслѣ нѣсколько *мурута*, а на разстояніи 20 минутъ пути внизъ по той же рѣкѣ еще большее число такихъ ямъ съ водою; съ немалымъ огорченіемъ созналъ я, какъ глупо было дать награду обманщику проводнику. Изнуренные отъ жажды люди съ жадностью пили мутную жидкость, и, наученные нуждою прошлаго дня, наполнили до верха свои китомы. Только тотъ, кто знаетъ мученія жажды, оцѣнитъ важность такихъ колодцевъ въ пустынѣ; но путешественникъ, нашедшій въ нихъ освѣженіе и спасеніе, вспоминаетъ объ нихъ съ восторгомъ и благодарностью, даже если нашелъ въ нихъ только полумиспорченную воду.

Около полудня мы прибыли въ *Кизуани*. Нашу старую стоянку нельзя было узнать: зола и полуобугленные жерди покрывали землю; эго были единственные остатки многихъ хорошо сохранившихся хижинъ, которыя мы нашли тамъ два мѣсяца тому назадъ. Туземцы, какъ мы вскорѣ узнали, зажгли лагерь изъ опасенія, что Мазан расположится на этомъ мѣстѣ, если оно понравится имъ. Вскорѣ пришли нѣкоторые изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ, и въ томъ числѣ молодой султанъ и франтъ, такъ обманувшій меня въ прошлый разъ. Они просили насъ побыть у нихъ нѣсколько дней, но мы не согласились на это, потому что имѣли достаточное количество съѣстныхъ припасовъ.

Въ старомъ нашемъ лагерѣ *около юръ Паре*, въ который мы прибыли на слѣдующее утро, мы пробыли до 27 сентября. Торнтонъ воспользовался этимъ случаемъ для восхожденія на отдаленную конусообразную гору, съ которой, какъ можно было ожидать, открывается прекрасный видъ на окрестности. Съ трудомъ пробравшись черезъ чащу терновыхъ кустовъ и взобравшись до половины на крутую гору, онъ услышалъ раздавшіеся въ лагерь четыре выстрѣла. Долгое время онъ находился въ неизвѣстности, хотять ли этими выстрѣлами воротить его, или же завязалась драка съ туземцами, или произошло еще что нибудь, но все таки продолжалъ свой путь дальше, потому что не могъ замѣтить въ зрительную трубу ничего подозрительнаго около лагеря, и, если бы даже дѣйствительно произошло сраженіе, то онъ пришелъ бы слишкомъ поздно въ лагерь. На покрытой лѣсомъ вершинѣ ему представился видъ на всѣ стороны горизонта только съ громадной, обожженной солнцемъ скалы. Здѣсь онъ установилъ свой инструментъ и снялъ нѣсколько сотъ угловъ съ важныхъ пунктовъ, стоя на землѣ голыми ногами, такъ какъ въ сапогахъ онъ скатился бы со скалы. Съ обожженными подошвами пришелъ онъ, послѣ двухчасовой ходьбы, около солнечнаго заката въ лагерь и здѣсь узналъ, что наши ружейные выстрѣлы имѣли цѣлью только призвать туземцевъ на рынокъ.

Здѣсь я узналъ одного замѣчательнаго негра. Одинъ изъ далеко живущихъ начальниковъ Паре велѣлъ просить меня придти на мѣсто, отстоящее отъ лагеря на десять минутъ хода, потому, какъ сказалъ его посоль, что онъ не въ хорошихъ отношеніяхъ съ здѣшними жителями. Не требуя отъ меня ничего, онъ далъ мнѣ теленка и просилъ меня, чтобы я, если когда нибудь приду опять въ Паре, расположился въ его области, чтобы и его люди могли извлечь выгоду изъ продажи съѣстныхъ припасовъ. Мпаре, который не попрошайничаетъ и довѣряетъ чужеземцу, конечно заслуживаетъ признательности! Разумѣется, я по возвращеніи въ лагерь прилично вознаградилъ его.

Такъ какъ рынокъ не былъ на столько обилень, какъ я ожидалъ, то я, посоветовшись съ вѣрнымъ Мнубію, рѣшился повернуть немедленно въ Мамбараму къ сѣверной границѣ Узамбары. При нашемъ отправленіи утромъ 28 числа не нашлось, сверхъ ожиданія, ни одного проводника, и потому мы пошли на удачу по направленію къ востоку. Около 10 часовъ мы достигли мѣстности *Гондья*, часто посѣщаемой караванами; она лежитъ на три четверти часа пути отъ горной цѣпи Паре и отдѣлена отъ нея поросшимъ тростникомъ болотомъ. Зубчатая

синія горы, на которыхъ мы замѣтили великолѣпный водопадъ, похожій на серебряную шить, представляютъ весьма красивый видъ. Мы пробыли тутъ нѣсколько часовъ и приготовили себѣ обѣдъ, такъ какъ, по словамъ туземцевъ, до Мбараму нельзя было болѣе найти воды. И эту остановкою мой неутомимый спутникъ воспользовался для пополненія своихъ съемокъ.

Далѣе дорога шла черезъ однообразную равнину, граничащую съ правой стороны горами Паре и Узамбара. Глубокія разсѣлины, столь широкія, что въ нихъ умѣщалась нога, пересѣкали сухую почву, поросшую высокою колючею травою и значительно затрудняли движеніе. Такъ какъ наши израненныя ноги причиняли намъ сильную боль, то мы подвигались впередъ очень медленно. Среди пустыни, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы впервые увидали величественный *Килиманджаро*, мы расположились лагеремъ.

Мнубіэ просилъ меня на слѣдующее утро тронуться въ путь въ четыре часа, чтобы пораньше дойти до Мбараму. Не смотря на близость цѣли, носильщики шли чрезвычайно медленно, такъ что караванъ часто растягивался на цѣлую милю. Многие жаловались, что ихъ мзиго, уже значительно облегченныя во время дороги, были слишкомъ тяжелы; чтобы пособить этому горю, я взялъ у недовольныхъ вещи, которыя они приобрѣли дорогою и побросалъ ихъ на дорогу: никто не осмѣлился болѣе жаловаться.

Усталые и изнуренные жаждою пришли мы за часъ до полудня къ караванной стоянкѣ *Мбараму*. Туземцы, прибывшіе вскорѣ послѣ того, вели себя скромно и вѣжливо. По наружности они походили на Вапаре. Многие изъ нихъ имѣли при себѣ луки и стрѣлы, другіе—суахелійскіе ножи, а у одного было даже ружье; но у всѣхъ ихъ были трубки для табаку. Они большею частію знали суахелійскій языкъ и предложили, по моей просьбѣ, проводить троихъ изъ моихъ людей къ султану *Руфунду*, сыну короля Узамбарскаго *Кмери*, чтобы пригласить его открыть рынокъ для каравана.

Во время переговоровъ мы узнали, что Ватента изъ Кадьяро два мѣсяца тому назадъ вторгнулся въ Узамбару и проникли до главнаго города *Фуа*, сожгли на дорогѣ всѣ селенія и увели съ собою множество женщинъ, дѣтей и скота, вѣроятно, чтобы вознаградить себя за то, что не могли ограбить насъ. Вазамбара чрезвычайно боится Ватента и утверждаетъ, что у нихъ есть сильныя лекарства, при помощи которыхъ они сохраняютъ свою жизнь даже при опасныхъ ранахъ. Только этимъ повѣрьемъ объясняется то, что вооруженныя ружьями и хорошо обученныя войска Вазамбара бывають разбиваемы ихъ противниками.

Узамбара есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ горныхъ странъ столь богатой противоположностями восточной Африки. Абиссинія представляетъ высокую плоскую страну, пересѣкаемую ущельями; Джагга состоитъ изъ обитаемаго пояса, расположеннаго вокругъ одиночно стоящей исполинской горы Килиманджаро; Узам-

бара похожа на лѣсъ горъ, которыя съ одной стороны круто поднимаются, и, образуя широкія вершины, на другой сторонѣ также круто опускаются, оставляя промежду себя широкія и узкія плодородныя долины. Какъ ея почва, такъ и населеніе отличны отъ почвы и населенія другихъ извѣстныхъ намъ доселѣ странъ: Вазабара не попрошайничаютъ; точно также и форма правленія тамъ своеобразна: могущественный король господствуетъ неограниченно; всѣ жители страны суть его невольники и всѣ должности намѣстниковъ и другихъ чиновниковъ находятся въ рукахъ членовъ его фамиліи, заняты сотнями его сыновей и дочерей.

Мы знаемъ Узамбара главнымъ образомъ по свѣденіямъ, сообщеннымъ объ этой странѣ *Крафтомъ*. Свѣденія, сообщенныя *Бэртономъ* и *Стикомъ* при посѣщеніи ими этой страны въ 1857 году, вообще неважны, потому что оба эти предприимчивые путешественника пришли въ эту страну въ дурное время года и не имѣли въ виду точнѣе изучить страну и людей, а хотѣли только наполнить этимъ посѣщеніемъ часть свободнаго времени, оставшагося у нихъ до начала ихъ большаго путешествія. Главная ихъ заслуга, опредѣленіе положенія *Фуа*, главнаго города страны, не имѣетъ такого прочнаго основанія, какъ многіе думаютъ. Поэтому Узамбара представляетъ будущему путешественнику еще богатое поле для изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что ничего еще не извѣстно о свойствахъ ея горъ, содержащихся въ нихъ сокровищахъ и объ ея животномъ и растительномъ мірѣ, не смотря на то, что эта страна отстоитъ только на нѣсколько миль отъ берега и лежитъ напротивъ острова Занзибара. Что Узамбара скрываетъ въ себѣ много чудеснаго, это видно уже изъ ея особеннаго строенія и изъ ея положенія въ началѣ большой внутренней равнины.

Самая удобная туда дорога отъ моря ведетъ вдоль величественной *рѣки Панзани*, которая на нѣсколько миль отъ устья судоходна, но потомъ дѣлается несудоходною вслѣдствіе большихъ водопадовъ и многочисленныхъ поросшихъ лѣсомъ и обитаемыхъ острововъ; она протекаетъ по ту сторону узкой; населенной суахелійцами, береговой полосы черезъ страну зависящихъ отъ Узамбары *Вашекзи* (т. е. подчиненныхъ, побѣжденныхъ), потомъ по южнымъ отрогамъ горъ черезъ область, соединяющую въ себѣ всѣ красоты тропической горной мѣстности. Другіе пути открываются путешественнику съ востока или съвера; но они ведутъ черезъ горы и долины и потому чрезвычайно утомляютъ непривычнаго къ взлѣзанью человѣка; по поводу ихъ Крафъ говоритъ, что онъ лучше повторитъ далекое путешествіе въ Укамбани и къ горѣ Кени, чѣмъ пойдетъ черезъ горы въ Фуа, гдѣ ему придется влѣзть на крутые гребни горъ, а потомъ спускаться сейчасъ же на сто и тысячу футовъ внизъ въ долины, и такимъ образомъ идти цѣлые дни, пока наконецъ полумертвый отъ изнуренія достигнешь цѣли.

Какъ въ Абиссиніи, такъ и въ Узамбарѣ путешественникъ, вступивъ на границу страны, становится *зостемъ короля*, который снабжаетъ его съѣстными припасами, даетъ носильщиковъ для доставки багажа и домъ для отдыха. За это королю разумѣется должно давать подарокъ, но за то эта одновременная пошлина освобождаетъ отъ безпрестанныхъ вылянчиваній мелкихъ начальниковъ, которыя такъ надоѣдаютъ въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь ни одинъ изъ намѣстниковъ не смѣ-

еть попрошайничать и даже принимать подарки, зная, что этимъ навлечетъ на себя строжайшее наказаніе со стороны своего повелителя. Крапфъ восхваляетъ пріятность путешествія по Узамбарѣ, «гдѣ чудовище попрошайничества неизвѣстно», и желаетъ другимъ племенамъ, у которыхъ каждый деревенскій староста присвоиваетъ себѣ права султана, столь же строгаго правительства, считая республиканскую форму правленія восточно-африканскихъ народностей большимъ зломъ.

Кмери, теперешній король Узамбары, старый, невидный человѣчекъ, есть четвертый король своей династіи. Его прадѣдъ, пришедшій съ горъ Нгу на рѣкѣ Пангани, положилъ начало государству. Сначала это государство обнимало собою только Узамбару въ тѣсномъ смыслѣ, собственно альпійскую страну; отецъ Кмери завоевалъ еще лежащій къ востоку округъ Бондеа, а самъ *Кмери* — область *Вашензи* и часть области *Вадио*. Впослѣдствіи нѣкоторыя части этихъ владѣній отпали, особенно вслѣдствіе введенія огнестрѣльнаго оружія: живущіе на югѣ государства Вазегуа первые добыли себѣ новое оружіе и тѣмъ приобрѣли опасный перевѣсъ надъ могуществомъ Кмери. Точно также и отношенія къ живущимъ по прибрежью суахелійцамъ становились все слабѣе.

Король пользуется большимъ уваженіемъ и почтеніемъ со стороны своихъ подданныхъ. Знатные люди часто приходятъ спрашивать его, чѣмъ они могутъ услужить ему и доказать ему свою преданность, и потомъ съ рвеніемъ выполняютъ возложенную на нихъ обязанность, которая обыкновенно состоитъ въ томъ, чтобы обвести окопомъ часть страны. Это необыкновенное вліяніе главнымъ образомъ имѣетъ свою причину въ томъ, что Кмери, такъ сказать, всюду присущъ въ странѣ, не лично, но черезъ свое семейство, черезъ своихъ сыновей и дочерей, занимающихъ всѣ важныя мѣста. Онъ имѣетъ 300 женъ, частію выбранныхъ имъ самимъ, частію же такихъ, коихъ справедливымъ притязаніямъ на этотъ титулъ онъ удовлетворилъ. Происшедшіе отъ этихъ союзовъ дѣти, числомъ не менѣе 400, причисляются къ королевскому роду, и, достигнувъ совершеннолѣтія, получаютъ правительственную должность. Слѣдовательно Кмери ввелъ многоженство не только изъ чувственныхъ, но главнымъ образомъ изъ политическихъ видовъ, въ противоположность султану Шоа, который запираетъ своихъ дѣтей отъ 500 женъ и удаляетъ ихъ отъ правительственныхъ дѣлъ. Единственно этою «системою» Кмери достигъ возможности установить сторукую власть, подавляющую своеволія и возмущенія и поддерживающую порядокъ и спокойствіе. Только однажды произошло въ Узамбарѣ возстаніе: братъ султана объявилъ себя независимымъ властителемъ отдаленной горы *Мзми*.

Въ Узамбарѣ существуетъ правильный *порядокъ престолонаслѣдія*. Но наслѣднымъ принцемъ или *Себуке* бываетъ не старшій сынъ короля, а первый изъ рожденных по его воцареніи. Этотъ сынъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, имѣетъ свое пребываніе въ области *Мумбурри*, изъ которой не можетъ удаляться. По смерти царствующаго короля Себуке торжественно въѣзжаетъ въ главный городъ *Фуа*, какъ властитель. Онъ имѣетъ право смѣнить всѣхъ прежнихъ наместниковъ и замѣстить ихъ своими потомками.

Симба ва Муэне («онъ самъ левъ», такъ называютъ обыкновенно Кмери) держитъ при себѣ лейб-гвардію, называемую *ваинлезе* или англичанами. Другой отдѣлъ его войска составляютъ *Вадурума*, солдаты наслѣднаго принца въ Бумбурри, а третій — *Вапуна* или солдаты намѣстниковъ. Главная обязанность воиновъ состоитъ въ томъ, чтобы приводить въ исполненіе повелѣнія короля и собирать подати; на войнѣ они бывають рѣдко, такъ какъ осѣдлыя сосѣднія племена не могутъ и помышлять о томъ, чтобы завоевать горную Узамбару, а вторгающіяся хищническія племена, какъ напр. Мазан и Вакуафи, весьма быстро покидаютъ страну, такъ что вооруженная сила не успѣваетъ противостоять имъ.

Вазамбара — крѣпкаго сложенія люди съ свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, которые относительно трудолюбія и силы въ работѣ значительно превосходятъ обитателей побережья и равнины. Проворно и легко взбираются они съ тяжелыми ношами на головѣ, на свои крутыя горы, тогда какъ Ваника напр. даже безъ ноши съ трудомъ выносятъ непродолжительное восхожденіе на гору. Они живутъ главнымъ образомъ земледѣліемъ и скотоводствомъ. Не смотря на богатство ихъ страны, ихъ можно назвать бѣдными, такъ какъ король беретъ у нихъ весь избытокъ и они боятся копить богатство въ пользу одного только властителя; кромѣ того, и торговля у нихъ чрезвычайно ограничена. Правда, имъ открыты пути въ богатую Джаггу, въ страну Мазан и Вакуафи и на побережье; съ небольшимъ запасомъ предпримчиваго духа они вскорѣ превзошли бы благосостояніемъ всѣ сосѣдніе народы: но они предоставляютъ пользованіе этими выгодами прибрежнымъ суахелійцамъ и арабамъ! Поэтому намъ не должно казаться удивительнымъ и то, что они не пользуются и другими сокровищами своей страны, какъ напр. прекраснымъ сахарнымъ тростникомъ своихъ долинъ и табакомъ, растущимъ на ихъ горахъ.

Это-то положеніе дѣлъ, препятствующее Вазамбара достигать процвѣтанія, было бы весьма выгодно для предпримчивыхъ чужестранцевъ, которые захотѣли бы поселиться въ этой странѣ; имъ нужно было бы только приобрести нѣкоторое вліяніе на туземцевъ и на ихъ повелителя, чтобы извлекать громадныя выгоды. Представимъ одинъ примѣръ, короля Кмери, который весьма расположенъ къ европейцамъ и желаетъ ихъ поселенія въ странѣ, легко было бы убѣдить на такое дѣло, какое прежде предпринялъ занзибарскій султанъ, т. е. воздѣлывать въ большомъ количествѣ сахарный тростникъ, предоставивъ дальнѣйшую его переработку въ сахаръ европейцамъ. Это дѣло въ Узамбарѣ множно было бы вести съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ на Занзибарѣ, потому что здѣсь рабочія силы и съѣстные припасы дешевы, а обиліе водныхъ силъ дѣлаетъ излишнею дорогую доставку и поддерживанье паровыхъ машинъ. Узамбара лежитъ довольно близко къ берегу, и потому продукты этой промышленности могутъ быть доставляемы на рынокъ безъ большихъ издержекъ: необходимыхъ носильщиковъ можно было бы или получать отъ самого короля, или же нанимать за $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ талера въ мѣсяць. Что Кмери не прочь дозволить европейцамъ поселиться въ странѣ, это доказывается замѣтками Крапфа: миссіонеръ безъ труда выпросилъ подарить

ему гору *Томуэ* для устройства тамъ школы! Еще болѣе готовности выкажетъ конечно *Бмери*, если будетъ имѣть возможность извлекать явную выгоду отъ поселенія европейцевъ!

Вскорѣ послѣ полудня 30 сентября посланные воротились и сообщили, что они только вчера вечеромъ достигли города *Руфунду*, но изъ прежнихъ 400 хижинъ нашли только три. Руфунду сначала не хотѣлъ идти съ ними, потому что не могъ ничего предложить европейцамъ и стыдился своей бѣдности, но наконецъ досталъ козу и отправился съ нею въ путь. Полчаса спустя явился и онъ самъ.

Руфунду — рослый, сильный мужчина около 40 лѣтъ, свѣтлаго цвѣта кожи, но съ рѣзкими негритянскими чертами лица. Его костюмъ состоялъ изъ феса и пестраго платка, обернутаго около бедръ и перекинутаго черезъ плеча. Его свита состояла изъ перваго совѣтника и волшебника, шести солдатъ, изъ коихъ половина была вооружена на половину луками и стрѣлами, а другая — копьями и щитами, и трехъ мальчиковъ, изъ коихъ одинъ несъ его ружье, другой — мечъ, а третій — трубку. Онъ держалъ себя вѣжливо и предупредительно, неоднократно увѣрялъ, что онъ по истинѣ не можетъ предложить мнѣ ничего лучшаго, помимо преведенной имъ козы и просилъ не говорить его отцу — *Бмери*, что онъ принялъ насъ столь несоответственно своему званію. Получивъ свой подарокъ, онъ просилъ меня пойти съ нимъ на рыночное мѣсто, находящееся за двѣ мили отсюда. Тамъ я нашелъ множество людей съ сѣтными припасами, но мнѣ не удалось завязать съ ними дѣло; они утверждали, что бумажная матерія слишкомъ дурно смѣрена, но, когда я имъ предложилъ смѣрить ее самимъ, то они отказались, зная, что тутъ имъ придется прогадать еще больше, и не послушались даже убѣжденій своего султана. Я ушелъ, не купивъ ничего. *Вазамбара* сначала не повѣрили этому; но, увидавъ, что я не возвращаюсь, подозвали меня, начали жаловаться, что даромъ принесли свои товары и требовали снова начать торговлю. Держась своего стараго правила, я не согласился на ихъ желаніе. Правда, это могло бы поставить меня въ дурное положеніе, такъ какъ у меня оставалось припасовъ всего на два дня, а ближайшее обитаемое мѣсто находилось на разстояніи четырехъ дней пути; но мнѣ посчастливилось на слѣдующій день купить въ лагерѣ припасовъ, на пять дней.

2 октября. Сегодня мы въ послѣдній разъ покинули область внутреннихъ странъ. Передъ нами лежала обширная пустыня, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣли впереди и перспективу по прибытіи къ берегу освободиться отъ всѣхъ трудовъ. Правда, намъ предстояли еще трудные дни, потому что у насъ, европейцевъ, боль въ ногахъ не только не уменьшилась, но еще болѣе увеличилась. По извилистымъ дорогамъ, имѣя съ лѣвой стороны *рѣку Умба*, а съ правой — сѣверные отроги *Узамбары* — причудливой формы горныя массы *Далаони*, *Сози* и *Мзми*, мы приблизились къ горной цѣпи *Ереви*. Идя цѣлый день, мы не встрѣтили ни од-

ного человѣка. Прежде равнина должно быть была частію обитаема; по крайней мѣрѣ еще недавно на холмѣ *Соторото* находилось селеніе *Вакуафи*.

5-го октября мы достигли *Иеза Мкуба*, значительнаго селенія Вадиго, окруженнаго крѣпкою изгородью и лежащаго среди обширныхъ плантацій мхого и мтамы, банановъ и кокосовыхъ пальмъ: видъ царственныхъ пальмъ, служащій вѣрнѣйшимъ признакомъ близости моря, наполнилъ насъ восторгомъ. Мы сдѣлали роздыхъ подъ деревомъ неподалеку отъ воротъ селенія и были искренно привѣтствованы пришедшими во множествѣ туземцами.

Вадиго во многигъ отношеніяхъ отличаются отъ своихъ сѣверныхъ братьевъ, Ваника, не только выраженіемъ лица и обращеніемъ, но и способомъ постройки своихъ хижинъ, которыя имѣютъ у нихъ четверугольную форму, какъ у суахелійцевъ, а не форму улья. Мужчины носятъ два куска бумажной матеріи, одинъ въ видѣ передника, а другой перекидываютъ черезъ плечи. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ красивой работы мечи и длинные луки въ ростъ человѣка, стрѣлы для которыхъ носятъ съ собою въ рукѣ. Женщины носятъ около бедръ богато украшенный бисеромъ двойной передникъ или юбку, а на шеѣ нѣсколько нитокъ бусъ.

Въ ближайшемъ отсюда селеніи, *Иеза Микунени*, гдѣ мы расположились ночевать, мы нашли также дружественный приемъ. Я купилъ, хотя и по довольно дорогимъ цѣнамъ, състныхъ припасовъ на два дня и обогатилъ свою коллекцію двумя луками и нѣсколькими стрѣлами, мечей же почему-то не хотѣли продавать.

6 октября. Съ разсвѣтомъ мы отправились далѣе черезъ обширныя плантаціи банановъ и хлѣбныхъ злаковъ. Черезъ часъ мы пришли къ окраинѣ гористой мѣстности и въ первый разъ снова увидали *море*. Для путешественника, возвращающагося изъ продолжительнаго сухопутнаго путешествія, видъ величественнаго моря имѣетъ въ себѣ нѣчто трогательное; берегъ представляется ему частицею отчизны, обѣтованною страню! Мы почувствовали въ себѣ новыя силы, не обращали вниманія на усталость и раны и бодро шли подъ гору по крутой дорогѣ къ близкой *Вани*. Но мы преодолѣли еще не всѣ трудности, ибо, пройдя рыночное мѣсто Вадиго и обширное селеніе *Яссини*, мы попали въ манглевья болота, а потомъ должны были еще перейти въ бродъ рѣку Умба и полосу ила, доходившаго до колѣнъ, и только черезъ 9 часовъ вышли снова на твердую почву. Увидавъ дома *Вани*, мы сдѣлали привѣтственный залпъ изъ ружей. Половина жителей вышла за городъ, дружественно привѣтствуя насъ и весьма удивленные тѣмъ, что мы воротились живыми: они слышали изъ Момбаса, что мы всѣ были убиты Ватентами. На насъ смотрѣли съ изумленіемъ, какъ на дикихъ звѣрей, и удивлялись намъ какъ героямъ.

Наил, единственный баніанъ городка, предоставилъ намъ свой домъ, жалкую хижину, которая даже не защитила бы отъ дождя, но которая намъ показала дворцомъ, такъ какъ мы провели сто ночей подъ открытымъ небомъ и были весьма рады, что находимся подъ кровлею и можемъ удобно выспаться. Баніанъ снабдилъ насъ водою, кокосовыми орѣхами, бананами и ананасами; одинъ суахеліецъ, по имени *Рашиди*, прислалъ намъ финиковъ, а одинъ Момбасскій арабъ,

Сани бэнз Солиманъ, угостилъ насъ въ своемъ домѣ прекраснымъ рисою и курри. Такой дружественный приемъ, не вынужденный никакими рекомендательными письмами, былъ для насъ отраденъ послѣ того, какъ мы столько перетерпѣли отъ корыстолюбія и попрошайничества обитателей внутреннихъ странъ.

Мы были львами дня, хотя это приносило болѣе удовольствія жителямъ, чѣмъ намъ. Въ нашемъ домѣ постоянно была толпа и скоро сдѣлалось невыносимо жарко, но мы не хотѣли выгонять навязчивыхъ посѣтителей, такъ какъ они вели себя чрезвычайно дружелюбно. Разспросивъ о новостяхъ изъ внутреннихъ странъ, они рассказывали намъ здѣшнія новости: намъ сообщили, что два большіе парохода изъ Индіи привезли изъ изгнанія султанскаго брата *Сеидъ-Баргаша* и увезли англійскаго консула; что большой французскій корабль не менѣе какъ съ 1000 солдатами посѣтилъ Занзибаръ и взялъ съ собою письма въ Европу, въ которыхъ султанъ жалуется на образъ дѣйствій англійскаго консула; что англичане принялись за пиратство, забрали всѣ попавшія имъ въ руки суда вдоль всего побережья и сожгли ихъ, и. под. Это продолжалось около часа, пока посѣтители наболтались вдоволь и оставили насъ въ покоѣ. Мы воспользовались своею свободою для того, чтобы освѣжиться купаньемъ и перемѣнить бѣлье, чего мы не дѣлали уже нѣсколько дней; но едва успѣли мы одѣться, какъ снова пришли Вангасцы и принесли съ собою снова сильнѣйшую жару, которую мы не могли умѣрить даже отворяя двери, такъ какъ наружи не было вѣтра.

Послѣ полудня я посѣтилъ *Дивани* или бургомистра городка, престарѣлаго араба по имени *Пинда*, который служилъ уже отцу Саидъ Маджида довѣреннымъ совѣтникомъ. Онъ занимаетъ настоящую должность 37 лѣтъ и пользуется значительнымъ вліяніемъ въ городѣ и окрестности. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, при тяжкихъ болѣзняхъ и т. п. у Пинда спрашиваютъ совѣта какъ у врача и чародѣя. Его извѣстность основывается главнымъ образомъ на слѣдующемъ обстоятельстве: около 10 лѣтъ тому назадъ около Ванги явилась шайка Мазаевъ; жители уже оставили городъ и удалились на суда, чтобы спасти по крайней мѣрѣ жизнь; тогда Пинда одинъ и безъ оружія пошелъ на враговъ и бросилъ имъ на встрѣчу сильное чародѣйственное средство (черную курицу и зрѣлый кокосовый орѣхъ), и устрешенныя толпы тотчасъ же обратились въ бѣгство. Съ того времени ни одинъ караванъ не пускается во внутреннія страны, не запасшись григри у Пинда, освященнымъ флагомъ. Здѣсь твердо убѣждены, что чародѣйственное средство Пинда дѣлаетъ караванъ невидимымъ и тѣмъ защищаетъ его отъ нападеній хищническихъ племенъ, отгопляетъ хищныхъ животныхъ и т. под. Продажею этихъ такъ называемыхъ *Бендера*, состоящихъ только изъ маленькихъ шерстяныхъ или бумажныхъ лоскутковъ, исписанныхъ арабскими словами и секретными знаками, и стоящихъ, смотря по величинѣ каравана, отъ 20 до 300 талеровъ, Пинда составилъ себѣ значительное состояніе. Когда я готовился къ путешествію въ Момбасъ, то всѣ почти безъ исключенія являвшіеся ко мнѣ носильщики спрашивали, имѣю ли я такую *бендера*, и съ изумленіемъ слышали отъ меня, что я рассчитываю обойтись безъ такого григри. Хитрый *Ассани*, предвидѣвшій, что моя честность навлечетъ на меня непріятности, тайнственно говорилъ имъ, что

«развѣ они не знаютъ, что я беру съ собою новый волшебный флагъ, имѣющій еще большую силу, чѣмъ арабскій», и что Вазунгу не несутъ его впереди каравана, а прикрѣпляютъ къ верхушкѣ палатки (онъ разумѣлъ мой флюгеръ)? Какое важное значеніе придаютъ флагу во внутреннихъ странахъ, я узналъ въ Джагга.

Дивани сидѣлъ въ красивомъ шелковомъ тюрбанѣ въ бараза своего большого дома и дружелюбно привѣтствовалъ насъ, но едва слышнымъ голосомъ. Старость сильно подорвала его, хотя по его здоровой наружности этого и нельзя было предполагать. Слухъ и зрѣніе замѣтно ослабѣли, да и его вліяніе, прежде столь могущественное, съ теченіемъ времени казалось упало. Мы сами видѣли примѣръ этого. У одного изъ носильщиковъ было ночью украдено ружье. Пинда, которому вскорѣ было сообщено объ этомъ, вышелъ изъ себя отъ стыда и гнѣва и велѣлъ немедленно объявить въ городѣ, что онъ приготовилъ сильное средство, вслѣдствіе котораго воръ, если онъ не принесетъ въ наискорѣйшемъ времени ружье, въ ту же ночь умретъ мучительною смертью. Человѣкъ, которому поручено было сообщить это, колотилъ въ буйволоный рогъ, точно такъ же, какъ дѣлается это въ Занзибарѣ. Тамъ этотъ вѣстникъ кричитъ, когда народъ соберется вокругъ него: «mbiu ja Seid Madjidi ben Saidi ben Sultahni; mbiu ja ngambo jekilia inajambo!» (это рогъ Сеидъ-Маджида, сына Саидъ бѣнъ султана; рогъ звучитъ не даромъ: онъ звучитъ ради важнаго дѣла!) и послѣ этой неизмѣнной формулы слѣдуетъ извѣщеніе, что пропалъ невольникъ и что кто найдетъ его и объявитъ, тотъ получитъ 10 талеровъ, а кто скроетъ его у себя, будетъ заключенъ на годъ въ тюрьму, какъ скоро султанъ узнаетъ объ этомъ. Здѣсь, въ Вангѣ, вѣстникъ дѣлаетъ оглашеніе отъ имени Дивани Пинда, а не отъ имени Сеидъ Маджида. Потому ли, что онъ не довольно громко кричалъ, такъ что воръ не слышалъ этого, или же потому, что онъ не считалъ опасною чародейскую силу Пинда, только ружье не было возвращено. Пинда былъ сильно посрамленъ.

Утромъ 7-го октября снова пришли толпы посѣтителей, частію подъ предлогомъ что нибудь продать, частію же для того, «чтобы засвидѣтельствовать Мзунгу свое почтеніе». Это изъявленіе почтенія или любопытство до того наскучило мнѣ, что я наконецъ былъ принужденъ велѣть очистить мое жилище и поставить двухъ караульныхъ, чтобы никто болѣе не входилъ безъ позволенія.

Въ теченіи дня я купилъ коллекцію копій, мечей, погремушекъ, ложекъ, наручниковъ и т. п., привезенныхъ караванами изъ внутреннихъ странъ. Странно, что здѣсь не признавали мѣновой стоимости за пезами, столь охотно принимаемыми въ Момбасѣ, а требовали, чтобы я купилъ сначала на деньги риса или мтамы, а потомъ платилъ этими продуктами за покупаемыя мною вещи. Эта особенность Вангасской торговли происходитъ конечно оттого, что морскія сношенія съ Занзибаромъ и другими прибрежными пунктами весьма незначительны, хотя сухопутная торговля съ внутренними странами довольно развита.

Послѣ полудня мы предприняли *прогулку* въ сопровожденіи баніана, который просилъ насъ пройти немного по городу, такъ какъ женщинамъ очень хочется видѣть насъ, а днемъ онѣ не могутъ выходить изъ своихъ жилищъ. Въ Вангѣ

считается около 300 глиняныхъ хижинъ, покрытыхъ пальмовыми листьями. Прямая, широкія улицы, площади, усаженные пальмами и господствующая всюду опрятность очень понравились намъ, особенно при сравненіи съ тѣмъ, что мы видѣли въ Момбасѣ и Зинзибарѣ. Теперь Ванга окружена, для защиты отъ Мазаевъ, стѣною. Пролитвъ, шириною не болѣе 20 шаговъ, и даже при самомъ высокомъ приливѣ доступный только для небольшихъ судовъ, соединяетъ Вангу съ моремъ. Съ другихъ сторонъ городъ окруженъ болотистою мѣстностью, часто заливаемою водою. Не смотря на это, и хотя городъ имѣетъ только дурную воду, санитарное состояніе жителей, состоящихъ изъ суахелійцевъ и нѣсколькихъ выродившихся арабовъ, не дурно.

Когда мы осмотрѣли все достойное вниманія, баніанъ повелъ насъ въ сѣдній городокъ *Маугу*. Около полчасы шли мы по манглевымъ болотамъ и наконецъ достигли мѣстечка, расположеннаго не болѣе какъ на пять минутъ хода отъ воды. Положеніе Маугу еще хуже положенія Ванги; тамъ по крайней мѣрѣ море затопляетъ только окрестности, а здѣсь при высокомъ приливѣ даже улицы покрываются на 1½ фута водою. Изъ достопримѣчательностей можно упомянуть только о небольшой каменной мечети, построенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ счастливымъ слоновымъ охотникомъ. Жители Маугу приняли насъ ласково и съ обычными изъявленіями почтенія; они били въ большіе барабаны, принесли въ подарокъ кокосовыхъ орѣховъ и проводили насъ до самой Ванги. Вечеромъ молодые люди обоихъ городовъ устроили въ честь насъ *воинскія игры*, примѣрную битву двухъ отрядовъ, изъ коихъ одинъ назывался англичанами, а другой — французами, «потому что, говорили они намъ, эти два народа самые злѣйшіе враги въ свѣтѣ». Это ихъ мнѣніе было, къ несчастію, справедливо, такъ какъ эти великія націи, къ ущербу путешественниковъ и вообще цивилизаціи, внесли свои мелочныя соперничества даже на этотъ далекій берегъ, такъ что даже дѣти говорятъ объ англичанахъ и французахъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о «кошкѣ съ собакой».

Поздно вечеромъ передъ нашимъ домою собралось много больныхъ. Мы охотно помогли имъ, на сколько это позволяло намъ наше искусство и нашъ запасъ лѣкарствъ. Въ числѣ ищущихъ помощи къ намъ привели нѣсколько незакрытыхъ покрывалами дѣвушекъ отъ 14 до 16 лѣтъ; онѣ выказывали почти неограниченное довѣріе къ нашей наукѣ, жаловались, по удаленіи своихъ родственниковъ, на свои страданія и даже безъ стыда обнажали грудь, чтобы показать рану или нарывъ: строгіе мусульманскіе нравы здѣсь на прибрежьи мало распространены между туземцами, а у переселившихся сюда арабовъ даже совѣтъ исчезли.

Между тѣмъ все было приготовлено къ дальнѣйшему путешествію. Еще въ день нашего прибытія я написалъ къ баніану *Дунмурзи* въ Момбасъ, прося его приготовить къ моему прибытію домъ, извѣстивъ г. *Шульца*, гамбургскаго кон-

сула въ Занзибарѣ, о моемъ благополучномъ возвращеніи и просилъ его прислать мнѣ рекомендательныя письма для Такаунгу и Малниди и судно, которое должно было служить мнѣ при дальнѣйшихъ поѣздахъ; наконецъ я продалъ большую часть моихъ товаровъ баніану, чтобы по возможности облегчить носильщикамъ послѣднюю часть пути. 8-го октября мы тронулись въ путь довольно поздно, потому что должны были выждать окончанія прилива. Баніанъ *Наия* и другія почетныя лица дали намъ на нѣкоторое разстояніе конвой.

Дорога шла около 20 минутъ по водѣ, глубиною до колѣнъ, составлявшей остатки наводненія, происходящаго во время полнолунія и новолунія по два раза въ день, потомъ по воздѣланной частию мѣстности. Только въ три часа по полудни мы достигли *Понгуэ*, селенія, состоящаго изъ 30 домовъ и лежащаго при бухтѣ того же имени по другую сторону мыса Ваффингъ. Только одинъ изъ нашихъ друзей, человѣкъ съ искалеченною рукою, бывшій пять разъ въ Джагга и два раза у Мазаевъ, провожалъ насъ до этого мѣста; онъ безпрестанно бранилъ носильщиковъ, которые съ столь легкими ношами такъ медленно шли по хорошей дорогѣ, и увѣрялъ, что не смотря на свою старость, онъ пройдетъ всю эту дорогу рысью съ полною ношею.

Абдалла бѣнъ Каммисъ, начальникъ селенія, привѣтствовалъ насъ залпомъ изъ нѣсколькихъ десятковъ ружей; онъ вышелъ къ намъ на встрѣчу за частоколь, окружавшій селеніе, принесъ въ подарокъ кокосовыхъ орѣховъ и меду и отвелъ намъ двѣ половины въ двухъ домахъ. Жители селенія также были чрезвычайно любезны и предупредительны. Множество больныхъ, въ томъ числѣ многія изъ прекраснаго пола, просили совѣта и помощи, не выказывая при этомъ ни малѣйшей робости.

Жилище наше было очень опрятно. До трехъ часовъ утра мы наслаждались пріятнымъ покоемъ на устланныхъ циновками китандахъ, какъ вдругъ насъ разбудилъ ужасный вопль. Я въ испугѣ вскочилъ, схватилъ лежащее около меня ружье и, поспѣшно выйдя изъ дома, увидалъ проскользнувшее мимо меня какое-то животное, которое исчезло прежде, чѣмъ я успѣлъ въ него выстрѣлить. Такъ какъ преслѣдованіе было бы бесполезно, то я отправился на то мѣсто, откуда все еще раздавался крикъ; крикъ этотъ испускалъ одинъ изъ носильщиковъ, у котораго во время сна какое-то хищное животное укусило заднюю часть тѣла и надѣлало ранъ когтями. Бѣднягѣ было такъ плохо, что я долженъ былъ оставить его, какъ «инвалида», въ Понгуэ. По ближайшему осмотру слѣдовъ можно было предполагать, что это все надѣлалъ леопардъ; но жители селенія положительно утверждали, что по сосѣдству водятся только гіены.

Утромъ я нанялъ за четыре пезы въ день человѣка для замѣщенія больнаго носильщика. При прощаньи я подарилъ своему хозяину талеръ. Многочисленная почетная свита проводила меня до границъ округа. Намъ приходилось переходить то черезъ мангровыя болота, то черезъ глубокія жилы соленой воды; часто шли мы по рыхлому песку и только иногда, на выше лежащихъ мѣстахъ, по твердой почвѣ по широкимъ зеленымъ равнинамъ, поросшимъ пальмами и копаловыми деревьями: здѣсь мы всюду видѣли глубокія ямы, вырытыя туземцами для отысканіи

ванія копала. Нѣкоторое время мы шли по самому берегу. Какъ моряка восхищаетъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ плаванія шумъ древесныхъ вершинъ, такъ и для насъ, впервые снова услышавшихъ шумъ морскихъ волнъ, онъ казался прекрасною музыкою, и мы съ истиннымъ участіемъ наблюдали за движеніями нѣсколькихъ лодокъ, въ которыхъ бѣдно одѣтые рыбаки занимались на пѣнящихся рифахъ добываніемъ себѣ пропитанія.

Въ три часа по полудни мы пришли къ маленькой бухтѣ, окаймленной мангловыми деревьями, около которой лежитъ извѣстное изъ исторіи Мсаръ мѣстечко *Гази*, обнесенное деревяннымъ частоколомъ. Вызванное нашими выстрѣлами, изъ воротъ вышло множество народа. Намъ отказали во входѣ въ селеніе, потому что предварительно должно было произойти совѣщаніе объ этомъ. Двадцать минутъ я напрасно ждалъ приглашенія; потомъ велѣлъ снова взять тюки и расположиться лагеремъ около пруда, находившагося на разстояніи тысячи шаговъ отсюда и составлявшаго, какъ я вскорѣ узналъ, единственный во всей окрестности водоемъ. Жители, которые сначала съ пренебреженіемъ прогнали насъ, думая, что мы зависимъ отъ ихъ милости, теперь струсили, пришли въ лагерь подъ предводительствомъ своего верховнаго начальника, увѣряли меня въ своей дружбѣ и просили извиненія въ томъ, что меня по недоразумѣнію задержали такъ долго. «Теперь, говорили они, въ нашемъ распоряженіи будетъ много съѣстныхъ припасовъ и всѣ ихъ дома, и мы не должны наносить имъ позора, обойдя мимо ихъ городъ». Но такъ какъ мѣсто стоянни мнѣ очень понравилось и такъ какъ у меня было еще достаточно съѣстныхъ припасовъ, то я сказалъ начальнику, чтобы онъ какъ можно скорѣе удалился съ своими людьми, потому что какъ они отказали впустить меня въ Гази, такъ и я не позволяю ему теперь входить въ мой лагерь. Дальнѣйшіе переговоры я прервалъ на отрѣзъ, схватившись за свое ружье. Впослѣдствіи жители нѣсколько разъ хотѣли пробраться за водою, особенно женщины, воображая, что ихъ пощадятъ; но мы не сжалились надъ ними и нѣсколькими холостыми выстрѣлами заставили ихъ поспѣшно удалиться. Такимъ образомъ жители за свое негостепримство были наказаны двѣнадцатичасовымъ недостаткомъ воды. Мои носильщики, не довольствуясь этимъ, выразили свое негодованіе примѣрнымъ штурмомъ городка. Съ ужаснымъ крикомъ и громкими угрозами они побѣжали къ нѣсколько подгнившему частоколу, выстрѣлили холостыми зарядами изъ ружей, неистово махали мечами и надѣлали такого шума, что Вагази конечно умирали со страху.

При этомъ случаѣ у одного особенно храбраго кригуна разорвало ружье. Это уже третій крѣпкій тоузрскій мушкетъ погибалъ у меня въ теченіи трехъ мѣсяцевъ путешествія; кригунъ и теперь пожалуй не отсталъ бы отъ своей неистовой стрѣльбы, если бы я не наказалъ его наконецъ отнятіемъ оружія. У суахелійцевъ считается дѣломъ чести заряжать ружья какъ можно сильнѣе: на зарядъ кладется горсточка пороху, и тотъ, у котораго положенный въ дуло шомполъ выдается изъ него дальше, считается самымъ храбрымъ. Если бы они стрѣляли изъ заряженныхъ такимъ образомъ ружей обыкновеннымъ способомъ, то сильный толчокъ взадъ могъ бы причинять имъ значительные ушибы, а потому

они держать ружье вытянутою рукою, такъ, что сильный толчокъ не вредить имъ, а разбивается объ упругость ручныхъ мускуловъ. Суахелійцы хорошо знаютъ, что сильный зарядъ иногда разрываетъ ружье, и, чтобы предотвратить это, не кладутъ пыжа, и даже при серьезной стрѣльбѣ кладутъ пули прямо на порохъ. Собственно говоря, они поступаютъ въ этомъ случаѣ не совсѣмъ неосновательно, истребляя въ громадномъ, по нашему, количествѣ употребительный здѣсь американскій «порохъ»; называемая этимъ именемъ масса, приготовляемая хитрыми янки собственно для употребленія африканцевъ, состоитъ изъ угловатыхъ блѣдносѣрыхъ кусковъ величиною не меньше чечевицы, и, какъ показываетъ нижеслѣдующій фактъ, собственно не принадлежитъ даже къ числу быстро воспламеняющихся тѣлъ. Въ Занзибарѣ однажды загорѣлась хижина, въ которой лежало значительное количество американскаго пороха, закрытаго только циновками. Съ трепетомъ всѣ ждали минуты взрыва. Только американскій купецъ былъ спокоенъ, потому что хорошо зналъ свой товаръ. Наконецъ обвалились стропила и горячая кровля, а порохъ не воспламенился! За то этотъ *барутти*, какъ называютъ его суахелійцы, имѣетъ другое, высоко цѣнимое, свойство: онъ не только сильно трещитъ, но и представляетъ при выстрѣлѣ, особенно вечеромъ, величественный видъ дождя искръ, плоскою дугою падающаго внизъ изъ разряжаемаго ствола.

10 октября. Намъ предстоялъ долгій переходъ, такъ какъ мы сегодня рассчитывали достигнуть Момбаса. Я разбудилъ людей за два часа до разсвѣта. При упаковкѣ тюковъ оказалось, что всѣ ножи, вилки и ложки, еще съ вечера завернутыя въ платокъ, пропали; при ближайшемъ изслѣдованіи съ фонаремъ по близости оказались слѣды гиены. Такъ какъ я зналъ уже гиенъ за дерзкихъ воровъ, которые, не находя ничего съѣдобнаго, уносятъ съ собою всевозможныя вещи, то и пошелъ по слѣду. Мнѣ удалось найти нѣсколько ножей и вилокъ, но ложекъ я не нашелъ.

Этотъ послѣдній день нашего путешествія былъ весьма тяжелымъ днемъ. Солнце пекло немилосердно, и дурная вода, взятая изъ Гази, сдѣлалась теплою. Ноги мои до того распухли и покрылись пузырями и глубокими ранами, что я отъ боли не могъ надѣть сапогъ, и потому шелъ босикомъ. Сначала это было не трудно, потому что дорога шла по песчаной мягкой почвѣ; но потомъ, когда мы вступили на коралловую поляну съ ея страшными зубцами, я принужденъ былъ втиснуть свои измученныя ноги въ жесткіе сапоги, и, стиснувъ зубы, медленно подвигался впередъ. Точно тоже было и съ Торнтономъ и Коралли. Носильщики также сильно страдали и мы все чаще и дольше должны были поджидать отставшихъ.

Около пяти часовъ вечера мы пришли, съ немногими только людьми, въ *Ликони*, лежащее на южномъ Момбасскомъ проливѣ, напротивъ бывшаго суахелійскаго города *Килиндилли*. Къ немалому моему удивленію здѣсь не оказалось шлюпокъ, которыя я за нѣсколько дней уже заказалъ баіану. Поэтому мы должны были еще разъ расположиться подъ открытымъ небомъ; но насъ утѣшала увѣренность въ томъ, что насъ отдѣляетъ отъ Момбаса только короткая ночь и одинъ часъ пути. Тотчасъ по прибытіи я послалъ Ассани съ порученіемъ при-

гласить баніана поспѣшить, и взять у г. Ребмана пару башмаковъ, такъ какъ я былъ не въ состояніи идти дальше въ своихъ. Намъ пришлось еще долго ждать питья и пищи; только въ семь часовъ нашли воду, а еще черезъ часъ было готово и кушанье.

Освѣжившись и подкрѣпившись, мы проснулись рано утромъ. Около семи часовъ прибыли одно за другимъ три судна. Я узналъ, что мое письмо изъ Ванги пришло только вчера вечеромъ, и потому не успѣли приготовить все нужное для насъ. *Мустафа* и на этотъ разъ приготовилъ намъ торжественную встрѣчу: около 20 его Белуджей встрѣтили насъ радостными залпами на другомъ берегу, т. е. на самомъ островѣ. Здѣсь же встрѣтили мы и г. *Ребмана*, потомъ таможеннаго сборщика, нѣсколькихъ индійцевъ и многихъ друзей и знакомыхъ нашихъ носильщиковъ. При постоянныхъ выстрѣлахъ изъ ружей былъ пройденъ короткій путь до города, у воротъ котораго привѣтствовали насъ Кади и многіе знатные Арабы. Не останавливаясь, мы поспѣшили къ гостепріимному дому Ребмана, гдѣ мы наконецъ нашли желанный отдыхъ. Для меня были тамъ письма съ Занзибара и изъ Европы, обрадовавшія меня извѣстіями о благополучіи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Остальную часть дня я провелъ въ семьѣ моего гостепріимнаго друга.

Бъ сожалѣнію, я не получилъ въ свое распоряженіе того дома, который занималъ прежде. Вали обидѣлся на то, что моя просьба была передана ему черезъ баніана, съ которымъ онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ, и не сдѣлалъ для меня ничего. Онъ завелъ даже ссору съ Мустафою за то, «что онъ приготовилъ мнѣ такую встрѣчу, какъ будто бы я былъ самъ Сеидъ Маджидъ». Теперь онъ, правда, извинялся разными предлогами; но онъ не обратилъ на меня вниманія и просилъ баніана помѣстить меня въ другой домъ, находящійся неподалеку отъ Ребмана, въ которомъ нѣкоторое время жилъ миссіонеръ Эргардтъ, а потомъ — Бартонъ и Спикъ. Такъ какъ въ числѣ полученныхъ мною писемъ было рекомендательное письмо отъ французскаго посольства въ Берлинѣ къ французскому консулу въ Занзибарѣ, то я немедленно пожаловался черезъ этого консула на образъ дѣйствій вали. Лишь только Али бѣнъ Нассеръ узналъ это, какъ велѣлъ сказать мнѣ, что прежній домъ готовъ для меня, и спросить меня, въ которомъ часу я могу принять его у себя. Но не задолго передъ тѣмъ онъ самъ же говорилъ, что ничего болѣе не сдѣлаетъ для меня, такъ какъ я передъ отправленіемъ не далъ ему большаго денежнаго подарка! Понятно, что теперешнее его предложеніе не могло переменить того, что уже было сдѣлано.

12 октября въ 10 часовъ утра должно было происходить празднество расплаты. Уже въ 7 часовъ явились нѣкоторые носильщики и возвратили тыквенныя фляжки, ружья, мечи и т. п., которыя я далъ имъ для употребленія во время путешествія. Въ назначенный часъ явился баніанъ со спискомъ. Я отсчиталъ каждому слѣдующую часть, именно — Мукуругензи 30 талеровъ, а каждому изъ носильщиковъ по 6 талеровъ, и кромѣ того, въ видѣ награды за второе путешествіе въ Килема — каждому по 1 талеру. Многіе изъ носильщиковъ, которые хорошо вели себя, получили по 5 талеровъ награжденія, а Мнубіэ, лучший изъ проводниковъ, даже 11 талеровъ. Кого нужно было наказать, я наказывалъ

не вычетомъ изъ денегъ, хотя это было бы для нихъ всего чувствительнѣе, но болѣе или менѣе продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Два оратора, возмущившіеся въ Дафетѣ, и одинъ носильщикъ, укравшій мясо передъ раздачею его, были заключены на одинъ день; Муанзалини и Гаммисъ, неоднократно возмущавшіе носильщиковъ, на три дня, а Факи — на цѣлый мѣсяцъ.

Всѣ остались очень довольны, потому что они не надѣялись получить теперь въ видѣ подарка то, въ чемъ я отказывалъ имъ прежде на ихъ требованія. Даже наказанные радовались, что съ ними обошлись такъ милостиво. Во время путешествія они говорили, что «никогда не пойдутъ съ бѣлымъ человѣкомъ, который обращается съ ними такъ строго», а теперь говорили, что «*Бана Мкуба* добрый и славный человѣкъ; онъ совершенно справедливо наказываетъ людей, и если бы онъ не сдѣлалъ этого, то долженъ бы былъ оказаться лжецомъ!» Большая часть ихъ просили меня не забыть ихъ при слѣдующемъ моемъ путешествіи.

На награды и въ уплату я роздалъ около 750 талеровъ, а всѣ издержки путешествія простирались до 2300 талеровъ.

Говоря вообще, результаты этого путешествія можно назвать удовлетворительными. Хотя и не удалось взойти на Килиманджаро до границы снѣговъ, но положеніе знаменитой горы было опредѣлено многочисленными съемками съ различныхъ пунктовъ и ея высота опредѣлена съ такою точностью, что всѣ сомнѣнія самого скептика должны умолкнуть передъ нею. Кромѣ того, путешественники опредѣлили истинное положеніе и форму озера Джипе, изслѣдовали верхнее теченіе рѣки Пангани и ея притоковъ и узнали важнѣйшія племена внутреннихъ странъ и замѣчательные ихъ нравы и обычаи.

Конечно, это было не много въ сравненіи съ тѣмъ, что еще осталось сдѣлать; но приобретенныя свѣденія тѣмъ сильнѣе пробуждали желаніе далѣе изслѣдовать неизвѣстную страну. Мысль о новомъ путешествіи во внутреннія страны, въ область грозныхъ Мазаевъ, къ загадочнымъ снѣжнымъ горамъ и вулканамъ по ту сторону Узамбани и къ большимъ озерамъ на далекомъ западѣ почти безпрестанно занимала барона, и не проходило ни одного дня безъ того, чтобы эти планы не развивались и не придумывались новыя, полезныя комбинаціи. Декентъ сносился со всѣми находившимися въ окрестности Момбаса каравановожатыми, въ томъ числѣ и съ суахелійскимъ торговцемъ *Назоро*, (см. выше) слушалъ рассказы объ ихъ путешествіяхъ, и уговаривался относительно условій, на которыхъ проводники могутъ вступить къ нему въ службу.

Позже путешественники предприняли на нѣсколько дней экскурсію въ *Кизолудини*, откуда посѣтили многіе важные пункты въ странѣ Ваника и пополнили съемки, сдѣланныя во время путешествія. Такимъ образомъ прошли 10 дней въ непрерывной дѣятельности, можно сказать даже въ постоянно возбужденномъ состояніи. Утомленіе послѣ столь труднаго путешествія и вредное вліяніе береговаго климата послѣ столь долгаго пребыванія во внутреннихъ странахъ не могли обна-

ружить въ это время свои послѣдствія, но потомъ взяли таки свое. Прежде всего у Коралли и барона открылась сильная лихорадка и поносъ съ рвотою, потомъ у многихъ изъ слугъ. Такъ какъ болѣзнь была по видимому заразительна, то прекратили сношенія съ домою Ребмана, куда, по желанію Декена, переселился Торнтонъ, который одинъ остался здоровымъ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней въ опасномъ положеніи больныхъ не происходило никакого улучшенія; но наконецъ ихъ здоровая организація взяла верхъ, и вскорѣ они оправились, благодаря спокойствію, которымъ они могли пользоваться, и подкрѣпляющимъ средствамъ, которыя прислалъ изъ Занзибара любезный г. Шульцъ.

29 октября прибыло дау съ ожидаемыми рекомендательными письмами изъ Занзибара; черезъ два дня послѣ того, путешественники отправились на этомъ же суднѣ въ *Такауни* и *Малинди*, главнымъ образомъ съ цѣлью собрать тамъ новыя свѣденія. Уже 8 ноября они снова прибыли, послѣ полугодоваго отсутствія, въ Занзибаръ, гдѣ встрѣчены были искренними привѣтствіями всѣхъ европейцевъ. Нѣсколько отдохнувъ и рассказавъ сочувствующимъ друзьямъ свои приключенія, они снова серьезно занялись планами будущаго: *Торнтонъ* началъ приготовляться къ геологическимъ изслѣдованіямъ по окраинѣ восточно африканскаго побережья, и *Декенъ* написалъ въ Европу, чтобы пріобрѣсти двухъ спутниковъ для слѣдующаго путешествія, которое онъ разсчитывалъ совершить въ еще большемъ размѣрѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

(1). Стран. 19.

Слово *Занзибаръ* происходитъ отъ персидскаго *Зенджъ*-черные, и *баръ*-страна, слѣдовательно означаетъ страну черныхъ. Слово *Суахели* всего правильнѣе произвести отъ арабскаго *Саухиль*-множественное число отъ *сахель*-берегъ, слѣдовательно оно означаетъ прибрежныхъ жителей. Поэтому неправильно называть прибрежную полосу, принадлежащую Занзибарской территоріи, *Суахелійскимъ берегомъ*; гораздо вѣрнѣе назвать его *Сахель* или *Суахель*.

(2). Стран. 19.

Мы заимствуемъ изъ превосходнаго сочиненія М. Guillain, Documents sur l'histoire, la géographie et le commerce de l'Afrique orientale, publiés par ordre du gouvernement, слѣдующую замѣтку о *муссонѣ* на западѣ индійскаго океана: „Въ открытомъ морѣ муссоны дуютъ вообще съ сѣверовостока и югозапада; но ближе къ сушѣ, равно какъ и въ началѣ и въ концѣ своихъ періодовъ они значительно измѣняютъ свое направленіе. На широтѣ Занзибара *сѣверовосточный муссонъ* начинается въ половинѣ Ноября и оканчивается въ концѣ Марта; всего сильнѣе онъ дуетъ съ половины Декабря до половины Февраля и именно съ сѣвера и сѣверо-запада. *Ююзападный муссонъ*, который сильнѣе сѣверовосточнаго, продолжается отъ послѣдней половины Апрѣля до половины Ноября, и, по крайней мѣрѣ въ Занзибарѣ, носить это названіе несправедливо, потому что здѣсь онъ дуетъ днемъ часто съ юго-юго-востока и юго-востока. Арабы и суахелійцы называютъ его первую, болѣе сильную, половину, продолжающуюся до начала сентября, *«Кузи»*, а вторую, оканчивающуюся съ Октябремъ, *«Димани»*. Въ концѣ Октября вѣтеръ поворачиваетъ; прерываемый частыми штормами, съ югозапада къ востоку, и наконецъ переходить въ сѣверо-восточный муссонъ—*Каскази*».

По близости экватора такъ называемый сѣверовосточный муссонъ начинается уже въ концѣ Октября, дуетъ сначала съ востоко-сѣверо-востока, потомъ мало-по-малу переходить на востокъ и востоко-юго-востокъ, а въ Февралѣ и Мартѣ даже на юго-востокъ, по крайней мѣрѣ днемъ, а ночью дуетъ болѣе въ сѣверномъ направленіи и съ суши. Юго-западный муссонъ дуетъ въ половинѣ Апрѣля въ юго-юго-западномъ направленіи и наконецъ переходитъ на юго-юго-востокъ и юго-востокъ».

Въ концѣ каждаго муссона и до начала другаго въ Занзибарѣ съ полудня и до захода солнца и позже замѣтны *морскіе вѣтерки*, которые болѣе или менѣе присоединяются къ общему направленію одного изъ этихъ вѣтровъ. Черезъ нѣсколько часовъ тишины, около двухъ или трехъ часовъ утра наступаетъ *сухонутный вѣтерокъ*, дующій съ запада и юго-запада, продолжающійся до восьми или девяти часовъ утра и снова оканчивается затишьемъ».

(3). Стран. 22.

Подъ *милями* мы понимаемъ всегда употребительныя у всѣхъ націй *морскія мили* = $\frac{1}{60}$ экваторіальнаго градуса = $\frac{1}{4}$ нѣмецкой мили. Этѣхъ морскихъ миль, смотря по свойству мѣстности, считается отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 на одинъ часъ пути.

(4). Стран. 36.

На португальскомъ языкѣ *soso* есть слово, которымъ матери пугаютъ своихъ дѣтей. Отсюда должно быть произошло названіе *кокосоваго* орѣха, такъ какъ его верхняя часть похожа на уродливую маску или на лицо мертвеца, которымъ кто-нибудь хочетъ вызвать *soso* (страхъ). Названіе «кокосъ» перешло потомъ во всѣ языки и страны.

(5). Стран. 61.

Португальцы называютъ этотъ городъ *Маидокса*; на этомъ основаніи Ригби пишетъ *Мадаюша*, Плейфэйръ — *Мадашоа*. Гиллэнъ называетъ его *Моуздишу*. Мы слѣдуемъ Краффу и пишемъ «*Муддиша*».

(6). Стран. 69.

Х. Кокерель описываетъ (Guégin, Rev. et Mag. de Zool. 2 sér. XI. 1859, p. 459, Гав. XVII и XVIII). *Занзибарскаго галаго* слѣдующимъ образомъ: «Голова у него менѣе сферична, чѣмъ у хирогалій, уши велики, овальны, на концѣ тупыя, глаза почти также велики какъ у хирогалій и отстоятъ одинъ отъ другаго на 10 миллиметровъ. Сильно выдающійся впередъ, нѣсколько конической, носъ выдается далѣе нижней челюсти. Туловище короткое, толстое, цилиндрическое. Пальцы тонки и длинны, ногти плоски и невелики; шилообразный ноготь втораго пальца далеко выдается впередъ. Подобно большей части лемузовъ, отолемуръ (нашъ галаго) имѣетъ 36 зубовъ, именно: въ *верхней челюсти* съ каждой стороны по два рѣзца, отдѣленные отъ рѣзцовъ другой стороны промежуткомъ, одинъ здоровый клыкъ, одинъ очень маленькій коренной зубъ, отдѣленный промежуткомъ отъ слѣдующаго и отъ клыка, другой маленькій коренной зубъ, стоящій очень близко къ слѣдующему, и четыре большіе, отличающіеся отъ двухъ среднихъ величиною и развитіемъ двухъ глазныхъ бугорковъ; въ *нижней челюсти* съ каждой стороны два сильно выдающіеся впередъ рѣзца, составляющіе съ рѣзцами другой стороны обращенный впередъ гребень, клыкъ, также обращенный впередъ, два заостренные и обращенные впередъ коренные зуба, и четыре большіе коренные зуба, снабженные бугорками.

Длина туловища равняется $20\frac{1}{2}$ сантиметрамъ, длина головы и морды 5 сантиметрамъ, а длина хвоста—22. Шкура имѣетъ желтоватый, слегка бурый, сѣрый цвѣтъ; но бурый цвѣтъ замѣчается только на наружной оконечности волосъ, а основаніе ихъ имѣетъ однообразный пепельно-сѣрый цвѣтъ. Большія уши почти голы и имѣютъ пепельно-сѣрый цвѣтъ, рыло и всѣ сосѣднія съ носомъ части, а также и пальцы, имѣютъ темно-сѣрый цвѣтъ, подбородокъ и скулы-сѣробѣлый цвѣтъ, постепенно переходящій въ цвѣтъ сосѣднихъ частей. Хвостъ буро-красный на передней и чернобурый на западной половинѣ. Грудь, брюхо и внутреннія стороны конечностей имѣютъ тоже сѣробѣлый цвѣтъ, но нѣсколько болѣе свѣтлый. Тонкость и мягкость волосъ придаетъ шкурѣ волнистый, шерстистый видъ. Волосы на хвостѣ длиннѣе чѣмъ на туловищѣ, но столь же тонки; они всюду имѣютъ одинаковую длину, такъ что хвостъ не представляется пучкомъ, какъ у *Galago crassicaudatus*.

(7). Стран. 99.

Шерифами (множеств. число шарафу) называются потомки пророка. Они пользуются, между прочимъ, отличительнымъ правомъ носить цвѣтъ *магомета-зеленый*. Обык-

новенно они бывают образованы и очень начитаны, но между ними встрѣчаются и весьма невѣжественные люди, а у нѣкоторых строеніе лица и цвѣтъ ясно показываютъ, что въ нихъ течетъ весьма немного священной крови Магомета.

(8). Стран. 101.

Порошок курри состоитъ, по поваренной книгѣ Бѣттхера, изъ двухъ лотовъ кориандра, двухъ лотовъ куркумы, одного лота бѣлаго перца, одного лота инбиря, $\frac{3}{4}$ лота кардамона, 1 лота тмина и $\frac{1}{4}$ лота испанскаго перца; эти пряности обращаются въ мелкій порошокъ, хорошенько смѣшиваются и хранятся въ хорошо закупоренныхъ стьянкахъ. Приготовленный такимъ образомъ курри во всякомъ случаѣ гораздо дешевле и вѣроятно стольже доброкачественъ, какъ «привозный, не содержащій вредныхъ составныхъ частей» индійскій курри, продающійся въ большихъ гастрономическихъ магазинахъ Гамбурга и Берлина. Чтобы приготовить изъ этого порошка знаменитый соусъ *курри*, поступаютъ по индійскому рецепту слѣдующимъ образомъ: «Разрѣзаютъ двухъ утокъ или куръ такъ, какъ разрѣзаютъ ихъ для фрикасе, вымываютъ ихъ начисто и кладутъ въ кострюлю съ такимъ количествомъ воды, чтобы мясо было покрыто ею, потомъ прибавляютъ ложку соли, ставятъ на огонь и по временамъ снимаютъ пѣну, но кострюлю держатъ постоянно закрытою. Если мясо поспѣло, то сливаютъ съ него бульонъ и отставляютъ къ сторонкѣ. Потомъ растопляютъ на сковородѣ полфунта свѣжаго коровьяго масла, крошатъ въ него два зубка чеснока и еще большую луковицу и жарятъ, чаще помѣшивая, до тѣхъ поръ, пока все приметъ бурый цвѣтъ. Наконецъ мясо кладутъ въ масло, насыпаютъ туда двѣ или три ложки порошка курри, снова плотно закрываютъ, и, часто помѣшивая, даютъ ей стоять до тѣхъ поръ, пока и утки примутъ бурый цвѣтъ. Если затѣмъ подлить отставленнаго прежде въ сторону бульона и попарить немного все это вмѣстѣ, то соусъ будетъ готовъ. Кто любитъ кислоту, тотъ можетъ прибавить немного лимоннаго сока».

Всего чаще соусъ курри ѣдятъ съ *сухимъ варенымъ рисомъ*; но его можно употреблять и для другихъ цѣлей, въ особенности для приправы ко многимъ супамъ, да и вообще нѣкоторое количество порошка курри, употребляемое вмѣсто перца и другихъ пряностей, не вредитъ никакому мясному кушанью. Если же хотятъ вполнѣ насладиться рисомъ съ курри, то надо варить рисъ на манеръ арабовъ, турокъ или негровъ. Хорошо сваренный рисъ долженъ сохранять безъ измѣненія форму каждаго отдѣльнаго зерна и долженъ быть такъ мягокъ, чтобы его можно было разминать языкомъ. Этому достигаютъ тѣмъ, что во время варки подбавляютъ нѣсколько молока изъ растертой массы кокосоваго орѣха (см. выше) или же коровьяго масла, и разварить рисъ только до полумягкаго состоянія, а потомъ слить воду и парить рисъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ совсѣмъ готовъ.

При этомъ мы не можемъ не рекомендовать всѣмъ хозяйкамъ сухой вареный рисъ по причинѣ его многообразной примѣнимости. Сваренный размятый въ мискѣ и выложенный на тарелку, онъ составляетъ украшающее столъ блюдо и можетъ быть употребленъ также для приготовления *риса-курри*, для каковой цѣли наливаютъ на нѣсколько столовыхъ ложекъ риса чайную ложку прянаго соуса и смѣшиваютъ. Его употребляютъ, кромѣ того, для превосходнаго молочнаго рисоваго кушанья, которое весьма хорошо въ лѣтнее время. Мы ѣли его въ Занзибарѣ каждый день передъ завтракомъ въ слѣдующемъ видѣ: сухой рисъ перемѣшиваютъ въ тарелкѣ съ теплымъ или холоднымъ молокомъ, и, по мѣрѣ надобности, подкладываютъ туда сахаръ.

Кто знаетъ эти различныя способы употребленія риса, тотъ будетъ высоко цѣнить его, какъ необходимое почти кушанье, и ставить его на равнѣ съ картофелемъ и хлѣ-

бомъ, этими всеобщими питательными веществами, которыя можно ѣсть каждый день, не наскучивая ими. Мы сочтемъ себя счастливыми, если эти замѣчанія хотя немного будутъ содѣйствовать тому, чтобы рясъ и въ нашихъ хозяйствахъ занялъ то мѣсто, котораго онъ заслуживаетъ.

(9). Стран. 108.

Sicut dedecus habetur in partia nostra si qua mulier imperita est domus curandae, ita feminae cuiquam in Agisymbana insula (Sansibar) non potest injici majus opprobrium quam si dicis: «ignorat digitischa». *Digitischa* autem est motus quidam rotatilis ventris haud facile comprehensu et necessarius in coitu; non rotatio totius ventris, sed tantum muscularum rotabilium minima atque subtilissima, quam sentis «si manum supponis, sed oculis non cernis. Etiam hanc artem filiae Suahelenses a magistra illa docentur. Quid autem in eruditione comprehenderit, in eo festo, quod disciplina finita celebrari solent, ostentant, saltantes et ventrem obscene vertentes contorquentesque: haud raro fit, ut homo profanus has exercitationes clam cernat. Postea puellae, in connubio, coitu ipso sese exercentes ad eam scientiam artis quae dicitur digitischa pervenire student, quam magistra eas docere nequirit.

(10). Стран. 119.

Слово *мзуну* (множ. число *вазуну*) означаетъ знающаго, обученнаго; его можно переводить также словомъ *бѣлый* (европеецъ и американецъ), а также и словомъ *христианинъ*, такъ какъ бѣлые по большей части христіане. По словамъ моего учителя *Гаммади бэнъ Асмани*, мзунгу (или, можетъ быть, мзунго)? означаетъ также *необрѣзаннаго*. Поэтому Евреи не вазунгу, а необрѣзанные негры также могутъ быть называемы этимъ именемъ, какъ и случается иногда, что ихъ называютъ *msungu meosi* или черный мзунгу.

(11). Стран. 120.

Англичане не могутъ покупать невольниковъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы они хотѣли отпустить ихъ на свободу; говорятъ, будто это косвеннымъ образомъ содѣйствуетъ торговлѣ невольниками. Нѣмцы и Французы могутъ приобретать невольниковъ, но эти невольники, какъ скоро деньги за нихъ уплачены, самую эту покупку уже дѣлаются свободными и ихъ нельзя удерживать насильно, если они захотятъ поступить въ услуженіе къ другому, и нельзя также ловить, если они убѣгутъ.

(12). Стран. 123.

Вода, приносимая дѣвушками — носильщицами въ дома, имѣетъ пріятный сладкій вкусъ, но наполнена синеваато-бѣлымъ мутнымъ отстоемъ; передъ ея употребленіемъ очищаютъ ее фильтрованіемъ черезъ песокъ или уголь. Послѣ этого она теряетъ свой непріятный видъ и не оказываетъ вреднаго вліянія на здоровье. Но мысль о происхожденіи и о возможномъ оскверненіи этой влаги все-таки имѣетъ нѣчто непріятное; поэтому англійскій консулъ предпочелъ употреблять для питья и варки собираемую имъ самимъ *дождевую воду*. Онъ провелъ съ обширныхъ плоскихъ кровель своего дома стекающую дождевую воду въ выложенную камнемъ цистерну, и положилъ въ нее, для воспрепятствованія ея порчѣ, нѣсколько маленькихъ рыбокъ, истреблявшихъ всѣ животныя вещества, личинокъ, комаровъ и т. под: эта вода, которой хватало на цѣлый годъ отъ нѣсколькихъ сильныхъ дождей, оставалась и въ продолженіи жаркаго времени прозрачною и хорошею.

(13). Стран. 130.

Наглядная таблица *исторіи восточной Африки* по главнымъ ея хронологиче-

скимъ числамъ помѣщена въ особомъ приложеніи къ научной части. Мы пользовались при ея составленіи первою частью вышеупомянутаго превосходнаго сочиненія Гиллэна.

(14). Стран. 143.

Гомбе (вѣроятно индійское диппу) называютъ сплетенный изъ машпатты мѣшокъ для гвоздики, вмѣщающій четыре фраска или 150 фунтовъ. Эти мѣшки обыкновенно называютъ *маканда* (единств. *канда*).

(15). Стран. 186.

Въ Африкѣ почти нигдѣ не имѣютъ понятіе о *частичной стоимости большихъ монетныхъ единицъ*. Въ верхнихъ частяхъ Нила, какъ напр. въ Абиссиніи, за каждую вещь, просятъ талеръ; только въ послѣднее время произошла тамъ, повидимому, перемѣна послѣ того какъ начальники англійской экспедиціи ввели у владѣтелей нѣкоторыхъ мѣстностей англійскія и индійскія мѣдныя деньги. Тотъ же недостатокъ въ мелкой монетѣ стѣсняетъ торговлю и въ другихъ мѣстахъ, но въ иныхъ мѣстахъ этому горю помогаютъ въ нѣкоторой степени; такъ напр. въ нѣкоторыхъ береговыхъ пунктахъ занзибарской территоріи *шльб* покупаютъ на серебряные талеры, а на него обмѣниваютъ необходимыя мелочи; въ Мадагаскарѣ же и на Коморскихъ островахъ французскій талеръ раздробляютъ ножомъ и молотомъ на *четверти, осьмушки и шестнадцатая доли*.

(16). Стран. 196.

Легкая занзибарская лихорадка идетъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ: сначала больной чувствуетъ дерганье въ конечностяхъ, зѣвоту и потяготу и болѣе или менѣе сильный ознобъ; но минованіи озноба, противъ котораго не помогаетъ ни теплая одежда, ни теплое питье, наступаетъ сильный жаръ съ жженіемъ въ глазахъ. Въ это время нѣсколько стакановъ лимонада доставляютъ большое облегченіе: жаръ прекращается при сильномъ потѣ, и больной снова чувствуетъ себя сравнительно хорошо, особенно если еще нѣсколько уснулъ. Одинъ страдаетъ болѣе ознобомъ, другой—жаромъ; но все жалуются во время лихорадки на стѣсненіе въ головѣ и чувствуютъ особенное давленіе въ затылкѣ и шумъ въ ухахъ, подобно тому, какъ бываетъ при сильныхъ пріемахъ хинина. Легкая занзибарская лихорадка не сопряжена съ дѣйствительною болью; она часто не имѣетъ даже вліянія на хорошее расположеніе духа пациента; я самъ, по крайней мѣрѣ, въ самомъ зломъ ея періодѣ пѣлъ веселыя пѣсни и весело и шутливо разговаривалъ съ посѣщавшими меня друзьями.

Главная непріятность этихъ лихорадокъ заключается въ регулярномъ повтореніи ихъ пароксизмовъ, наступающихъ большею частію послѣ полдня въ каждые два дня, и въ оставаемой ими послѣ себя слабости. Поэтому не надо медлить употребленіемъ извѣстныхъ *врачебныхъ средствъ*, именно: прежде всего ложку кастороваго масла или рвотнаго порошка, для устраненія расстройства пищеваренія; потомъ около 12 гранъ сѣрнокислаго хинина; на второй, четвертый и шестой день послѣ пароксизма, за нѣсколько часовъ до ожидаемаго его возобновленія, хининъ въ пріемахъ по 8, 6 и 4 гранъ, и, наконецъ, для предотвращенія рецидивовъ, еще нѣсколько дней принимать по 1—2 грана, или, вмѣсто этого, передъ завтракомъ и обѣдомъ принимать по чайной ложкѣ порошка хинной корки въ коньякѣ или хересѣ, съ какимъ-либо препаратомъ желѣза, или же пить по ставану хининоваго вина (легкое вино, нѣсколько времени настаиваемое хинною коркою).

Злокачественныя лихорадки, начинающіяся головокруженіемъ и обморокомъ, и иногда въ тотъ же день оканчивающіяся смертію, встрѣчаются на занзибарской тер-

риторіи весьма рѣдко, собственно только на югѣ ея въ Килоа, потомъ въ Мозамбигѣ и другихъ мѣстахъ.

Отъ лихорадки не избавляется почти никто изъ возвращающихся на побережье послѣ путешествія по внутреннимъ областямъ или съ побережья въ Занзибаръ. Правда, многіе думаютъ, что можно предохранить себя ежедневнымъ употребленіемъ небольшихъ приѣмовъ хинина, но другіе увѣряютъ, что частое употребленіе хинина болѣе вредитъ здоровью, чѣмъ легкій лихорадочный припадокъ, болшею частію не очень трудный. Замѣчательно, что первые слѣды легкой климатической лихорадки обнаруживаются спустя долгое время, часто черезъ 2—3 недѣли и позже, послѣ дѣйствія вредныхъ вліяній. Новички, участвовавшіе въ охотничьей экскурсіи на материкъ и въ первые дни послѣ этого не замѣчавшіе еще лихорадки, иногда предаются надеждѣ, что они, какъ особенныя любимцы природы, избавятся отъ нея; но лихорадка является, хотя и медленно, и изъ 20 человѣкъ путешествующаго общества рѣдко двое или трое остаются свободными отъ нея.

Даже живущіе въ здоровомъ Занзибарѣ европейцы часто не остаются свободными отъ лихорадки, хотя они часто могутъ избѣгать ее умѣренностью во всякаго рода наслажденіяхъ, избѣгая всякихъ сильныхъ напряженій и возбужденій и доставляя своему организму правильное движеніе. Необходимо поддерживать теплоту кожи ношеніемъ шерстянаго нижняго платья, а на животъ носить брюшную повязку; шерстяная одежда подъ экваторомъ нужнѣе, чѣмъ въ полярныхъ странахъ, и я совѣтую не подвергать себя безъ нужды непосредственному дѣйствію солнечныхъ лучей, а употреблять обыкновенныя въ странѣ предохранительныя средства (шляпу, обвернутую толстою матеріею, или зонтикъ, обтянутый бѣлою матеріею), если придется выходить наружу въ жаркую пору дня.

Здѣсь кажется не лишне будетъ сказать нѣсколько словъ и о другихъ болѣзняхъ встрѣчающихся на занзибарской территоріи. *Европейцы* должны, послѣ лихорадки, всего болѣе опасаться *диссентеріи* или кроваваго поноса; но и эта болѣзнь здѣсь далеко не такъ опасна, какъ въ другихъ мѣстахъ. Она легко появляется вслѣдствіе простуды, въ особенности простуды желудка, а также вслѣдствіе употребленія дурной воды и опасна только тогда, когда бываетъ продолжительна. Отъ диссентеріи можно предохранить себя избѣжаніемъ вышеупомянутыхъ вредныхъ вліяній, а главнымъ образомъ содержаніемъ въ теплотѣ нижней части живота посредствомъ шерстянаго набрюшника. Если же, не смотря на это, обнаружится припадокъ болѣзни, то прежде всего употребляютъ обыкновенно хорошій приѣмъ сильно слабящаго костороваго масла (изъ клещевинныхъ сѣмянъ дерева *Ricinus communis* L.), потомъ производяція запоръ средства, какъ напр. тинктуру опія и мятное масло, и пьютъ при этомъ отваръ риса съ нѣкоторымъ количествомъ раствора аравійской камеди, или воду съ хлористою окисью желѣза. Кромѣ того, европейцы часто страдаютъ скоро переходящими *болѣзнями кожи*, всего чаще такъ называемою *рожгею* (*rother Hund*), воспалительною кожною опухолью, обнаруживающеюся преимущественно ночью въ жаркое время года и нарушающею сонъ невыносимымъ происходящимъ отъ нея зудомъ. Какъ ни неприятна эта болѣзнь, но ея не боятся, думая, что она предохраняетъ отъ лихорадки, и не стараются прекращать ее, полагая, что этимъ навлечешь на себя лихорадку. Гораздо рѣже страдаютъ европейцы *нарывами* (чирьями), появляющимися на всѣхъ частяхъ тѣла и иногда довольно опасными.

У *туземнаго* или *переселившагося населенія* всего чаще появляются *накожные болѣзни*, чирьи, нарывы, вереда и т. под. Имъ подвержены особенно низшіе классы, преимущественно вслѣдствіе ихъ неопрятности или употребленія въ пищу полумиспор-

ченной рыбы и раковинъ. Затѣмъ всего чаще замѣчаются *язвы*, образующіяся не столько отъ внѣшнихъ поврежденій тѣла, сколько отъ нарывовъ, и особенно опасныя потому, что ихъ замазываютъ смолою, коровьимъ каломъ и т. под. Болѣзнь тогда скоро распространяется, нагноеніе доходитъ до костей, рана дѣлается зловонною, и, если не прибѣгнуть къ разумному лѣченію, легко можетъ образоваться антоповъ огонь. Посредствомъ очищенія язвы и употребленія частыхъ компрессовъ изъ холодной воды, смѣшанной съ тинктурою арники, и прижиганія краевъ язвы ляписомъ большею частію удается черезъ нѣсколько недѣль преодолѣть болѣзнь. Нашъ способъ лѣченія былъ, по причинѣ кратковременнаго нашего пребыванія, весьма энергиченъ: мы дѣлали въ окружающемъ язву дикомъ мясѣ глубокіе надрѣзы до самаго здороваго мяса и потомъ прижигали крѣпкимъ растворомъ ляписа; черезъ нѣсколько дней, когда выжженное мясо почернѣетъ и отпадетъ, мы отнимали его и поступали съ находящимся подъ нимъ слоемъ точно такъ же, пока наконецъ язва принимала чистый, доброкачественный видъ.

Глазныя болѣзни часты только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Всесвѣтная болѣзнь «сифилисъ» встрѣчается также и на Занзибарѣ, но она дѣйствуетъ тамъ не такъ опустошительно, какъ въ другихъ мѣстахъ; вѣроятно это благоприятное дѣйствіе должно приписывать климату и общеупотребительному у мужчинъ обрѣзанію.

У богатыхъ людей, у Индійцевъ и Арабовъ, нерѣдко случается *водная грыжа*. При операціи вытекаетъ часто невѣроятное количество воды, какъ говорятъ, до 40 или 50 фунтовъ. Европейцы также иногда страдаютъ этою болѣзнию, но не въ такой мѣрѣ. Исключительно у Арабовъ и Индійцевъ встрѣчается *элефантіазисъ* (слоновая болѣзнь), опухоль соединительной ткани кожи на ногахъ, обнаруживающаяся необыкновеннымъ утолщеніемъ голеней и икръ. Пораженные этою болѣзнию бѣдные негры, у которыхъ такая уродливость не прикрывается, какъ у Арабовъ, длинною рубашкою или кафтаномъ, издали выглядятъ такъ, какъ будто бы на нихъ надѣты огромные болотныя сапоги.

По временамъ занзибарскую область посѣщаютъ эпидемическія болѣзни: они приходятъ обыкновенно отъ краснаго моря и медленно распространяются на югъ до Мозамбика и далѣе. При равнодушіи магометанскаго населенія къ жизни и смерти и при ихъ неохотѣ къ употребленію надлежащихъ предохранительныхъ средствъ, почти каждая эпидемія производитъ большія опустошенія. Такъ въ 1859 году *холера* на одномъ островѣ Занзибарѣ похитила около 20,000 человекъ и обезлюдила на противоположномъ берегу многіе города. Точно также между неграми часто свирѣпствуетъ оспа, такъ какъ у нихъ нѣтъ и помину объ оспопрививаніи. Но въ послѣднее время англійскому врачу д-ру Сьюарду удалось привезти въ Занзибаръ благотворный ядъ лимфы въ совершенно неповрежденномъ видѣ. Можно надѣяться, что имъ воспользуются покрайней мѣрѣ богатые и образованные.

Медицина у суахелійцевъ стоитъ весьма низко: всего чаще употребляемыя средства суть амулеты и формулы заклинанія или молитвы. Любятъ также употребленіе раскаленнаго желѣза и мѣднаго купороса для прижиганія и развѣданія, и банокъ для вытягиванія крови. Для того, чтобы предохранить отъ толчковъ раны и нарывы на чувствительныхъ мѣстахъ, надъ ними привязываютъ иногда сплетенный изъ прутьевъ ящичекъ, покрывающій рану подобно своду. Ванны для купанья находятся въ каждомъ арабскомъ домѣ; бѣдные часто пользуются морскими и рѣчными купаньями. Всѣмъ туземцамъ, по желанію, помогаютъ врачи англійскаго и французскаго консульства. Но ихъ содѣйствія просятъ рѣдко: суахелійцы уже давно держатся того мнѣнія, къ которому

мы пришли только послѣ вѣковыхъ опытовъ; они думаютъ, что *лучшій и даже единственный врачъ есть природа!*

(17). Стран. 198.

Немногія дошедшія до Европы частицы записокъ Рошера относятся главнымъ образомъ къ предпринятому въ Февралѣ и Мартѣ 1859 года *путешествію по бережку* между *Кондучи* и *Килоэ Кибендже*. Эти сообщенныя намъ *д-ромъ Петерманномъ изъ Готы* свѣдѣнія не имѣютъ почти никакого значенія по причинѣ ихъ неясности и большихъ пробѣловъ въ нихъ; однакоже самое важное изъ нихъ, именно астрономическія опредѣленія, удалось разобрать и вычислить и такимъ образомъ дать картографу этой книги, г. *Гассенштейну*, основу для воспроизведенія карты дороги по полустершимся Рошеровымъ наброскамъ карандашемъ. Особенно интересно это воспроизведеніе потому, что оно утверждаетъ за гамбургскимъ путешественникомъ право перваго открытія прекрасной гавани *Мсизима*, о которой д-ръ *Киркзъ* утверждаетъ, будто онъ *первый* посѣтилъ ее въ 1857 году.

(18). Стран. 202.

Ливингстонъ выѣхалъ въ Сентябрѣ 1866 года изъ бухты Микиндии и черезъ 7 мѣсяцевъ благополучно достигъ береговъ озера Ніасса; онъ обошелъ южную оконечность озера, перешелъ черезъ горную страну на западъ его и въ Октябрѣ 1867 года прибылъ въ Уджиджи на озерѣ Танганика. Во время путешествія къ озеру Ніасса ему приходилось жаловаться только на образъ дѣйствія его собственныхъ людей, но не на обращеніе туземцевъ. Онъ съ большою похвалою отзывался о вождѣ *Матака*, городъ котораго, содержащій около 1000 домовъ, лежитъ на тысячу миль къ востоку отъ озера и на три тысячи футовъ выше уровня моря, въ плодороднѣйшей странѣ съ пріятнѣйшимъ климатомъ. По мнѣнію Ливингстона, эта резиденція дружественно расположеннаго къ европейцамъ Матаки всего болѣе удобна для поселенія и для учрежденія тамъ миссіонерской станціи (Proceedings R. G. S. 10-th meeting Apris 27 th. 1868).

(19). Стран. 204.

Самые удобные *термометры кипѣнія* (гипсометры) можно получать у Казали въ Лондонѣ; они доходятъ отъ 212° ф. до 20° ниже 200 и по нимъ можно точно измѣрять $\frac{1}{10}$ части градуса ф., соответствующія почти 1 миллиметру ртутнаго столба; слѣдовательно по нимъ можно измѣрять разницу высотъ до 50 футовъ. Но полагаться на *одинъ* термометръ кипѣнія нельзя, такъ какъ точка кипѣнія иногда нѣсколько измѣняется вслѣдствіе сокращенія стеклянныхъ шариковъ. Чтобы открыть возникшія неправоильности, надо имѣть подъ руками нѣсколько такихъ термометровъ, или, что еще лучше, по временамъ сравнивать ихъ съ хорошимъ ртутнымъ барометромъ. Такой же недостатокъ надежности и вѣрности представляютъ, и еще въ большей степени, всякаго рода *анероидные барометры*, не исключая и самыхъ лучшихъ; на нихъ можно полагаться только при постоянной провѣркѣ ихъ ртутнымъ барометромъ, но при небольшихъ экскурсіяхъ бываютъ очень полезны.

(20). Стран. 204.

Педометры или *шаосчислители*, маленькіе инструменты формою и величиною похожіе на часы, состоятъ изъ вертикальной, хорошо уравненной жердочки съ короткимъ и длиннымъ колѣномъ. Послѣднее, при производимомъ каждымъ движеніемъ ноги сотрясеніи опускается внизъ и посредствомъ колеснаго механизма приводитъ въ движеніе стрѣлку, которой передвиженіе впередъ, обыкновенно выражаемое милями, можно видѣть на циферблатѣ. Особый механизмъ даетъ возможность ускорить или замедлить ходъ аппарата, такъ что можно легко устранять ошибки при прохожденіи мѣрной мили.

(21). Стран. 204.

Путешественники обыкновенно ограничиваются самыми простыми астрономическими наблюдениями. Они определяют *географическую широту*, измѣряя полуденную высоту солнца сенстантомъ, а иногда и неподвижно поставленнымъ кругомъ, или же наибольшую высоту, которой достигаетъ созвѣздіе; изъ сравненія этой высоты съ разстояніемъ созвѣздія отъ небеснаго экватора можно видѣть разстояніе небеснаго экватора отъ зенита или высоту полюса надъ горизонтомъ, а это именно и есть географическая широта. Для *опредѣленія долготы* служатъ большею частію такъ называемыя *разстоянія луны* отъ солнца, или отъ яркихъ созвѣздій, лежащихъ близко къ зодіаку или лунному пути. Такъ какъ положеніе луны, а слѣдовательно и ея видимое разстояніе отъ созвѣздій измѣняется весьма быстро (въ одинъ день на 12—13 градусовъ), то, если точно определено время, въ которое найдено было измѣренное разстояніе, посредствомъ сравненія съ разстояніями, означенными въ астрономическихъ лѣтописяхъ, можно легко находить время, къ которое въ другихъ мѣстахъ, какъ напр. въ Гриничѣ, разстояніе было таково же, а изъ этого, по совершеніи необходимыхъ сокращеній, опредѣлять разницу времени или разницу географическихъ долговъ обѣихъ мѣстъ (4 минуты времени = одному градусу долготы).

(22). Стран. 212.

Пемба, подобно Занзибару, есть коралловый островъ и возвышается не болѣе 200 футовъ надъ поверхностью моря. На восточномъ берегу островъ идетъ ровно, а на Западѣ представляетъ нѣсколько бухтъ, большею частію образуемыхъ окололежащими маленькими островками. Лучшая гавань есть *Портъ-Чакчакъ*, около главнаго города того же имени. Изъ естественныхъ произведеній островъ даетъ превосходный строевой дѣсь (встрѣчается также и эбеновое дерево), а главнымъ образомъ превосходный рисъ: онъ считается житницею Занзибара. Въ пѣсняхъ негровъ благословенная Пемба играетъ большую роль. Въ одной изъ этихъ пѣсней, которую мы болѣе ста разъ слышали отъ кроющихъ кровли мальчиковъ и дѣвочекъ, говорится:

Pemba ngema mno, Pemba ngema mno!

Sina schombo ja kwentea. Pemba ngema mno!

т. е. Пемба очень красивъ, а у меня нѣтъ судна, чтобы туда отправиться.

(23). Стран. 214.

Сокращеніе I. N. S. Іезуиты внесли всюду, гдѣ они держались долгое время. Его объясняютъ различно, или посредствомъ Iesus Nominum Salvator (Іисусъ Спаситель людей), или посредствомъ Iesum Habemus Socium (мы имѣемъ союзникомъ Іисуса), или посредствомъ In Hoc Signo sc. vinces (этимъ знакомъ побѣдишь), или же, наконецъ, тѣмъ, что считаютъ Н за греческое η, — а всѣ буквы за сокращеніе слова Ies (Ιης). Последнее объясненіе считаютъ самымъ вѣроятнымъ.

(24). Стран. 219.

Бакеръ рассказываетъ, что *дум-пальма* составляетъ главную опору Арабовъ пустыни, живущихъ на рѣкѣ Атбара, когда во время засухи и голода истощается запасъ хлѣба. Плоды ея служатъ пищею для людей и скота; ихъ растираютъ между двумя камнями и получаютъ съѣдомое вещество въ видѣ смолистаго порошка, который или ѣдятъ сырой, или варятъ изъ него на молокѣ прекрасный супъ. Даже большія твердыя зерна плода употребляютъ въ дѣло: ихъ въ продолженіи дня размягчаютъ въ водѣ, потомъ складываютъ кучами и коптятъ на огнѣ почти до суха, и тогда они, разтолченные въ ступѣ, даютъ хорошій кормъ для скота. Листья даютъ превосходный матеріалъ для веревокъ и циновокъ.

(25). Стран. 230.

Изъ этихъ надгробныхъ надписей, изъ коихъ нѣкоторыя помѣщены Гилланомъ въ его книгѣ, мы приводимъ только двѣ въ переводѣ, чтобы дать образчикъ ихъ стили и характера. Гилланъ увѣряетъ, что изъ многихъ надписей, которыя онъ велѣлъ для себя перевести, не найдется и двухъ, которыя бы были написаны въ одинаковыхъ выраженiяхъ, и выражаетъ свое удивленiе по поводу разнообразiя, придаваемого столь простой темѣ.

1) Во имя Бога, Милосердаго. Я исповѣдую, что нѣтъ Бога кромѣ Аллаха, и что Магометъ пророкъ Его; да благословитъ онъ его и да содѣлаетъ его блаженнымъ! Это могила Шейха Магомета бѣнъ-Османа бѣнъ-Абдаллы эль-Мсурун. Аллахъ, набрось покрывало на заблужденiя его и его отца и матери, равно какъ и на заблужденiя всѣхъ мусульманъ.

1159 (1746 по Р. Х.).

8642 (кабалистическое число, служащее для отвращенiя несчастiя и сохраненiя могилы).

2) Я исповѣдую, что нѣтъ Бога кромѣ Аллаха, и что Магометъ пророкъ Его; да благословитъ онъ его и содѣлаетъ блаженнымъ! Это могила знаменитаго Шейха, блаженной памяти губернатора Абдаллы бѣнъ-Магомета бѣнъ Османа бѣнъ-Абдаллы бѣнъ-Магомета бѣнъ-Абдаллы бѣнъ-Келегана эль-Мсурун, умершаго въ среду 12-го числа мѣсяца Мхаррема въ 1197 году (18 Декабря 1782 г.) Геджры. Благословенiе и мольбы лучшихъ людей да будутъ надъ тѣми, которые бѣжали въ это время. . . . (неразборчивыя слова). Набрось покрывало на тѣхъ, которые снова соединились съ землею, и которые познали наказанiе твоего палящаго огня. О, Господь нашъпусти ихъ въ садъ Эдемъ, который ты обѣщалъ совершившимъ добрыя дѣла и жившимъ благочестиво! Ибо Ты Богъ любви и справедливости.

(26). Стран. 252.

Торнтонъ отправился утромъ 14 Юля 1861 года въ сопровожденiи нѣсколькихъ носильщиковъ и проводниковъ. Перейдя черезъ проливъ около *Макуна*, онъ три часа шелъ черезъ плодородную и хорошо воздѣланную страну, въ которой каралловая формацiя побережья соединяется съ песчанникомъ и глинистымъ слоемъ внутреннихъ странъ. Потомъ онъ взошелъ на горную цѣпь Раббан между холмами *Мавени* и *Реали*. На высотѣ ея находится въ содержащемъ желѣзо кварцевомъ пескѣ множество ямъ, выкопанныхъ туземцами, искавшими *сурьмы*. Недалеко отъ этого мѣста стоятъ хижины владѣльца этихъ ямъ. Здѣсь *Торнтонъ* провелъ остатокъ дня, чтобы собрать болѣе подробныя свѣденiя о нахожденiи руды. Окрестные вожди, которыхъ почти столько же, сколько жителей, вѣроятно избалованные щедростью прежнихъ посѣтителей, старались вытереть у путешественника множество подарковъ. Но онъ, къ счастью, взялъ съ собою только небольшой запасъ американо, и потому былъ въ правѣ отказать въ требованiяхъ назойливыхъ попрошайекъ. На другое утро онъ отправился, въ сопровожденiи нѣсколькихъ *Ваника*, назадъ къ ямамъ.

На южной сторонѣ *холма Мавени*, на половинѣ его высоты, туземцы начали копать землю палками, но не нашли руды. Столь же мало успѣха имѣли они и далѣе къ низу, но утверждали, что здѣсь, если выкопать ямы поглубже, на любомъ мѣстѣ можно найти сурьмяную руду (сѣрнистый антимоний?), нерѣдко даже кусками вдвое больше кулака. *Торнтонъ*, недовольный этимъ, воротился назадъ, потому ли, что не вѣрилъ словамъ своихъ проводниковъ, или же потому, что мало надѣялся на то, что они покажутъ ему настоящiя ямы. На этотъ разъ онъ пошелъ черезъ *холмъ Реали*, перене-

чевалъ въ низменной мѣстности, въ селеніи, обитаемомъ суахелійцами и арабами, и утромъ 16-го Юня вернулся въ Момбасъ. За неудачу его путешествія вознаградили его многочисленныя съемки съ различныхъ пунктовъ. Поэтому доселѣ неизвѣстно еще, каковы *сурьмяныя копи около Мавени въ области Дорума*, но продолжительная прочная экспедиція къ коньямъ общааетъ тѣмъ болѣе богатые результаты, что открытіе такой руды въ восточной Африкѣ не только было бы интересно въ научномъ отношеніи, но и повело бы за собою выгодную разработку ея.

(27). Стран. 270.

Названія народовъ, Ваника, Вакамба, Ватента и т. под., которыя мы встрѣчаемъ на картахъ суахелійской области, суть множественныя формы словъ: Мника, Мкамба, Мтента (одинъ человекъ изъ племени или народа Ваника и пр.). Также образуется и слово, которымъ обозначаютъ европейцевъ: мзунгу, множ. число вазунгу. Для обезпеченія страны начальное М или Ва измѣняется въ У, и, кромѣ того, на концѣ слова часто прибавляется обозначающій мѣстность слогъ *ни* (Укамбани-страна Вакамба, Угамбани-страна Вагамба, Узамбара-страна Вазамбара. Впрочемъ такія названія мѣстности употребляются только въ томъ случаѣ, если народъ живетъ въ совершенно опредѣленной области; такъ напр. страну суахелійцевъ не называютъ Усуахелини, такъ какъ суахелійцы разсыяны всюду по побережью и смѣшаны съ другими племенами, равно какъ и страну Ватента не называютъ Утентани, потому что Ватента живутъ въ различныхъ горныхъ областяхъ, далеко отстоящихъ одна отъ другой. Относительно названій племенъ Вабура и Валаре (обитателей горъ Бура и Паре) и другихъ нельзя положительно сказать, народъ ли получилъ названіе отъ горы, или же на оборотъ, но первое вѣроятнѣе. Производимыя отъ названій народовъ качественныя слова (обозначающія языкъ и т. под.) имѣютъ вмѣсто *Ва* слогъ *Ки*. Такъ Кисуахели значитъ суахелійскій (языкъ и проч.); точно также образуются слова Киника, Китента и т. под.

(28). Стран. 271 и

Доти = двумъ *китамба* или *шука*, равняется восьми арпинамъ (*мионо*, единств. число *моно*; 7—11 доти составляютъ *юрахъ* или кусокъ матеріи. Относительно прочихъ мѣръ мы отсылаемъ читателей къ особому приложенію въ научной части.

(29). Стран. 287.

Поверхность Джипе почти равняется поверхности Цюрихскаго озера.

(30). Стран. 296.

Теодолитъ (происхожденіе этого слова сомнительно) служитъ для того, чтобы измѣрять горизонтальные и вертикальныя углы по небеснымъ тѣламъ или по земнымъ предметамъ. Онъ состоитъ изъ горизонтальнаго круга, придѣланнаго къ подножью и раздѣленнаго на градусы, минуты и секунды, изъ такого же вертикальнаго круга (оба они вращаются около своихъ осей) и изъ зрительной трубы, дающей возможность ясно различать дѣленія, болѣе мелкія, нежели тѣ, которыя обозначены на кругѣ. Дѣленія различаются посредствомъ маленькихъ лунъ.

(31). Стран. 296.

Такое изобрѣтеніе уже сдѣлалъ *Мейденбауэръ* въ Берлинѣ своею *инженерною фотографією*. Его аппаратъ представляетъ сочетаніе теодолита и фотографической камеры и даетъ возможность въ теченіи одной минуты снимать разомъ всевозможныя углы высотъ и равнинъ съ предметовъ лежащихъ внутри шестой части всего видимаго горизонта. Громадная выгода Мейденбауэрова способа состоитъ въ томъ, что онъ даетъ путешественнику возможность производить дома большую часть работъ, которыя прежде должны были производиться подъ открытымъ небомъ. Тотъ, кто знаетъ трудность про-

изводитъ измѣренія подѣ открытымъ небомъ, можетъ отдать полную справедливость этому изобрѣтенію. Государство признало его важность и дало Мейденбауэру возможность продолжать опыты въ большихъ размѣрахъ. Надо надѣяться, что инженерная фотографія со временемъ значительно разовьется, и ни одинъ будущій путешественникъ желающій удовлетворить требованіямъ науки, не будетъ отправляться въ путь безъ Мейденбауэрова аппарата.

(32). Стран. 297.

Названіе *Килиманджаро* объясняютъ сочетаніемъ словъ *Килима* гора, и *Нджаро* или *Джаро*; оно означаетъ или *гору величія*, т. е. большую гору, или гору каравановъ, видимую издалека и служащую указателемъ пути для путешественниковъ.

(33). Стран. 270.

По Ребману, *властители Килемы* происходятъ съ рѣки Пангани, оттуда 170 лѣтъ тому назадъ переселился въ Джагга нѣкто *Муніэ Мхома*, приобрѣлъ тамъ большое вліяніе и наконецъ былъ избранъ Манки. Онъ-то, какъ выше упомянуто, подалъ поводъ въ выселенію племени, теперь называемаго «*Ваника*». Сыну *Муніэ Мхома* (или Ренгома, какъ называютъ его Ваджагга), *Комбо*, наследовалъ *Джесуге*, а этому *Мазаки*, отецъ теперешняго султана *Мамбо*. Многочисленные потомки этой фамиліи султановъ отличаются своимъ красивымъ свѣтлокоричневымъ цвѣтомъ отъ другихъ обитателей Джагга; но въ ихъ нравахъ, вѣрѣ и религіозныхъ обычаяхъ нѣтъ и слѣдовъ ихъ магометанскаго происхожденія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

<p>Отдѣлъ первый. Первый день въ Занзибарѣ. Прибытіе. Положеніе города. Известкообжигательныя печи на площади. Крѣпость и таможенный домъ. Рынокъ. Невольники въ дѣпяхъ. Коюшши султана. Улица Индусовъ и школа. Арабское кладбище. Жилища негровъ. Назимоя. Танцы и игра оружіемъ. Невольничій рынокъ. Вечеромъ на крышѣ.....</p>	1
<p>Отдѣлъ второй. Островъ. Пассаты и муссоны. Ихъ значеніе для Занзибара. Время дождей. Климатъ. Положеніе. Морскія теченія. Приливы и отливы. Свойство почвы. Воды.....</p>	17
<p>Отдѣлъ третій. Питательныя и хозяйственныя растенія. Введеніе. Растительность въ различныхъ частяхъ острова. Рисъ, мансъ, бобы, горохъ, ячого, бататъ, ячъ. Овощи, кокосовая пальма, финиковая и саговая пальмы, бананъ, манго, хлѣбплодъ, папайя, дыня, ананасъ, поморанецъ, гранатовое яблоко, личи, ямроста, гуява, анона или сулейникъ, гвоздика, мускатный орѣхъ, коричное дерево, красный перецъ, сезамъ, сахарный тростникъ, нидиго, хлопчатникъ, кофе.....</p>	28
<p>Отдѣлъ четвертый. Взглядъ на животную жизнь острова. Коралловые полипы. Животная жизнь на коралловомъ островѣ. Ракъ <i>Palinurus</i> и ракъ отшельникъ. Заслуги „смиренныхъ“ крабовъ. Бѣдность міра насѣкомыхъ. Исполнительская тысяченожка. Опасныя стоножки. Морскія и прѣсноводныя животныя. Амфибии. Вараль. Наши свѣдѣнія о мѣрѣ птицъ. Хищныя, воробьиныя, пѣвчія и лазящія птицы. Дикіе голуби и куры. Болотныя и плавающія птицы. Обезьяны. Комба. Рукокрылы. Хищныя животныя. Грызуны: хомякъ. Жвачныя животныя: малорослая антилопа. Дикая свинья. Гость съ материка. Домашнія животныя.....</p>	54
<p>Отдѣлъ пятый. Населеніе. Негры восточной Африки. Чужеземныя вліянія. Число и распредѣленіе жителей. Торговля невольниками. Общественное положеніе невольниковъ. Рабочіе классы и ихъ занятія. Костюмы и нравы. Мадагаскарцы и Коморяне. Зажиточные классы: арабы и суахелійцы. Одежда, образъ жизни, привычки. Праздники и времячисленіе. Сурія, Куліи и Белуджи. Индійцы и баніаны, восточно-африканскіе евреи. Костюмъ и нравы. Танецъ бялерокъ. Португальцы изъ Гоа. Вазунгу. Домашнее устройство, образъ жизни, общественность. Положеніе ихъ въ странѣ. Сношеніе съ султанскимъ домоу. Осуществившаяся сказка изъ „Тысячи и одной ночи“.....</p>	83
<p>Отдѣлъ шестой. Политическое положеніе дѣль. Оманскіе имамы и восточный берегъ Африки. Яребиты. Изгнаніе португальцевъ. Династія Абу-Самдовъ. Борьба Момбаса за независимость при фамиліи Мзара. Сеидъ-Саидъ. Момбасъ подъ покровительствомъ Англіи. Конецъ владычества Мзаровъ. Переселеніе Сеидъ-Саида на Занзибаръ. Раздѣленіе государства. Сеидъ-Маджидъ. Предѣлы его господства. Характеръ управленія. Доходы и расходы. Арабское чиновничество. Могущество на сушѣ и на морѣ. Юридическое положеніе дѣль. Религія и просвѣщеніе. Торговля, продуктъ послѣднихъ десятилѣтій. Монеты, мѣры и вѣсы. Распредѣленіе ввоза и вывоза. Военные корабли въ гавани. Почтовое сообщеніе. Важность Занзибара для путешественниковъ открывателей.....</p>	129
<p>Отдѣлъ седьмой. Килоа. Приготовленія въ Занзибарѣ. Кораллы. Арабскіе корабли. Морское путешествіе въ Килоа: дельфины. Борьба между морскими птицами и рыбами. Килоа Кибендже и Килоа Киссивани. Непріятности. Собраніе отцовъ города. Назадъ на Занзибаръ. Безконечныя переговоры. Лагерь Вабиза и Вагіао. Дикая свинья. Приключеніе.....</p>	155
<p>Отдѣлъ восьмой. Первое путешествіе во внутрь страны. Предварительный подъездъ. Шамба Абдала. Путешественникъ и женщины. Окончательный отъездъ. Недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ. Нравы и обычай туземцевъ. Начало періода дождей. Большой. Музыка и танецъ. Странное строеніе скалы. Возмущеніе въ лагерѣ. Печальный рождественскій вечеръ. Характеристика белуджей и береговыхъ арабовъ. Возвращеніе въ Килоа. Огорченіе и потери. Тяжкая болѣзнь.....</p>	179
<p>Отдѣлъ девятый. Взглядъ назадъ и результаты. Участь Рошера. Образъ дѣйствій Абдала. Безсильное правосудіе. Шансы будущихъ путешественниковъ. Состояніе нашихъ теперешнихъ свѣдѣній. Озеро Ніасса. Результаты Декенова предпріятія: свойство почвы, воды, животныя, земледѣліе и торговля невольниками.....</p>	198
<p>Отдѣлъ десятый. Момбасъ. Сѣверозападный берегъ Занзибара. Первое впечатленіе Момбаса. Его положеніе и исторія. Разнородный растительный міръ: Кигелія, пальма, хлѣбное дерево. Животная жизнь: птицы—ткачи, коршунъ-паразитъ, малорослая антилопа, дикобразъ. Первые поселенцы. Вавита и Вакилинди. Владычество преждее и теперешнее. Городъ Момбасъ. Развалины на островѣ. Посѣщеніе коменданта и внутренности укрѣпленія.....</p>	211

- Отдѣлъ одиннадцатый.** Область дѣятельности миссій. Въ Кизолудини. Миссіонерская дѣятельность Кропфа и Ребмана. Наружность, образъ жизни и нравы Ваника. Ярмарка въ Элебериа. Религія и суевѣріе. Муанва. Господство старѣйшинъ. Отношеніе Ваника къ Суахелійцамъ и Арабамъ. Богослуженіе на туземномъ языкѣ. Раббан Мпіа. Ночная повѣдка къ рѣкѣ Пангани. 235
- Отдѣлъ двѣнадцатый.** До границъ пустыни. Скачка въ Назимоѣ. М-ръ Торятонъ какъ ученый спутникъ. Трудности путешествія по восточной Африкѣ. Торжественное прощаніе. Первые дни въ Момбасѣ. Деканъ и Ребманъ. Переговоры съ каравановожатыми. Упѣковка изюга. Празднованіе платѣжа денегъ. Составъ путешествующаго общества. Почетный кошвой до ма-терика..... 247
- Отдѣлъ тринадцатый.** Жизнь во время путешествія. Отправленіе. Порядокъ шествія. Неудобства ремесла носильщиковъ. Распредѣленіе времени. Прибытіе въ лагерь. Работа о мелудѣ у господъ и слугъ. Веденіе дневника. Укрѣпленный лагерь. Удовольствія первой ночи. Селенія Ваника. У Вакаюа. Костюмъ, жилища, нравы. Пустыня. Ъзда на ослѣ. Таланты Факи, какъ жоатая. Слѣдшіе часове. Искусный стрѣлокъ изъ лука. Вспугнутые жирафы. Первые игрунга. Около Килибасси. Первая станція для закупки сѣбстныхъ припасовъ..... 258
- Отдѣлъ четырнадцатый.** Внутренняя страна и ея жители. Восточно-африканская равнина. Почва и мѣстность. Только горы обитаемы. Сродство языковъ. Ватента. Жилища. Костюмъ и обращеніе. Предсказаніе по внутренностямъ. Восхожденіе на гору. Препятствія. Самое высокое селеніе. Скудость въ сѣбстныхъ припасахъ. Похищеніе ослѣвъ. Новыя неприязненности. Воинскій танецъ съ оружіемъ. Рѣшимость Декана. Григри и шаури. Ночное отправленіе въ путь. Награда Факи. Дѣйствіе укушенія мухи Дождеробо. Опасность умереть отъ жажды. Слоновая рѣка. Ночью на охотѣ. Лагерь въ горахъ Паре. Туземцы. Самый дешовый способъ покупки. Питье крови. Достойный властитель. Покинутый лагерь въ Кизуана. Щеголь и узурпаторъ. 268
- Отдѣлъ пятнадцатый.** Озеро Джибе. Приближеніе къ озеру. Благородный обычай каравановъ. Шествіе вдоль восточнаго берега. Встрѣча съ восемью львами. Три убитые посорога. Другая дичь. Ночное приключеніе на охотѣ. Ичелинне ульи. Торжественный пріемъ въ Даеетѣ. Султанъ Маунгу. Церемонія кишонго и братанья на крови. Большой совѣтъ начальниковъ. Костюмъ и украшенія у Вадафета. Воинскій танецъ. Экскурсія къ холму на озерѣ. Трудность извѣренія угловъ. Довѣренный человѣкъ Банафумо. Прощанье съ Даеетою..... 285
- Отдѣлъ шестнадцатый.** Джагайская область Килема. Килиманджаро, царь горъ. Его форма и сѣбжный покровъ. Виды мѣстностей въ Джага. Райская смоковница и ея полезность. Жилища туземцевъ. Водопроводы и окопы. Государственныя учрежденія. Сношенія жителей между собою и съ сѣбдными народами. Благопріятныя условія для поселенія европейцевъ. Приближеніе къ Килемѣ. Мирное пріивствіе. Непріятное ожиданіе. Мѣсто стоянки каравановъ. Людскій рынокъ. Строевіе лицъ и костюмъ Вакилена. Караулъ для безопасности. Посѣщеніе сугана. Взаимные подарки. Островъ европейскихъ чудесъ. Позволеніе стрѣлять птицъ. Танецъ въ честь чужеземцевъ. Первая неприязности. Пусканье ракеты снова восстанавливаетъ порядокъ. Экскурсія. Величественный видъ на окрестность. Попрошайничество королей и министровъ, обманъ со стороны подданныхъ. Долгая задержка. Энергическій образъ дѣйствій оказываетъ свое вліяніе. Приготовленія къ восхожденію на Килиманджаро. Пріемъ въ послѣднемъ селеніи. Неудавшееся возмущеніе. Прекрасное утро въ дѣвственномъ лѣсу. Дѣвъ ночи на 8000 футовъ высоты. Неблагопріятность погоды и вѣроломство проводниковъ. Возмущеніе. Что между тѣмъ случилось въ лагерь. Осадное положеніе. Хорошо выдержанное испытаніе. Положеніе дѣлъ не улучшается. Прекращеніе мирныхъ отношеній. Пережѣба въ обращеніи..... 297
- Отдѣлъ семнадцатый.** Страна Маджаме. Политическія дѣла. Ничто о прежнихъ временахъ. Ребманъ въ Маджаме. Пріятности пути черезъ равнину. Черныя муравьи. Ловушки для звѣрей. Болото и кустарникъ. Перечень провинностей Факи. Три тайныхъ совѣтника изъ Маджаме. Объясненія. Королевская фамилія. Буря и солнечное сіяніе. Килиманджаро съ югозапада. Чудесная сила ракетъ. Пустыя обѣщанія. Уходъ и возвращеніе. Угрозы. Походъ къ могильнымъ холмамъ султановъ. Запрещенное посѣщеніе рынка женщинъ. Тяжелое испытаніе терпѣнія. Спасительное рѣшеніе. Ночное отправленіе въ путь..... 319
- Отдѣлъ восемнадцатый.** Послѣднія попытки. Что оставалось еще сдѣлать. Черезъ равнину въ Даеету. Непріятныя новости. Старая дружба возобновляется клятвою на крови. Прибытіе въ Килема. Разрѣшеніе неизвѣстности. Опять въ Даеетѣ. Пребыванія старѣйшинъ. Приключеніе Торнтонъ. Возмущеніе между носильщиками. Прощаніе..... 337
- Отдѣлъ девятнадцатый.** Обратное путешествіе. Колодцы въ пустынѣ. Снова въ Кизуана и около горы Паре. Экскурсія для съемокъ. Черезъ Гондья въ Мбараму. Набѣгъ Ватента изъ Кадьяро. Королевство Узабару. Положеніе и свойство почвы. Король Киери и его домъ. Богатство страны. Султанъ Руунду. Первые селенія Вадиго. Прибытіе въ прибрежный городокъ Вангу. Обиѣвъ новостей. Надобливое любопытство. Дивани Пинда и его волшебное искусство. Сосѣднія мѣстности Ванга и Магугу. Походъ въ Помгуэ. Дерзость гнѣвы. Наказаніе негостепримство. Какъ суахелійцы стрѣляютъ изъ своихъ ружей. Путешествіе по прибрежью и его неудобства. Послѣдняя ночь подъ открытымъ небомъ. Торжественный пріемъ въ Момбасѣ. Награды и наказанія. Результаты и новыя планы. Дурныя послѣдствія. Назадъ въ Занзибаръ.. 346

